

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

Ответственный редактор серии
академик Российской Академии естественных наук В.Е. Ларичев

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
1998

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

THE HISTORY OF THE GOLD EMPIRE

Edited by
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences *V.Ye. Larichev*

Novosibirsk
1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ

Ответственный редактор
академик Российской Академии естественных наук ***В.Е. Ларичев***

Новосибирск
1998

ББК 63.3 (0) 4
И 907

Утверждено к печати
Институтом археологии и этнографии СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного
фонда, проект № 97-01-16004

Рецензенты:
доктора исторических наук В.И. Медведев и Е.И. Дервянко

Перевод выполнен:
на английский язык - И.П. Ларичевой
на китайский язык - Ван Дэхоу
на корейский язык - Кан Ин Уком

И 907 История Золотой империи / Пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. - Новосибирск:
Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 288 с.

В книге впервые публикуется русский перевод маньчжурского варианта "Аньчунь Гурунь" - "История Золотой империи" (1115 - 1234) - одного из шедевров золотого фонда востоковедов России. "Аньчунь Гурунь" - результат многолетней работы специальной комиссии при дворе монгольской династии Юань. Составление исторических хроник было закончено в годы правления последнего монгольского императора Тогон-Темура (июль 1639 г.), а изданы они, в согласии с указом императора, в мае 1644 г. Русский перевод "История Золотой империи" был выполнен Г.М. Розовым, сопроводившим маньчжурский текст своими примечаниями и извлечениями из китайских хроник. Публикация фундаментального источника по средневековой истории Дальнего Востока снабжена обширными комментариями, жизнеописанием выдающегося русского востоковеда Г.М. Розова и очерком по истории чжурчженей до образования Золотой империи.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов и всех, кто интересуется средневековой историей Сибири и Дальнего Востока.

ISBN 5-7803-0037-2

ББК 63.3 (0) 4

© Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998

ОТ РЕДАКТОРА

У рукописей по-разному складывается судьба - или счастливо, когда они оказываются сразу же востребованными, или печально, а то и трагически, когда затерянные в круговертях жизни иного времени, они погружаются в пучину забвения. Порой в судьбе рукописи отражается горький отсвет сложностей жизни самого творца ее, и тогда они вместе терпеливо ждут часа торжества справедливости.

Сказанное в полной мере относится к этой книге, которая представляется теперь вниманию как специалистов по истории и культуре дальневосточного региона России, так и любознательных читателей, коих волнуют исторические судьбы Отечества. "История Золотой империи" - плод вдохновенного труда Георгия Михайловича Розова, студента Пекинской духовной миссии, могла бы выйти в свет около полутора веков назад, доставив честь и славу российскому востоковедению. Это, увы, не случилось тогда, не сдвинулось дело с печатанием рукописи и в последующие десятилетия. Попытка подготовить ее к изданию была, наконец, предпринята совсем недавно, два десятилетия назад, и снова неудача - разного рода недоразумения не позволили востоковедам Новосибирского научного центра осуществить задуманное. Стоит ли при таких досадных обстоятельствах удивляться тому, что само имя создателя столь внушительного в монументальности тома - Георгий Михайлович Розов, немного возбудит в памяти, настолько глухо забыт он теперь соотечественниками.

Между тем, Г.М. Розова, по деяниям его как научным, так и образовательным, следует причислить к представителям блестящей плеяды русских востоковедов конца XVIII - первой половины XIX вв., исследователей истории, культур и языков народов Центральной и Восточной Азии. Он в этом плане явление видное и, конечно же, закономерное, ибо в отечественном востоковедении рано сформировался глубокий интерес к Востоку Азии, который затем неизменно поддерживался на протяжении всего XIX и начала XX вв. Чтобы яснее стало место Г.М. Розова в череде соответствующих событий, бросим на них хотя бы самый беглый взгляд, а для начала напомним, что в России уже в последние десятилетия XVIII в. удалось осуществить один из грандиознейших издательских замыслов, не имевших аналогов в европейском зарубежье - опубликовать переведенные с маньчжурского языка Алексеем Леонтиевым три тома законов и установлений правительства Цин, а вслед за тем - семнадцатитомное описание маньчжуров, подготовленное к изданию тем же А. Леонтиевым и Ларионом Россохиным¹. Еще ранее Л. Россохин выполнил переводы с маньчжурского "Истории о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящей в пяти частях" и "Цзичжи, сокращение общего зеркала"². Его начинания поддержали и продолжили А. Агафонов ("Маньчжурского и китайского хана Шунь джия... книги"³), И. Быков и А. Владыкин ("Указы его ханского величества"⁴), снова И. Быков ("История о мунгалах, как завладели Китаем и утратили"⁵), Федоров ("Кан-хи. Сокращение китайской истории"⁶), Баснин ("Биография сановника Ланудань..."⁷). Матвей Комаров опубликовал в 1787 г. в Москве "Старинные письма китайского императора к Российскому государю". Примечательно, что эта исключительная по важности работа, полный объем которой из-за слабой изученности архивных фондов до сих пор трудно представить в деталях, осуществлялась по первоисточникам, написанным на маньчжурском и китайском языках. Насколько важное значение придавалось в России изучению Маньчжурии, а также взаимоотношениям с правителями династии Цин и местной маньчжурской администрации, свидетельствует открытие в XVIII в. и сравнительно длительное функционирование в Иркутске специальной школы переводчиков с маньчжурского языка.

Однако наиболее впечатляющие успехи, связанные с изучением древней истории Дальнего Востока (в первую очередь Маньчжурии, Кореи, а также Внутренней Монголии), приходится на XIX в., время особо активной научной деятельности членов знаменитой Пекинской духовной миссии. Среди них особого

внимания заслуживает Н.Я. Бичурин, масштабы работы которого по выявлению и переводам летописных известий по истории дуньши, "восточных иноземцев" до сих пор вызывают изумление и самое глубокое уважение⁸. Поистине непреходяще также величие Н.Я. Бичурина как человека, создавшего в Пекинской миссии дух самоотверженного творческого исследования истории и культуры Китая. Его влияние прослеживается как в подвижнических, полных самоотречения трудах его современников, так и в работах последующих поколений ученых.

Со скрупулезным изучением истории Дальнего Востока связана далее целая плеяда видных имен, представляющих русскую востоковедную науку. Тщательным исследованиям по истории Маньчжурии и в целом Дальнего Востока посвятили свою деятельность В. Горский и В.П. Васильев⁹. Их труды позволили представить главную канву исторических событий на востоке Азии вслед за тем периодом, который нашел отражение в переводах Н.Я. Бичурина. Значительный интерес к специфическим направлениям исследований вызывает деятельность выдающегося русского востоковеда Палладия Кафарова, который по предложению Географического общества совершил в 1870 - 1872 гг. путешествие по Маньчжурии, Приамурью и Приморью. Он попытался сопоставить сведения письменных источников с конкретными памятниками, определив наиболее плодотворный метод изучения древней и средневековой истории народов Дальнего Востока - сочетание работы над летописями с полевыми археологическими исследованиями¹⁰.

В последующее время плодотворные исследования по истории Маньчжурии, Приморья и Приамурья на основании разного рода письменных источников, эпиграфических, а также отдельных археологических памятников проводили В. Панов, Ф.Ф. Буссе, П.С. Попов, Д. Позднеев, А.Е. Любимов, А.В. Рудаков, И. Добролюбовский и А.В. Гребенщиков¹¹. Их публикации дополняли важными деталями картину событий политической и культурной жизни народов северо-востока Азии на протяжении ряда веков, как она вырисовывалась в свете работ их предшественников.

К первым десятилетиям нашего века относится также начало работы над первоисточниками Н.В. Кюнера, достойного наследника старой школы исследователей Востока. Результат его деятельности отражен в многочисленных изданиях, среди которых наибольший интерес представляют переводы разделов летописных хроник, содержащих сведения о соседствующих с Китаем на севере и востоке "иноземцах"¹². За Н.В. Кюнером последовали многочисленные изыскания по дальневосточной истории его учеников и последователей, повествование о коих могло бы составить объемный историографический очерк, здесь едва ли уместный.

В контексте изложенных событий истории востоковедной науки в России и следует оценивать научные деяния Г.М. Розова, жизнь которого прошла как бы на рубеже смены поколений её отцов-основателей и усердных продолжателей. Удача сопутствовала ему дважды - перед отъездом в Пекин он прошел начальное, по существу, наставническое обучение у патриарха русского китаеведения Иакинфа Бичурина, который привил ему всепоглощающую страсть к изучению Востока. Тот же, как его называют, "великий труженик" стал позже, по возвращении Г.М. Розова из Китая, его сотоварищем по служебным делам в Азиатском департаменте МИД. Г.М. Розов общался также и с другим патриархом отечественного китаеведения - Палладием Кафаровым, преемником И. Бичурина и достойным продолжателем его дел.

Однако жизнь Г.М. Розова сложилась так, что он не мог посвятить себя всецело тому, что привлекало его более всего - науке, изучению маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также исторических хроник Китая. В превосходном очерке В.С. Мясникова, которому посчастливилось отыскать в архивах редчайшие сведения о Г.М. Розове и воссоздать буквально по крупицам достаточно полную его биографию, читатель ознакомится со всеми обстоятельствами и перипетиями, кои препятствовали тому, и представит облик человека, который полтора века назад взялся за перевод редкостной хроники.

Тут же важно особо подчеркнуть, сколь поразительно велик был труд, вложенный Г.М. Розовым в перевод маньчжурского варианта "Цзинь ши". Эта воистину подвижнического объема работа потребовала от него предельного напряжения сил, в течение нескольких лет, в обстановке, далекой от благоприятности. Эту работу мог успешно завершить лишь тот, кто в совершенстве овладел языком оригинала, кто свободно ориентировался в китайских хрониках, кто хорошо знал канву исторических событий в эпоху средневековья как в самой "Срединной империи", так и в соседних с ней регионах, кто по характеру своему отличался высокой степенью усердия, терпения и увлеченностью, а также ответственностью и целеустремленностью. Г.М. Розов обладал всеми должными знаниями и соответствующими качествами, так необходимыми для настоящего ученого. Ведь он перевел, в сущности, не только "Историю Золотой империи", а и значительное число других хроник сунского времени, что по большей части осталось за рамками страниц его рукописи. Речь идет о том, что перевод "Истории Золотой империи" сопровождался тщательным сравнением и сопоставлением ее текста со сведениями, которые содержались в иных источниках, позволяя полнее, точнее и многостороннее понять суть происходящего. Читатель может убедиться в этом, обратив внимание на тексты, вынесенные Г.М. Розовым в сноски. Так создавался один из шедевров "золотого фонда" востоковедов России, подлинная жемчужина его, известная до недавнего времени лишь узкому кругу специалистов, да знатокам сокровищ отечественных архивов.

Теперь остановимся вкратце на истории создания маньчжурского варианта истории государства чжурчжэней - "Аньчунь Гурунь". Как показали специальные исследования, предпринятые Г. Габеленцем, Чжан Хок-ламом, обобщенные затем А.Г. Малявкиным¹³, вскоре после разгрома чжурчжэнями государства Ляо (1125) и овладения ими территориями Сун в северных пределах провинций Шаньси и Хэбэй, руководители новой империи на востоке Азии создали специальную организацию Гошиюань - Институт истории государства, деятельность которого была четко ориентирована на сбор документов для написания "ши лу" - официальной истории царствования императоров. В Институте предполагалось хранить выявленные материалы, соответствующим образом систематизировать их, а также вести дневники поступлений и составлять должные архивные реестры. Работу членов Института, в штаты которого, помимо чжурчжэней, были включены также кидани и китайцы, возглавлял чжурчжэнь. В задачи Института входили также сбор документов, а затем и написание истории государства киданей - Ляо. Однако масштабы деятельности по этой части не могут быть сопоставимы с размахом изысканий по истории чжурчжэней, поскольку в киданьской группе трудилось всего 3 человека.

Итогом работы Института стало написание десяти "Подлинных историй царствований". Последующие политические и военные события, которые привели к разгрому монголами "Золотой империи", положили конец деятельности Института. И потому, не сопровождайся работа членов его усердными сборами документов по истории чжурчжэней энтузиастами историографами, которые вели поиски материалов по личной инициативе, с амбициозными намерениями составить свои версии хода формирования, становления и развития государства, быть может, "История Цзинь" не была бы составлена в том значительном по объему варианте, в каком она известна теперь историкам. Среди этих историографов-одиночек в особенности велика (по весомости вклада) роль Юань Хао-вэня, одного из видных политических и государственных деятелей чжурчжэньского государства, поэта и литературного деятеля финальных лет существования Цзинь (умер в 1257 г). Его перу принадлежит несколько исследований, специально посвященных истории чжурчжэней, а в его архивном наследии сохранились бесценные материалы по истории страны, собранные им в ходе многочисленных длительных путешествий по провинциям. Сборы Юань Хао-вэня широко использовались теми, кому затем пришлось решать практическую задачу написания "Цзинь ши".

Незавершенное историографами Гошиюань стало около середины XIV в. задачей специальной комиссии, созданной при дворе монгольской династии Юань. Ей предстояло составить официальные истории все тех же трех государств - Цзинь, Ляо и Сун. В распоряжении этой комиссии, которую в апреле 1343 г. возглавил Токто, находились "ши лу", сохранившиеся после разгрома чжурчжэней, а также другие ценные источники, в том числе собранные учреждениями империи по специальным заданиям правящего дома.

Практическое решение задачи написания истории трех вышеупомянутых династий приходится на годы правления последнего монгольского императора Тогон-Темура, которому удалось усмирить раздоры в среде монгольских феодалов и обеспечить покой в государстве. Правитель рассмотрел доклад Токто, согласился с доводами политической необходимости написания династийных историй чжурчжэней, киданей и сунского Китая, а затем распорядился о создании специальной комиссии, включив в ее состав более двух десятков историографов, около половины из коих составили китайцы. Большого объема подготовительная работа, которая осуществлялась со времени начала деятельности чжурчжэньского Гошиюань, позволила весьма плодотворно и быстро осуществить беспрецедентный по масштабам проект. Уже через год после создания комиссии Токто, поздней осенью 1344 г., Тогон-Темуру была представлена "Цзинь ши", написанная в полном согласии с канонами композиции династийных хроник. Текст истории чжурчжэней, включающий 135 глав, составляли, в частности, "Основные анналы", "Бэнь цзи", разделы по географии, обрядам, армии, экономике, административному аппарату, а также биографии (73 главы), в которых даны жизнеописания выдающихся деятелей Золотой империи.

Создание маньчжурского варианта "Цзинь ши" относится к концу первой половины XVII в., когда произошло окончательное становление новой письменности, истоки которой восходят ко времени начала объединения Нурхацзи чжурчжэньских земель в новое государство - "Поздняя Цзинь", переименованное позже в Цин. Эта письменность, идеально отвечающая нормам маньчжурского (чжурчжэньского) языка и созданная на основе уйгурско-согдийской графики, стала использоваться при написании государственных документов и литературных переводах с китайского языка. Тогда же началась работа по переводу на маньчжурский язык "Цзинь ши", истории народа, прямыми потомками которого считали себя маньчжуры, а также "Ляо ши" и "Юань ши". У истоков проекта стоял реформатор чжурчжэньского письма, ученый и литератор Дахай, а также Эрдени, а завершали его члены специальной комиссии, которой руководил глава департамента церемоний Хифэ. В тексте послесловия маньчжурского варианта "Ляо ши" содержится перечень непосредственных исполнителей переводов всех трех хроник, редакторов, истолкователей смысла китайских книг, а также переписчиков (переводчики - Чабухай, Нэнту, Вэчэнгэ; материалы привел в порядок и вычеркнул ненужное - Хукю; толкователи - Ван Вэнь-куй и Ли Хун-юй; писари - Буркай, Кэнтэй, Гувалчэ, Коркодай, Шолгэ). Работа полностью завершилась в конце июля 1639 г., а императору

Шуньчжи все три истории преподнесли в начале мая 1644 г. После ознакомления с хрониками он издал указ об их издании, что и было исполнено. "Историю Золотой империи" опубликовали в количестве 300 экз.

А.Г. Малявкин предпринял специальное исследование, посвященное сравнению двух версий хроник - китайской и маньчжурской¹⁴. Его заключения сводятся к следующему: маньчжурский вариант летописи не есть пересказ, как порой утверждается, но и не полный перевод китайского текста или компилятивная переработка ряда исторических сочинений. Маньчжурский вариант представляет собой выборки из "Бэнь цзи", дополненные, в основном, извлечениями из раздела "Биографии" "Цзинь ши" с минимальным привлечением сведений из других источников. В результате получилось оригинальное историческое сочинение, компактное, "удобочитаемое", четко нацеленное на восхваление деяний предков - чжурчжэней, а также их вождей и на "утверждение величия маньчжурского народа".

Перевод исторических хроник государства Аньчунь Гурунь, выполненный Георгием Михайловичем Розовым, представляется теперь вниманию россиян. Надеюсь она вызовет у них значительный интерес уже потому, что в создании Золотой империи чжурчжэней и формировании их блестящей культуры самое активное участие принимали племена, которые заселяли в средние века дальневосточные территории России - Приамурье и Приморье. Мне кажется, что ознакомление с этой удивительно живой документальной прозой давних времен, повествующей о драматических событиях прошлого, доставит наслаждение каждому, кто возьмет в руки перевод Г.М. Розова и приступит к чтению его страница за страницей.

Рукопись издания подготовлена к публикации сотрудниками сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Значительный вклад при работе над книгой внесли: заведующий Санкт-Петербургским отделением Института востоковедения, доктор исторических наук Е.И. Кычанов, заведующий отделом Института Дальнего Востока, академик РАН В.С. Мясников, доцент кафедры всеобщей истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, кандидат исторических наук Г.Г. Пиков. Много сил и труда отдал книге недавно умерший историк-востоковед, доктор исторических наук А.Г. Малявкин - знаток источников по средневековой истории народов Центральной и Восточной Азии. Его перу принадлежат обширные комментарии, поясняющие текст летописи. Очерк, посвященный ранним этапам истории чжурчжэней, призван ввести читателей в курс событий, предшествовавших образованию Золотой империи. Я глубоко благодарен И.П. Ларичевой, Ван Дэхоу и Кан Ин Уку за перевод предисловия на английский, китайский и корейский языки, что позволит зарубежным читателям составить представление о русском востоковеде Г.М. Розове, о его русском переводе "Аньчунь Гурунь", о значимости публикации этой работы для отечественной истории. Мне особо приятно выразить признательность редактору издательства Института археологии и этнографии СО РАН М.А. Коровушкиной за работу над всеми текстами, составляющими книгу, а также терпеливую сверку машинописной копии с рукописным подлинником перевода Г.М. Розова.

В заключение замечу, что сектор истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии СО РАН начал подготовку к публикации маньчжурской версии "Ляо ши". Этот том, как и перевод Г.М. Розова, предполагается выпустить в свет в серии "История и культура востока Азии". В него будет включен также текст первого в российском востоковедении сочинения по истории киданей, написанный в XIX в.

В. Ларичев

Примечания

¹ Тайцин Гурунь и Ухери Коли, т.е. все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства. - СПб., 1781 - 1783. - Т. I - III; **Обстоятельное** описание происхождения и состояния Манджурского народа и войска, осми знаменах состоящего. - СПб., 1784. - Т. I - XVII.

² ААН СССР, п. 21, д. 1, оп. 5; ЦГАДА, ф. 181, № 203/351, оп. 3.

³ БИЛ, ф. 178, М., № 10714.

⁴ ЦГАДА, ф. 181, № 423/875, оп. 5.

⁵ Там же.

⁶ БИЛ, ф. 313, М., № 2949.

⁷ ЦГАДА, ф. 183, д. 56, оп. 1.

⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950 - 1953. - Т. I - III.

⁹ **Горский В.** Начало и первые дела маньчжурского дома // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. - СПб., 1852. - Т. I; **Он же.** О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае Династии Цин и имени народа маньчжу // Там же; **Васильев В.П.** История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII вв. с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. - СПб., 1857; **Он же.** Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин // Годиный акт Санкт-Петербургского университета за 1858 г. - СПб., 1859; **Он же.** Описание Маньчжурии // Зап. Русс. географ. общ-ва. - 1858. - Кн. XII; **Он же.** Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии (из Шен-у-цзи). - СПб., 1883.

¹⁰ **Палладий (Кафаров).** Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 году // Зап. Русс. географ. общ-ва. - 1871. - Т. IV; **Он же.** Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии // Там же. - Т. VIII, вып. 1; **Он же.** Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край // Там же. - 1871. - Т. VII, вып. 2, 3, 6, 7; **Он же.** Извлечения из китайской книги "Шен-ву-цзи". - Пекин, 1907; **Панов В.** Археологические изыскания архимандрита Палладия в 1870 - 71 гг. // Дальний Восток. - 1898. - № 10. Подробности изысканий П. Кафарова и других исследователей на Дальнем Востоке и библиографию см.: **Ларичев В.Е.** Потерянные дневники Палладия Кафарова // Изв. СО АН СССР (Сер. общ. наук). - 1966. - № 1, вып. 1; **Он же.** Тайна каменной черепахи. - Новосибирск, 1966; **Он же.** Посмертный дар Ф.Ф. Буссе // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1968. - Вып. 1; **Он же.** Путешествие в страну восточных иноземцев. - Новосибирск, 1973; **Он же.** Памятник князю из рода Ваньянь // Древняя Сибирь. - Новосибирск, 1974. - Вып. 4.

¹¹ **Панов В.** Японские документы о сношениях с королевством Бохай // Дальний Восток. - 1892. - № 2, 4, 8, 9, 11; **Попов П.** Первый Тырский памятник // Зап. Вост. отд. Русс. археол. общ-ва. - 1904. - Т. XVI, вып. 1; **Позднеев Д.** Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. - Токио, 1909. - Т. II, ч. 1; **Гребенщиков А.В.** Краткий очерк образов маньчжурской литературы. - Владивосток, 1909; **Он же.** Маньчжуры, их язык и письменность // Изв. Вост. ин-та. - 1912. - Т. XV, вып. 1; **Он же.** Дальний Восток (исторический очерк) // Северная Азия. - 1926. - № 5, 6; **Он же.** К изучению истории Амурского края по данным археологии // Юбилейный сборник Общества изучения Амурского края. - 1916; **Любимов А.Е.** Новые маньчжурские материалы для истории Амурского края с 1680 по 1812 гг. // Зап. Вост. отд. Русс. археол. общ-ва. - 1909. - Вып. 19; **Рудаков А.В.** История развития военных сил в Гиринской провинции // Изв. Вост. ин-та. - Владивосток, 1902. - Т. V; 1903. - Т. VI; **Он же.** Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции (1644 - 1902 гг.). - Владивосток, 1903. - Т. I (перевод Цзи-линь тун-чжи с дополнениями по новейшим китайским официальным данным); **Он же.** Политическая организация Маньчжурии. - (Стеклографическое издание); **Добролюбовский И.** Хэй-лун-цзян тун-чжи цзи ляо или Сокращенное всеобщее описание Хэйлунцзянской провинции. - Харбин: Русско-китайская типография газеты "Юань-дун-бао", 1908. - Вып. 1.

¹² **Кюннер Н.В.** Китайские исторические данные о народах Севера // Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та (Сер. востоковедных наук). - 1949. - Вып. 1; **Он же.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961.

¹³ **Chan Hok-lam.** The historiography of the Chi dynasty: Three studies // Munchener Ostasiatische Studien. - Wiesbaden, 1970. - Bd. 4; **Gabelentz H.** Geschichte der Grossen Liao. Aus dem Mandshu (u)bersetzt von H. Conon der Gabelentz. - St.-Petersburg, 1887; **Малявкин А.Г.** Маньчжурский вариант хроники государства Аньчунь-Гурунь // Изв. СО АН СССР (Сер. общ. наук). - 1977. - № 1, вып. 1.

¹⁴ **Малявкин А.Г.** Указ. соч. - С. 96 - 100.

FROM THE EDITOR

The future of manuscripts develops in different ways - either happily, when the latter turn out to be called at once, or regrettably, and even tragically, if, being lost in the rapid succession of events of one or another periods of time, they become plunged into the abyss of oblivion. Now and then, in the fates of manuscripts the cruel sheens of their creators' complicacies of life are reflected too, and, in such cases, all of them are patiently waiting for an hour of the triumph of justice.

The aforesaid in full measure concerns the book now offered to attention of specialists in history and culture of the Far-Eastern Region of Russia, as well as of curious readers, those agitated by the historical fortunes of the Native Land. "The History of the Gold Empire" is the fruit of the inspired work of Georgiy Mikhailovich Rozov, a student of the Russian Ecclesiastical Mission in Peking, which might be published about a century and a half ago to bring honour and fame to the Russian oriental studies. Alas! This had not happened then and no headway was made in the matter of publishing of the manuscript in the posterior decades. An attempt to prepare it to publication, at last, has been made quite recently, twenty years ago. However, that was a lame attempt - because of the political considerations, the orientalists of the Novosibirsk Scientific Centre had been deprived of the opportunity to translate their dream into reality.

At the same time, G.M. Rozov, the creator of such an imposing in its monumentality volume, for his scientific and educational activities, can be ranged among the representatives of the brilliant galaxy of the Russian orientalists of the end of the XVIIIth - the first half of the XIXth century, investigators of the history, culture and languages of the peoples of Central and East Asia. On this plane, he is a prominent and natural phenomenon, without any doubts, for in the oriental studies of our country, the utmost interest to the East of Asia had been rather early formed, and then it was firmly kept up during the XIXth and in the beginning of the XXth century. To clarify the G.M. Rozov's place in the turn of the proper events, let us cast just a rapid glance at the latter and right from the start remind that in Russia, as early as the last decades of the XVIIIth century, one of the grandly conceived publishing plans, which had no analogues in the Foreign Europe, succeeded in its realizing - three volumes of laws and charters of the Ching government, translated from Manchurian by Aleksey Leont'yev, and after this, - the description of the Manchurian people in seventeen volumes, prepared for publishing by the same A. Leont'yev and Larion Rossokhin¹. Still earlier, L. Rossokhin had translated from Manchurian "The Histories of Conquest by the Chinese Kangxi Khan of the Khalkhass and Eletian Peoples Who Roamed from Place to Place in the Great Tatar, Consisting of Five Parts", and "Jizhi, Extracts from General Mirror"²; A. Agafonov - "The Manchurian and Chinese Shunzhi Khan's...Books"³; I. Bykov and A. Vladykin - "Decrees of His Khan's Highness"⁴; I. Bykov - "The History about Mungals, How They Took Possession of China and Lost"⁵; F'odorov - "Kangxi. A Brief History of China"⁶; Basnin - "Biography of the High Official Langwudan..."⁷. In 1787 Matvey Komarov published in Moscow "The Old Letters of the Chinese Emperor to the Russian Sovereign". It is remarkable that this very important work was carried out by using of the originals written in the Manchurian and Chinese languages. How great was the importance attached in Russia to the study of Manchuria, as well as to interrelations with the rulers of the Ching Dynasty and the local Manchurian administration, the creation in the XVIIIth century in Irkutsk of a special school of translators from the Manchurian language and rather long functioning of the latter witness.

However, the most impressing successes, especially those connected with the study of the ancient history of the Far East, first of all of Manchuria, Korea and Mongolia, fall on the XIXth century, the time of the most active scientific researches of the members of the famous Ecclesiastical Mission in Peking. Among them, in the first place, N.Ya. Bichurin is worthy of mentioning, for the scales of his work on revealing and translating of the annalistic information on the history of Dongyi, "the eastern foreigners", stir up the amazement and

highest respect up to now⁸. In truth, N.Ya. Bichurin may be also called "a Great Man" for the atmosphere of selfless creative investigation of the history and culture of China created by him in the Peking Mission. His influence is traced both in the selfless, full of renunciation labour of his contemporaries and in the works of the posterior generations of scientists.

Quite a number of prominent names of the Russian orientalists are connected with the scrupulous study of the history of the Far East⁹. V. Gorskiy and V.P. Vasil'yev developed their activities to thorough investigation concerning the history of Manchuria and the whole Far East⁹. Their works allowed to conceive the principal outline of the historical events in the East of Asia, following the period which had been described in the N.Ya. Bichurin's translations. An outstanding Russian orientalist Palladiy Kafarov, in 1870 - 1872, accepted an offer of the Geographical Society to go on a tour of Manchuria, the Maritime and Cis-Amur Regions. He tried to compare the evidence of the written sources with concrete sites, having determined the most fruitful method of study of the ancient and medieval history of the peoples of the Far East - combination of the work on records with field archaeological investigations. The P. Kafarov's practical activities gave rise to considerable interest to the specific trends of researches¹⁰.

In the posterior time, the fruitful investigations in the history of Manchuria, the Maritime and Cis-Amur Regions, those based on different kinds of written sources, the epigraphic ones, as well as some archaeological sites, were carried out by V. Panov, F.F. Busse, P.S. Popov, D. Pozdneev, A.E. Lubimov, A.V. Rudakov, I. Dobrolovski and A.V. Grebenshchikov¹¹. Their publications expanded with important details the picture of events of the political and cultural life of the peoples of the North-East of Asia for many centuries, as it was drawn in the light of the works of their predecessors.

To the first decades of our century the beginning of the N.V. Kuner's works with the original sources relates. The results of the activities of this worthy successor of the old school of investigators of the Orient has been reflected in numerous publications. Among the latter, his translations of the sections of the annalistic chronicles, those containing information about "the foreigners" living nearly China in the North and the East¹², are of the greatest interest. The N.V. Kuner's disciples also carried out the numerous investigations in the Far-Eastern history and the narration about them might be represented by a volumetrical historiographical sketch, which is scarcely appropriate here.

In the context of the events stated above, one ought to assess the significance of the scientific deeds of G.M. Rozov in the history of oriental studies in Russia. His life passed on the border of replacing of the generation of its fathers - founders by their diligent successors. The good luck twice accompanied him - before G.M. Rozov's departure to Peking, he had gone through the primary, tutor in essence course at the patriarch of the Russian sinologues - Iakinf Bichurin who inculcated the all-absorbing passion for study of the Orient upon him, and the same, as he is called, "Great Toiler" became later, after G.M. Rozov's coming back home from China, an associate of the latter in the official duties at the Asiatic Department of the Ministry of Foreign Affairs. G.M. Rozov associated also with another patriarch of the native sinologues - Palladiy Kafarov, a successor of I. Bichurin and a worthy continuer of his affairs.

The life of G.M. Rozov was, however, the such one that he could not devote it entirely to science. The study of the Manchurian, Chinese and Mongolian languages, as well as of the historical chronicles of China was the most attractive kind of work for him. In an excellent sketch of V.S. M'asnikov, who succeeded in finding in the Archives of the rarest information about G.M. Rozov and in re-creating literally by a little his rather complete biography, the reader will familiarize himself with circumstances and peripetias which laid obstacles to that, as well as will imagine the appearance of the man who a century and a half ago undertook to do the translation of the uncommon chronicle.

Here, it is important to emphasize apart, how strikingly great the labour, put by G.M. Rozov in the translation of the Manchurian version of "Jin Shi", was. This truly of selfless volume work demanded from him the utmost straining of energy, during several years, in the conditions which were far from the favourable ones. And the work could be successfully completed only by the person who knew the language of the original perfectly well, who easily orientated himself or herself in the Chinese chronicles, who knew quite well the outline of the historical events in the epoch of the Middle Ages, both in "the Middle Kingdom" and in the contiguous regions and whose character was notable for the high extent of diligence and endurance, as well as for the enthusiasm, responsibility and purposefulness. G.M. Rozov had all the proper knowledge and qualities so indispensable for the real scientists. He translated, practically speaking, not only "The History of the Gold Empire" but also a great number of other chronicles of the Sung Period. The majority of them were left beyond the limits of the pages of his manuscript. Here, it is meant that his translation of "The History of the Yold Empire" was accompanied by the thorough comparison of its text with information which some other written sources contained. This promoted more precise and many-sided understanding of the essence of what was going on. The reader can make sure of this, if he turns his attention to the text given by G.M. Rozov in the footnotes. This way, one of the masterpieces of "the gold fund" of the Russian orientalists was created, its

real pearl known till quite recently to the narrow section of scientists and connoisseurs of the treasures of the native Archives.

And now, let us dwell in short on the history of creation of the Manchurian version of "The History of the Chouzen State" - "Anchun Gurun". The special investigations undertaken by H. Gabelentz and Chan Hok-lam and summarized by A.G. Mal'avkin¹³ have shown that soon after crushing defeat by Chouzen of the Liao State (the 1125th year A.D.) and capture by them of the Sung territories in the northern limits of the Shanxi and Hebei Provinces, the leaders of the new Empire in the East of Asia created a special organization - Goshiyuan, i.e. the Institute of History of the State. The activities of the latter were strictly directed at the collection of information for writing "Shi Lu", the official history of the reign of emperors. In the Institute, as it was supposed, the revealed materials had to be kept and systematized in the corresponding manner, the diaries of reception of new information had to be kept and the proper archives lists be compiled. In the Institute, the Chouzen, Qidan and Chinese people were on the staff but it was headed by a Chouzen. Collecting of documents and then writing of the history of the Qidan State - "Liao Shi" were also the tasks of this Institute. However, the scales of activities in this sphere can't be compared with those of research in the Chouzen history, for in the Qidan group, there were three workers in all.

The work of the above-mentioned Institute resulted in ten written "True Histories of Reigns". The posterior political and military events, which had led in the end to the crushing defeat by the Mongols of "the Gold Empire", put an end to the activities of the Institute. "The History of the Gold Empire", as the modern historians know it, was compiled due to the diligent labour of the historiographers who conducted their search of the documents on the history of Chouzen with great enthusiasm and on the private initiative. Among these historiographers, - persons by themselves - Yuan Hao - wen, one of the prominent political and State figures, a poet and literary scholar of the final years of existence of Jin (he died in 1257). His contribution into "The History of the Gold Empire" was the greatest one. Several investigations specially devoted to the history of Chouzen had been written by him, and in his private contemporary records, invaluable materials on the history of the State, collected by him in the course of numerous, sometimes of long duration tours in the provinces, were preserved. These materials were widely used by those who then had to solve the problem of writing of "Jin Shi".

About the middle of the XIVth century, at the court of the Yuan Dynasty, a special commission had been created to compose the official histories of the same three States - Jin, Liao and Sung. In April of 1343, the commission had been headed by Tokto. At its disposal, "Shi Lu", those mostly preserved after the crushing defeat of Chouzen, as well as some other important sources, including the ones collected by certain institutions of the Empire, according to the instruction of the ruling house, had turned out to be.

The practical solving of the problem of composing of the histories of three Dynasties mentioned above falls on the years of government of the last Mongolian Emperor Togon - Timour who succeeded in quelling of dissensions between the Mongolian feudal lords and securing of peace in his State. The ruler had examined the Tokto's report. He was agree with the arguments concerning the political necessity of composing of the histories of the Chouzen, Qidan and Sung Dynasties of China and gave an order to create a special commission of over two tens of historiographers and among the latter, about a half - the Chinese ones. The preliminary voluminous work, that was carried out from the beginning of the activities of the Chouzen Goshiyuan, allowed to realize quite productively the unprecedented in its scale project. In a year after creation of the commission headed by Tokto, in the late Autumn of 1344, "Jin Shi", written in conformity with the canons of composition of the dynastical chronicles, had been presented to Togon-Timour. The text of the history of Chouzen, including 135 chapters, was composed of such sections as, for instance, "The Main Annals", "Ben Ji", those on geography, rites, army, economics, administrative apparatus, as well as biographies (73 chapters) in which descriptions of life of the outstanding figures of the Gold Empire are given.

Creation of the Manchurian version of "Jin Shi" relates to the end of the first half of the XVIIth century when the final making of the new writing, with its roots going back to the beginning of uniting by Nurkhaqi of the Chouzen lands to form a new State, had taken its place. It was in "The Late Jin" renamed later into "Ching". This writing is in ideal conformity with the norms of the Manchurian (Chouzen) language and it is based on the Uigurico-Sogdian graphics. This writing was used for the State documents and literary translations from the Chinese language. Just then, the work on translating into the Manchurian language of "Jin Shi", the history of the people which the Manchus originated from, as well as "Liao Shi" and "Yuan Shi", began. At the source of the project, the reformer of the Chouzen script, a scientist and literary man Dahai, as well as Erdeni, stood, and it was completed by the members of a special commission headed by Hife, the chief of the Department of Ceremonies. In the epilogue of the Manchurian version of "Liao Shi", those who participated in translating, editing, interpreting of the sense of the Chinese books, in making fair copies of manuscripts are mentioned (translators - Chabuhai, Nentu, Wechengghe; "the materials were put into order and unnecessary things were deleted" by Huk'u; interpreters - Wang Wen-kui and Li Hung-yu; copyists - Burkai, Kengtei,

Guwalche, Korkodai, Sholghé). The work had been completely done in the end of 1639, and in May of 1644, the above-mentioned three histories had been presented to the Shunji Emperor. After the latter had acquainted himself with the chronicles, he issued an order about publishing them - and 300 copies of "The History of the Gold Empire" had been published.

A special investigation devoted to comparison of two versions of chronicles - the Chinese and Manchurian ones had been undertaken by A.G. Mal'avkin¹⁴. The latter considered that the Manchurian version represented itself the excerpts taken out from "Ben Ji", expanded mostly by the extracts from the section of "Biographies" of "Jin Shi" and by minimum information from some other sources. Moreover, in his opinion, the Manchurian version is an original historical composition, the compact and readable one, aimed at extolling of deeds of their ancestors - Chouzhén, as well as of their leaders and at "confirmation of the greatness of the Manchus".

The translation of the history of the State Anchun Gurun, made by Georgiy Mikhailovich Rozov, is now presented to attention of the readers of Russia. I hope that this chronicle will evoke great interest at them, even because in creation of the Gold Empire of Chouzhén and formation of their splendid culture the most active participation was that of the tribes, which in the Middle Ages, inhabited the Far-Eastern territories of Russia - the Cis-Amur and Maritime Regions. It seems to me that acquaintance with this extremely vivid documental prose of the old times, telling of the dramatic events of the past, will give enjoyment to everyone who will begin reading of the G.M. Rozov's translation page after page.

The manuscript has been prepared for publishing by collaborators of the Department of history and archaeology of the Foreign East of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences. During work at the book, a great contribution had been made to it by the Director of the St.-Petersburg Division of the Institute of Oriental Studies, Professor of History Ye.I. Kychanov, the Head of the Department of the Institute of the Far East, Academician of RAS V.S. M'asnikov, and Reader of the Chair of World prehistory of the Humanitarian Department of the Novosibirsk State University, Doctor of History, orientalist G.G. Pikov. Much energy and labour had been given to the book by recently died A.G. Mal'avkin, Professor of History, orientalist - a connoisseur of the written sources on the medieval history of the peoples of Central and East Asia. The commentaries explaining the text of the chronicles are the work of him. The sketch devoted to the early stages of the Chouzhén history has to put the readers in the way of the events preceded the formation of the Gold Empire. I am very much thankful to I.P. Laricheva, Wang Dehow and Kan In Uk for their translation of the editor's foreword into English, Chinese and Korean respectively, for this will help the foreign readers to get an idea about the Russian orientalist G.M. Rozov, about his translation into Russian of "Anchun Gurun" and the significance of publication of this work for the history of our country. It is especially pleasant for me to express my gratitude to an editor of the Institute of Archaeology and Ethnography SD RAS Press - M.A. Korovushkina for the work on all the texts forming this book, as well as for the patient collating of the type-written copy with the hand-written original of G.M. Rozov's translation.

In conclusion I must note that the Department of history and archaeology of the Foreign East of the IAE SD RAS has begun preparation to publishing of the Manchurian version of "Liao Shi". This volume, as well as the translation of G.M. Rozov, we intend to publish in one and the same serial edition of the orientalists of Siberia - "History and Culture of the East of Asia". In the volume we also plan to include the text of the first in the Russian oriental studies composition on the history of Qidan written in the XIXth century.

V. Larichev

Notes

¹ **Taitsin Gurun' i Ukheri Koli**, t.e. Vse Zakony i Ustanovleniya Kitayskogo (a Nyne Man'chzhurskogo) Pravitel'stva (Taiching Gurun and Woheri Coli, i.e. All the Laws and Charters of the Chinese, and Now Manchurian Government). - SPb., 1781 - 1783. - T. I - III; **Obstoyatel'noe Opisanie Proiskhozhdeniya i Sostoyaniya Man'chzhurskogo Naroda i Voyska, Osmi Znamenakh Sostoyashchego** (A Detailed Description of Origin and State of the Manchus and of the Eight-Banner Military Force). - SPb., 1784. - T. I - XVIII.

² **AAN SSSR** (Archives of the USSR Academy of Sciences), p. 21, d. 1, op. 5; **TsGADA** (Central State Archives. The Far-Eastern Archives), f. 181, N 203/351, op. 3.

³ **BIL** (The Lenin Library), f. 178, M., N 10714.

⁴ **TsGADA**, f. 181, N 423/875, op. 5.

⁵ **TsGADA**, f. 181, N 421/873, op. 5.

⁶ **BIL**, f. 313, M., N 2949.

⁷ **TsGADA**, f. 183, d. 56, op.1.

⁸ **Bichurin N.Ya.** *Sobranie Svedeniy o Narodakh, Obitavshikh v Sredney Azii v Drevnie Vremena* (The Collected Evidence on the Peoples Who Dwelt in the Middle Asia in Ancient Times). - M. - L., 1950 - 53. - T. I - III.

⁹ **Gorskiy V.** *Nachalo i pervye dela man'chzhurskogo doma* (The beginning and initial deeds of the Manchurian House) // *Trudy Chlenov Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Pekine*. - SPb., 1852. - T. I; **Gorskiy V.** *O proiskhozhdenii rodonachal'nika nyne tsarstvuyushchey v Kitae dinastii Tsin i imeni naroda man'chzhu* (About origin of the progenitor of the Ching Dynasty, reigning in China, and that of the name of the "Manchu" people) // *Idem; Vasil'yev V.P.* *Istoriya i Drevnosti Vostochnoy Chasti Sredney Azii ot X do XIII vv. s Prilozheniem Perevoda Kitayskikh Izvestiy o Kidan'akh, Chzhurchzen'akh i Mongolo-Tatarakh* (The History and Antiquities of the Eastern Middle Asia from the Xth to the XIIIth Centuries A.D., Supplemented by the Translation of the Chinese Evidence on the Qidan, Chouzen and Mongolo-Tatar Peoples). - SPb., 1857; **Vasil'yev V.P.** *Svedeniya o man'chzhurakh vo vremena dinastiy Yuan' i Min* (Evidence on the Manchus at the time of the Yuan and Ming Dynasties) // *Godichnyy Akt Sankt-Peterburgskogo Universiteta za 1858 god*. - SPb., 1859; **Vasil'yev V.P.** *Opisanie Man'chzhurii* (A Description of Munchuria) // *Zap. Russ.Geograph. Obshchestva*. - 1858. - Kn. XII; **Vasil'yev V.P.** *Privedenie v Pokornost' Mongolov pri Nachale Daitsinskoy Dinastii (iz "Shen-wu-tszi")* [Bringing of the Mongols to Obedience in the Beginning of the Taiching Dynasty (from "Sheng-wu-tzi")] - SPb., 1883.

¹⁰ **Palladiy (Kafarov).** *Dorozhnye Zametki na Puti ot Pekina do Vladivostoka cherez Man'chzhuriyu v 1870 godu* (The Travel Notes on the Route from Peking to Vladivostok via Manchuria in the 1870th Year) // *Zap. Russ.Geograph. Obshchestva*. - 1871. - T. IV; **Palladiy (Kafarov).** *Istoricheskiy Oчерk Ussuriyskogo Kraya v Sv'azi s Istoriyei Man'chzhurii* (A Historical Sketch of the Ussuri Territory in Connection with the History of Munchuria) // *Idem*. - T. VIII. - Vyp. 1; **Palladiy (Kafarov).** *Etnograficheskaya Ekspeditsiya v Yuzhno-Ussuriyskiy Kray* (The Ethnographical Expedition to the Southern Ussury Territory) // *Idem*. - 1881. - T. VII. - Vyp. 2, 3, 6, 7; **Palladiy (Kafarov).** *Izvestiya iz Kitayskoy Knigi "Shen-wu-tszi"* (Extracts from the Chinese Book "Sheng-wu-tzi"). - Peking, 1907; **Panov V.** *Arkheologicheskie izyskaniya arkhimandrita Palladiya v 1870 - 71 gg.* (Archaeological investigations of archimandrite Palladiy in the 1870th - 71st years) // *Dal'niy Vostok*. - 1898. - N 10. Some details of P. Kafarov's investigations in the Far East, as well as the bibliography see: **Larichev V.Ye.** *Poter'annyye dnevniki Palladiya Kafarova* (The lost diaries of Palladiy Kafarov) // *Izvestiya SO AN SSSR (Seriya obshchestv. nauk)*. - 1966. - N 1. - Vyp. 1; **Larichev V.Ye.** *Tayna Kamennoy Cherepakhi* (The Stone Tortoise's Mystery). - Novosibirsk, 1966; **Larichev V.Ye.** *Posmertnyy dar F.F. Busse* (The posthumous gift of F.F. Busse) // *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskoy i kul'turnoy zhizni Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1968. - Vyp. 1; **Larichev V.Ye.** *Puteshestvie v Stranu Vostochnykh Inozemtsev* (A Journey to the Eastern Foreigners' Country). - Novosibirsk, 1973; **Larichev V.Ye.** *Pam'atnik Kn'az'u iz roda Van Yan'* (The monument to Grand Duke from the Wang Yan family) // *Drevn'aya Sibir'*. - Novosibirsk. - Vyp. 4.

¹¹ **Panov V.** *Yaponskie dokumenty o snosheniyakh s korolevstvom Bohay* (The Japanese documents on the contacts with the Pohai Kingdom) // *Dal'niy Vostok*. - 1892. - N 2, 4, 8, 9, 11; **Popov P.** *Pervyy Tyrskiy pam'atnik* (The first Tyrian site) // *Zap. Vost. Otd. Russ. Arkheol. Obshchestva*. - 1904. - T. XVI. - Vyp. 1; **Pozdnev D.** *Materialy po Severnoy Yaponii i Eyo Otnosheniy k Materiku Azii i Rossii* (The Materials on the History of North Japan and Its Relations to the Mainland of Asia and Russia). - Tokyo. - 1909. - T. II. - Ch. 1; **Grebenshchikov A.V.** *Kratkiy Oчерk Obraztsov Man'chzhurskoy Literatury* (A Brief Sketch of Specimens of the Manchurian Literature). - Vladivostok, 1909; **Grebenshchikov A.V.** *Man'chzhury, ikh yazyk i pis'mennost'* (The Manchus, their language and written language) // *Izv. Vost. Instituta*. - 1912. - T. XV. - Vyp. 1; **Grebenshchikov A.V.** *Dal'niy Vostok (istoricheskiy oчерk)* [The Far East (a historical sketch)] // *Severnaya Aziya*. - 1926. - N 5 - 6; **Grebenshchikov A.V.** *K izucheniyu istorii Amurskogo Kraya po dannym arkheologii* (To the study of history of the Amur Territory, according to the archaeological data) // *Yubileynnyy Sbornik Obshchestva Izucheniya Amurskogo Kraya*. - 1916; **L'ubimov A.Ye.** *Novye man'chzhurskie materialy dl'a istorii Amurskogo Kraya s 1680 po 1812 gg.* (New Manchurian materials for the history of the Amur Territory from the 1680th to the 1812th years) // *Zap. Vost. Otd. Russ. Archaeol. Obshchestva*. - 1909. - Vyp. 19; **Rudakov A.V.** *Istoriya razvitiya voennykh sil v Girinskoy Provintsii* (The history of development of military forces in the Ghirin Province) // *Izv. Vost. Instituta*. - Vladivostok. - 1902. - T. V; - 1903. - T. VI; **Rudakov A.V.** *Materialy po Istории Kitayskoy Kul'tury v Girinskoy Provintsii (1644 - 1902 gg.)* [The Materials on the History of the Chinese Culture in the Ghirin Province (1644 - 1902)]. - Vladivostok, 1903. - T. I. - (The translation of Tzi-lin tung-zhi, with additional information taken from the newest Chinese official data); **Rudakov A.V.** *Politicheskaya Organizatsiya Man'chzhurii*. - (Steklograficheskoe izdanie) [The Political Organization of Manchuria (The glass-graphical edition)]; **Dobrolovski I.** *Hei-lun-tszian tun-chzhi tsi liao ili Sokrashchonne vseobshchee opisanie Heiluntszianskoy Provintsii* (Heilungkiang tungzhi tzi liao or an abridgement of information concerning the Heilungkiang Province) - Harbin: The Russian-Chinese printing-house of the paper "Yuan-tung-bao", 1908. - Issue 1.

¹² **K'uner N.V.** *Kitayskie istoricheskie dannye o narodakh Severa* (The Chinese historical evidence on the peoples of the North) // *Uchonye Zapiski Leningrad. Gos. Universiteta (Seriya vostokovednykh nauk)*. - 1949. - Vyp.1; **K'uner N.V.** *Kitayskie Izvestiya o Narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* (The Chinese Tidings about the Peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East). - M., 1961.

¹³ **Chan Hok-lam.** *The historiography of the Chi Dynasty: Three studies* // *Munchener Ostasiatische Studien*. - Wiesbaden, 1970. - Band 4; **Gabelentz H.** *Geschichte der Grossen Liao*. Aus dem Mandshu iibersetzt von H.Conon der Gabelentz. - St.-Petersburg, 1887; **Mal'avkin A.G.** *Man'chzhurskiy variant khroniki gosudarstva An'chun' - Gurun'* (The Manchurian variant of the Anchun Gurun State) // *Izv. SO AN SSSR (Seriya obshchestv. nauk)*. - 1977. - N 1. - Vyp. 1.

¹⁴ **Mal'avkin A.G.** *Op. cit.* - Pp. 96 - 100.

编 者 的 话

手稿的命运不尽相同，有的是幸运的，它们马上就得以出版面世；有的则是凄惨的，在一段时间里由于生活环境的不断变化而无人过问，陷入被遗忘的深渊。有时，手稿的命运又是作者坎坷一生的反映，折射出他的苦难和不幸，于是，他们就要一起耐心地等待公正获胜的时刻。

我们所讲述的就完全是这样的一本书。现在，无论是俄罗斯远东地区的历史与文化方面的专家，还是求知欲极旺、心系祖国历史命运的读者，都在关注着它。北京宗教使团的大学生格奥尔吉·米哈伊洛维奇·罗佐夫的才华横溢的劳动成果——《金帝国史》能在约一个半世纪前问世，给俄罗斯的东方学带来了骄傲和荣誉。可惜在随后的10年间，手稿未能付诸出版。早在20年以前，手稿出版的准备工作就已开始，但开头并不顺利，由于各种不同方案的争执，新西伯利亚科学中心的东方学家们没能实现自己的意愿。在这种懊丧的情况下，令人诧异的是这样一部博大精深的巨著作者的名字——格奥尔吉·米哈伊洛维奇·罗佐夫，竟被他的同胞们遗忘到这种冷漠的地步，现在只有为数不多的人还记得他。

其实，无论是从他的科学事业来看，还是从他的渊博学识来说，都应该把Г·М·罗佐夫看作是18世纪末到19世纪前半叶俄罗斯东方学者的杰出代表，中亚和东亚民族历史、文化，语言的卓越的研究者。他的出现是重要的，当然也是必然的，因为在我国的东方学中，很早就对东亚产生了浓厚的兴趣，而且在以后的整个19世纪和20世纪初的这一期间内，都坚定不移地保持了这样的兴趣。为了明确Г·М·罗佐夫在相应事业中的地位，哪怕只向他投入短暂的一瞥，我们首先就会看到，在18世纪的最后10年里，俄罗斯已经顺利地完成了最宏大的出版计划中的一件，就是刊发了阿列克塞·列翁季耶夫从满语翻译的3卷本的清政府的法律和法规。在当时的欧洲其它各国还没有这种情况。随后是由А·列翁季耶夫和拉里翁·罗索欣翻译并准备出版的17卷本的满洲人的论述^[1]。再早些时候，И·罗索欣完成了满文的《中国汗康熙征服在大鞑靼游牧的由五部组成的吉尔吉斯和额鲁特民族的历史》和《资治通鉴简缩本》的翻译^[2]；А·阿加福诺夫的《满洲和中国的汗顺治……书》^[3]；И·贝科夫和А·符拉德金的《皇帝陛下的圣旨》^[4]；И·贝科夫的《关于蒙古人如何占有和丧失中国》^[5]；菲奥多罗夫的《康熙——中国历史的浓缩》^[6]；巴斯宁的《显贵拉努丹传》^[7]。1787年，马特韦·科马罗夫在莫斯科刊布了《中国皇帝致俄罗斯国王的古老信件》。由于对档案收藏的全部情况了解得

尚不十分清楚，到目前为止还很难提出用满语和汉语撰写的原著的详细目录，所以，完成这项特殊工作，就具有重大的意义。18 世纪在伊尔库茨克开办的在较长时期内发挥作用的培养满语翻译人员的专门学校，对俄罗斯研究满洲，以及俄罗斯同清朝统治者和满洲地方当局行政官员的相互关系方面，都具有十分重要的作用。

但是，最令人难忘的是有关远东古代历史，首先是满洲、高丽以及内蒙古方面研究的成就。这些成就正是整个 19 世纪著名的北京宗教使团成员积极开展科学活动的起点。他们当中首先应该提到的是 Н·Я·比邱林，他的研究范围很广，发现并翻译了东夷(东方的外国人)历史的编年史资料。这些成就直到现在仍令人惊叹不已，受到最深厚的敬重^[8]。Н·Я·比邱林是北京宗教使团造就的对中国历史和文化的研究具有献身精神和富于创造性的人，是一位业绩永存的真正伟人。无论是在与他同时代忘我奋斗的人的充满献身精神的著作中，还是在后辈学者的著述中都能看到他的影响。

整整一代杰出的俄罗斯东方学的著名学者的名字同远东历史的精深研究联系在一起。В·戈尔斯基和 В·П·瓦西里耶夫把自己的一生献给了对满洲和整个远东历史的精心研究上^[9]。他们的著作能够呈现出东亚历史事件的主要轮廓。这些事件都发生在 Н·Я·比邱林译著中所反映的那个时代之后。卓越的俄罗斯东方学家帕拉季·卡法罗夫与众不同的研究工作具有重大的意义。他根据地理学会的建议，在 1870—1872 年完成了沿满洲、阿穆尔河沿岸和滨海地区的旅行。他试图把书面文献资料与具体的遗迹相比照，运用更有成效的方法来研究远东民族古代和中世纪的历史。他的著作是编年史同田野考古考察相结合的产物^[10]。

在以后的年代里，В·帕诺夫、Ф·Ф·布谢、П·С·波波夫、Д·波兹德涅耶夫、А·Е·柳比莫夫、А·В·鲁达科夫、И·多布罗洛夫斯基和 А·В·格列边希科夫依据各种文献资料、碑铭以及单个的考古学遗存对满洲、滨海地区、阿穆尔地区的历史进行了富有成果的考察研究^[11]。这些成果的刊布，像他们的前辈的一样，用重要的情节补充了东北亚民族在漫长历史时期内发生的政治事件和文化生活的详细情景。

不愧为东方各国研究者、古老学派继承人的 Н·В·邱涅尔，在前人基础上所进行的工作，始于本世纪的最初 10 年。他的工作成果反映在众多的出版物里，其中具有重大意义的是包含着同中国毗邻的北方和东方的“异国人”资料的编年史译作^[12]。他的门生和追随者们在 Н·В·邱涅尔之后撰写了大量的关于远东历史方面的科学著作，但若说这些著作能够构成规模庞大的历史编

纂学体系的轮廓，却未必合宜。

在叙述俄罗斯东方学历史的大事记时，应该对Г·М·罗佐夫的科学事业做出评价。他的一生好像正处在东方学奠基人与其忠诚的继承者两代人交替的分界线上。他曾有过两次成功——最初的一次是动身去北京之前，到俄罗斯汉学家长老雅金甫·比邱林那去聆听他的教诲。他激发了罗佐夫对东方各国研究的极大热情。而比邱林，这位被人们称为“伟大的劳动者”的人，在晚些时候，即在Г·М·罗佐夫从中国回来时，成了他在外交部亚洲司供职的同事。同时，Г·М·罗佐夫与俄罗斯汉学的第二代长老、И·比邱林的继任者帕拉季·卡法罗夫有过交往。而卡法罗夫不愧为И·比邱林事业的继承人。

Г·М·罗佐夫的一生不可能献身于所有的学科，对他最有吸引力的是对满语、汉语、蒙古语以及中国编年史的研究。В·С·姆亚斯科夫很幸运地在档案中找到了关于Г·М·罗佐夫的最珍贵的资料，因此能用极精彩的描述，撰写出真实的、相当完整的罗佐夫的传记，使读者能了解他的风貌；他在一个半世纪前着手翻译出色的编年史期间，遇到过什么样的障碍、波折以及事情的所有背景。

特别要着重指出的是，Г·М·罗佐夫在翻译满文版《金史》时，投入的精力有多么巨大，这确实是苦行者的工作，要求他于几年内在十分不顺利的情况下，用高度集中的精力去完成。只有精通原稿语言的人，能够自如地理清中国编年史头绪的人，能够非常熟悉中世纪时期无论是在“中心帝国”本身、还是在与它毗邻地区发生的历史事件基本轮廓的人，有高度的坚韧不拔、尽心竭力、热情洋溢特点的人以及有明确目标和责任感的人，才能够顺利地完成这项工作。Г·М·罗佐夫就是这样具有当代学者所必备的各种知识和相应素质的人。要知道，他翻译的不仅是金帝国的历史，实际上还翻译了相当数量的宋代的其它编年史。这些在他的手稿中占了很大的篇幅。说到翻译“历史”，还要进行考证，用包涵在另外一些文献里的资料与原文进行比较，就能更充分、准确、多方面地理解原文的本意。他就是这样完成了俄罗斯东方学宝库中最杰出的著作之一。知道这一真正瑰宝的人不多，直到不久以前也只局限于熟悉国家文化瑰宝档案的专家们这一狭窄的范围内。

现在，我们着重叙述一下编纂女真国家历史的满文版——《安春古伦》的简要历史。正像从事专门研究的Г·加别连采、禅·霍克一拉姆以及后来集大成的А·Г·马里雅夫金^[13]所指出的，女真人在灭亡辽国(1125年)、控制了它的疆域以及宋朝的山西省和河北省的北部地区以后不久，亚洲东部新帝国的领导者就设立了专门的机构——国史院(国家历史研究所)。它的任务目的明确，就是为撰写实录——在位皇帝的官方历史——收集资料。国史院的工作是

以相应的方式保存现有的资料,把它们系统分类;记载日志;编辑应有的档案目录。国史院的成员除女真人外,还有契丹人和汉人。国史院的工作由女真人主持。国史院还有收集资料,撰写契丹人的国家——辽朝历史的任务,但是这一部分工作不能与撰写女真历史的规模相提并论,因为契丹组内总共才有3个人在工作。

国史院总共撰写了10个在位皇帝的实录。以后的政治和军事事件导致金帝国最终被蒙古人灭亡,国史院的工作也随之终结。因此,国史院成员收集资料的工作和热衷于收集女真史资料的历史编纂学家们的工作是不一样的。这些私人历史编纂学家们以个人的主动精神去搜寻史料,奢望编写国家孕育、建立和发展过程的私家史书。根据内容看,他们撰写的“金史”不是现今历史学家们所知的颇有影响的《金史》的另一种版本。在这些私人历史编纂学家当中,贡献最大的就是元好问,他是金朝末年女真国内杰出的政治活动家之一、诗人和文学家(死于1257年)。有些专门研究女真历史的著作出于他的手笔,在他的遗著内保存着官方历史中所没有的大量资料,都是他长时间在各省旅行时收集的。《元好问集》被后人广泛用来完成编写《金史》的具体任务。

国史院的历史编纂学家没有完成的工作,成了由蒙元王朝在14世纪中叶左右建立的专门委员会的任务。它面临的任务是编纂金、辽、宋3个王朝的官方历史。1343年4月,脱脱主持领导了这个委员会,在编纂中利用了金帝国灭亡后保存下来的大部分实录以及另外一些有价值的文献,其中包括由帝国机关遵照统治王朝的特别使命所收集的。撰写上述3个王朝历史的任务,是在蒙元王朝最后一个皇帝妥欢帖睦尔在位期间具体完成的。他成功地平息了蒙古封建主之间的纷争,保持了国家的相对安宁。皇帝看到了脱脱的报告,同意他们关于撰写女真、契丹、宋王朝历史的政治必要性的理由,然后建立一个由20余名历史编纂学家组成的专门委员会,其中近半数的人员是汉人。大量的准备工作始于女真国史院时期,因而能够富有成效地、迅速完成规模宏大且史无前例的行动计划。过了一年,脱脱的委员会在1344年深秋,就向妥欢帖睦尔呈献了完全以王朝编年史体例为标准的《金史》。女真历史的全文共135卷,包括“世纪”、“本纪”、地理疆域、仪式、军事、经济、行政机构以及73卷金帝国杰出的活动家的传略。

《金史》满文版的出版在17世纪前半叶末。那时,满族的新文字最后形成。满文源于努尔哈赤统一满洲大地建立后金帝国(后改名为清)之初。这种依据畏吾尔—粟特字体创制的文字完全符合满语(女真语)的规范,被用来书写国家的文件和从汉文翻译过来的文学译著。当时,用满语翻译的民族历史《金史》

的工作业已开始,满族人认为他们是女真人的直系后裔。同时,也开始翻译《辽史》和《元史》。这一工作源于满文改革者、学者和文学家达海与额尔德尼的方案,而由行政典礼主管锡福领导下的专门委员会的成员去完成。在满文版《辽史》的跋语中记载了翻译这3部编年史的直接参与者——编辑人、中文书籍内容的注释者、抄写人员的名单(翻译人员恰布海、嫩图、韦钦盖,文献整理与删节者胡丘,注释者王文魁、李鸿玉,缮写员布尔凯、肯泰、古瓦尔切、科尔科代、绍尔盖)。1639年7月末工作全部完成,而于1644年5月初将3部史书呈献给顺治皇帝。审阅了史书之后,他发出了关于印刷出版的命令。《金帝国史》(《金史》)共刊印了300部。

A·Γ·马里雅夫金专门从事汉文和满文两种文本编年史的对比研究。他的结论是,满文版的编年史译述得不够准确,有时没有把汉文的正文完全译出,有时又在编辑成书时,对历史内容做了一系列的修订。满文版对《本纪》做了摘录,并用从《金史》的《列传》中摘录的基本内容做了补充,还尽可能使用了《金史》之外的其它文献资料。因此,满洲人有了赞美自己的祖先——女真人及其领袖们的业绩、确立满洲民族伟大形象的简明而又易读的历史原著。

格奥尔吉·米哈伊洛维奇·罗佐夫完成的国家历史安春古伦的译著,现在已引起了俄罗斯人的关注。我希望,这部编年史能够引起人们极大的兴趣,因为在中世纪,居住在俄罗斯远东地区内——阿穆尔河沿岸和滨海地区的部族积极参与了女真人金帝国的建立和绚丽辉煌文化的形成。我觉得,不管是谁,只要把Γ·М·罗佐夫的译著拿在手中一页接一页地读下去,了解这些讲述很久以前充满矛盾冲突的戏剧性事件的令人惊叹不已的活生生的散文式的文献,他就会享受到无比的乐趣。

手稿的出版准备工作是由俄罗斯科学院西伯利亚分院考古学与民族学研究所国外东方各国历史与考古学部的工作人员进行的。在本书的出版工作中,东方学研究所圣彼得堡分所、历史学博士Е·И·科恰诺夫、远东研究所部主任、俄罗斯科学院通讯院士В·С·米亚斯尼科夫也做出了重大的贡献。不久前去世的精通中亚和东亚民族中世纪历史的东方学家、历史学家、历史学博士A·Γ·马里雅夫金也为此书付出了巨大的精力,为编年史正文所做的内容丰富的注释就是出于他的手笔。关于女真人历史早期阶段的概述,向读者介绍了金帝国建立过程中的历史事件。

最后,我们看到,由Л·В·邱留米娜翻译的满文译本《辽史》的出版准备工作业已开始,这一大部头译著像Γ·М·罗佐夫的译作一样,计划在西伯利亚的东方学连续出版物——《东亚的历史与文化》上刊出。在刊物里准备编

入写于 18 世纪末的关于契丹历史的俄罗斯的第一部东方学著作。

B · 拉里切夫

注 释:

- [1] 太清古论与乌赫尔科里 即中国(现今的满洲)政府的所有法律和法规。圣彼得堡 1781—1783 年,第 1~3 卷。
详尽地论述了满洲民族的起源和在八旗军队供职的官员状况。圣彼得堡,1784 年第 1~17 卷。
- [2] 苏联科学院档案馆 П. 21, Д. 1, О П. 5;
苏联中央国家古代文书档案馆 Ф 181, № 203/351, О П. 3。
- [3] Б И Л Ф 178, М., № 10714
- [4] 苏联中央国家古代文书档案馆 Ф 181, № 423/875, О П. 5。
- [5] 苏联中央国家古代文书档案馆 Ф 181, № 421/873, О П. 5。
- [6] Б И Л Ф 313, М., 2949。
- [7] 苏联中央国家古代文书档案馆#Ф 183, Д. 56, О П. 1。
- [8] Н · Я · 比邱林:《中亚古代民族资料集》,莫斯科—列宁格勒,1950—1953 年,第 1~3 卷。
- [9] В · 戈尔斯基:《满洲王朝的发端和早期事业》,《俄罗斯北京宗教使团成员著作》;圣彼得堡,1852 年,第 1 卷;《论现今统治中国的清王朝创始者的族系和满洲民族的族称》,出处同上。В · П · 瓦西里耶夫:《10~13 世纪中亚东部的历史和古迹·附录:中国关于契丹、女真、蒙古—塔塔尔资料的译文》,圣彼得堡,1857 年;《元明王朝时期女真人的资料》,《圣彼得堡大学年刊》1858 年,圣彼得堡,1859 年;《满洲记述》,《俄罗斯地理学会会刊》1858 年第 12 卷;《大清王朝发端时期对蒙古人的招抚——译自〈圣武记〉》圣彼得堡,1883 年。
- [10] 帕拉季·卡法罗夫:《1870 年从北京经满洲到布拉戈维申斯克旅途上的路标》,《俄罗斯地理学会会刊》1871 年第 4 卷;《与满洲历史相关的乌苏里边疆区历史概要》,《俄罗斯地理学会会刊》1871 年第 8 卷,第 1 分册;《在南乌苏里边疆区的民族学考察》,《俄罗斯地理学会会刊》1871 年第 7 卷,第 2、3、6、7 分册;《中国〈圣武记〉一书摘要》北京,1907 年。
В · 帕诺夫:《修士大司祭帕拉季在 1870—1871 年的考古学研究》,《远东》1898 年第 10 期。有关 П · 卡法罗夫和其他研究者在远东的科学研究的详细情况及著作目录,请参阅 В · Е · 拉里切夫:《帕拉季·卡法罗夫的心绪不佳的日记》,《苏联科学院西伯利亚分院公报》(社会科学版)1960 年第 1 卷,第 1 分册;《石龟的秘密》,新西伯利亚,1966 年;《在东方异国国家国家的旅行》,新西伯利亚,1973 年。
- [11] В · 帕诺夫:《日本同渤海王国交往的文件》,《远东》1892 年第 2、4、8、9、11 期。
П · В · 波波夫:《早期的蒂尔遗迹》,《俄罗斯考古学会东方分部会刊》1904 年第 16 卷,第 1 分册。
Д · 波兹德涅耶夫:《日本北部的历史及其与亚洲大陆和俄罗斯关系的资料》,东京 1909 年,第 2 卷,第 1 部。
А · В · 格列边希科夫:《满文图书版本简明概要》,符拉迪沃斯托克(海参崴),1909 年;《满洲人和他们的语言文字》,《东方学院公报》1912 年,第 15 卷,第 1 分册;《远东(历史概要)》,《北亚》1926 年,第 5~6 期;《根据考古学资料对阿穆尔边疆区历史的研究》,1916 年。
А · В · 鲁达科夫:《吉林省军事力量发展史》,《东方学院公报》,符拉迪沃斯托克,1902 年第 5 卷、903 年第 4 卷;《吉林省的中国文化史资料(1644—1902 年)》,(译自《吉林通志》,并补充了中国官方的最新资料),符拉迪沃斯托克,1903 年第 1 卷;《满洲的政治体制》,珂罗版。
И · 多布罗洛夫斯基:《黑龙江通志纪略——简明的黑龙江省综述》,《远东报》(用俄、中文印刷的报纸),哈尔滨,1908 年第 1 册。
- [12] Н · В · 邱涅尔:《关于北方民族的中国历史资料》,《国立列宁格勒大学学报》(东方学辑),1949 年,第 1 册;《关于南西伯利亚、中亚和远东的中国资料》,莫斯科,1961 年。
- [13] А · Г · 马利雅夫金:《安春古伦——国家编年史的满文版本》,《苏联科学院西伯利亚分院公报》社会科学辑,1977 年第 1 卷,第 1 分册。

編輯者로 부터

비탈리. Е 라리체프,
姜仁旭 譯

手稿에게는 각각 다른 운명이 있다. 운이 좋은 경우에는 곧 세상에 출판되며, 비참한 경우에는 시시각각 변하는 인생에 따라 사람들의 망각의 심연으로 들어가는 비극이 생기기도 한다. 때때로 手稿의 운명은 작자의 어려운 인생과 불행을 일정정도 반영하기도 하는데, 그럴 경우에는 그들 작가와 원고는 함께 참을성있게 공정한 평가를 기다려야만 한다.

내가 말하는 것은 바로 이 책에 해당한다. 현재 이 책은 러시아의 극동지역의 역사 및 문화방면의 전문가뿐 아니라 國史(러시아史)에 관심이 있는 역사애호가 들의 관심을 끌고 있다. '金帝國史'(이하 金史로 통일함)는 북경소재 러시아정교회사절단(이하 北京使節團으로 통일)의 학생이었던 게오르기이 미하일로비치 로조프(Георгий Михайлович Розов)의 의욕찬 勞作이며, 150여년 전에 러시아의 동방학계의 찬사와 호평을 받으며 세상에 출판될 수 있었던 것이다. 그러나 유감스럽게도 최근의 십여년 전까지 이 원고는 출판될 수 없었다. 이 원고를 출판하려는 노력은 극히 최근의 일로 20여년 전이다. 또 다시 유감스럽게도 여러 가지의 다른 방안이 나오면서 노보시비르스크 과학센터의 東方學家들은 이 일을 곧바로 실현할 수 없었다. 이런 저간의 사정중에 기념비적인 업적을 남긴 사람의 이름-게오르기이 로조프-에 대한 기억은 점차 희미해지면서 러시아의 동포들로부터 점차 잊혀지게 되었다.

사실 과학적인 업적뿐 아니라 교육적인 업적들을 볼 때 게오르기이 로조프는 18세기 말에서 19세기 전반사이의 러시아 동방학계를 대표하는 사람중 하나이며 중앙아시아와 동아시아 민족의 歷史, 文化, 言語의 탁월한 연구자로 보는데 전혀 부족함이 없다. 이런 점에서 그의 존재는 중요한 것이었으며, 또한 필연적인 결과라고도 볼 수 있다. 왜냐하면 러시아의 동방학계는 일찍이 동아시아에 깊은 흥미를 보였을 뿐 아니라, 19-20세기초엽의 기간에도 이러한 관심은 계속 유지되었기 때문이다. 이러한 일련의 사정속에서 게오르기이 로조프의 역할을 파악하려면 우선 동방학가들을 면면히 살펴볼 필요가 있다. 우선 18세기의 마지막 10여년간에 러시아는 이미 그들의 광대한 출판계획중 하나를 순조롭게 완성시켰으니, 알렉세이 레온티예프에 의해 滿洲語를 번역해서 출판된 3권의 清朝政府의 法律과 規定에 대한 책이 바로 그것이다. 당시 유럽의 각국에서도 그러한 연구업적은 찾아볼 수 없다. 이후 알렉세이 레온티예프와 라리온 루스힌은 滿洲人에 의해 쓰여진 17권의 책을 번역, 출판준비를 했다.(주 1) 이보다 이전에 라리온 루스힌은 滿洲語로 된 『中國 康熙帝의 大따따르(Tatar)에서 5부족으로 나뉘어서 목축하며 살던 칼카스(Калкас)와 엘레트(Элет)민족 정복사』와 『資治通鑒 簡縮本』을 번역했으며

(주 2), 그 외에 A. 아가포노프의 『滿洲와 中國의 順治帝.....書』와(주 3) H. 브이꼬프와 A. 아가노프의 『皇帝의 敎旨』(주 4) I. 브이꼬프의 『蒙古의 역사-어떻게 중국을 점유하고 또 상실했는가』(주 5), 표도로프의 『康熙- 中國史의 縮約』(주 6), 바스닌의 『高官 라두난(拉努丹)의 傳記』(주 7)등이 있다. 1787년에는 마뜨베이 꼬마로프가 모스크바에서 출판한 『중국황제가 러시아황제에 보낸 고문건』이 있다. 문서보관서에 소장된 문서의 전면적인 상황은 아직도 충분하게 알려져있지는 않지만, 滿洲語나 중국어의 원저를 번역한 연구업적들이라는 점에서 이들은 매우 중요한 의미를 지닌다. 18세기 이르쿠츠크에서 세워진 후 상당기간 존속했던 滿洲語 번역가를 양성했던 전문학교는 러시아에 있어서 滿洲를 연구하고 나아가서 러시아와 청조의 통치자들, 그리고 滿洲지방의 지방관리간의 상호교류를 하는데에 큰 역할을 했다.

그러나 가장 괄목할 만한 성취는 滿洲, 韓國 그리고 蒙古의 古代史에 대한 연구이다. 그 연구는 19세기 全般에 걸쳐서 진행되었는데, 北京使節團 일원의 활발한 연구활동이 근간이 되었었다. 그들중 가장 먼저 꼽을 사람은 당연히 H. Я. 비추린으로 그의 연구중 특히 東夷에 대한 編年史資料의 발굴 및 번역은 현재까지도 사람들로 하여금 경탄과 깊은 존경을 우러나게 한다. (주 8) 그는 北京使節團에 의해 만들어졌다고 할 수 있으며 중국의 역사와 문화에 혼신을 바쳐서 창조적인 업적을 남긴 위인이다. 그와 동시기의 연구자들의 노작들 뿐 아니라 이후 후배학자들의 저술중에서도 그의 영향은 쉽게 간취된다.

일련의 저명한 러시아의 동방학가의 이름들은 곧 극동역사에 대한 精緻한 연구와 연관되어있다. 滿洲와 극동의 전반적인 역사에 대한 탁월한 연구가로는 B. 고르스끼와 B. П. 바실리에프를 들 수 있다.(주 9) 그들의 연구는 동아시아 역사의 주요 틀을 확립했다고 할 수 있다. 이러한 일련의 업적은 비추린의 譯作들에 영향을 받은 것이다. 러시아의 탁월한 동방학가중 하나인 빨라디이 까파로프의 연구성과 또한 매우 흥미있는 것이다. 그는 地理學會의 提案을 받아들여 1870-72년에 滿洲연안, 아무르강유역과 연해지구를 여행했다. 그는 문헌자료와 실제하는 유적간의 상호 비교를 시도해서 보다 효과적인 방법으로 극동지역 민족의 古代와 中世의 역사를 연구했다. 그의 著作은 年代記에 考古學的인 연구를 결합한 産物이다.(주 10)

이후의 시기에는 B. 빠노프, Ф. Ф. 부셰, П. С. 포포프, Д. 뽀즈네예프, A. E. 류비모프, A. B. 루다코프, И. 도브롤롭스키, 그리고 A. B. 그레벤쉬코프 등에 의해서 각종 文獻資料 및 金石學 자료를 비롯하여 단편적인 고고학적인 자료까지 근거해서 滿洲, 연해주, 아무르지역의 역사에 대한 풍부한 연구성과가 남겨졌다.(주 11) 이들의 출판물에는 그들 이전세대와 마찬가지로 수세기에 걸친 북동아시아의 주민의 문화적 생활 및 정치적인 사건에 대한 정황들이 중요한 사실들에 근거해서 수록되었다.

悠久한 東方學研究의 계승자로 결코 부족하지 않은 H. B. 규네르의 업적과 함께 20세기 초엽의 처음 10년은 시작된다. 그의 연구성과는 상당한 양의 출판물을 통해 잘 알려져 있는데, 그중 가장 흥미로운 것은 중국과 인접한 북쪽과 동쪽의 '이방인'들에 대한 자료의 編年史的인 翻譯作業이다.(주 12) 제자와 후학들은 규네르 이후에 극동의 역사에 관한 많은 저작을 편찬했으나 이러한 거대한 규모로 편찬된 역사책은 거의 찾기 어렵다.

러시아 東方學史의 커다란 사건들 중에 Г. М. 로조프의 과학적인 업적을 빼놓을 수 없다. 그의 일생은 마치 동방학의 기초를 세운 사람들과 그 뒤를 따르는 충실한 후배들의 양 세대

사이의 분기선상에 있는 것 같다. 그에게는 일찍이 2번의 기회가 있었으니, 첫 번째는 북경으로 가기 전에 러시아 漢學家의 아버지 비추린으로부터 교육을 받을 수 있었던 것이다. 비추린은 그에게 동방학연구에 대한 깊은 열정을 심어주었던 것이다. 그때에 '위대한 근로자'로 불리웠던 비추린은 후에 로조프가 중국에서 돌아올 시기에는 외무부소속 아시아 분과의 동료로 일하게 된다. 동시에 로조프는 비추린의 후계자이며 러시아 중국학의 2대 아버지라고 할 수 있는 빨리지 까파로프와도 교류를 가졌다.

로조프는 그의 관심을 최초로 끝냈던 滿洲語, 中國語, 蒙古語와 중국의 편년사적인 연구에 전적으로 헌신할 수는 없었다. B. C. 마스니코프는 다행히도 문서보관소중에서 로조프의 귀한 자료들을 발견할 수 있었고, 문자 그대로 그에 대한 거의 완전한 傳記를 쓸 수 있을 정도로 자세한 자료를 모을 수 있었다. 그의 노력덕에 讀者들은 그가 150여년전에 출중한 編年史의 번역을 하는 과정의 자세한 상황과 어려움들에 대해서 알 수 있게 되었다.

로조프가 滿洲語版 金史를 번역한다는 것이 얼마나 위대한 작업이었는지를 특기할 필요가 있다. 이 엄청난 양의 작업을 하는 것은 수년간에 걸친 기간동안에 고도로 집중된 작업을 필요로 한 것이다. 이 일은 原典을 완벽하게 이해하고 또 중국의 年代記에 대해서 훤히 알고 있으며, 중세기의 '中華帝國'뿐 아니라 그와 인접한 여러 지역에서 발생한 역사적인 사건에 대한 기본적인 識見이 있어야 하며, 거기에다가 끈기있게 꾸준히 일을 진행할 수 있는 목적의식과 책임감이 강한 사람만이 할 수 있는 것이다. 로조프는 바로 이 작업에 필요한(비단 그 뿐 아니라 현재의 학자들에게도 필요한) 각종 지식과 개성을 가진 사람이었다. 그는 단순히 金史만 번역한 것이 아니었으며, 그의 원고에는 宋代의 기타 여러 편년사 자료의 번역도 상당한 양을 차지한다. '역사'를 번역할 때에는 原文과 기타의 다른 文獻을 세밀하게 비교분석할 때 비로소 그 번역은 더욱 충실해지고 정확해지며 원문의 뜻을 다양하게 이해할 수 있다. 그는 이렇게 러시아 동방학에서 가장 뛰어난 책중의 하나를 완성한 것이다. 이것이 진정한 보배인줄 아는 사람은 많지 않았으며, 극히 최근까지도 극히 일부의 러시아의 문서보관소 전문가들 사이에서만 알려졌을 뿐이었다.

이번에는 滿洲語로 쓰여진 女眞國의 歷史에 대한 책인 『安春古倫』의 편찬과 관련한 간략한 경위를 살펴보자. 전문연구가들(Г. 가벨렌츠, Jean. 호클람에 의해 연구되고 이후 A. G. 말라브킨에 의해 종합됨)(주 13)이 언급한 바와 같이 女眞이 遼國을 멸망시킬 때에(1125년), 女眞은 이미 遼의 領域을 비롯하여 宋의 山西省과 河北城의 北部地區를 장악한 상태였으며, 이 동아시아의 新帝國은 전문적인 기구인 國史院(국가역사연구소)을 설립한다. 이 기구의 목적은 實錄(재위했던 황제에 대한 正史)를 편찬하기 위해서 자료를 수집하는 것이다. 國史院의 업무는 체계적인 방법에 따라서 자료를 분류보관하고, 日誌를 기록하며 소장된 문서의 목록을 편집하는 것이었다. 國史院에는 女眞人 이외에도 契丹人, 漢人도 포함되었다. 國史院의 업무는 女眞人을 중심으로 진행되었으며 國史院은 또 거란의 국가였던 遼의 歷史에 대한 자료수집 및 편찬도 겸하였으나 이러한 작업은 女眞史의 규모에 상응할 수는 없었다. 거란인은 이 기구내에서 총 3명만이 작업을 했다.

國史院은 모두 10명의 황제에 대한 실록을 편찬했다. 이후 정치와 군사적인 일련의 사건으로 金帝國은 결국 蒙古에게 망하고 國史院의 업무도 종결된다. 그렇기 때문에 개인적인 역사

가들이 개인적으로 사료를 찾고 국가의 태동, 건립과 발전과정에 대해 나름대로의 열정을 바쳐서 쓴 것은 私家史書들이 없었다면, 金史는 현재 역사가들에게 알려진 것처럼 방대한 양으로 이루어질 수 없었을 것이다. 이러한 개인적인 역사가들에서 가장 큰 공헌을 한 사람은 元好問으로, 그는 金朝末年 女眞國의傑出한 政治家중 하나이며 詩人이자 文學家이다.(1257년 사망) 그의 원고중에는 다수의 女眞史에 대한 저작이 있으며 그의 遺稿내에는 官纂史書에는 없는 자료가 대량 포함되어 있는데, 모두 그가 장기간에 걸쳐 각 省을 여행하면서 수집한 것이다. 『元好文集』은 후대에 『金史』를 쓴 사람들에 의해 널리 사용되었다.

國史院의 역사가들이 완성하지 못했던 부분은 蒙古의 元朝 14세기 중엽경에 세워진 專門委員會에 의해 이루어졌다. 그들에게 주어진 임무는 金, 遼, 宋 3 王朝의 正史를 편찬하는 것이다. 1343년 4월에 脫脫(Tokto)에 의해 세워진 이 위원회에는 편찬을 위해서 금 멸망이후 보존된 대부분의 실록과 기타 다른 가치있는 문헌들이 있었는데, 그 중에는 제국내의 朝廷特務所에서 수집한 것들도 포함되어 있다. 상기한 3 왕조의 역사를 편찬하는 작업은 蒙古내의 봉건지주간의 분쟁을 가라앉히고 국가의 상대적인 평안을 유지할 수 있었던 元의 최후 황제인 토곤-테무라(妥歡帖睦爾)의 시기에 거의 완성되었다. 황제는 脫脫의 보고를 받는 자리에서 그들이 女眞, 契丹, 宋에 대한 역사를 편찬해야 한다는 정치적 필요성에 동의하였으며, 그후 20여명의 역사가로 구성된 전문위원회를 조직했다. 그중 거의 반은 漢人이었다. 엄청난 양의 준비작업은 金代 國史院때에 이미 시작된 것이었으며, 매우 효과적인 방법으로 전무후무한 광대한 작업의 계획을 빨리 완성할 수 있었다. 일년이 지난 1344년 늦가을, 脫脫의 위원회는 토곤-테무라에게 편년체서술 왕조사의 표본이 될만한 金史의 完本을 헌정한다. 女眞史의 全文은 총 135권인데, 거기에는 世紀, 本紀, 地理志, 儀式, 軍事, 經濟, 行政機構등과 73권으로 이루어진 金의 인물에 대한 略傳이 포함되어 있다.

金史의 滿語版이 출판된 것은 17세기 전반말엽이며, 그 당시는 滿族의 新文字가 최후로 형성되던 때였다. 滿語는 누르하치가 滿洲대륙에 後金을 건국한 초기에 형성되었다. 이 책은 滿洲語의 체계에 완전히 부합하는 위그르-소그드체(畏吾爾-粟特字體)를 이용했으며, 이 字體는 국가의 문서 및 漢文을 번역한 문학서에도 쓰였다. 당시 滿語로 『金史』를 번역할 시기에 滿族은 자신들을 女眞의 直系後裔로 간주하였다. 동시에 『遼史』와 『元史』의 번역도 착수했다. 일련의 작업은 여진어의 개창자, 학자인 동시에 문학가인 達海와 額爾德尼에 의해 주창되었고, 행정적인 典例를 主管하는 錫福에 의해 주도되는 전문위원회에 의해서 완성되었다. 滿語版 『遼史』의 序言에는 이 3부의 편년사를 직접 번역한 사람, 編輯人, 漢語書籍의 註解者, 寫經人(번역인: 恰布海, 嫩圖, 韋欽蓋, 문헌정리 및 삭제담당: 王文魁, 李鴻玉, 사경인: 布爾蓋, 肯泰, 古瓦爾切, 科爾科代, 紹爾蓋)들의 이름이 기재되어 있다. 1639년 7월말에 작업은 모두 완성되었고 1644년 5월초에 3부로 이루어진 史書가 順治帝에게 헌정되었다. 史書를 檢閱한 후에 그는 인쇄하고 출판할 것을 지시했다. 『金史』는 총 300부가 간행되었다.

A. Г. 말라브킨은 漢語와 滿洲語로 된 편년사의 2종류를 전문적으로 비교연구했다.(주 14) 그의 결론은 다음과 같다. “滿洲語판의 편년사는 가끔씩 주장되는 것처럼 요약본도 아니며 한어판의 완전한 번역본, 또는 사건에 따라 일련의 역사적 사건에 대해 사건본말체로 편찬한 것도 아니다. 滿洲語판은 기본적으로 ‘本紀’에서 채록을 했으며 거기에 金史의 열전중에서 뽑은

것으로 그 내용을 보충했다. 또한 소수이긴 하나 金史 이외의 다른 사서에서 채록한 것도 있다. 이와같이 金史는 간결하고 읽기 쉽게 만들어졌으며 滿洲族의 조상인 女真人과 그들의 지도자, 그리고 滿洲族의 위대함을 찬양하는 방향으로 제작되었다.

Г. М. 로조프에 의해 완성된 安春古倫 國史의 번역서는 현재 러시아사람들의 관심을 끌고 있다. 나는 이 책이 사람들의 많은 관심을 끌것으로 희망한다. 왜냐하면 중세기에 러시아의 극동지구(아무르강 및 프리모리예지역)의 각 주민들은 女真人에 의해 세워진 금제국의 건립과 그들의 찬란한 문화를 형성하는데 적극적으로 참여하였기 때문이다. 내가 보기엔 누구든 로조프의 이 책을 손에 잡고 한 장 한 장 넘겨간다면 극적인 사건들로 가득한 역사들을 생생하게 기록한 이 책의 흥취를 만끽할 수 있을 것이다.

원고의 출판작업은 러시아과학원 시베리아분소 고고민족학 연구소의 동방고고역사 분과에 의해 수행되었다. 이 책의 출판작업에 있어서 상트 페테르부르크 분소의 東方學 研究所 副院長인 國家博士 Е. И. 꼬이차노프, 極東研究所 主任이며 러시아과학원 부회원인 В. С. 마스니코프가 큰 역할을 하였다. 중앙아시아 및 동아시아의 중세시기 주민의 역사에 대한 거장이며 얼마전에 故人이 된 東洋史學家인 國家博士 А. Г. 말라브킨도 이 책의 출판을 위해 많은 노력을 기울였다. 편년사의 오류를 바로잡고 원고를 보다 내용을 충실히 하기 위해서 기록된 주석들은 그의 손에 의해 작성되었다. 女眞史의 초기단계에 관한 개술은 독자들에게 金帝國 建立過程中的 역사적인 사건을 소개하기 위한 것이다.

마지막으로 지적할 것은 우리 분과에서는 Л. В. 튜류미나에 의해 번역된 遼史의 출판작업을 시작했다는 것이다. 이또한 로조프의 책과 마찬가지로 시베리아의 동방학자들의 일련의 출판물인 [동아시아의 역사와 문화]시리즈로 출판 될 것이다. 이것은 18세기에 쓰여진 거란사에 대한 책으로 러시아의 동방학계에서는 최초였다.

<< 註 釋 >>

- 1) <太清古論與烏赫爾科里 - 中國(현재의 滿洲에 해당)政府의 법률 및 규정> 상트 페테르부르크, 1781~1783년, 제 1-3권.
<滿洲族의 기원과 상황 및 八旗軍의 조직과 관리상황에 대한 상세보고> 상트 페테르부르크, 1784년, 1-17권.
- 2) 소련과학원 문서보관소 П 21 д 1 оп 5
국립소련고문서보관소 Ф181 No. 203/351, оп 3
- 3) БИЛ Ф178 м No.10714
- 4) 국립소련고문서보관소 Ф181 No. 423/875, оп 5
- 5) 국립소련고문서보관소 Ф181 No. 421/873, оп 5
- 6) БИЛ Ф313 м. 2949
- 7) 국립소련고문서보관소 Ф183 д 56 оп 1
- 8) Н. Я. 비추린 <古代 中央아시아 民族에 관한 자료집> 모스크바-레닌그라드, 1950-53년 총 3권.
- 9) В. 고르스끼 <滿洲王朝의 胎動과 初期事業> <<러시아북극종교사절단 논문집>> 상트 페테르

부르그, 1852년, 제 1권. ;

----- <清朝의 創始者의 族系와 滿洲族의 이름에 대하여> 이하 위와 상동.

B. П. 바실리에프스키 <<10-13세기 중앙아시아 동부의 역사와 유적, 부록: 거란, 女眞, 蒙古-타타르와 관련한 중국자료의 번역문>> 상트 페테르부르그, 1857년.

----- <元-明代 女眞人에 관한 자료> <<상트 페테르부르그대학 1858년 연보>> 1859년 상트 페테르부르그.

----- <滿洲에 관한 기록> <<러시아 지리학회 회보>> 1958년 12호.

----- <<清代初期 蒙古人의 服屬에 관한 기록 (聖武記에 근거해서)>> 상트 페테르부르그, 1883년.

0) 빨라다이 까파로프 <1870년 北京에서 滿洲를 經由해 블라고베셴스크 이르는 道程에 관한 기록> <<러시아 지리학회 회보>> 1871년 제 8권, 1책.

----- <우수리지역의 역사개관 -滿洲史와 관련을 중심으로> <<러시아 지리학회 회보>> 1871년 제 8권 1책.

----- <우수리 남쪽지역의 民族學적 고찰> <<러시아 지리학회 회간>> 1871년 제 7권 2,3,6,7,책.

----- <<聖武記 개요>> 북경, 1907년.

B. 빠노프 <빨라다이 大司祭의 1870년-1871년 고고학적 연구> <<극동>> 1898년 10호. П. 까파로프 및 다른 연구자들의 극동지역에 대한 연구 및 연구서목록은 다음문헌 참조.

B. E. 라리체프 <잊혀졌던 빨라다이 까파로프의 野帳> <<러시아과학원 시베리아분소 통보(사회과학편)>> 1960년 1호.

----- <<돌 거북이의 비밀>> 노보시비르스크, 1966년.

----- <<동쪽 異邦國으로의 여행>> 노보시비르스크, 1973년.

1) B. 빠노프 <발해와의 교류와 관련한 일본의 기록들> <<극동>> 1892년, 제 7권 2,4,8,9,11호

П. B. 뽀뽀프 <초기 쓰이르의 유적> <<러시아고고학회 동방부서 회보>> 1904년 제 16권 1호.

Д. 뽀즈네예프 <북부일본의 역사에 대한 자료 및 아시아와 러시아와의 관계있는 자료> 동경, 1909년 제 2권 1호.

A. B. 그레벤쉬코프 <<滿語 圖書의 版本에 대한 簡述>> 블라디보스톡, 1909년.

----- <滿洲인과 그들의 언어, 문자> <<동방학연구소 통보>> 1912년 제 15권 1호.

----- <극동 - 역사적 개요> <<북아시아>> 1926년 제 5-6호.

----- <고고학자료에 근거한 아무르주의 역사연구> <<아무르주 연구회 성립 기념논문집>> 1916

A. E. 류비모프 <아무르주 연구와 관련된 새로운 滿洲의 자료 - 1608년부터 1812년까지> <<러시아 고고학회 동방부서 회보>> 1909, 19호.

A. B. 루다코프 <吉林省 軍事力의 發展史> <<동방학연구소 통보>> 블라디보스톡, 1902년, 제 5권. 1903년 제 4권.

----- <길림성의 중국문화사자료 -1644년부터 1902년까지>(吉林通志를 번역하며 동시에 중국의 최신 관청자료를 보충한 것임) 블라디보스톡, 1903년 제 1권.

----- <<滿洲의 정치제도>> 콜로타이프판

И. 도브롤롭스키 <黑龍江通誌記略> <<遠東報>>(러시아 및 중어공용의 잡지) 하얼빈, 1908 제 1호.

- 12) Н. В. Ку네르 <<북방민족과 관련한 중국의 자료>> 모스크바, 1961년 제 1권.
 ---- <<남부시베리아, 중앙아시아 및 극동과 관련한 중국자료>> 모스크바, 1961년.
 13) А. Г. 말라브킨 <安春古倫의 滿語版> <<소련과학원 시베리아분소 통보>>(사회과학편) 1977
 년 1호.
 14) А. Г. 말라브킨 전계서 96-100쪽.

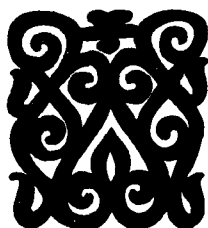
****비탈리 에피파노비치 라리체프(Виталий Епифанович Ларичев)**

:1932년생. 레닌그라드대학 동방학부 졸업. 국가박사

현재 러시아과학원 시베리아분소 고고민족학연구소 동방 고고,역사분과 주임

노보시비르스크 동방학계의 대표적인 출판물인 1972년부터 간행되고있는 <동아시아의 역사와 문화>
 시리즈의 주편을 담당하고 있다.

****韓國語 翻譯 : 姜仁旭 (러시아과학원 시베리아 분소 고고민족학연구소 연구원)**

В.С. Мясников

РУССКИЙ МАНЬЧЖУРОВЕД Г.М. РОЗОВ

Имя Григория Михайловича Розова (1808 - 1853) относится ныне к числу полузабытых имен русских востоковедов первой половины XIX в. Это объясняется тем, что его практическая деятельность ограничивалась кругом обязанностей переводчика с маньчжурского в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и была известна лишь сравнительно узкому кругу лиц. Научные же труды его не опубликованы и остались достоянием архивов, хотя их издание принесло бы автору заслуженную известность. Даже в специальной литературе о Г.М. Розове практически нет сведений. Лишь Э. Бретшнейдер в своей обстоятельной "Истории европейских ботанических открытий в Китае" упоминает о Григории Розове как о "молодом человеке, который отправился в Пекин с 11-й Русской духовной миссией, чтобы изучить там китайский, маньчжурский и монгольский языки. В 1830 г. он был спутником Бунге¹ при проезде через Монголию в Пекин, и когда Розов десять лет спустя вернулся из Китая, он передал Бунге небольшую коллекцию растений, собранную им близ Пекина и в Монголии во время путешествия домой в 1841 г. Профессор В.П. Васильев (бывший с миссией в Пекине в 1840 - 1850 гг.) говорил мне, что он был не миссионером, а студентом, прикомандированным к миссии"².

Полвека спустя Б.К. Пашков посвятил несколько строк Г.М. Розову - автору одной из первых в отечественном востоковедении грамматик маньчжурского языка³. Этим, собственно, и ограничиваются литературные известия о Григории Розове - маньчжуроведе, первоклассном знатоке маньчжурского, китайского и монгольского языков, посвятившем свои ученые занятия маньчжурской и китайской филологии, а также средневековой истории Китая и сопредельных государств.

Он родился в 1808 г., вероятно, в Новгороде или в Новгородской губернии, получил образование в Новгородской семинарии. Как указывал Розов, родители его были "из духовного звания". Никаких сведений о том, владели ли они или он сам каким-либо имуществом, не имеется. Всю жизнь источником его существования был казенный кошт - от семинарских харчей до чиновничьего жалования.

Двадцати одного года от роду он окончил семинарию и дал согласие отправиться в далекий Пекин с очередной сменой состава духовной миссии. Новгородский митрополит Серафим докладывал в Синод, что "к поступлению в звание псаломщика в Пекинской духовной миссии изъявил согласие Новгородской семинарии ученик 2-го разряда Григорий Розов, кончивший ныне курс семинарского учения с хорошою нравственностью и успехами"⁴.

Выбор жизненного пути, очевидно, в равной мере был определен и любознательностью молодого ума, и безысходностью материального положения⁵. Будущий псаломщик миссии немедленно был отправлен в Петербург, получив от правления семинарии 225 руб. на экипировку и дорожные расходы. По приезде в Петербург Григорий Розов был приставлен "к переводчику при Азиатском департаменте монаху Иакинфу для обучения китайскому языку"⁶.

Занятия с Н.Я. Бичуриным не могли не оставить глубокого следа в душе молодого семинариста. Известная общность их судеб - происхождение из бедной семьи, семинарские годы, отправление в Пекинскую миссию - сближали учителя и ученика. Вместе с тем хорошо известно, каким энтузиастом научного изучения Китая был "первый русский китаевед", как он многих своих современников, в том числе А.С. Пушкина, увлекал своей страстью к народу и культуре "Срединного государства". Это горячее отношение к предмету научных знаний Н.Я. Бичурин прививал и своим ученикам, которые могли получить у него поистине энциклопедические знания о Китае. Занятия языком по созданной Н.Я. Бичуриным "Грамматике", сотни книг из его личной библиотеки, которые могли служить пособиями при изучении любых текстов, альбомы со сделанными в Пекине зарисовками, китайские вещи и т.п. - все это создавало такую атмосферу, благодаря которой китаеведение сразу же переставало быть

надоедливой зубрежкой трудной иероглифики и превращалась в средство познания огромного и удивительного мира.

26 декабря 1829 г. Г.М. Розов был зачислен псаломщиком при Пекинской духовной миссии. Маршрут миссионеров в Пекин лежал через Сибирь, Забайкалье, Монголию. Последним русским городом на этом пути была Кяхта, куда Розов и его спутники прибыли в конце июня 1830 г. После кратковременного отдыха и хлопот, связанных с оснащением каравана, они по старой ургинской дороге отправились в столицу Поднебесной. Там им предстояло провести десять лет.

Следует заметить, что отношение цинских властей к миссии в этот период было неплохим, а глава ее, Вениамин, заслужил большое уважение в официальных кругах столицы маньчжурской империи преподаванием в казенном училище русского языка для будущих переводчиков, назначавшихся на различные должности в учреждения, ведавшие отношениями с Россией.

Вместе с тем, условия жизни в Пекине для миссионеров были очень тяжелыми. Розов и его спутники прибыли в главный город цинской державы в конце июня 1831 г. и сразу же попали в "футянь" - самое влажное и жаркое время года, изнуряющее человека духотой, связанной с нею бессонницей, вызывающее общую апатию. Жилые помещения и классы для занятий в миссии были тесными и неудобными. С трудом привыкали вновь прибывшие к острой и пряной кухне, в которой не было столь привычных хлеба, молочных продуктов и многого другого. Не легче становилось и зимой, когда дули холодные северные ветры, от которых не спасали плохо отапливаемые помещения⁷, и весной, когда особо свирепствовали пыльные бури, приносившие с собой тучи всепроникающих мельчайших частичек лесса. Лишь дальневосточная осень голубизной неба и золотом листвы, спокойной прохладой и щедростью плодов земли напоминала о родной природе. Непривычный климат и плохо устроенный быт вызывали частые болезни среди миссионеров. И хотя с почтой из России присылали тюки и ящики с медикаментами, но уже год спустя один из студентов миссии - Курляндцев - вынужден был по болезни уехать домой.

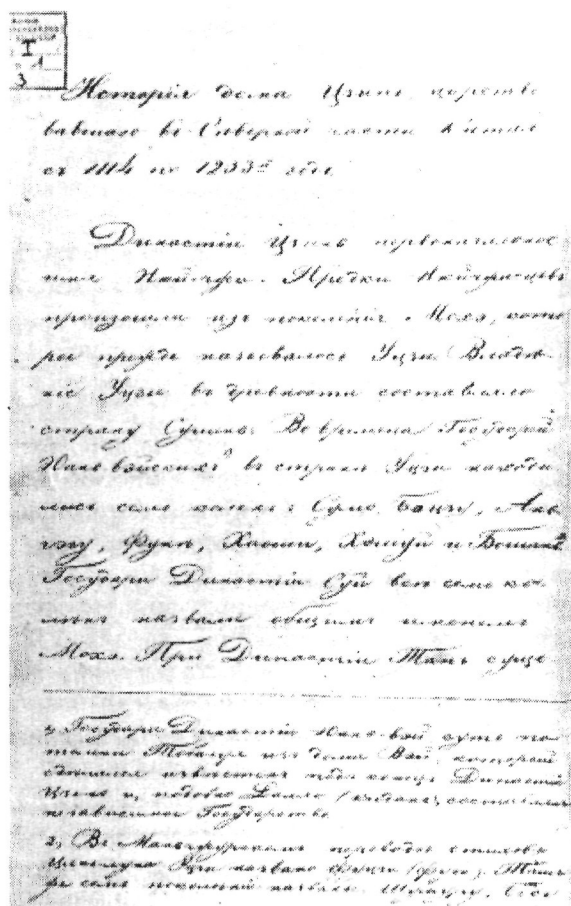
Уроки Бичурина не были забыты Розовым. Он тотчас же стал просить, чтобы его зачислили студентом на освободившееся вакантное место. Но этот вопрос мог быть решен лишь в Петербурге. Поэтому, несмотря на поддержку со стороны начальника миссии, лишь 20 марта 1833 г. "на основании высочайше утвержденного доклада Григорий Михайлов Розов... поступил в студенты означенной миссии и уволен из духовного звания". Событие это было для Г.М. Розова вдвойне радостным: он не только сбросил церковное облачение, но и его стремление к изучению Китая, его языка и обычаев, истории и быта, проявленное им с первых дней пребывания в Пекине, получило теперь официальное одобрение и поощрение. Новому студенту одновременно был пожалован в награду годовой оклад⁸. Он мог теперь сам покупать книги, приплачивать учителям. С апреля его вместе с иеромонахом Ф. Киселевским в Сретенском подворье миссии начал учить китайскому языку маньчжурский солдат Дэ, имевший первую ученую степень сюцяя⁹.

Переход Розова из духовного звания в студенты миссии означал, что в Пекине теперь из него готовили будущего чиновника, образованного в китайских делах. Уже в сентябре 1833 г. совет миссии, на основании представленного права, произвел Григория Розова в низший по табели о рангах гражданский чин - коллежского регистратора¹⁰.

В этом же году в миссии произошло неожиданное событие, взволновавшее всех. В Пекин из самой далекой южной провинции Цинской империи пришел пешком русский старик, заявивший, что он уроженец Смоленщины и что зовут его Иван. В 1777 г. при бегстве торгово-ремесленных людей из пределов России он был захвачен в плен и продан в рабство в Юньнань. Ему было уже за восемьдесят, он не мог больше работать на медных рудниках и стремился лишь к одному - умереть дома. Его отпустили в миссию с тем, чтобы при смене ее состава он был отправлен в Россию. Этот пример неудержимого стремления к дому, к родине, невольно навел на миссионеров очередной приступ тоски по родным краям¹¹.

Но Г.М. Розов упорно продолжал занятия языками. С 1835 г. он основное внимание уделяет маньчжурскому языку, причем ему посчастливилось стать учеником наиболее образованного из всех прикрепленных к миссии учителей - маньчжура Сэ, служившего одновременно переводчиком и чиновником комиссии сочинений государственной истории. Розов быстро совершенствовался в знании маньчжурского и вместе с Сэ начал подбирать себе для перевода какое-либо крупное сочинение по истории маньчжуров. Одновременно он начал составлять маньчжурско-русский словарь и готовить грамматику маньчжурского языка. В области маньчжуроведения он шел тем же путем, что и Н.Я. Бичурин в синологии.

Не только климат и неустроенность быта отрицательно действовали на здоровье миссионеров. Изнуряли их и многочисленные занятия (порой по 12 - 14 часов в день). В апреле 1835 г. Сенат ходатайствовал перед цинским правительством об изменении условий Кяхтинского (1727) договора, касающихся пребывания в Пекине членов духовной миссии. В "листе", направленном в Лифаньюань, подчеркивалось, что десятилетний срок пребывания в Пекине членов миссии, определенной трактатом, является для многих членов миссии весьма трудно переносимым. В связи с этим высказывалась просьба о разрешении производить смену хотя бы части членов миссии через 5 лет, когда для миссии направлялся

Первая страница рукописи перевода Г.М. Розова

караван с серебром. Рассмотрев это послание, чиновники Лифаньюаня сочли, что целесообразнее производить отсылку больных членов миссии и учеников по мере необходимости, а не раз в 5 лет. Это их предложение и было утверждено императором¹².

В 1836 г. по болезни покинул миссию и отправился на родину еще один студент - Кованько. Розов же продолжал трудиться как одержимый, не щадя собственного здоровья. Предметом его занятий, наряду со словарем и грамматикой, был перевод с маньчжурской истории династии Айсинь Гурунь (кит. Цзинь), создавшей в 1115 г. "Золотую империю", разгромленную затем в 1234 г. монголами-чингисидами. Выбор этого сочинения для перевода на русский, с одной стороны, вероятно, был подсказан преподавателем историографии Сэ, а с другой - навеян методикой Бичурина, стремившегося осветить для русского и европейского читателя основные моменты истории Китая и его соседей. Перевод производился с маньчжурского, но для контроля и правильности понимания трудных мест служили и имевшиеся в личной библиотеке Розова два издания "Цзинь ши" на китайском языке: одно состояло из 10 бэней (томиков) в двух тао (съемных переплетах), а другое - из 18 бэней в двух тао и содержало обширные комментарии к наиболее трудным частям текста¹³.

Занятия Розова поощрялись руководством миссии - ведь успешность ее деятельности определялась и научными достижениями ее членов. Точно по прошествии трех лет после присвоения низшего чина, 4 сентября 1836 г. совет миссии произвел его в губернские секретари - чин 12 класса по тогдашней табели о рангах. Исключительная целеустремленность и упорство, свойственные Розову, позволили ему добиться успехов, каких не достиг ни один из его коллег по миссии.

Тем временем миссионеры начали готовиться к возвращению домой. В "листе" от 22 октября 1838 г. Сенат известил Лифаньюаня о намерении русского правительства произвести смену состава духовной миссии во главе с Вениамином. Выезд из Кяхты нового состава миссии намечался на начало августа 1839 г. Император Сюань-цзун (Даогуан) в мае 1839 г. разрешил произвести замену, а Лифаньюаня обещал выслать в Кяхту чиновника для препровождения новой миссии в Пекин и отпуска старого состава миссии¹⁴. Переписка по этому поводу между Сенатом и Лифаньюанем была известна миссионерам. Но как ни велико было их нетерпение, они были бессильны ускорить ход событий. Совет миссии 4 сентября 1839 г. произвел Г.М. Розова в коллежские секретари - 10-й гражданский чин.

Новый состав миссии прибыл в Кяхту лишь в конце мая 1840 г. Последние дни пребывания в Пекине были омрачены для миссионеров смертью сверстника Розова и его напарника по занятиям китайским языком Ф. Киселевского. Врач миссии П.Е. Кириллов, пользовавшийся славой отличного медика не только в миссии, но и во всей китайской столице, не смог спасти этого своего пациента, скончавшегося 1 июня 1840 г. Из девяти прибывших с Розовым товарищей в обратный путь отправлялось лишь шестеро.

Кяхта радушно встретила возвращавшихся на родину пекинских "сидельцев". И для них все было радостно - и русские люди вокруг, и русская речь, и гостеприимное хлебосольство. Григорий Михайлович особенно сблизился с семейством служившего при Кяхтинской таможне надворного советника Александра Михайлова. Дочь Михайлова - Христина - тронула его сердце заботливой ласковостью, живым умом, чистосердечностью. Да и ее заинтересовали не только рассказы Григория Михайловича о том, как живут китайцы не в соседнем Маймайчэне, а там, в своей далекой и загадочной стране, но и подмеченная ею какая-то скрытая внутренняя сила этого скромного и образованного человека. Расставание их было грустным, но миссию уже ждали в Петербурге.

Через Сибирь, как и в первый раз, проехали зимним путем и к весне 1842 г. добрались до столицы. Руководство миссии дало Розову наилучшую аттестацию, и он был "на основании доклада г-на вице-канцлера, удостоенного высочайшего утверждения, во 2-ой день мая 1842 года оставлен при Азиатском департаменте в качестве переводчика с маньчжурского языка"¹⁵. В тот же день последовал и другой указ, гласивший, что "по засвидетельствованию начальства об отличном усердии и трудах его во время десятилетнего пребывания в Пекине" Г.М. Розову предоставлен "пожизненный пенсион по пятисот рублей серебра в год и следующий чин титулярного советника". Его научные успехи в миссии, упорный и целеустремленный труд были отмечены орденом Станислава 3-й степени.

Скромный семинарист, прилежный студент при миссии превратился в государственного чиновника. Он уже не принадлежал ни себе, ни науке, к которой стремился. Каждый шаг его отныне отмечался в формулярных списках.

Когда в январе 1844 г. Григорий Михайлович решил жениться, он подал в Азиатский департамент рапорт: "Желая вступить в первый законный брак с дочерью служащего при Кяхтинской таможне надворного советника Михайлова, девицею Христиною Александровою, с общего согласия на оный как самой девицы, так и ее родителей, - покорнейше прошу Азиатский департамент позволить мне сей брак и снабдить меня свидетельством"¹⁶. По счастью, начальство благосклонно отнеслось к этой женитьбе.

С этим петербургским периодом жизни Г.М. Розова совпадает по времени подъем научного китаеведения в России, связанный, в первую очередь, с трудами Н.Я. Бичурина. Если в момент первого знакомства Розова с Бичуриным последний представил русской общественности географические описания сопредельных с Китаем стран, то теперь одно за другим выходили в свет его основные сочинения по истории Китая и его соседей¹⁷. Читатели и критики проявляли большой интерес к этим трудам. Начало развиваться и преподавание китайского языка в России. В 1835 - 1836 гг. открылась школа китайского языка в Кяхте, в 1837 г. началось преподавание китаеведческих дисциплин в Казанском университете.

Сам Г.М. Розов располагал прекрасной библиотекой китайской и маньчжурской литературы, приобретенной им в Пекине. Его книжная коллекция свидетельствовала о разностороннем характере интересов ученого. Так, кроме двух уже упоминавшихся изданий "Цзинь ши", он имел для работы в области истории Китая такие труды, как "Тунцзянь ганму" (120 бэней, 12 тао), "Мин ши" (111 бэней, 12 тао), "Дун хуа лу" (16 бэней, 2 тао), "Минмо цзинчу цзылэ" - "Очерк последнего периода Минской династии и начала династии Цзылэ" (то есть Цинской - В.М.) - редкое сочинение, рукопись которого на китайском и маньчжурском языках обошлась Розову недешево. Как вспомогательным пособием он пользовался "Китайской хронологией" ("Лидайдэ ваньяньбяо")¹⁸.

Весьма богато в розовской коллекции была представлена китайская классическая литература. Здесь находились и древние каноны - "Шуцзин", "Шицзин", "Ицзин", "Чуньцю", "Сышу", причем некоторые из них в разных изданиях ("Сышу", например, было и с параллельным маньчжурским текстом), а также классические средневековые романы - "Хунлоу мын", "Цзинь, Пин, Мэй". Г.М. Розова интересовали и географические описания Цинской империи, у него под рукой были: "Описание Пекина" ("Чжэньян шилю"), китайский "Адрес-календарь" ("Дайцзинь кушень"), "Описание западного края" ("Юйцзян туши"), "Гуань син цзи" ("География Китая"), "Европейские географические сочинения для китайцев" ("Шэньюй тумо"), справочная книга, в которой давалось определение северного полюса для каждой провинции Цинской империи - "Саньтань хэн синту", а также почти два десятка китайских карт, литографированных и рукописных.

Самую большую часть библиотеки составляли филологические труды, среди которых, в первую очередь, заслуживают внимания: "Канси цзыдянь" - Китайский толковый словарь, созданный в период правления императора Сюань Е (Канси) и состоявший из 40 бэней в 6 тао; "Маньхань цинвэнь цимэнь" - "Книга для первоначального изучения маньчжурского и китайского языков"; "Цинхань цинвэнь" -

"Маньчжурско-китайская фразеология"; "Маньчжу гувэнь" - перевод с китайского на маньчжурский "Образцовых сочинений" (36 бэней в 6 тао). Китайские и маньчжурские фразеологии под названием "Саньхэ ваньли", "Саньхэ юйлу" и десятки других книг также служили пособиями для овладения китайским и маньчжурским языками и практической работы с ними¹⁹.

Невольно возникает вопрос, почему же Г.М. Розов не продолжил столь успешно начатую в миссии деятельность переводчика китайской и маньчжурской классики? Почему на родине он не следовал примеру Н.Я. Бичурина и даже не пытался опубликовать свои уже готовые труды? На наш взгляд, не может быть однозначного ответа, объясняющего причину прекращения Г.М. Розовым научного творчества. Вероятно, ряд причин и обстоятельств привели к этому.

Во-первых, на долю Г.М. Розова приходилась большая часть официальных переводов с маньчжурского и китайского языков в Азиатском департаменте. Ведь другим переводчиком с китайского там числился Н.Я. Бичурин, который и в силу своего возраста, и в связи с работой над "Собранием сведений..." не мог уже отдавать время "казенным" переводам.

Кроме того, на Розова, как на знатока Китая, возлагалась обязанность не только переводить "листы" Лифаньюаня и российского Сената, но и составлять обобщающие документы. Период его службы в Азиатском департаменте падает как раз на начало колониальной экспансии западных держав и США в Китае. Русское правительство следило за ходом первой "опиумной" войны, обстоятельствами подписания неравноправных договоров, дальнейшими намерениями Англии и Франции. Информация из Пекина поступала с большим опозданием. Оценка сообщений английской и французской печати, действий цинского правительства производилась, разумеется, и компетентными чиновниками МИД в Петербурге. Активизировалась и собственная позиция России на Дальнем Востоке. На конец 1840-х гг. приходится первые успехи экспедиции Г.И. Невельского, наступает заключительная фаза определения дальневосточной русско-китайской границы, происходят существенные сдвиги в экономических отношениях двух стран. В этих условиях Г.М. Розову пришлось сосредоточить максимум усилий на работе в Азиатском департаменте.

Другой причиной того, что Григорий Михайлович не мог заниматься научным Китаеведением, являлось состояние его здоровья. Ведь не случайно с момента возвращения из Пекина он постоянно получал пенсию. Лишения и изнурительный труд, перенесенные им во время пребывания в миссии, не прошли бесследно.

И, наконец, известно, как дорого обходилось издание Китаеведческих работ в то время, с какими финансовыми затруднениями сталкивался, например, Н.Я. Бичурин. Живя на оклад (600 руб. в год) и пенсию (500 руб. в год), Г.М. Розов фактически не мог себе позволить "лишние" траты. У него была довольно многочисленная семья: кроме трех детей, он воспитывал после смерти брата, бывшего в Новгороде священником, трех осиротевших племянниц. Из бюджета семьи, еле сводившей концы с концами, выделить любые, даже самые мизерные, суммы на книгоиздательство было бы непозволительной роскошью.

Между тем продвижение Г.М. Розова по служебной лестнице продолжалось без отклонений. За 15 лет службы он был награжден знаком отличия. Наиболее ярким эпизодом его деятельности в эти годы было преподавание маньчжурского языка членам 13-й духовной миссии, готовившейся в 1848 г. к отправлению в Пекин. Миссию формировал Палладий Кафаров, специально прибывший из Пекина. Он же, вместе с Н.Я. Бичуриным и А. Честным, ознакомил будущих миссионеров с основами китайского языка. Маньчжурскому же их обучал Г.М. Розов, среди учеников которого следует отметить М.Д. Храповицкого, проявившего во время пребывания в миссии большой интерес к истории Цинской империи.

Опыт преподавания был вполне успешным. В декабре 1848 г. директор Азиатского департамента ходатайствовал о выдаче 600 руб. серебром "обучавшему членов помянутой миссии маньчжурскому языку коллежскому асессору Розову в награду за усердие, постоянно им оказываемое, и за особенные труды его по обучению членов Пекинской миссии"²⁰. Ходатайство было удовлетворено.

В начале 50-х гг. здоровье Г.М. Розова значительно ухудшилось. Петербургский климат, очевидно, был не менее пагубным для его больного организма. 4 февраля 1853 г. Григория Михайловича не стало. 14 февраля 1853 г. директор Азиатского департамента писал в связи с этим: "Служивший в Азиатском департаменте главным переводчиком маньчжурского языка надворный советник Розов помер 4-го февраля, оставив жену и трех малолетних детей без всякого состояния. Розов с отличием служил с лишком 23 года, из коих 10 лет провел в Пекине, где вредный для него климат расстроил его здоровье. Тем не менее он, по возвращении в Россию, невзирая на слабое свое здоровье, с примерным усердием продолжал исполнять долг службы и, кроме прямых обязанностей по званию переводчика, имел постоянные занятия по Азиатскому департаменту"²¹. Этот отрывок из ходатайства о назначении Х.А. Розовой пенсии и устройство детей Г.М. Розова в учебные заведения на казенный счет является и своеобразным некрологом одному из первых и лучших русских маньчжуроведов.

Ему было всего 45 лет. Его учитель Н.Я. Бичурин скончался в том же году 11 мая в возрасте 76 лет. Современники и коллеги иногда сравнивали их, считая, что Г.М. Розов мог бы сыграть в русском

маньчжуроведении ту же роль, что играл Н.Я. Бичурин в отечественной синологии. ""История династии Гинь или Цзинь (Золотой)", переведенная на русский язык Г. Розовым, - писал бывший в 11-й миссии китаевед А. Честной, - будет не менее и не хуже "Истории четырех ханов из дома Чингисова", переведенной о. Иакинфом"²². Перевод "Цзинь ши", выполненный Г.М. Розовым свыше 130 лет назад, не утратил своей ценности для науки. Данная публикация сделает его доступным не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется "глубокой стариной" русского и зарубежного Дальнего Востока.

Примечания

¹ Бунге А.А. (1803 - 1890) - русский флорист-систематик. В 1825 г. окончил Дерптский университет. Был профессором Казанского (1833 - 1836) и Дерптского (1836 - 1867) университетов (см.: **Библиографический словарь** деятелей естествознания и техники. - М., 1958. - Т. I. - С. 118). При отправлении в Пекин 11-й духовной миссии, Бунге по поручению Академии Наук сопровождал ее вместе с астрономом Фуксом и монголоведом О.М. Ковалевским.

² **History of European Botanical Discoveries in China**, by E. Bretschneider. - London - St.Petersburg, 1898. - Vol. 1. - P. 346.

³ **Пашков Б.К.** Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности // Кр. сообщ. Ин-та востоковедения АН СССР. - 1956. - Т. XVIII. - С. 3 - 18.

⁴ **АВПР**, ф. СПб. гл. архив, IV - I, 1829 - 1863, д. 11, л. 2.

⁵ Как указывает известный историограф миссии Адоратский, члены миссии "большей частью недобровольно, из послушания шли в неведомую страну, потому что в отечестве им не удавалось пристроиться. Такая подневольная жизнь была для многих пыткой" (см.: **Адоратский. Отец Иакинф Бичурин** // Православный собеседник. - 1886. - С. 1, 167).

⁶ **АВПР**, ф. СПб. гл. архив, IV - I, 1829 - 1863, д. 11, л. 2.

⁷ Один из руководителей миссии Аввакум Честной в рапорте Азиатскому департаменту писал: "Студенческие комнаты узки и тесны, неудачны для занятий с учителями, зимою опасны для здоровья. Нельзя прислониться ни к одной стене - иначе сырость и холод проникнут во все кости, и ревматизм, здесь столь обыкновенный, - неизбежен... В зимнее время ноги постоянно страдают от жару, а плечи и спина - от сырости и холода" (цит. по: **Скачков К.А.** Пекин в дни тайпинского восстания. - М., 1958. - С. 15).

⁸ **АВПР**, ф. ДЛС и ХД, 1840 - 1853, д. 2895, л. 1.

⁹ Ф. Киселевский так характеризовал в своих записках учителей, нанимавшихся для миссии: "Солдат сюцай Энх нанят в начале мая, в половине того же месяца с бесчестьем отставлен... Крестьянский сюцай Ван - с половины мая 1833 г., в конце августа отставлен за пьянство... Чортхэ лама, учитель тибетского языка с января 1833 г., в конце декабря того же года оставил нас, как раков на мели. Солдат сюцай Чэн нанят с сентября 1833 г., получал 4 ланы в месяц. Учитель китайского языка - один из лучших, но такая шельма, которая беспрестанными отпусками и неявками к сроку причиняет множество беспокойства и досады. Он ходил только по 1836 г. и отставлен" (цит. по: **Скачков К.А.** Указ. соч. - С. 16).

¹⁰ **АВПР**, ф. ДЛС и ХД, 1840 - 1853, д. 2895, л. 1.

¹¹ **ЦГА КНР**, АМЦД, ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло), д. 17, л. 00031 - 00032.

¹² **Там же**, д. 18, л. 00003 - 00005, 00011 - 00015.

¹³ **АВПР**, ф. СПб. гл. архив, IV - I, 1829 - 1863, д. 11, л. 72 об.

¹⁴ **ЦГА КНР**, АМПД, ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло), д. 18, с. 00023 - 00029.

¹⁵ **АВПР**, ф. ДЛС и ХД, 1840 - 1853, д. 2895, л. 3 - 4.

¹⁶ **АВПР**, СПб. гл. архив, IV - I, 1844 - 1851, д. 2, л. 5.

¹⁷ "Описание Тибета в его нынешнем состоянии" (1828); "Записки о Монголии" (1828); "Китай, его нравы, обычаи" (1840); "Статистическое описание Китайской империи" (1842); "Китай в гражданском и нравственном состоянии" (1848); "История первых четырех ханов из дома Чингисова" (1829); "Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени" (1834); "История Тибета и Хухунора с 2282 г. до н.э. по 1227 г. н.э." (1833); "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейших времен" (1851).

¹⁸ **АВПР**, ф. СПб. гл. архив, IV - I, 1829 - 1863, д. 11, л. 71 - 74.

¹⁹ После смерти Г.М. Розова его библиотеку приобрел Азиатский департамент, откуда позднее она перешла в фонды ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

²⁰ **АВПР**, ф. СПб. гл. архив, I - 5, 1823, д. 19, папка 48, л. 2 об.

²¹ **Там же**, IV - I, 1829 - 1863, д. 11, л. 34 об.

²² **РОГБЛ**, шифр 2888/1, л. 325 об.

В.Е. Ларичев

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ

В политической и культурной истории народов Дальнего Востока чжурчжэни занимают исключительно важное место. Не случайно в последние десятилетия к ним приковано особо пристальное внимание исследователей восточно-азиатской этнокультурной области.

Если обратиться к эпохе раннего средневековья, то впервые название "чжурчжэнь" появилось на страницах источников первой половины VII в. Происхождение их в летописных хрониках по традиции связывалось с древними тунгусо-маньчжурскими племенами - сушень, илоу, уцзи, а затем - мохэ, которые с незапамятных времен, сменяя друг друга, заселяли горные районы и речные долины Маньчжурии, Приамурья и Приморья. Чжурчжэни считались безраздельными хозяевами земель по рекам Сунгари, Уссури, Нонни, Ялу и Амур, а также в пределах границ горной системы Чанбошань и отрогов Сихотэ-Алиня.

Богатая страна севера славилась среди соседей разнообразными природными ресурсами и продуктами хозяйства коренных племен: превосходными лошадьми, коровами, овцами, кабанами, тонкими холстами; ондатрами, белками, соболями и осетрами. Мастера по изготовлению оружия на востоке Азии хорошо знали медь и железо древнего края, а ювелиры помнили, что в долинах говорливых таежных и горных рек укрыты богатые россыпи золота и серебра. В укромных уголках роскошных лесов Маньчжурии и Дальнего Востока встречался таинственный корень жизни - женьшень. В тех же местах можно было, при удаче, подстрелить оленя, чтобы затем из пантов приготовить чудесный эликсир, продлевающий жизнь. Там раскинулись благодатные земли, откуда во многие дальние страны востока издавна расходились экзотические товары севера - моржовый клык и зрачки кита, кедровые орехи и красная яшма, крабы и жемчуг, арбузы и воск. Охотники императорских дворов средневековой Кореи, Монголии и Китая гордились соколами и кречетами "страны восточного моря", а придворные красавицы мечтали о нарядах, украшенных нежным мехом соболей и белок, добытых в дремучей тайге, засыпанной ослепительно белым, поблескивающим алмазной чистотой снегом. Вместе с тем, северо-восток издавна считался краем суровой природы. Глубокие снега надолго покрывали его землю; сильные морозы могли вынести только привычные к холоду туземные обитатели северных стран. Даже вода в речках там была необычна - если брали ее в пригоршню, то она казалась черной по цвету.

Однако такие подробности о стране чжурчжэней стали известны сравнительно поздно. Долгое время сведения о самых первых их предках - сушенях - и о землях, которыми они испокон веков владели, оставались предельно скудными и, главное, настолько рассредоточенными в труднодоступных и сложных для понимания и перевода источниках, что до сих пор воссоздать по ним события далекого прошлого Дальнего Востока - задача исключительно сложная. Данное обстоятельство предопределяет острую необходимость разобраться в существе дела, разработать хотя бы краткий очерк истории предков маньчжур - чжурчжэней, а также их предшественников, освоивших многие века назад дальневосточные горы и долины¹. Главное внимание при этом, естественно, обращено на разделы, оставшиеся, по тем или иным причинам, неосвещенными в маньчжурском варианте "Истории Золотой империи", которая в переводе Г.М. Розова предлагается теперь вниманию читателей.

Археологические исследования на территории Дальнего Востока и прилегающих к нему районов Центральной и Восточной Азии со всей определенностью позитивных фактов свидетельствуют о глубоком и достаточно рано определившемся культурном и этническом своеобразии древнего населения бассейнов основных речных систем материковой части дальневосточного региона - Ляохэ, Нонни, Сунгари, Ялу, Тумангана, Уссури и Амура. В пределах этих областей располагалась одна из центральных по значению зон формирования на востоке Азии могущественного тунгусо-маньчжурского этнического пласта. Здесь же, главным образом, на северных окраинах Дальнего Востока, расселилась часть палеоазиатских народов,

история которых особенно наглядно и живо раскрывает отдельные важные детали процесса освоения человеком горно-таежной и степной зоны севера Восточной Азии, пограничной с Сибирью. Культурно-этнические процессы в отдаленные эпохи, изучение которых может вестись лишь на основании археологических материалов, сложны и многогранны. Было бы наивно, учитывая отдаленность времени, а также, главным образом, скудость сведений, определить своеобразие дальневосточного культурного региона в сравнении с собственно восточно-, а также центрально- и североазиатскими зонами культур древнекаменного века². Но что касается последующих эпох неолита, бронзы и раннего железного века, то отчетливо выраженную оригинальность культур Дальнего Востока, при сравнении с соответствующими по времени культурами собственно Китая, в особенности бассейнов рек Хуанхэ и Янцзы, а также отчасти пустынно-степной зоны Монголии, не подлежит сомнению³.

Начиная с последних веков до нашей эры, сведения о дальневосточных племенах появляются в письменных источниках, по большей части, в официальных летописных хрониках. Таким образом, впервые становится возможным представить по "этнографическим" замыслам путешественников, дипломатов и лазутчиков особенности жизни и быта древних обитателей Дальнего Востока так, как их наблюдали современники-соседи, и, что не менее важно, отметить связанные с ними конкретные эпизоды из политической и военной истории. Последнее обстоятельство вызывает исключительный интерес, поскольку позволяет подвергнуть анализу роль дальневосточных народов в полных драматических коллизиях событий на севере Восточной Азии в древности и в эпоху раннего средневековья. Внимательный анализ летописных хроник, в которых содержатся разнообразные сведения о так называемых "восточных иноземцах", со всей очевидностью показывает, сколько здесь еще открывается неиспользованных возможностей для воссоздания их ранней истории.

На востоке Азии о сушенях - самом древнем и загадочном народе севера - знали, если верить начальным страницам истории Китая, посвященным деяниям пяти легендарных императоров, очень давно⁴. Однако конкретные сведения о них ограничивались, по существу, лишь сообщениями о том, что их посольства преподносили при визитах ко двору императоров древки стрел из дерева *ку* с насаженными на них наконечниками, которые изготовлялись из камня *ну*. Сушени долгое время, по крайней мере, до конца эпохи Хань, представляли своего рода синоним диковинных и экзотических людей Дальнего Востока, юга Маньчжурии. Не случайно в древнем сочинении "Чжунсинской" в одном ряду с ними перечислялись "длинноногие", "белокожие", "люди с разными ногами", "однорукие", "мужеподобные", "люди с тремя туловищами", "плодородные" и "женоподобные". Не в лучшей кампании они упомянуты также на страницах знаменитого географического трактата эпохи Хань - "Шаньхайцзин". Если такие фантастические представления о сушенях господствовали в период Ханьской династии и непосредственно предшествующие ей века, то что реально могли знать о них на востоке Азии за два тысячелетия до этого? И все же сушени, несмотря ни на что, начиная с легендарной эпохи, упоминались как народ, совершенно определенный и играющий какую-то значительную роль, а также, из-за отсутствия конкретных сведений о нем, как нечто полуреальное. При всей досадной скудости информации о сушенях и эпизодах их политической истории, предшествующей времени "Трех династий", слова о значительности роли древнейших обитателей Дальнего Востока отнюдь не оговорка и не преувеличение. Далее будет раскрыт их истинный смысл.

Впервые имя народа сушень (в другом, реже встречающемся написании, - "сишень" и "цзишень") упомянуто в записях о примечательных событиях времен легендарного императора Шуня ("Шицзи", гл. Уда бэньцзи; "Хуайнаньцзи", гл. Юаньдаошунь; "Дидай лицзи", гл. Шаоцзянь). Сообщение предельно просто: в 2021 г. до н.э. ко двору прибыло посольство племени сушень и преподнесло подарки в виде стрел с грубыми каменными наконечниками. Хронологическая точность события, как бы оно важно ни было, вызывает, однако, подозрение, поскольку речь, собственно, идет об эпохе неолита, когда на территории Маньчжурии и Монголии существовала так называемая микролитическая культура, а в пределах Китая - культура яншао. Археологические материалы подтверждают контакты между ними, хотя трудно вообразить, чтобы уже на стадии новокаменного века, какой бы развитой ни казалась культура крашеной керамики бассейна реки Хуанхэ, велась точная фиксация происшествий, вроде случившегося в 2021 г. до н.э. Однако оставим в стороне многие несуразности, которые станут очевидными в случае доверия к хронологии. Гораздо важнее рассмотреть здесь вопрос о том, что, согласно источникам, заставило сушеней появиться при дворе Шуня, ибо в ответе скрывается, как увидим далее, ключ к правильной оценке множества последующих, сходных по характеру событий исключительного значения.

Благодатный материал для размышления на такую тему представляют комментарии Конфуция в ответ на вопрос его ученика Цзай Во о годах правления Шуня. Философ, оказывается, считал далеко не случайным, что именно к этому правителю пришли "с подарками своей кустарной промышленности" "варвары" всех четырех сторон Поднебесной: с севера - шаньжун, бэйфа и сушень; с юга - цзячжи и бэйху; с востока - чжани и даои; с запада - сижун, чэйчжи, цюйшоу, ди и цян. Такое всеобщее движение народов к "центру Поднебесной", согласно утверждению Конфуция, определялось тем обстоятельством, что

необычайно плодотворными оказались настойчивые усилия Шуня по наведению порядка в Китае, укреплению мира в стране, широкому распространению в империи просвещения, а также его неусыпная забота о расцвете народной культуры. Короче говоря, Шунь был идеальным государем. "Варварам" в такой ситуации, если следовать логике рассуждений Конфуция, не оставалось ничего другого, как продемонстрировать "свою лояльность" просвещенному сыну Неба.

Позже происходило то же самое. Один за другим вступали на престол добродетельные императоры - Юй династии Ся, Тан-ван династии Шан, Вэнь-ван династии Чжоу, а в разделе "Шаоцзянь" сочинения "Дадай лицзи" по поводу каждого из них повторялся мотив восхищения деяниями великих правителей древности. И каждый раз одним из результатов их мудрой деятельности, своего рода знаменем угодного Небу труда, неизменно отмечался приход с подарками все тех же варваров четырех сторон света. В качестве примера можно привести текст одного из разделов указа 134 г. до н.э. императора У-ди ("Хань шу", гл. 6). Обращаясь в нем к владыкам позднего периода Чжоу Чэн-вану и Кан-вану, он прославлял их за отмену наказаний, за безграничное распространение их царственных добродетелей, которые, по его мнению, достигли даже птиц и животных. Панегирик У-ди по адресу предков завершался традиционным аккордом: из-за границы пришли сушени, бэйфа, цюйшоу, да и цян, чтобы предложить им свою покорность. Предки же составляли по такому торжественному случаю соответствующие указы.

Анализ немногих упомянутых в источниках событий политической истории сушеней эпохи Инь и Чжоу раскрывает их видную роль. Обратимся сначала к эпизоду преподнесения сушенями стрел с каменными наконечниками чжоускому князю У-вану, который, "проложив дорогу к северным и южным варварам", победоносно завершил борьбу с последним иньским императором Чжоу-синем. Факт поднесения стрел подтверждается также притчей все того же Конфуция, изложенной в "Луюй" (гл. 5), в биографии философа из "Шицзи", а также в "Хань шу". Существо события изложено следующим образом. Когда Конфуций находился в княжестве Чэнь, то однажды случилось невиданное, как будто специально ниспосланное Небом, чтобы продемонстрировать окружающим широту и глубину познаний почетного гостя князя Миньгуна, - во внутренний двор строений упала стая кречетов, сраженных стрелами из дерева ку с каменными наконечниками. Удивленный Миньгун приказал слугам подобрать убитых птиц и вместе со стрелами отнести в дом, где жил Конфуций, и спросить его, что за диковины упали ему во двор. Гость сказал: "Птица - род кречета, происходящего из страны Сушень, а стрелы с каменными наконечниками тоже доставлялись издалека, они употреблялись сушенями". Далее Конфуций рассказал хозяину дворца историю о том, как сушени поднесли в дар чжоускому У-вану древки стрел из дерева ку с наконечниками из камня ну. У-ван весьма гордился таким подарком из немыслимо далекой страны и приказал Юну выставить стрелы и, сохраняя их, выгравировать на гуа - оперенной части древка - такие слова: "Стрелы, подаренные племенем сушеней". Позже, выдавая дочь замуж за Ху Гуна из семейства У, которого У-ван назначил главой княжества Чэнь, он подарил ей из своей сокровищницы часть сушенейских стрел, как знак установленных теперь родственных связей с Ху Гуном. Такой дар человеку, не находившемуся в кровном родстве с владыкой Поднебесной, служил в дальнейшем, по словам Конфуция, напоминанием о необходимости соблюдать верность монарху и одновременно означал, что Ху Гуну впредь предстояло получать часть подарков, доставленных ко двору отдаленными народами, в том числе - сушенями. С тех пор княжеству Чэнь выделяли из подношений стрелы из дерева ку с каменными наконечниками. В заключение рассказа Конфуций предложил "своему господину" Миньгуну, чтобы он отдал распоряжение чиновникам порыться в старых кладовых. По его утверждению, они непременно должны найти сушенейские стрелы. Можно представить удивление главы княжества Чэнь, когда подчиненные, производя, в соответствии с указаниями, поиски в сокровищнице, обнаружили в золотом ящике сушенейские стрелы.

Эта легенда, по-видимому, содержит в себе зерно истинных событий. Во всяком случае, известно внимание, с которым относился к сведениям о далеких иноземцах великий философ древнего Китая. Так, раздумывая над нескончаемыми беспорядками в своей родной стране, он однажды, "питая гнев", произнес знаменитые слова о том, что только у девяти племен иноземцев можно жить в спокойствии и порядке. Конфуций с негодованием отвергал традиционно презрительное отношение представителей правящей элиты княжеств к варварам-иноземцам, которых они неизменно "подозревали" в невежестве, отсталости, сохранении "древнего" в обычаях и культуре. Когда Миньгун высказал нечто подобное в связи с эпизодом со стрелами, Конфуций, опровергая такие заключения, произнес, негодуя: "Почему следует презирать их? Благородный муж обитал там. Имел также учеников, имел желтого феникса". Далее последовали не менее примечательные слова: "Я верю в древнее и люблю его. Я ревностно ищу в нем познание". Если к сказанному добавить, что, по отдельным сведениям, Конфуций желал жить в краю иноземцев, называя его "безыскусным и обильным источником человеколюбия и почтения, превосходства и справедливости", то уважительное отношение философа к соседним с Китаем народам окажется бесспорным.

Однако главное, на чем следует заострить внимание, заключается не в самом факте поднесения стрел сушенями, а в событиях, которые, насколько можно догадываться, стояли за ним, раскрывая подоплеку

контактов между чжоуским племенным союзом и сушенями. Оказывается ранее, готовясь к решающим сражениям с иньцами, У-ван - глава союза чжоуских племен - сначала "заручился поддержкой" сушеней, "варваров" севера. По-видимому, они уже тогда пользовались на востоке Азии достаточно громкой славой храбрых ратников, поэтому У-ван специально продумал и осуществил план подключения их к борьбе с Инь. Теперь не восстановить обстоятельств переговоров, "проложивших путь на север" послов чжоуского У-вана с вождями сушенейских племен. Но в данном случае важно просто констатировать чрезвычайно примечательный факт старания его непременно "заручиться поддержкой" тех, кто находился в стратегически важном районе - в тылу Инь на севере. Не менее примечательна история последовавшей затем борьбы У-вана с восставшими против него братьями Гуанем и Цаем, которые, пытаясь выйти из состава Чжоу, поставили молодое государство на грань катастрофы и распада. Как выясняется, в этот решающий момент У-ван снова обратился за помощью к сушеням и, очевидно, именно они помогли ему ликвидировать смертельную для судьбы страны угрозу.

Учитывая общую ситуацию в бассейне Хуанхэ в начале эпохи Чжоу, нельзя не прийти к заключению, что сушени представляли собой далеко не простую пешку в сложной политической игре, которая велась тогда на востоке Азии. Не менее любопытны сведения по истории сушеней периода, последовавшего за временем правления Чэнвана и Кан-вана, когда, если верить "Шуцзин", дикие племена на востоке были разбиты, а сушени принесли дань. Что стояло за этим событием - раскрывает рассказ о том, как сушени в годы чжоуского Му-вана по каким-то причинам, возможно, из-за очередных попыток "проложить дороги" в их коренные земли, стали инициаторами союза всех "деяти племен восточных иноземцев". Присвоив себе новое имя *Сюйи*, сушени двинули войска на столицу Чжоу. "Свирепствуя", как сообщает источник, они успешно продвигались на запад и через некоторое время достигли Хуанхэ. Чем закончился поход - остается, из-за отрывочности сведений, тайной. Вероятно, чжоускому Му-вану в конце концов удалось утихомирить северян. Известно, что позже, когда циньский князь попытался обезопасить свои границы от нападений восточных иноземцев, прежде всего он приказал министру Инбо составить повеление о подкупе сушеней. Но, по-видимому, их не удалось вывести из игры. Дерзкая военная операция союза племен "деяти восточных иноземцев", который возглавили вожди сушеней, не оценена пока в той мере, в какой она заслуживает того.

Японский историк-востоковед Х. Икэючи, который посвятил сушеням специальное сочинение, высказал предположение, что посольства сушеней не прибывали к императорским дворам доханьской эпохи, а сведения о них - выдумка. Приведенные выше эпизоды из политической истории иньско-чжоуской эпохи, в которых фигурируют сушени, показывают, что дело обстоит не так. Реальность поднесения подарков подтверждают, в частности, "Бамбуковые анналы" ("Ичжоу шу"), где отмечается факт представления цзишнями императору Чжоу большого оленя или лося. Внимания заслуживает и закономерность появления послов сушеней в самые, пожалуй, критические моменты чжоуской истории. Возникает подозрение: не провоцировались ли порой престижные для определенных политических сил Чжоу посольства сушеней, подносящих дары с экзотическими стрелами из дерева ку с насаженными на них каменными наконечниками ну?

Подоплеку появления посольств, очевидно, обусловленную канонами престижного порядка чжоуского двора, раскрывает эпизод, связанный с попытками министра Инбо подкупить сушеней ради безопасности северных границ Китая. Возникает мысль об иных аспектах установления контактов с сушенями. О том, что так оно и было на самом деле говорят события истории конца Инь, периода Трех царств, Вэй, У и Шу, а также Западной и Восточной Цзинь, охватывающих хронологический отрезок времени в несколько веков.

Какие-либо сведения о сушенях, в том числе сообщения о прибытии их посольств с подарками, отсутствуют в хрониках эпохи Цинь и Хань. Источники более позднего времени с удивлением отмечают, что в годы правления императоров династий Цинь и Хань послы сушеней не посещали Китай. В "Цзинь ши" (глава "Сушень") написаны примечательные слова: "Даже славные династии Цинь и Хань не смогли заставить их платить дань"! Правда, в той же "Хань шу", при описании событий 1 года эры юанькан правления знаменитого У-ди, приводятся сведения об указе императора, в котором он гневно осуждал сушеней за то, что они не пришли ко двору. Можно ли отсюда сделать вывод, что сушени в предшествующие годы эпохи Хань приходили в Китай? Вероятнее всего, нет, и У-ди гневался чисто риторически. Во всяком случае, подобный вывод не противоречит фразе "не смогли заставить платить дань", а напротив, подтверждает ее. Сушени, видимо, сохраняли независимость от Хань. Такое предположение, как увидим далее, находит объяснение в событиях политической истории Маньчжурии и Кореи последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры. Что касается более позднего времени, то в соответствующих документах не только внезапно возрастает количество упоминаний о приходе послов сушеней, но также, что значительно важнее, впервые появляются бесценные в подробностях, истинно этнографические описания как самого народа, так и земель, которыми он владел.

Остановимся, однако, на анализе одной из главных проблем. Какие обстоятельства вызвали приход первых после очень длительного перерыва посольств сушеней? Что в действительности скрывалось за такими дипломатическими акциями? Каким образом удалось собрать сведения о подробностях жизни одного из племен "восточных иноземцев", особенностях их страны и места ее расположения в пределах границ северных земель?

Учитывая результаты предшествующего анализа событий, связанных с сушенями, можно априори предположить далеко не случайный факт первого появления их послов в период, когда на севере Китая окрепло могущество государства Вэй. Именно тогда в "Анналах" государя Мин-ди (гл. III "Вэйчжи", записи пятого месяца четвертого года эры цинлун) в 236 г. появилась знаменательная запись: "Племя сушеней подарило стрелы ку". Как и правители двух других царств, на которые распалась взорванная противоречиями, раздорами и войнами империя Хань, вэйский император Мин-ди стремился всеми силами продемонстрировать свое величие перед соперниками-соседами. Можно ли представить более весомый показатель своих добродетелей и влияния на дела всей Поднебесной, чем распространение слухов о прибытии ко двору послов легендарных сушеней, тех самых, кто, как известно, преподносили стрелы из дерева ку Шуню, Юю, а также целой череде могущественных чжоуских правителей? Хитроумный Мин-ди к тому времени, накапливая силы к предстоящей борьбе с соперниками, активно готовился к захвату Ляодуна, где с поздних ханьских времен делами в губернаторстве Пинчжоу вершило, сохраняя независимость от Китая, семейство Гун-сун, главная резиденция которых находилась в Сянпине (современный Ляоян). Пинчжоу, где тогда правил сын Гун-суна Вэнь-и (он же Юань), располагалось в беспокойном соседстве с восточными иноземцами, в том числе, с могущественными корейским государством Когурё, племенами фуюй, а также сушенями. Однако угроза, нависшая над Пинчжоу со стороны Вэй, не без основания представлялась Вэнь-и смертельной, не сравнимой с тем, что можно было ожидать при самом неблагоприятном развитии событий во взаимоотношениях с дуни, "восточными иноземцами", то есть с корейскими и тунгусо-маньчжурскими племенами Дальнего Востока. В такой ситуации появление посольства сушеней в 236 г. при дворе вэйского Мин-ди следует рассматривать как предупреждающий шаг Вэнь-и. Он, демонстрируя, как посредник, свою лояльность Вэй, организовал прибытие послов из страны, с которой, судя по всему, поддерживал контакты.

Задуманная акция, однако, не привела к желанным результатам. Через два года после того, как Мин-ди принял посланцев сушеней, в 238 г. экспедиционная армия Вэй под руководством полководца Ван Цзи обрушилась на Ляодун, положила конец самостоятельному Пинчжоу и, как следствие происшедших изменений, лишила власти Вэнь-и. Согласно сведениям географического раздела "Цзинь ши" ("Дилицзи"), Пинчжоу сначала превратили в одну из провинций царства Вэй, а затем включили в состав вэйской провинции Ючжоу. Поскольку правители Вэй теперь сами решили сложные проблемы взаимоотношений с "восточными иноземцами" (в том числе и с сушенями), в Сянпине (Ляояне) им пришлось создать специальное административное подразделение "Дуни цзяовэй" (или "Ху дуни цзяовэй"). Задача его заключалась в "сдерживании" иноземцев и "наблюдении" за событиями в районе Дальнего Востока, где расселялись корейские и тунгусо-маньчжурские племена. Таким образом, в результате прямых контактов с членами посольства, а также при посредстве "Дуни цзяовэй" создавались предпосылки для накопления сведений о народе сушеней. Нужно иметь в виду, ко всему прочему, что около 245 г., во время правления Ци-вана, была предпринята очередная военная экспедиция против Когурё. Армию Вэй возглавлял губернатор округа Сюаньту, все тот же Ван Цзи, который, преследуя когурёского государя по приказу полководца Му Цюцзяня, дошел до границ сушеней и даже "попрал их очаги". Сведения о том содержатся в "Вэйчжи", что подтверждается каменной стелой Ван Цзи, обнаруженной японскими археологами на горе Ваньду в уезде Цзиань провинции Гири. В тексте, выбитом на камне, сообщается о результатах военной акции. Первые столкновения с отрядами сушеней тоже, очевидно, позволили собрать сведения о них, что затем летописцы и включили в описание народа сушеней в хрониках "Вэйчжи" (раздел "Илоу").

Не менее примечательно время прибытия ко двору Вэй второго посольства вождя племени сушеней Жуцзи. Оно зафиксировано на страницах "Вэйчжи" через 26 лет после первого посольства и за три года до падения династии - в третьем году эры цзиньюань правления последнего императора Чэнь Лю-вана (262 г.). Закулисная сторона события, после которого в особенности четкими стали представления о сушеней, настолько симптоматична, что для раскрытия истинного значения его и тайных движущих причин необходим специальный обзор с привлечением материалов, собранных Х. Икэючи и подвергнутых им тщательному анализу. О приходе посольства сушеней в 262 г., как записано в "Анналах Чэнь Лю-вана" (гл. IV "Вэйчжи", перечень событий четвертого месяца третьего года эры правления цзиньюань), вэйский двор узнал о сообщении, которое доставили императору из префектуры Ляодун. В нем содержались сведения о прибытии посла племени сушеней, который поднес разнообразные подарки. Среди них, помимо "некоторого количества" традиционных древков стрел из дерева ку, а также трехсот каменных наконечников, находились никогда ранее не упоминавшиеся в перечне даров сушеней 30 луков, 20 различных военных доспехов,

изготовленных из шкур животных, рога и железа, и, наконец, самое ценное - 400 соболиных шкурок. Далее, согласно тексту "Цзинь ши" (гл. 2), последовали события, на первый взгляд, необъяснимые: Чэнь Лю-ван отдал распоряжение отправить подарки посольства сушеней в управление дацзяньцзюню (генералиссимусу) Сыма Чжао. Смысл такого шага, однако, разъясняет положение, которое занимал последний при вэйском дворе. Отец будущего основателя Западной Цзиньской династии Сыма Яня, носившего затем в императорском ранге имя У-ди, Сыма Чжао захватил к тому времени неограниченную власть при дворе и приобрел абсолютный контроль над государственными делами. Ему еще предстояло в следующем году официально занять пост главы правительства династии Вэй, непоправимо клонившейся к упадку. Император, уже не стараясь замаскировать свою обреченность, открыто демонстрируя перед подчиненными истинное соотношение сил, приказал передать дар знаменитых сушеней тому, кто обладал в государстве реальной властью и, следовательно, заслужил такую честь. Не исключено, правда, что его заставили сделать так.

Жест этот, вне каких-либо сомнений, полон глубокой символики и значения. То и другое отчасти раскрывает "Цзинь ши", когда в той же главе о сушенях неожиданно напоминает, что они точно так же пришли с наконечниками к чжоускому двору, когда Чжоу-гун принял на себя регентство "в защиту" Чэн-вана. Затем сушени тысячу лет не появлялись при императорских дворах. Только тогда, когда Сыма Чжао стал премьер-министром государства Вэй (исходя из реальной власти, конечно же, регентом Чэнь Лю-вана - В.Л.), сушени как благодетель (а для кого трагический) признак предстоящих знаменательных перемен власти снова появились при дворе императора. Этим, однако, дело не ограничивается, поскольку столь же глубоко значительна по подтексту сама по себе последующая передача Чэнь Лю-ваном дара сушеней не кому-нибудь, а именно Сыма Чжао, по существу, его сопернику. К счастью, понять подтекст в данном случае можно. Дело в том, что подобный же прецедент в истории уже отмечался, и не случайно связан он все с тем же чжоуским Чжоу-гуном, возвышение которого знаменовало собой прибытие сушенейских послов. В предисловии к "Шуцзину", а также в "Шицзи", "Шаншу дацзжуань" и в "Шаюань" рассказывается история о том, как Тан Шу, брат чжоуского императора Чэн-вана, однажды послал ему три зерна необычного злака, произрастающего на склонах холмов. Стебли его соединялись в один общий колос, достигая в высоту уха человека, а зерна были настолько крупными и тяжелыми, что заполняли телегу. Зерна, доставленные во дворец, Чэн-ван, однако, приказал отправить на восток в военный лагерь Чжоу-гуна, который не замедлил воздать хвалу правителю в специальном трактате "Послание зерен". Давая объяснение феномену, он говорил, что три растущие в один колос зерна представляют собой знак благополучия, гармонии и единения Поднебесной. А разве тогда, на шестом году его, Чжоу-гуна, регентства не царил покой над всей страной Чэн-вана? Не при его ли, Чжоу-гуна, неустанных стараниях созданы кодексы этикета и определены музыкальные стандарты? Поэтому прибытие с севера послов племени сушень, подаривших стрелы с каменными наконечниками, следовало оценивать как знак всеобщего умиротворения. О том же свидетельствовал приезд на трех слонах послов южного племени юэшань. Они прибыли настолько издалека, что пришлось неоднократно расспрашивать их о дороге. Послы преодолели множество труднопроходимых гор и рек, столько при том натерпелись страха, что даже рассказать невозможно. Теперь они прибыли и дарят тому, о ком прошли вести по всему миру, несколько белых фазанов. Затем Чэн-ван передал подарок послов юэшань (как, очевидно, и стрелы сушеней) тому, кто, по его мнению, на самом деле заслужил их - регенту Чжоу-гуну. Знаменательная аналогия!

Таким образом, если возвратиться к анализу на удивление сходного эпизода, рассказанного на страницах летописи цзиньской династии "Цзинь ши", то невозможно отделаться от впечатления, что источник прямо намекает на неприменную желательность сравнения Сыма Чжао с Чжоу-гуном. Смысл аналогий заключается в следующем: как добродетелен должен быть Сыма Чжао, как силен у него характер и высоко положение, чтобы, как и в золотые времена чжоуской династии, при дворе снова появились сушени, а подарки их император переадресовал ему. Дошло ли до сознания современников Сыма Чжао символическое значение событий? На такой вопрос, вскрывающий самое существо подоплеки события, связанного с приходом на Ляодун послов сушеней, можно ответить утвердительно. Оказывается, Сыма Чжао постарался сделать так, чтобы соседние государства узнали о знаменательном происшествии и, по достоинству оценив его, вострепетали. В "Вэйчжи" (гл. 28) помещена биография вэйского полководца Чжун Хуэя, который возглавлял в 263 г. войска "Западной экспедиции", направленной против государства Шу. Желая по-настоящему запугать правителя, он отправил ему послание, где, используя самые высокопарные выражения, расхваливал Чэн Лю-вана как государя, возвысившего, благодаря священным добродетелям и счастливому просвещению, престол династии Вэй, а также превозносил его первого министра, безмятежно мудрого и искренне преданного императору Сыма Чжао. Он неустанно служил правящему дому и управлял народом с помощью законной и милосердной администрации. Далее в послании отмечалось, как им удалось объединить всех в гармонии, что самым благотворным образом оказало воздействие на сотни диких в варварстве племен. Как знак наивысших достижений мудрой политики и

укрепления могущества государства отмечался тот факт, что даже сушени принесли дань. К сказанному следует добавить, что Сыма Чжао с тем же успехом мог бы похвастать уплатой дани вэйскому двору не просто послами, а даже вождями племен Хань и Вэймо. Они вместе с подданными прибыли в столицу, согласно сообщению "Вэйчжи" (гл. 4), в седьмой месяц второго года эры цзиньюань правления императора Чэнь Лю-вана, то есть в 261 г. Если Сыма Чжао не сделал этого, то объяснить подобную скромность можно лишь тем, что народы хань и вэймо, расселившиеся на границах древней Кореи, мало кто знал на востоке Азии. Иное дело - сушени, которые прислали послов на следующий год. Их имя прославлено деяниями выдающихся владык дома Чжоу.

Итак, письменные источники оставляют мало сомнений в том, что Сыма Чжао в полной мере использовал приход послов сушеней на Ляодун для поднятия собственного престижа и возвеличивания своих добродетелей, чем и объясняются многозначительные намеки летописей на исторические прецеденты. Полный захват власти семейством Сыма как конечная цель ажиотажа вокруг посольства сушеней 262 г., то есть за три года до падения династии Вэй, представляется очевидной. А пока, как бы то ни было курьезным, Чэнь Лю-вану не оставалось ничего другого, как расплачиваться из своей собственной казны за затею своего честолюбивого премьер-министра Сыма Чжао. Послы сушеней отбыли в столицу с подаренным императором их вождю Жуцзи несколькими кусками золотой парчи, шелковой материи и небольшим войлочным ковриком цзи.

Подводя итоги сказанному выше, можно констатировать, что сушени даже через две тысячи лет после первого появления их имени на страницах хроникальных записей продолжали играть однажды отведенную им в канонических традициях роль показателя праведности и могущества императора или стоящего за его спиной лица. В случае с Сыма Чжао возникает, кроме того, счастливая и редкостная возможность приоткрыть завесу над святой святых закулисной стороны дела, проявляющего истинный характер взаимоотношений Китая с миром "восточных иноземцев". Неожданное для начала второй половины III в. расширение сведений о сушенях с весьма характерным описанием деталей жизни и быта незнакомого народа, на который мог обратить внимание лишь чужестранец, оказавшийся в поразительно непривычном для него мире, со всей определенностью показывает, что Сыма Чжао не просто воспользовался счастливой случайностью прибытия на Ляодун сушеней, а, заранее обдумав и разработав "операцию", послал к ним своих людей с дарами, которые "спровоцировали" благовоспитанного вождя Жуцзи на ответное посольство с подарками вэйскому государю. Возможно, правда, "заманивание" послов сушеней в 262 г. так же, как за год до того прибытие вождей племен Хань и Вэймо от границ древней Кореи, организованное догадливыми чиновниками "Дунцзи цзяовэя" Ляодуна, "наблюдавшими" и "сдерживающими" восточных иноземцев. Лукавые подданные Чэнь Лю-вана чувствовали, как ослабла власть государя, и решили подыграть тому, кто обладал реальной властью. Но суть случившегося от этого не менялась: сушени, которые за четверть века до этого призваны были провозгласить возросшее могущество царства Вэй, теперь приглашались объявить его печальный конец. В этом как раз и состоит существо исторического эпизода.

Агенты Сыма Чжао, побывав в стране сушеней, предоставили в распоряжение исследователей ранней истории Маньчжурии первый связный и достаточно подробный рассказ о жизни обитателей севера Дальнего Востока в начале нашей эры. Раздел династийной хроники "Цзинь ши", посвященный сушеням, представляет собой отчет доверенных лиц Сыма Чжао, посланных в земли вождя Жуцзи. Необходимо обратить внимание на то, что агенты Сыма Чжао, строго говоря, не нашли на юге Маньчжурии тот народ, который носил название сушеней. В действительности, Жуцзи возглавлял племя, самоназвание которого звучало в произношении лазутчиков из Китая как "илоу". В свете сюжетов, описанных ранее, возникает, естественно, такая проблема: на самом ли деле илоу и есть те же сушени чжоуской эпохи, как старается уверить "Цзинь ши"? Не связаны ли илоу с сущностями намеренно, для поднятия престижа Сыма Чжао, ибо кто же в Китае знал каких-то илоу?

Первые годы правления У-ди замечательны отнюдь не прибытием послов сушеней. Честолюбивого У-ди вряд ли могли удовлетворить дары сравнительно близко расселившихся от Ляодуна сушеней и, по-видимому, не случайно в записях третьего года эры Тайши (в 267 г.), то есть через два года после того, как он занял императорский трон, в "Цзинь ши" в разделе о варварах (гл. 4) отмечено прибытие с подарками представителей четырех племен бэйли: 20 тыс. семей жили на расстоянии 200-дневного путешествия верхом на север от границ сушеней, янъюнь; 20 тыс. семей расселились в 50 днях пути верхом от бэйли, коумохань; 50 тыс. семей обитали в 100 днях пути от янъюнь; ицюнь, земли которых отстояли в 150 днях путешествия верхом от коумохань и в 50 тыс. ли от страны сушеней. Возникают, однако, большие подозрения в подлинности события, во всяком случае, в столь значительной отдаленности мест обитания четырех племен, расселившихся к северо-западу от сушеней. Трудно, в частности, понять, почему о землях их и народных обычаях, как отмечается в "Цзинь ши", "ничего не известно", если при дворе У-ди действительно побывали упомянутые в тексте хроники "небольшие посольства с дарами их земли". Разве чиновникам,

ведавшим связями с "варварами", не представлялся уникальный случай для расспросов о дальних странах и людях, которые владели ими? Создается впечатление, что У-ди не был особо заинтересован в прибытии посольства именно от сушеней. Как ни странно, в свете выясненного ранее о значении для императорских дворов Китая появления посланцев сушеней, они впервые упоминаются лишь в третьей главе "Цзинь ши", где описываются события двенадцатого месяца пятого года эры сяньнин правления У-ди (т.е. в 279 г.). Запись предельно скупа, из нее можно узнать только, что пришли сушени, которые поднесли обычные для набора их даров стрелы из дерева ку и каменные наконечники к ним. Следует подчеркнуть, что посольство сушеней прибыло ко двору лишь на двенадцатый год установления господства в Северном Китае новой династии Западная Цзинь. Столь же сдержанно упомянуто прибытие послов сушеней в 280 г.: никаких подробностей, кроме факта, что они "снова пришли", хроника не сообщает. Конечно, особое отношение к сушеням отмечается в "Цзинь ши" даже при таких кратких заметках, поскольку другие племена в годы правления У-ди часто даже не назывались по имени. О них лишь следует догадываться, когда в источнике приводилась, например, фраза о поднесении подарков послами десяти, семнадцати или тридцати племен Востока. Тем примечательнее, что даже при особо плотном потоке посольств от соседей государства Западная Цзинь во вторую половину правления императора У-ди сушени дважды упомянуты особо, а не в безликой группе прибывших ко двору гостей. Итак, сушеней, несмотря ни на что, по-прежнему чтили, что свидетельствует об особом к ним отношении, обусловленном воспоминаниями о их роли в эпохи легендарных императоров и могущественных правителей династии Чжоу.

Однако исключительная значительность факта прибытия ко двору посольства сушеней и преподнесения ими подарков резко возрастает в последующее время, когда на севере Китая начинаются очередные потрясения, обостряется политическая борьба между отдельными группами феодальной знати и усиливается натиск в бассейн реки Хуанхэ кочевых племен. Это приводит к полному развалу империи Западная Цзинь и образованию обособленных государств, слабых и маловлиятельных. За первым же после длительного перерыва сообщением о поднесении подарков сушенями в Цзянцзо (низовья Янцзы), отмеченном в "Цзинь ши" (гл. 6), скрываются весьма значительные события. На этот раз сушени поднесли стрелы и каменные наконечники стрел в восьмом месяце второго года эры Тайсин правления императора Юань-ди (т.е. в 319 г.). Это произошло на второй год после того, как Юань-ди, образовав новое государство Восточная Цзинь, обосновался на Янцзы в Цзянкэ (Нанкине) - городе, который превратился в столицу новой империи. Кажется маловероятным, чтобы сушенейские послы прошли в тот тревожный период так далеко на юг, чтобы приветствовать едва только образовавшееся государство. Так оно, как выясняется, и было на самом деле. В сочинении "Дазуан бэйцзин", включенном в "Шаньхайцзин гуанчжу", сообщаются некоторые подробности происшествий. Оказывается, подарки двору Юань-ди поднесли не сами сушени, а специальный посланник главы Пинчжоу и Ляодуна Цай Би, чиновник по имени Гао Хуэй. Он доставил в Цзянкэ не только наконечники стрел, но также луки и древки. При этом еще в Пинчжоу заметили, что наконечники сушеней выглядели очень похожими на бронзовые или костяные. Когда посла сушеней спросили об этом, он ответил, что такие предметы произошли из страны среди моря. Именно контакты с нею позволили им применять такое оружие.

Что, в действительности, скрывается за визитом Гао Хуэя на берега р. Янцзы позволяют раскрыть некоторые материалы, собранные Хироси Икэючи. Оказывается, в начале IV в. в огромной степени усилилась роль корейского государства Когурё, и, соответственно, сошло на нет влияние стремительно клонившейся к упадку империи Западная Цзинь. Дошло до того, что когда вождь племени сяньби Му Юн-гуэй занял на юге Маньчжурии город Дацзичэн, то основателю Восточной Цзинь не оставалось ничего другого, как сделать хорошую мину при плохой игре - "назначить" Му Юн-гуэя главой провинции Пинчжоу. Разумеется, правителя Когурё Ифули такая чисто символическая мера не перепугала, и он начал непрерывные атаки на Ляодун, сферу давнего влияния корейских племен. Отразить продвижение войск Ифули сяньбинец Му Юн-гуэй не мог. Посольства восточных племен, столь многочисленные во вторую половину правления западно-цзиньского У-ди, прекратились, если обратиться к более раннему времени, уже в первые годы после вступления на трон его преемника Хуэй-ди.

На севере Китая именно тогда вспыхнула так называемая "война восьми князей", которая продолжалась 16 лет (291 - 306 гг.). В частности, всюду происходили стычки с войсками "пяти племен ху": сяньбийцы завоевали тогда северо-западное побережье залива Чжили, дуани - Ляоси, а сам Му Юн-гуэй провозгласил себя правителем префектуры Цзянли, включая нижнее течение р. Далинхэ. Кроме того, вне границ Ляодуна значительное влияние приобрело племя юйвэнь. На Ляодуне, между тем, происходили не менее трагичные по последствиям события, которые в итоге привели к окончательному падению влияния там Западной Цзинь. В 309 г. правитель префектуры Ляодун Пан Пэнь убил Ли Чжэна - руководителя "дуни цзяовэя", учреждения, наблюдавшего за восточными иноземцами. Это событие послужило своего рода сигналом для атаки сяньби, кочевавших за пределами Великой стены, на Ляодун. Они захватили большую часть районов полуострова и господствовали здесь на протяжении двух лет. Новый губернатор и очередной

руководитель "дуни цзяовэй" оказались бессильными предпринять что-либо. В такой ситуации лишь Му Юн-гуэй оказался единственной силой, способной обуздать вышедшие из подчинения племена сяньби. Победа, однако, не привела к коренному изменению обстановки. К тому же империя Западная Цзинь буквально разваливалась на глазах: хунну захватили вскоре Шаньси, в 311 г. вождь их Люй Цун овладел сначала столицей Лоян, а в 316 г. - Чанъянем. Самой ценной добычей хунну стали: в первом случае - император Хуэй-ди, а во втором - Минь-ди. Так прекратила свое существование Западная Цзинь.

Можно ли всерьез представить, что через три года после такой оглушительной катастрофы, когда трон Цзинь наследовал бежавший на Янцзы правнучатый племянник знаменитого Сыма Чжао Ланье - Ван Жуй (он же Юань-ди), сушени вдруг вздумали направить своих послов с "данью" в неведомый им Цзянкан? Правда, согласно сообщению "Дахуан бэйцзин", сушенское посольство будто бы прибыло лишь на Ляодун к его главе Цуй Би, который тогда сосредоточил в своих руках судебную власть в провинции Пинчжоу и возглавлял "дуни цзяовэй". Но для каждого непредубежденного наблюдателя ясно, каким беспомощным оставался тогда Ляодун, который с одной стороны атаковали сяньби, а с другой - войска Когурё. Цуй Би проявлял тогда массу изворотливости, стараясь столкнуть Когурё, дуань и юйвэнь с их очевидным конкурентом Му Юн-гуэем. Именно на те тревожные дни, когда в 319 г. Цуй Би сколачивал коалицию, и приходится, оказывается, прибытие на Ляодун посольства сушеней. Более нелепую ситуацию для поднесения "дани" трудно вообразить, если учесть, что влияние китайцев на Ляодуне в то время было сведено на нет. Ясно, что сушени опять, после некоторого перерыва, выступили в своей традиционной роли племени, призванного самим фактом прихода своего посольства поднять престиж очередной в истории Китая личности, задумавшей укрепить свое влияние.

Учитывая то обстоятельство, что Цуй Би в борьбе с Му Юн-гуэем удалось привлечь на свою сторону Когурё, соседа сушеней на юге Маньчжурии, организовать прибытие многозначительного посольства не составило труда. Цуй Би, как можно догадаться, преследовал при этом, по крайней мере, три цели: поднять свой престиж как главы наспех сколоченной коалиции; запугать, если это вообще можно вообразить, вождя сяньби Му Юн-гуэя; установить (очевидно, следуя по стопам Сымы Чжао) на севере страны собственную династию. А пока ему не оставалось ничего другого, как с помощью даров сушеней, демонстрируя перед Юань-ди - основателем династии Восточная Цзинь - свое влияние на севере, отослать подарки на берега р. Янцзы, тем самым поздравить столь своеобразным способом возрождение династии Цзинь. На сей раз, однако, сушени не помогли очередному честолюбцу. Когда победа была совсем близка, а войска коалиции Цуй Би окружили столицу Му Юн-гуэя - Цзичэн (современный г. Цзиньсян провинции Ляонин), вождю сяньби неожиданно удалось поссорить своих противников, а затем, разгромив их, заставить умолять о мире. Цуй Би пришлось бежать в Когурё и расстаться навсегда с головокружительными замыслами. Что касается Ляодуна, то этот район вошел впоследствии в состав владений Му Юн-гуэя. Так закончился очередной выход сушеней из небытия событий дальневосточной истории. То, что посольство их на Ляодун следует рассматривать как спровоцированное Цуй Би, подтверждает факт отсутствия какого-либо упоминания о "дани" сушеней вплоть до конца династии Восточная Цзинь.

Следующее появление сушеней отмечено в источниках, в том числе в "Цзинь ши", среди перечня знаменательных событий 330 г. и связано с весьма примечательными обстоятельствами. Посольство сушеней прибыло на сей раз в город Сянго (современный Шуньдасянь провинции Чжили) к новоявленному императору, хунну по национальной принадлежности, Ши Ляю. Он по собственной инициативе провозгласил установление новой династии Поздняя Чжао. На этот же год приходятся многочисленные сообщения о прибытии со всех сторон Поднебесной ко двору Ши Ляя посольств соседних народов, которые, если верить записям в хрониках, торопились преподнести "дань". Учитывая анализ такого же рода происшествий, случившихся ранее, возникает желание разобраться в закулисной стороне дела. А она не лишена любопытных обстоятельств. Начало сюжета восходит к 318 г., когда умер Лю Цун - главный инициатор разгрома государства Западная Цзинь и основатель новой династии Поздняя Хань. Трон через некоторое время занял один из его военачальников - генерал Лю Яо, который перенес столицу в Чаньянь и назвал свое государство Раннее Чжао. Он то и назначил Ши Ляя - одного из представителей хуннской знати, в недавнем прошлом своего сослуживца - гуном Чжао. Однако Ши Ляя, человека честолюбивого и претендующего на большее, такой оборот дела явно не устраивал, и он вскоре провозгласил себя императором, обосновавшись в г. Сянго. Свое государство он назвал Позднее Чжао. Таким образом, царство Поздняя Хань распалось на две части, предопределив неизбежность столкновения двух генералов-соперников, которые не могли смириться с тем, что их власть в Северном Китае небезраздельна.

Так оно и случилось. Через девять лет (в 328 г.) Лю Яо направил свою армию к столице Ши Ляя г. Лоян и осадил его. Однако удача не сопутствовала ему: войска Ши Ляя нанесли сокрушительное поражение армии Лю Яо, а сам он попал в плен и был казнен. Династия Ранняя Чжао прекратила свое существование, а Ши Лэй стал единственным правителем на севере Китая. Вот тогда-то, в 330 г., он, "по совету" своих

приближенных, принял новый титул хуанди и занял императорский трон. Первая задача, которая встала перед ним, заключалась, как обычно, в обеспечении популярности новой династии как внутри страны, так и среди соседей. Ши Лэй объявил амнистию, отдал приказ о прощении преступников, осужденных менее, чем на три года, отменил для всех налоги на недоимки за предшествующий год и торжественно провозгласил новую эру правления цзяньпин. Его приближенные стали распространять по империи слухи о чудесных явлениях: в Цзинь, оказывается, сразу же выросли деревья с необычайно переплетенными ветвями, а в Ваньсяне на траву и листья деревьев выпала сладкая роса. Все это преследовало цель продемонстрировать такого рода счастливыми знаменами высокие качества нового правителя и благосклонность к нему Неба. Что касается внешнеполитических акций, то в "Цзинь ши" (гл. 105) не случайно отмечается внезапный поток посольств соседей Позднего Чжао, желающих, как говорилось в таких случаях, "получить справедливость". По отдельным намекам источника можно догадываться, что большинство их организовали или спровоцировали лазутчики двора Ши Лэя. И вот уже в Лоян потоком со всех сторон стали доставляться необычайные "туземные продукты" - редкие ценности, удивительные животные, в том числе белые антилопы, белые фазаны и белые зайцы. В такой обстановке сушени, разумеется, не могли не прийти и не поднести свои знаменитые стрелы и каменные наконечники к ним. Поэтому неудивительно, что именно в 330 г. их посольство прибыло ко двору и предоставило свой традиционный дар. Сушени снова, в который уже раз, терпеливо выполнили предназначенную им восточными традициями роль.

Счастливые предзнаменования, которые так удачно осенили начало правления новой династии выходцев из знати народа хунну, не благоприятствовали, однако, прямому и законному наследнику Ши Лэя, его сыну Хуну. Императорский трон самозванно занял вскоре один из старых сподвижников Ши Лэя, его племянник Ши Цзи-лун (иначе его называли, - Шиху) - представитель правящей верхушки хуннского племени цзе. Он заслуживает внимания потому, что с его именем в "Цзинь ши" и ряде других источников связывается очередное, после длительного перерыва, упоминание племени сушень. Если суммировать не очень многочисленные и богатые на подробности сообщения о прибытии посольства сушень ко двору нового высочайшего-императора Ши Цзи-луна, то события развивались следующим образом. В 336 г. этот правитель Позднего Чжао перенес свою столицу в город Е (современный г. Чжандесянь, пров. Хэнань). Перед Ши Цзи-луном, в точности так же, как и перед его предшественником Ши Лэем, вскоре возникла проблема возвеличивания значения своего восшествия на престол. Поскольку на его глазах развертывалась "операция" по заманиванию посольств соседей чиновниками Ши Лэя, то Ши Цзи-лун решил "спровоцировать" прибытие посольств сушеней. Земли их располагались, согласно представлениям чиновников двора, в 15 тыс. ли на северо-восток от Е. Действительно, послам сушеней потребовалось 4 года (примечательно, что ровно столько же времени прошло после захвата трона Ши Цзи-луном), чтобы добраться до Хэнани и поднести в Е подарки - каменные наконечники и стрелы, изготовленные из дерева ку. Сушени, поднося "дань", будто бы так объяснили причину своего необычайно продолжительного путешествия: им бросилось в глаза, что их коровы и лошади три года подряд спали, обратив головы на юго-запад. Сушени поняли такое явление как явный признак того, что именно в тех местах находится могучая страна, ибо они всегда следили за таким важным знаменем. Вот почему они и пришли ко двору Ши Цзи-луна.

Что касается того, как Ши Цзи-лун намеревался использовать факт предоставления "дани" сушенями, то, к счастью, в "Цзичжи тунцзянь" (гл. 96) сохранилось описание одного из эпизодов, который проливает яркий свет на определенные обстоятельства. Оказывается Ши Цзи-лун в тот же 340 г., по совету главного секретаря Ван Бо, для возвеличивания своего могущества и устрашения одного из потенциальных соперников повелел послать стрелы из дерева ку и каменные наконечники сушеней вождю племени хунну шухань Ли Шоу. Намерения Ши Цзи-луна очевидны - подарок демонстрировал соседу, насколько далеко распространилось благотворное влияние высокосовременного по моральным качествам и могучего по силе правителя империи Позднее Чжао. История эта, вероятно, и не заслужила столь подробного описания, если бы не поистине прекрасный по комичности ее финал. Ли Шоу, конечно, превосходно знал, что представляет собой генерал-император Ши Цзи-лун, чтобы, получив от него многозначительный дар, с убийственной иронией бросить в ответ фразу, которая прозвучала в стиле классических канонических записей о "варварах" китайских династийных хроник: "Послы племени цзе (император Ши Цзи-лун, как отмечалось ранее, был вождем хуннского племени цзе - В.Л.) принесли нашему двору и предложили нам дань из стрел ку!"

Итак, сушени, в случае, если они действительно приходили в Е в 340 г., как и много раз ранее, были спровоцированы или, если деликатнее сказать, приглашены на поднесение подарков. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что в "Цзинь ши" хронология предоставления даров велась по годам правления императоров Западной или Восточной Цзинь, хотя они во многих случаях не имели никакого отношения к прибытию послов сушеней ко дворам тех государств, которые возникли на землях севера

страны. Здесь в действие вступали все те же каноны, которые не позволяли замечать то, что неприятно видеть. Однако, если рассеять туман своеобразных традиций летописания, станет очевидным факт господства в послеханьское время в бассейне р. Хуанхэ и прилегающих к нему на севере районах центральноазиатских народов хунну и сяньби, а также Когурё (в последнем случае имеется в виду Ляодун, а также Южная Маньчжурия).

Следующие и последние два прихода посольств сушеней с дарами относятся ко времени Южных и Северных династий. Первый визит датируется одиннадцатым месяцем третьего года эры жамин правления сунского императора Сяо У-ди, то есть 459 г. В хронике "Сун ши" (гл. 6 и 97) указывается, что этот год примечателен прибытием посольства Когурё, которое преподнесло в дар туземные продукты, и визитом послов сушеней. Последние пришли издалека, ибо им, как отмечается, пришлось "повторно объясняться", то есть неоднократно расспрашивать о дороге. Сушени подарили Сяо У-ди стрелы из дерева ку и каменные наконечники. Если учесть, что в тот же год "Западная область" (по-видимому, Восточный Туркестан) прислала танцующих цирковых лошадей, то можно не сомневаться в закулисной стороне и подоплеке прибытия посольств: Сяо У-ди потребовалось поднять свой престиж. В связи с этим нельзя не обратить внимание на одну замечательную деталь: если в главе 6 "Сун ши" указывается, что сушени сами поднесли "дары", то в главе 97, где собраны сведения о Когурё, стрелы и наконечники дарили Сяо У-ди когурёсцы, а не сушени. Следовательно, учитывая традиции, невозможно отделаться от впечатления, что Когурё недвусмысленно демонстрировало Сун свою значимость, посылая им стрелы сушеней. Но составители "Сун ши" представили дело так, что сушени сами преподнесли дар сунскому двору. Могли ли, в самом деле, сушени, преодолев территорию могущественного корейского государства Когурё, представить подарки самостоятельно? По-видимому, нет, ибо еще ранее, в годы правления Дай У-ди - императора династии Поздняя Вэй - границы Когурё на севере достигали пределов территории, занятой ранее племенем Фуэй, соседей сушеней. Подарок правителя Когурё Чжан Шоу-вана - стрелы и наконечники сушеней - императору Сун Сяо У-ди следует рассматривать как не допускающий иных толкований знак могущества.

Последнее посольство сушеней прибыло в Китай почти ровно через 100 лет - в седьмой месяц пятого года эры правления тяньбао династии Северная Ци, то есть в 554 г. Какие-либо подробности визита сушеней к императору Вэнь Сюань-ди в главе "Сун ши", где помещена скупая строчка о приходе посла с уплатой "дани", не приводятся. Но достаточно припомнить, что такое событие относится ко времени, когда прошло всего 4 года после свержения Вэнь Сюань-ди своего предшественника - императора династии Восточная Вэй Сяо Цзин-ди, чтобы заподозрить неладное. Разве не те же 4 года потребовалось сушенским послам, чтобы достигнуть Е - столицы Ши Ци-луна, правителя династии Поздняя Чжао? Не случаен также приход ко двору Вэнь Сюань-ди в ту же эру правления тяньбао двух посольств северо-восточных соседей сушеней - племени шивэй. Странно, однако, что они прибыли ранее расположенных к Северному Китаю сушеней - в 552 и 553 гг. Из-за отсутствия фактов нельзя утверждать с уверенностью, но, учитывая обстоятельства визитов сушеней за все предшествующие века, когда они появлялись при дворах императоров очень кстати, трудно отделаться от мысли, что Вэнь Сюань-ди, как и его многочисленные предшественники, не страдал отсутствием честолюбия и отвращением к самовозвеличиванию. В таком случае можно предполагать, что прибытие посольств сушеней и шивэй спровоцировали догадливые подданные жаждущего славы и могущества Вэнь Сюань-ди. Есть, наконец, еще одно весьма веское соображение, которое усиливает сомнения в добровольности визитов сушеней в двух последних случаях, если они вообще по-настоящему подлинный исторический факт. Дело в том, что, начиная со второй половины V в., название сушеней на страницах хроник нельзя не рассматривать как анахронизм, ибо в Китае тогда знали, что в тех местах, где, как считалось ранее, живут сушень-илоу, в действительности обитают уцзи или мохэ. Только особые (вряд ли благовидные) цели заставили авторов летописаний вновь обратиться к легендарному имени. Они зывали к нему, надеясь, что оно, как и ранее, поразит воображение современников и увеличит политический капитал тех, кто в тот момент, по-видимому, остро нуждался в нем.

В источниках танской и последующих эпох посольства сушеней больше не упоминались. Виной тому не только появление нового самоназвания маньчжурских и дальневосточных племен - *уцзи*, но, главным образом, агрессивная, по отношению к народам северо-востока, политика правительства танской империи. Армия Тан, приступая к активным действиям, нацелилась на первую жертву - государство Когурё.

События, связанные с агрессией Китая на север, - особый исторический сюжет. С ним связаны потомки уцзи-мохэ, непосредственные предшественники чжурчжэней перед их выходом на широкую историческую арену активной политической и военной деятельности. До того, как наступит пора рассмотреть эти трагические страницы, следует обратиться к анализу сведений, позволяющих представить в реальности, кто же такие легендарные сушени (они же илоу), особое место которых в истории Восточной Азии не подлежит сомнению.

Прежде всего, следует решить вопрос, какие народы соседствовали с сушенями, где они расселялись. Указания в источниках о географии их страны предельно кратки, что, кстати, представляет собой

дополнительное доказательство скудости сведений о центральных районах Маньчжурии и Дальнего Востока в первые века нашей эры. Известно, однако, что границы территории, занятой племенами сушень, на юго-западе и юге соприкасались с владениями древних корейских племен - северных и южных воцзюй, а также фуэй (пуге). Последние на юге отделяли владения сушеней от бассейна р. Ялоу, центра блестящего государства Дальнего Востока - Когурё, а на западе - от степняков-кочевников сяньби, расселявшихся вдоль Шара-Мурени и Ляохэ. На север и северо-восток от всех этих территорий как раз и находилось "древнее владение сушень". Согласно сообщению "Шаньхайцзина" (гл. 17), горы Буханьшань располагались в пределах страны сушеней. Примечательно, что название их явно происходит от тунгусского слова "Букаан" - "небо". Следовательно, горы назывались аборигенами "Небесными". Очевидно, речь идет о горной стране Чжанбайшань или, по другой транскрипции, Тайбашань и Тутайшань (современное название - Чанбайшань). От фуэй страну сушеней отделяло пространство в 1 тыс. ли, которое путешественники преодолевали за 60, а по другим сведениям - за 10 дней. От Ляодуна границы страны сушеней отстояли на 1,5 тыс. км (отсчет, очевидно, велся от центра района - Ляояна или Мукдана). Сначала северные пределы их владений оставались неизвестными, но затем появились сообщения, что они в том направлении достигали р. Жошуй. По заслуживающему доверия мнению Х. Икэючи, речь шла об отрезке р. Сунгари в районе Саньсина, где она принимает в свое русло р. Хурху. Центральный район, занятый племенами сушень-илоу, располагался в районе Нингуты. Определив ориентировочно положение ряда географических пунктов, с помощью которых прототкрывается завеса и появляется хоть какая-то перспектива очертить контуры южных границ страны Сушень, обратимся к сведениям о пределах ее на востоке и западе. Что касается её простираения в восточном направлении, то указания здесь достаточно определенные: там земли сушень ограничивались водами Желтого моря. Нет серьезных оснований сомневаться в том, что речь в данном случае идет о Японском море, омывающем прибрежные районы Дальнего Востока. На западе и северо-западе суши граничили, как отмечает "Цзинь ши", с территорией племени коуманьхань, которое упоминалось ранее в связи с приходом его посольства ко двору императора У-ди. Но в таком случае ближе к сушеням расселялись еще два племени, посольства которых в то же время как будто бы прибыли к У-ди - бэйли и яньюнь, а за коуманьхань находились владения ицюнь. Если это фальсификация, то сказать что-либо определенное о местах расселения бэйли, яньюнь, коуманьхань и ицюнь невозможно. Можно лишь высказать предположение, что четыре племени владели, вероятно, долиной р. Нонни и землями в верховьях р. Амур. Помимо того, в "Цзинь ши" (гл. 97), в разделе, посвященном бэйли и трем другим племенам, упоминаются еще шесть "владений", которые в 290 г. прислали посольство в район Ляодуна к главе дуньи цзяовэю Хэ Куну. В тексте, однако, перечисляются лишь названия "владений" и имена их вождей: Моунуго (вождь Ичжи), Вэйлимоууго (вождь Шачжичэньчжи), Юйливейлиго (вождь Цзямоучэньчжи), Пудуго (вождь Иньмо), Шэньюйго (вождь Малу), Малуйго (вождь Шаюцзя). Каждая из групп прибывших возглавлялась главным и вторым посланником. Задача представить, какие из расположенных к северу, северо-западу или северо-востоку от сушеней земли могли заселять перечисленные 6 племен, пока остается неразрешимой.

Что касается севера, то в хрониках обычно отмечается отсутствие сведений о том, насколько далеко протянулась страна в том направлении, следовательно, возникают, кажется, непреодолимые затруднения в определении названий северных соседей сушеней. Тем не менее, если привлечь для решения такой сложной проблемы краткие указания о северо-восточных землях, содержащиеся в ханьских географических трактатах "Шаньхайцзин" и "Хуайнаньцзы", то можно хоть в какой-то степени и, естественно, весьма приблизительно попытаться осветить поставленный вопрос. Так, в "Шаньхайцзине" (раздел "Хайвай бэйцзин") есть описание Сюаньгуго - "Страны черноногих людей", Маоминьго - "Страны волосатых людей", лаоминь - "народа лао"³. Южнее других располагалась земля "черноногих людей". О ней сообщается лишь, что название народа происходит из-за черного цвета нижних конечностей от бедер и ниже, и что они "одеты в рыбу", то есть изготавливали одежду из соответствующим образом обработанной рыбьей кожи. Конечно, название "черноногие" произошло, по-видимому, оттого, что у китайцев север вообще ассоциируется, согласно канону о пяти элементах, с черным цветом. Но четкое упоминание о такой характерной черте, как одежда из рыбьей кожи, ясно перекликается с позднесредневековыми известиями о "рыбекожих" обитателях севера Дальнего Востока, поэтому трудно отделаться от мысли, что речь идет о каком-то из народов Амура.

Севернее страны "черноногих" располагались земли "волосатых людей". При описании их отмечено лишь, что на теле растут волосы. Но такой признак в характеристике дальневосточных обитателей настолько специфичен, что сразу припоминаются айны, заселявшие в древности приустьевую часть реки Амур и острова Сахалин и Хоккайдо. Не меньший интерес вызывает упомянутый вслед за тем в "Шаньхайцзин" народ лао. Дело в том, что, согласно исследованиям К. Сиратори, слово "лау" в языке гиляков означает - "великая река", поэтому, возможно, под названием "народ лао" подразумеваются именно гиляки, которые заселяли нижнюю часть долины р. Амур. Сообщения трактата "Шаньхайцзин" подкрепляются краткими указаниями "Хуайнаньцзы", составленными дядей ханьского У-ди - Мой Анем. Среди народов, населявших,

по его мнению, пространства между северо-востоком и юго-востоком, он, помимо "гигантов", "чернозубых" и "воспитанных", упомянул тех же "черноногих", "волосатых" и лао. Именно последние три народа следует, за неимением более достоверных сведений, признать за соседей сушеней на севере. Они, вероятно, заселяли низовья рек Сунгари, Уссури и долину р. Амур до его устья. В их описаниях смутно угадываются черты гольдов, айнов и гиляков, сведения о которых стали более определенными лишь через тысячу лет.

В "Цзинь ши" при общей оценке территории, которую контролировали сушени, отмечается, что земли их простирались с востока на запад и с севера на юг на несколько тысяч ли. Климат и почвы в тех местах холоднее, чем в стране племени фуюй. Описание географических особенностей страны Сушень скупы и однообразны. В источниках отмечается лишь, что там господствуют скалистые труднопроходимые горы и узкие долины. Путешествие здесь небезопасно, ибо дороги там круты, "коварны" и затруднены для проезда на телегах и лошадях. Кроме того, отмечается, что из страны Сушень удобно плавать на судах, чем сушени и пользуются, осуществляя военные вторжения в пределы племени северных воцзюй (по другому названию - чжигоулоу). Таких намеков достаточно, чтобы без особой боязни допустить грубую ошибку и прийти к твердому убеждению, что сушени расселялись к востоку от степной по характеру Маньчжурской равнины, в покрытой дремучими лесами северной половине Восточно-Маньчжурской горной страны.

Из общих сведений к важнейшим, с точки зрения этнической характеристики, относятся беглые замечания "Хоухан шу" и "Вэйчжи" о языке сушеней. В этих хрониках совершенно точно определяется, что по языку они полностью отличаются от всех окружающих их восточных иноземцев, главным образом, тех, кто относился к корейским родо-племенным группам вэймо, соседствовавшим с ними на юге - фуюй, воцзюй, Когурё. С большим основанием можно говорить о несходстве его с языком кочевых племен степей Внутренней Монголии - сяньби. Отсюда можно сделать вывод о том, что строй языка сушеней, по всей видимости, тунгусо-маньчжурский. Речь сушеней обращала на себя внимание краткостью и сдержанностью. Что касается их облика, то физический тип сушеней, по чисто внешним наблюдениям (сообщения "Вэйчжи"), не отличался от фуюй.

Экономика сушеней характеризовалась разносторонностью занятий населения, а также динамичностью изменений в них, что можно объяснить оживленными контактами с соседними культурно-хозяйственными ареалами Дальнего Востока. Некоторые различия в описании хозяйства разными источниками можно объяснить также тем, что записки о сушенях делались в разное время, да и племена их могли специализировать свои занятия в зависимости от особенностей географического окружения и климата, далеко неодинаковых в разных местах центральных районов Маньчжурии. Сушени умели обрабатывать землю ми, сеяли пять родов хлеба, то есть пшеницу, гаолян, просо, рис и сою. Из домашних животных они особенно любили разводить свиней, но содержали также быков и лошадей. Среди ремесел особое развитие получило, очевидно, ткачество, поскольку в источниках отмечается умение сушеней делать из волокон нити и изготавливать пеньковые ткани. Сохранились также сведения, что ткань изготовлялась из щетины свиней, а волосы пряли для приготовления материи. Возможно, в последнем случае имеется в виду шерсть овец, но утверждать это с уверенностью нельзя, ибо в "Цзинь ши" отмечается, что таких животных сушени не содержали. Важнейшей отраслью хозяйства оставалась также охота, в частности, промысел пушного зверя. Особой популярностью на востоке Азии пользовался соболь.

Жили сушени разрозненными и не очень многочисленными родо-племенными коллективами. Возглавляли их вожди, которые ко времени эпохи Цзинь уже не избирались соплеменниками, а передавали свою власть по наследству от отца к сыну, что свидетельствовало о господстве патриархально-общинного строя. Ранее независимые друг от друга, они к концу III в. подчинялись "Великому предводителю", то есть, очевидно, главе общеплеменного союза, настоятельная необходимость создания которого в тот период диктовалась политической обстановкой на Дальнем Востоке. В источниках содержатся также факты, свидетельствующие о появлении на рубеже II - III вв. социального и имущественного неравенства. Так, жилище семьи вождя отличалось значительными размерами, а при захоронении знатных членов рода количество погребальной пищи увеличивалось во много раз. О появлении частной собственности, возможно, свидетельствует наказание казнью каждого, кто совершит грабеж, что, впрочем, в стране не наблюдалось. Приобретение кем-либо из сушеней повозки или колесницы считалось признаком большого богатства. Своей письменности сушени не имели, поэтому при заключении договоров довольствовались словесными уверениями. Вообще, так называемый "восточный церемониал" сушеням был неведом, почему считалось, что законы и обычаи у них не установлены. В частности, удивление и даже осуждение путешественников вызывало отсутствие при потреблении пищи обычных среди восточных иноземцев кухонных досок, то есть небольших столиков цзу и сосудов для мяса доу. Соседей шокировало также "некультурное обращение" друг с другом, не очень опрятный вид тела и одежды сушеней, а также неприятный запах, который будто бы исходил от них. Следует, однако, иметь в виду, в каких тяжелых условиях приходилось жить сушеням, а также учитывать сравнительно низкий уровень развития экономики и культуры, достигнутый ими к первым векам нашей эры.

Приступая к описанию обычаев и образа жизни сушеней, как они представлялись участникам военной экспедиции Ван Ци и лазутчикам, подосланным к илоу и замыслившим захват власти Сыма Чжао, следует остановиться на том, что доставило подлинную славу и гордость древнему народу Дальнего Востока - древки из дерева *ку* и наконечники из камня *ну*. Ведь и то, и другое, из-за нерушимой традиционности поднесения их в дар соседям (в том числе Китаю), представляло собой своего рода "визитные карточки" сушеней. Что же это за дерево *ку*, из которого они предпочитали изготавливать древки стрел, и какая порода камня скрывается за названием *ну*? Судя по разрозненным и порой противоречивым сведениям, рассыпанным по летописным источникам, дерево *ку* весьма напоминало так называемый "волшебный прут", иначе говоря, тысячелистник сибирский. Внешне *ку* походило на цизинь - кустарник терновника красноватого цвета, а листья напоминали более всего листья вяза⁶. Китайцы называли дерево *ку* сушеней *чживэйцзин*, что в буквальном переводе означает "фазанье хвостатый терновник". Высота его достигала 3,5 м. На прутьях терновника колючек не было. Древесина *ку* не случайно привлекла особое внимание воинов и охотников сушеней: она, как выяснилось, отличалась исключительной прочностью и упругостью, а также, что не менее важно для поддержания в постоянной готовности боевого снаряжения, почти совсем не подвергалось влиянию колебаний влажности и сухости воздуха. Что касается территории распространения *ку*, то деревья такого типа наиболее характерны для Дальнего Востока. В источниках заросли его упоминаются при описании танскими авторами Ляодуна, а также юга Маньчжурии, в частности, священных Небесных гор - Буханьшань. Здесь на северных, густо поросших лесами склонах, в местности Хэйсунлин ("Лес черных сосен"), как утверждается, росло множество деревьев *ку*. Обычно они встречались у подножия скалистых обрывов, где рос также орешник. Следует, однако, подчеркнуть, что *ку* вообще обычны для территории Маньчжурии, а также, очевидно, и для прилегающих к ней районов Дальнего Востока - Приморья и Приамурья. Ареал распространения дерева *ку* охватывал, по-видимому, и некоторые районы бассейна р. Хуанхэ. Известно, например, что в Шаньси и Шэньси - местах противоборства степных кочевников Центральной Азии и земледельцев - из прутьев *ку* любили плести корзинки, а также, после соответствующей обработки ("изгибания"), изготавливали заколки для волос. Однако лишь в Маньчжурии и на Дальнем Востоке и только сушени использовали прутья из дерева *ку* для изготовления древков стрел. Традиция такая сохранялась достаточно долго. Во всяком случае, в VII в. и позже, когда возвысились мохэ - потомки легендарных сушеней - и те, кто составили затем ядро чжурчжэньского племенного союза, согласно летописным известиям, к востоку от одного из мохэских племен (фуне) продолжали применять древки с каменными наконечниками. Дерево *ку* не случайно использовалось для древков стрел: подобное оружие считалось на востоке непревзойденным по силе и прочности. Воины полагали, что такие древки лучше по качеству, чем изготовленные из бамбука ли или дерева цзюнь.

Не меньший интерес вызывает ответ на вопрос о том, что представлял собой камень *ну*. Несмотря на противоречивость сведений древних авторов, включая эпоху Мин, можно воссоздать особенности сырья, которое использовалось народами Дальнего Востока для изготовления наконечников стрел, поскольку камень *ну* и в последующие эпохи по традиции привлекал внимание аборигенного населения. Оно хранило его как необычное сокровище. Камень *ну* можно было купить только за определенное количество зерна или за отрез материи. По всей видимости, за *ну* следует принять многоцветные халцедоны и яшмы (не их ли в летописи называют "изумрудами"?), которые распространены в пристепной части долины р. Сунгари и по р. Хурхе. Согласно преданиям, в *ну* превращались кусочки сосновой смолы, которые попадали в воду и находились в ней тысячелетия, пока не приобретали свойства камня. Цвет такого камня варьировал от черного до желтого и белого, а при осмотре внутренней структуры камня в ней нетрудно было заметить прожилки, напоминающие волокна древесины. Камни такого рода настолько прочны, что они оставляли царапины на железе, почему их использовали для заточки лезвий режущих инструментов из металла. С помощью *ну* можно было также просверливать отверстия в других породах камня. Однако *ну* описывался также и как один из сортов окаменевшего дерева черного и темно-голубого цветов. Такая разновидность *ну* появлялась, согласно преданиям, после того, как ветки вязов и сосен попадали в воду, и в течение очень многих веков волны реки носили их, пока они не окаменевали. Мастера по изготовлению наконечников специально отыскивали окаменевшую древесину, отдавая предпочтение сорту каменного вяза перед ветками окаменевшей сосны, будто бы несколько уступающими по качеству первым.

Во времена господства в Маньчжурии чжурчжэней окаменевшее дерево - мухуаши, как сообщается, добывалось в дельте р. Амур, поскольку местные жители ценили такой сорт камня, превосходящего железо, за его остроту и твердость - наиболее подходящие качества при изготовлении наконечников стрел. Шину, как и каменные *ну*, считались в древние времена легендарных сушеней одним из экзотических товаров чжурчжэней. Добывание окаменевшего дерева было для жителей Амура делом непростым: оно сопровождалось сложными ритуалами, детали которого теперь восстановить невозможно. Известно лишь, что прежде, чем отправиться на сборы сырья для наконечников, людям, согласно строгим правилам,

следовало "помолиться богам". Вместе с тем есть достоверные сведения, что ну добывался в коренных отложениях горных пород. По рассказам самих сушеней, где-то на северо-западе страны, вероятнее всего в низовьях р. Хурхи или в бассейне р. Сунгари ниже района современного г. Саньсина, располагалась гора, на склоне которой можно найти камень, отличающийся такой твердостью, что изготовленные из него наконечники стрел рассекали железо. Перед походом к горе за таким камнем каждый, как и позже в эпоху чжурчженей, обращался с мольбой к духам. Очевидно, к значительно более позднему времени относятся сведения о том, что ну представляет собой камень, который после "обжига" становится в особенности крепким и острым. Речь в данном случае идет, вероятно, о железной руде, о ее плавке и последующем изготовлении из металла "сильных и острых" инструментов.

В хрониках сохранились описания стрел и луков сушеней - их главного оружия на охоте и войне. Что касается стрел, то длина их составляла 1 фут 2 дюйма, 1 фут 5 дюймов или 1 фут 8 дюймов. Луки изготавливались сушенями из дерева тан, то есть, очевидно, из черной березы, широко распространенной в Маньчжурии, Корее, Приморье и Приамурье. Благодаря особым качествам черной березы, луки из такой древесины отличались исключительной мощностью, упругостью, прочностью и, следовательно, стремительностью, с которой соскальзывала с тетивы стрела. Она сохраняла убойную силу до 400 шагов. Длина луков сушеней составляла 3 фута 5 дюймов или 4 фута. По дальности боя подобные луки и стрелы не уступали такому совершенному типу орудия, каким считался на востоке Азии рубежа нашей эры арбалет или самострел. Эффект оружия многократно увеличивался оттого, что стрелы, перед тем, как пустить их в дело, опускались в яд. Достаточно было ранить человека отравленной стрелой, чтобы он непременно погиб. Сушени довели до совершенства искусство владения луком, поэтому на охоте или войне били почти без промаха, наводя ужас на врагов. Понятной становится запись в хронике о том, что соседи боялись их луков и стрел. Достаточно сказать, что сушени при стрельбе могли намеренно целить и попадать в глаз человеку. Если стрела поражала врага, то такое древко старались вернуть назад, чтобы снова использовать его в бою. В завершение поневоле не очень пространного сюжета, связанного с описанием военного снаряжения, следует сказать, что в сражениях тела воинов сушеней защищали "доспехи" из шкур животных, железа, кости и рога. Следовательно, они умели изготавливать панцири, составляя их из костяных и железных пластинок.

"Экзотика" страны сушеней не ограничивалась, однако, стрелами из дерева ку и каменными наконечниками. Их земля, как следует из кратких записей в летописях, славилась на востоке Азии соболями и красной яшмой. Там же произрастало дерево лочан, из коры которого, после соответствующей обработки, сушени получали волокнистый материал, пригодный для прядения и последующего приготовления из нитей материала для одежды. Правда, если верить записям в "Цзинь ши", лочан вырастал в землях сушеней лишь тогда, когда в Поднебесной всходил на трон правитель величайших добродетелей.

Несмотря на предельную краткость и конспективность летописных текстов, посвященных описанию сушеней, их образ жизни и быт представлен в ярких и живых картинах. Поселки сушеней располагались в глубоких долинах среди гор. Из-за холодной зимы и жаркого лета им приходилось пользоваться двумя разновидностями жилищ. Когда выпадал снег и наступали морозы, семьи занимали теплые, углубленные в грунт землянки. Чем глубже был вырыт котлован для такой постройки, тем считалось почетнее. Однако подобное могли себе позволить лишь "богатые дома". Члены их сооружали землянки, спускаясь в которые приходилось переступать девять ступеней. Очаг располагался посередине, в него сваливали все отбросы. Обитатели жилища, работая или отходя ко сну, занимали места вокруг очага.

Летом проживание в душных, прокопченных за зиму землянках становилось невозможным, поэтому семьи переселялись в постройки, которые называются в "Цзинь ши" "гнезда на деревьях". Данный перевод, видимо, неверен, как неверен перевод "живут в пещерах", в "ямах" или в "дуплах" (вместо "живут в землянках"). Здесь подразумеваются, по-видимому, или легкие дома на сваях, срубленные из дерева, или просто шалаши. Поселки сушеней не окружали стены крепостного типа, поскольку, как отмечается в летописях, племена "благополучно ладят меж собой и даже не нападают друг на друга".

Зимняя одежда сушеней резко отличалась от летней. Сильные морозы и ветры заставляли их облачаться в платья, изготовленные из холста и волос, а сверху надевать шубы, сшитые из свиных шкур. Неприкрытые части тела, прежде всего лицо, предохранялось от стужи несколькими слоями свиного жира. Когда же наступала летняя жара, то вся лишняя одежда сбрасывалась, и сушени ходили обнаженными, прикрываясь спереди и сзади полоской ткани (ширина - около 64 см). Поэтому, очевидно, владения сушеней порой называли страной обнаженных. Чтобы до конца представить облик сушеней, следует подчеркнуть и такую важную этнографическую деталь: волосы они заплетали в косички.

Исключительный интерес вызывают бытовые подробности жизни сушеней. Обычно они любили сидеть "в позе цзицзюй", то есть на корточках, поджав ноги, отчего вид их напоминал чужеземную веялку. Когда сушени ели мясо, то полученный каждым из них кусок помещался между ступнями ног. В зимнее время года замерзшее мясо оттаивалось несколько неожиданным способом: на него садились и прогревали

теплом своего тела. В качестве посуды для варки пищи сушени использовали глиняные сосуды типа ли, иначе говоря, триподы, которые давно вышли из употребления в других районах Дальнего Востока. В них входило несколько больше 4 - 5 л воды. Печи сушени не сооружали, а готовили еду на очагах открытого типа. Воду они брали не из колодцев, как их соседи, а, по-видимому, просто из ручьев или рек. Поскольку в их стране отсутствовали залежи соли, сушениям приходилось восполнять ее недостаток в организме, потребляя болтушку из золы какой-то определенной породы дерева или плавника, который долгое время находился в воде. Точные указания об этом в источниках отсутствуют.

Не меньший интерес вызывают довольно подробно описанные свадебные и погребальные обряды сушеней. Прежде всего, следует заметить, что женщины племени до вступления в брак пользовались относительной свободой, из-за чего автор "Цзинь ши" с неудовольствием упомянул развратные или распущенные нравы сушеней. Однако он не мог не отметить целомудренности замужних женщин и того, как дорожат друг другом муж и жена. Молодой человек, который надумал жениться, брал птичье перо и вставлял его в прическу своей избранницы. Девушка могла выразить свое согласие стать женой, оставив перо в волосах. Затем, "по обычаям вежливости", мужчине следовало жениться на ней. Девушку выдавали замуж "по обычаям". Если же ее не устраивало предложение, то сватовство оканчивалось тем, что перо возвращалось незадачливому жениху. В летописях отмечается суровый, свирепый и даже злой характер сушеней. Такая нелестная характеристика обусловлена не только их неистовством в сражениях с врагами, а, главным образом, отношением к пожилым людям и умершим. В Китае с благоговением относились к предкам, а культ мертвых имел громадное значение в мировоззрении, поэтому неуважительное отношение к старикам и безразличие к умершим не могло не поразить чужестранца. Действительно, сушени особенно ценили в соплеменниках силу и мужество, которые проявлялись в полную меру у людей, находившихся в расцвете сил, то есть у молодых. Старики же, при суровой, полной невзгод жизни племени, представляли обузу, почему ими, как записано в "Цзинь ши", "пренебрегали". Если человек умирал, то сушени "не печалились и не терзались", "не горевали и не рыдали". Однако внимательное изучение текста "Цзинь ши" показывает, что такое странное равнодушие к смерти близких объясняется отнюдь не бесчувствием и бессердечностью сушеней. Оказывается, заплакать над умершими отцом или матерью, женой или мужем, а также ребенком означало показать свою слабость, "потерять мужество". Вот почему сушениям приходилось сдерживать и прятать свои чувства. Что касается мужчин, то никому не хочется, чтобы тебя называли "несовершеннолетним" или "лишенным мужества". В особенности тяжело приходилось женщине: при смерти ребенка печаль была, конечно, безгранична, но горе терзало ее, учитывая уважение супругов друг к другу, и при смерти мужа. Следует к тому же отметить, что, согласно сведениям сочинения "Тайпин юйлань" (гл. 784, раздел "Восточные иноземцы"), она, "овдовев, никогда более не выходила замуж". Погребальные церемонии сушеней состояли в следующем: умершего в день смерти уносили в глухое место, где выкапывалась могила. Тело помещалось в саркофаг, сколоченный из бревен или досок, и опускалось в яму. Затем на гроб сверху укладывали определенное количество предварительно зарезанных свиней. Они предназначались, как отмечалось в "Цзинь ши", в качестве пищи для умершего. Положенные при захоронении обряды выполнялись "с уважением", хотя оплакивание не производилось. Даже тело убитого за грабежи среди соплеменников не осквернялось, а помещалось в гроб и закапывалось в могильной яме. Некоторые дополнительные и важные подробности погребальных обрядов сушеней содержатся в "Тайпин юйлань". В этом сочинении уточняется количество свиней, которое приносили в жертву умершему. Оказывается, при смерти богатых закапывалось до тысячи (!) животных, а когда умирал бедный, то до девяти. Кроме того, засыпая могилу землей, сушени оставляли снаружи конец веревки, которая привязывалась к гробу. На нее затем лили отвар, полученный, вероятно, при варке свинины. Такой обряд, связанный, очевидно, с кормлением умершего, выполнялся до тех пор, пока конец веревки не начинал гнить. В записи отмечается также, что обряды, связанные с памятью об умершем, выполнялись не через строгие промежутки времени.

В заключение описания сушеней, следует отметить два важных эпизода из почти полностью забытой политической истории их страны. Помимо описанных ранее подробностей взаимоотношений восточных иноземцев с Чжоу и последующих посольств сушеней к императорским дворам в послеханьский период истории Китая и соседних с ним на севере государств, выясняется (в частности, благодаря записям в "Вэйчжи"), что ханьский У-ди напрасно негодовал и выпускал гневные указы по поводу отсутствия посольств сушеней в годы его правления и вообще в эпоху Хань. Самые северные из восточных иноземцев находились тогда в чрезвычайно сложных отношениях с фуюй, своими соседями на юге и юго-западе. Влияние фуюй в стране сушеней зашло настолько далеко, что им пришлось выплачивать непомерную "дань". Притеснения соседей к 220 г. стали настолько унижительными и тяжелыми, что сушени - народ свободолюбивый и гордый - восстали, и до 226 г. влиянию фуюй в их землях пришел конец. По-видимому, именно к этому времени и следует отнести такое важное событие, как образование у сушеней племенного союза, во главе которого стал "Великий предводитель". Следовательно, в первой четверти III в. разложение (не без влияний соседей с юга) первобытнообщинного строя, с одной стороны, и консолидация сушенейских

племен, с другой, ограничили власть отдельных вождей. Логически рассуждая, лишь подчиненные единой воле сушенские племена и их руководители могли противостоять влиянию фуэюй, а также успешно отразить последовавшие затем неоднократные попытки фуэюйцев покорить их, отмеченные в "Цзинь ши".

Второй эпизод связан с вторжением в южные пределы земли сушеней военачальника Ван Ци, посланного в 245 г. полководцем Му Цю-цзянем, который по приказу императора Мин-ди преследовал государя Когурё. Ван Ци удалось пройти "очень далеко", до берегов "Великого моря". Отряды его пересекли территорию, населенную племенами воцзюй, но затем, как уже указывалось, Ван Ци пришлось столкнуться с отрядами сушеней. Возможно, действительно его похвальба о поспрании сушенских очагов отражает успешность действий на севере, о чем сообщалось в записи на каменной стеле, воздвигнутой на горном перевале в уезде Цзиань (бассейн р. Ялу). Однако эпизодическая военная операция не могла, разумеется, привести к каким-либо серьезным последствиям, и можно не сомневаться, что после ухода экспедиционного корпуса сушени по-прежнему продолжали господствовать на севере Дальнего Востока. В этой связи заслуживает внимания сообщение "Хоухань шу" о постоянных грабительских нападениях сушеней на своих северных соседей на юге - воцзюй, или чжигуоулоу. Вторжения осуществлялись на судах в теплое время года, из-за чего воцзюй приходилось с наступлением лета скрываться в глубине ушей неприступных гор. Дерзкие походы храбрых воинов сушеней приводили в трепет поселения соседних племенных союзов, прежде всего, конечно, фуэюй и воцзюй. Однако ответные военные акции не приводили к их успокоению: сушени благополучно отсиживались в труднодоступных горных долинах, отражая атаки соседей. Судя по отдельным туманным намекам, в последующее время сушени находились в дружеских отношениях с Когурё, которое достигло в тот период апогея своего могущества. Возможно, совместный приход в Китай посольств Когурё и сушеней отражает зависимое положение последних, но сказать что-либо определенное об их взаимоотношениях трудно.

Начиная с IV в., название "сушень" исчезло (за исключением редчайших случаев) со страниц династийных хроник и из разделов "Восточные иноземцы". Племена, заселявшие большую часть территории Маньчжурии, Приморья и Приамурья, стали описываться в эпоху Поздняя Вэй как уцзи, а во времена Суй и позже - как мохэ⁷. Ареал их обитания охватывал бассейн рек Нонни, Сунгари, Уссури, а также долину среднего и нижнего течения р. Амур, начиная от впадения в него Сунгари. В западные пределы уцзи-мохэ включалась часть степной территории Маньчжурии. В "Бэй ши" и "Суй ши" упоминались озера с солоноватой и жесткой водой и солеными испарениями, из-за чего верхушки, ветки и кора произрастающих на берегах водных бассейнов кустарников и деревьев покрывались налетом соли. В "Синьтан шу" отмечалось, что там встречались соленые ключи, а воздух был горяч и прозрачен. Ничего подобного в сырых и холодных землях Маньчжурии быть не могло, следовательно, речь идет о степных пространствах, расположенных к востоку от Внутренней Монголии, где, согласно "Бэй ши", уцзи соседствовали с тюрками, а позже с киданями, с которыми они имели непрерывные столкновения. По мнению японского историка-востоковеда Вада Сэй, эта пограничная с кочевыми племенами зона располагалась где-то около современного озера Чаган-нора. Именно по тем местам, западной киданьской межой, в обход территории соперника уцзи - могущественного Когурё - проходило в 477 г. к вэйскому двору знаменитое посольство Иличжи (рассказ о нем следует далее). На юге уцзи на довольно значительном протяжении соседствовали с Когурё, земли которого располагались на севере в пределах, ранее занимаемых племенами фуэюй, то есть в полосе к югу от современного г. Гирин. Соседями уцзи на юге, в бассейне р. Тумэнь-ула, были северные воцзюй, иначе называемые доумолоу. Их уцзи, согласно записи в "Бэй ши", "всегда презирали". Впрочем, остальные владения на юге тоже пользовались благосклонным вниманием сильнейших из "восточных иноземцев". В сферу южных территорий уцзи по-прежнему входили "большая, шириной свыше трех ли" р. Сумо (Сунгари) и "обоготворяемые горы" Тайбайшань, то есть Чанбошань.

Согласно "Бэй ши" и "Суй ши", в долинах и на склонах священных "Небесных гор" в изобилии встречались леопарды, тигры, медведи и волки, которые, однако, никогда не нападали на людей. Уцзи тоже их не трогали, а проходя по тем горам, перед которыми трепетали от страха, уцзи не смели даже мочиться, чтобы не осквернить святыни. Поэтому они всегда брали с собой в путешествие специальные сосуды.

К северо-западу от территории, занятой уцзи, в бассейне рек Верхний Амур, Шилка и Аргунь, Зей и Бурея расселялись монголоязычные племена шивэй, а также тунгусы, дидэгуань и улохоу. На востоке земли уцзи ограничивались, как и у сушеней, водами "Великого моря", хотя никаких конкретных сведений о приморских племенах источники не содержат. Что касается северо-востока, то есть бассейна р. Нижний Амур, островов Сахалин и Хоккайдо, Курильских островов, Камчатки и Чукотки, то здесь жила целая группа племен, о чем следует сказать особо, рассматривая вопрос о расселении в пределах Дальнего Востока семи отдельных племен эпохи Суй.

Сведения о потомках сушеней-илоу и уцзи к V в. расширились настолько, что о мохэ уже можно было говорить не как о едином целом, а как о совершенно конкретной группе родственных племен, которые,

однако, оставались независимыми друг от друга. На крайнем юге территории их расселения располагались земли лимо мохэ (они же сумо мохэ) и байшань мохэ. Лимо владели районами, прилегающими к бассейну верхнего течения р. Сунгари севернее Гирина, а также Байшань - горным массивом, расположенным юго-восточнее и прилегающим к Муданцзяну. Они-то как раз и тревожили постоянными набегами северные границы Когурё и потомков северного воцзюй - доумолоу, которые жили в долине р. Хэлань (Муданцзянь). Севернее лимо, в районе современного г. Бодуне, где сливаются реки Нонни и Сунгари (последняя круто поворачивает на северо-восток), расселялись бодо мохэ, иначе называемые гудо мохэ. Еще далее от них на северо-восток, около современного Харбина, вдоль южных берегов р. Сунгари, где протекает один из ее самых известных правых притоков - р. Альчук, располагались земли племени аньчэгу мохэ. На восток от гудо мохэ, на берегах низовьев и среднего течения Сунгари и Хурхи, то есть к северу от все тех же доумолоу, жили фуне. Племя хаоши мохэ (или гуши мохэ) занимало территорию ближе к низовьям р. Сунгари, в районе современного г. Саньсин (или Цзямусы). Самое могущественное племя хэйшуй мохэ расселялось по берегам р. Амур от устья р. Сунгари и до устья р. Уссури.

Какие племена заселяли бассейн нижнего и среднего течения р. Уссури и большую часть восточной прибрежной территории Приморья, долгое время (по существу, вплоть до эпохи Золотой империи) оставалось неизвестным. В "Бэй ши" отмечалось лишь, что в землях, расположенных восточнее владений фуне мохэ, население употребляет стрелы с каменными наконечниками. Поэтому, очевидно, составители "Бэй ши", а также "Суй ши" пришли к выводу, что там (то есть в Приморье) располагалось древнее владение сушень, "сильнейшее среди восточных иноземцев".

Каждое из семи перечисленных выше племен мохэ занимало строго определенную территорию. Согласно записи в "Тан шу", самые крупные из племен владели землями, протянувшимися на 300 - 400 ли, а самые малые - на 200 ли. О количестве населения в каждом из племен мохэ можно, отчасти, судить по числу воинов, которых они могли выставить. Так, согласно данным "Бэй ши", сумо мохэ и бодо мохэ формировали отряды численностью по 7 тыс. "храбрых ратников", а байшань мохэ - всего 3 тыс. воинов. Однако неизвестным остается, сколько воиновставляли хэйшуй мохэ, которые, согласно сообщению "Суй ши", намного превосходили остальные мохэские племена по мощи военных формирований. Несмотря на относительно небольшое число воинов каждого племени, вместе они составляли значительную силу, с которой нелегко было справиться. Во всяком случае, мохэ безбоязненно и непрерывно тревожили отчаянными набегами границы такого могущественного государства, как Когурё. Удаль и храбрость конницы мохэ славились на востоке Азии. Во время игр, охоты и празднеств оттачивали они свое мастерство. По записям в "Бэй ши" и "Суй ши", сильное впечатление произвел в 581 г. на императора Вэнь-ди танец послов мохэ на пире, данном при дворе в их честь. Пляска представляла собой настолько живую и правдоподобную имитацию сражения, что пораженный и не сумевший скрыть тревоги Вэнь-ди сказал своим приближенным: "Между Небом и Землею есть же такие существа, которые только и думают о войне! Что может быть выше этого?" Единственная мысль успокоила потрясенного императора при оценке воинственного танца: мохэские племена "очень удалены от Срединного государства", и "лишь племена сумо и байшань близки".

Племена мохэ, если верить сообщениям "Синьтан шу" и "Тунхуэйяо", заселяли не только бассейн р. Сунгари и долину среднего Амура. От устья р. Уссури, своего рода центра хэйшуй мохэ, далее на восток по р. Амур начинались земли сымо мохэ. В десяти днях пути от них по той же реке располагались владения цзюньли мохэ, а еще в десяти днях плавания жили кушо или цзюйшо мохэ. Те же 10 дней на юго-восток - и можно было попасть к моицзе мохэ. Приблизительная разметка пути вниз по Амуру от устья р. Уссури показывает, что сымо мохэ обитали, очевидно, где-то в районе оз. Болень и р. Горин, то есть вблизи современного г. Комсомольск-на-Амуре; цзюньли мохэ - около г. Мариинска; кушо мохэ - в устье р. Амур и на о-ве Сахалин; моицзе мохэ (очевидно, те же айны) - на о-ве Хоккайдо. По-видимому, прав Вада Сэй, который, исходя из современных названий племен, а также картины расселения народов нижнего Амура в сравнительно недалеком прошлом, как она представлялась по результатам исследований Л. Шренка, сопоставил названия *сымо* с тунгусскими племенами самаиров, *цзюньли* - с гилеми (или гилеями) эпохи Золотой империи чжурчженей и Юань монголов, то есть с гилеями, а *кушо* и *моицзе* - с куи и, следовательно, с айнами⁸. Если сымо и цзюньли можно сравнить с людьми, "одетыми в рыбью кожу" времен сушеней, как они описывались на рубеже начала эры в "Шанхайцзине", то кушо и моицзе как раз и займут место загадочного "волосатого народа", который, согласно тому же источнику, обитал на крайних северо-восточных границах Приморья.

Таким образом, налицо значительное расширение и уточнение представлений о расселении племен бассейна нижнего Амура, хотя сравнительно подробное описание их жизни, быта и культуры относится к значительно более позднему времени, далеко выходящему за хронологические рамки очерка, почему эти интереснейшие факты приводятся здесь. Что касается земель, расположенных к северу и северо-востоку от устья р. Амур и о-ва Сахалин, то, согласно "Синьтан шу", а также главе 347 "Вэньсянь тункао" и главе

200 "Тундань", за пределами Северного моря (Охотского?), в 15 днях пути на корабле на север от территории расселения мохэ и северо-восток от хэйшуй мохэ жил народ люгуй. Судя по описанию их страны (земля окружена с трех сторон морем, живут на островах), речь идет о п-ве Камчатка и прилегающих к ней Курильских островах и, следовательно, о населяющих огромный полуостров камчадалах. Мохэ знали также о еще более далеком народе, который расселялся в стране, "протянувшейся бесконечно" на север: путешествуя в течение месяца в том направлении, можно было достичь земель народа ечаго. Предполагалось, что люди тех мест ходят с кабаньими клыками и пожирают друг друга. По-видимому, такие известия относятся к корякам или чукчам, которые в более поздние времена расселились на крайнем северо-востоке Азии.

Таким образом, в V - VII вв. сведения о народах Дальнего Востока ограничивались фактами из жизни племен, расселявшихся вдоль главного речного пути района, то есть долины р. Сунгари, а также р. Амур и далее по морскому пути, связывавшему Амур с Сахалином, Хоккайдо, Курильскими островами, Чукоткой и Камчаткой. Труднодоступные горные и болотистые районы, расположенные к востоку от р. Сунгари (в том числе Приморье) оставались белым пятном на географической и этнической карте Дальнего Востока, поскольку никто из путешественников не рисковал проникать туда. Этническая принадлежность племен, проживавших вдоль рек Сунгари и Амура, представлялась весьма туманно для тех, кто собирал и включал в хроники известия о них. В самом деле, учитывая одинаковые окончания мохэ в названиях племен от истоков р. Сунгари и до о-ва Хоккайдо, можно подумать, что все они родственны. Однако ясно, что если еще можно говорить о каких-то родственных взаимоотношениях мохэ Сунгари и хэйшуй мохэ (гольды или нанайцы) среднего Амура с тунгусоязычными сымо мохэ, то палеоазиатов цзюньли мохэ, цюйшо мохэ и моицзе мохэ (т.е. гиляков и айнов) нельзя присоединять к группе семи племен мохэ Маньчжурии и Приамурья. Они отличались друг от друга по языку и антропологическим характеристикам, хотя сведений об этом в источниках нет, а сказанное можно подтвердить лишь ретроспективными аналогиями. В данном случае слово "мохэ" не отражает факт этнического родства, а подчеркивает природно-географические особенности мест обитания племен, то есть расселения их вдоль долин крупных рек, в районах, изобилующих водой. Недаром лингвисты слово "мохэ" связывают с тунгусо-маньчжурским "поречане", "жители рек". Вместе с тем, нет никаких оснований сомневаться в этническом и языковом родстве тунгусо-маньчжурских племен, начиная от лимо мохэ верховьев р. Сунгари и кончая хаоши и хэйшуй мохэ ее низовьев, а также среднего Амура.

Картины быта и жизни уцзи мохэ, как они представлены в источниках, во многом напоминают сведения об илоу-сушеней. В частности, особо важно подчеркнуть, что язык уцзи-мохэ характеризуется в "Вэй шу" по-прежнему, как "уникальный" среди языков восточных иноземцев, принадлежащих, главным образом, к группе древнекорейских племен. Ранее сделанный вывод о том, что обитатели бассейна р. Сунгари говорили на языке тунгусо-маньчжурской группы народов, подтверждается именем посла уцзи - Иличжи, посетившего двор императора Северной Вэй Сяо Вэнь-ди. Иличжи, как справедливо отметил Вада Сэй, представляет собой китайскую транскрипцию маньчжурского слова "элцин" - "посол". Следовательно, уцзи-мохэ, как и ранее сушени илоу, говорили на одном из древних вариантов тунгусо-маньчжурского языка.

Особого внимания, разумеется, заслуживают новые сведения, которые расширяют представления о коренных обитателях внутриконтинентальных областей Дальнего Востока. Согласно "Вэй ши", "Тан шу" и "Цзютан шу", уцзи и мохэ не умели строить наземных домов, а на прибрежных возвышенных местах речек или на склоне горы сооружали жилища полуподземного типа, то есть землянки. Для их постройки вначале рыли котлован, затем наклонно, с упором друг на друга, ставили столбы, поддерживавшие "деревья", которые перекрывали котлован сверху. В конце строительства деревянные конструкции засыпались землей, вследствие чего снаружи землянка выглядела, как куполообразный могильный холм, на что и обращено внимание в записи "Цзютан шу". Вход в землянку располагался не сбоку, а на самом верху купола, откуда вниз вела приставная лестница с несколькими ступеньками. Теперь становится понятной реплика "Цзинь ши" о девяти ступенях в самых удобных, больших и богатых домах сушеней: речь тогда шла о куполообразных землянках с входом наверху. Группа таких жилищ образовывала поселок, который, согласно "Вэй ши", защищала стена, сбитая наподобие плотины, то есть своего рода крепостной вал. Жизнь в таких жилищах, напоминающих могилу, темных, но зато надежных и теплых, не отличалась, разумеется, особыми удобствами. Поэтому не случайно в "Бэй ши" отмечается, что мохэ - самые нечистоплотные из восточных иноземцев. В особенности поражало чужестранца умывание рук и лица мочой. С наступлением тепла мохэ покидали свои пропахшие дымом зимние жилища и, как сообщается в "Цзютан шу", у них начиналась кочевая жизнь: они отправлялись в места, в особенности привольные травой и водой. "Двигаться, смотря по достатку в траве и воде" - словосочетание, которое обычно применялось в летописях при характеристике быта кочевых племен Центральной Азии. Та же несколько неожиданная формула описаний мохэ раскрывает их полукочевой образ жизни летом. Сушени ранее, очевидно, придерживались

тех же принципов, поскольку им приходилось покидать землянки и переселяться в постройки, типа "ласточкиных гнезд", что правильнее следует характеризовать как легкий переносной чум, а не строение на сваях, как предполагалось ранее. К зиме мохэ вновь возвращались в свои укрепленные поселки.

Особенности экономики сунгарийских и среднеамурских мохэ действительно позволяют предполагать наличие у них такой отрасли хозяйства, как скотоводство, в частности, разведение лошадей. Однако широкое развитие получило у них свиноводство (как и у сушеней), что давало большую часть мяса, потребляемого мохэ. Главной же отраслью было развитое земледелие, для которого характерно применение плуга, а в качестве тягловой силы использовались пары лошадей. Все это не позволяет даже в малейшей степени представить мохэ кочевниками. Основная масса населения мохэ жила оседло. Они охотились на соболей в окрестной тайге и горах, ловили рыбу в реках, пахали землю, подталкивая плуг вперед, сеяли просо, пшеницу, рис, сою, а из овощей - мальву. Рис, помимо прочего, использовался мохэ для приготовления водки, для чего зерна злака разжевывались, а затем из них "варились вино". Потребляя его, мохэ - люди крепкого сложения, сильные и мужественные - никогда не пьянели. О прочной оседлости свидетельствует также пристрастие и любовь к разведению свиней. Свиноводство представляло собой главную отрасль животноводства мохэ. Они любили есть свиное мясо, а из кож свиней (как и сушени) шили шубы. Самые богатые из семей, по-видимому, представители родо-племенной знати, владели крупными стадами, в которых количество животных достигало нескольких сотен голов. Мохэ разводили также собак, из шкур которых шились шубы. Ткачество, судя по пристрастию женщин к холщовой одежде, тоже представляло собой важную отрасль хозяйственной деятельности. Вместе с тем, разведению лошадей тоже придавалось большое значение, поскольку мохэ-воины не представляли себе жизни без коня. Достаточно сказать, что, по записям в "Цзютан шу", умершего клали в могилу вместе с намеренно убитой лошадию, на которой он ездил при жизни. Что касается внешнего облика мохэ, то, помимо упомянутой одежды из шкур животных и холста, в особенности эффектно выглядели головные, вероятно, парадные уборы. На севере, согласно записям "Тан шу", амурские мохэ украшали их перьями из хвостов фазанов и клыками дикого кабана, а на юге сунгарийские мохэ приводили в трепет врагов хвостами леопардов и тигров! Волосы мохэ, согласно "Цзютан шу", заплетали в косы, и они у них свисали вниз.

В источниках отмечены также новые и неожиданные подробности свадебного и погребального обрядов. Относительно первого в "Бэй ши" записано так: "При браках женщина надевает холщовую юбку, мужчина надевается в шубу из свиной кожи, а на голову втыкает хвост леопарда... В первый вечер брака жених приходит в дом невесты, берет невесту за груди, и ревность прекращается. Если же женщина блудно спознается с посторонним мужчиною, и скажут мужу об этом, то муж убивает жену, а потом, раскаиваясь, непременно убьет и сказавшего; почему у них прелюбодеяния никогда не открываются"⁹.

При захоронениях (в отличие от сушеней) гроб для покойников из досок или бревен не изготовлялся. И вообще могильная яма рылась лишь в том случае, если кто-то умирал весной или летом. Покойника опускали на дно могильной ямы, ставили перед ним погребальную пищу, совершали жертвоприношения, а затем засыпали его землей. Как уже указывалось ранее, вместе с умершим мужчиной хоронили его убитого коня. У мохэ отсутствовали специальные инструменты для сбрасывания земли в могилу. По завершении обряда над местом погребения сооружалась деревянная "хижина" для того, как поясняется в "Вэй шу", чтобы могилу не мочил дождь. На самом деле, судя по этнографическим данным, с постройкой домика над погребенным связывались значительно более сложные религиозные представления мохэ, которые, однако, остались неизвестными.

Иным выглядел погребальный обряд, если смерть наступала осенью или зимой. Мохэ, согласно утверждению "Вэй шу", использовали трупы в качестве приманки для ловли соболей. Соболи подбирались к умершим и часто попадались в ловушки. Отсюда отнюдь не должен следовать вывод, что мохэ специально использовали трупы в качестве приманки. Просто осенний и зимний погребальный обряд, по-видимому, не предусматривал (по каким-то причинам) захоронения в земле и осуществлялся на открытом воздухе. Размещение же силков для соболей вокруг умерших представляет собой побочное действие.

Новые сведения касаются также военного снаряжения мохэ. Воины их, сильные, отважные, умелые и отчаянно храбрые, славились на Дальнем Востоке. Их луки и стрелы, не знавшие промаха, по-прежнему приводили в ужас соседей, которых они непрерывно тревожили набегами. В "Тан шу" специально отмечалось большое мастерство, с которым мохэ сражались в пешем строю. Но еще более прославила себя в битвах конница мохэ с её искусством ведения боя в конном строю. Недаром армию танского Китая при борьбе за Ляодун возглавляли и привели к успеху, главным образом, полководцы из племенных вождей мохэ¹⁰. Длина лука - главного оружия войны и охоты - по сравнению с сушенскими уменьшилась и не превышала одного метра. Длина стрелы вместе с наконечником составляла около 40 см. Однако уменьшение лука не привело к ослаблению его убойной силы. Дело в том, что, как отмечено в хрониках, луки мохэ украшались роговыми пластинками. Но они, конечно же, не служили украшением, а предназначались для увеличения упругости и, следовательно, мощи оружия. Таким образом, мохэ владели луками усиленного типа, и

потому уменьшение их размеров ради удобства использования (в особенности, в седле) представляется самым логичным объяснением конструктивных новшеств. Вместе с тем, мохэ, следуя традициям сушеней, не отказались от использования яда, которым смазывались наконечники стрел. В "Бэй ши" сохранилось описание некоторых подробностей, связанных с приготовлением яда. Оказывается, его варили в строго определенное время года - в седьмом и восьмом месяце лунного календаря. Чтобы представить реально исключительную силу яда, достаточно сказать, что при неосторожности тех, кто занимался приготовлением его, пары, поднимающиеся над посудиною, могли умертвить человека. Согласно "Бэй ши", яд использовали для обработки стрел, которые применялись при охоте на птиц и зверей.

В свете отмеченных ранее изменений в жизни потомков сушеней - мохэ, можно предполагать также значительные сдвиги в социальном плане и в общественной структуре, в частности, разрушение первобытно-общинных коллективов, более резкое проявление имущественной дифференциации членов рода, усиление роли "аристократической" верхушки родо-племенных объединений и их вождей. Однако сведения в источниках, касающиеся такой кардинально важной проблемы, предельно скупы или восстанавливаются путем логических заключений. Можно лишь отметить, что у мохэ были как богатые, так и бедные семьи. Отдельные племена продолжали сохранять независимость друг от друга. "Правитель", то есть племенной вождь мохэ, как и у сушеней, назывался Великий Мофо Маньду. Власть вождя по-прежнему передавалась от отца к сыну, что свидетельствует о господстве патриархально-родового строя. Вождь безраздельно господствовал над соплеменниками, и во владении у него находилось довольно значительное количество рабов. Рабство, по-видимому, носило патриархальный характер. Таким образом, налицо замедленность эволюции общества (по сравнению с соседями Когурё и даже воцзюй). Бурные события политической истории мохэ IV - VII вв., как она раскрывается во взаимоотношениях с тюрками, киданями, Когурё и Китаем эпох вэй, сун и тан, во всем блеске показывают, насколько стремительными темпами нарастала значимость тунгусо-маньчурских племен в определении судеб народов Дальнего Востока. Их видная роль в решающие моменты важнейших событий в значительной мере отражали социально-экономические сдвиги в родо-племенном обществе мохэ. Процесс консолидации разрозненных и разобщенных ранее племен бассейна рек Сунгари и Амур, начало которого восходит к раннему средневековью, поставил на очередь дня решение сложных проблем крупной политики, прежде всего, отстаивание национальной независимости и самостоятельности перед угрозой соседей, главным образом, суйского, а затем танского Китая. Страницы политической истории мохэ, насколько их удастся восстановить в связи с событиями в Когурё, вызывают исключительный интерес и заслуживают самого пристального внимания.

Политической линии мохэ не откажешь в последовательности. В сложной обстановке взаимной борьбы государств и племенных объединений "восточных иноземцев" они в отношениях с Китаем становились то врагами, то снова превращались в союзников, а затем опять во врагов (Когурё, Пякчэ, Силла, кидани, тюрки). Только мохэ большей частью не знали колебаний. Они сохраняли союзническую верность своему соседу на юге - Когурё - в его борьбе с Суй и Тан. По той же причине они затем помогали Пякчэ и Силла.

Победа Гаоцзуна над Когурё не привела, да и не могла привести, к прямой аннексии Тан южных районов Дальнего Востока, поскольку Китай в тот период не обладал, по-видимому, достаточным для решения такой задачи военным и экономическим могуществом. Стоило начаться в Поднебесной очередному взрыву "потрясений" и "смут", в особенности усилившихся в годы правления императриц Уши и Вэйши, как результаты похода Гаоцзуна на север оказались сведенными на нет. На территории, занятой племенами сунмо мохэ, куда, спасаясь от войск Гаоцзуна, бежало большое количество когурёсцев, стали подниматься города, окруженные крепостными стенами. На развалинах Когурё вскоре возникло могущественнейшее на Дальнем Востоке государство Бохай - страна высокой культуры и просвещения, известная далеко за ее пределами. Основателем Бохая стал вождь сунмо мохэ Цицик Чжунсян, который после разгрома Когурё сразу же расширил свои владения и занял район хребта Моушань. Новые территориальные приобретения сунмо мохэ последовали в 696 г., когда одновременно с нападением киданей на Северный Китай Цицик Чжунсян форсировал с армией р. Ляошуй и захватил северо-восточную часть хребта Чанбошань. Танскому Китаю не оставалось ничего другого, как признать факт свершившимся. Внук Цицик Чжунсяна - Уачжи Да Тууй - принял титул императора. Китай не признал такое событие законным, но сделать что-либо реальное и вмешаться в ход событий на Дальнем Востоке оказался полностью бессильным. 228 лет процветало государство Бохай - достойный наследник культуры и могущества Когурё, а также племенного союза сунгарийских мохэ.

По-иному сложилась судьба самого северного из мохэских племен - хэйшуй мохэ, которые по-прежнему расселялись по берегам Амура от устья р. Сунгари до устья р. Уссури. По существу, здесь, как и на юге в низовьях Сунгари у сунмо мохэ в момент их союзнических отношений с Когурё при отражении агрессии Тан, сформировался со временем племенной союз. Во всяком случае, все попытки Бохая подчинить себе "процветающие и разделенные на 16 групп" (племен?) хэйшуй мохэ ни к чему не привели. Амурские мохэ создали собственную армию, соорудили на своих северных и южных границах "частокоты" и успешно

Схематическая карта расселения народов Дальнего Востока (начало X в.)

отражали попытки отрядов Бохая вторгнуться на их территорию. Борьба Бохая с северными племенами затянулась на десятилетия. Много раз императоры Бохая объявляли об "окончательном" умиротворении хэйшуй мохэ. Однако, судя по тому, что вожди их посылали свои посольства к соседям, в том числе в Китай, минуя посредничество Бохая и "не уведомляя его владык", амурские мохэ до конца сохраняли свой суверенитет. Можно представить меру негодования и в то же время опасения бохайского императора У-ди, когда он узнал о походе на юг очередного посольства других соседей Бохая с целью нападения на границы дальневосточной империи.

Период возвышения и особой политической и военной активности хэйшуй мохэ относится к X в. К территории, которую они контролировали в то время, относились не только бассейн среднего Амура, но также верхняя половина р. Сунгари и, вероятно, долина рек Уссури и Суйфуна. Именно тогда, еще до возвышения киданей и нападения их на Бохай, среди хэйшуй мохэ стало выделяться могуществом племя ньюйчжэней. Так, впервые в источниках появилось название "чжурчжэнь", по которому всех хэйшуй мохэ вскоре стали называть "ньюйсжэнь". В течение последних десятилетий существования государства Бохай неоднократно осуществлялись вторжения чжурчжэней в пределы южных территорий, и армия его, не без значительных усилий, отражала нападения своих северных соседей. В свете таких фактов, ни о каком "подчинении" хэйшуй мохэ или чжурчжэней Бохая не могло быть и речи. Когда кидани в 926 г. разгромили Бохай, то на передовую линию борьбы за независимость народов Дальнего Востока от кочевников центральноазиатских степей вышли чжурчжэни, далекие потомки легендарных сушеней юга Маньчжурии.

Чжурчжэнь.
Старинный рисунок

Чжурчженский воин.
Скульптура

Первые описания их земель содержатся в исторических сочинениях эпохи Сун, а также в немногих из сохранившихся отчетов тех, кого судьба заносила в далекую сторону. Многое из записанного о природе и климате ее, о чем сжато рассказывалось на первой странице очерка, знакомо из разделов ранних хроник, где сообщались сведения о сушенях, илоу, уцзи и мохэ.

Но самое удивительное рассказывалось о коренных обитателях страны - чжурчжэнях¹¹. Все поражало в них средневековых путешественников в чужие и далекие северные земли - внешний вид, одежда, прическа, пища, образ жизни, обычаи и общественная жизнь. Это был народ большого мужества и благородства, необыкновенной отваги и выносливости, свободолюбия и воинственности. Чжурчжэни, как отмечалось в источниках, простоватые, безыскусные люди, храбрые и свирепые, не знающие в должной мере цену жизни и смерти. Они были отважны и дерзки. Каждый раз, отправляясь на войну, воины надевали многослойный панцирь. Вперед высылался авангард, называемый "крепкой армией". "Летучая" конница чжурчжэней подобно вихрю проносилась по речным долинам и спускалась, "как бы летая", с гор, наводя ужас на врагов. Воины-чжурчжэни терпеливо сносили невзгоды походной жизни - голод, жажду, тяжелые и длительные переходы. Реки не составляли для них преграды. К удивлению врагов, отряды чжурчжэней, не останавливаясь и не наводя мостов и паромов, вплавь на лошадях форсировали такие широкие реки, как Амур и Хуанхэ.

Особый интерес представляла военная тактика чжурчжэней. Впереди войска двигались обычно двадцать копьеносцев, наиболее храбрых воинов, которых называли "стойкими". Они, как и лошади, прикрывались латами. За ними следовали 50 человек, защищенных легкими панцирями и вооруженных луками и стрелами. Армия чжурчжэней разделялась на отряды в тысячу человек, которые, в свою очередь, составляли сотни, десятки и пятерки. Солдаты вооружались

мечами, луками и стрелами, привязанными к поясу. Каждый из командиров подразделений имел свой знак отличия - колотушку, флажок, барабан, знамя или золотой барабан. Солдаты у седла подвешивали пластинку с надписью. За смерть вышестоящего командира расплачивались жизнью все нижестоящие военачальники. Конница чжурчжэней врвалась в боевые порядки врага с тыла или флангов, осыпая их тучами стрел, которые выпускались одновременно. "Они дрались так, как будто сами духи вступали в сражение", - так обычно оценивали их соперники на поле брани. Чжурчжэни, известные в Корё, Ляо и Китае как народ "лживый и жестокий", "воинственный и коварный", считали войну основным занятием. Союзы чжурчжэньских племен с самого раннего периода (насколько можно проследить по письменным источникам) проводили и отстаивали свою собственную национальную политику. Военные мероприятия против соседей или участие, совместно с Корё или Ляо, в войнах против одной из сторон оказались, при сравнении разных источников, не простыми грабительскими походами диких "варваров", а часто лишь вынужденной мерой, пресекающей захватнические устремления "цивилизованных" соседей.

В мирное время чжурчжэни жили в поселках или крепостях, построенных на возвышенностях или в долинах, запирающих горные проходы. Их жилища представляли собой деревянные полуподземные постройки с дверью, обращенной на юго-восток. Холодный климат страны заставлял заботиться о максимальном утеплении жилища. Оно наполовину уходило в землю. Дверь полуземлянки утеплялась травой или паклей, а внутри устраивалась сложная, но удобная отопительная система из центрального очага и лежанок - канов, сквозь которые циркулировал теплый дым и воздух. При входе в жилище меховая одежда сбрасывалась, и обитатели его ели, спали и занимались хозяйственными делами на теплых широких лежанках. Чжурчжэни западных (очевидно, степных) районов часто меняли места своих поселений и вели, по сути дела, полукочевой образ жизни. Вместо постоянного жилища (типа полуземлянки) они сооружали из кож палатку, похожую на юрту. Ее ставили в период ненастья и дождей. Кочевали они на телегах, запряженных коровами, куда помещалось все имущество. Основным занятием этой немногочисленной группы племен чжурчжэней было не земледелие, а скотоводство.

В сильные холода рядовые члены рода одевались в шерстяную одежду и шубы, сшитые из самого доступного и недорогого материала - из шкур лошадей, коров, свиней, баранов и собак. В морозы, если платье или сапоги бывали хоть немного неплотны, то, как отмечалось в описаниях, чжурчжэни

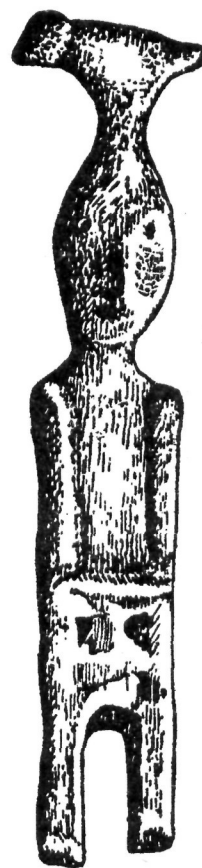
отмораживали пальцы, и тело их растрескивалось от холода. Они шили также халаты из рыбьей и змеиной кожи. Теплая нижняя одежда (штаны, рубашки и чулки) изготовлялась из шкур оленя, кабарги и кошки. Старая национальная одежда чжурчжэней прекрасно приспособлена для холодов при жизни и работе в тайге и горах. Вместе с тем, родовая аристократия - племенные и родовые вожди, а также члены их семей - зимой надевали шубы из меха соболей, лисиц и белок или теплые шелковые халаты на подкладке. Кроме меховой одежды, широко использовались изделия из белого холста. Платье из белого материала - самая любимая одежда чжурчжэней. Чжурчжэньские женщины носили длинный халат-кафтан, у которого, в отличие от такого же типа одежды у мужчин, воротник не пришивался. К ушам подвешивались серьги из золота, серебра и полудрагоценных камней. Мужчины-чжурчжэни, в отличие от киданей, не заплетали волосы в косы, а носили их распущенными по плечам, как некогда тюрки. Волосы придерживались специальным футляром или кольцом, который у богатых изготовлялся из золота. Пряди волос переплетались цветными лоскутками материи. Знатные чжурчжэни украшали их золотом и жемчугом.

Рядом с поселком располагались пашни и огороды. Основное занятие большинства племен чжурчжэней - земледелие и огородничество. Они разводили также лошадей, коров, овец, свиней и собак. В зимнее время и ранней весной охотники с собакой уходили в тайгу, где добывали оленей, лосей, медведей и пушного зверя. Особой популярностью среди чжурчжэней пользовалась охота на оленя с помощью берестяного рожка. Зверя выслеживали по следу, а затем приманивали рожком, подражая реву самца. Летом, в особенности в период массового хода рыбы, они занимались рыболовством, а в лесу собирали дикие плоды, ягоды и корни.

Любимой едой рядовых чжурчжэней была похлебка из гороха и вареное пшено, которое употреблялось в недоваренном виде с приправой из чеснока и сырой собачьей крови. На родовых праздниках и в торжественных случаях они пили вино собственного изготовления. Вино было любимым напитком чжурчжэней. Его употребляли тогда, когда все гости хозяина дома, которые приходили к нему без особого приглашения, более не могли поглощать ни мясо, ни похлебку. Иногда при официальных приемах вино подавали прежде еды. Под звуки музыки гостей девять раз обносили вином, а на закуску подавали "фрукты" - кедровые орехи. После угощения вином на стол ставилась рисовая каша и мясные кушанья. Особенно любили чжурчжэни рисовый отвар, который слуги подносили в больших деревянных тарелках. Его ели деревянными ложками с длинными ручками. Мясо хозяйки слегка недovarивали, почему вкус его лишался, по мнению гостей из далеких стран, многих качеств и представлял нечто среднее между сырым мясом рыбы и сырым мясом сайги. Мясо употреблялось также в сушеном и жареном виде, иногда вместе с овощами.

Одним из любимых и популярных спортивных состязаний чжурчжэней считались скачки на лошадях. Они всегда привлекали большое количество зрителей, в особенности, девушек и женщин, которые прислуживали соревнующимся, подавая им вино. Здесь же после состязаний устраивали танцы. Под звуки барабанов и флейт чжурчжэни пели песни, напоминающие мелодией пение куропатки, угощались вином и обсуждали детали соревнований, высказывая одобрение друг другу. Каждый из взрослых чжурчжэней был не только отважным воином, усердным хлебопашцем и умелым охотником, но также мастером на все руки. Он умел построить для себя деревянный дом-полуземлянку, сшить сбрую и временную палатку-чум, соорудить телегу или повозку на двух колесах.

В новый год чжурчжэни поклонялись солнцу и приносили жертву "великому небу". Однако основная их религия - шаманизм. Шаман являлся второй после вождя фигурой в племени. Он же в случае болезни выступал в роли лекаря, который изгонял из больного злых духов и приносил в жертву свинью или собаку, чтобы ускорить выздоровление. Если надежды на выздоровление полностью исчезали, то больного отвозили на телеге в одну из дальних от селения горных долин и там бросали. Такой больной, которого, как считалось, не покидали, несмотря на заклинания шаманов, злые духи, превращался в опасное для соплеменников существо, поэтому от него старались избавиться всеми мерами. Родичи оплакивали умершего, сопровождая затем погребение "слезными и кровавыми проводами": участники погребальной процессии делали на лбу надрезы ножом, и кровь из ран струилась по лицу, смешиваясь со слезами. Особенно торжественно хоронили родовых вождей и членов богатых и влиятельных семей. При погребении их не ограничивались простым захоронением в могильной яме без гроба. В жертву им

Шаман амурских
чжурчжэней. Бронза.
Из материалов
раскопок В.Е. Медведева

приносили любимых слуг и служанок, а также оседланных лошадей. И тех и других сжигали, а останки помещали в могилу. Кроме того, для покойника и его загробного путешествия чжурчжэни приносили в жертву свиней и собак, которых также сжигали. Кроме еды, в могилу помещали сосуды с питьем. Весь этот торжественный церемониал носил название "варить кашу для умершего".

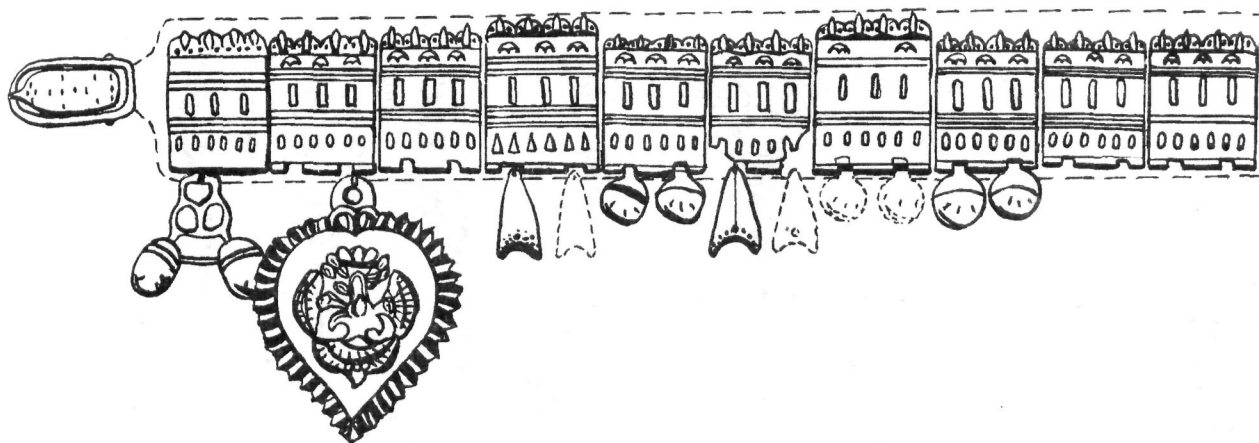
Торжественными и сложными обрядами сопровождалась свадьба чжурчжэней. Состоятельные семьи посылали родственников сватать невесту. Их сопровождал обоз повозок, нагруженных напитками и разнообразными кушаньями, и десятки лошадей, предназначенных для дара родителям невесты. В доме невесты вскоре начинался пир, на котором прислуживали родственники жениха. Они трижды разносили вино, налитое в золотые, глиняные или деревянные сосуды, затем угощали салом, а под конец пили чай или молоко. После пира участники церемонии обменивались подарками. Жених предоставлял возможность отцу невесты выбрать для себя самых лучших из приведенных лошадей, а он взамен за каждую взятую лошадь дарил будущему зятю одежду. Если обе стороны оставались довольными, то жених трудился в доме невесты три года, выполняя разнообразную и тяжелую работу. После трех лет он уводил невесту, в приданое которой отец выделял рабов и скот. В бедных слоях чжурчжэньского общества описанный обряд, конечно, значительно упрощался. К тому же, в народе не жених искал невесту, а невеста искала жениха. Родители бедной девушки посылали ее ходить по дорогам, распевая песню, в которой она расхваливала прелести женщины и семейного быта. Тем самым она намекала не то, что ищет дружка. Услышавший, если он намерен жениться, вел девушку к себе и по окончании простой брачной церемонии отводил в дом родителей, чтобы они знали о принятом решении.

К моменту столкновения с киданями в X - XI вв. чжурчжэньское общество представляло собой классический образец первобытнообщинного строя. Каждое племя занимало строго определенную территорию и не находилось в зависимости от соседних родственных племен. Только во время опасности или для особо важных военных мероприятий они объединялись в союз для отражения или предупреждения действий врага. Родовых или племенных вождей чжурчжэни выбирали на общих собраниях, но выборы к тому времени уже превратились в формальный акт, пережиток старых времен, так как власть вождей к X - XI вв. стала наследственной. Она переходила от старшего брата к младшему, а после смерти последнего из братьев - к сыновьям старшего брата. Вожди назывались боцзиле ("боцзинь" - от маньчжурского "бэйли") или цзедуши. Они стояли во главе родов, которые насчитывали от тысячи до нескольких тысяч человек. У вождей в ранний период истории чжурчжэней еще отсутствовал налаженный и централизованный аппарат угнетения и грабежа свободных общинников, членов рода. Так, в источниках отмечается, что они не платили в пользу родовой верхушки "определенных податей". Это не значит, однако, что члены рода вообще не предоставляли в ее распоряжение плодов своего труда. Просто размеры податей регламентировались: их собирали столько, сколько понадобится.

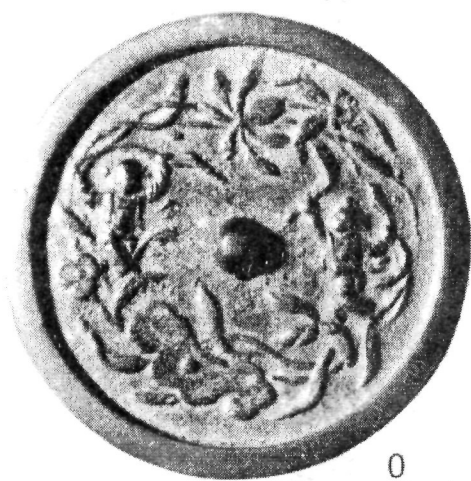
Пережитки родо-племенного строя и порядки военной демократии особо ярко проявлялись в ходе военных совещаний, когда чжурчжэни решали важные вопросы войны и мира, союза с соседями, разрабатывали военные операции и походы. Строго соблюдалось правило, по которому любой из членов рода мог без каких-либо опасений высказать мнение по обсуждаемым вопросам. Такие совещания представлялись собой своего рода народные собрания равноправных мужчин-воинов. У них вожди и полководцы союза племен спрашивали совета, а в ответ выслушивали самые разнообразные мнения. Даже некоторое время после образования империи такой порядок оставался неизменным. Когда чжурчжэни решали вопрос о каком-либо важном деле, то участники совещания выходили в поле, устраивали положенное в таких случаях угощение, очерчивали углем круг и, усевшись, начинали высказывать мнения. Первыми говорили не начальники, а "низшие". Государь выслушивал "проекты" и выбирал тот, который ему нравился больше других. Интересно, что исполнителем избранного проекта

Сосуды из погребений амурских чжурчжэней.
Из материалов раскопок В.Е. Медведева

Парадный пояс амурских чжурчжэней. Из материалов раскопок В.Е. Медведева

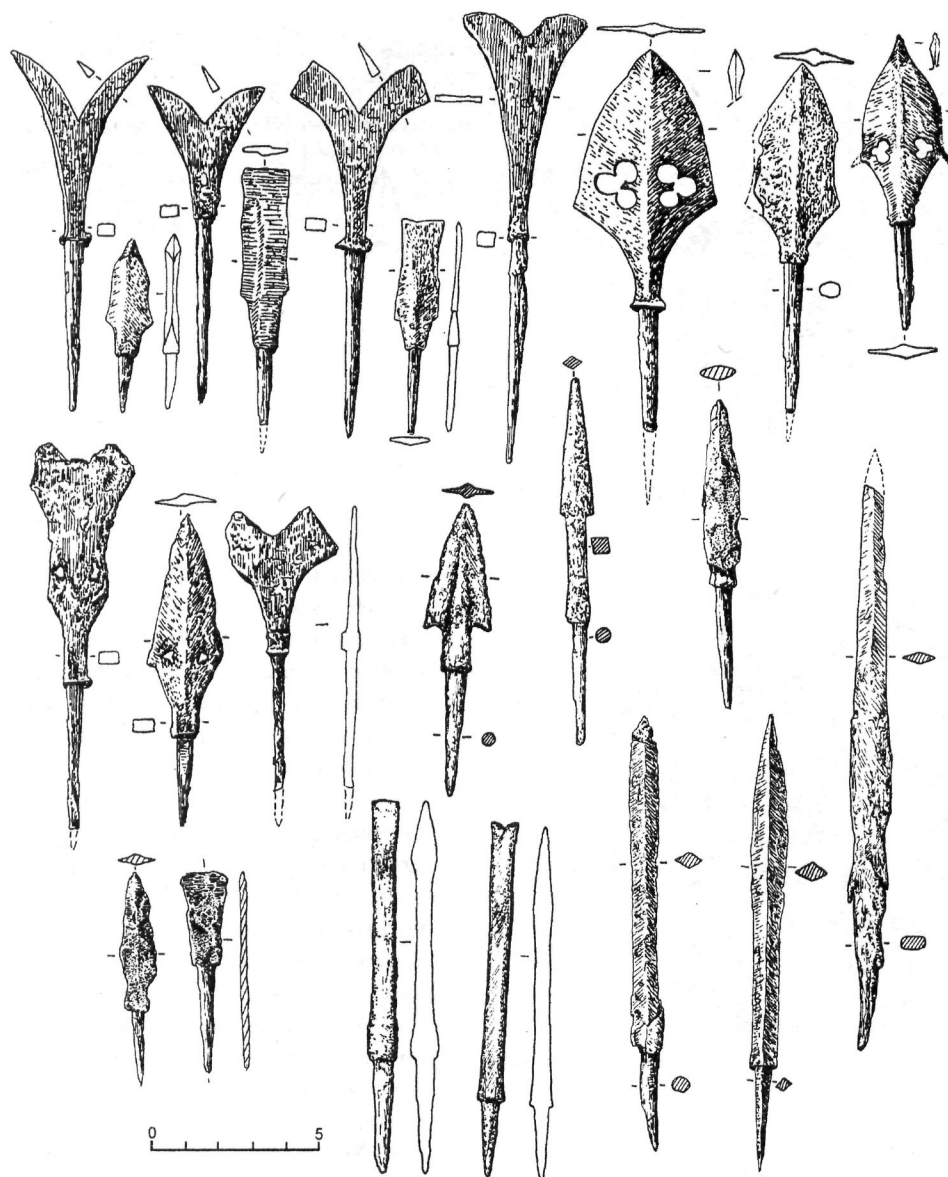
Литое бронзовое зеркало чжурчжэней.
Из материалов раскопок В.Е. Медведева

назначался обычно тот, кто его выдвинул. Круг после окончания совещания уничтожался, чтобы, как считалось, никто не слышал человеческого голоса, а враг не узнал о принятом решении, и сведения о нем не вышли за пределы круга, где шли разговоры. При разборе мнений принималось во внимание, кто подавал его, чтобы отцы, дети или братья, "по частным привязанностям", не прикрывали друг друга. Отношения между племенами и отдельными членами рода регламентировались неписанными, но строгими законами родового строя. Кровная месть - первый закон, регулировавший у чжурчжэней взаимоотношения обиженного и обидчика. Именно с этих законов и событий, связанных с ним, начиналась, как увидим, история Ваньянь - правящего рода Золотой империи.

Между племенами чжурчжэней существовали оживленные торговые связи, так как в XI в. некоторые из них специализировались на

производстве определенных видов товара. Особым спросом пользовалось оружие - мечи, стрелы, панцири и щиты, производить которые могли далеко не все. Среди чжурчжэней славилось племя цзягу - кузнецов, которые все это с готовностью продавали. Торговые связи осуществлялись с помощью прямого обмена одного товара на другой, так как деньги появились у чжурчжэней позже. У них отсутствовали такие учреждения централизованного объединения, как постоянные дворы. Поэтому путешественникам в страну чжурчжэней приходилось каждый раз обращаться в дом "хозяина", который после долгих препирательств пускал их переночевать.

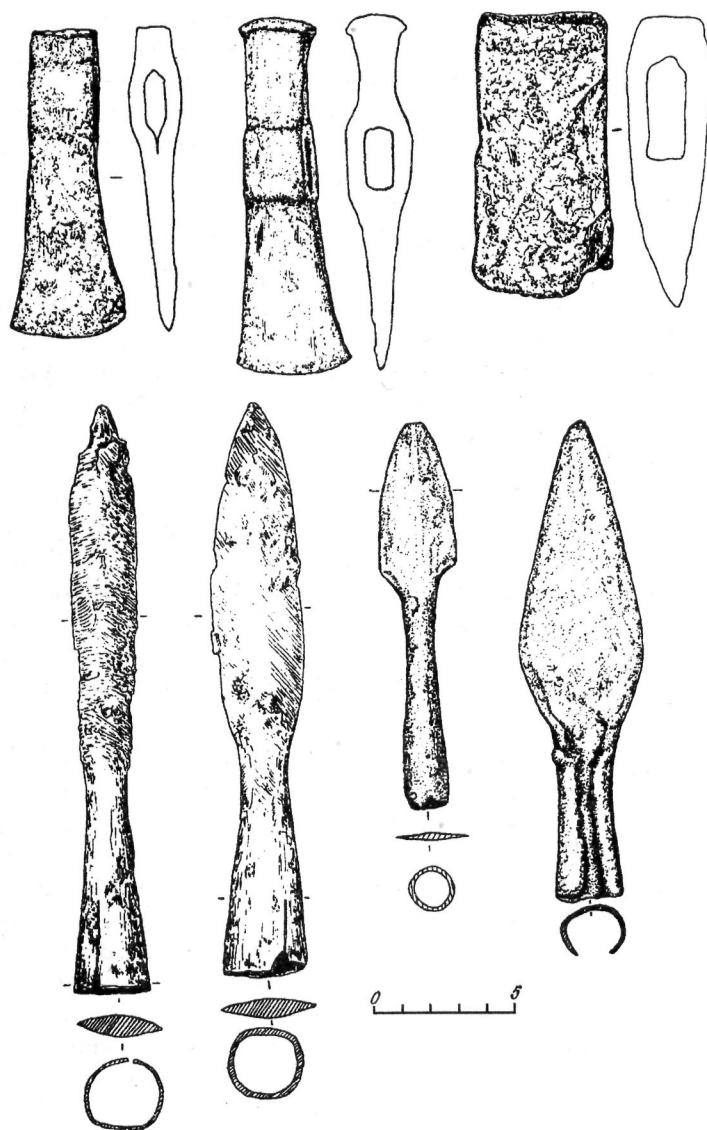
Чжурчжэни делились на несколько племенных групп, известных под разными названиями. Кидане в своем победоносном марше на восток, столкнувшись с чжурчжэнями, выделяли у них прежде всего три большие группы, безотносительно их племенных названий, но в зависимости от степени подчинения империи Ляо. Киданьский император Амбагянь сразу оценил грозную опасность, которую представляли для Ляо новые противники. Разгромив Бохай, он предпринял особые меры предосторожности на границах с чжурчжэнями. Характерно, что Амбагянь не рискнул сразу включить новые земли в свою империю, а создал в 926 г. особое буферное государство Дуньданго для управления бохайцами и чжурчжэнями. Центр его сначала находился в Ляояне, а затем его перевели в Дунцинь. Трудно установить границы нового плацдарма для будущей войны на востоке, но из источников ясно, что, по крайней мере, чжурчжэньские племена, жившие на р. Ялу, сохранили вначале полную независимость от Корё и Ляо. Амбагянь, считая, что чжурчжэни, несмотря на принятые меры, начнут производить "беспорядки" на его границах, завлек и переселил несколько тысяч наиболее знатных и сильных семейств к югу от современного города Ляояна и на северо-восток от округа Сяньчжоу. Тем самым он разделил силы

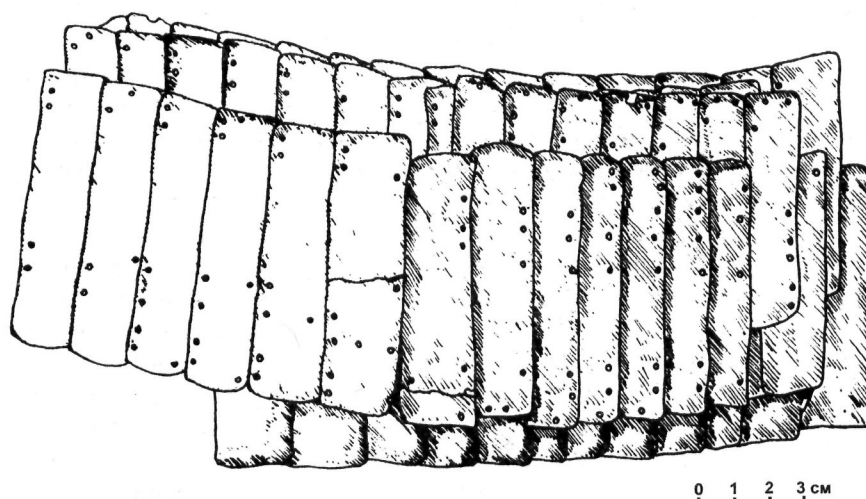
Оружие чжурчжэней. Железные наконечники стрел. Из материалов раскопок В.Е. Медведева

чжурчжэней и лишил их возможности соединиться. Это были те чжурчжэни, которые известны в истории как "покорные (шу) нюйчжи пяти провинций", или хэсукуань. Они находились в зависимости от киданей и включались в округ Шимиюань. В их состав входили 6 племен. Хотя "покорные нюйчжи" не платили дани киданям, для управления ими (по-видимому, чисто формально) назначался цзедуши. Кроме того, "покорные нюйчжи" во время военных действий выставляли для Ляо войска, а ко двору киданьского императора - прислугу. "Княжество" их называлось "Образованные" нюйчжи).

Вторая группа чжурчжэней жила к северо-востоку от Муклена, на землях вплоть до р. Сунгари. Кидане приписали их к округу Сяньчжоу и министерству, ведающему военными лошадьми (биньмасы). Степень зависимости второй группы чжурчжэней от Ляо значительно меньшая, чем у "покорных чжурчжэней". Они не входили прямо в состав Ляосской империи, а только "приписывались" к одному из округов. Но главное заключалось в том, что кидане не смогли полностью прервать политические и экономические связи этой группы чжурчжэней с основной территорией их расселения. Военное управление Ляо официально позволило поддерживать связь с основной частью их страны. Кидани прилагали массу усилий, чтобы на территорию "приписанных чжурчжэней" не проникало железо, в первую очередь, вооружение, так как панически боялись их усиления. В стране "приписанных чжурчжэней" широко употреблялись наконечники, вырезанные из кости. Чжурчжэни второй группы племен не считались ни покорными, ни дикими. Их называли также "желтоголовыми", а также хойба и дилинь. У хойба, как казалось киданям, волосы на висках были желтыми, а глаза - желтые с зелеными зрачками. Вот почему таких чжурчжэней и называли "желтоголовыми нюйчжэнь".

Оружие чжурчжэней. Боевые топоры, колья и мечи.
Из материалов раскопок В.Е. Медведева

Пластинчатый панцирь чжурчжэней.
Из материалов раскопок В.Е. Медведева

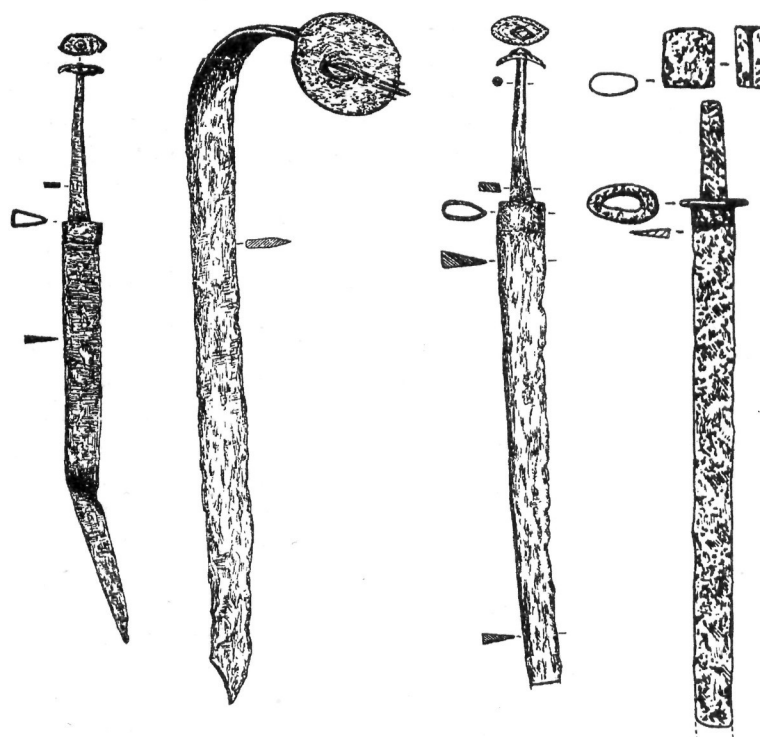
Третья группа племен чжурчжэней наиболее многочисленна. Они жили "в своих коренных землях" к северо-востоку от рек Сунгари и Нонни. Согласно сведениям письменных источников, количество их превышало 2,1 млн человек. По источникам, они известны под названием "дикие нюйчжэнь". Племена их совершенно не подчинялись Ляо, о чем свидетельствовал хотя бы тот факт, что племенных вождей они выбирали сами. "Дикие" чжурчжэни расселились в районе гор Чанбошань, по рекам Ялуцзян, Хунтунцзян, Альчук, Лалиньхэ, Суйфун и Амур. Княжество их называлось "Дикие" нюйчжи. Кроме того, выделялась еще одна группа племен, которая называлась "нюйчжи Восточного моря". Они заселяли прибрежные районы Японского моря от границ Кореи и почти до среднего Амура. "Дикие нюйчжи" и "нюйчжи Восточного моря" как раз и представляют те племенные группы чжурчжэней, которые расселялись на территории российского Приморья, Приамурья и севера Маньчжурии.

Каждая из перечисленных выше групп делилась на племена. Источники сохранили название части из них. Всего у чжурчжэней насчитывалось 72 племени. Северные районы около озера Ханка занимали племена ута и хэшиле. Хэшиле входили в состав племен угу, которые владели землями верхнего течения р. Сунгари и, вероятно, всем пространством между реками Уссури и Сунгари. Основную часть среднего течения р. Суйфун занимали племена вачжунь. По соседству с ними расселилось племя чжидэ. Нижнее течение р. Суйфун и прилегающие к ней области принадлежали племенам улугунь и ханьго. Бассейн р. Уссури заселяли племена удигай (или ужэ), хэшиле и ваньянь (еланского поколения). Нижняя часть р. Уссури, а также среднее течение р. Амур принадлежало племенам тели (чжидяньли). В нижнем течении Амура жили племена цзилими (гиляки). Горные и таежные районы Приморья заселялись "ежэнями" ("варварами"), названия племен которых в источниках не сохранились. Здесь обитатели, по-видимому, негидальцы, ороки, орочи, удэ, ульчи. К северу от р. Амур, по основным его протокам и в северных областях Приморья, обитало мощное племенное объединение мангу (поречан). Как и гиляки, они, очевидно, не имели отношения к чжурчжэньским племенам. Ближайшие соседи суйфунских племен на юге Приморья - племена "Пятиречья" (Ушуй) или Хэлани. В районе слияния рек Тумэнь и Хуньтун (Хуньчуньхэ), а также по течению рек Хуньчунь, Саньчунь, Чаньчунь (Гаяхэ) и вдоль побережья до р. Суйфун расселялись племена угулань. Их северными соседями и считались племена уянь и пуча, которые занимали верховье р. Чиньчунь и район хребтов Мацзилинь (Лаобелин), Пенниолин и, частично, Чанбайшань. По р. Синьсянь (Буэртахэ) обитало племя хэшиле. К югу от племен хэшиле и угулунь по течению рек Хэлань (Хайланьхэ), Тумэнь и Айкэ находилась территория племени вэньдихэнь. Далее к югу область, пограничную с Кореей, заселяли два племени - пусань и илигулин. Как увидим, перечисленные выше племена Хэлани и Южного Приморья тесно связаны между собой общими историческими событиями и судьбами.

К северу и северо-западу от хребтов Пенниолин и Чанбайшань расселялись чжурчжэньские племена Центральной Маньчжурии. Севернее хребта Цинлин (Чангуанцайлин), у истоков и по течению р. Хулигайцзянь (Хуэрхахэ) жили племена улиньда. К северу от гор Хулунынь (Лалиньшань), по течению р. Холунь находились племена цзягу и чжуху. К северу от них по р. Лайлю (Лайлиньхэ) расселялось племя усачжа. По р. Альчук (Аньчуху) и к востоку от нее жили племена ваньянь. В междуречье Мулэнь (Мулуньхэ) и Пулумаи (Буямихэ) обитало племя полуму. В бассейне р. Нонни находились земли племен уцзи и диле. Нижнюю часть р. Сунгари, а также, по-видимому, все пространство между Хуньтунцзян и Элимэньшуй, занятое хребтом Ваньдулушань (Ваньдашань), заселяли племена угу.

В 926 - 934 гг. в источниках впервые появилось название племен чжурчжэнь в связи с конкретными политическими событиями. Сведения эти (к сожалению, чрезвычайно краткие) связаны с нападением чжурчжэньских племен на округ Дэнчжоу. Но они интересны тем, что помогают раскрыть взаимоотношения чжурчжэней с государством Бохай. Оказывается, нападение на Дэнчжоу было ликвидировано бохайцами, которые неоднократно отражали удары чжурчжэней, с трудом их прогоняя. Отсюда можно сделать вывод, что северо-восточные земли Дальнего Востока (в частности, Приморье) не входили в состав Бохайского государства, а если в какой-то мере и подчинялись ему, то только номинально.

Конец X в. - период коренного переворота в судьбах чжурчжэньских племен. Агрессия киданей на востоке поставила их на передовой фронт борьбы за независимость, лицом к лицу к сильному и коварному врагу. Речь теперь шла не о том, чтобы помогать соседям в отражении нападения неприятельских войск, а самим, собственными силами отстаивать независимость своей страны. Никогда еще враг не стоял так близко к границам земель, издавна населенных чжурчжэнями и их предшественниками - мохэскими племенами. Политическая обстановка и соотношение сил оставались критическими и крайне неблагоприятными для чжурчжэней. Государство Корё - наследник династий, которые всегда им поддерживались при отражении непрекращающихся попыток вмешательства и агрессии со стороны соседей (в особенности Китая), - вместо того, чтобы поддержать чжурчжэней в их борьбе с Ляо, решило ударить с тыла и захватить своих старых союзников, воспользовавшись нажимом киданей на племена, проживающие по р. Ялу. Недальновидные правители Корё, ослепленные величием, переоценили свои силы, не поняли, какую страшную угрозу для их страны представляли полчища киданей.

Железные палаши чжурчжэней. Из материалов раскопок В.Е. Медведева

Враждующие стороны - кидани, корейцы и чжурчжэни - упорно обвиняли друг друга в нарушениях договоров и границ. Послы чжурчжэней в Сун говорили о том, что корейцы постоянно провоцируют киданей для нападения на чжурчжэньские границы. А послы Корё, в свою очередь, говорили, что чжурчжэни - жадные и подлые люди, и верить им не стоит. Чжурчжэни, заселявшие долину р. Ялуцзян, оказались между двух огней. На западе у них участились стычки с киданями, в то же время на востоке за р. Ялу корейцы вели подготовку к войне, имевшей целью отторжение чжурчжэньских земель. Так называемая "выжидательная позиция" и "соблюдение осторожности" в отношении киданей корейского вана Сончжона оказалась на самом деле близорукой политикой недальновидного стратега, так как совмещалась с тактикой "вытеснения и подчинения" его соседей чжурчжэней - потенциальных союзников в надвигающейся войне с Ляо. В начале 80-х гг. X в. Сончжон, вытесняя чжурчжэней, расширил свои границы на северо-западе до бассейна р. Ялу. Воспользовавшись нападением киданей на чжурчжэней в 983 г., он приказывает построить ряд крепостей уже на берегу р. Ялуцзян, в землях чжурчжэней. Однако они, покинутые всеми союзниками, нашли в себе силы отразить нападение киданей, а корейцев заставить прекратить строительство крепостей на р. Ялу!

В 985 г. вновь повторилось нападение киданей на чжурчжэней. На этот раз им удалось захватить на время часть территории по среднему течению р. Ялу и в бассейне р. Тунцзян. Устье р. Ялу также перешло в руки киданей, и чжурчжэни оказались в особенно тяжелом положении. В 989 и 991 гг. кидани снова напали на чжурчжэней, и им удалось, наконец, укрепиться на берегу Ялу. Они построили здесь крепости Вэйкоу, Чжэньхуа и Лайюань и начали готовиться к вторжению на территорию Корё. Оно началось через два года (в 993 г.), когда огромная 800-тысячная армия под руководством генерала Сяо Сюн-нина форсировала р. Ялу и, захватывая крепость за крепостью, построенные корейцами в землях чжурчжэней, стремительно двинулась на юг страны. После разгрома корейской армии в Понсане начались мирные переговоры. Достаточно ознакомиться с речью военачальника Сохи, чтобы понять, какой ценой корейцы хотели установить мирные отношения с киданями. Посол говорил о том, что земли вдоль р. Ялу входят во владения Корё, что чжурчжэни бесчинствуют и закрывают дорогу корёсцам, которым пройти здесь труднее, чем переправляться через море. И если у Корё нет до сих пор связей с киданьским государством, то виноваты в том чжурчжэни (!). Сохи предлагал изгнать чжурчжэней и вернуть владения, будто бы потерянные Корё. Он намеревался возвести здесь крепость для обеспечения путей сообщения. Установив дружеские отношения с киданьским государством, Сохи предлагал киданям сначала отнять у чжурчжэней земли, которые они захватили, а затем соглашался признать Ляо сюзереном Корё.

Эта речь, которая выдавалась феодальной корейской историографией за образец дипломатического искусства, на самом деле представляет собой яркий пример, раскрывающий существо политики двора Сончжона - выходить из затруднительного положения за чужой счет. Какая же это победа, если земли,

Император киданей.
Старинный рисунок

которые Сохи почему-то неожиданно считал своими, все же отдавались киданям и, в дополнение, Корё признавало свои вассальные отношения с Ляо? Однако задачу свою Сяо Сюннин посчитал выполненной и удалился за р. Ялу. Платой за суверенитет и независимость Корё оказались чжурчжэньские земли северо-востока, которые Сохи захватил в 994 - 995 гг. Здесь корейцы построили 6 крепостей для защиты от возможных нападений чжурчжэней, так как отношения с ними оставались по-прежнему крайне напряженными.

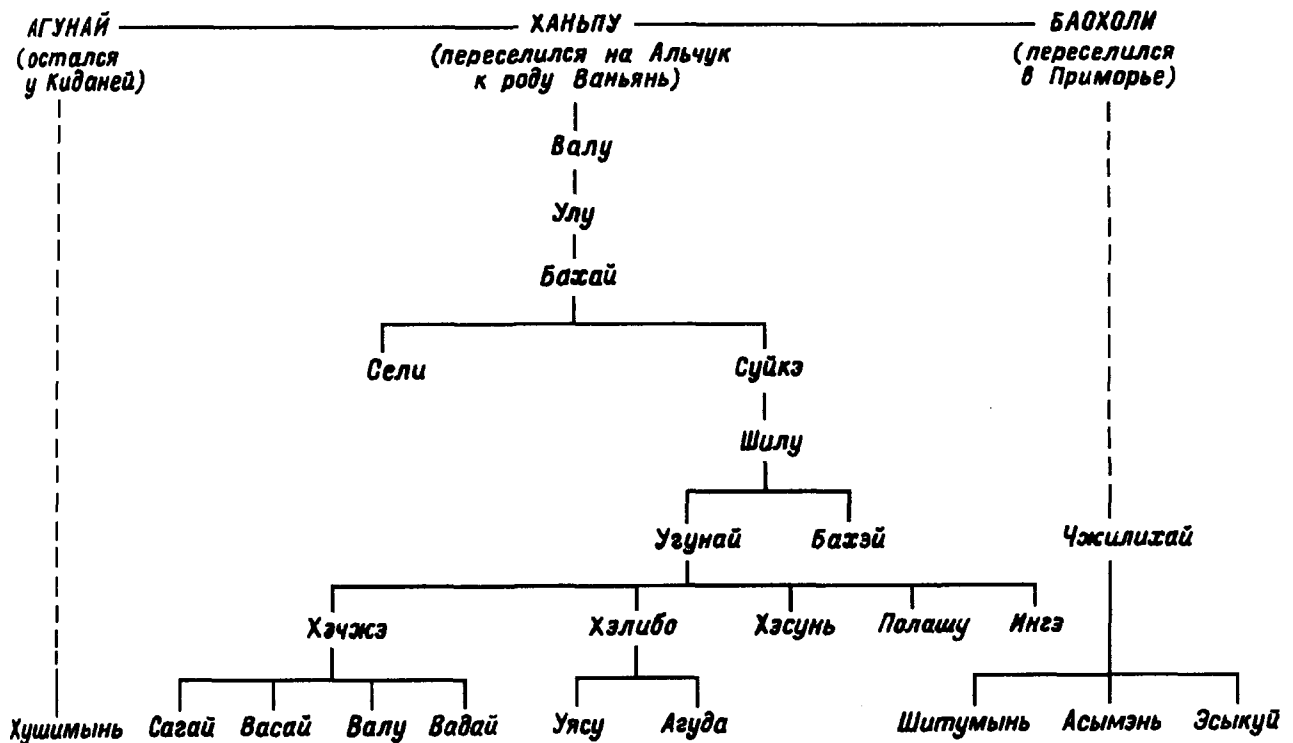
Все эти события привели к изменению тактики чжурчжэней. Вести войну на два фронта им явно не хватало сил. Тогда они решили использовать войска могущественной Ляосской империи против государства Корё, которое превратилось в основного врага. В то время, как Ляо довольствовались, в основном, формальным признанием подданства, корейцы проводили ярко выраженную агрессивную политику тотального вытеснения чжурчжэней из районов, которые не принадлежали Корё. Постоянные стычки на новой границе, победоносные для чжурчжэней, заставили корейский двор дать строгие инструкции военным воздерживаться от провокаций.

Насколько Корё стремились теперь к установлению мирных отношений с чжурчжэнями, свидетельствуют последующие события, которые разыгрались в 1010 г. Воспользовавшись неразберихой при королевском дворе, где делами вершил генерал Канчо, военачальники Хо Ко-чин и Ючжиди, находившиеся в составе войск на севере, по собственной инициативе, не спросив разрешения столицы, атаковали одно из чжурчжэньских племен. Успехи их были чересчур скромными, тем не менее, чжурчжэни, не желая накалять обстановку, прислали мирное посольство с дарами

племени. Расхрабренные военные, поистине потерявшие разум от своего "возвышения", напали и перебили членов посольства. Король Мокчжон немедленно разжаловал генералов и казнил их. Чжурчжэни же сообщили о происшествии киданьскому императору, и его 400-тысячная армия вновь вторглась в Корё. Формальной причиной войны, кроме жалобы чжурчжэней, стало убийство короля Мокчжона генералом Канчо. Но любопытно, что кидане требовали теперь возвращения чжурчжэньских земель с шестью городами, расположенными к северу от р. Чхончхонган! Напоминание корейцев о том, что именно кидани позволили захватить чжурчжэньские земли и вытеснить отсюда их племена, двор императора Ляо пренебрежительно оставил без ответа.

Требование о возвращении чжурчжэньских земель кидани повторяли в 1012, 1013, 1015, 1018, 1019 гг. Они даже захватывали их на короткое время. В нападении 1012 г. вместе с киданями участвовали чжурчжэни. Они вторглись за р. Ялу и произвели подлинное опустошение пограничных районов. То же повторилось в 1013 г., но корейский генерал Ким Сан И оттеснил союзников. Очевидно, убедившись в нерешительности киданей, чжурчжэни в последующих нападениях более не участвовали. После 1019 г. кидане также отказывались от нападений на Корё, и между воюющими сторонами установились дипломатические отношения, начались регулярные обмены посольствами. Войны избегали все враждующие стороны, несмотря на то, что дружественные отношения порой нарушались. Для закрепления успехов и отражения возможных нападений в будущем корейцы соорудили в 1033 - 1044 гг. "Длинные стены", которые, соединяя 14 крепостей, тянулись более, чем на 500 км: от устья р. Ялу на западе и до побережья моря у крепости Торепох на востоке. Чжурчжэни, кажется, убедились, что раздробленными силами вернуть потерянные позиции не удастся, поэтому на время прекратили нападения. В 1036 г. в Корею прибыло посольство чжурчжэней с богатыми подарками. Они обещали больше не нападать на пограничные районы. Между обеими сторонами установились оживленные торговые связи. Чжурчжэни начали отправлять в Корею меха, лошадей, наконечники стрел и копий, а взамен получали крупный рогатый скот, ткани, серебряную и железную посуду.

Однако о том, что основные территориальные проблемы остались нерешенными и болезненными, свидетельствуют события, которые произошли через 10 лет. В 1047 г. чжурчжэни снова напали на "Великую стену" и пограничные крепости. Но силы соперников оказались неравными, и чжурчжэни

Родословная чжурчжэньских вождей

потерпели поражение. Корейцы, преследуя их, вторглись в пограничные районы и до основания разрушили поселения врагов. После этого какие-либо отношения между Корё и чжурчжэнями прервались более, чем на полстолетия. Но затишье было обманчивым: в среде чжурчжэньских племен происходили тем временем коренные изменения и сдвиги, которые через сравнительно короткий период поставили их в ряды главных политических сил, определивших на целое столетие ход исторических событий в Восточной и Центральной Азии.

Описанные выше события принципиально важны потому, что с ними связано переселение ряда чжурчжэньских племен из района постоянных столкновений и борьбы в бассейне р. Ялу в более спокойные центральные районы Маньчжурии и северо-восточные приморские области. Особо выдающуюся роль в последующей истории чжурчжэней сыграло племя братьев Ханьпу и Баохולי, которые считались предками будущего правящего дома Золотой империи. Переселение их произошло, по-видимому, или где-то между 983 - 993 гг., во время особенно ожесточенной борьбы чжурчжэней с корейцами, или, что более вероятно, в 20-е гг. X в., в период первых столкновений чжурчжэньских племен с Ляо и образования буферного государства Дуньдзяньго. Прародители Золотой империи входили в ту самую группу "сильных семей" чжурчжэней, которых "заманил" Амбагань и, поселив на юге от г. Лаояна, назвал "покорными". Но, как выяснилось, не все оказались "покорными" и подчинились приказу Амбаганя.

Ханьпу и Баохולי, принадлежавшие к семейству Ши, увели свои племена на северо-запад и северо-восток. В среде "покорных" шести племен остался только их старший брат Агунай со своим племенем. Не случайно в известном округе "покорных" Хэсугуань Агуда - основатель Золотой империи чжурчжэней - нашел через 100 лет потомка Агуная - Хушимыня, который присоединился к нему в борьбе с Ляо и напомнил о далеких временах, когда три брата разошлись в разные стороны! В связи с этим решается исключительно важный вопрос о национальной принадлежности трех братьев. "Чужестранцы" ли их племена, оказавшиеся в центре Маньчжурии и Приморья? Нет, поскольку Ханьпу и Баохולי - представители не корейских, а чжурчжэньских племен. Невероятно к тому же, чтобы в период напряженных отношений чжурчжэней с корейцами какое-то из племен последних осмелилось "переселиться" в центральные районы, занятые их врагами. Его бы сразу же уничтожили. Ханьпу и Баохולי, несомненно, чжурчжэни - беженцы с территории, которая на многие годы стала яблоком раздора между киданями, чжурчжэнями и корейцами. Они лучше, чем кто-либо в среде племен "диких нюйчжи", представляли страшную опасность, которая угрожала в ближайшем будущем чжурчжэням со стороны Ляо и Корё. Единство и сплоченность - вот, что их могло спасти. Поэтому не случаен факт, что трудный и мучительный процесс объединения чжурчжэньских племен возглавили изгнанники с Ялу и их потомки из рода ваньянь.

Таким образом, где-то около 926 г. - время создания Дуньданьго и захвата киданями шести чжурчжэньских племен - Ханьпу и Баохולי переселились в новые места. Первый из них дошел до рек Пухань и Бухори и расположился в землях, соседних с племенем ваньянь. Географически это место наиболее выгодно для защиты от корейцев и киданей: оно защищено труднопроходимыми горами от Корё и Ляодуна. В еще более отдаленные и безопасные места ушел Баохולי. Он поселился в бассейне истока Уссури, в 500 км от Суйфуна, в долине р. Елань (Уссури), то есть на территории Приморья. Стратегическое месторасположение племени Баохולי в центральных районах Приморья оказалось выгодным и стало со временем решающим фактором в предстоящей борьбе за объединение восточных приморских племен и отражении агрессии Корё.

Новых переселенцев встретили неприветливо. Во время переговоров Ханьпу с вождями племени ваньянь, когда регулировались отношения пришельцев и аборигенов р. Пуганьшуй, его люди убили одного из ваньянцев. Мирные переговоры прервались, и между племенами начались ожесточенные столкновения. Новые убийства еще более накалили и запутали обстановку. Через некоторое время, однако, племя ваньянь, ради прекращения вражды, призвало Ханьпу породниться и объединить оба племени. Ханьпу согласился и, во избежание кровной мести при убийствах, предложил на переговорах вождю ваньянь дать обиженным возмещение имуществом и уничтожить непосредственного убийцу - виновника раздоров. Это условие вождь племени ваньянь принял, и Ханьпу, по обычаю обменявшись с ним быками, женился на их шестидесятилетней женщине, получив в приданое ее пахотные земли и имущество. Новое объединение приняло название "ваньянь", поскольку счет родства потомков Ханьпу велся по материнской линии. С этих пор члены дома ваньянь разделялись на две группы: более близкие правящему дому (потомки прародителей Ханьпу) и более дальние (потомки Баохולי и Агуная).

Таким образом, Приморье стало районом, который заселился племенами, родственными правящему роду ваньянь. Их прародителем, по аналогии с Ханьпу, можно считать Баохולי, родного брата Ханьпу. Племя их стало называться "ваньянь", но, в отличие от племени Ханьпу, его относили к "Еланскому поколению" (по названию места их расселения)¹². Из ранней истории еланцев ничего не известно. Последующее упоминание связано с борьбой руководителей ваньяньского племени за объединение чжурчжэней. В этой борьбе Елань в решающие моменты играла роль верного и могучего союзника ваньянцев. Не исключено, что поддержка Елани и выгодное в борьбе за объединение племен положение племени - один из главных факторов, определяющих ведущую роль ваньянь, а не какого-то другого племени, в процессе консолидации чжурчжэней.

Сын Бахая Суйкэ покинул старые места племени ваньянь и переселился "ближе к морю", на земли по р. Альчук (приток р. Сунгари). Очевидно, перемещение чжурчжэней, обычное при "кочевой жизни и неопределенности в местах", когда они летом искали земли, "изобилующие травой и водой", вызвали давление Ляо и войну корейцев с чжурчжэнями и Ляо в 983 - 993 гг. Долина р. Альчук превратилась в постоянное место обитания Суйкэ и его племени. Здесь со временем появились не временные полуземлянки, а капитальные наземные дома. Низины стали разрабатываться под пашни.

С приходом к власти Шилу, сына Суйкэ, начался новый этап в истории чжурчжэньских племен. С его именем обычно связывается начало борьбы за создание нового "варварского" государства северных народов. Необходимость сложения единого племенного союза чжурчжэней диктовалась сложной политической обстановкой того времени: только что произошло примирение Ляо и Корё за счет интересов чжурчжэней. Неотвратимость союза была вызвана также бурным распадом и разложением у чжурчжэней родо-племенного строя, явившихся следствием непрекращающихся войн и нажима соседей, усилением роли и власти родоплеменных вождей. В условиях непрерывных попыток Ляо и Корё оказывать давление на чжурчжэньские племена, осуществляя прямой захват их территории в Маньчжурии и Приморье, сохранить политическую независимость можно было только при объединении до сих пор разрозненных племенных сил и создании мощного племенного союза, подчиненного единому руководству не формально, а фактически. В такие ответственные для судеб народов моменты истории на арену политической борьбы выдвигаются выдающиеся личности, способные не только правильно оценить обстановку и наметить главную цель, но и найти в себе достаточно мужества и смелости, чтобы сломать освещенные вековыми традициями старые порядки и методы управления.

Начало неотвратимому историческому процессу консолидации чжурчжэней положил Шилу - человек прямого и решительного характера. Ему удалось прежде всего урегулировать отношения с Ляо. Характерно, что именно в 1010 - 1019 гг. Ляо требовали у Корё возвращения старых чжурчжэньских земель в бассейне р. Ялу, а конница чжурчжэней произвела опустошительные набеги на захваченные корейцами новые пограничные районы. Шилу, однако, понимал, что при сепаратизме многочисленных племенных вождей выиграть войну не удастся. Последующие затем мирные отношения с Корё и отсутствие среди киданьских войск чжурчжэней в 1015, 1018 - 1019 гг. связаны, по-видимому, со сложными внутренними проблемами в среде чжурчжэньских племен, которые возникли с новыми мероприятиями

Шилу. Он начал с того, что первым из родо-племенных вождей ваньянь попытался "постепенно" ввести "законы и распоряжения", сначала среди родственников, а затем и среди остальных нюйчжи. Источники не раскрывают, что конкретно подразумевалось под "законами и распоряжениями". Ясно, однако, что Шилу для управления племенами прежде всего, очевидно, ограничил власть, свободу и самостоятельность вождей остальных чжурчжэньских племен, заставив их блюсти интересы племенного союза в целом.

Такое нарушение старых традиций родо-племенного строя вызывает обычно яростную борьбу. Дело здесь не только в обычных центробежных силах, когда каждое из племен стремится сохранить самостоятельность, но, может быть, в большой степени в том, что в период бурного разложения родо-племенного строя всегда появляется ряд претендентов на главную роль объединителя племен. "Законы и распоряжения" Шилу вызвали возмущение в его ближайшем окружении. Его не поддержало даже племя отца, а братья Суйкэ пытались убить. Ярость их достигла предела и, "коварно схватив" Шилу, они намеревались похоронить его в землю живым. Его спас младший брат отца - Селиху, который обратился с увещанием к заговорщикам, а затем выстрелами из лука разогнал врагов Шилу. Борьба, по-видимому, закончилась тем, что ваньянь признали Шилу руководителем племенного союза.

Кидане, которые раньше равнодушно наблюдали за событиями на севере, "встревожились". Больше всего военачальников киданей "тревожило", очевидно, то, что Шилу не хотел остановиться на этапе формального провозглашения себя главой чжурчжэньских племен. Он захотел войной подчинить тех, кто не подчинялся его распоряжениям. Как и следовало ожидать, первое (больше декларативное, чем настоящее) племенное объединение не отличалось прочностью. Через некоторое время после провозглашения Шилу тайши, против него вспыхнул ряд восстаний, среди которых наиболее мощным стало выступление "восточных племен". Несмотря на краткость сведений о Шилу, в "Цзинь ши" занесен рассказ о том, как племена Приморья и соседних с ним территорий (Байшань, Цинлинь), по древнему обычаю, не захотели признавать законов и распоряжений. Старая родо-племенная верхушка "восточных племен" явно не желала терять свои права. Летопись не сохранила подробностей борьбы Шилу с "восставшими иньгуанскими племенами". Известно только, что для их усмирения он совершил длительный и тяжелый поход на восток, в ходе которого заходил также на территорию Приморья ("посетил Субинь и Елань").

Шилу удалось разгромить непокорных. Основной причиной поражения "восточных племен" стала их разобщенность. После прихода Шилу на восток часть племен осталась верной ему. Он "поощрял" их, а "сопротивляющихся" безжалостно громил. Однако поход на восток вряд ли дал ожидаемые результаты, несмотря на якобы блестящие военные действия Шилу и его победы. Возвращение Шилу из военного похода не представляло собой триумфального шествия победителя. Напротив, оно напоминало паническое бегство потерпевшего разгром полководца. Воинам Шилу пришлось пробиваться в родные места, отражая нападения "разбойников", то есть "неподчинившихся", будто бы "покоренных" племен. Когда утомленное войско Шилу достигло степи Гули, он тяжело заболел. Ночью "разбойники" вновь атаковали "деревенскую хижину", в которой остановился Шилу, и вынудили его, несмотря на темноту и болезнь, оставить пристанище и убежать. Около Билацзинунь Шилу скончался, но враги не желали оставить в покое и мертвого. Они напали на племя и сумели даже захватить гроб с Шилу, который возвратили только в результате последующей погони за ними и боя. Затем преследование остатков войск Шилу начал Пуху - вождь племени цзягу, "чуть-чуть не догнавший" тех, кто сопровождал гроб вождя. Только обман свидетелей отступления, сказавших Пуху, что "если будете догонять, то не сможете догнать", спасло воинов Шилу от позора. Пуху прекратил преследование. Лишь тогда соплеменникам удалось предать земле тело Шилу.

Все эти факты свидетельствуют о том, что политика быстрого административного введения "законов и распоряжений" Шилу явно потерпела провал, несмотря на утверждение "Цзинь ши" о "подчинении всего населения". Ведь "законы и распоряжения", по тому же источнику, "стали применяться постепенно"! Таким образом, открытая атака на племенных вождей не удалась. Замечательно, что основную оппозицию линии Шилу составили руководители восточных племен (в том числе, приморских), живших в Елани и по р. Суйфун. Они стали базой в борьбе против руководителей рода ваньянь, которых, не без основания, считали узурпаторами своих прав. Такая позиция вождей приморских племен объясняется, по-видимому, еще тем, что им в меньшей степени угрожали Ляо, а корейцы, отгородившись стеною, занялись в то время внутренними делами, связанными с укреплением положения династии и защитой границ от киданей. Главная причина заключалась, однако, в том, что восточные приморские и горные области Дальнего Востока находились слишком далеко в стороне от районов наиболее интенсивной военной, политической и экономической жизни чжурчжэней. Новые, "разлагающие" родо-племенной строй веяния - катализатор темпов естественного исторического развития племен севера - доходили в отдаленные места северо-востока в последнюю очередь. Приморье и соседние с ним районы Маньчжурии и Кореи превратилась в главный "консервативный" угол старых традиций родо-племенной знати чжурчжэней. После смерти Шилу началась длительная и терпеливая его осада.

Иную, значительно более гибкую политику по отношению к свободолюбивым восточным племенам занял сын Шилу - Угунай (1021 - 1074). К этому его вынудили тяжелые обстоятельства. Молодой, еще не окрепший союз чжурчжэньских племен продолжали раздирать внутренние противоречия. Восстание одного племени следовало за восстанием другого. Однако постепенно Угунай подчинил все племена, потерянные Шилу. Прежде всего, он обратил внимание на перевооружение армии. Слабость ее - главная причина поражения Шилу. "Всеми средствами и высокой ценой" Угунай и его братья приобретали у купцов "соседних княжеств" в обмен на домашние изделия железо, латы, шлемы, а после началась заготовка стрел и луков. Перевооруженная, одетая в доспехи армия Угуная "стала сильной", отмечается в "Цзинь ши".

Угунай для достижения своих целей действовал не только с помощью войска, но также пустил в ход хитрую дипломатическую игру. Упорно не подчинявшееся ему племя улиньда (р. Хайлань), во главе с талантливым вождем Шисянем, укрепились в неприступном горном районе. Прямые военные нападения ни к чему не привели. Тогда Угунай пожаловался на непокорного Шисяня ляосскому императору. Тот во время весенней охоты задержал у себя Шисяня, а во главе племени поставил угодного Угунаю Шисяня Почжуканя.

Усиление племени ваньянь привело к тому, что на сторону "диких ньюйчи" стали перебегать чжурчжэньские племена, захваченные киданями. Они искали защиты от притеснений Ляо. Кидане стремились силой вернуть их обратно, но те не желали вновь возвращаться. Так, племена телэ и ужэ, которых кидане намеревались "переселить", пришли подчиниться Угунаю. Ляосские полководцы Линья и Хэлу подошли к границам, намереваясь вторгнуться на территорию Угуная, чтобы вернуть беглецов. Угунай на переговорах с Линья и Хэлу напугал их волнениями, которые могли возникнуть среди племен, если киданьские войска вторгнуться вглубь территории племенного союза. На самом деле его больше волновала возможность выяснить у киданей дороги "через горы и реки" и напасть на племя, которым он руководил. Поэтому Угунай вызвался сам передавать перебежчиков киданям, на что последние немедленно согласились.

Второй раз Угунай оказал услугу Ляо, когда Баймынь - вождь одного из племен уго-пуне - поднял восстание и загородил "Соколиную дорогу". Послу киданей Тунгаю, который прибыл с указом, Угунай посоветовал действовать хитростью, так как в противном случае Баймынь мог занять войсками горные проходы. Имея дружеские отношения с Баймынем, Угунай добился получения от него в заложники детей и жены, а затем передал их киданьскому императору. Даоцзун по этому случаю устроил пир, на который пригласил Угуная. Ему вручили подарки, пожаловали титул и провозгласили вождем над всеми племенами и родами "диких ньюйчи". Даоцзун, присваивая Угунаю новый титул, конечно, просто фиксировал истинное положение дел, уже сложившееся к тому времени в чжурчжэньском племенном союзе. В противном случае титул цзедуши оставался пустым звуком. Но политика императора в том и заключалась, чтобы сделать вид, будто не усилия Угуная привели его к возвышению, а высшая милость Даоцзуна. С этой точки зрения следует рассматривать попытку императора здесь же вручить Угунаю печать. Но Угунай прекрасно понимал значение такой "милости": принять печать означало признать вассальную зависимость! Поэтому он дипломатично отказался от нее. Император, однако, проявил настойчивость и через некоторое время прислал специального посла с заданием вручить печать. Угунаю снова пришлось прибегнуть к хитрости: на племенном совете вожди решили передать послу, что если его миссия завершится таким актом, то Угуная обязательно убьют. Посол с печатью вернулся назад и передал угрозы императору. Наивная дипломатическая игра, ясная, кажется, с самого начала каждой из сторон, окончилась, однако, победой Угуная.

Составитель официальной истории чжурчжэней, подводя итоги правления вождей до образования империи, недаром в особую заслугу Угунаю ставил то, что он не принял печать от Ляо, вследствие чего не попал в подданство Ляо. В документах не был зафиксирован даже формальный вассалитет, позволявший в будущем ляосскому императору вмешиваться во внутренние дела чжурчжэньских племен. Не принять коварный "дар" мог позволить себе только человек достаточно сильный и независимый. Итак, отношения Даоцзуна и Угуная - это, в сущности, отношения двух суверенных государей, хотя первый пытался разыгрывать из себя покровителя, а второй, в выгодных для него случаях, извлекал пользу из "покровительства", усиливая еще более свое племенное объединение. Каждая из "услуг" Угуная Ляо приносила пользу прежде всего ему, так как включала в орбиту племенного объединения новых союзников. Неподчинение племен Ляо - признак выхода из подчинения Угунаю. Кидане, сами того не подозревая, наращивали мощь своего будущего противника, прилагая слишком много усилий для формальных актов признания своего господства в Маньчжурии. Следует иметь в виду, что Угунай, конечно, достаточно хорошо представлял себе ту опасность, которую несло с собой "покровительство" киданей. Поэтому, принимая милости, он все же построил в сорока километрах от р. Сунгари крепость, как раз напротив Биньчжоу - опорного пункта киданей, нацеленного на чжурчжэней. Угунай, если он не желал погубить дело, начатое отцом, поневоле ограничивал борьбу одним фронтом. Поэтому основные усилия он направил

на то, чтобы, не возбуждая подозрений Ляо и тонко используя их в своих интересах, усмирять не подчиняющиеся ему племена уюго. Последнее из таких столкновений произошло за два года до смерти Угуна, в 1072 г., когда племя монянь подняло восстание и снова прервало сообщение по "Соколиной дороге". Угунай, надев двойные латы, выступил с войском против вождя Сеепуцзиня и наголову разбил его. Возвращаясь, он неожиданно попал в засаду. Ему пришлось днем и ночью отражать атаки, пока, наконец, не удалось прорваться сквозь отряды Сее и возвратиться в родные земли.

Что касается политики в отношении восточных племен, то Угунай, по-видимому, ограничивался формальными выражениями их покорности. В "Цзинь ши" сообщается, что из Хэлани к нему приходили предводители племен. Угунай записывал дату, их фамилию и имя и немедленно отсылал, чтобы возвращались на родину. Вероятно, процедура изъявления покорности восточных племен и последствия ее у Шилу были иные, потому что летописец, одобряя политику Угуна, записал, что люди вследствие этого верили ему и легко подчинялись. Благодаря тонкой и гибкой политике, Угунаю удалось без кровопролития "постепенно подчинить" восточные племена (ехуэй, угулунь, туньмынь). "Все подчинялись его приказаниям", - отмечено в "Цзинь ши". Но особенно важные события для судеб восточных племен, а также в целом племенного объединения чжурчжэней произошли в результате контакта ваньяньских племен Центральной Маньчжурии и племени ваньянь Елани, то есть Приморья.

В Елани в период правления Угуна родами ваньянь еланского поколения управлял Чжилихай - четвертый внук Баохули. Со времени Ханьпу в течение длительного времени эти "дальние родственники" ваньяньских вождей не поддерживали связей с основным родом ваньянь, жившим на р. Альчук. Контакт впервые восстановился, вероятно, после похода в Приморье Шилу. Но особенно тесными взаимоотношения стали при Угунае. Интересно, что именно в период его правления Чжилихай направил своего посла Мяосуня на р. Альчук с пожеланием установить сношения с родственным государством. Угунай встретил Мяосуня с большим почтением. Он оставался при его дворе в течение одного года, и Угунай все это время кормил и поил его. По истечении года Мяосунь возвратился в Елань. Установленные связи с тех пор не прерывались. Угунай проявлял большую заботу о Приморье. Когда в Елани случился голод, то он направил в помощь Чжилихаю партию лошадей и быков. Восстановив почти забытые родственные связи с ваньяньскими племенами Приморья, Угунай приобрел на востоке надежного союзника в борьбе за объединение чжурчжэней.

Своевременность мер Угуна проявилась в Корё после того, как его сменил девятнадцатилетний Хэлибо (1074 - 1092). При молодом вожде чжурчжэньских племен союз переживал особенно большие трудности. Период правления Хэлибо представлял собой сплошную цепь сражений с вождями племен, стремившихся к самостоятельности или гегемонии в союзе, в то же время это пора объединения родственных и соседних с ваньянь племен и значительного укрепления единства союза. Судьба единства племенного союза чжурчжэней не раз висела на волоске. В самом начале правления Хэлибо сводный брат Угуна - Бахэй, став во главе большого количества племен (в том числе, правящего рода), первый начал борьбу за господство в племенном союзе "диких ньюйчжи". Примирительная позиция Хэлибо не достигла цели, и ему пришлось вступить в открытую войну с грозной оппозицией.

На стороне Бахэя выступили Учунь, Хуаньнань, Саньда, Бухэй, Сагу, Бэйнай и другие вожди. Силы явно не были равны, что не остановило, однако, решимости Хэлибо выступить с войсками. Он разделил свои отряды на две части. Одна из них под руководством Полашу двинулась против Хуаньнаня, Саньда и Учуня, а сам Хэлибо отправился в места поселений племен Хуаньнаня и Саньда. Первое столкновение Полашу с восставшими оказалось неудачным - его войска потерпели поражение. Непрерывные дожди и гололед заставили Учуня покинуть места сражений. Однако Полашу при очередном столкновении с Хуаньнанем и Саньдой снова проиграл сражение. Но, к счастью, Хэлибо удалось план нападения на незащищенные поселения Хуаньнаня и Саньды: он сжег их жилища, убил около ста человек (в том числе, старого вождя Чжубао) и, возвратившись, соединился с остатками отрядов Полашу. Талантливая, хорошо разработанная операция Хэлибо не достигла цели. Ему пришлось, "изъявив скорбь" перед Полашу о поражении войск, просить мира у Хуаньнаня и Саньды.

Однако Хэлибо их условия не принял, и противники снова, собрав многие племена, начали теснить его армию. Хэлибо предпринял решительные меры. Во имя спасения руководства племенным объединением он рискнул послать Полашу к Ляо просить помощи. Ни один из его предшественников, ревниво оберегавших самостоятельность, не прибегал к таким крайним мерам, но никогда ранее прямые потомки правящего рода и не находились в таком отчаянном положении, как Хэлибо. Более того, перед решительным сражением около р. Подоту он, опасаясь поражения, приказал брату Ингэ не участвовать в битве, а в случае его гибели скакать в Ляо к Полашу и передать разрешение принять печать и грамоту императора, то есть официально вступить в подданство. Отсюда следует, что положение Хэлибо оставалось действительно тяжелым.

В сражении у вод р. Подоту Хэлибо применил свой излюбленный тактический прием - удар с тыла. Его нанес дядя Хэлибо - Цибуши. Среди противников оказались сторонники Хэлибо из племени

пуча, которые, по его совету, только "для вида" поссорились с ним. К моменту сражения стало также известно, что глава оппозиции Бахэй умер, а новый племенной союз оказался без руководителя. Все это вместе взятое, а также отчаянная храбрость в сражении Хэлибо и его воинов принесли ему победу. Разгромленные наголову войска Хуаньнаня и Саньда ваньянцы преследовали от Абувань до равнины Бэйлай. Они захватили богатые трофеи - стада лошадей и коров, военные доспехи, оружие и снаряжение. Разгром оказался настолько значительным, что, как отмечено в "Цзинь ши", стало ясно - "сил разбитого войска не восстановить и в продолжение века"! Хуаньнань и Саньда "покорились" Хэлибо.

Однако борьба на этом не закончилась. Вскоре против Хэлибо выступили племена Бэйная, Учуня и Вомоуханя. Он послал против них войска во главе с Сэлэ, Цибуши и Полашу, которые разгромили новую коалицию. Учунь к тому времени умер, Бэйная же захватила в плен и отослала в Ляо, а крепость Вомоуханя взяли штурмом и разгромили. Самому Вомоуханю удалось бежать. Такими же безуспешными оказались выступления племен во главе с вождями Лапэем и Мачанем. Лапэя Хэлибо захватил в плен и отослал в Ляо.

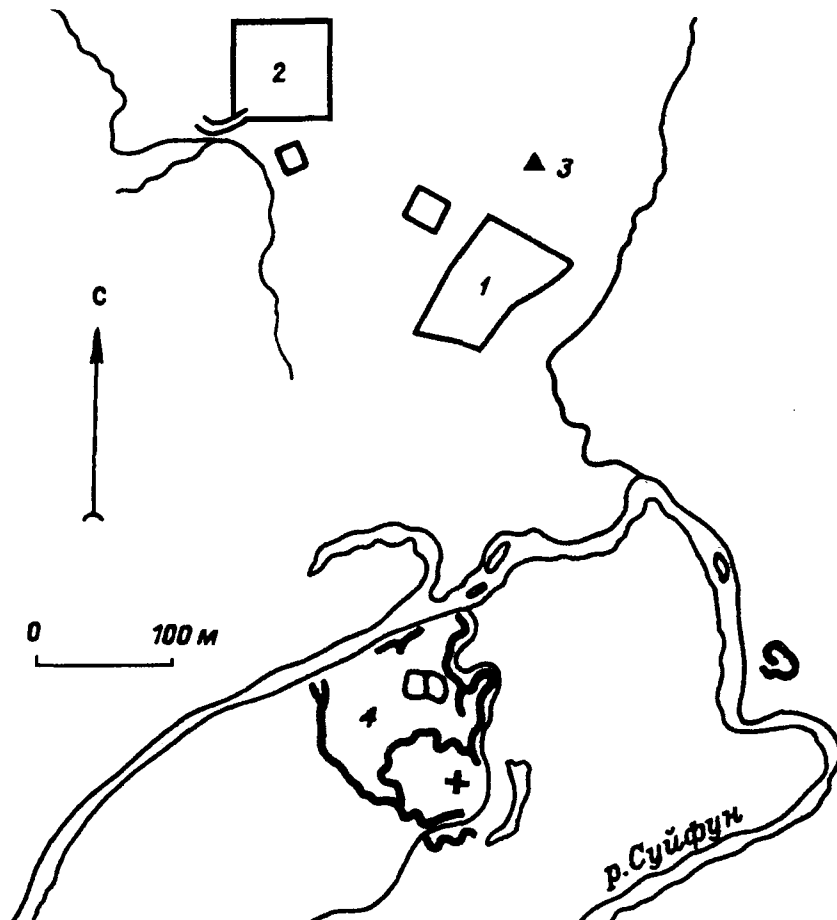
Период правления Хэлибо характеризовался новыми оттенками взаимоотношений с киданями. Правда, успешная борьба с противниками позволила Хэлибо не подпадать под прямое подданство к Ляо, так как источники не сохранили сообщений о принятии им или его преемниками печати или грамоты императора киданей. Тем не менее, ради сохранения мира с полной сил империей, Хэлибо каждый раз представлял захваченных "разбойников" в Ляо, как бы подчеркивая, что его действия санкционированы императором. После каждой из побед сам Хэлибо или его личные послы отчитывались перед главнокомандующим пограничных округов киданей. Процедура отчетов, докладов и просьб была унижительна, но ее приходилось терпеть ради великой цели объединения племен, которую преследовали вожди ваньянь.

Характерно, что Хэлибо - первый, у кого возникла мысль об императорском сане. В этой связи, 9 убитых им в битве у Подоту врагов приближенные Хэлибо сочли добрым предзнаменованием. А пока, как отмечается в "Цзинь ши", "остроумному и сообразительному" Полашу, "в совершенстве понимавшему Дайляо и его мысли", приходилось, стоя на коленях, вести переговоры с чиновниками киданей. Он занимал пост "посла", и лучше его, великолепно знавшего язык и способного без переводчиков объясняться с чиновниками Ляо, никому не удавалось так ловко и с большой выгодой для ваньянь решать вопросы взаимоотношений с могущественным соседом.

В благополучном исходе борьбы Хэлибо со сторонниками Бахэя не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что его поддерживали племена Приморья. Хэлибо лично посетил еланьские племена и побывал в гостях у Шитумыня, сына Чжилыхая, по-видимому, еще до вступления его в должность главы племенного союза. В Приморье Хэлибо заболел, и Шитумынь проявлял трогательную заботу о родственнике. Он день и ночь не отходил от него, и Хэлибо после выздоровления осыпал его милостями. Между ними установилась прочная дружба. Когда Хэлибо стал во главе чжурчжэньских племен, в лице Шитумыня он приобрел преданного союзника. В "Цзинь ши" недаром отмечено: "Соседние племена не возрадовались". Вряд ли Хэлибо удалось бы отстоять единство союза, если бы одновременно с борьбой со сторонниками Бахэя ему пришлось усмирять недовольные восточные племена. Сложную миссию взял на себя Шитумынь. Недовольные вожди приморских племен, объединившись, напали на Шитумыня, в лице которого они видели прямого проводника ненавистной им политики централизации и уничтожения самостоятельности племен. На территории Приморья разгорелась ожесточенная борьба¹³.

С обеих сторон в войне участвовали большие (по тем временам) силы. Враждебные Шитумыню племена возглавил Валибэнь. Шитумынь разделил свою армию на две части. Его младший брат Асымэнь во главе двухсот солдат отправился на юг, а Шитумынь с основными силами из 5 тыс. человек напал на армию Валибэня и разгромил ее, несмотря на отчаянную храбрость и самоотверженность "бунтовщиков". Валибэнь сбежал с поля битвы. Однако Шитумынь догнал своего врага и выстрелом из лука подстрелил лошадь Валибэня. Ответным выстрелом Валибэнь тяжело ранил Шитумыня в живот. Шитумынь, вынужденный из живота стрелу, продолжал сражаться с большим ожесточением. Исход борьбы решил отряд Асымэня. Брат Шитумыня (без лошади) с семью храбрецами ворвался в гущу сражавшихся и убил Валибэня. После сражения все восставшие племена "успокоились и покорились". Хэлибо высоко оценил помощь Шитумыня и Асымэня. Их поддержка облегчила его победу в самой тяжелой и критической борьбе во всей истории сражения племенного союза чжурчжэней со сторонниками Бахэя.

Разгром Шитумынем войск мятежников оказался настолько сокрушительным, что в течение трехлетнего правления Полашу (1092 - 1094) племена Приморья почти не упоминались. Однако спокойствие было обманчивым и тревожным. При Полашу произошли две короткие и ожесточенные стычки. Уясу и Агуда, по приказу императора, атаковали Шаньваньнипу - резиденцию Мачаня, который не соглашался предстать перед Полашу и отказался вернуть перебежчиков. Старого врага дома ваньянь Мачаня казнили, а его голову отослали в Ляо.

Средневековые памятники в долине р. Суйфун, осмотренные Н.М. Пржевальским в 1868 г.

1 – крепость, ближайшая к с. Никольское (теперь г. Уссурийск); 2 – дальняя крепость;
3 – памятник с черепахой; 4 – огромное городище на правом берегу р. Суйфун

Вторая военная экспедиция, которую также возглавил Агуда, состоялась в бассейне р. Шуайхэ против вождя Бахэя, возглавлявшего племя ниманьгу, и Боликая. Отряд Агуды захватил деревню Молихайцунь и убил Бахэя. Казни непокорных сделали свое дело, ибо в "Цзинь ши" написано: "С этого времени разбойники все успокоились". Киданьский император, отмечая военные успехи руководителей "диких нюйчжи", присвоил звание тысячника (цзяньвэнь) Ингэ, Агуде, Цибуши и Хуаньду.

В первые годы после вступления на престол Ингэ (1094 - 1103) восточные приморские племена вновь выступили на арену межплеменной борьбы чжурчженей. Центр борьбы против возвышающихся ваньянь переместился в Приморье. Спокойствие и мир продолжались, по-видимому, до тех пор, пока восточные племена пользовались свободой, а власть вождей ущемлялась. Ингэ сначала даже выступил защитником прав племен, живших по Суйфуну. В первый год его правления на Суйфуне произошли "беспорядки", вызванные племенем вачжунь. Вождь его Хайгэань, по слухам, жестоко обращался со своими родственниками. Он атаковал вождя Вадаханя, а также племена по р. Тумэнь, в том числе, вождя Эхоли. Через некоторое время Хайгэань вторгся на территорию племен, принадлежавших вождю Нагэньне. Цели, которые ставил Хайгэань, начиная борьбу с родственными племенами Хэлани и племенами хэшиле, заключались, конечно, не в простом "грабеже семей", как представлено дело в "Цзинь ши". Хайгэань надеялся, вероятно, подчинить себе и объединить в одно целое "родственные племена" Суйфуна и Хэлани. Пока он ограничивал свои действия южными племенами, Ингэ не придавал событиям особого значения. Однако после вторжения Хайгэаня на территорию племени хэшиле, Ингэ послал воинов вождя "основного племени хэшиле" Нагэньне (р. Элимэньтэши) "направиться туда и навести порядок". Возможно, он сделал так по просьбе части суйфунских племен. Но Нагэньне сразу же после прибытия на Суйфун превысил свои полномочия. Он самоуправно стал вербовать людей в солдаты, что вызвало сопротивление и новый взрыв возмущения.

Нагэньне, тем не менее, продолжал идти напролом: он напал на суйфунские племена и вынудил их подчиниться. Нагэньне, как и его предшественник Хайгэань, "самоуправно начал грабить их людей". Он

продолжал и далее следовать манере действий Хайгэаня: вторгся на территорию Хэлани и дошел до р. Тумэнь, он начал борьбу с вождем племени илугунь Дикудэ, тесня и преследуя его. Наконец, Нагэньне захватил главный город Дикудэ - Милимишихань. Вожди племен Хэлани и Суйфуна поняли, что желаемого спокойствия с приходом посланца Ингэ они не получили. Цели Нагэньне, как выяснилось, не отличались от планов Хайгэаня: он явно стремился создать на востоке свое объединение племен. Усиление Нагэньне не понравилось ни Ингэ, ни суйфунским вождям. Последние послали к Ингэ послов с жалобами на "несправедливость" Нагэньне. Ингэ, воспользовавшись сведениями на притеснения Нагэньне, направил своих военачальников - племянника Васая (сына Хэлибо) и Еха - "рассмотреть жалобы". Они отдали приказ Нагэньне отвести свои войска до крепости Намухань к западу от Суйфуна. Однако Нагэньне ослушался приказа и занял земли до крепости Умай к востоку от Суйфуна. Хотя Нагэньне "принес повинную", он не захотел дать "компенсацию", которую от него, по-видимому, требовали пострадавшие племенные вожди. Тогда Васай и Еха, по приказу Ингэ, напали на Нагэньне и сместили его с поста представителя центральной власти на Суйфуне. Армия Васая дошла до хребта Бахулин и р. Симаолин. Нагэньне бежал. Однако Васай нагнал его и разгромил. Нагэньне погиб в сражении, а семья вождя - мать, сын и жена - попали в плен. Васай умирил все племена по Суфуну, примкнувшие к Нагэньне. Военную операцию Васай провел настолько стремительно и успешно, что Ингэ, похвалив его, специально воздал должное мастерству молодого полководца и его "значительным заслугам". Так, благодаря победам Васая, Ингэ ликвидировал еще одного претендента на роль руководителя всех восточных племен.

Начиная с Ингэ, борьба за объединение чжурчжэньских племен вступила в решительную стадию. Для того, чтобы окончательно лишить племенных вождей самостоятельности, Ингэ предпринял важный шаг, на который не осмеливались пойти его предшественники. По его указу, разработанному Агудой, отменялись и ставились, "в зависимости от закона", до сих пор "произвольно устанавливаемые племенные значки", а вместо выборных вождей во главе племени ставились лица, которые направлялись центральной властью. Тем самым закладывались первые серьезные основы будущего государственного образования чжурчжэней, а сепаратизм отдельных племен окончательно подрывался. Ими стали "управлять" с помощью законов племени ваньянь.

Однако нововведение Ингэ, которое он провел, "пользуясь мыслью Агуды", вызвало единодушное недовольство племенных вождей. Центром борьбы и последней надеждой старой родо-племенной верхушки чжурчжэней и родственных им племен вновь стал далекий "консервативный угол" - восточные приморские племена. Вожди племен Хэлани и Суйфуна явно остались недовольны новыми распоряжениями, которые положили конец их самостоятельности. Во главе оппозиции стал Асу - вождь племени хэшиле, пограничного с Корё (р. Синьсянь). В "Цзинь ши" крайне глухо сообщается о причине грандиозного восстания восточных племен. Однако нет сомнения, что основная причина недовольства заключалась в политике правительства Ингэ, которое начало решительное наступление на самостоятельность и автономию отдельных племен.

Положение к 1096 г. стало чрезвычайно тяжелым. На юге приморской области Асу и Маодулу собрали большое войско и перерезали дорогу. На севере возникла вторая большая группа, поддерживающая Асу. В нее входили Люкэ и Чжиду из племени угулунь и ута, а также суйфунские племена под руководством Дагудея и Дунэня - сына Нагэньне. Люкэ - сын вождя Хушахуня - выступил инициатором восстания племен. Он, согласно "Цзинь ши", "соблазнив, поднял бунт против народов двух племен" - вачжунь (аочунь или юйчунь) и уда. Люкэ и его союзник Дунэнь охарактеризованы в летописи крайне нелестно. Такое отношение ваньяньских вождей к руководителям восставших не случайно. Выступление суйфунских и хэланьских племен нельзя приравнять к обычным конфликтам, вызванным "взаимным грабежом" или закрытием "Соколиной дороги". Несмотря на старание составителей официальных документов, представить очередное восстание восточных племен как обычное, рядовое восстание, вызванное недоразумениями или "злым умыслом" отдельных лиц было нельзя. Причины и характер "беспорядков" на востоке другие. Их следует расценивать как хорошо организованное восстание с четкой программой и целями. Речь шла об уничтожении среди чжурчжэней гегемонии ваньяньских племен.

В биографии Люкэ сохранился пересказ дерзких, "самодовольных" речей руководителей нового союза племен. Они посчитали силы отдельных группировок, входивших в союз. Из выступлений вождей ясно, что в него входили три группы племен. Первая из них - угулуньская группа. Она состояла из четырнадцати племен. Такое же количество племен входило в состав тушаньской (туданьской) группы. Ее составляли племена Суйфуна. 7 племен входило в состав группы пуча. Под ними, очевидно, подразумевалась группировка племен, возглавляемая Асу. Всего, таким образом, в новый племенной союз входило 35 племен. Руководители его, сравнивая свой союз с объединением племен ваньянь, "самодовольно говорили - 35 племен будут сражаться с 12 племенами. Каждые три человека (нашего союза) будут сражаться против одного человека (племен ваньянь)".

Достаточно сравнить соотношение сил, чтобы понять опасность, которая нависла над ваньяньским племенным союзом и над чжурчжэньским объединением в целом. Заявление Люкэ и Дунэня о том, что

они непременно одержат верх, не звучало пустой угрозой. Опасность для ваньяньских племен возрастала: Ляо, если сами не инспирировали новое восстание на востоке, то, бесспорно, открыто сочувствовали ему. Во всяком случае, меры Ингэ по подавлению восстания предпринимались не по просьбе и не с санкции императора Ляо, как это делалось обычно до сих пор. Ваньяньские руководители прекрасно разбирались в обстановке, чтобы оценить всю грозящую им опасность. Противниками нового племенного союза выступили все ваньяньские племена. Армию их составляли центральные войска под общим командованием Ингэ и северные, оставшиеся ему верными приморские отряды, под руководством Шитумыня и Маньдухэ. Исход борьбы зависел теперь от того, удастся или нет восставшим племенам объединить свои значительные, но пока разрозненные силы.

Ингэ направил свой удар прежде всего против Асу. Во главе отрядов, которые составляли половину всего войска, Ингэ поставил своего племянника Сагая, который занял пост "госяна". Другой половиной отрядов командовал сам Ингэ. Они направились в поход разными дорогами, надеясь соединиться под стенами Асучена, ставки Асу. Сагай провел свое войско через хребет Мацзилинь, надеясь обойти Асучен с тыла. Когда же войско достигло р. Абусай, к нему явился Елэ - вождь племени уянь (сын Дауцзибао), который сообщил, что он успеет прежде, чем отправиться к Асучену, "истребить наперед его (Асу - В.Л.) сообщников и, захватив их людей, пойдет на соединение". Сагай принял план Елэ и атаковал Дунэньчен, ставку Дунэня. Сведения об осаде Дунэньчена дошли до Асу. Он поспешил на помощь Дунэню, однако ничего не успел сделать. Войска Сагая взяли приступом Дунэньчен. В это же время армия Ингэ подошла к Асучену. Асу пришлось бежать под защиту ляосцев, бросив свою крепость на произвол судьбы. Ингэ оставил своего брата Хэчжэ осаждать крепость, а сам вернулся обратно. Ляо в то время приказали Ингэ напасть на племена чжидэ и сюда, которые, захватив киданьских послов, опять закрыли "Соколиную дорогу". В создавшейся обстановке Ингэ не мог не выполнить приказа ляосского императора. Не исключено, что Ляо намеренно отвлекли Ингэ от Асучена, чтобы облегчить положение восточных племен.

В тот же период активизировались действия войск Люкэ, Чжаду, Дигудея и Ута. К ним вскоре присоединился бежавший от Сагая Дунэнь. Войска всех восставших племенных вождей соединились около крепости Милимишихань. Ингэ, взволнованный создавшейся обстановкой, назначил Сагая главнокомандующим всех войск, которые участвовали в усмирении восточных племен. Его помощниками стали талантливые военачальники Вадай, Цибуши и Алихумань. Одновременно Ингэ приказал Шитумыню и Маньдухэ "наказать" Дигудея. Решительные действия Ингэ и его самообладание в напряженный момент борьбы объяснялись еще и тем, что он полагался на сепаратизм племен. Несмотря на тяжелое положение ваньяньцев, достаточно было легких успехов, далеко не решающих исход борьбы (взятие Дунэньчена), чтобы часть вождей покинула объединение 35 племен и отвела свои войска. Так поступил, как уже указывалось, вождь племени цянь Елэ, на территории племен которого вступили войска Сагая. Его советы Сагаю об атаке соседнего с ним племени Дунэня - первое предательство в рядах восставших. За ним последовали другие. При первых же трудностях вернули свои войска вожди Элибао (племя вэньдихэнь с реки Тунмэнь), Сагэчжоу, Сюньбаогу и другие. Такая политика - удар в спину остальным восставшим племенам. Им пришлось вести борьбу на два фронта. "Сепаратисты" не просто отвели войска и заняли нейтральную позицию, а поспешили выразить непричастность к восставшим, всеми мерами показывая свою лояльность. Элибао прямо говорил, что он и другие ни в коем случае не последуют за бунтовщиками. Он же, по существу, призывал к интервенции, когда "умолял" Ингэ прислать воинов и "больше ничего".

Несмотря на раскол и разгром части племен, силы их, однако, оставались по-прежнему внушительными. Недаром Элибао просил у Ингэ солдат, а тот оставался недовольным действиями Сагая. Его армия оказалась зажатой между двух огней. С одной стороны, ему хотелось взять, наконец, Асучен и покорить пограничные с Кореей крепости, которые восстали, а с другой, он опасался оставлять безнаказанными племена Хэлани и Суйфуна. Растерявшийся Сагай собрал военный совет, чтобы спросить мнение своих полководцев. Однако единодушия на совете достигнуть не удалось. Одни военачальники считали, что необходимо сначала покорить пограничные крепости и взять Асучен, другие, напротив, советовали прежде всего захватить Люкэчен, ставку Люкэ. Сагаю, очевидно, не хватило сил, чтобы одновременно разгромить обе, как он говорил, "шайки", в то же время не хотелось оставлять безнаказанной любую из них даже на короткое время, что могло привести к укреплению и сплочению сил восставших.

Не найдя выхода из создавшегося положения, Сагай направил гонца к Ингэ с просьбой прислать к ним Агуду и дополнительные подкрепления. Ингэ, явно раздраженный сложившейся ситуацией, сожалея, сказал Агуде, что с войсками произошло недоразумение. Он, по-видимому, имел в виду отклонение Сагая от первоначально выработанного плана о соединении войск под стенами Асучена. Все же ему пришлось выделить воинов, последних из оставшихся в резерве (всего 80 человек!), и Агуда отправился на помощь Сагаю¹⁴. 40 солдат Ингэ направил на помощь Маньдухэ. Все силы племенного союза оказались брошенными на подавление восстания на востоке.

Трудно сказать, как бы развивались события дальше, в чью пользу закончилась бы борьба, если бы не разобщенность восставших племенных вождей и их досадные отступления от выработанного в "заговоре" плана. Они допустили ту же ошибку, что и Сагай: вместо более тесного объединения сил один из вождей - Дунэнь - не пошел, как намечалось ранее, на помощь Люкэ, а в нетерпении боя направился против расположенных ближе и казавшихся совсем слабыми отрядов Маньдучэ. Последний, согласно приказу Ингэ, продвигался в то время к городу Милимишиханьчэну. Около стен его он предполагал соединиться с отрядами Шитумыня. Дунэнь, соблазнившись неподготовленностью к сражению отрядов Маньдучэ, их малочисленностью и отсутствием войск Шитумыня, напал на него. Но в решительный момент отряды Шитумыня пришли на помощь к Маньдучэ. Армия Дунэня потерпела сокрушительное поражение, а сам он снова попал в плен. Вслед за тем случилась, как и следовало ожидать, очередная неприятность: Шитумынь и Маньдучэ захватили город Милимишиханьчэнь, уничтожив войска Дикудэ. Самого Дикудэ тоже захватили в плен. Однако ни Дунэня, ни Дикудэ не убили, как обычно поступали в таких случаях с вождями племен, поднявших восстание, а отпустили на свободу. Суйфунская группировка восставших была, таким образом, разгромлена полностью.

Усмирение суйфунских племен сыграло решающую роль в дальнейшем ходе борьбы хэланьских племен с чжурчжэнями. Когда Агуда, осуществлявший марш с подкреплением, перевалил хребет Пэнниолин, ему удалось соединиться с Сагаем. Объединенные силы чжурчжэней, общее руководство над которыми принял Агуда, направились теперь против Люкэчэна, резиденции главного из оставшихся противников хэланьских вождей - Люкэ. Однако тот, потеряв надежду на успешный исход борьбы, бежал в Ляо. Город его взяли штурмом, всех "начальников убили". Затем армия Агуды возвратилась назад и окружила город Утачен, ставку Ута. Он тоже бежал в Ляо, а город его сдался войскам Агуды и Сагая. Агуда, сражаясь с Люкэ и Ута, одержал, кроме того, одну бескровную победу. Он призвал вождя Пуцзяну "признать обман и хитрости". Пуцзяну в ответ "немедленно покорился". Чжаду, последний из восставших вождей Хэлани, вскоре подчинился Пуцзяну, переметнувшемуся на сторону Ингэ. Войска Хэчжэ осадили Асучен.

Несмотря на тяжелое поражение вождей приморских племен, Ингэ не осмелился провести в жизнь свое постановление о замене "племенных значков" и назначении чиновников для управления восточными племенами. Протест, который вызвал его указ, оказался настолько сильным, что его пришлось отменить, по крайней мере, по отношению к приморским племенам. Чрезвычайно примечателен следующий факт: Ингэ обратился к Агуде со специальной просьбой не назначать чиновников (дубочжанов) в четырех восточных областях - Тумынь, Хунчунь, Ехуэй, Синсян, "а также у племен к востоку от гор". Испуганный необыкновенным размахом борьбы, неспособный подавить ее окончательно Ингэ пошел на уступки в очень важном вопросе. По сути дела, согласие не назначать дубочжанов - это не что иное, как своего рода замаскированная капитуляция Ингэ перед родо-племенной верхушкой восточных племен. По-видимому, силы Ингэ оказались слишком слабыми, чтобы держать в подчинении даже разрозненные и разгромленные в ходе карательного похода племена. Не случайно также, что пойманных при осаде Милимишиханьчэна вождей Дунэня и Дикудэ не убили, как "бунтовщиков". Такое необычное гуманное отношение к врагам, которые поставили межплеменной союз чжурчжэней на грань катастрофы, конечно же, вынужденная мера. Вероятно, Ингэ надеялся политикой всепрощения расколоть силы восставших и усмирить ярость борьбы.

Отказ от проведения в жизнь указа о ликвидации привилегий родовой знати племен востока диктовался также тем, что оставался еще один оплот восставших - город Асучен. Войска под руководством Хэчжэ терпеливо продолжали его осаду в течение 1100 г. Затянувшаяся борьба за город Асу объясняется, по-видимому, не столько значительными силами осажденных, сколько боязнью Ингэ и его советников штурмовать город до окончательного разгрома суйфунских и хэланьских племен. Захват города мог привести к прямому вмешательству Ляо, а может быть и Корё в межплеменную войну на востоке и осложнить и без того тяжелое положение, в котором оказалась армия Сагая. Однако характер военных операций против Асучена резко изменился сразу же после поражения хэланьских племен. Положение войск Хэчжэ в значительной мере улучшилось еще и потому, что ему подчинился один из племенных вождей - Маодулу. Асу, оказавшийся в особенно тяжелом положении, вновь бежал из своего города в Ляо. Ингэ, чтобы завершить усмирение восстания и окончательно разгромить Асучен, послал в помощь Хэчжэ своего домоуправителя Шилу и Улиньда. С ними он направил письмо, в котором давал подробные инструкции о поведении в случае прибытия к Асучену послов из Ляо. Даже после победы в Хэлани Ингэ не рисковал вступать в открытый конфликт с ляосским императором и ослушаться его приказаний. В то же время он ясно представлял, что его старый враг Асу сделал все, чтобы предотвратить уничтожение Асучена. Он, вероятно, пугал киданей перспективой усиления чжурчжэней и жаловался на притеснения своего племени - верного вассала Ляо. Асу также объяснял императору, что межплеменная война, возникшая в Хэлани, - внутреннее дело восточных племен, в которое Ингэ не имеет основания вмешиваться. Порядок у себя восстановят сами местные племена, без вмешательства извне.

Вот почему Ингэ решил выйти из создавшегося положения, применив хитрость, к которой обычно прибегала чжурчжэньская дипломатия в отношениях с Ляо. Он приказал Хэчжэ одеть свое войско так же, как одевались люди в Асучене. Штандарты отрядов чжурчжэни тоже сменили на новые, такие же, как у войск Асу. Когда важный ляосский посол в сопровождении уполномоченных Ингэ генералов Хулу и Мосуня (вождей племен пуча) появился около крепости Асучен, он, к своему удивлению, не обнаружил около нее войск Ингэ, роспуска которых ему предстояло потребовать. Перед послом, как сообщается в "Цзинь ши", появился Хэчжэ "в одежде подданных Асу" и гневно закричал на Хулу и Мосуня: "Какое вам дело до междоусобных войн наших племен? Кто знает вашего вождя Ингэ?" Так мог кричать только приближенный Асу, доводы которого, безусловно, хорошо знал посол Ляо. Хэчжэ не остановился на словесной перепалке, а, схватив копье, заколол лошадей Хулу и Мосуня. Испуганный и сбитый с толку ляосский посол, недоумевая, удалился от крепости. У него не хватило смелости вернуться снова к Асучену. Посольство отбыло в Ляо. Руки осаждавших крепость оказались, наконец, развязанными. В течение нескольких дней Хэчжэ штурмовал крепость, взял ее, а затем разрушил и разграбил до основания. Сына Асу - Дагубао, который руководил отчаянной обороной крепости, победители предали смерти. После победы войска Хэчжэ вернулись обратно.

"Дело крепости Асу" на том не кончилось. Асу, разъяснив недоразумение, пожаловался ляосскому императору и потребовал возмещения убытков, связанных с разрушением города. Дело приняло неприятный для чжурчжэней оборот, ибо происшествие свидетельствовало о прямом вызове киданям и, более того, о пренебрежении желаниям самого императора. Разгневанный государь послал вождя племени Си и Илэ со строгим наказом разобраться в деле. Ингэ пришлось явиться на встречу с послом императора. Она состоялась в деревне Синьхэцунь на берегу р. Люшуй. Илэ потребовал возмездия за все награбленное при захвате Асучена, вернуть пленных, "а за убитых дать плату". В качестве выкупа за убитого Дагубао посол потребовал представить несколько сот лошадей. Согласно "Цзинь ши", Ингэ после совещания со своими приближенными ответил посланнику так: "Если предоставить возмещение Асу, то все племена не будут выполнять приказов и распоряжений". Летопись не сохранила возражений Илэ, но их не трудно представить. По какому, собственно, праву Ингэ требовал выполнения приказов и распоряжений у племен, которые и не должны подчиняться ему? Вот, по-видимому, почему посол продолжал настаивать на предоставлении возмещения, а Ингэ по-прежнему возражал. Он, вероятно, почувствовал слабость Ляо и твердо стоял на своем.

Ингэ решил нанести новый дипломатический и военный удар своим соперникам и одновременно дать понять Ляо, что без помощи его войск ляосскому императору не обойтись. Он прибегнул к уже испытанному ранее коварному приему: подговорил племена, жившие на реках Чжувэй и Сюда, закрыть "Соколинную дорогу", а вождю племени бэгудэ приказал разъяснить ляосским военным руководителям: "Если желаете открыть Соколинную дорогу, то, кроме вождя диких нюйчжи, никто больше не сможет сделать". Киданям не оставалось ничего другого, как приказать Ингэ усмирить чжувэй и сюда. Платой за услугу при торге сторон как раз и оказалось "дело крепости Асу". В Ляо обещали более не вспоминать неприятный инцидент. Итак, кидане предали своего вассала Асу сразу же, как только появилась опасность, с которой они сами не могли справиться, и "дело крепости Асучен было оставлено" в покое. Ингэ, вместо того, чтобы отправиться с войском усмирять чжувэй и сюда, распуская ложные слухи об усмирении "Соколиной дороги", преспокойно занимался охотой и рыбной ловлей на р. Тувэньшуй. Составители "Цзинь ши", явно потешаясь над простотой и доверчивостью ляосского двора, сообщали далее о подарках, которые направили кидани с послами в благодарность за успех в умиротворении Соколиной дороги (1102 г.). Через год Ингэ передал дары через Пуцзяну вождям племен чжувэй и сюда, которые их заслужили по праву. Сам Пуцзяну, произведя ремонт "Соколиной дороги", вернулся вскоре обратно.

Впрочем, дело, конечно, не столько в том, что кидане дали себя обмануть, сколько в глубоком упадке, который начала переживать в тот период империя. Нельзя не обратить внимания на то, что при подавлении восстаний восточных приморских племен Ингэ, в противоположность его предшественнику Хэлибо, не представлял "бунтовщиков" киданям. Напротив, большинство их сами искали пристанища у ляосского императора или обращались к нему с жалобами на притеснения Ингэ. Отсюда можно сделать вывод, что кидане все больше опасались набирающего силы чжурчжэньского племенного союза, который возглавили вожди ваньянь. Конечно, принять беженцев с востока значило не одобрять политику Ингэ, но в то же время кидани не рисковали прямо вмешиваться во внутренние дела чжурчжэней, тем более, что звание цзедуши и право управления всеми племенами "диких нюйчжи" именно родом ваньянь в свое время предоставил им сам император. Кидане определенно намеревались в будущем использовать Ингэ, а также его преемников как послушное орудие умиротворения непокорных восточных племен.

Слабость империи и нерешительность ее военачальников стали особенно очевидными в предпоследний год правления Ингэ. Некоторые из руководителей племен, в особенности пограничных с киданями, решили, что настал час прямого разрыва с империей и свержения ее ига. Их взоры обратились к вождю

ваньянь Ингэ, армия которого, одетая в панцири, достигла теперь численности более тысячи человек. Вождь племени адьянь Соухайли (р. Хуньтун) направил своего подданного Вадала для переговоров с Ингэ по поводу заключения мира, дружбы и союза для прямого нападения на Ляо. Но Ингэ считал, очевидно, такое выступление преждевременным и, к тому же, не хотел, чтобы рядом с ним на равных выступал один из вождей другого племени, армия которого считалась достаточно сильной, чтобы идти на разрыв с Ляо. Поэтому Вадала задержали, а затем отослали в Ляо. Второе посольство Соухайли также было задержано. Прямые переговоры с Соухайли на р. Хуньтунь тоже ни к чему не привели. Ему, не возвратив членов посольства, повелели сказать: "Потом все придет!"

Кидане, не дождавшись активных действий Ингэ, который, очевидно, занимал выжидательную позицию, с большой армией в несколько тысяч человек напали на Соухайли, но, к своему удивлению, не смогли сломить его сопротивления. Ингэ, взволнованный глубоким вторжением киданьской армии на территорию ньючжи, обратился с просьбой к киданьскому военачальнику отвести их войска, чтобы он сам мог расправиться с Соухайли. В последовавшем затем бою отряды Соухайли, ослабленные предшествующими битвами с киданями, потерпели поражение, а сам он, тяжело раненный стрелой в голову, упал с лошади и был жестоко зарублен ваньяньскими воинами. Голову его Алихэмань представил Ляо.

Победа над Соухайли выглядела подлинным триумфом Ингэ: его войска смогли выполнить задачу, которая оказалась не по плечу самим киданьским полководцам. Поэтому слова "Цзинь ши" - "Ингэ понял слабость Ляо" - звучат как смертный приговор империи заклятому врагу чжурчжэней. Победоносные отряды Ингэ, с особо отличившимися отрядами впереди и колоннами пленных сзади, торжественно возвратились в свои племена. Киданям не оставалось ничего другого, как поспешить задобрить Ингэ: вскоре его представили императору, наградили новым званием "шисян" и повысили в степени чиновных званий. Более того, в 1104 г. к Ингэ прибыл посол императора с наградами для остальных вождей, участвовавших в разгроме Соухайли. Летом того же года в подданство Ингэ вернулся Люкэ, бежавший в Ляо вместе со своим племенем. Умиротворение восточных племен после разгрома Соухайли, казалось, завершилось окончательно.

В "Цзинь ши" прямо записано, что при Ингэ "в конце концов умиротворили всех отколовшихся и управляли при помощи законов племени". Однако тенденциозность и неправдоподобность такого итога деятельности Ингэ не вызывает сомнений. Последние годы его правления снова стали тревожными. Вновь, как при Хэлибо, встал вопрос о судьбе чжурчжэньского племенного союза. Хотя "Цзинь ши" сообщает, что "начиная с этого времени приказы и распоряжения весь народ слушал и не сомневался", обстановка на востоке, сложившаяся в последние годы жизни Ингэ, свидетельствовала о появлении новых значительных трудностей. Старый враг ваньянь - Асу, несмотря на тяжелое положение, не оставил своих попыток вновь поднять и объединить восточные племена против Ингэ. В 1102 г. Асу направил своему послу Дацзиню инструкцию "бунтовать хэланьские племена". По-видимому, он намеревался с помощью Дацзиня собрать новых сторонников среди племенных вождей долины Хэлани и Суйфуна. Однако посольство Дацзиня окончилось печально: одно из племен Хэлани захватило его и передало Ингэ. Затем Дацзиня переправили в Ляо, а корейцам сообщили о принятых мерах. Что касается последних, то в послании императору Корё Асу характеризовали как мятежника, который устраивал бунт в "его владениях". Коварство чжурчжэньской дипломатии двора Ингэ очевидно. Впереди предстояла тяжелая борьба, а поскольку захват и окончательное присоединение Хэлани и Суйфуна могли вызвать подозрения и недовольство Ляо и Корё, Ингэ, предприняв такой дипломатический маневр, мог спокойно начать умиротворение недовольной группировки. Он намеревался отблагодарить за верность хэланьские племена. Был отдан приказ полководцу Шидихуаню направиться на восток, но смерть приостановила на время проведение в жизнь намеченного плана.

Анализ событий показывает, что на самом деле стояло за походом Шидихуаня в Хэлань. К тому времени на востоке у чжурчжэней действительно появился новый соперник и препятствие в деле включения в орбиту союза восточных племен - государство Корё. До правления Ингэ оно стояло в стороне от событий, развернувшихся в приморских районах и пограничных с ними областях. Но не случайно в правление Ингэ чжурчжэни информировали двор правителя Корё о том, кто такой Асу. В "Цзинь ши" включена легенда, в которой рассказывается о том, как корейский ван узнал о могущественных чжурчжэньских племенах. Согласно преданию (возможно, имевшему в своей основе реальные факты), на территории чжурчжэней проживал кореец, который умел хорошо лечить болезни. Никто не знал, откуда он пришел, как его имя и фамилия. Тяжело заболевший Ингэ попросил врача вылечить его, за что обещал после выздоровления отправить корейца на родину. Он рассказал корейскому вану о ньючжи - племенах, проживающих на реке Хэшуй, силе и смелости их войска, необыкновенной отваге воинов и все более увеличивающейся мощи племен. Корейский ван Сукчжон направил посланника в страну чжурчжэней с намерением установить с ними связь.

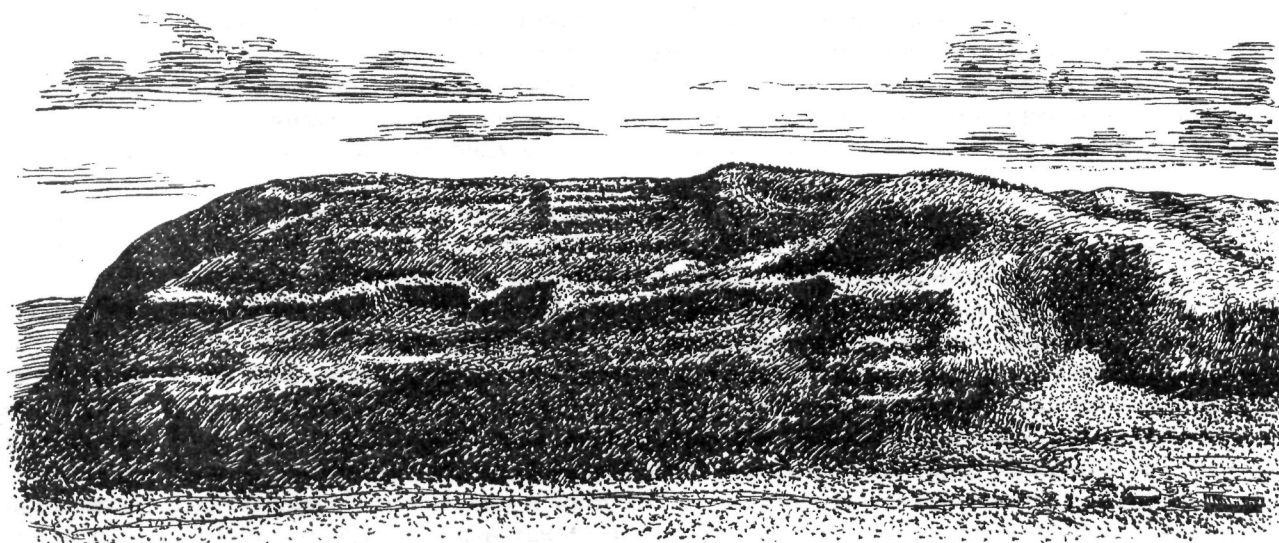
Корейцы с нескрываемой тревогой встретили сообщение о появлении на севере опасного конкурента и соперника. Направив послов к Ингэ, они, стремясь обезопасить свои границы, одновременно послали войска с целью включения в орбиту своего влияния соседних пограничных племен. В результате военных действий в подчинение Корё перешли племена лигулин и пусань. Вождь племени хэшиле также вскоре подчинился корейцам. Понятно поэтому, с каким вниманием следили в Корё за ходом борьбы Ингэ с восставшими восточными племенами, в особенности за действиями в пограничной долине Хэлань. Чжурчжэни, в свою очередь, учитывая сложность положения, стремились всеми мерами не возбудить подозрений корейцев относительно своих конечных целей. Сообщая Сукчжону о продолжающихся интригах Асу в Хэлани, они, как уже указывалось, характеризовали его как главного бунтовщика, вызывающего беспорядки на границе. Ингэ стремился всеми мерами встревожить корейцев, доверительно сообщая им, что Асу вмешивается в дела владений Корё.

Возвращаясь к одной теме, затронутой ранее, можно теперь подкрепить мысль о том, что Ингэ, по-видимому, не случайно просил Агуду не назначать дубочжанов в племена Хэлани. Кроме указанных выше причин, не последнюю роль в отказе Ингэ использовать преимущество, достигнутое в войне с Люкэ и Ута, играла боязнь вмешательства в войну корейцев. Ингэ приходилось искусно лавировать между тремя политическими группировками - Ляо, Корё и племенами Приморья. Однако он, когда требовала необходимость, не упускал случая показать силу чжурчжэньского оружия. Когда армия разгромила Соухайли, с которым не могли справиться киданьские полководцы, то Ингэ (конечно же, не случайно) отправил специального посла Валуганя с сообщением о победе. Корейцам ничего не оставалось делать, как, в свою очередь, направить вождю ваньянь посла с поздравлениями и дорогими ювелирными изделиями из серебра. Ингэ в ответ направил посольство во главе со своим братом, которого принял сам Сукчжон.

Однако корейцы одновременно начали тайную борьбу с проникновением влияния ваньянь в долину Хэлань. Политика вождей хэланьских племен настораживала и вызывала недовольство императорского двора. Выдача хэланьцами Дацзиня в руки Ингэ и их стремление подчиниться чжурчжэням вызвали переполох у корейцев. Хэланьские и суйфунские племена располагались слишком близко к оборонительным линиям Корё, чтобы продолжать оставаться равнодушными наблюдателями успехов Ингэ. Поэтому одновременно с посольствами к Ингэ корейцы снова направили своих "лазутчиков" к хэланьским племенам с заданием "удержать" их от подчинения чжурчжэням. Посол Ингэ к Корё - Сего, возвращавшийся из Кореи, узнал в Хэлани о тайной подготовке, которую вели среди хэланьских вождей "лазутчики". Он немедленно сообщил Ингэ о создавшейся в Хэлани обстановке. Ингэ приказал Шидихуаню направиться в Хэлань "убеждать" племена не подчиняться Корё. Становится ясным, что миссия Шидихуаня в Хэлани была задумана не для того, чтобы выразить благодарность хэланьцам за выдачу Ингэ Дайзиня. Она представляла собой настоящую карательную экспедицию против отколовшейся части хэланьских племен. Хэлань и Суйфун вновь превратились в арену острых противоречий и борьбы. Вместо Ляо активной силой, сдерживающей чжурчжэней, здесь стало государство Корё, заинтересованное как в безопасности своих границ, так и в пресечении возможности усиления Ингэ за счет восточных племен. Корейцы менее всего желали появления в непосредственной близости со своими границами мощного объединения чжурчжэньских племен.

Между тем план, разработанный Ингэ, выполнялся неукоснительно. Уясу, сменивший его на посту вождя чжурчжэней, в 1103 г. направил Шидихуаня "убеждать" хэланьские племена. Корейцы направили Уясу специальных послов Хэйхуаня и Фанши с приветствиями по случаю его вступления в должность вождя. С ответными благодарностями Уясу послал своего подданного Бэйлу. Но ни та, ни другая сторона не скрывала за актами дипломатической вежливости своих настоящих намерений в Хэлани. Достаточно сказать, что в качестве основных аргументов "убеждения" хэланьских племен Шидихуань захватил с собой войска.

Ко времени подхода войска Хэлань снова оказалась объятой восстанием. В том, что оно вспыхнуло, не последнюю роль, очевидно, сыграли корейцы. Когда Шидихуань, пополнив свою армию у гор Илигулунь, подошел к реке Фоне (очевидно, бассейн р. Суйфун), ему пришлось вступить в борьбу с семью "мятежными городами". Корейцы, по-видимому, оказались неподготовленными к войне, и Шидихуань с ходу захватил восставшие крепости. Корейцы направили посла с просьбой уладить недоразумения мирным путем. Шидихуань согласился вести переговоры и послал вести их свое доверенное лицо. Начавшийся дипломатический торг корейцы, однако, вскоре прервали, вероломно захватив посла чжурчжэней. Они, вероятно, подтянули новые военные силы и не желали больше компромиссного решения проблемы. В войне наступил резкий перелом. Войска Корё захватили и присоединили к себе почти все племена Пятиречья. В ходе военных действий они взяли в плен 14 чиновников (туанлянши) "княжества ньючжи". Однако на следующий год Шидихуань снова напал на корейцев, наголову разбил их войска и захватил много пленных. Войска Корё преследовались им вплоть до границы. В ходе войны Шидихуань сжег и

Крепость на Краснояровской сопке (долина р. Суйфун, окрестности г. Уссурийска).
Возможно, она была сооружена в период ожесточенной корейско-чжурчжэньской войны в Приморье

уничтожил большое количество городов и крепостей и расположился с крупными силами в районе укрепления Чонпхен.

Новый главнокомандующий корейской армией генерал Лимган попытался атаковать Шидихуаня в районе Чонпхена. На военном совете, который предшествовал новому сражению, мнения военачальников разделились. Лимган, выполняя предписания императора, предлагал начать решительное сражение и "покарать" чжурчжэней. В то же время другой военачальник - Лиюн - советовал придерживаться более осторожной тактики и не выводить войска за пределы крепости. Он сказал при этом такие слова: "Войска наши увлечены в слишком опасную и жестокую войну. Несомненно, не стоит ввязываться в решительное сражение. Желательно только сохранять войска и не допускать больших жертв!" Тем не менее, верх на совете одержали сторонники решительного сражения, и Лимган вывел войска за пределы Чонпхена. Столкновение кончилось страшным поражением корейцев - половина их воинов осталась лежать в поле убитыми или попала в плен к Шидихуаню. Лишь единственный успех смогла отметить летопись государства Корё - некий Тоцзюньцинъ, которого преследовали 100 чжурчжэньских всадников, выстрелом из лука поразил их военачальника! Судьба Хэлани, казалось, решилась окончательно. Чжурчжэньские войска захватили крепости, убивая и грабя "без счета".

Император Корё назначил новым главнокомандующим армией северо-востока Юнгвана, сместив Лимгана и его помощников. Однако и новый полководец не достиг цели оттеснить чжурчжэней. В четвертом месяце того же 1103 г. корейцы во главе с Юнгваном атаковали Шидихуаня. Основное сражение развернулось на берегах реки Пидэншуй, где Шидихуань закрепился с отрядом численностью в 500 человек. Юнгван был наголову разбит и потерял больше половины армии, у чжурчжэней же погибло всего 30 воинов. Корейцы вновь "униженно запросили мира" и, согласно его условиям, вернули чжурчжэням 14 туанляньши, захваченных в ходе предшествующих столкновений.

Затем снова начались переговоры по установлению пограничной линии, чтобы в дальнейшем избежать конфликтов. Посланный чжурчжэнями посол Сего, с инструкциями установить "правильную границу" между Корё и нюйчжи, достиг рек Илигушуй и Хо, где оставался около двух месяцев. Переговоры о границе явно затягивались корейцами. Они выдвигали в ходе их многочисленные препятствия. Поэтому Сего после двух месяцев бесплодных попыток достичь соглашения возвратился назад. Уясу снова послал в Хэлань войска во главе с Шидихуанем, который быстро дошел до границы Хэлани и остановился лагерем около р. Саньчаньшуй. По-видимому, к тому времени основная часть территории Хэлани снова оказалась в руках Корё. Шидихуань не предпринимал решительных действий, а ограничивался приемом в лагере лиц, тайно сбежавших из Корё в Хэлань. Он подробно расспрашивал их. Одновременно в районах, прилегающих к р. Саньчаньшуй, его отряды наводили порядок и "исправляли проступки", а что касается дипломатических переговоров с корейцами, то их вели два чжурчжэньских посла - Агуа и Шенгунь. Они упорно добивались возвращения отделившихся и сбежавших племен, как того требовал ранее заключенный договор (к корейцам бежали 1 700 чжурчжэней).

Разрядка напряженного и неопределенного положения наступила вскоре после того, как к восставшим в Хэлани присоединились хэланьские племена. Трудно сказать, что вызвало очередное их

выступление против ваньяньского вождя Уясу. Не исключено, что не последнюю роль в "непослушании" населения долины р. Суйфун сыграли корейцы. Возможно, что речь шла о представлении воинов племен, которые восстали для предстоящей войны с киданями или Корё. Как и подобная мера Нагэньне, план чжурчжэньских военных деятелей вызвал протест вождей суйфунских племен. Они видели, что их соседи в Хэлани освободились от влияния Уясу и, вероятно, надеялись, что они (совместно с Корё) поддержат их борьбу с центральным племенным объединением чжурчжэней.

В "Цзинь ши" обо всем этом сообщается глухо. Известно только, что в первые годы правления Уясу народ Суйфуна "не слушался приказания", и у них появились "противные замыслы". Уясу, в ответ на известия о беспорядках, послал военачальников Вада, Васая и Валу, которые управляли территорией Суйфуна, "наставить" восставших. Строптивым вождям племен приказали собраться в Холо и Хайчуань. Однако на совет явились далеко не все. Так, вождь племени ханьго Вахо вообще отказался прийти в Холо, а уже прибывшие племена вачжунь и чжидэ вскоре убежали. Вдогонку за ними был послан Ута, который настиг их в горах Мацзилинь, "захватил" и вернул обратно. Тем временем Вадай со своими помощниками Васаем и Валу, после усмирения вачжунь и чжидэ, направились с войсками осаждать Вахо. В итоге, город был взят, а вождь Вахо изъявил покорность.

Победы на востоке поставили на очередь дня основную задачу, подготовку к решению которой чжурчжэни вели в течение последних десятилетий, - разгром Ляо. Между племенными вождями рода ваньянь начали проводиться "советы", посвященные вопросам организации борьбы с киданями. Не последняя роль в предстоящей войне в планах чжурчжэньских руководителей отводилась восточным приморским племенам. В Приморье в то время умер младший брат Шитумыня - Асымэнь. На похороны его съехались все близкие и дальние родственники, в том числе Агуда со своими приближенными. Не только выражение соболезнования и скорбный траур привели его сюда. Пользуясь случаем, Агуда решил посоветоваться с Шитумынем о войне с Ляо. В "Цзинь ши" описывается характерный эпизод, который произошел во время жертвоприношений. Над родственниками в тот момент пролетела птица, направляющаяся на восток. Агуда выстрелом из лука подстрелил ее. Поскольку мысли собравшихся захватила идея предстоящей войны с киданями, все расценили удачный выстрел хорошим предзнаменованием благополучного решения задуманных планов.

Однако непредвиденные обстоятельства отсрочили момент решительной схватки с империей Ляо. Несмотря на усмирение суйфунских племен, положение на востоке продолжало оставаться напряженным. Корейцы не собирались мириться с потерей влияния среди восточных племен. Они накапливали силы и готовились к войне. Одновременно Корё продолжало дипломатические переговоры с ваньянь. Но чжурчжэни понимали, что предстоит ожесточенная борьба. Дело в том, что Юнгван, возвратившись после поражения в столицу, решил провести серьезную подготовку к войне. Он предложил государю значительно увеличить количество воинов, уделив особое внимание обучению конницы, так как основную ударную силу чжурчжэней составляли конники. Поскольку война с северянами могла затянуться, на складах пришлось накапливать большие запасы продовольствия.

Главная роль в подготовке к войне отводилась новой военной реформе Юнгвана. Он ввел, по сути дела, обязательную воинскую повинность и из мобилизованных создал несколько особых военных формирований (пельмабан). Все, имеющие лошадей, включались в конные части - "непобедимую конницу" (синьгикун). В нее зачислялись гражданские и военные чиновники, купцы и даже крепостные. Безлошадные образовывали отряды "непобедимой пехоты" (синбокун). Мобилизация приняла поистине тотальный характер, если даже из буддийских монахов пришлось формировать военные соединения. Руководители Корё явно готовились не к простой защите своих границ или незначительному оттеснению чжурчжэней, а к решительным, агрессивным действиям, уничтожению армии Уясу и захвату всех восточных приморских областей племенного союза ваньянь. Никогда еще над племенами "диких нюйчжи" не нависала такая смертельная угроза. Корё решило выйти за пределы стен, отгораживающих ее от внешнего мира, и начать "большую политику". Момент для этого считался вполне подходящим: в условиях значительного ослабления Ляо, разгром чжурчжэней сделал бы Корё гегемоном на севере Восточной Азии.

Именно в этом свете следует рассматривать последующие события. Ни одна из сторон не осмеливалась начать решительную схватку. Наконец, после прихода к власти Ечжона, корейцы в 1107 г., стянув значительные военные силы, насчитывающие, если верить летописи, около 170 тыс. человек, спровоцировали войну. Неожиданно убив послов чжурчжэней Агуа и Шэнгуня, они в одностороннем порядке расторгли договор о мире. Армия Корё, разделенная на пять корпусов, вышла за пределы "Великой стены", Чанчен - в районы крепости Хамчжу. Началось их стремительное продвижение на север. В пожар войны оказались втянуты сначала хэланьские, а затем и суйфунские земли.

Войска возглавляли Юнгван и его заместитель Оенчхон. Кроме сухопутной армии, которая обрушилась на города и укрепленные заставы чжурчжэней, в ее состав входил специальный морской корпус, очевидно, высадивший десанты в Приморье, в тылу основной армии чжурчжэней. Войска Уясу не могли сдержать

натиск отрядов Юнгвана. Потери чжурчжэней были велики - около пяти тысяч воинов убиты, а более пяти тысяч взяты в плен. На захваченных землях корейцы начали лихорадочно вести приготовления к будущей борьбе: прежде всего, сооружать оборонительные валы и заставы, запирающие горные проходы.

В "Цзинь ши" записано, что корейцы возвели в долине Хэлань и в Приморье девять крепостей, выдвинутых вперед против чжурчжэней. Шесть из них (Хамчжу, Енчжу, Унчжу, Кильчжу, Покчжу, Ичжу) представляли собой крупные укрепления, типа областных центров, а три были меньшего размера, типа застав или рядовых укрепленных пунктов (в частности, Тхонжхэчжин и Конхомчжин). Конхомчжин военные возвели в ранг пограничного пункта: здесь они установили пограничный столб. Во вновь построенных крепостях расположились армейские гарнизоны. Корейцы, однако, не ограничились военной оккупацией Хэлани и Елани. Вытеснив отсюда коренных жителей - "чжурчжэней восточного моря", они, с целью более прочного освоения захваченного края, в массовом порядке начали переселять на его территорию земледельческое население районов, расположенных южнее. Переселенцы сразу же приступили к освоению старых земельных угодий и начали распахать новые пашни. Агрессоры надеялись обосноваться здесь навсегда. Юнгван, считая, что Уясу не удастся вернуть отнятые у него земли, в 1108 г. вместе со всеми помощниками вернулся в Корё.

Быстрый захват Хэлани, большей части Супинь и Елани объяснялся, вероятно, не только силой огромной армии, брошенной корейцами на север. Возможно, решающим условием их успеха стала позиция местных племен. Они, по-видимому, не только не оказали никакого сопротивления, но и выступили в качестве союзников корейцев. Чжурчжэньская армия, по существу, не оказала никакого сопротивления вторгнувшимся войскам, поскольку оказалась неподготовленной, чтобы дать отпор. Катастрофически угрожающая и запутанная ситуация, сложившаяся в Хэлани и на Суйфуне, вынудила Уясу лично отправиться на восток.

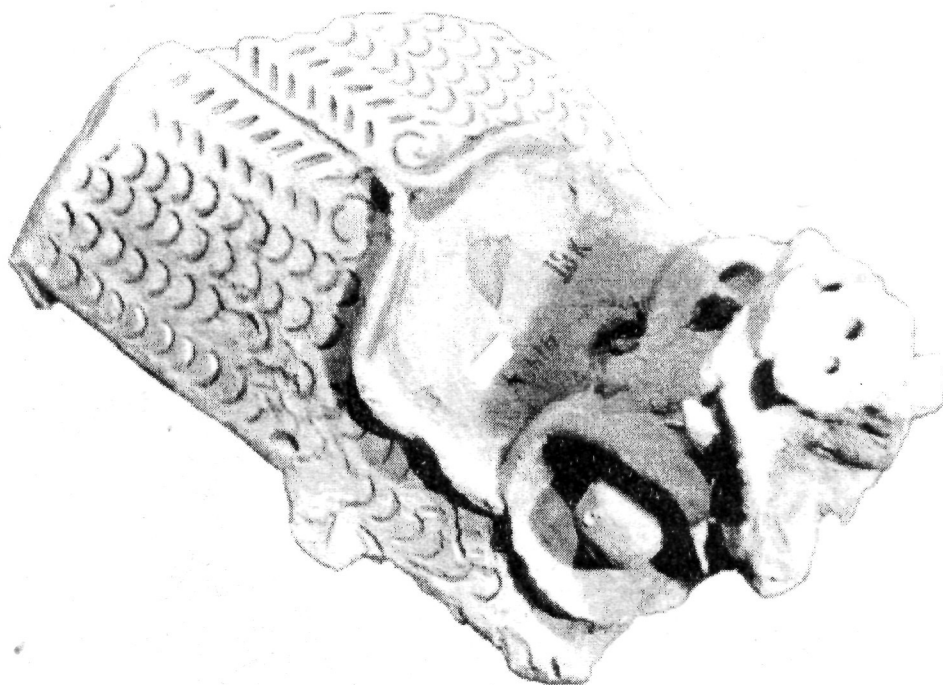
В районе хребта Мацзилинь состоялся военный совет, на котором решался основной вопрос: следует ли мириться с потерей Хэлани? Положение Уясу осложнялось еще и тем, что на западе участились конфликты с киданями и, в случае объединения сил Корё и Ляо, чжурчжэньскому племенному союзу грозил неминуемый разгром. Поэтому на вопрос Уясу: "Стоит ли поднимать войска против Корё?", многие отвечали отрицательно. Вожди говорили Уясу, что в случае войны с Корё "Ляо могут причинить зло" - они ударят с тыла. Агуда - единственный, кто выступил на совете против всех остальных. Ход его рассуждений отличался простотой и ясностью: завоевание корейцами приморских территорий повлечет за собою потерю соседних районов, а в таком случае нечего и думать о борьбе с основным противником чжурчжэней - империей Ляо. Корейцы, боясь усиления чжурчжэней, всегда угрожали бы им с тыла. Следовало, по его мнению, до начала борьбы с основным противником разгромить корейцев, укрепить тыл и, используя восточные и центральные области как базу, обрушиться на Ляо. В "Цзинь ши" записаны знаменательные слова Агуды: "Потерять Хэлань - значит потерять все".

Уясу признал его мнения "справедливыми", и чжурчжэни в 1109 г. начали "поднимать войска". На борьбу с Корё они бросили все имеющиеся силы - собрали все внешние и внутренние войска, то есть к основной армии чжурчжэней присоединились отряды союзных племен. Во главе войск Уясу поставил Васая, а его помощниками назначил Валу и Вадаю. Характерно, что руководителями армии стали полководцы, которые и в предшествующие годы не один раз выступали против суйфунских племен.

Васай разделил свою армию на 10 отрядов и начал наступление на Приморье и Хэлань. Разгорелась "большая война". Военные действия развернулись, по-видимому, в центральной части Приморья, в районе рек Даубихэ и Улахэ, где и сейчас видны развалины многочисленных крепостей. Корейцы потерпели

Глиняное изображение головы дракона.
Деталь украшения одного из храмовых комплексов
в долине р. Суйфун (окрестности г. Уссурийска)

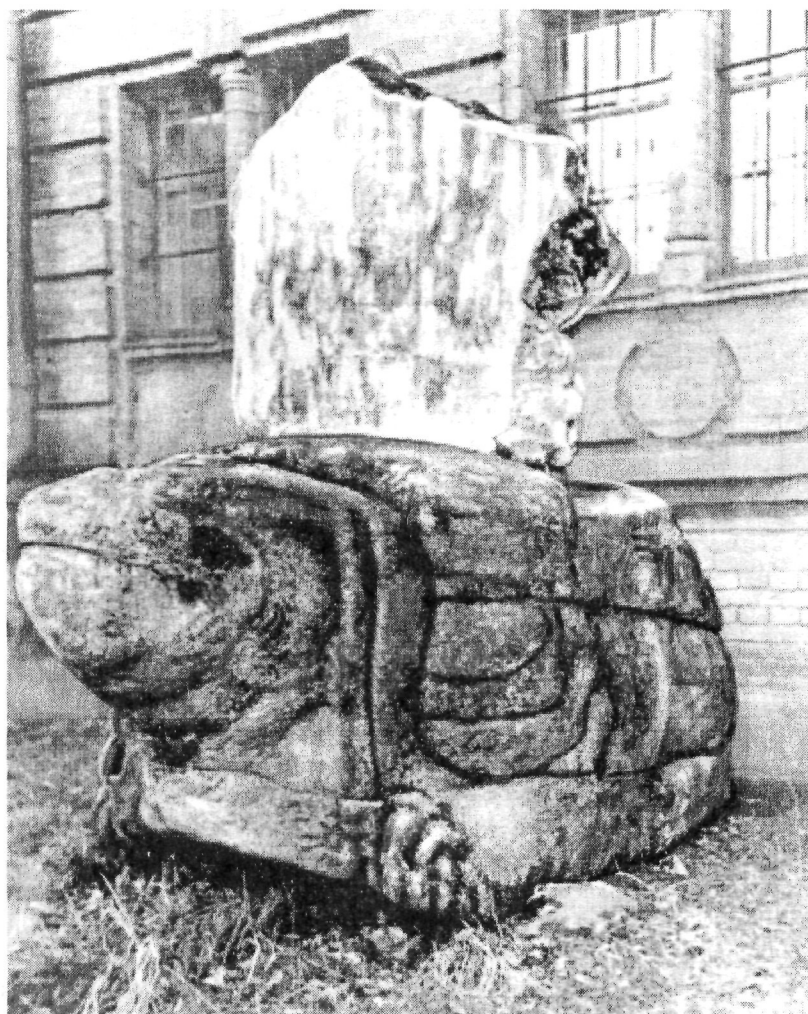
Глиняный дракон, найденный в окрестностях г. Уссурийска

поражение, или, как отмечается в "Цзинь ши", были "сильно разгромлены", но в шестой месяц 1109 г. снова появились. Из-за болезни матери Васай покинул армию. Ее возглавил его помощник Валу, который осадил построенные корейцами города. Началась длительная позиционная война. Против девяти корейских городов Валу воздвиг девять крепостей. Борьба шла с переменным успехом. Чжурчжэни или атаковал, или, сообразуясь с обстоятельствами, оборонялись.

Особенно тяжелое время переживало переселенное земледельческое население Корё. Войска Валу, плотно блокировав корейские крепости, не позволяли осажденным выходить за пределы городских стен и вести сельскохозяйственные работы. Гарнизоны новых городов переполняли беженцы из окрестностей, которые искали здесь спасения от конницы Валу. Земледельцы, призванные, по мысли Юнгвана, пополнять запасы продовольствия у военных гарнизонов, напротив, сделали невозможным длительно отсиживаться за крепостными стенами. К тому же, связи с Корё прервались на долгие дни. Не удивительно поэтому, что Валу вскоре удалось взять штурмом крепости, и в седьмой месяц корейцы запросили мира. Уясу выразил согласие, но при условии возвращения Корё захваченных территорий, перебежчиков и девяти крепостей. Корейцы приняли требования и сообщили об этом посольству Уясу, прибывшему в Корё. Приморье снова перешло в руки чжурчжэней. Граница между нюйчжи и Корё прошла, по-видимому, по линии "Великой стены". Все крепости к северу от границы корейцы ликвидировали, согласно условиям мира. Елань, Суйфун и большую часть Хэлани снова стали контролировать чжурчжэни.

Со времени окончания корейско-чжурчжэньской войны упоминания о племенах Хэлани и Елани почти полностью исчезают со страниц "Цзинь ши". После вступления на престол Агуды чжурчжэни начали борьбу с Ляо, и события на западе надолго отвлекли внимание руководителей ваньяньских племен от восточных приморских провинций.

Подводя итоги описанным выше событиям, можно констатировать, что восточные приморские племена, проживавшие в X - XI вв. на территории Приморья, представляли собой значительную политическую и военную силу в наиболее интересный период истории чжурчжэней, когда закладывались основы их единого племенного союза, а затем и государства. Вот почему, начиная с Шилу, нет ни одного вождя ваньянь, за исключением, быть может, лишь Полашу, которые не уделяли бы особого внимания району Дальнего Востока. Политика их отличалась гибкостью: эпизоды военных походов сменялись тактикой мнимого невмешательства и покровительства. Однако цель вождей ваньянь всегда оставалась одной - включить приморские племена в орбиту своего влияния. Борьба с ними никогда не представляла собой простое подавление временных и случайных беспорядков вышедших из подчинения племенных вождей, как стремились представить дело, опираясь на официальные документы, составители "Цзинь ши". Восстания на востоке возникали, как правило, в том случае, когда ваньяньские вожди затевали очередное посягательство на самостоятельность и независимость племенных вождей Приморья. В свою

Памятник на могильном холме Эсыкуя (Дигуная) – "любимца Агуды", его племянника, выдающегося полководца чжурчжэней из рода Ваньянь, который внес решающий вклад в разгром киданей.

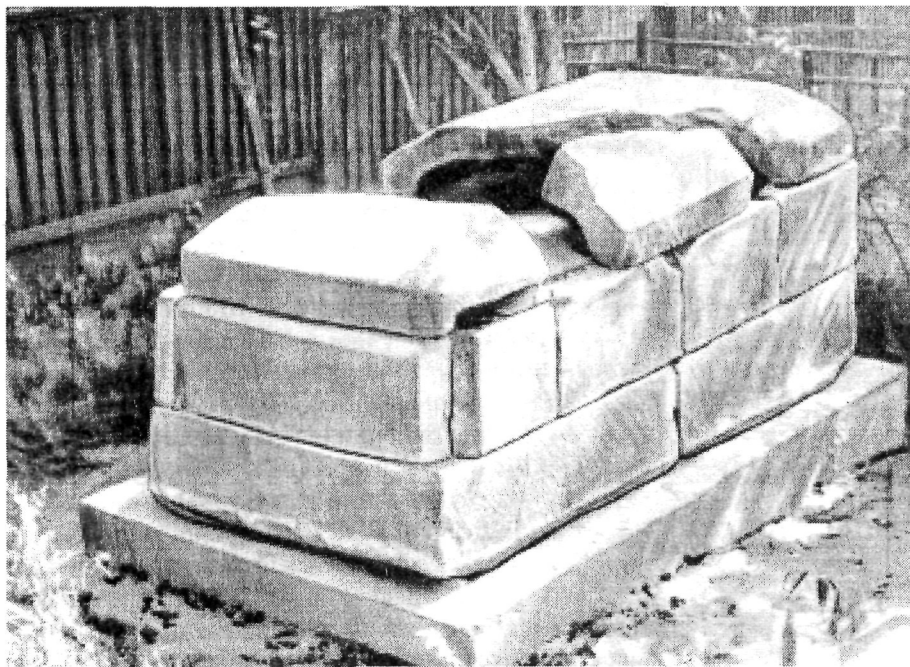
Памятник был установлен в окрестностях современного г. Уссурийска около 1193 г.

Хранится в Хабаровском краеведческом музее

очередь "наведение порядка на востоке" никогда не было самоцелью ваньянцев. За этим скрывалось желание и необходимость создания базы для борьбы с Ляо.

Таким образом, в период сложения чжурчжэньского союза в ином свете предстает значение областей Хэлань и Субань (Суйфун) в общеманьчжурской истории. Опровергается, прежде всего, тезис о том, что Приморье – далекий провинциальный район, мимо которого проходили все бурные события, коренные изменения и сдвиги, характерные для Центральной Маньчжурии. Напротив, оно во время наиболее активной борьбы ваньянь за единый чжурчжэньский союз на десятилетия, вплоть до решающих сражений с Ляо, оставалось основной областью, против которой велась ожесточенная борьба вождей ваньяньских племен. Приморские области в глазах восставших выглядели совсем не захолустным районом, а племена, заселявшие его, не были настолько беспомощными и пассивными, чтобы отказываться от борьбы с ваньянь и от проведения самостоятельной политики.

История хэланьских и суйфунских племен представляет значительный интерес для исследователей еще и потому, что она живо и ярко раскрывает конкретную обстановку и подлинный механизм, средства и движущие силы, пути и характер борьбы за создание сначала племенного союза, а затем и государства в среде "варварских" племен севера. Особая активность ваньянь на востоке объяснялась не только тем, что приморские племена составляли наиболее опасную оппозицию, но тем, что до укрепления тыла и создания базы на востоке ни Ингэ, ни Уясу не могли и помышлять о разгроме Ляо, а затем и Китая. Поэтому Приморье стало ключевым районом для решения основных проблем, поставленных ваньяньскими руководителями, что прекрасно понимал Агуда – создатель Золотой империи и один из последовательных сторонников проведения крутых и решительных мер по уничтожению противников ваньянь. Суть политики вождей ваньянь на востоке кратко, но выразительно была определена именно в словах Агуды,

Гробница "умно-храброго князя" Эсыкуя. Хранится в Приморском краеведческом музее (г. Владивосток)

сказанных в самый тяжелый и драматический момент войны на востоке: "Потерять Хэлань - значит потерять все".

Восточные племена выступали, согласно записям в "Цзинь ши", отнюдь не только как пассивная сила, сопротивляющаяся нововведениям со стороны. У них разрабатывались и частично успешно осуществлялись своя собственная программа и цели борьбы с ваньяньским племенным союзом, о чем не помышляло ни одно из других племен, когда-либо осмелившихся поднять восстание на территории собственно Маньчжурии. К тому же, ни с одним из племен и племенных объединений ваньяньские вожди не вели такой тяжелой и длительной борьбы, как с племенами Хэлани и Суйфуна, и нигде результаты войн, вплоть до времени Уясу, не были столь значительными. За скухими сведениями "Цзинь ши" можно разглядеть далеко идущие цели, которые ставили перед собою руководители восточных племен. Трудно представить, чтобы их борьба ограничивалась только отпором домогательств Ингэ и Уясу на права племенных вождей. Речь шла не только о коллективном отпоре, но, по-видимому, в кульминационный разгар борьбы с ваньянь, о смене лидеров, претендующих на роль инициаторов объединения всех чжурчжэньских племен. Только с такой точки зрения можно понять "самонадеянные" высказывания Люкэ о силе союза 35 племен и о "непременной" победе их над ваньяньскими племенами. Не исключено, что руководители восставших надеялись видеть Приморье центром нового объединения чжурчжэней во главе с племенами Хэлань и Суйфун. Сила восточных племен заключалась в том, что в своей борьбе за независимость они постоянно находили то скрытую, то явную поддержку могущественных соседей чжурчжэней - Корё и Ляо. Последнее, естественно, не могли одобрять усиление любого из чжурчжэньских племен, поэтому на последней стадии борьбы за объединение ваньянь открыто встали на сторону восставших. Чтобы подтвердить справедливость такого вывода, достаточно вспомнить упорную и многолетнюю поддержку ляосским императором вождя племени хэшиле Асу. Корё также использовало племена Приморья как противовес растущей силе ваньяньских племен и, конечно же, Ляо.

Итак, Приморье на длительный период решающих событий стало центром внимания основных политических сил Восточной Азии. От исхода борьбы на Дальнем Востоке зависели дальнейшие судьбы не только чжурчжэней, но также Ляо и Корё. В особенно тяжелом положении находились ваньяньские племена. Им приходилось выступать перед лицом коалиции не только большинства восточных племен, но также против Ляо и Корё. Но дело, за которое боролись восставшие, представляется в самом начале обреченным на провал. Они боролись не под тем знаменем, которое могло привести к победе. На нем вожди Субань и Хэлани написали изжитый историей лозунг полной автономии племен, неограниченной власти племенных руководителей. Такие принципы, разумеется, исключали успешное завершение войн и достижение прочного объединения чжурчжэньских племен, даже в случае успеха борьбы с ваньянь.

Сила восточных племен оказалась, в конце концов, их слабостью. В новых условиях, в период быстрого разложения родо-племенного строя и коренной ломки старых традиций продолжать отстаивать

Надгробная надпись на памятнике князю Эсыкую
с перечнем его громких титулов.
Хранится в Приморском краеведческом музее
(г. Владивосток)

изжившие себя порядки означало обречь на гибель дело, за которое они боролись. Чтобы предотвратить давление ваньяньских племен, вожди приморских районов все же объединяли свои силы, но трудно было ожидать сплочения и единства в союзе, где каждый племенной вождь заботился прежде всего о своей независимости и свободе. Такие союзы расшатывают противоречия, вызывают интриги, прямые предательства. Вот почему, когда Ингэ разрозненным силам восточных племен противопоставил значительно меньшие количественно, но несравненно более сплоченные силы ваньяньских племен, то первое же столкновение привело к распаду объединения на востоке. Отдельные его участки уже не представляли той опасности, и их разгром стал делом времени и искусства полководцев Ингэ.

Союзники приморских племен Ляо и Корё в сложившейся обстановке также не представляли опасности. Ляосская империя агонизировала, а чтобы держать в подчинении пограничные войска, непрерывно обращалась к вождям ваньяньских племен, против

которых плела интриги на востоке. Ваньяньские вожди прекрасно представляли "слабость Ляо", чтобы осмеливаться на борьбу с приморскими племенами, сочувствие которым кидане никогда не скрывали. Что касается Корё, то для него одинаково неприятными представлялись как подчинение восточных районов ваньяньскими племенами, так и укрепление влияния Ляо. Корё, как и Ляо, также не желало укрепление единства восточного племенного союза, поскольку в противном случае в Приморье появилась бы новая политическая сила, которая могла оказаться значительно более опасной, чем ваньяньский племенной союз.

Все эти обстоятельства облегчили задачу племен ваньянь по разгрому восставших и присоединению приморских районов к их племенному союзу. Только после подавления основных сил мятежников корейцы попытались силой воспрепятствовать присоединению Ингэ и Уясу территорий, граничивших с их государством, но было уже поздно. Не последнюю роль в трагическом сочетании обстоятельств, которые не позволили выдвинуться восточным племенам на роль лидеров в деле объединения чжурчжэньских племен, сыграл также факт наличия на значительной территории Приморья особой группы ваньяньских племен - далеких родственников потомков Ханьпу. Еланьские племена, возглавляемые Шитумынем, а затем Дигунаем¹⁵ превратились в надежного союзника в борьбе ваньяньцев с восточными приморскими племенами. Шитумынь не один раз наносил в ответственные моменты удары с тыла, решая судьбу сражений в пользу союза ваньяньских племен.

Таким образом, Приморье в период образования чжурчжэньского племенного союза представляло собой один из наиболее важных районов, где решалась его судьба. История приморских племен не растворена в общих событиях маньчжурской истории. Ни один из ареалов расселения чжурчжэней в период создания их союза не превратился в область, где бы так тесно скрещивались и настолько причудливо переплетались в корне разнородные и противоречивые интересы и цели основных политических сил Маньчжурии, Кореи, Приморья и Северного Китая. Естественно, подобные обстоятельства не могли не найти отражения на страницах "Цзинь ши". После обзора событий, связанных с борьбой за создание на востоке чжурчжэньского племенного союза, можно утверждать обратное: история приморских племен конца XI - начала XII вв. - это история отдельной группы чжурчжэньских племен, которая, вследствие ряда обстоятельств, занимала особое место в ряду основной массы чжурчжэней. Они последовательно проводили политику независимости по отношению к остальным племенам Маньчжурии, а также к государствам Ляо и Корё. История Приморья связана с определенными событиями, конкретными вождями и племенами. Памятники "воинственной жизни" Уссурийского края принадлежат не "чуждым влияниям и народам", а самим приморским племенам. Грозные крепости на сопках, города в долинах рек и многочисленные заставы, запирающие горные ущелья, выросли в период кровных межплеменных столкновений и борьбы, в которых рождалась Золотая империя.

После изгнания корейцев наступил момент решительной схватки с Ляо. Открытый вызов императору бросил Уясу, но особенно напряженные отношения сложились у чжурчжэней с киданями после прихода к власти в 1114 г. вождя Агуды. Он начал открытые военные приготовления, а после отказа сюзерена возвратить Асу приказал своим войскам двинуться к границам соперника. Засыпав пограничный ров, 2 500 воинов Агуды смело напали на пограничный отряд на р. Лайлюхэ и разбили его. Обрадованные

военачальники торопили Агуду принять сразу же императорский титул, но он не согласился, ответив, что одной победы для такого важного шага недостаточно. Первую серьезную победу над киданями чжурчжэни одержали на р. Янцзы в борьбе против сотысячной армии полководцев Сяофули и Табуе. Неожиданно форсировав реку, Агуда с 3 700 воинами в бурю напал на киданьский лагерь, и застигнутый враг сбежал, оставив огромные трофеи. Вслед за тем чжурчжэни захватили ряд сильных пограничных крепостей, в том числе Биньчжоу и Саньчжоу.

В 1115 г. Агуда официально принял титул императора, а новую империю и династию назвал "Золотой". При вступлении на трон он произнес речь, в которой, намекая на название династии киданей Ляо - "железная", - сказал следующие знаменательные слова: "Хоть железо Биньчжоу и прекрасно, оно ржавеет и может быть изъедено ржавчиной. Только золото не ржавеет и не может разрушиться. Сверх того, род ваньянь, с которым я связан через вождя Ханьпу, всегда любил блестящие цвета, вроде золота, и я решил взять это название для моей императорской фамилии. Поэтому даю ей название Золотая!"

Император Ляо, который до сих пор беспечно относился к событиям на востоке, заволновался. Он приказал двинуть в тот район огромную армию с сельскохозяйственным населением. Суть замысла заключалась в том, что для успешного отражения нападения чжурчжэней следовало организовать постоянные пограничные корпуса. В армейских обозах, кроме военного снаряжения и провианта, интенданты везли несколько тысяч сельскохозяйственных орудий. Император предложил Агуде заключить мир, но в послании его владения по-прежнему включал в пределы границ Ляо, а уже принявшего императорский титул Агуду он назвал по имени, то есть, исходя из принципов этикета, смертельно унижил его. Агуда решительно отверг оскорбительное послание и, напав на "пораженную страхом" 270-тысячную армию киданей, после упорного сражения разбил ее.

Наступил, по сути дела, переломный момент в войне, поскольку ляосская армия с тех пор не могла более оправиться от поражения. Она начала отступать, теряя одну крепость за другой. Войска Агуды вскоре захватили Верхнюю, Восточную и Среднюю столицы, а неоднократные предложения ляосского императора о мире, в тексте которых Агуда не признавался законным императором, чжурчжэни не принимали. Наконец, в 1119 г. государь Ляо прислал Агуде императорскую печать и послание, подтверждающее его императорское достоинство. Согласно канонам, принятым на Востоке, Агуда теперь стал настоящим императором, поскольку его осенило благословение прежнего владыки, а все положенные при этом формальности были соблюдены. Но чжурчжэней не остановил даже такой важный акт, и война продолжалась.

Тяжелые поражения киданьских полководцев совмещались с непрекращающимися дворцовыми интригами, изменами чиновников и военных, восстаниями внутри империи и на ее границах. В 1120 г. в результате дворцового переворота власть в Ляо захватил Елюйгуань, в подчинении которого оказались южные земли империи. Однако старый император продолжал сохранять контроль над юго-западными территориями страны. Он установил дружественные отношения с тангутским государством Ся и попытался использовать его военные силы для борьбы с Агудой. Но такой маневр не спас империю от гибели. Она разваливалась на глазах, поскольку полностью деморализованная армия продолжала терять одну позицию за другой. Союзники-тангуты также потерпели поражение в боях с чжурчжэнями. В конце правления Агуды пали две последние столицы некогда могущественного государства киданей, и чжурчжэни объединили под своей властью почти все земли, принадлежавшие когда-то их заклятым врагам.

Это не означало, однако, что вновь присоединенные земли сразу же подчинились чжурчжэням. Во многих местах, особенно в пограничных округах, часто вспыхивали беспорядки, поднимались восстания, народ не подчинялся поработителям и убегал в неприступные места. Войска чжурчжэней постоянно находились в напряжении, готовые атаковать очередного "непокорного". Агуде пришлось неоднократно выпускать манифесты с призывами к спокойствию. Дело дошло до того, что в одном из указов он обещал свободу бежавшим рабам, если они успеют вернуться на старые места раньше своего господина.

Император чжурчжэней.
Старинный рисунок

Агуда тем временем создавал государственный аппарат. При императоре начала работать специальная комиссия для составления законов и сочинения указов. Ее состав комплектовался из людей "сведущих и способных", которых разыскивали по всей стране. Агуда приказал также создать чжурчжэньское письмо. Его успешно разработал Ваньянь Сиинь. Обрадованный Агуда дал указание распространить письмо по всей стране, а его создателю подарил коня и одежду. Для централизованного руководства военными действиями при императоре был создан военный совет, тогда же началась реорганизация армии.

Агуда проводил активную внешнеполитическую борьбу. Особое его внимание привлекала политика сунского Китая. Агуда при каждом удобном случае демонстративно подчеркивал полную независимость своих действий и безраздельный суверенитет Золотой империи. Когда один из послов чжурчжэней к сунскому императору осмелился принять от него титул, то после возвращения из Китая, по указанию Агуды, его жестоко публично казнили палками и лишили незаконно принятого от чужеземного владыки титула.

К концу правления Агуды империя Ляо распалась на две части. Часть киданей ушла далеко на запад, в центральные районы Монголии и далее в пределы Восточного Туркестана, а военные операции войск чжурчжэней ограничивались, в основном, погоней за последним киданьским императором, которого сопровождали немногочисленные войска.

Последующие события описывать нет смысла, поскольку читатель получил теперь в свое распоряжение прекрасный путеводитель по ним - "Историю Золотой империи", вдохновенно переведенную более ста лет назад студентом Пекинской духовной миссии Георгием Михайловичем Розовым. Чтение и изучение его труда доставит особое удовольствие каждому, кто возьмет в руки эту книгу.

Примечания

¹ Помимо переводов отдельных биографий из "Цзинь ши" (в основном, военных деятелей начальной поры истории чжурчжэней, связанных с событиями, которые происходили на территории Приморья и соседних с ним районов Северо-Восточного Китая), при написании очерка использовались следующие издания: **Бичурин Н.Я.** История первых четырех ханов из дома Чингисова. - СПб., 1829; **Васильев В.П.** История и древности Восточной части Средней Азии. - СПб., 1857; **Воробьев М.В.** Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. - 1234 г.). Исторический очерк. - М., 1975; **Гончаров С.Н.** Зависимое от чжурчжэней государство Ци (1130 - 1137): внутренняя политика // История и культура Востока Азии. - Новосибирск, 1985; **Он же.** Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127 - 1142). - М., 1986; **Малявкин А.Г.** Цзинь-ши // Сб. науч. работ пржевальцев. - Харбин, 1942; История Кореи. - М., 1960; **Кычанов Е.И.** Чжурчжэни в XI в. // Сибирский археологический сборник. - Новосибирск, 1966; **Он же.** К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней // Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. - Владивосток, 1968; **Он же.** Формы ранней государственности у народов Центральной Азии // Северная Азия и соседние территории в средние века. - Новосибирск, 1992. - С. 44 - 67; **Ларичев В.Е.** История чжурчжэней (XI - XII вв.) // Материалы по древней истории Сибири. - Улан-Удэ, 1964; **Медведев В.Е.** Культура амурских чжурчжэней. Конец X - XI вв. - Новосибирск, 1977; **Он же.** Средневековые памятники острова Уссурийского. - Новосибирск, 1982; **Он же.** Приамурье в конце I - начале II тысячелетий. Чжурчжэньская эпоха. - Новосибирск, 1986; **Он же.** Корсаковский могильник: Хронология и материалы. - Новосибирск, 1991; **Он же.** Курганы Приамурья. - Новосибирск, 1998; **Окладников А.П.** Далекое прошлое Приморья. - Владивосток, 1959; **Шавкунов Э.В.** Культура чжурчжэней-удигэ XII - XIII веков и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. - М. 1990.

² **Ларичев В.Е.** Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана // История и культура востока Азии. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Эпоха палеолита. - Новосибирск, 1976; **Он же.** Палеолит Кореи // Там же; **Он же.** Палеолит и мезолит Японии // Сибирь и ее соседи в древности. - Новосибирск, 1970. - Вып. 3: Древняя Сибирь.

³ **Ларичев В.Е.** Неолит Дунбэя и его связи с культурами Северо-Восточной Азии // Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959. - Т. 1; **Он же.** Древние культуры Северного Китая // Тр. отд. истории археологии и этнографии Дальневосточ. филиала АН СССР. - Владивосток, 1959. - Т. 1; **Он же.** Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура // Материалы и исследования по археологии СССР. - 1960. - № 80; **Он же.** Бронзовый век Северо-Восточного Китая // Сов. археология. - 1961. - № 1; **Он же.** Неолит и бронзовый век Кореи // История и культура востока Азии. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. - Новосибирск, 1978; **Он же.** Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Эпоха палеолита. - Новосибирск, 1976.

⁴ Описание сушень-илоу см.: "Хоухань шу", гл. 75; "Саньгочжи", "Вэйчжи", гл. 30; "Цзинь ши", гл. 97. Сведения о сушенях имеются также в следующих сочинениях: "Гоюй", гл. 5; "Шицзи", гл. 1 и 47; "Хань шу", гл. 6 и 27; "Шоюань", гл. 18; "Дадай лицзи", гл. 7 и 11; "Шицзин", предисловие. Отдельные тексты переведены на русский язык: **Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Т. II; **Кюннер Н.В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1951. См. также: **Ларичев В.Е.** Летописные известия о древних тунгусо-маньчжурских племенах сушень-илоу // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. - 1964. - Т. IX. - Вып. 3. Отличную подборку сведений о сушенях можно найти также в статье: **Hiroshi Ikeuchi.** A study of Su-shen // Memors of the research department of Toyo Bunko. - 1930. -

№ 5; **Wada S.** The natives of the Lower reaches of the Amur river as represented in Chinese record // Memoirs of the research department of the Toyo Bunko. - 1938. - № 10.

⁵ **Wada S.** Op. cit.; **Du Halde J.B.** Description of the Empire of China. - Vol. II; **Schlegel G.** Problemes geographiques. Les peuples etrangers chez les historiens chinois I. Fou Sang-Kouo // Toung Pao. - 1892. - Vol. III. - № 2; **Hiouen-kouo-kouo** // Toung Pao. - 1893. - Vol. IV. - № 5.

⁶ Подборку о ку см.: **Bretshneider E.** Botanicum Sinicum. - Shanghai, 1892. - Vol. II.

⁷ Сведения об уцзи и мохэ включены в "Вэй шу" (гл. 100), "Бэй ши" (гл. 94), "Суй шу" (гл. 81), "Танхуэйяо" (гл. 98), "Синьтан шу" (гл. 219), "Цзютан шу" (гл. 199). Переводы разделов об уцзи-мохэ из двух первых источников см.: **Бичурин Н.Я.** Собрание сведений...

⁸ Гольды называли айнов "куш". Отсюда, очевидно, и происходит название айнов - кушо мохэ.

⁹ **Бичурин Н.Я.** Собрание сведений... - С. 70.

¹⁰ **Wada S.** Op. cit.

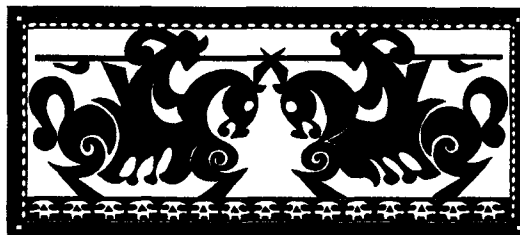
¹¹ Общие сведения о чжурчжэнях см.: **Бичурин Н.Я.** История первых четырех ханов...; **Васильев В.П.** История и древности...; **Малявкин А.Г.** Цзинь ши...; **История Кореи.** - М., 1980; **Окладников А.П.** Далекое прошлое Приморья...; **Кычанов Е.И.** Чжурчжэни...; **Ларичев В.Е.** История чжурчжэней (XI - XII вв.)...; **Воробьев М.В.** Чжурчжэни и государство Цзинь: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. - Л., 1972; **Hulbert H.B.** History of Korea. - New York, 1962. - Vol. I.

¹² "Долина Елань" занимала район к северо-востоку от р. Суйфун. Южное Приморье входило, по-видимому, в состав Хэлаши.

¹³ Сведения о событиях в Приморье взяты, главным образом, из "Цзинь ши" (раздел "Биографии"). См. биографии Валу, Вадая, Васая, Шитумыня, Дигуная, Асымэня, Асу, Соухайли, Люкэ, Ута, Маньдхэ.

¹⁴ Несмотря на ожесточенную борьбу, вряд ли следует преувеличивать размах сражений. В них не участвовало большое количество воинов. Так, перед первым большим столкновением с киданями (с полководцем Соухайли), которое произошло после разгрома Асу, Ингэ собрал войско, состоящее из "более тысячи воинов". Агуда по этому поводу сказал: "С таким войском чего нельзя предпринять!" "Цзинь ши", комментируя силу нового войска Ингэ, сообщает, что "сначала войско княжества нюйчжи не доходило до тысячи" (по-видимому, имеются в виду племена ваньянь).

¹⁵ **Ларичев В.Е.** Памятник князю из рода Ваньянь // Древняя Сибирь. - Новосибирск, 1974. - Вып. 4.

ИСТОРИЯ ДОМА ЦЗИНЬ, ЦАРСТВОВАВШЕГО В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КИТАЯ С 1114 ПО 1233 ГОДЫ

Династии Цзинь¹ первоначальное имя нью-чжи². Предки ньючжисцев произошли из поколения мохэ³, которое прежде называлось уцзи. Владение уцзи в древности составляло страну Сушень⁴. Во времена государей Юань-вэйских^{1*5} в стране Уцзи находилось семь колен⁶: сумо, боцзу, аньчэгу, фуне, хаоши, хэшуй и бошань^{2*}. Государи династий Суй⁷ все семь колен называли общим именем мохэ. При династии Тан⁸ существовали княжества Хэйшуй, Мохэ и Сумо-мохэ, остальные пять неизвестны.

Сумо-мохэ вначале поддалось корейскому владетелю Даши. По разбитии корейцев танским генералом Лици⁹ поколение сумо-мохэ заняло места при горе Мэу-шань¹⁰.

Впоследствии старшины поколения сумо-мохэ в продолжении десяти преемств были королями в земле Бохай¹¹. При них (у бохайцев) образовалась словесность, введены обряды, музыка и государственное управление (устроены присутственные места и постановлены законы); учреждено пять столиц¹², пятнадцать губерний (фу)¹³ и шестьдесят два округа (чжэу)^{3*}.

Хэшуй-мохэ занимали места от Сушань к востоку до моря. На юге границы их смежны были с Кореею; почему и они отдались под покровительство корейцев. Сто пятьдесят тысяч их войска помогали корейцам в войне против танского императора Тайцзун¹⁴ и были разбиты при Аньшуй¹⁵. При танском государе Сюань-цзун¹⁶ хэйшуйцы явились ко двору, почему Сюань-цзун учредил губернию Хэшуй и князя хэшуйского сделал губернатором (дуду-цы-ши). Потом он назначил туда особого правителя (чжан-ши), которому и поручил смотреть за княжеством, а губернатора (старшину хэшуйского), дав ему фамилию Липин и имя Сянь-чэн, назвал военным губернатором (цзинь-ляо-ши). Впоследствии, когда сделалось сильным королевство Бохай, поколение Хэшуй подчинилось ему и прекратило свои приезды ко двору танскому. Во времена пяти царств^{1*17} дом Кидань совершенно завладел землею бохайцев, и Хэйшуй-мохэ равно сделалось подвластным дому киданьскому¹⁸. Часть его владений, лежавших к югу, вошла в состав государства Кидань и названа княжеством Шу-нью-чжи (образованные нью-чжи); а лежавшая к северу, которая не была присоединена к Кидань, называлась Шен-нью-чжи). В земле, которую занимало поколение шен-нью-чжи находится река Хуньтунцзян^{5*19} и гора Чан-бошань²⁰.

Предок поколения шен-нью-чжи назывался Сяньпу, ему было с лишком шестьдесят лет, когда он вышел из Кореи. Его старший брат Агунай был почитателем божества Фо²¹; не желая выходить из Кореи, он говорил: "Наши дети и внуки от последующих колен непременно соединятся; но я теперь не пойду отсюда". Агунай остался в Корее, а Сяньпу вышел оттуда со своим младшим братом Бохори. Сам он остановился при водах Пугань, принадлежавших поколению ваньянь²², а его брат поселился в месте Елань²³. В то время, как Сяньпу находился в поколении ваньянь, некто из сего поколения убил человека другого рода; от этого произошла ссора, и два рода не переставали враждовать между собой. Народ из колена ваньянь говорил Сяньпу: "Когда бы ты прекратил для нас эту ссору и убедил два дома не убивать друг

^{1*} Государи династии Юань-вэй суть потомки Тобагуя из дома Вэй, который сделался известен под конец династии Цзинь и, подобно Далаю (кидань), составлял независимое государство (Примеч. переводчика).

Здесь и далее в тексте летописи подстрочные примечания переводчика помечены цифровым порядковым номером со звездочкой. Цифра без звездочки – это порядковый номер затекстового комментария. При совпадении затекстового и подстрочного примечаний, номер комментария следует за звездочкой.

^{2*} В маньчжурском переводе стихов Цинь-луна уцзи названы фудзи (фуги). Там же семь поколений названы: шумуру, босу, вэчэку, уне, хэшу, сахалынь-мукэ и шаньянь-алинь.

^{3*} У Ланглеса показано шестьдесят пять чжэу, или округов.

^{1*} Пять царств суть: Лян, Тан, Цзинь, Хань и Чжэу.

^{5*} Река Хуньтунцзян иначе называлась Хэлун-цзян.

друга, то у нас есть честная женщина, которой около шестидесяти лет и которая еще не была замужем, - мы бы тебе отдали ее, и сами б составили с тобой одно колено". Сяньпу согласился на это и отправился убеждать враждующего старшину следующими словами: "Если вы за смерть одного человека не перестанете враждовать, то этим еще более погубите народа; лучше прекратить убийства. Пусть умертвят только одного главного возмутителя и за вину дадут вам плату. Прекративши драки и получив подарки, вы останетесь в выигрыше". Ссорящийся владетель послушался его убеждений, и с сего времени постановил следующий закон: по совершении кем-либо убийства, из дому убийцы отдавать в дом убитого одного человека, двадцать лошадей, коров дойных десять и шесть лан золота. Все согласились на требование и заплатили штраф по сему определению. Отсюда-то произошла пеня в тридцать лошадей и тридцать коров, платимая в княжестве Нюй-чжи по учинении кем-либо убийства. Из колена ваньянь в благодарность Сяньпу прислали одну светло-бурую корову и шестидесятилетнюю девицу. Тогда Сяньпу отдал обратно светло-бурую корову вместо вена, а шестидесятилетнюю девицу взял себе в жены, получив все ее пахотные земли и другое имение. У Сяньпу родились два сына и одна дочь: имя старшему было Уру, младшему Валу; имя дочери Чжу-сы-бань. От Уру родился Баха, от Баха Суйхэ. Поколение Шен-ньюй-чжи сначала не имело домов: вблизи гор и вод строили шалаши, вырывая ямы и заваливая их сверху лесом, в которых и оставались в зимнее время; во время лета ходили по местам, изобилующим водой и травой. Ведя кочевую жизнь, у них не было определенности в местах. Суйхэ, переселясь ближе к морю, начал производить пашню и строить дома. И с сего времени получил оседлость при водах Аньчуху²⁴.

Сын Суйхэ Шуру был решителен в делах и притом прост и правдив. В княжестве Шен-ньюй-чжи не было законов и невозможно было управлять оным. Шуру хотел постановить законы и научить оным; в неудовольствии на сие его ближайшие родственники с подданными его поколения коварно схватили Шуру с тем, чтобы его умертвить. Тогда его младший дядя Шелиху, поняв их намерение, говорил им: "Сын моего старшего брата человек мудрый и, без сомнения, в состоянии сохранить дом и доставить спокойствие целому колену. За что же вы хотите умертвить его?" Он стал стрелять в толпу из лука, и схватившие Шуру все разбежались. Таким образом Шуру избавился от смерти. После сего, когда Шуру начал образовывать народ посредством узаконений и учения, его колено мало-помалу сделалось сильным. Дайляосский государь²⁵ владетеля княжества Нюй-чжи, Шуру, сделал чиновником ти-инь. Так как прочие поколения по-прежнему не следовали постановлениям и учению, Шуру выставил против них войско до гор Циньлин²⁶ и Бошань (Белая гора)²⁷. Успокаивая покорных и смирив непослушных, он входил в Субинь и Елань и покорил все места, коих достигал²⁸. На возвратном пути по переходе вод Нуянь (Лихая болезнь)²⁹ Шуру почувствовал слабость, но из опасения продолжал путь безостановочно; в степи Гулисской³⁰ он сделался болен, а по достижении селения Бицыцзи³¹ скончался. Во времена Шуру в княжестве Шен-ньюй-чжи, при введении некоторых законов и учения, народ был послушен и покорен. Но за неимением писем в оном не было известно счисление годов и месяцев; не знали начала и конца оных, ни продолжительности и кратковременности лет.

Цзин-цзю³²

Сын Шуру Угунай родился в лето Синь-ю (белая курица)³³ в первый год правления Тайпин дайляосского императора Шен-цзун³⁴; он составлял шестое колено от прадеда Сяньпу. Угунай покорил все поколения. Кроме того, что он владел горою Бошань и местами Ехой, Тун-мэнь³⁵, Елань и Тугулунь³⁶, его указам внимали старшины пяти княжеств³⁷. К нему перебежал народ с границ дайляосских; почему Дайляосское государство выставило войско и заставляло переселяться жителей мест Телэ и Ужэ³⁸; но народ, не соглашаясь на переселение, во множестве приходил с покорностью к Угунаю, правителю княжества Шен-ньюй-чжи. Тогда государь дайляосский дал своим генералам Холу и Линь-я³⁹ войско и повелел взять отложившийся народ. Угунай княжества Шен-ньюй-чжи, беспокоясь о том, чтобы дайляосское войско, глубоко зашедши в его владения и узнавши путь через горы и реки, не сделало нападения на него, вышел навстречу Холу и, желая остановить его хитростью, говорил: "Если войско зайдет далеко, то непременно все поколения из страха поднимут бунт. Тогда невозможно будет утишить возмущения и получить отложившегося народа. Это намерение ваше не хорошо". Холу, согласясь на сии речи, остановил войско, и Угунай, условясь с Холу, сам ходил за перебежчиками. От государства Дайляосского отложился правитель Ба-и-мэнь удела Пуне - одного из пяти княжеств; отчего путь, коим доставляли соколов ко Двору⁴⁰, сделался непроходим. Государь дайляосский, желая смирить его, наперед послал Тун-ганя известить о сем Угуная. Угунай отвечал, что "надлежит хитростью взять его. Если же при употреблении в действо войска, он уклонится и удержит за собой непроходимые места, то невозможно будет взять его". Дайляосцы с этим были согласны. Кажется, что Угунай опасался, чтобы войско дайляосское не вошло в его владения. Почему и решился оказать услугу. После сего Угунай завел дружбу с Ба-и-мэнем и, взяв у него в заложники

детей и жену, отослал их к дайляосскому государю. Дайляосский император, призвавши Угуна, щедро награждал его за сие и, повысив чином, сделал его чиновником цзедуши (правителем)⁴¹ в княжестве Шен-ньюй-чжи^{6*}. Затем дайляосский государь хотел дать Угунаю печать⁴²; но Угунай, не соглашаясь принять оную, говорил, что возьмет ее (тайно) в другое время. Когда же дайляосский государь непременно хотел дать оную и снова прислал к нему с нею человека, тогда Угунай составил совет с людьми своего колена и научил их дать следующий ответ: "Если наш правитель согласится принять печать, то люди нашего поколения умертвят его". С таковым ответом посол дайляосский отправился обратно. Угунай, сделавшись губернатором, время от времени определял штат чиновников и постановлял законы. В княжестве Нью-чжи был прежде недостаток в железе. Но когда из соседних княжеств стали приезжать для продажи лат и шлемов, Угунай выменивал оные на домашние изделия, отдавая их во множестве; таким образом железа стало в изобилии. По изготовлении стрел и луков и по заведении военных доспехов войско сделалось сильным. После чего колено пучейское от вод Валинь⁴³, колено ваньяньское от вод Тайшиньтэбу, колено вэндихэнское⁴⁴ от вод Тунмэньских и колено ваньяньское от вод Шиньиньских одно за другим приходили к нему под защиту.

Угунай, кроткий сердцем, способен был переносить всякие дела; по природе он не выказывал излишней радости или печали; свое имущество он охотно отдавал другим; деля с другими пищу и отдавая с себя одежду, он не жалел о том, и, если от кого терпел обиды, (он) не мыслил против него худого.

Однажды он послал ласками призывать к себе перебежчиков. Отложившиеся говорили посланному следующее: "Твой правитель Холо, а мы хотим изловить Холо. Зачем же мы пойдем к Холо?" Холо - есть название птицы. Она водится на севере и видом похожа на курицу. Сия птица весьма обжорлива. Когда случится ей расклевать хребет у лошади, коровы или верблюда, то они тотчас умирают; если она проголодается, не находя себе пищи, то пожирает даже песок и камни. Современники сравнительно называли Угунаю птицею Холо, потому что он был охотник до вина, пристрастен к наружной красоте, пил и ел гораздо более других. Сии люди, хотя и злословили его таким образом, но он не мыслил против них ничего худого, и если злословившие его после приходили к нему с покорностью, он, щедро одарив их, возвращал в свои места. Так, обитателей вод Хэлань⁴⁵, приходивших с покорностью целыми толпами, он возвращал в прежние их места, записывал год и месяц прибытия и их фамилии. После чего народ тем более доверял ему и охотно покорялся.

В восьмое лето царствования Сянь-юн дайляосского императора Дао-цзун⁴⁶ некто Се-е-пу-цзинь из колена му-жань⁴⁷, входившего в число пяти княжеств, отложился от двора дайляосского и пресек соколиный путь. Угунай пошел воевать, и Се-е-пу-цзинь противостоял ему с войском. Угунай, одевшись в двойные латы, сделал сильное нападение со всем своим войском; и войско Се-е-пу-цзинь, претерпев поражение, обратилось в бегство. Се-е-пу-цзинь не мог остановить его. Угунай, идя обратно, на пути встретил рассеявшееся войско, которое пресекло ему в узком месте дорогу. Угунай, денно и ночью сражаясь с ним, прошел обратно в свою землю. Желая сам объявить о своих заслугах в поражении Се-е-пу-цзиня пограничному амбаню⁴⁸ дайляосскому Далугу, он отправился к нему в Лайлю⁴⁹, но прежде, нежели увиделся с Далугу, заболел и, возвратясь домой, скончался на пятьдесят четвертом году от рождения. Чин цзедуши наследовал второй сын Хорибу.

У Угуна было девять сыновей: старший сын Хочжо, второй Хорибу, третий Гашунь, четвертый Полашу, пятый Енгэ, шестой Хэсэбунь, седьмой Мампи, восьмой Алихань и девятый Мэньтухунь.

Ши-цзэ

Хорибу родился в осьмое лето царствования Чунь-ши дайляосского императора Син-цзун. В девятое лето царствования Сянь-юн дайляосского государя Дао-цзун наследовал чин цзедуши. Младший брат Угуна Бохэ - одного с ним отца и другой матери - был противник его мыслей. Хорибу, опасаясь, чтобы он не отложился, но притом весьма любя его, не причислил его к войску, а сделал начальником поколения. Несмотря на это, Бохэ остался злоумышленником против Хорибу, и под его руководством произвели бунт Хуань-нань, Саньда, Учунь и Омухань; сверх того, он смущал людей других поколений. Но Хорибу не мыслил зла против Бохэ, Хуань-наня и других и старался удержать их в повиновение ласками. Когда Хорибу купил сорок девять пар военных доспехов у матери Убутунь из удела Цзя-гу⁵⁰ и Учунь, пользуясь этим случаем, стал разглашать, будто бы хочет снарядить войско; то Хорибу обратно отдал доспехи хозяину. Наконец, Хорибу, услышав, что Учунь открыто говорит между поколениями, что кто хочет жить, тот должен переходить на сторону Бохэ, а кто желает смерти, тот пусть идет к Хорибу и Полашу, возымел сомнение. Не входя в исследование этого дела, он вдруг приготовился как бы к переходу на другое место,

^{6*} Дайляосцы губернатора (цзедуши) называют тайши; от сего у ньючжисцев произошло слово "дутайши".

между тем тайно послал людей разглашать, что начинается война. Все слышавшие это в поколениях не понимали, должно ли почитать сии слухи за правду или ложь? И в недоумении одни шли для защиты дома Бохэ, другие - на охрану дома Хорибу. Таким образом, Хорибу совершенно узнал, кто из его братьев и людей его поколения отложился, а кто нет? Спустя несколько лет Учунь начал войну. Хорибу, выступив против него, сразился. Это было в половине десятого месяца⁵¹. От проливного дождя днем и ночью на земле образовался лед; Учунь, будучи не в состоянии идти вперед, печально произнес: "Это небесное наказание!" И обратился с войском назад. Хуань-нань и Саньда также выставили войско. Войско Учуня в сие время находилось на севере, а войско Хуань-наня - на юге. Хорибу, услышав о великой силе их войск, поручил войско младшему брату Полашу и послал его против них с тем, что если будет возможность примириться с ними, то чтобы примириться; если же нельзя, то чтобы сразился. Полашу сразился с ними, и его войско претерпело поражение. Но так как в это время непрерывно шел дождь, то Учунь, прекратив войну, ушел обратно. Между тем Хорибу с малым числом войска, отправившись проселочною дорогою на разорение Хуаньнаня и Саньды, сбился с дороги и узнал об этом уже по достижении вод Подоту. Хорибу отошел обратно; достигши мест Шэхэнь и Тэго, он взошел на высокий холм, откуда увидел шесть всадников. Хорибу с криком погнался за ними, напал и поразил одного из них стрелою, а остальных пять взял живыми. При допросе они объявили, что посланы от Пугой и Сагучу на помощь к Хуань-нань и Саньда. Тогда Хорибу пошел во владения Хуань-наня и Саньда, сжег все их жилища и около ста человек предал смерти. Хорибу, возвращаясь обратно, соединился с Полашу. В это время войско Полашу претерпело снова поражение. Хорибу изъявил скорбь пред Полашу о поражении войска и послал к Хуань-наню и Саньда просить мира. Хуань-нань и Саньда отвечали ему: "Когда отдашь нам рыжего коня, принадлежащего твоему Инго, и гнедого, принадлежащего Цыбуши^{7*}, тогда мы согласны примириться"⁵². Сии два коня славились в княжестве Нюй-чжи, и Хорибу не согласился отдать их. Хуань-нань и Саньда соединились со многими поколениями и шли на войну. Подданный Хорибу Шачжи-пу-цзинь из колена пуча прислал к Хорибу с известием об опасности. Хорибу сказал посланному: "Ложно покоритесь для сбережения самих себя; а когда я начну с ними сражение, вы свои знамена отличите особенными знаками". При самом отправлении Хорибу против Хуань-наня и Саньда его известили о смерти его младшего дяди Бохэ, который подавился куском мяса в доме отца его любимой наложницы. Хорибу послал своего младшего брата Полашу ко двору дайляосскому просить войска, а сам отправился на встречу войск Хуань-наня и Саньда. Сogleдатаи явились к нему с известием, что войска Хуань-наня и Саньда находятся близко. Два войска приготовились к бою. Хорибу говорил Цыбуши: "Ты поставь свое войско в тылу неприятеля, и когда я, подняв знамя, трижды пробью в бубен, то ты, бросив знамя, храбро вступай в бой. Умереть или остаться в живых - решит нынешний день, не щади своей жизни". Видя многочисленные войска Хуань-наня и Саньды, воины Хорибу еще до сражения пришли в робость и изменились в лицах. Хорибу не обратил внимания и не делал, по обыкновению, выговоров и увещаний, а приказал, чтобы солдаты в продолжение небольшого отдыха, сняв латы, умыли лица и подкрепили себя пищею. Люди отдохнули, и при поощрении войско снова оживилось. Хорибу, удалившись от всех, взял за руку младшего брата Ингэ и тихо говорил ему: "Если нынешний день одержим победу - то хорошо. Но ежели не успеем победить, то я не останусь в живых. Ты стань в отдалении и будь зрителем, не принимая участия в сражении. Когда я паду мертвым, не помышляй о поднятии моего тупа и не наблюдай более за своими родственниками, но тотчас отправься в Дайляосское государство и скажи твоему старшему брату Полашу, чтобы он принял от дайляосского двора грамоту и печать^{8*} и, выпросив войско, отомстил неприятелю". Кончив разговор, Хорибу, не одеваясь в латы, спустил рукава одежды и обвязал оными для защиты грудь и спину. Потом немедленно, заткнув лук, схватил меч и после троекратного поднятия знамени и барабанного боя, бросив знамя, со всем войском бросился в ряды неприятельские. Цыбуши напал на неприятеля с тылу, и таким образом неприятель был поражен. Хорибу с силами победителей гнал и разил его от места А-бу-вань до равнины Бэй-айской. Число погибших врагов было подобно коноплю, сплошь повалившемуся на землю; воды Подоту получили красный цвет. Победители во множестве приобрели в добычу лошадей, коров, военных доспехов, оружия и разного рода вещей. Хорибу говорил: "Не могло быть такого успеха, если б не поборолось за нас самое Небо. Этого довольно. Неприятель, хотя и ушел, но сил разбитого войска он не в состоянии восстановить в продолжение своего века". После сего он повел свое войско обратно. Хорибу, обозревая место битвы, увидел, что местами, по коим он промчался с войском, образовалась большая дорога шириною в тридцать полос; девять человек, убитые его рукой, попадали рядом один на другого^{9*}. Все удивились этому.

^{7*} Инго был младший брат Хорибу; Цыбуши, его младший дядя, - сын Угучуя.

^{8*} Грамота и печать дается от государя совершенно вступающим в его подданство.

^{9*} Число девять приличествует императору, у коего во дворце крыльцо в девять ступеней, и являющиеся к императору чиновники в просторечии говорят: "Хочу явиться к девяти ступеням". Посему девять человек, попадавших один на другого, сочтено знаком, что Хорибу будет императором.

Хуань-нань и Саньду, ни мало не медля после сего, покорились со своими подданными. Вслед за ними пришли с покорностью к Хорибу люди из его поколения. (В сие время) некто Бэйнай из колена валэ⁵³, пришедший в сие время в подданство, возымев злые намерения, оклеветал Хуань-ду в том, будто бы он поджег его дом. Хорибу, поверив ему, по законам взял штраф с Хаунь-ду. Потом Бэйнай, человек злой по душе, соединился с Учунь и Омухань⁵⁴ и, собрав войско, начал войну с Хорибу. Хорибу говорил тогда перед всеми: "Я видел худой сон: самому мне нельзя идти на сражение. Если войско левого крыла сразится с силою, тогда будет иметь большой успех". Он послал на сражение своего младшего брата Полашу с Се-ле и Цыбуши. Полашу, по прибытии на сражение, сошел с коня и, произнося имя Хорибу и свое, воззвал: "Если угодно Небу при своей помощи сделать нас правителями над всеми поколениями, то да будут свидетелями сегодняшнего дела Духи!" Окончив речь, он сделал двоекратное коленопреклонение^{10*}. Когда он зажег факел, сделанный из связки травы, то вдруг поднялся сильный ветер с севера, и огонь более и более стал усиливаться. Это было в восьмой луне, погорели все травы, и дым восходил до неба. Войско Полашу в дыму начало сражение и, сильно поразив неприятельское войско, захватило Бэй-ная и отослало его ко двору дайляосскому.

Два степных владельца Лапэй и Мачань⁵⁵ пришли чинить грабежи и разбои в княжестве Шен-ньючжи. Хорибу напал на них, и Лапэй, получив четыре раны, ушел. Но когда раны зажили, Лапэй с своими сообщниками опять пришел в места, заселенные Ингэ. Хорибу, услышав о его сближении со многими поколениями, снова выступил против него с войском. Тогда Лапэй и его сообщники объявили, что покоряются и ушли обратно. Но Лапэй снова приобрел сто семнадцать воинов в степи Гули. Хорибу окружил его в ущелии у вод Мулэнь⁵⁶ и, сразившись с ним, приобрел все войско степи Гулиской. Мачань ушел, а Лапэй был схвачен и отослан в государство Дайляосское. В сие время помер Учунь, бывший еще в молодых летах. Омухань через посредство двора дайляосского только что упросил Хорибу примириться с ним, как снова пришел для нападения на стан Хорибу. Хорибу, разбив войско Омуханя, прошел со своим войском вперед и окружил крепость Омуханя. В это время второму сыну Хорибу по имени Агуда⁵⁷ было двадцать три года. Когда Агуда, одевшись в короткий панцирь и не надев шишака, один объезжал войско и отдавал приказания, храбрец из осажденных по имени Тай-юй, взяв копье, вскочил на коня и, выехав из крепости, примчался для поражения его. Агуда еще не успел приготовиться к обороне, как его дядя с материнской стороны. Холаху, въехав в середину, между двумя противниками, пересек ударом копье, бывшее в руках Тай-юя, и смертельно поразил коня. Тай-юй едва успел спастись бегством пеший. Агуда, не объявив своему отцу Хорибу, с небольшим числом людей отправился искать добычи. На обратном пути за ним пустилось в погоню неприятельское войско. При проезде одного ущелья (узкого пути) Агуда сбился с дороги, и преследовавший неприятель уже настигал его. Тогда Агуда, понудив коня, перескочил через край дороги вышиною в рост человека; преследовавшее войско, не имея возможности перебраться через оный, повернуло назад.

Омухань, оставив крепость, бежал. Хорибу разрушил крепость и найденные в оной вещи раздарил в войске, всем по заслугам. Всем главным жителям крепости повелено было стать на колена, между ними делали разделение: кого умертвить, а кого оставить в живых; при чем присутствовали посол дайляосский и Хорибу. Вдруг один из осужденных с длинным мечом, привешенным сбоку, поспешно выходя вперед, подошел к ним и сказал Хорибу: "Не убивай меня". Посол дайляосский и два человека, стоявшие с боков, испугавшись, с быстротою убежали. Но Хорибу не показал вида испуга, взяв за руку человека, он кротко сказал ему: "Я не умерщвляю тебя". Потом, сделав выговор двум человекам, с боков находившимся и с поспешностью отбежавшим, приказал схватить и предать смерти выступившего вперед. По возвращении, Хорибу сделался тяжело болен. При отправлении Агуды с донесением о деле к дайляосскому главнокомандующему (тун-цзюнь-сы), Хорибу говорил ему: "Поспешь окончанием дела. Если возвратишься прежде половины пятого месяца, я тебя увижу". Агуда, явившись к главнокомандующему Олусогу, исполнил поручение и прибыл назад за день до смерти Хорибу. Хорибу расспрашивал Агуду о деле, по коему отлучался, и как сей давал ответы согласные с его намерениями, то он был весьма доволен. Старшая жена Хорибу по имени Наланьши беспрестанно плакала. "Не плачь, - сказал ей Хорибу, - ты проживешь без меня только один год". Младшему брату Полашу предсказал будущее сими словами: "Ты проживешь после меня только три года". Потом снова взял за руку своего сына Агуду, обнял его и, прижимая к себе, подозвал своего младшего брата Ингэ и сказал ему: "Мой старший сын хорош, но слаб; иметь дело с государством Ки-дань^{11*} способен второй сын Агуда". В осьмой год царствования Дай-ань дайляосского императора Дао-цзун пятнадцатого числа пятого месяца Хорибу скончался⁵⁸. От роду ему было пятьдесят четыре года, а с получения чина цзедуши девятнадцать лет. На другой год не стало его жены Наланьши.

^{10*} Полашу совершил обряд жертвоприношения.

^{11*} Ки-дань - Дайляосское государство. См. выше.

Хорибу по природе был величествен и мудр; виденное однажды он постоянно знал и не забывал нечаянно слышанного; в походе или при стоянии не оглядывался назад. Не боялся сильного голода; в сражениях никогда не надевал лат. Наперед узнавал из сновидений - победит или будет побежден. Однажды, упившись вином, он въехал на осле в дом; на другой день, увидев следы, спросил об них, и с того времени перестал пить. По наследовании достоинства цзедуши, враги внешние и внутренние производили бунты, соединившись между собою; Хорибу спас погибавшие княжества и из слабого сделал его сильным. Он истребил Хуань-наня, Саньду, Учуня и Омуханя и через сие сделался великим.

Су-цзун

Чин цзедуши наследовал Полашу, его младший брат от одной матери, четвертый сын Угуная. При жизни отца и старшего брата он был сделан помощником в правлении княжеством^{12*}. Полашу с малолетства был остроумен и сообразителен. Он совершенно понимал Дайляосское государство и мысли его народа, поэтому Хорибу все дела с дайляосским двором возлагал на него. При донесении о каком-либо деле чиновникам государства дайляосского, он всегда становился на колена и говорил через переводчика. Переводчик часто понимал его превратно; Полашу, желая сам говорить лично, наперед переставал говорить через переводчика, и сей, будучи в затруднении, выводил Полашу вперед, заставляя его говорить самого. Полашу раскладывал по порядку заметки из травы, дерева, кирпичей и камней, пересказывая по оным число дел; чиновники дайляосские, выслушав его, с удивлением спрашивали о причине такого поступка. Тогда Полашу смиренно говорил: "Это оттого, что я груб и несовершенен".

Чиновники дайляосские, поверив, что это справедливо, более в нем не сомневались. Таким образом Полашу передавал им все свои намерения.

В сие время Мачань поселился при водах Чжень-чжи-кай⁵⁹. Оградив свой стан валом, он не слушал, когда приходили к нему с требованием перебежчиков. Полашу, давши войско Уясу и Агуде - детям своего старшего брата, послал их воевать против него. Агуда умертвил Мачаня, и голову его отправил в государство дайляосское. Государь дайляосский сделал Агуду чиновником цянь-вэнь (тысячником). Равным образом Ингэ, Цыбуши и Хуаньду были сделаны чиновниками цянь-вэнь. Полашу, снова дав Агуде половину войска, послал его вести войну против Бахэ⁶⁰, начальника поколений ни-бан-гу и Боликай. Агуда усмирил его. С сего времени прекратились военные разбойники. Полашу, по наследовании достоинства цзедуши, на третьем году в восьмой месяц помер. Итак, его старший брат Хорибу не ошибся в предсказании, что он, Полашу, умрет через три года!

Му-цзун

Чин цзедуши наследовал его пятый брат Енгэ. В то время Енгэ было 42 года. Енгэ сделал Сагая, сына его старшего брата Хэчжэ, своим министром. Ашу и Маодулу из колена Хэшиле⁶¹, собрав войско, пересекли дорогу, и людям поколения Шен-нью-чжи было невозможно иметь сообщение. Енгэ, при отправлении в поход против Ашу, отдал половину войска своему помощнику в правлении Сагаю и велел ему идти другою дорогою^{13*}, условясь соединиться при крепости, занимаемой Ашу. Ашу, узнав о сем, отправился для объявления в государство Дайляосское. Сагай, отправясь с войском, достиг вод Абусай⁶². Здесь к Сагаю явился Селэ из колена Уюань и говорил: "Министр! Я слышал, что ты условился с правителем соединиться при городе, занимаемом Ашу - с тем, чтобы, зашедши внутрь, непременно взять его; но твои войска не опоздают, если, истребив наперед его сообщников и захватив их людей, пойдут на соединение". Сагай последовал его совету, взял приступом крепость, занимаемую Дунь-энь, и потом соединился с Енгэ. Енгэ взял крепость, принадлежавшую Ашу, и, оставив в ней для охранения генерала Хэчжэ⁶³, сам отправился с войском обратно. В это время Ахэбань и Шилу, из колена хэшиле, окружив соколиный путь пяти княжеств и захватив посланцев дайляосских, отправленных за соколами, предали их смерти. Дайляосский государь известил о сем Енгэ, и сей пошел войною против Ахэбань. Ахэбань укрепился в безопасном месте. Енгэ при сильной стуже в продолжение нескольких дней делал приступы, заставляя искусных стрельцов из луков стрелять в него; вошедши в крепость, освободил несколько послов дайляосских, оставшихся в живых, и возвратил их в свое государство. Лю-кэ и Чжи-ду, из поколения угулунь⁶⁴, соединившись с Дигудеем от вод Субиньских⁶⁵, постановили войско при крепости Шихань-чэнь. Сверх

^{12*} Го-сян - название чина.

^{13*} Приказал ему идти дорогою Ма-цзи-лин.

того, отложился Дунь-энь и поднял бунт. Енгэ, сделав Сагая главнокомандующим над всем войском^{14*}, а Цыбуши, Алихуманя и Вайдая - его помощниками, послал смирить Люкэ, Чжа-ду и Удубу. Остальную часть войска он дал генералам Маньдукэ и Шитуменю и послал их наказывать Дигудея. Когда Сагай составил совет со своими полководцами касательно выступления войска, то некоторые говорили, чтобы взять сперва крепости и укрепления по границам поколения, а другие хотели, чтобы, перешедши границы, взять крепость Лю-кэ, и совет не мог состояться. Послали за Агудю. Енгэ, отправляя Агуду, говорил: "В войске произошло недоумение. Оставшихся воинов только семьдесят человек, возьми всех их и отправься". Войско Маньдукэ достигло крепости Шихань-чэнь, прежде прибытия к оной войска Шитуменя. В это время Дунь-энь шел на помощь к Лю-кэ; узнав о малочисленности войска, Маньдукэ пришел сразиться с ним. Но тогда же на помощь Маньдукэ подошел с войском Шитумень. Они встретили Дунь-эня, сразились с ним и, сильно поразивши его, покорили крепости Шихань-чэнь.

Схватив Дунь-эня и Дигудэ, не убили их, но дали свободу. Агуда, соединясь с Сагаем, вместе вели войну против Лю-кэ, Чжаду и Удубу и всех их уладили; после чего по-прежнему сделалось спокойно. Когда Хэчжэ охранял крепость Асу, к нему пришел с покорностью Мао-дулу. Ашу опять вступил в подданство государства Дайляосского. Енгэ, отправляя своего домоправителя Шилу на помощь к Хэчжэ, говорил: "Если явится дайляосский посол с повелением распустить войско, то, переменявши знамена и одежду наших воинов, сделайте подобные тем, какие у жителей крепости Ашу, и дайляосскому послу не давайте знать о сем". Кроме того, он писал к Хэчжэ: "Дайляосского посла нужно удалить хитростью. Не слушай его советов касательно распушения (распуска - *Ред.*) войска". Действительно, посол дайляосский прибыл с повелением распустить войско. И Енгэ послал генералов Хулу и Мяо-сюня с дайляосским послом в крепость Ашу. Хэчжэ в одежде подданных Ашу явился перед послом дайляосским и гневно сказал Хулу и Мяо-сюню: "Какая вам нужда до междоусобных войн наших поколений? Кто знает вашего тайши⁶⁶ Енгэ?" Схватив копье, он заколол верховых коней Хулу и Мяо-сюнь. Посол дайляосский, испугавшись этого, ушел. После сего Хэчжэ, в продолжение нескольких дней, разорив крепость Ашу и предав смерти его сына Дигубао, ушел с войском обратно. Ашу вторично жаловался на сие дайляосскому государю. Почему дайляосский император снова отправил к Енгэ чиновника цзедуши по имени Илюй⁶⁷. Енгэ, услышав о его приближении, отправился к нему навстречу.

Илюй, касательно крепости Ашу, говорил Енгэ, чтобы из вещей, взятых при нападении на крепость, имеющиеся возвратили, а за недостающие дали плату. Сверх того, за выкуп вины требовал несколько сот лошадей. Енгэ, советуясь со своими приближенными, говорил, что по уплате долга Ашу невозможно будет управлять другими поколениями. Он присоветовал обитателям вод Чжу-вэй и Ту-да⁶⁸ пресечь Соколиный путь и, отправив в дайляосское государство правителя поколения Бе-гу-дэ, научил его говорить, что если хотят открыть Соколиный путь, то, кроме Енгэ - правителя княжества Шен-нуй-чжи, никто сделать сего не в состоянии. Дайляосский государь, не зная хитрости Енгэ, поверил ему.

Он приказал Енгэ наказывать народ, пресекавший Соколиный путь, обещав за это оставить дело о крепости Ашу. Енгэ, отправившись туда, распустил слух, что очистил Соколиную дорогу; между тем, пробыв на звериной ловле, он возвратился в свои владения. В сие лето Лю-кэ со всем поколением пришел в подданство. Дайляосский государь прислал посла к Енгэ с наградою за заслугу, состоявшую в успокоении Соколиной дороги. Тогда Енгэ присланные подарки от двора Дайляосского отдал народу вод Чжу-вэй и Ту-да, отправив с ними человека, который, исправив Соколиный путь, возвратился. Сяо-хай-ли⁶⁹, отложившись от государства дайляосского, вступил в Си-ань. Вскоре за сим прибыл посол от государя Дайляосского с повелением завоевать Сяо-хай-ли. Енгэ, собирая войско, приобрел одного более тысячи; между тем как сначала войско княжества Нюйчжи не доходило до тысячи. Агуда, постепенно возраставший в силах и храбрости, сказал: "С таким войском чего нельзя предпринять!" Войско отправилось на войну против Сяо-хай-ли. В то время несколько тысяч дайляосского войска, нападая на Сяо-хай-ли, не могли взять его, Енгэ говорил к полководцам дайляосским: "Возвратите ваше войско, я один сражусь с Сяо-хай-ли". Полководцы киданьские согласились на сие. Дайляосский чиновник Лю-шоу⁷⁰ отдавал Агуде свои латы; Агуда не принял их. На вопрос Енгэ, почему он не принял, Агуда отвечал: "Надевши его латы и вступивши в сражение, когда одержим победу, скажут, что я по причине их свершил заслугу". За сим, понудив коня, он пошел на пролом неприятеля; при стрельбании из лука поразил стрелою в голову Сяо-хай-ли и, когда он упал с лошади, схвативши его, предал смерти. По разбитии войска послал Алихэманя отвезти голову Сяо-хай-ли в Дайляосское государство. Здесь народ княжества Нюй-чжи узнал слабость войска дайляосского. Енгэ представился дайляосскому императору на рыбной ловле. Государь, щедро одарив Енгэ, пожаловал его в чин ши-сян⁷¹. Дайляосский государь отправил посла раздать чины и награды подданным княжества Нюй-чжи за истребление Сяо-хай-ли. С сего же времени в княжество Шен-нуй-чжи начали приезжать

^{14*} По-кит.: ду-тун-гусай-амбань.

послы из Кореи. Енгэ запретил во всех поколениях употребление частных верительных бланков^{15*}, почтовых станций для разъездов с приказами и заочное решение дел; и постановил для всех одни законы; народ без всякого прекословия следовал оным. Все это было сделано по совету Агуды. Енгэ на десятом году в девятый месяц по наследовании цзедуши скончался. От роду имел пятьдесят один год.

Намерения и поступки четырех правителей, начиная с Угуна и через два преемства до Енгэ, были одинаковы. Твердо соединив рассеянных, они всех образовали по законам своего поколения. При них княжество Нюй-чжи сделалось сильным, распространившись на юго-восток до Илигу⁷², Хэлань⁷³, Елань⁷⁴ и Ту-гу-лань и к северо-востоку до пяти княжеств, Чжу-вэй и Туда.

Кан-цзун

Достоинство цзедуши наследовал Уяшу, сын старшего брата Енгэ. Почтительное название Уяшу было Мао-лу-вань. Он был старший сын Хорибу. Уяшу в это время было сорок три года. Корейское королевство, хотя и считалось в дружбе с нюй-чжи, но иногда случались с оным раздоры. В это время обитатели пяти рек⁷⁵, согласившись с корейским королевством, взяли в плен четырнадцать чиновников княжества Нюй-чжи. На следующий год войско корейское опять пришло воевать против Ши-ши-хуаня, подданного княжества Нюй-чжи. Ши-ши-хуань сразился и разбил оное. И корейский двор, желая снова примириться, возвратил княжеству Нюй-чжи четырнадцать чиновников. Ши-ши-хуань, усмирив пограничных жителей, возвратился. После сего корейский двор прислал послов для поздравления Уяшу с наследованием власти правителя княжества Нюй-чжи. Уяшу в ответ на сие послал от себя послом Бэйлу. Корейское королевство обещало возвратить находившихся у него перебежчиков. Но когда Уяшу прислал за изменниками Аго и Шен-кунь, корейское правительство, нарушив условие, умертвило сих двух послов. После сего корейцы построили девять крепостей⁷⁶ на равнине Хэлань и отправили для нападений несколько десятков тысяч их войска. Но генерал княжества Нюй-чжи Васай разбил их, а Валу также построил девять крепостей, уравнил число оных с крепостями корейскими. Войско корейское вторично пришло для завоеваний, но Васай опять разбил оное. Тогда корейцы сказали: "Отдаем вам обратно всех ваших изменников и все места, проигранные нами прежде; равно выводим войска из девяти крепостей". При таких предложениях со стороны корейцев в девятый месяц войско княжества Нюй-чжи отправилось назад. В седьмое лето, после того как Уяшу наследовал достоинство правителя, был неурожай в хлебе; народ, терпя голод, разбежался и сильные производил грабежи. Хуань-ду и другие хотели, усилив законы, казнить сделавшихся грабителями. Но Агуда говорил, что казнить людей за сокровища не следует, ибо сокровища производятся людьми; и уменьшил вину за грабежи. Положено было за грабеж брать тройной штраф. Народ, во множестве находившийся в бегстве, продавал детей и жен и был не в состоянии уплатить за преступления. Уяшу составил совет о сем с чиновниками. Агуда, севши в передней комнате и привязав к трости шелковый платок, сделал оным знак, чтобы его выслушали и повелительным тоном сказал ко всем: "Для бедного народа теперь нет возможности к пропитанию себя. Между тем, он, испуская свои проступки, продает жен и детей; но тот, кто любит своих родных, имеет с ними одно сердце. Итак, прекратим штраф на три года! По прошествии трех лет мы снова о сем посоветуемся". У всех кто это слышал навернулись слезы, и с сего времени все от души были к нему преданы. Уяшу видел во сне, что он, гонясь за волком, несколько раз стрелял в него и не мог попасть, но выстрелил его младший брат Агуда и убил его. Когда пробудился, он спросил о своем сне своих приближенных. Все отвечали ему, что "сон этот есть предвестник великого счастья, он есть предзнаменование того, что ты сам не получишь престола, но получит оный твой младший брат". Уяшу помер в одиннадцатый год, по наследовании достоинства цзедуши. От рождения имел 53 года. Его младший брат Агуда наследовал чин цзедуши и был возведен в достоинство князя (ду-бо-цзи-ле)⁷⁷.

^{15*} Сии бланки посылались от старшины колена к тем, кому он отдавал какое-либо приказание - в уверенность в несомненности приказа.

I. ИМПЕРАТОР ТАЙ-ЦЗУ

Тай-цзу Агуда почтительное имя было Минь. Он был второй сын Хорибу, имя его матери Наланьши. При дайляосском императоре Дао-цзуне на востоке часто являлись пятицветные облака - величиною с житницу, вмещающую две тысячи мер^{16*} хлеба. Знаток небесных явлений Кун-чжи-хэ, заметив это, тайно говорил другим: "Под сими облаками непременно родился человек необыкновенный, который произведет великие дела: это не есть дело обыкновенное. Небо предсказывает о нём посредством сего знака, коего невозможно произвести силами человеческими". В четвертое лето царствования Сянь-юн дайляосского императора Дао-цзуна - в год У-шень седьмого месяца в первый день родился Тай-цзу Агуда. С малолетства в играх с детьми он равнялся силами нескольким из них вместе; в сидении и стоянии соблюдал степенность. Его отец Хорибу весьма любил его. С десяти лет он получил лук и стрелы; приходя в возраст, он сделался искусен в стрельбании. Однажды дайляосский посол сидел во дворце, увидя, что Тай-цзу Агуда схватил лук и стрелы, велел ему выстрелить в стадо птиц; Тай-цзу Агуда выстрелил за один прием трижды и всякий раз попадал в оных. Дайляосский посол выхвалял его, назвал необыкновенным стрелком. Тай-цзу Агуда был на пиру в доме генерала Холи-хань⁷⁸; увидев за воротами на южной стороне высокий холм, он предложил стрелять в оный; но никто не мог достичь до оногo из лука. Выстрелил Тай-цзу, и стрела перелетела через холм. Когда смеряли до того места, где упала стрела, то оказалось триста шагов. Его меньшей дядя Маньдукэ также был искусен в стрельбании; но, выстрелив, не достиг ста шагов до того места, до коего достигла стрела Агуды. Тай-цзу Агуда наследовал власть правителя. Дайляосский государь прислал Асибао спросить его: "Почему не известил о трауре?" Тай-цзу Агуда на это ответил: "Вы сами не явились сделать жертвоприношение во время траура; и ужели хотите приписать мне вину?" Асибао, прибыв в другой раз, отправился верхом к месту, где лежало тело Уяшу; увидев поставленную там лошадь^{17*}, он хотел взять ее. Тай-цзу Агуда, вознегодовав на это, хотел его умертвить, но сын Уяшу, Мэолянхо, удержал его. С сего времени долго не являлись послы от государства Дайляосского. Дайляосский государь Тянь-цзу любил заниматься охотою, был пристрастен к вину и женскому полу и, не радея о делах правления, был невнимателен к делам, поступающим с четырех концов империи. На второй год в шестой месяц к Тай-цзу Агуде снова прибыл посол от государя дайляосского с вопросом, почему он не известил, когда преемствовал достоинство цзедуши.

Прежде дайляосский двор ежегодно отправлял послов через княжество Шен-нуй-чжи к морю покупать хороших соколов; подданные княжества Нюй-чжи терпели от корыстолюбивых и неистовых послов, кои грабили их беспощадно. Уяшу, рассорившись с Дайляо за невозвращение Ашу, прекратил посольство. Тай-цзу Агуда, по наследовании достоинства правителя, посылал в Дайляосское государство Пу-цзя-ну взять Ашу. В другой раз Тай-цзу Агуда отправил к дайляосскому двору за отложившимся Ашу двух вельмож своего дома: Сигуная и Инь-чжу-хэ. Сигунай, по возвращении оттуда, представил высокомерие и нерадивость государя дайляосского. Агуда, собравши вельмож, объявил им о войне против государства Дайляосского. Пограничный чиновник дайляосский Тун-цзюнь-ши⁸⁰, услышав об укреплении мест, заложении крепостей и заготовлении оружия, прислал цзедуши по имени Нюй-го, спросить Тай-цзу Агуда о причине приготовлений: "Не имеете ли вы, - говорил он, - противных намерений? Какое войско хотите встретить, заготовляя оружие и приготовляясь к обороне". Тай-цзу Агуда ответил ему на это: "К чему спрашивать меня об этом, когда я для собственной защиты делаю укрепления?" Дайляосский двор прислал вторично Асибао с вопросом в княжество Нюй-чжи. Тогда Тай-цзу Агуда сделал ему следующий ответ: "Мы составляем малое княжество и, служа великому государству, не нарушали законы. Но когда великая

^{16*} По-маньчж.: ху. В одном ху заключается три синь, а каждая синь состоит из восьми чашек.

^{17*} Эта лошадь была посвящена Уяшу.

империя, не оказывая нам своих милостей, владеет безвозвратно нашими перебежчиками и изменниками, то чего смотреть небольшому княжеству? Если отдадите нам Ашу, то мы снова будем приходить к вам с данью. Будем ли в самом деле, сложа руки, пребывать в бездействии, когда нас угнетают?" Асибао, возвратясь, пересказал сии слова, и дайляосцы, начиная делать приготовление к войне, приказали чиновнику Тунь-цзюнь-сы, по имени Сяо-да-буе¹⁸, собрать войско в Нин-цзян-чжэу^{18*82}. Тай-цзу Агуда, услышав об этом, отправил Пу-го-ла требовать Ашу и вернее всматриваться в образ их приготовления. Пу-го-ла, возвратившись, объявил, что дайляосского войска бесчисленное множество. Тогда Агуда сказал: "Они только начинают набирать войска, и как могли вдруг столько собрать одного?" После сего он снова послал Ху-ша-бу проверить известие. Ху-ша-бу по возвращении донес, что всего войска из четырех мест чиновника Тун-цзюнь-сы, из Нин-цзян-чжоу и княжества Пухай находилось восемьсот человек⁸³. Агуда отвечал, что это согласно с его словами и, призвав всех военачальников, говорил им: "Дайляосцы, узнав, что мы устроаем войско, собрали из всех мест войска и готовят против нас. Мы нападём на них прежде, чтобы не дать им предупредить нас". Мэолянхо сказал при сём: "Дайляосский государь горд и расточителен и не знает воинского искусства; мы можем взять его. Войска ляосские не в состоянии были взять даже Сяо-хай-ли, и напротив, наше войско взяло его". Слова его все подтвердили. Тай-цзу Агуда, являсь к жене своего меньшего дяди Полашу по имени Пусаши^{19*}, объявил ей о войне против государства Дайляосского. Пусаши говорила ему: "Ты преемствовал отцу и брату; действуй, сообразуясь с возможностью, чтобы восстановить княжество. Я стара, не заставь меня печалиться; ты конечно не сделаешь этого". При сих словах Тай-цзу Агуда прослезился. Взяв за руку Пусаши, Тай-цзу Агуда со всеми полководцами вышел из дому, принял чашу с вином и, обратясь к востоку, произнес молитву к Небу и земле, в которой говорил, что гордый и несправедливый государь не возвращает Ашу, и что поэтому он вооружает против него войска. Совершив моление, Тай-цзу Агуда послал людей с повелением проводить войска из всех поколений.

В лето Цзя-у в девятый месяц Тай-цзу Агуда, проходя с войском к Нин-цзян-чжоу, достиг крепости Ляо-хой-чэн⁸⁴. Соединивши войска всех мест при реке Лайлю⁸⁵, он приобрел две тысячи пятьсот воинов. Тай-цзу Агуда, свидетельствуя пред Небом и землею несправедливости двора дайляосского, говорил: "Мои предки, верно служа государству Дайляосскому, умилили возмущения, произведенные Учунем и Омухань и истребили Сяо-хай-ли. В этом были наши заслуги, но оно их не понимает и, более прежнего грабя и притесняя нас, не отдает нам виновного Ашу. Теперь иду требовать удовлетворения от государства Дайляосского за его поступки по отношению к нам. Духи Неба и земли да помогут мне!" За сим каждому из военачальников, передавая жезл и повелевая оным клясться, говорил: "Вы должны единодушно употребить все силы. Приобретшего заслуги, если он будет раб, сделаю свободным; простолюдина сделаю чиновником; бывшего прежде чиновником возвышу чином; я буду смотреть при сем на важность заслуги. Если ж кто нарушит клятву, тот умрет под сим жезлом, и ничего не останется в его доме". Затем войско отправилось. Когда, достигши места Ва-цзя, стали лагерем, из-под ног людей поднялся огненный свет, осветивший сабли и копыя. Народ называл это счастливым знаком для войска. На другой день, по достижении реки Чжа-чжи, опять явился свет, подобный прежнему. Подходя к пределам государства Дайляосского, Тай-цзу Агуда послал вперед своего старшего сына Вабэнь засыпать пограничный ров. По переходе за оный войска, вышло навстречу войско дайляосское. Оно напало на левое крыло и семь мэукэ^{20*86} войска Нюй-чжи несколько отступили. За сим неприятель устремился на среднюю часть войска. Тогда Се-е, младший брат Тай-цзу, выступил против него на сражение, а амбань Чжэ-те скакал на коне впереди. Тай-цзу Агуда, увидя их, вдающихся в неприятеля, сказал, что нельзя так легко вступать в бой, и послал своего сына Вабэня остановить Се-е и Чжэ-те. Вабэнь, обогнав Се-е, остановил Чжэ-те. При возвращении их с Се-е, начальник дайляосского войска Е-люй-се-ши, преследуя их, упал с коня. Тай-цзу Агуда, убивши из лука дайляосца, бежавшего защищать его, попал случайно в самого Е-люй-се-ши. Кроме того, Агуда прострелил в грудь навылет одного всадника, вперед выступившего. Е-люй-се-ши, вытащив стрелу, пустился бежать, но Тай-цзу Агуда, преследуя, убил его из лука и взял его верхового коня. Когда Тай-цзу Агуда, надев шлема, пустился с несколькими человеками на освобождение Вабэня, окруженного дайляосским войском, в него сбоку выстрелил один из неприятелей; стрела пролетела подле виска, сделав царапину. Тай-цзу Агуда, приметив выстрелившего, убил его из лука и сказал своим военачальникам: "Прекратим сражение тогда, когда совершенно побьем неприятеля". Полководцы, еще с большими против прежнего силами и храбростью, вступили в бой; и неприятели обратились в бегство, взаимно давя в оном друг друга; из десяти человек между ними погибало до семи и восьми. В сие время Сагай, старший сын Хэчжэ, шедший другою дорогою, еще не соединился с Тай-цзу Агуда. Агуда послал к нему человека с известием

^{18*} Нин-цзян-чжэу находится на берегу реки Хун-тун-цзян. Взявши справа крепость Нин-цзян-чжэу, потом производили войну за рекою Цзян.

^{19*} Сюань-цзин-хуан-хэу.

^{20*} Войско княжества Цзинь, составленное из трехсот домов, называлось мэукэ. Десять мэукэ составляли мэнь-ань.

о победе и отправил к нему в подарок коня Е-люй-се-ши. Сагай с радостью говорил всем: "Наше войско, восставшее за правду, по достижении пределов государства Дайляосского при первом сражении одержало победу, отселе началась гибель государства Дайляосского". Сагай отправил к Агуде с поздравлением своего сына Цзунхань и Вань-янь-си-иня и предложил ему принять титул императора. Тай-цзу Агуда, не соглашаясь на это, говорил: "Если принять великий титул потому, что, сразившись однажды, одержал победу, то перед народом покажу свою слабость". Войско Тай-цзу Агуды, достигнув Нин-цзян-чжэу, засыпало ров около оной и сделало нападение на саму крепость. Жители Нин-цзян-чжэу выходили из оной восточными воротами. Генералы княжества Нюй-чжи Вэнь-ди-хэн и Адухань, напавши на них, всех побили. Десятого месяца в первый день взята крепость приступом, имение жителей роздано в награду полководцам и войску. Войско отправилось отсюда обратно. В одиннадцатый месяц Тай-цзу Агуда, услышав, что дайляосский дивизионный генерал Сяо-фу-ли и его помощник Табуе со 100 тысячами войска стали за рекой Я-цзы⁸⁷, отправился против них. Но прежде, нежели достиг реки Я-цзы, наступила ночь, когда Тай-цзу Агуда, склонясь на изголовье, заснул, три раза возвышал голову, как бы кто ее поднимал. Пробудившись, Агуда сказал: "Чистый дух открыл нам будущность". После сего при барабанном бое, зажегши огни, продолжали путь; на рассвете, по приближении к реке, Тай-цзу Агуда послал десять храбрых воинов напасть на дайляосское войско, разрушившее насыпи по дороге. Неприятель обратился в бегство, и главное войско переправилось через реку. Впрочем, из трех отрядов войска Тай-цзу, которое состояло из 3 700 человек, прибыл только один. В этот день поднялся сильный ветер, и пыль закрыла небо. Тай-цзу Агуда во время ветра сделал нападение. Дайляосское войско пришло в смятение и обратилось в бегство. Агуда, преследуя оное, взял в плен военачальников и предал смерти. Во множестве приобретено было экипажей, лошадей, военных доспехов и разного оружия, так что в продолжение целого дня раздавали в награду войску. Прежде дайляосцы говорили, что, когда войско княжества Нюй-чжи возрастет до десяти тысяч, тогда сражаться с ним будет невозможно. В сие время оно возросло до десяти тысяч. Валу, второй сын Хэчжэ, из княжества Нюй-чжи, при поражении дайляосского войска убил дивизионного генерала Табуе. Пухой, вельможа княжества Нюй-чжи, взял приступом Дайляосскую крепость Бинь-чжэу⁸⁸ и заставил явиться с покорностью Ужэ⁸⁹ и Цугуши. Для отнятия Бинь-чжэу пришел дайляосский вельможа Чи-гэу-елл. Тогда Пухой и Хунь-чу вторично вступили в сражение и разбили его. Князь государства Дайляосского Хой-ли-бао из поколения те-ли со всем народом пришел в подданство княжества Нюй-чжи. Вельможи княжества Нюй-чжи Утубу и Пуча на восточной стороне крепости Сянь-чжэу⁹⁰ в другой раз поразили войска дайляосских генералов Чи-гэу-елл и Сяо-и-сюэ. Валу, разбив дайляосское войско, находившееся на западной стороне крепости Сянь-чжэу, убил в сражении чиновника тун-цзюнь-ши, по имени Лэуши. Вельможа княжества Нюй-чжи Вань-янь-лэуши взял приступом дайляосскую крепость Сянь-чжэу. В этом месяце Уцимай, Сагай и Цыбуши со всеми чиновниками убеждали Агуду принять в первый день будущего года Высокий титул; но Тай-цзу Агуда не согласился. После этого Аликэмань, Пуцзяну и Няньмухо, вошедши втроем, говорили Тай-цзу Агуде: "Ты совершил теперь великое дело. Но если ты откажешься от престола, то невозможно будет привязать к себе подданных Империи". На сии слова Тай-цзу Агуда сказал: "Я подумаю".

В лето Жинь-шень (1114) весною первого месяца в первый день вельможи убедили Тай-цзу Агуда воссесть на императорский престол. Государь Тай-цзу тогда сказал: "Дом Дайляосский свое государство назвал бинь-те (стальное). Хотя сталь и крепка, но наконец изменяется, и бывает ломка. Одно только золото (цзинь) неизменно и неломко. Цвет металла цзинь (металла вообще) белый; и наш народ вань-яньский белый цвет считает первым". Итак, он назвал свое государство Великим Государством Цзинь, а первый год своего правления Шэу-го⁹¹.

Тай-цзу отправился для нападения на крепость дайляосскую Хуан-лун-фу^{21*92}; по достижении крепости И-чжэу⁹³, жители крепости И-чжэу убежали из оной в Хуан-лун-фу. Цзиньский государь Тай-цзу, взяв оставшихся жителей крепости И-чжэу, возвратился с войском обратно. Дайляосский государь генералам Елюй-олидо, Сяо-и-сюэ, Елюй-чжан-ну и Сяо-се-фу дал двести тысяч конницы и семьдесят тысяч пехоты и послал их для охранения границ. Цзиньский император Тай-цзу, узнав о сем, сам отправился с войском, и по достижении Западной крепости Нин-цзян-чжэу, остановился на западной стороне оной. Тогда дайляосский государь прислал Сэн-цзя-ну с предложением о мире; в бумаге он назвал государя цзиньского по имени и его государство вносил еще в число своих владений. Когда после сего цзиньское войско двинулось вперед, то сверху ниспал огненный свет в виде шара. Цзиньский Тай-цзу-хан сказал: "Это счастливое предзнаменование; нам помогает Небо". И, возливая воду, он сделал поклонение. В это время между военачальниками и прочими воинами не было человека, который бы не изъявил радости. При приближении цзиньского войска к крепости Далугу⁹⁴, цзиньский государь Тай-цзу вошел на возвышенное место и увидел дайляосское войско, уподоблявшееся по многочисленности густоте облаков или темному лесу. Обратясь назад, цзиньский Тай-цзу сказал своим приближенным: "Дайляосское войско,

^{21*} Хуан-лун-фу называется также Кай-юань.

колеблясь между двумя намерениями, поражено страхом; оно не опасно, хотя и многочисленно". Затем он построил свое войско на высоком холме. Мэолянхо, старший сын Уяшу, с войском своего правого крыла бросился на левое крыло дайляосского войска; войско дайляосское левой стороны отступило. Между тем, левое крыло цзиньского войска зашло с тыла и напало на неприятеля. Тогда правое крыло дайляосского войска вступило в бой и сражалось всеми силами. Цзиньские генералы Лэуши и Иньжухо девять раз врезывались в толстые ряды одного, храбро сражались с оным, но опять отступили. Генерал Нянь-мухэ отправился к ним на помощь со среднею колонною войска. Кроме того, Тай-цзу, отправив к ним с отрядом своего сына Вабэня, привел в смятение неприятельское войско. В то же время Мэолянхо, воспользовавшись случаем, напал на правое крыло дайляосского войска, и войско дайляосское предалось бегству. Цзиньцы, с силами победителей преследуя оное, достигли стана дайляосского; но уже наступил вечер, и лагерь был окружен. На рассвете дайляосское войско в смятении вырвалось из осады и бежало. Цзиньцы, преследуя его, гнали до места А-лоу-гань^{22*} и победили всю пехоту. Они получили при сем в добычу несколько тысяч земледельческих орудий. Тай-цзу-хан, потрепывая Мэолянхо по спине, сказал: "Если б был у меня такой сын, то чего б нельзя было сделать?" И, сняв с себя одежду, надел на него. В этот раз дайляосцы хотели заняться земледелием и, вместе с тем, по временам производить войну, защищая границу. Поэтому-то и приобретены в добычу земледельческие орудия. Во второй луне войско возвратилось.

В третий месяц Тай-цзу Агуда был на охоте при крепости Лю-хой-чен; Мэолянхо ему сопутствовал. Мэолянхо преследовал зайца, за которым, позади него, гнался также вельможа Далань. Пустив из лука стрелу, Далань закричал, что стрела летит, и Мэолянхо, обратившись назад, перехватил летящую в него стрелу и сею стрелою убил зайца. Некто, выстрелив из лука, нечаянно попал в Мэолянхо. Он, ни мало не изменяясь в лице, вытащил стрелу и, опасаясь, чтобы государь, по узнанию дела, не наказал выстрелившего, сказался больным и возвратился в свой дом. Прележав дома два месяца, он выучился в совершенстве письмам дайляосским большим и малым.

В четвертый месяц дайляосский государь прислал Елюй-чжан-ну^{23*}, и в доставленной от него бумаге он писал оскорбительные слова для Тай-цзу. Император Тай-цзу задержал пять человек из присланных с Елюй и, отсылая обратно самого Елюй-чжан-ну, послал с ним письмо, в коем, подобно дайляосскому государю, выражался оскорбительно.

Пятого месяца в первый день император Тай-цзу выехал по причине жары из города, делал поклонения Небу и стрелял из лука в тальник. С сего времени каждый год пятой луны пятого числа, седьмой луны пятнадцатого и девятой девятого, без упущения, делал поклонение Небу и стрелял из лука в тальник.

В шестой месяц вторично прибыл Елюй-чжан-ну из государства Дайляосского; в поданной от него бумаге опять было написано имя цзиньского императора Тай-цзу⁹⁵. Тай-цзу-хан в ответ на сию бумагу также называл по имени государя дайляосского и писал, чтобы он покорился. В седьмой месяц цзиньский император Тай-цзу сделал своего младшего брата Уцимая амбань боцзилеем (амбань-бэйлэ)⁹⁶, цыбуши амаи боцзилеем (амаи-бэйлэ), а Сагая и Се-е - голунь боцзилеями^{24*} (гурунь-бэйлэ). Прибыл в подданство государства Цзинь Чжэу-бэ из места Си-инь⁹⁷. В восьмой месяц^{25*} Цзиньский император Тай-цзу пошел для нападения на крепость дайляосскую Хуан-лун-фу. По прибытии к реке Хунь-тун-цзян не было на оной судов для переправы. Цзиньский Тай-цзу-хан поставил впереди себя человека и за ним, переправляясь сам на пегом коне, сказал: "Идите на то место, куда буду показывать своим бичом". Когда все, следуя за ним, переезжали реку, вода была только по брюхо лошадям. Но после, когда содержатели судов измеряли глубину места, через которое переходили, то не могли достать дна.

В девятый месяц цзиньское войско взяло приступом Хуан-лун-фу. По взятии Хуан-лун-фу отправлен обратно Сяоцзы-ла со следующим ответом: "Если мне (Тай-цзу) возвратите изменника Ашу, то войско отойдет обратно". После сего войско отправилось обратно; по достижении реки, оно перешло через оную по-прежнему.

В двенадцатый месяц дайляосский государь Тянь-цзу, узнав, что взята крепость Хуан-лун-фу, весьма испугался и сам отправился с 700 тысячами войска к месту То-мэнь⁹⁸; зять государя дайляосского Сяо-тэ-мо и амбань Сяо-ча-ла с 50 тысячами конницы и 400 тысячами пехоты стали в месте Ва-линь-лэ⁹⁹. Цзиньский император Тай-цзу, узнав об этом, пошел навстречу и достиг места Яо-ла¹⁰⁰. Здесь, собравши всех военачальников, он составил с ними совет, на котором все говорили ему: "Дайляосского войска, по достоверным слухам, семьсот тысяч; легко встретить его нельзя. В нашем войске от дальнего пути обессилели скот и люди. Лучше ожидать неприятеля в сем месте, вырывши глубокий ров и сделав окопы". Цзиньский Тай-цзу-хан согласился на это и послал Дигуна и Инь-чжуко охранять крепость Далугу. После того

^{22*} В "Лечжуань" сказано, что Мэолянхо гнал дайляосцев до места И-люй-бо-ши.

^{23*} Чжан-цзя-ну.

^{24*} У нуй-чжи знаменитый и великий назывался "амбань"; министр (го-сян) назывался "гулунь". Се-е также был младший брат Агуды, Сагай был внук Угуна. См. Ган-му.

^{25*} В Ган-му: "...в восьмой луне лясоский двор обнародовал указ о начале войны против цзиньцев".

государь сам направился с конницей осведомиться о войске дайляосском и, поймавши дайляосского комиссара, из расспросов у него узнал, что прошло уже два дня, как дайляосский государь Тянь-цзу пошел назад¹⁰¹ по случаю отпадения от него Елюй-чжан-ну^{26*}. В этот день при Шу-цзе-ли, куда цзиньский Тай-цзу-хан пришел на обратном пути, видно было сияние на концах копий. Полководцы говорили: "Если теперь дайляосский государь пошел обратно, то отправимся в погоню и нападём на него во время его смущения". Государь Тай-цзу на сие сказал: "Не встретились и не сразились с идущим на нас неприятелем. Можно ли назвать храбростью, когда, нагнавши его бегущего, с ним сразимся?" Все были пристыжены сими словами и в оправдание говорили: "Мы охотно нападём на него со всем мужеством". Тогда Тай-цзу отвечал: "Если в самом деле хотите преследовать неприятеля, то возьмите с собой немного съестных припасов, лишнего не берите; когда разобьёте неприятеля, то все можете получить, если захотите брать". Все с соревнованием отправились для преследования государя дайляосского и гнались за ним до холма Хубуда-гань¹⁰². В этот раз цзиньского войска было только двадцать тысяч. Цзиньский Тай-цзу-хан говорил: "Их войска много, а у нас мало; разделить наших воинов нельзя. Середина неприятеля чрезвычайно толста и тверда; непременно там должен находиться государь дайляосский. Итак, когда мы поразим середину войска, то достигнем своей цели (ожидания)". После сего он послал вперед войско правого крыла. По сделании оным нескольких нападений, к нему присоединилось левое крыло и вступили в сражение с неприятелем. Дайляосское войско пришло в большое расстройство. Цзиньское войско прорезало середину неприятеля и, сильно поразив дайляосское войско, на протяжении с лишком ста ли горами повалили оное. Победитель приобрел носилки дайляосского императора, множество экипажей, палаток и монгольских¹⁰³ юрт, воинского оружия, дорогих вещей, лошадей и коров. В сем сражении младший брат цзиньского Тай-цзу, Се-е, заколол копьем несколько десятков человек. Вэнь-ди-хань и Дихуде с четырьмя мэокэ освободили Алибэня, окруженного неприятелем. Амбань Вань-янь-мен-гу получил несколько ран, но не переставал мужественно сражаться и по своим заслугам был первым. Сяо-тэ-мо и другие дайляосские полководцы, предав огню свой стан, обратились в бегство. Цзиньское войско возвратилось в Цзя-гу¹⁰⁴.

Цзиньский генерал Са-хэ взял дайляосскую крепость Кай-чжэу^{27*105}. Цзиньский генерал Пулухо осадил город Тэ-линь-чэн¹⁰⁶; начальник оного Цы-лэ-хань бежал. Но когда Пулухо, взяв крепость, захватил жену и детей Цы-лэ-хана, то Цы-лэ-хань явился с покорностью.

1115 год

Второе лето правления Шэу-го¹⁰⁷. В первый месяц Гао-юн-чан¹⁰⁸ из княжества Бохай, будучи чиновником государства Дайляосского, с тремя тысячами войска занял проход Ба-ва-коу^{28*} на пути к Восточной столице¹⁰⁹. Китайские солдаты, находившиеся в Восточной столице^{29*}, не терпели бохайцев и во множестве убивали их. Гао-юн-чан, склонив на свою сторону всех бохайцев и пограничное войско, подступил к Восточной столице и завладел оною. В продолжение нескольких месяцев он приобрел восемь тысяч войска и назвал себя государем, а первый год своего правления - Лун-цзи. После сего Гао-юн-чан послал людей склонять в подданство жителей Хэ-су-гуань^{30*110}. Хэсугуанцы, опасаясь сильного войска Гао-юн-чана, хотели покориться. Начальник хэсугуаньский Хушимэнь собрал людей своего поколения на совет и говорил: "Наши прадеды - Агунай, Сяньпу и Бохори - все три брата произошли из Кореи. Сяньпу, дед императора Тай-цзу, перешел в колено вань-янь^{31*}. Мой дед Агунай остался в Корее и от корейцев перешел в подданство государства Дайляо. Итак, я - потомок одного из трех дедов Тай-цзу^{32*}. Теперь государь Тай-цзу воссел на великом престоле и погибель государства Дайляосского очевидна. Прилично ли мне быть амбанем Гао-юн-чана?" После сего он со своим поколением перешел в подданство к государю Тай-цзу. Хушимэнь говорил Тай-цзу-хану^{33*}: "Наши деды были три брата, кои, разделившись, поселились в разных местах. Я потомок Агуная, а Шутумэнь и Дигунай суть два потомка Бохори". Войско дайляосское помогло победить Гао-юн-чана^{34*}. Гао-юн-чан, вручив богатые дары Табуе и Шао-хэ, послал их просить

^{26*} Елюй-чжан-ну был вскоре разбит на походе к горе (на севере) Сянь-лу-шань Шунь-го - нюйчжисским старшиною Ахучань, и когда, избежав смерти, под именем посла хотел пройти в княжество Нюй-чжи, был схвачен разъездным отрядом и, связанный, представлен в стан императора, где и был казнен.

^{27*} Кай-чжэу подведомственна Восточной столице.

^{28**} Ба-дань-кэу, в Ган-му.

^{29*} Ляо-ян, в Тун-цзян-ган-му.

^{30*} Хэ-су-гуань подведомственна Хой-нин-фу.

^{31*} На кит.: нюй-чжи.

^{32*} По кит. тексту: "Итак, я и Тай-цзу равно потомки трех предков".

^{33*} По кит. тексту: "Он сам говорил Тай-цзу, что их деды были три брата, кои, разлучившись, поселились отдельно, он назвал себя потомком Агуная, а Шутумэня и Дигуная потомками Бохори".

^{34*} По кит. тексту: "Дайляосцы, начав войну с Гао-юн-чаном, долго не могли победить его".

помощи у государя Тай-цзу. Послы прибыли и говорили Тай-цзу-хану: "Наш государь хочет с тобой общими силами завоевать государство Дайляосское". Тай-цзу отправил к нему Хушабу. Хушабу, по прибытии к Гао-юн-чану, говорил ему: "Воевать общими силами против государства Дайляосского, конечно, должно. Но места Восточной столицы близки к нам, и ты, завладевши ими^{35*} принял великий титул, возможно ли это? Если покоришься нам, мы тебя пожалуем князем. Сверх сего ты должен представить нам народ нью-чжи, вошедший в подданство государства Дайляо"^{36*}. Гао-юн-чан не согласился на требования, и Хушабу возвратился обратно. В четвертый месяц цзиньский Тай-цзу сделал Валу^{37*} главнокомандующим над всеми войсками - внутренними и внешними - и отправил его с Дигунаем и Валугу воевать против Гао-юн-чана. Тай-цзу дал им следующее повеление: "Гао-юн-чан обманом принудил последовать за собой пограничное войско и овладел одним углом империи. Он, воспользовавшись случаем, делает приобретения, но таковая хитрость не может быть продолжительна и иметь большой успех; его гибель близка. Бохайский народ, живущий в Восточной столице, издавна полюбил наши добродетели; его легко призвать к покорности. В случае же непокорности идите против него войною; впрочем, напрасно не губите народ". В пятый месяц Валу и его товарищи, идя с войском, встретили войско дайляосское, выставленное против Гао-юн-чана, разбили оное и взяли приступом крепость Шень-чжэу¹¹¹. Гао-юн-чан, услышав о сем, пришел в большой страх; он прислал своего подданного Дола с золотой печатью и пятьюдесятью серебряными медалями и уверял, что он оставляет великий титул и желает считаться заграничным вассалом. В сие время некто Гао-чжень из бохайского княжества пришел с покорностью к Валу и объявил, что Гао-юн-чан покорился ложно, что это его хитрость удержать войско. После сего Валу двинулся с войском вперед. Гао-юн-чан предал смерти цзиньских послов Хушабу и Саба и со всем войском выступил навстречу к реке Яо-лихэ^{38*112}. Цзиньцы заранее успели переправиться через реку, и войско Гао-юн-чана, не сражаясь, предалось бегству. Цзиньцы гнали оное до самой крепости Восточной столицы. На другой день Гао-юн-чан вышел на сражение со всем войском, но снова разбит был цзиньцами. После сего Гао-юн-чан с пятью тысячами конницы убежал на остров Чан-ан-сун-дао¹¹³. Энь-шен-ну и Сянь-го, схватив жену и детей Гао-юн-чана, со всеми жителями Восточной столицы покорились цзиньскому государству. Вскоре за сим Дабуе изловил самого Гао-юн-чана и Долу и представил их цзиньскому главнокомандующему. Гао-юн-чан был предан смерти. После сего все округа и уезды Восточной столицы, равно все поколения нью-чжи южных мест, входившие в число владений государства Дайляосского, покорились государству Цзинь. Государь Тай-цзу предписал уничтожить во владениях Восточной столицы уставы государства Дайляосского и уменьшил оброки, установил мэн-ань и мэукэ и постановил законы своего государства, а Валу сделал дивизионным генералом в южной губернии. Цзиньский ду-боцзиле¹¹⁴ по имени Атухань разбил шестидесятитысячный корпус дайляосский при крепости Чжао-сянь-чэн¹¹⁵. В девятый месяц император Тай-цзу в первый раз ввел в употребление для награды золотые бланки^{39*116}. Сагай и другие вельможи, являсь с докладами, стали на колени перед Тай-цзу. Государь встал и, удерживая их, со слезами говорил: "Вельможи! Я успел завершить великое дело при вашей помощи. Теперь, хотя я и воссел на великий престол, но не могу переменить древних обычаев". Сагай и другие, будучи тронуты, снова встали на колени и сделали поклонение. Когда вельможи делали пиры для Тай-цзу, Тай-цзу всегда ходил на оные, и если хозяин дома делал ему поклон, то Тай-цзу отвечал ему тем же.

Двенадцатого месяца в первый день амбань боцзилей^{40*} Уцимай со всеми чиновниками поднес Тай-цзу-хану титул: Великий и премудрый. Государь, переименовав название лет царствования, будущий год наименовал первым годом правления Тянь-фу. С сего времени утвердились отношения между государем и его министрами.

1116 год

Первое лето Тянь-фу. В первый месяц цзиньский амбань Сахэ усмирив взбунтовавшихся жителей крепости Кай-чжоу. Цзиньский го-лунь боцзилей^{41*} Се-е с 10 тысячами войска взяли приступом дайляосскую крепость Тай-чжэу¹¹⁷. Дайляосский князь Цинь-цин-го-ван по имени Елюй-ней-ли^{42*} шел с войсками на

^{35*} В Ган-му: "Но что ты, завладев ближайшими местами в Восточной столице, принял великое имя - это невозможно".

^{36*} По кит. тексту: "...должен прислать к нам ньючжисца Хутугу, вошедшего в подданство Ляо".

^{37*} Валу - второй сын Хэчжэ.

^{38*} В Ган-му: Хэ-шуй.

^{39*} Это род медалей, кои даются отличившимся на войне воинам и чиновникам. И теперь, подобно сим, употребляются в Китае медали серебряные.

^{40*} Амбань-бэйлэ.

^{41*} Гурунь и бэйлэ.

^{42*} В Ган-му: Елюй-шунь.

Дигуная. Цзиньские амбаны Лоуши и Полухо, соединившись с Валугу в губернии Сянь-чжэу¹¹⁸, встретили войско Елюй-ней-ли и разбили оное. В пятый месяц цзиньский Тай-цзу издал указ следующего содержания: "Тех, кои после взятия крепости Нин-цзян-чжэу взяли жен одних с собой фамилий (т.е. родственников), бить палками и разводить". В двенадцатый месяц Валугу и другие цзиньские генералы вторично разбили войско дайляосского Елюй-ней-ли при горе Цили-шань и взяли город Сянь-чжэу. Жители городов Цянь-чжэу¹¹⁹, И-чжэу¹²⁰, Хао-чжэу¹²¹, Хой-чжэу¹²², Чэн-чжэу¹²³, Чуань-чжэу¹²⁴ и Хой-чжэу¹²⁵ также все покорились. В этот месяц суньский государь Чжао-хой-цзун¹²⁶ прислал в государство Цзинь с письмом своего вельможи Ма-чжэн. Это письмо было следующего содержания: "Мы услышали, что в стране, откуда восходит солнце, родился истинно премудрый государь, и что он беспрестанно побеждает войско дайляосское. Когда совершенно истребится государство Дайляосское, мы бы желали, чтобы нашему ничтожному княжеству были отданы китайские области, отнятые у нас государством Дайляосским во времена пяти царств". Цзиньский государь Тай-цзу послал в царство Сун с ответом своего вельможи Сань-ду. В ответ он писал: "Мы нападём на искомые места с государством Сун с двух сторон, и кто что приобретет, тем и пусть владеет".

1117 год

Второе лето Тянь-фу. В первый месяц государству Цзинь покорился дайляосский амбань Чжан-чун из крепости Шуан-чжэу¹²⁷. В шестой месяц восемьсот домов из четырех городов дайляосских¹²⁸ - Тун-чжэу¹²⁸, Ци-чжэу¹²⁹, Шуан-чжэу и Ляо-чжэу¹³⁰ - перешли в подданство государства Цзинь; их разделили по разным поколениям. В седьмой месяц еще двести домов дайляосских перешли в подданство Цзинь. В девятый месяц цзиньский император Тай-цзу издал указ следующего содержания: "Надлежит учредить комиссию для составления законов и сочинения указов, избравши для сего людей ученых; поэтому чиновники всех мест, по отыскании людей сведущих и со способностями, должны отправлять их в столицу". В девятый прибавочный месяц Сяо-бао-и из колена цзю-бо-си, Элие из колена синь-бэй, китайцы Вань-лю-элл и Ван-ба-лун и киданьцы Тэ-мо и Гао-цун-ю, всякий со своими подчиненными, пришли в подданство государства Цзинь. В десятый месяц китаец Ли-сяо-гун и Бохайской области Эл-гу также со множеством народа пришли в подданство Цзинь. Дайляосский государь Тянь-цзу прислал к Тай-цзу-хану с мирным договором Елюй-нугэ. Цзиньский Тай-цзу не согласился на оный. В двенадцатый месяц пришел в подданство Цзинь дайляосский цзедуши Лю-хун из крепости И-чжэу с тремя тысячами семейств с пограничной дайляосской стражей. В сем же месяце покорились государству Цзинь двадцать тысяч бунтовщиков из места Чуань-чжэу, но когда они снова отложились, цзиньский амбань Чжао-ли истребил их.

1118 год

Третье лето Тянь-фу. В первый месяц пять аманатов из Восточной столицы (Юн-цзи и другие), сблизившись с многими местными жителями, вознамерились отложиться. Тай-цзу-хан, узнав об этом, предал смерти главных злодеев; остальным дал по сто ударов палками и взял половинную часть их имения. В шестой месяц из государства Дайляосского снова прибыл министр Си-ни-ле с грамотой о признании Тай-цзу государем и императорскою печатью. Тай-цзу-хан, рассматривая грамоту, нашел много несообразного и возвратил ее назад¹³¹. Цзиньский Сань-ду ходил послом в государство Сун, и сунский государь пожаловал его чином туань-лянь-ши¹³¹. Когда Сань-ду возвратился, Тай-цзу, будучи недоволен, бил палками Сань-ду за то, что принял чин от государства Сун, и лишил его оного. В седьмой месяц дайляосские амбаны Янь-сюнь-цин и Лоцзы-вэй с их подчиненными пришли в подданство государства Цзинь. Сначала в государстве Цзинь не было письменности, и когда, при постоянном усилении государства, оно вступило в дружественные связи с соседственными дворами, в сношениях с ними употребляло письма дайляосские. Государь Тай-цзу поручил вельможе Си-инь¹³² составить буквы национальные и постановить

¹¹⁸* По Ган-му: Цзянь-чжэу.

¹¹⁹* Сянь-чжэу и Цянь-чжэу были подведомственны Восточной столице; находятся при горе Люй-шань нынешнего Гуан-нин. И-чжэу, Хао-чжэу, Хой-чжэу и Чэн-чжэу подведомственны Линь-хуан-фу; Чуань-чжэу и Хой-чжэу подведомственны Средней столице.

¹²⁰* Сии четыре крепости подведомственны Восточной столице.

¹²¹* Цзиньский государь требовал, чтобы дайляосский государь относился к нему как к старшему брату и в жалованной грамоте о признании его императором назвал его империю Великой Империей Цзинь. Но дайляосский государь назвал его империю в оной (грамоте) Хуандием государства Дун-хуай. Посему Агуда не принял грамоты (см. Ган-му).

¹²²* По Ган-му: Гу-шэнь.

для оных правила^{18*}. Си-инь, держась формы полууставных букв китайских и следуя правилам письма дайляосского, сообразно с наречием своей нации, составил письмена нью-чжи. Когда он представил их Тай-цзу, государь в чрезмерной радости повелел обнародовать оные в империи и подарил Си-инь одного коня и одну одежду.

1119 год

Четвертое лето Тянь-фу. Во второй месяц государь Тай-цзу отправил в государство Сун послами Сыле и Холу. Сыле и Холу возвратились, и вслед за ними прибыл сунский посол Чжао-лян-сы для переговоров о дайляосских столицах Янь-цзин и Си-цзин^{19*}¹³². В третий месяц двор Ляо прислал Сяо-си-ни-ле объявить дому Цзинь, что требуемый им для своего государя титул - Великий и премудрый - одинаков с титулом, который дается по смерти. Тай-цзу этим был недоволен и сказал своим вельможам: "Дайляосское государство при беспрестанном поражении его войск присылало послов просить мира. Но это его хитрость - пустыми отговорками удержать наше войско; нам должно условиться о выступлении против них войною". За сим предписал военной палате (тун-цзюнь-сы) в Сянь-чжэу обучать войска и исправить военное оружие. Он назначил выступить войску в четвертом месяце.

В четвертый месяц Тай-цзу-хан отправился в поход против государства Дайляосского. Вместе с войском следовали за ним и послы: дайляосский Си-ни-ле и сунский Чжао-лян-сы. В пятый месяц Тай-цзу, по достижении западной стороны реки Хунь-хэ¹³³, отправил вперед Мэолянхо, сына своего старшего брата, для очищения окрестностей столицы Шан-цзин^{50*}. Пришедшему с покорностью Маи он вручил манифест и послал его объявить оный в дайляосской столице Шан-цзин¹³⁴. Мэолянхо, идя вперед, встретил пятитысячный отряд дайляосский и вступил с оным в сражение. К нему вскоре подоспело главное цзиньское войско, и отряд дайляосский был разбит. Император Тай-цзу, достигши столицы Шан-цзин, послал воззвание к жителям столицы следующего содержания: "Государь дайляосский погрел законы; чиновники и народ ропщут против него. Со времени образования мною войска, я брал войною тех, кои, надеясь на твердость стен городских, мне не сдавались. Сдавшихся я миловал, и вы, конечно, слышали об этом. Ныне ваше государство просит мира, но, между тем, беспрестанно обманывает меня. Я не хочу, чтобы народ империи неожиданно встречал бедствия, подобно как от воды и огня. Посему, оставив хитрость, решился объявить войну. В настоящее время я неоднократно посылал Мэолянхо и других призывать вас, но вы их не слушали, за что, по нападении на вас, город истребится. Воюя за правду, я не терплю вреда для народа, посему ясно свидетельствую перед вами о бедствиях и счастье. Подумайте о сем со вниманием". Хотя Тай-цзу и послал с сим воззванием человека, но жители столицы Шан-цзин, надеясь на большое количество съестных припасов и на свою готовность к обороне, твердо решили защищать ее. Тай-цзу, по приказании своим войскам напасть немедленно на крепость, сказал послам дайляосскому и сунскому: "Посмотрите на действия моих войск и решитесь - при мне остаться или уйти". За сим государь удалился от них к крепости. Он сам отдавал повеления полководцам и в продолжении целого дня со всем войском делал приступы. Уже вечером генерал Шэ-му, взойдя прежде других со своей командой на крепость, взял внешнюю стену. Тогда охранявший границу комендант Дабуге сдался со всем городом. Сунский посол Чжао-лян-сы, схвативши рюмку с вином, провозгласил тост за императора. В сей день государь объявил прощение всем чиновникам и народу столицы Шан-цзин^{51*}. Цзиньское войско пошло далее, но, по достижении реки Во-хэ, сын государя Тай-цзу по имени Вабэнь со всеми генералами убеждал его прекратить поход. "Места, - говорил он, - отдаленные и время жаркое. Скот и люди изнурились. Когда зайдем далеко в неприятельские владения, опасно, чтобы не случилось затруднений по прекращении съестных припасов". Тай-цзу согласился на убеждения и возвратил войско. В восьмой месяц цзиньские генералы Бэйда и Ута разбили дайляосского генерала Юй-ду, преследовавшего Шэ-му до реки Ляохэ. В девятый месяц некто Шилигуда из колена Чжу-вэй, умертвив двух генералов цзиньских Чэу-ва и Пухудэ, отложился. Тай-цзу дал войско Валу и послал его наказать Шилигуда. Валу разбил Шилигуда и казнил четырех главных

^{18*} Впоследствии в царстве Нью-чжи изображены буквы меньшие, посему буквы Гу-шэня названы большими (см. Ган-му).

^{19*} Янь-цзин иначе - Северная столица; столица Западная (Си-цзин) была в Дайтуне (в Шань-си).

^{50*} Шан-цзин находится за границей на северо-западе, в 3 - 10 ли от крепости Гуан-нин.

^{51*} Император отправил после сего вместе с Чжао-лян-сы в государство Сун своего посла Боцзинь для переговоров о начале с двух сторон войны против Ляо и о годовых подарках. Сунское государство хотело, чтобы по нападении с двух сторон на Ляо государство Цзинь взяло себе Да-дин-фу, а ему уступило Сы-цзинь-фу. Цзиньский государь на сие согласился и отправил с Чжао-лян-сы своего посла для окончательных переговоров. При сем он обещал выступить против Ляо из Сун-линь, через проход Ху-бэй-кэу¹³⁵ и требовал, чтобы сунское войско также напало на места Бай-гэу (см. Ган-му).

злодеев, между остальными водворил спокойствие. В одиннадцатый месяц комендант Восточной столицы просил, чтобы жителям столицы возвратили детей, взятых заложниками, и чтобы на смену их позволили представить других, но Тай-цзу не согласился на это. Он говорил: "Дети, взятые аманатами, завели дома и пашню. Переменять их, значит сделать для них беспокойство. Пусть остаются по-прежнему".

1120 год

Пятое лето Тянь-фу. В четвертый месяц генерал Няньмухо говорил императору: "Дайляосский государь утратил добродетели, и любовь подданных к нему остыла. Мы начали войну и совершили великое дело. Но когда не истребили главного корня, то впоследствии непременно могут произойти бедствия. В настоящее время, воспользовавшись несогласием государя дайляосского с народом, следует взять его. Не должно пренебрегать временем и действиями народа!" Государь Тай-цзу изъявил согласие на сии слова. Пятого месяца, в пятый день государь Тай-цзу стрелял из лука в тальник. При угощении после всего всех вельмож император, обратясь к Нянь-мухо, говорил: "Мы теперь решились; я отправляю войско на Запад. Твои представления всегда были согласны с моим мнением. В нашем роде, хотя и есть старше тебя, но должность главнокомандующего прилична только тебе, для других она трудна. Итак, ты приготовь войско и ожидай дня выступления". Император надел на него свою одежду.

От государства Дайляосского отложился дивизионный генерал Елюй-юй-ду^{52*} и поддался государству Цзинь.

В пятый прибавочный месяц помер голунь-хулу боцзилей по имени Сагай. Государь Тай-цзу отправился к нему на боевом коне. При совершении с горьким плачем жертвоприношения, государь посвятил его духу своего коня. В шестой месяц государь Тай-цзу назначил помощником в правлении своего младшего брата Уцимая и дал ему следующее наставление: "Ты - мой младший брат от одной матери. Если судить по справедливости, мы состоим из одной плоти. Я сделал тебя своим помощником в правлении. За всякое нарушение воинских обязанностей подвергай нарушителя должному наказанию, верно исследовав его проступок; во всех других делах, больших и маловажных, следуй древним постановлениям нашего княжества!" Шэе император сделал хулу боцзилеем¹³⁶, Пуцзяну (сына Хэсуна) - у-боцзилеем¹³⁷, Няньмухо - и-лай боцзилеем¹³⁸. Няньмухо, вторично представляя государю о войне, говорил: "Все войска наши, находясь долгое время в бездействии, заняты мыслью о войне; скот также утучнел. Возьмем в это время среднюю столицу дайляосскую". Амбани возражали против этого: "По причине стужи в настоящее время воевать невозможно". Но Тай-цзу не согласился с ними и принял слова Няньмухо. Он сделал своего младшего брата Шэе главнокомандующим над всеми войсками, Пуцзяну, Няньмухо, Вабэня, Валибу и Пулухо сделал его помощниками. Государь говорил к ним: "В правлении государства Дайляосского нет порядка; народ и духи оставили оное. Ныне я хочу соединить внутренние и внешние области империи. По сей причине, давши вам войско, посылаю вас на войну против него. Со вниманием и осторожностью производите дела воинские и с разбором пользуйтесь военными расчетами; выполняйте неуклонно награды и наказания, не доводите войско до недостатка в припасах; не притесняйте покорных и не делайте грабежей без нужды. Идите вперед, когда видите к тому возможность, и не медлите в выполнении условий между собой; не доносите мне о том, когда найдете приличным отважиться на какое дело, вопреки обыкновенному порядку. Если вы возьмете Среднюю столицу дайляосскую, прежде всего отправьте ко мне через почту найденные в оной разные сосуды и музыкальные инструменты, употребляемые при жертвоприношениях, географические карты, книги и законы". После сего все генералы выступили с войском в поход^{53*}.

1121 год

Шестое лето Тянь-фу. В первый месяц цзиньский главнокомандующий Шэе разорил три крепости дайляосские Гао¹⁴⁰, Энь^{54*} и Хой-хэ, взял Среднюю столицу^{55*} и крепость Чэ-чжэу¹⁴¹. Во второй месяц

^{52*} Елюй-юй-ду в то время находился при войске. Он был оклеветан вместе с другими в том, что хочет утвердить на престоле Цзинь-вана. Услышав, что государь казнил тех, кои вместе с ним были оклеветаны, Елюй-юй-ду из страха к смерти, взявши с собою более тысячи всадников, бежал из Сянь-чжэу и покорился Цзинь. Тогда Тай-цзу сказал чиновнику Ду-тун-сы, крепости Сянь-чжэу: "С покорения Юй-ду дела государства Ляо сделались открыты, и я решился сам идти воевать против Ляо. Ты, устроив войско, ожидай дня наступления". Но вскоре после сего пошли дожди, и государь сам не решился идти на войну.

^{53*} В Ган-му прибавлено: "Елюй-юй-ду был их путеводителем".

^{54*} Гао-чжэу и Энь-чжэу подведомственны Средней столице.

^{55*} Средняя столица находится теперь за Юн-нин, вне границ.

Няньмухо и другие цзиньские генералы разбили войска дайляосских Си-вана и Сяо-лю при Бэй-ань-чжэу¹⁴², и жители города сделались цзиньцами. Дайляосский правитель Элила пришел с своим коленом в подданство Цзинь. Главнокомандующий над всем войском Шэе, отправив гонца к Тай-цзу-хану с известием о победах, прислал с ним приобретенные сокровища. Тай-цзу послал к нему следующий манифест: "Я весьма радуюсь, что вы по отходе с войском, выполняя поручения, на вас возложенные, взяли крепости и водворили спокойствие в народе. Согласно моему повелению, призовите к покорности все поколения по южную сторону гор, отправив туда отдельный корпус. По водворении спокойствия между ними вновь донесите об этом. Если теперь нельзя идти на северную сторону гор¹⁴³, то, ставши лагерем, откармливайте скот; дождавшись осени, выступите вперед с главной армией. И основательно между собою посоветовавшись, если увидите возможность, начинайте действия. Если потребуется прибавить войска, то донесите мне о числе оногo. Конечно, нельзя слишком полагаться на то, что, однажды сразившись, одержали победу. Вновь покорившихся старайтесь приласкать к себе. Внушите мои слова всему войску".

Няньмухо, находясь в Бэй-ань-чжэу отправил Си-иня^{56*} и других на опустошение окрестностей, в коих они поймали дайляосского амбана Синилея. При допросе Синилей говорил: "Дайляосский государь ныне занимается охотой в зверинце Юань-ян-ли^{57*144}. Он умертвил своего сына Цзинь-вана из ненависти к нему за то, что он был хорош и все к нему были расположены; после чего у всех любовь к нему охладела. Хотя у него и есть войска в двух губерниях на западе, но все сии войска составлены из стариков и слабых^{58*}. Няньмухо, отправив к главнокомандующему Шэе человека, доносил ему: "Хоть дайляосский государь и стеснен в Шань-си, но он, как слышно, постоянно занимаясь охотой, не помышляет о своей гибели. Так как он умертвил своего сына Цзинь-вана, то любовь к нему народа и чиновников переменилась. Я ожидал твоих распоряжений касательно нападения и взятия его. Впрочем, пропустивши время, трудно будет воевать против него. Посему, в случае твоего несогласия, я один отправлюсь против него с малым числом войска". Шэе последовал его совету и в третий месяц выступил с войском через Цинлин¹⁴⁷. Няньмухо прошел через Пяо-лин^{59*}. Преследуя государя дайляосского, когда они достигли Юань-ян-лэ, то дайляосский император бежал к Западной столице. Няньмухо гнался за ним до Бо-шуй-ли^{60*}, но не мог нагнать. При сем он захватил все сокровища государя дайляосского. Цзиньское войско достигло Западной столицы, и жители столицы покорились, но вскоре после сего опять отпали. В сей луне дайляосский князь Цинь-цзинь-го-ван, по имени Елюй-не-ли^{61*}, объявил себя императором в столице Янь-цзин^{62*}. В цзиньском войске оказался

^{56*} В Гань-му: Гу-шэнь.

^{57*} В Гань-му: Юань-ян-лэ.

^{58*} В то время, как цзиньское войско овладело Средней столицей и крепостью Чжэ-чжэу, ляосский государь охотился в Юань-ян-лэ. Юй-ду вместе с Лэу-ши неожиданно приблизились к сему месту. Тогда, при беспокойстве государя, чиновник шу-ми-ши¹⁴⁵ по имени Сяо-фын-сянь уверял его, что Юй-ду прибыл с намерением возвести на престол Цзинь-вана Ао-лу-ва, сына своей свояченицы. Посему, если государь для выгод престола не пожалеет пожертвовать своим сыном, то можно будет без сражения заставить Юй-ду возвратиться. Поелику в это время открылся заговор Елюй-саба, который также хотел утвердить на престоле царевича Ао-лу-ва, то Император и повелел умертвить Ао-лу-ва. Приверженцы Цзинь-вана советовали ему бежать, но царевич не согласился: "Могу ли, - отвечал он, - преступить долг сына и вассала?" И за сим спокойно отдался на смерть. Елюй-саба и его сообщники также были преданы казни. Цзинь-ван был утехой для всего народа; когда в войске узнали о его смерти, то все плакали. С его смертью погибла и надежда народа. Когда Юй-ду, предводительствуя цзиньским войском, дерзнул напасть на дворец своего государя, государь ляосский с пятью тысячами конной стражи бежал в Юнь-чжунэ¹⁴⁶ (из Ган-му).

^{59*} Он соединился, по условию, с главнокомандующим Шэе в Ян-чэн-лу. Ляосский государь находился в это время в Юн-чжуне. Услышав о переходе цзиньского войска через хребет на западе, он ушел в Бо-шуй-лэ. Отсюда, по приближении Няньмухо с 6 тысячами отборного войска, он уклонился к горе Цзя-шань (из Ган-му).

^{60*} В Ган-му: Бо-шуй-лэ.

^{61*} В Ган-му: "...назван Елюй-чунь".

^{62*} По уходе императора дайляосского в Юн-чжун, повелено было министру Чжан-лин и чиновнику цань-чжи-чжэн-ши по имени Ли-чу-вэнь управлять столицей вместе с Елюй-чунь. Лю-чу-вэнь, узнавши, что государь прошел к горе Цзя-шань и его указы не достигают столицы, при помощи своего брата Ли-чу-нэнь и сына Ли-ши склонил корпусного генерала Сяо-ва вместе с войском возвести на престол Елюй-шуня. Министр Чжан-лин сперва согласился только сделать Елюй-шуня временным правителем империи, но при настойчивости он не смел долго сопротивляться и изъявил свое согласие. После чего вместе с главными вельможами Елюй-да-ши, Цзо-ци-чун, Юй-чжун-вэнь, Цзао-и-юн и Кан-гун-би, со всеми чиновниками и войском отправились во дворец Елюй-шуня и настоятельно убедили его принять престол императорский. Елюй-шунь долго не соглашался на это, но, наконец, должен был уступить требованиям. Его назвали императором Тянь-си-хуан-ди, а лето правления Тянь-фу. Елюй-шунь отделил себе во владение область Яньскую, Юнь-чжун, места Восточной столицы и Ляо-си. Государю ляосскому остались только северная сторона Шамо¹⁴⁸ и все поколения юго-западные и северо-западные, управляемые военными палатами (чжао-тао-фу) двух столиц. Елюй-шунь отправил посла ко двору Цзинь и просил принять его под свою защиту, но двор цзиньский не отвечал ему.

недостаток в провианте. Составили совет, на котором все изъявили желание оставить осаду Западной столицы, один Мэолянхо говорил: "Западная столица есть место собрания всего народа. Если мы, оставив ее, удалимся, любовь народа к нам охладет, и оставшиеся в подданстве государства Дайляосского, воспользовавшись случаем, нападут на нас вместе с княжеством Ся¹⁴⁹. Лучше сделать нападение, поощрив воинов значительной наградой". Вскоре после сего ночью ниспал в Восточную столицу огонь в виде хлебной меры, издававшей от себя большой свет. Мэолянхо, увидев это, говорил, что сие явление есть признак падения крепости. И вместе с Няньмухо сделал нападение на крепость. Младший брат государев Шэму прежде всех вошел с своим войском на стену и завладел оной.

В этот месяц главнокомандующий Шэе из Западной столицы возвратился в Бо-шуй-лэ. Цзиньский Пуцзяну производил опустошения в колене пи-ши при Те-люй-чуань и был разбит от неприятеля, на возвратном пути он соединился с корпусом Чала и, вновь настигнув войско поколения пу-ши при реке Хуан-шуй, сильно поразил оное. Покорившийся государству Цзинь генерал Елюй-тань, призывая к покорности юго-западные поколения, прошел на запад до царства Ся. Ему покорился Елюй-фо-дин. Елюй-тань нагнал и захватил с лишком четыре тысячи человек китайского войска, бежавшего из крепостей Цзинь-су и Си-пинь¹⁵⁰. Цзиньские амбани Шэму и Лэуши призвали в подданство жителей четырех городов дайляосских - Тянь-дэ, Юнь-хэй, Нинь-бянь и Дун-шен^{63*151} - и захватили Асу. Цзиньские воины, не узнавая его, спрашивали: "Кто ты?" Асу отвечал: "Я злой дух, истребивший государство Дайляосское". В сие время, хотя и покорились государству Цзиньскому все крепости и обитатели всех поколений в губернии Шань-си, но расположенность народа еще была ненадежна. Дайляосский государь стоял при горе Инь-шань¹⁵². А Елюй-ней-ли находился в столице Янь-цзин. Посему главнокомандующий Шэе отправил третьего сына Тай-цзу, Валибу, просить к войску самого государя. В пятый месяц Валибу донес Тай-цзу-хану о победах, одержанных над неприятелем, и все явились к государю с поздравлением. Тогда государь говорит: "Надобно отдать честь Валибу, проехавшему с десятком всадников несколько тысяч ли от места сражения". Государь угощал всех чиновников обедом. Валибу доносил государю: "Мы только утвердили за собой губернию Юнь-чжун^{64*}. Но войска дайляосского по разным местам находится несколько десятков тысяч, и говорят, что сам государь дайляосский держится между Инь-шань и Тянь-дэ. Между тем, Елюй-ней-ли сделался государем в столице Янь. Приверженность вновь покорившихся нам народов ненадежна. Посему все полководцы хотят, чтобы государь сам прибыл в Юнь-чжун". От Елюй-ней-ли прибыл посол с предложением распустить войско. Тай-цзу отправил к нему Ян-мэня с письмом, коим советовал Елюй-ней-ли покориться. Шестого месяца в первый день Тай-цзу-хан, отправляясь на войну против государства Дайляосского, поручил правление государством Уцимаю. Государь послал следующий манифест к чиновникам и народу столицы Шан-цзин: "По воле Неба ведя войну, я утвердил за собой три столицы. Но еще не приобрел государства Дайляосского, поэтому не могу распустить войско. В настоящее время я хотел отправиться к войску по дороге, лежащей вблизи столицы Шан-цзин, но из опасения, чтобы вновь приобретенные подданные в страхе и сомнении не убежали из своих жилищ, я вышел через Дунилюю. По получении сего указа да явится из своих убежищ те, кои после покорения снова отложились, удалились в ущелья гор. Проступки их будут забыты. Но если кто и после сего не послушает моего указа, то его дети и жены будут казнены без исключения". В сем месяце помер дайляосский Елюй-ней-ли. Король царства Ся дал своему генералу Ли-жинь-фу 30 тысяч войска и послал на помощь государству Дайляю. Когда Ли-жинь-фу достиг крепости Тянь-дэ, цзиньские генералы Валу и Лэоши, соединившись, поразили войско Ся и, преследуя оное до места Е-гу, побили несколько тысяч человек. При переходе войска Ся через канал, вдруг разлились воды, и солдат потонуло великое множество. В седьмой месяц китайский генерал Мао-ба-ши с лишком с двумя тысячами семейств из дайляосской столицы Шан-цзун перешел в подданство Цзинь. Цзиньский генерал Си-инь представил Тай-цзу-хану Асу. Государь бил Асу палками и потом отпустил. В восьмой месяц Тай-цзу прибыл в место Юань-ян-ли. Главнокомандующий Шэе со всеми чиновниками представлялся государю. Тай-цзу, отходя для преследования дайляосского государя в Дай-юй-ли^{65*}, отправил вперед Пуцзяну и Валибу с 4 тысячами войска. Пуцзяну и Валибу с своим отрядом, идя безостановочно в продолжении дня и ночи, чрезвычайно измучили лошадей. Они нагнали государя дайляосского в Ши-нянь-и¹⁵³. Но из четырех тысяч цзиньского войска прибыла только одна тысяча, а войска дайляосского было более двадцати пяти тысяч, которое только что расположилось лагерем. Пуцзяну составил совет с военачальниками. На оном Юй-ду говорил, что большая часть войска еще не подоспела, притом люди и скот обессилели, почему дать сражение невозможно. Но Валибу на сие возразил: "Мы нагнали государя дайляосского, но если не сразимся теперь с ним, то, по наступлении ночи, он убежит, и тогда нам не настигнуть его". Немедленно после сего он вступил в сражение на коротком оружии. Дайляосское войско в несколько рядов окружило его, и цзиньские воины дрались

^{63*} Сии четыре города находятся в Шань-дуне.

^{64*} Юнь-чжун есть губерния Дай-тун.

^{65*} По Ган-му: Дай-юй-лэ.

отчаянно. Дайляосский государь, полагая, что малочисленность войска Валибу непременно будет разбита, спустился с холма вместе со своими воинами посмотреть на сражение. Юй-ду, показывая его военачальникам, говорил: "Там поставлены знамя и зонтик дайляосского императора. Если мы общими силами нападём на него врасплох, то можем достигнуть своей цели". За сим конница бросилась вперед. Дайляосский государь, увидев оную, пришел в большой страх и предался бегству, войско дайляосское также рассеялось. Валибу и другие возвратились. Тай-цзу говорил им: "Дайляосский государь ушел недалеко. Немедленно идите за ним в погоню". Валибу с тысячею воинов снова был отправлен для преследования его. Находившийся в Средней столице цзиньский генерал Хунь-чу разбил шестидесятитысячный корпус дайляосского генерала Си-хань¹⁵⁴ при Гао-чжэу. Государству цзиньскому покорилось дайляосское колено дэли-дэмань. Пуцзяну и Валибу гнались за дайляосским государем до Ули-чжи-до, но не могли нагнать его. В девятый месяц Тай-цзу-хан достиг места Цао-ли. Цзиньский генерал Шэму водворил спокойствие между отложившимися поколениями Средней столицы и призвал к покорности города Цзюнь и Сян в Чжун-хай (около моря)¹⁵⁵. Дайляосский правитель Елюй-шенъ со своими поколениями покорился Цзинь. Император Тай-цзу послал к любусийцам¹⁵⁶, жившим в Гуй-хуа-чжэу^{66*157}, указ следующего содержания: "Только что покорившись, вы снова отпали и увлекли за собой умы всех. Такой проступок непростителен. Но вы покорились недавно и еще не могли знать моих уставов. Итак, я снова призываю вас. Если покоритесь немедленно, то забуду ваш проступок, а чиновников по-прежнему оставлю при должностях". Жители крепости Гуй-хуа-чжэу покорились. Цзиньский Тай-цзу достиг крепости Гуй-хуа-чжэу. Получив здесь известие, что болен Мэолянхо, он отправился к нему, но еще до прибытия государя Мэолянхо помер на сороковом году от рождения. Государь не успел увидеть его и, оплакивая, говорил ко всем вельможам: "Сын моего старшего брата был не в пример рассудительнее других и храбр на войне; я не находил ему подобных". Император увеличил для него число похоронных наград^{67*}. Он повелел своему зятю Шицзяну перевезти труп Мэолянхо в крепость Гуй-хуа-чжэу, где и был погребен оный, а на месте смерти воздвиг храм божеству Фо. Мэолянхо был величествен по наружности, красноречив и рассудителен; был почтителен к родителям и старшим, оказывал снисхождение к низшим и вообще был ко всему внимателен. За сие все его любили и почитали. Государству Цзинь покорились жители Фэн-шэн-чжэу. Десятого месяца в первый день Тай-цзу-хан, прибывши в крепость Фэн-шэн-чжэу¹⁵⁸, послал из оной в Юй-чжэу^{68*159} манифест следующего содержания: "Я беспреданно посылаю к полководцам с повелением, чтобы они, водворяя спокойствие, оказывали милости и не делали притеснений и обид. Но глупый народ не понимает меня и более прежнего убегает в горы и леса. Я не желаю, чтобы из-за этого выступали войска. Я буду миловать бежавший народ, не различая его преступлений. Приведшему с собою в покорность других, я дам наследственное достоинство; если же придет с покорностью раб прежде своего господина, сделаю его свободным". После сего жители крепости Юй-чжэу покорились. В двенадцатый месяц цзиньский Тай-цзу-хан, отходя на завоевание столицы Янь-цзин, дал своему третьему сыну Валибу семитысячный отряд войска и отправил его вперед. Дигуная послал к заставе Дэ-шэн-кэу¹⁶⁰, а Иньчжугэ - к крепости Цзюй-юн-гуань¹⁶¹. Лэоши назначил командиром левого крыла, а Полуху - правого. Когда Тай-цзу достиг заставы Цзюй-юн-гуань, обвалилась сама собой каменная скала и задавила множество дайляосского войска, охранявшего границу. Войско дайляосское, не сражаясь, пришло в беспорядок. Княгиня Сяо-дэ-фэй^{69*162}, освободившись из крепости, ушла в Тянь-дэ-цзюнь. Дайляосский главнокомандующий Гао-лю с другими представил Тай-цзу-хану лист с изъявлением покорности. Тай-цзу-хан, прошедши заставу Цзюй-юн-гуань, достиг столицы Янь-цзин и вступил в оную южными воротами. Иньчжукэ и Лэоши приказал расставить по стене войска до южной стороны оной^{70*}.

^{66*} Гуй-хуа-чжэу подведомствен Западной столице.

^{67*} Государь по смерти какого-либо заслуженного человека дарит ему на похороны разные вещи и деньги и, кроме того, жалует титулами; это называется "похоронными наградами".

^{68*} Фэн-шэн-чжэу и Юй-чжэу подведомственны были Западной столице.

^{69*} Сяо-дэ-фэй была женой Елюй-ней-ли. По смерти его она была сделана императрицею и управляла государством.

^{70*} Из Ган-му¹⁶³ (Сюань-хэ, четвертое лето, в одиннадцатый месяц): "Вследствие условий между государствами Сун и Цзинь напасть с двух сторон на Ляо, сунский главнокомандующий Тун-гуань дважды начинал производить войну в области Янь. И все без успеха. Опасаясь подвергнуться за сие суду, он тайно послал от себя в государство Цзинь Ван-хауня и просил оное по условию вместе сделать нападение. Тогда цзиньский император, разделив войско на три дороги, пошел вперед. Императрица дайляосская Сяо-дэ-фэй пять раз представляла государству Цзинь утвердить на престоле (вместо ее) Цинь-ван-елюй-дина, но цзиньский государь не согласился. Посему дайляосцы назначили для защиты сильное войско в заставу Цзюй-юн-гуань. По достижении оной цзиньским войском, обвалилась каменная скала и множество истребила оберегательного войска. Ляосцы без сражения пришли в беспорядок. Цзиньский государь, вступивши в Янь-цзин, повелел Иньчжукэ и Лэоши разместить войско по стене; сам остановился в южной части крепости. Сяо-дэ-фэй вместе с Сяо-ва убежала в Тянь-дэ через заставу Губэй-кэу. Таким образом, все пять столиц дайляосских сделались собственностью дома Цзинь. Цзиньский государь отправил обратно Чжао-лян-сы в сопровождении конницы и велел притом взять пленников ляосских".

Дайляосские министры Цзо-ци-гун, Юй-чжун-вэй, Цао-юн-и, Чжан-янь-чжун, Кан-гун-би и Лю-янь-цзун со всеми вельможами представили доклад с изъявлением подданства. Все чиновники дайляосские собрались у ворот военного министерства и, сознаваясь в своем проступке, сделали поклонение. Император объявил всем им прощение и оставил при прежних должностях. Государь Тай-цзу избрал для своего пребывания дворец Дэ-шэн-дянь. Все его вельможи явились к нему с поздравлением. Тай-цзу-хан послал Цзо-ци-гуна склонить в подданство округи и уезды Янь-цин. Ляосцы вознамерились снова завладеть Фэн-шэн-чжэу¹⁶⁴. Елюй-да-ши пришел с войском для нападения на сию крепость и стал лагерем в двадцати пяти ли на восток от ворот Лун-мэнь. Цзиньский генерал Валу, узнав о сем, отправил против него Чжаоли, Лэоши и Махэшана. Выиграв сражение, они взяли в плен Елюй-да-ши и все войско заставили сдаться. В то же время отложились жители Хуань-лун-фу. Цзинь-фу, девятый сын императора Тай-цзу, усмирив их войною.

1122 год

Седьмое лето Тянь-фу. В первый месяц дайляосский князь Си-ван Хой-ли-бао назвался императором. Тай-цзу предписал указом главнокомандующему Валунь взять против него меры и не позволить ему удалиться. Кроме того, он писал самому Хой-ли-бао, чтобы он покорился. Государству Цзинь покорился дайляосский правитель Пин-чжэу¹⁶⁵. Государь Тай-цзу манифестом объявил прощение жителям Пин-чжэу^{71*}. Тогда же он послал указ к Уцимаю, в коем писал следующее: "Я отправил нашего младшего брата Удубу^{72*} переселить народы всех поколений на восточную сторону гор. Но буйный Удубу безумно произвел тревогу, и народ, много терпя от него, отложился. Он нарушил мое повеление, потерял множество народа. За это надлежит предать его строгому суду. Но если скажется какое-либо сомнение в сем деле, то, заключивши его, подожди наказывать". Около сего времени покорились государству Цзинь жители крепости Чжи-чжэу, но потом отложились снова, распустили слухи в народе, что цзиньцы, по взятии крепости, сначала оказывают милости, но потом с насилием грабят. В опровержение сих слов вельможа Шилиай публично выхвалял добродетели государя Тай-цзу, но народ не верил. Посему Шилиай представил Тай-цзу-хану доклад следующего содержания: "Нет другого средства к усмирению народа, как издавши манифест и разослав с оным особых чиновников, объявить о ваших царских добродетелях и справедливости. Но после, когда будем воевать с государством Сунским, пусть оказывают милости тем, кто покорится, и побеждают только тех, кои сопротивляются. Таким образом, менее будет трудов для войска, и империя будет спокойна". Государь Тай-цзу, прочитавши доклад, весьма одобрил оный и посредством воззваний к народу восстановил спокойствие во всех поколениях. Цзиньскому государству покорились И-чжэу¹⁶⁶, Цзинь-чжэу^{73*167}, Сянь-чжэу, Чэн-чуань, Хао-чжэу и Цянь-чжэу¹⁶⁸. Государь Тай-цзу издал указ следующего содержания: "Во всех поколениях недавно покорившихся округов умы народа еще не успокоились. Земледельцы начинают заниматься своими работами. Надлежит разослать гонцов и строго внушить военным чиновникам, чтобы они остерегались делать остановку в земледельческих работах, своевольно дозволив воинам чинить грабежи и насилие в народе". Во второй месяц Тай-цзу-хан призвал к покорности жителей крепости Синь-чжун-фу^{74*169}, отправив к ним с указом Саба. Тогда же покорились государству Цзинь дайляосский губернатор Тянь-сянь из крепости Лай-чжэу и окружные начальники Души-хой из Ши-чжэу, Гао-юн-фу из Цянь-чжэу и Чжан-чэн из Жунь-чжэу^{75*}. Прибыл сунский посол Чжао-лянь-сы^{76*} со

^{71*} Пин-чжэу есть нынешний Юн-пин.

^{72*} Удубу по кит. - Ань.

^{73*} И-чжэу и Цзинь-чжэу находятся в губернии Син-чжун-фу.

^{74*} Синь-чжун-фу была средняя столица дайляосская, которую после Цзиньское государство сделало Северной столицей.

^{75*} Четыре крепости: Лай-чжэу, Си-чжэу, Цянь-чжэу и Жунь-чжэу подведомственны Син-цзун-фу¹⁷⁰.

^{76*} В Ган-му упоминается о нескольких до сего посольствах от дома Сун к Цзинь и взаимно от Цзинь к Сун, кои выпущены из истории цзиньской по безуспешности оных. Настоящее посольство от дома Сун в Ган-му отнесено к первому году Тянь-хой времен Тай-цзуна. Оно описывается следующим образом. Чжао-лянь-сы прибыл в Янь-цин и говорил цзиньскому государю: "Наше государство последовало во многом требованиям великой империи. Ужели нельзя согласиться с нами в одном только деле - касательно Пин и Юань¹⁷¹?" "Пин и Юань я хочу сделать защитой границ, - говорил государь цзиньский, - посему вам нельзя получить оных". Потом, когда рассуждали о сборах податей цзиньский, государь сказал: "Сбор с области Яньской простирается до 6 миллионов. Я согласен брать только один миллион. Если не так, то возвратите нам наши прежние области Чжао и И, кроме того, места беспрестанно побеждаемых войск¹⁷². Между тем, выставив войско, я буду производить попытки на границе". Чжао-лянь-сы отвечал ему: "Чжао и И взяты нашим войском. Справедливо ли вы рассуждаете таким образом?" К сему он прибавил: "В бумаге, написанной самим государем, обещали вам от 10 до 20 тысяч. Я не осмелюсь сам по себе сделать прибавление". При отправлении Чжао-лянь-сы обратно с донесением о сем, цзиньский государь сказал ему: "Если не прибудешь сюда к половине месяца, то я выступлю с войском". В это время Цзо-ци-гун написал и поднес

следующим предложением: "Сунский двор в замену пошлины столицы Янь-цзинь будет доставлять ежегодно дары, равные оной; он желает условиться о восстановлении границ; будет присылать подарки и послов с поздравлением в новый год и в день рождения императора и, определив место для торга, хочет производить торговлю". За сим он говорил еще о Западной столице. Государь Тай-цзу отправил в государство Сунское Инь-чжу-кэ и Дола. Тай-цзу-хан повелел, между тем, указом начальнику крепости Пин-чжэу разделить с сунским послом поровну шесть округов столицы Янь-цзинь и объявил по сему случаю прощение всем преступникам. В сей же месяц, переименовав название Пин-чжэу, назвал ее Южной столицей¹⁷⁹, и Чжан-цзио^{77*} сделал комендантом новой столицы Нан-цзин. В третий месяц, когда Уцимай хотел казнить своего младшего брата Удубу за его буйство, вельможа Сибуши, увещевая его, говорил: "Братья суть ближайшие родственники. Если из любви, остановив правосудие, сделаешь отступление от законов, то в империи последует непрерывная радость^{78*}. Удубу следует избавить от смерти. Если бы государь обвинил тебя за сие, скажи, что я склонил тебя к этому". Уцимай, согласясь на убеждения, дал Удубу семьдесят ударов

цзиньскому императору стихи, в коих говорилось: "Государь, никак не слушай убеждений отдать места Яньские; каждый вершок земли стоит вершка золота". Посему цзиньцы, желая нарушить прежнее условие, не переставали с настойчивостью делать требования. При отъезде Чжао-лян-сы обратно, государство Цзинь, узнав, что ляосский государь снова помышляет о прежних местах своих, разрушив все мосты на северной стороне Лу-гэу и сжегши дома и палатки, приняло предосторожность. Чжао-лян-сы, достигши Сюн-чжэу¹⁷³, бумагу от дома Цзинь отправил по почте. Содержание сей бумаги было следующее: "Ваше войско было не в состоянии напасть вместе; с намерением положившись на силы наши, овладело землями Янь и присвоило подать с оных. Теперь, если расчислить годовой сбор с мест, подвластных Янь, то оный равняется 6 миллионам связок. А Чжао-лян-сы уверяет, что в бумаге, написанной самим государем нам обещано 200 тысяч связок, более сего он назначить не смеет. Опять вы требовали округов Пин и Юань, коих в счету не было. Когда беспрестанно будете делать требования с нахальством, то трудно утвердить между нами политику. Возвратите немедленно войска, перешедшие границу". Министр Ван-Фу, желая скоро окончить дело, доложил государю и снова отправил Чжао-лян-сы из Сюн-чжэу. Чжао-лян-сы обещал, кроме 400 тысяч годовой дани, платимой государству Ляо, ежегодно прибавлять один миллион связок за подать с Янь-цзин. Он говорил еще о постановлении границ, о присылании с поздравлением послов в новый год и в день рождения государя, о производстве торговли, назначив для торга место. Государь цзиньский в чрезвычайной радости поручил Инь-чжухэ черновой список клятвенного договора и отправил в государство Сун, обещая отдать столицу Янь-цзин и, кроме оной, шесть округов. Но все округи на северной стороне гор, равно юго-западная часть гор и рек, не были внесены в число обещанных. Государь, против воли, изъявил согласие отправить от себя с клятвенным договором Лу-и и Чжан-лян-сы. Они достигли Чжо-чжэу, и здесь Ду-сы и другие амбаны цзиньские, взяв у них бумагу и наперед посмотрев оную, сказали, что бумага написана непочтительно, и требовали переменить ее. Лу-и отвечал им: "Сам государь писал ее, показывая свое уважение к великой империи". Но цзиньцы не слушали. Несколько раз они отходили в Бянь-цзин¹⁷⁴ и меняли бумагу. Но цзиньцы опять сказали им: "Недавно Чжао-вэнь-синь с другими из Янь убежал в Южное государство (Сунское). Когда непременно возвратите его, тогда только можно будет рассудить об отдаче места Янь". Чжао-лян-сы отнесся о сем в палату Сюань-фу-сы¹⁷⁵. Чжао-вэнь-синь связали и отправили, но когда он прибыл, Няньмухо развязал его и употребил в службу. Цзиньцы снова требовали доставки хлеба. Тогда Чжао-лян-сы обещал им давать двести тысяч мер оного. (Впрочем, сунцы 200 мер хлеба не дали под предлогом, что это количество чрезвычайно, коего они дать не в состоянии, и что они обещания Чжао-лян-сы не признают действительными. Через это они возбудили против себя цзиньцев. Шестое лето, третий месяц.)

В четвертый месяц цзиньцы, при угождении их желаниям, возвратили клятвенный договор, также столицу Янь-цзин и шесть округов: Чжо, И, Тань, Шунь, Цзинь и Цзи¹⁷⁶. Между тем, трех округов - Ин, Пин и Луан - не причислили, потому что дом Цзинь из фамилии Ши¹⁷⁷ не отдал оных киданьскому государству. Полководцам Тун-гуан и Цай-ю повелено было указом, вступивши в места Янь¹⁷⁸, отделить оные. В то же время цзиньцы заграбили у чиновников и богачей Яньских все дорогие металлы, шелковые ткани, жен и детей и перенесли на Восток, остались только пустые крепости. Когда Няньмухо снова хотел отделить только Чжо и И, государь цзиньский сказал ему: "Не надобно забывать клятвы на берегу моря. Когда меня не будет, тогда вы сами постарайтесь об этом". Тун-гуань представил государю, что старцы и дети столицы Янь-цзин, вышедши к нему навстречу, провозглашали долголетие государю при курении благовонных свечей. И государь обнародовал прощение в местах по две стороны реки Янь и Юнь. В тот же день повелено возвратиться войску.

Приобретения цзиньцев, сказано в примечании к Ган-му, верны и действительны; в приобретениях Сун было пустое название, и сии пустые приобретения относились к действительности, как 10 к 1 000, или 100 к 10 тысячам. Так-то государь сунский и министры рассчитывали пользы государства.

^{77*} В Ган-му: Чжан-цзио был дайляосский подданный из крепости Пин-чжэу, помощник цзедуши. По уходе государя дайляосского в Шаньси, он усмирив бунт в войске Пин-чжэу, за что народ поручил ему управление дел округа. Когда помер Елюй-шунь, Чжан-цзио, видя неминуемую гибель государства, собрал 50 тысяч молодых людей и 1 000 лошадей и, сформировав войско, пригрозил к обороне. Сяо-дэ-фэй прислала Ши-ли-ая для управления Пин-чжэу. Чжан-цзио воспротивился и не сменялся в должности. По взятии цзиньским войском Янь-цзина, цзиньцы приманили Ши-ли-ая к войску. Чжан-цзио сперва был сделан цзедуши в крепости Пин-чжэу, а потом был возвышен в звание сенатора и сделан управляющим делами коменданта Пин-чжэу, который сделали Южной столицей.

^{78*} В сие время сдались жители столицы Янь-цзин, Сунское государство дало обязательство - представлять ежегодную дань, а в третьем месяце родился Ши-цзун. Посему в государстве Цзинь была постоянная радость.

палками и, заключив его в Тай-чжэу, донес о сем государю. Цзиньский главнокомандующий Шэ-е донес Тай-цзу-хану, что Елюй-ма-чжэ, Юй-ду, Уши и Дола вчетвером согласились отложиться, и что поэтому нужно заблаговременно взять предосторожность. Тай-цзу-хан призвал Юй-ду¹⁸⁰ и других, коротко говорил им: "Я приобрел империю, но я успел совершить великое дело при единстве мыслей и поступков с моими вельможами. Следовательно, не при помощи ваших сил сделал приобретение. Теперь я слышу, что вы хотите бежать. Если это правда, то я даю вам оседланных лошадей, военные доспехи и оружие. Говорю это, не обманывая вас. Но не надейтесь, что вас освободят от смерти, когда вторично будете схвачены мною. Если же хотите остаться здесь и служить мне, то не замышляйте противного. Я в вас также не буду сомневаться". Юй-ду и прочие, дрожа от страха, не нашлись, что ответить ему. Тогда государь, дав Долою семьдесят ударов палкой, другим всем оказал прощение. В четвертый месяц государь Тай-цзу дал войско генералам Валу и Валибу и послал их для преследования государя дайляосского к горам Инь-шань. Тай-цзу-хан отправил Сигуна и Полуху с повелением перевести воинский стан Чан-шэн-цзюнь и богачей и ремесленников из столицы Янь-цзин во внутренние области через заставу Сунтин-гуань¹⁸¹. Цзиньские генералы Валу и Валибу, преследуя дайляосского Хэличжи, схватили его при Бошуй-ли^{79*}. Из дома дайляосского государя явились в подданство Цинь-ван, Сюй-ван и другие - всего пятнадцать человек. Из расспросов у них узнали, что дайляосский государь, бросив тяжести в Цин-чжун¹⁸², ушел с 10 тысячами войска к Ин-чжэу¹⁸³. Император Тай-цзу снова послал Чжао-ли, Бэй-да, Валибу, Ляоши и Инь-чжу-ко преследовать его. Валибу, нагнавши государя дайляосского, сильно поразил его и захватил императорского сына Чжао-вана по имени Синиле и государственную печать. В пятый месяц комендант Южной столицы Чжан-цзио отложился со всем городом (и поддался государству Сун).

Валибу и другие генералы представили императору дайляосского Чжао-вана Синиле, Елюй-даши, императорского зятя Жу-пу и государственную печать. Цзиньский генерал Уду-гуань явился к Тай-цзу-хану с детьми государя дайляосского: Цинь-ваном, Сюй-ваном и Юй-ао-е. Цзиньский генерал Далань водворил спокойствие на тридцати холмах в поколениях сугу, чо-ли и те-ни-ю¹⁸⁴. Хой-ли-бао¹⁸⁵, своевольно назвавшегося государем, умертвил его подданный^{80*}. Император Тай-цзу восстановил спокойствие между народом и чиновниками Южной столицы. Шестого месяца в день бин-шэнь император Тай-цзу, возвратясь по причине болезни в столицу Шан-цзин^{81*}, сделал Няньмуху главнокомандующим, Пуцзяну и Валу - его помощниками и, оставив им войско, повелел охранять границы юнь-чжунские. По прибытии в Вадущань-и¹⁸⁶, Тай-цзу отправил гонца за Уцимаем с указом следующего содержания: "Государь дайляосский, совершенно погубивши свое войско, убежал в государство Ся^{82*187}. Говорят, что дайляосские генералы Тэле и Йошэ тайно возвели на престол Яли, сына государя дайляосского^{83*188}. Почему я оставил Няньмуху с тем, чтобы он взял против сего меры. Я долго воевал, и мои деяния сделались великими. Желая водворить спокойствие в приобретенных округах и уездах, я возвращаюсь. В половине восьмой луны приеду в город Чунь-чжэу¹⁸⁹. Выйди ко мне навстречу с вельможами нашего рода".

^{79*} Валу и Валибу, преследуя государя дайляосского в заставе Цзюй-юн-гуан, схватили чиновника линь-я по имени Елюй-даши. Валу отправился с ним вперед Валубу, Иньчжуко и Лаоши с тремя тысячами войска по разным дорогам для преследования государя дайляосского. По приближении к Цин-чжун, от чрезмерной грязи невозможно было идти вперед, и Валибу приказал Елюй-даши вести прямо на стан государя ляосского. Главное войско Валибу также подоспело. Тогда государь ляосский ушел к Ин-чжэу. Его дети: Цинь-ван Елюй-дин и Сюй-ван Елюй-нин, все жены, дочери, вместе с амбанами за ними следовали, и более 10 тысяч телег с тяжестями были захвачены. Успел только освободиться Тай-бао, учитель государев Тэмугу с князем Лян-ваном Елюй-яли и старшей дочерью государя Тэли. Валу из Сяо-ли-мэнь письмом призывал самого государя к подданству. Государь дайляосский, по отправлении своем к нему из Цзинь-тэ, узнав, что цзиньцы отошли с пленными на восток, с пятитысячным отрядом преградил им путь в Бошуйли и вступил в сражение. Но Валибу с тысячей воинов разбил его и обратил в бегство. При сем цзиньцы взяли в плен князя Чжао-вана Елюй-синиле. Государь дайляосский отправил к цзиньцам человека с золотой печатью и, ложно изъявив готовность, ушел в Юнь-пэй. Когда Валибу снова отправил к нему письмо, коим призывал к покорности, объясняя случаем переселения Цзинь из фамилии Ши на север. Ляосский государь в ответ писал ему, что хочет считаться меньшим братом или сыном государства Цзинь и просил по произволу дать ему владение. Валибу не согласился. См. четвертый месяц Сюань-хэ пятого лета, цзиньского Тай-цзуна первое лето Тянь-хой.

^{80*} В Ган-му: первое лето Тай-цзуна, пятый месяц.

^{81*} Шан-цзин находится вблизи города Бо-шань, он же называется Хой-нин-фу.

^{82*} Валибу, узнавши, что государство Ся приняло к себе ляосского государя, отправил после в Ся с требованием возвращения государя ляосского и, кроме того, отделения границ. См. пятое лето Сюань-хэ, пятый месяц.

^{83*} Дайляосский император, согласившись на приглашение государя Ся, перешел реку и, отправив к нему послов, назвал его хуандием (императором) государства Ся. Народ был поражен от сего страхом и не знал, что делать. Тэле и Елюй-юань-чжи, с согласия между собой, насильно увлекли в северо-западные поколения второго сына государя дайляосского, Елюй-яли, и назвали его государем. См. Ган-му, пятый месяц пятого лета Сюань-хэ.

Восьмого месяца в первый день было солнечное затмение. Когда цзиньский император Тай-цзу прибыл на северный берег Хунь-хэ, Уцимай явился к нему навстречу со всеми родственниками императорскими и чиновниками разных поколений. В день У-шень цзиньский император Тай-цзу скончался в будусском дворце Си-син-гун¹⁹⁰. На престоле сидел девять лет; от рождения имел пятьдесят шесть лет. В девятый месяц Уцимай, прибывши с телом императора Тай-цзу в столицу Шан-цзин¹⁹¹, положил его в юго-западном углу крепости, в палате Нин-шень-дянь.

II. ИМПЕРАТОР ТАЙ-ЦЗУН

Император Тай-цзун назывался Чэн^{84*}. Его первоначальное имя Уцимай. Он был четвертым сыном Хорибу и младшим братом Тай-цзу Агуды от одной матери, имя которой Наланьши. Родился в первый год правления Тай-кан дайляосского императора Дао-цзуна, в лето И-мао и сначала был воспитан младшим дядей Инго. При войнах Тай-цзу, он постоянно управлял государством. В восьмой месяц седьмого года правления Тянь-фу скончался Тай-цзу. В девятый месяц Шэе, Удубу, Син-го и Вабэнь¹⁹² со всем родом царским и чиновниками предложили Уцимаю воссесть на императорский престол. Уцимай не согласился, и при постоянном убеждении он оставался непреклонен. Тогда Вабэнь со своими младшими братьями, накинув на Уцимая желтую одежду^{85*} и, вложив в запястье печать, возвел его на престол императорский. Император Тай-цзун сделал жертвоприношение Небу и земле и объявил прощение всем преступникам внутри и вне столицы. Переменив название лет Тянь-фу, первый год своего правления назвал годом Тянь-хой; открыл хлебные магазины и раздавал хлеб семействам, имевшим в оном недостаток. Главнокомандующий войск Южной губернии¹⁹³ генерал Шэму^{86*} разбил Чжан-цзио. В десятый месяц император Тай-цзун отправил к Няньмухо, главнокомандующему двумя губерниями на юго-западе и северо-востоке¹⁹⁴, сто грамот на чины, без означения имен и писал к нему: "Тебе поручены теперь в управление все дела сих областей. Возвышай достойных людей, смотря по надобности. Если опасешься сделать замедление, посредством присылки ко мне докладов, то поступай во всяком деле по своему усмотрению". Монахи шанцзинского^{87*} капища Цин-юань-сы принесли к государю кости божества Фо. Тай-цзун приказал им взять обратно. Младший брат Тай-цзуна, Шэму, сразился с Чжан-цзио при Ту-елл-шань¹⁹⁵, и войско Шэму потерпело поражение. В одиннадцатый месяц император Тай-цзун послал против Чжан-цзио генерала Валибу^{88*}. Валибу, выступив с войском Шэму из крепости Гуан-нин¹⁹⁶, взял все провинции и уезды близ моря. После сего он сразился с Чжан-цзио на восточной стороне Южной столицы и сильно разбил его. Чжан-цзио убежал в государство Сунское. Когда жители столицы представили отца и двух сынов Чжан-цзио, Валибу предал их смерти. Валибу через своих посланцев спрашивал сунского вельможу Ван-ань-чжун, почему он принял взбунтовавшегося Чжан-цзио, и потребовал его возвращения. Ван-ань-чжун, скрывши Чжан-цзио, ложно объявил цзиньским посланцам, что у него нет его. При беспрестанных и настоятельных требованиях от Валибу Ван-ань-чжун умертвил человека, похожего на Чжан-цзио, и прислал в цзиньский лагерь. Но цзиньцы, узнав обман, говорили, что это не Чжан-цзио. Ван-ань-чжун, будучи доведен до крайности, выпустил Чжао-цзио и, предав смерти, представил его голову цзиньскому войску^{89*}. Чжан-чжун-сы и Чжан-дунь-гу пришли из Южной столицы с покорностью к Валибу.

^{84*} По Ган-му: Шэн.

^{85*} По кит. тексту: "...красную одежду".

^{86*} Шэму был девятый брат Тай-цзу.

^{87*} Шан-цзин есть Хой-нин-фу.

^{88*} Валибу был третий сын Тай-цзу.

^{89*} Сунский государь сначала не хотел отдать Чжан-цзио, и когда цзиньцы с настойчивостью требовали его, то Ван-ань-чжун, убивши подобного ему человека, отдал им голову. После чего цзиньцы отвечали, что сия голова не Чжан-цзио, и хотели напасть на Янь. Ван-ань-чжун донес государю, что задержание Чжан-цзио может послужить для цзиньцев поводом к войне. Тогда государь, будучи в необходимости, повелел задавить Чжан-цзио и вместе с двумя его сынами отослать голову в ящике к цзиньцам. Все находившиеся в Янь из подавшихся полководцев и воинов плакали. Го-яо-ши¹⁹⁷ говорил: "По требованию цзиньцев отдали Чжан-цзио. Если бы они потребовали меня, то также отдадите?" Ван-ань-чжун, убоявшись худых последствий, просился от должности. Но его сделали чиновником шан-цзинь-бао-лу-гун-ни-ши. На место его управлять делами Янь-шань-фу определили Цай-цзина. После сего потеряли надежду все покорившиеся полководцы. Посему цзиньцы снова выставили войско.

Валибу, присоединивши в спутники Чжан-дунь-гу одного из своих людей, послал их для переговоров в Южную столицу. Чжан-дунь-гу убил отправленного посла и снова отложился^{90*}. Чжан-дунь-гу разделит на четыре отряда восемь тысяч войска и, выступив из крепости, пошел на сражение с Валибу. Валибу разбил его и несколько раз посылал к нему с требованием сдачи. Чжан-дунь-гу отвечал: "Мы непрерывно сражались против вас, поэтому теперь из страха не покоряемся". Но когда Валибу повелел Чжан-дунь-гу сделать только поклон императору^{91*}, Чжан-дунь-гу отворил ворота и сдался.

Государь Тай-цзун за взятие Южной столицы раздал награды Валибу, всем военачальникам и войску. Кроме того, он дал Валибу пятьдесят безыменных грамот и десять серебряных изделий. Цзиньский генерал Ляоши разбил войско, находившееся у западной горы от города Шо-чжэу¹⁹⁸, и взял в плен главнокомандующего Чжао-гуан-чжи. Генералы Валибу и Полашу поразили войско поколения иши-бода при Гуй-хуа-чжэу.

В двенадцатый месяц Тай-цзун своего младшего брата голунь-боцзиля Шэе повысил в амбань-боцзиля, а Вабаня, старшего сына Тай-цзу, сделал голунь-боцзилем. Тай-цзун послал Лицзине в государство Сунское с известием о трауре.

1123 год

Второе лето Тянь-хой. В первый месяц Уцимай сделал своего меньшего дядю Маньдукэ ашэ-боцзилем¹⁹⁹ и советовался с ним о делах государственных. От сунского двора прибыли с требованием раздела городов в губернии Шань-си. Няньмухо и Валибу сделали доклад императору, в коем говорили: "Сунское царство приняло к себе наших перебежчиков и не возвращает их нам; пресекло сообщение с губернией Янь-шань²⁰⁰ и, конечно, должно ожидать, что оно со временем нарушит клятву. Поэтому вовсе не следует отдавать Сунскому царству округов и уездов губернии Шань-си". Тай-цзун писал к ним в ответ, что это будет нарушением слов покойного государя, и повелевал без замедления отдать требуемые места. Тогда Няньмухо снова сделал представление следующего содержания: "Прежний государь при начале войны с Дайляо, желая напасть на него общими силами с царством Сун, обещал сему отдать области Яньские. Но когда Сун после окончательного договора вновь предложило, что оно пополнит годичную дань с тем, чтобы ему отдали все города губернии Шань-си; то покойный государь, отказавшись от прибавления дани, соглашался уступить шаньские владения. Но в клятвенном договоре было сказано: перебежчиков не принимать и не делать притеснений пограничному народу. Теперь царство Сунское, призывая к себе со всех мест перебежчиков, оказывает им покровительство. И когда, выписав имена убежавших, мы требовали их, то сунский вельможа Тун-гуань, обещая по условию возвратить их, не выдал ни одного из них. Если еще до истечения одного года после клятвенного договора оно поступило таким образом, то можно ли надеяться, что сохранит условия в будущее время? Притом западные границы еще не успокоены; с отдачей всех городов и крепостей Шань-си наше войско потеряет места для жительства. Положим, что со временем и восстановится порядок, но трудно, чтобы оный продолжился. Итак, пока не должно отдавать сих мест". Государь Тай-цзун согласился на доклад Няньмухо и отказал в отдаче^{92*}. Ли-цян-сунь²⁰¹, обладатель царства Ся, прислал посла с докладом, в коем писал, что хочет считаться заграничным вассалом. Тай-цзун отдал ему все места на север от Ся-чжай и на юг от горы Инь-шань, земли поколения Иши Ела и западные места Тулули²⁰². Во второй месяц Тай-цзун постановил указом: тех, кто будет грабить и разрушать кладбища государей дайляоских, предавать за преступление смертной казни. Тай-цзун за заслуги, оказанные Няньмухо при расчетах с княжеством Ся и в истреблении царства Ляо, подарил ему десять лошадей: двух из них велел выбрать для себя, а остальных раздать главным начальникам войска. В четвертый месяц император повелел выкупить более 600 человек из семейств, вновь переселенных в Нин-цзян-чжэу, кои сами себя продали в рабство. Из царства Сун прибыл посол для жертвоприношения Тай-цзу. После чего Тай-цзун, назначив послами Гао-чжу и Пу-гу, отправил их в Сунское царство с вещами, оставленными покойным государем, а Гао-син-фу и Лю-син-сы туда же послал с известием о наследовании им престола²⁰³. В пятый месяц амбань Хулабу представлял императору, что прежде в корейских границах ежегодно ловили морских рыболовов²⁰⁴ и соколов, а ныне корейские мореходы, остановив наших людей, отправившихся туда на двух лодках, всех их побили и забрали оружие. "Из маловажных причин, - заметил Тай-цзун, - несправедливо начинать войну. С сего времени без моего повеления свободно туда не ходить".

^{90*} По Ле-чжуань и Ган-му (пятое лето Сюань-хэ, одиннадцатый месяц): посла цзиньского убил житель крепости, и Чжан-дунь-гу сделался у себя чиновником ду-тун.

^{91*} То есть согласился оставить его опять в Южной столице и не предавать суду.

^{92*} Отдал только два округа - И-чжэу и Ше-чжэу.

Когда Чжан-дунь-гу в Южной столице взбунтовался снова, Шэму, младший брат императора, взявши Южную столицу, Чжан-дунь-гу предал казни. В седьмой месяц помер Цзун-цзюнь, второй сын императора Тай-цзу²⁰⁵. Гушида доносил государю, что корейцы, принимая наших перебежчиков, укрепили границы, умножив на оных войска, и, конечно, имеют другие мысли. Император послал к Гушидо указ следующего содержания: "Если они, приняв наших перебежчиков, нам не возвращают, то это для них служит пороком. По-прежнему не должно нарушать ни в коем случае обычая посылать послов для осведомления. Если они сделают нападение, то, выставив войско, сразись с ними. Но не смей прежде них сделать нападение. В таком случае, хотя бы одержал победу, будешь виновен". Отложилось колено уху²⁰⁶ со всеми станицами. Тай-цзун послал против него Буцзяну, который и водворил в оном спокойствие.

В восьмой месяц Тай-цзун отправил послов в царство Сун для поздравления государя сунского со днем рождения. Главнокомандующий шестью поколениями Далань²⁰⁷ разбил Чжао-гуя из колена яо-нянь²⁰⁸ и казнил его генерала Хэлуцзао и других. Кроме того, он истребил все войска цзиньюаньские от горы Лотошань²⁰⁹ и синчжунские. Император Тай-цзун прислал Даланю десять серебряных медалей. Десятого месяца в день У-у по случаю дня рождения государя Тай-цзуна прибыли с поздравлением послы из царств Сун и Ся. Чжао-гу-я, начальник поколения яо-нянь, пришел в подданство Цзинь со всем народом. Тогда же покорились жители города Син-чжун-фу. Главнокомандующий в юго-западной и северо-западной губерниях генерал Валу^{93*} представил императору следующий доклад: "Дайляосский чиновник сян-вэнь²¹⁰ по имени Дабуге прибыл с покорностью и объявляет, что Елюй-даши, назвавшись государем, постановил на юге и севере чиновников и имеет десять тысяч конницы. У дайляосского государя остается подданных не более четырех тысяч семейств и не больше, чем десять тысяч войска - пехоты и конницы; он остановился в Юй-ду-гу с намерением идти в Тянь-дэ". Тогда Тай-цзун повелевал ему: "Преследуя государя дайляосского, ты непременно должен держаться справедливости дела. Если же намереваешься воевать против Елюй-да-ши, то ожидай на это моего указа". В одиннадцатый месяц амбань Шэму, разрушив И-чжоу, взял гору Чаяшань и умертвил правителя Хань-цин-минь.

1124 год

Третье лето Тянь-хой (год Бин-у). В первый месяц из царств Сун и Ся приезжали послы для жертвоприношения прежнему государю и с поздравлением по случаю преемства престола императором Тай-цзуном. Генерал Лауши захватил государя дайляосского Янь-си²¹¹ в Юй-ду-гу. Император дал за сие Лэуши грамоту, в коей было сказано, что за смертное преступление Лэуши бить только палками, другие поступки ему прощаются^{94*}. Государь дайляосский был представлен императору Тай-цзуну, который объявил о нем в храме Тай-цзу. При представлении государя дайляосского Янь-си к Тай-цзуну, император, понизив его, сделал князем хай-бинь (ван). Генерал Сяо-па-цзинь приобрел яшмовую печать государя

^{93*} Валу - второй сын Хэчжэ.

^{94*} По выходе из Ся, государь ляосский поселился в колоне ту-люй-бу. Сюда возвратился к нему от Цзинь Елюй-даши. Но поелику и здесь цзиньцы напали на его лагерь, то он бежал на север, где с почестями принял его в свое поколение Могэши. Государь ляосский, приобретши войска Елюй-даши и Могэши, снова вознамерился взять места Яньские и Юньские. Елюй-даши отклонял его от сего, советуя ему ожидать лучшего для сего времени, но государь не послушал его, взял Дунь-шэн и другие округа и дошел до У-чжэу²¹², где, будучи разбит цзиньцами, бежал к Шань-инь (шестое лето Сюань-хэ, седьмой месяц).

После сего ляосский государь, не надеясь на свою безопасность в Срединном государстве, хотел искать убежища в Си-ся. В это время Сяо-хулу из Дан-сян прислал человека и просил его к себе. Тогда ляосский государь пошел к Тянь-дэ. По переходе Шамо (Гоби) вдруг настигло его цзиньское войско, и государь ляосский, выбежав из стана пеший, ускакал от цзиньцев на коне одного из своих слуг. За сим на половине дороги прекратились у него съестные припасы, и сопровождавшие его утоляли голод льдом и снегом (?). Миновав Тянь-дэ, в ночи остановились они в доме селянина под именем военного отряда, делающего поиски. Но хозяева узнали государя и, отдав ему поклонение, предались горькому плачу. В сем доме он тайно пробыл несколько дней и за верность хозяину обещал со временем дать должность цзедуши. По отшествии отсюда в Дань-сян, он сделал Сяо-хулу чиновником чжао-тао-ши²¹³ (главнокомандующим) западного края и предписал ему управлять всеми военными делами. Но во второй месяц (седьмого лета Сюань-хэ) государь ляосский был захвачен цзиньским полководцем Лэуши в шестидесяти ли на восток от нового города Инь-чжэу. С ним уничтожилось и государство ляосское (см. седьмое лето Сюань-хэ, первый месяц).

Елюй-даши, поелику государь ляосский не принял его убеждений, умертвил Сяо-и-сюэ²¹⁴, военной палаты чиновника шу-ши, сам назвался ваном (государем). За сим, отходя на запад со всем войском, он достиг города Кэ-дунь-чэн. Здесь, собрав князей из восемнадцати колен семи округов на западной границе, он объявил им свое намерение снова восстановить дела дома Ляо. Приобретши таким образом более 10 тысяч регулярного войска, он постановил чиновников, разделил оное по отрядам и приготовил оружие. Сверх того, послал письмо к Билэгэ,

дайляосского и представил оную императору^{95*}. В шестой месяц Тай-цзун отправил в царство сунское вельможу Ли-юна с радостным известием о взятии государя дайляосского. Император Тай-цзун запретил законом во внутренних и внешних областях империи чиновникам и особам из императорского дома своевольно употреблять простой народ в работы. Правитель Южной столицы прислал шелк, выработанный дикими шелковичными червями в долине города Цзинь-чжэу. Тай-цзун обнародовал указ следующего содержания: "Сильные дома не должны покупать бедный народ и делать из него своих рабов. С того, кто будет покупать насильно, за одного человека берется пятнадцать, а кто купит обманом, с того за одного брать двух человек; и всем из таковых покупателей давать по сто ударов палками". В десятый месяц. Шэму, узнав, что сунские пограничные генералы Тун-гуань и Го-юэ-ши заготавливают военное оружие, донес о сем императору Тай-цзуну^{96*}. Няньмухо и Валибу убеждали государя начать войну с царством Сунским, и Тай-цзун согласился на их представление. Назначая полководцев на войну против царства сунского, он своего меньшего брата Шэе сделал главнокомандующим всего войска, Няньмухо - главнокомандующим левого крыла, а Вань-янь-си-иня - инспектором правого крыла, Елюй-юй-ду - главным командиром левого крыла, а затем повелел им выступить из Южной столицы^{97*} в область Тай-юань. Даланя назначил дивизионным генералом области шести колен; третьего сына Тай-цзу Валибу^{98*} сделал дивизионным генералом областного войска Южной столицы, а своего младшего брата Шэму - его помощником; сенатора Лю-янь-цзуна сделал дивизионным генералом китайского войска и повелел им из Южной столицы идти в область Янь-шаньскую. Тай-цзун воздвиг храм Тай-цзу в Западной столице. Сунский генерал Хань-минь-и, бывший на страже, с войском предался цзиньскому государству. В двенадцатый месяц Няньмухо, вступив в область Тай-юаньскую, покорил город Шо-чжэу. Валибу вступил со всем войском в Янь-шань и, сразившись с Сунскими генералами Гуюши, Чжан-ци-хой^{99*} и Лю-шунь-жень при реке Бохэ²²⁰, поразил сунское войско и множество побил оно. Генерал Пусянь разбил сунцев в проходе Гу-бэй-кэу. После сего Гуюши со своими военачальниками и войском поддался государству Цзинь, и все округа и уезды области Янь-шань сделались спокойны. Няньмухо взял Дай-чжэу²²¹, и ему покорился народ горы Чжунь-шань²²². Валибу разбил пятнадцатитысячный отряд сунский в Чжен-дин и взял приступом город Синь-дэ-фу²²³. Когда Няньмухо осадил Тай-юань, на помощь к оному пришли сунские войска из Хэ-дуна²²⁴ и Шань-си. Няньмухо и Елюй-юй-ду вступили в сражение на северной стороне реки Фень-хэ²²⁵ и разбил оных.

1125 год

Четвертое лето Тянь-хой. Весною в первый месяц генерал Учжу^{100*226} взял Тан-инь²²⁷ и покорил три тысячи войска. Табуе взял приступом Жуй-чжэу; генерал Дигубу овладел городом Ли-ян. В сей же месяц все войска перешли реку (Хуан-хэ) и взяли город Хуа-чжэу^{101*}. Валибу отправил У-сяо-мина в столицу

князю Хой-ли, коим просил у него дороги (для прохода с войском). Билэгэ²¹⁶, по получении письма, отошел к нему навстречу до его стана, где изъявил желание перед Даши, отдавая в заложники своих детей и внуков, подчинить свое княжество и проводить его за свои границы. Елюй-даши по проходимым местам покорял оружием сопротивлявшихся и водворял спокойствие между покорявшимися. Его войско прошло 10 тысяч ли и покорило несколько княжеств. Без счету приобрел рогатый скот, верблюдов и лошадей. Когда он достиг Сюнь-сы-гань²¹⁷, княжества (татарские) места Си-юй выставили 100 тысяч войска, с коим Ху-елл-шань²¹⁸ (князь татарский) и пришел на сражение. Но Елюй-даши, разделив свое войско на три части, вступил в сражение и сильно поразил его. После сего войско Да-ши 90 дней стояло лагерем в Сюань-сы-гане. Князь татарский покорился, и от него взяты в дань туземные произведения. Снова продолжая путь к западу, достиг места Ци-лин-шань²¹⁹. Здесь все амбани признали Елюй-даши государем. Первый год правления был назван Янь-цин. Он сам был почтен титулом тянь-ю хуанди (покровительствуемый небом император); его жену Сяо-ши называли Сяо-дэ-хуанхэу (императрица блистающих добродетелей). Таким образом составилось западное государство Ляо (см. седьмое лето Сюань-хэ, первый месяц).

^{95*} По кит. тексту: печать государя дайляосского представил Валу, а Сяо-па-цинзнь захватил драгоценные вещи государя дайляосского и представил их императору.

^{96*} По Ган-му: представление о сем сделал Валибу, а не Шэму (см. седьмое лето Сюань-хэ, десятый месяц).

^{97*} По кит. тексту: "...из западной столицы"; в Ган-му: "...на Юньчжун".

^{98*} По Ган-му: Шэму был сделан дивизионным генералом областного войска Южной столицы, Валибу поручено было главное распоряжение войсками Шэму и Лю-янь-цзуна при сражениях (см. седьмое лето Сюань-хэ, десятый месяц).

^{99*} По Ган-му: Чжан-лин-хой.

^{100*} Учжу был четвертый сын Тай-цзу.

^{101*} В то время, как Валибу взял Сян-чжэу и Сюнь-чжэу, сунский полководец Лян-фан-пин стоял с войском на северном берегу реки в Ли-ян, цзиньский генерал Дигубу неожиданно подошел к нему и Лян-фан-пин в смятении предался бегству. Охранявшие мост на южной стороне реки, увидев знамена цзиньские, зажгли оный и бежали.

Бянь-цзин требовать ответа касательно принятия главного бунтовщика (т.е. Чжан-цзио) и присылки трех пиншаньских²²⁸ генералов: Тун-гуань, Тань-чжень и Чжань-ду. Сунский государь Чжао-хой-цзун²²⁹ бежал из столицы (в Бо-чжэу). По окружении всем войском столицы Бянь-цзин, сунцы прислали Ли-чжо и, сознаваясь в вине, просили мира. Валибу отослал Ли-чжо со следующим ответом: "Если хотите мира, то отделите нам области Тай-юань, Чжун-шань и Хэ-цзянь^{102*230}, постановите границей Хуан-хэ, увеличьте годовую дань и в бумагах называйте государя старшим дядей". В день У-инь царство Сунское прислало аманатов: князя Кан-вана Чжао-гэу^{103*231} и чиновника шао-цзай²³² по имени Чжан-бань-чан, клятвенный лист государя сунского и карту (трех губерний). В бумаге было сказано, что государь великого царства Сун считается сыном, а государь великого царства Цзинь - его старшим дядей^{104*}. Цзиньское войско, оставив засаду, отступило и стало лагерем. Во второй месяц сунский генерал Яо Пин-чжун ночью с 400 тысячами войска^{105*235} напал на лагерь Валибу. Валибу разбил его. После сего войско снова осадило Бянь-цзин. Валибу послал в Бянь-цзин спросить о причине восстания войска сунского. Сунский государь Цинь-цзун пришел в большой страх. Он отправил Юй-вань-сюй-чжуна послом с бумагой и князя Су-вана-шу заложником на место Кан-ван-гэу. Посланные, прибыв в стан цзиньцев, говорили Валибу: "Мы сего дела не знаем. Яо-пин-чжун своевольно выступил с войском, и за это мы будем судить его". На основании сих слов, Валибу отослал обратно Кан-ван-гэу, отдал царству Сун Хуа-чжэу и Цзюнь-чжэу и повел войско назад^{106*}. Няньюмуху утвердил за собой Вэй-шэн-цзюнь, взял Лун-дэ-фу^{107*} и достиг Цэ-чжэу²³⁶. Инь-чжукэ осадил Тай-юань. Няньюмуху возвратился в Западную столицу^{108*}. В четвертый месяц^{109*}. Валибу прислал

Хэдунский областной начальник Хэ-гуань с 20-тысячным корпусом, отступивши, охранял Хуа-чжэу. Но и его корпус разбежлся. И на южной стороне реки не осталось ни одного человека, который бы противостоял неприятелю. Цзиньцы пять дней на малых судах переправлялись через реку. Цзиньцы, смеясь, говорили между собой: "Можно подумать, что в Южном царстве нет людей! Если 6 тысяча или две солдат сторожили реку, тогда б нам перейти было невозможно". За сим взяли Хуа-чжэу (см. Ган-му, первое лето Цзин-кан, первый месяц).

^{102*} Тай-юань подведомственна губернии Шаньси, Хэ-цзянь - Северной столице.

^{103*} Кан-ван Чжао-гэу - девятый сын Хой-цзуна.

^{104*} Валибу говорил Ли-чжо: "Вашу столицу можно истребить вдруг; войско, собравшись вокруг оной, не делает нападения только для молодого государя. (Хой-цзун сдал царство наследнику Цинь-цзуну²³³.) Мы хотим оставить целым храм предков Чжао (императорского дома) и жертвенник Шэ-цзи²³⁴. Наша милость велика. Итак, если хотите мириться, представьте нам 5 миллионов лан золота, 30 миллионов серебра, по 10 тысяч голов коров и лошадей и на 5 миллионов одежд, шелковых тканей; именуя нашего государя старшим дядей, возвратите жителей мест Янь и Юнь, поселившихся в землях китайских; отделите нам ваши оберегательные области Чжун-шань, Тай-ю и Хэ-цзянь и, сделав аманатами министра и князя первой степени, проводите главное войско на реку. В таком только случае отступим от столицы". Ли-чжо, на все соглашаясь, ни на одно слово не смел сделать возражения. Во всем, чего с наглостью требовали цзиньцы, они были научены от Гуя-ши. Государь сунский забрал все золото и серебро в столице из казны и от частных лиц заимообразно, также отыскал и брал заимообразно сокровища из ванских домов, и приобрел 200 тысяч лан золота и 4 миллиона лан серебра. "Если, - говорил тогда Ли Ган, - собрать со всей империи золото и шелковые материи, то и тогда будет недостаточно для удовлетворения требованиям цзиньцев. Что же сказать о сокровищах одной столицы?" Ли-ин доказывал также, что отделить три сторожевых места вредно для государства и делать заложником князя первой степени неприлично. Он убеждал продлить переговоры, ожидая, пока соберутся из всех мест войска к столице, и тем заставить цзиньцев, не получивших желаемого, уйти обратно. Но его слова не имели силы против других, и все было сделано по требованию цзиньцев (см. Ган-му: Цзинь-кан, первое лето, первый месяц).

^{105*} По Ган-му: "...напал с 10 тысячами войска. После пришел к нему на помощь Ли-ган со всеми полководцами, но был вынужден отступить" (см. Ган-му: Цзин-кан, первое лето, второй месяц).

^{106*} Когда Юй-вань-сюй-чжун, снова отошедши с указом в войско цзиньское, обещал отдать три области, Валибу, по получении указа, ожидая полной уплаты дани, отправил Хань-гуан-и с известием о своем отходе и повел войско назад. Су-вань последовал за ним. Приготовления к сопротивлению в столице прекращены. Тун-ши-дао просил государя нагнать его на половине дороги и сразиться, но государь не согласился (см. Ган-му: первое лето Цзин-кан, второй месяц).

^{107*} Хуа-чжэу, Жуй-чжэу, Вэй-шэн-цзюнь и Лун-дэ-фу находятся в Шаньси.

^{108*} Няньюмуху, воюя места Тайюаньские, совершенно истребил все уезды. И только Чжан-сяо-шунь, находясь внутри города Тай-юань, твердо защищал его и не сдавался. Посему Няньюмуху построил стены вне города и, держа строгие караулы, пресекал сообщение с городом. За сим, узнав, что Валибу ведут переговоры, он также послал человека с требованием сокровищ. Главные правители города, при большом стечении войска, движущегося за государя, взяли под стражу его посла и не давали подарков. От сего Няньюмуху пришел в досаду и, разделив войско, пошел к столице Бянь-цзин. На пути им разбиты корпуса Чжэ-кэ-циу и Лю-гуан-ши. По переходе южной и северной крепостей, Ли-чжи, управляющий местом Вэй-шэн-цзунь, сдался вместе с городом. Кроме того, Няньюмуху взял нападением город Лун-дэ-фу и остановился в Чжэ-чжэу.

^{109*} По Ган-му: "Цзиньский амбань Гу-шэн отнял у царства Ся Тянь-дэ, Юнь-лэй, У-чжэу и восемь крепостей хэдунских, кои войско Ся, по условию с цзиньцами, завоевало у сунцев (см. Ган-му, Цзин-кан, первое лето, четвертый месяц).

своего младшего брата Учжу с донесением государю о победах. Генерал Гэн-шэу-чжун сильно поразил сунское войско при Си-ду-гу. В пятый месяц сунский генерал Чун-ши-чжун вышел с войском на границу; генерал Хо-ньюй разбил его при хребте Ша-сюн-лин и убил самого Чун-ши-чжуна. В тот же день генерал Балису разбил отряд генерала Яо-гу в овраге Лунь-чжэу-гу. В шестой месяц Валибу представил императору трех слонов, им приобретенных. Государь сделал Валибу главнокомандующим правого крыла. Генерал Сяо-чжун-гун ходил послом в царство Сун. При возвращении из оно, взял письмо, которое государь сунский, скрыв в воске, поручил ему доставить к Елюй-юй-ду. Сунский государь советовал Юй-ду отложиться и перейти к нему. Сяо-чжун-гун сам донес об этом императору. И в восьмой месяц Тай-цзун, сделавши Няньмухо главнокомандующим левого крыла, а Валибу - главнокомандующим правой стороны, снова отправил их на войну против сунского царства^{110*}. Сунский генерал Чжан-хао вышел с войском на Фэнь-чжэу²³⁸, но Балису разбил его. Лэуши разбил сунского генерала Лю-чжень, выступившего с войском из Шэу-янь²³⁹. Няньмухо пошел на Западную столицу. Лэуши и другие генералы при реке Вэнь-шуй²⁴⁰ поразили корпус Чжан-хао. По выступлении Валибу из Бао-чжэу вперед, в тот же день генерал Елюй-до разбил сунское войско при Сюн-чжэу^{111*241}. Генерал Нае разбил сунцев при горе Чжунь-шань. Из уезда Синь-чэн-сянь представили Тай-цзун-хану белого ворона. Генерал Тужань овладел городом Синь-лэ. В девятый месяц Няньмухо взял приступом Тай-юань и полонил пограничного начальника Чжан-сяо-шуня²⁴². Генерал Гушаху взял уезды Пин-хо, Лин-ши, Сяо-и и Цзе-сиу^{112*243}. Южная столица опять переименована в округ Пин-чжэу. Валибу разбил в Цзин-синь²⁴⁴ корпус Чун-ши-мин, взял Тянь-вэй-цзюнь и овладел городом Чжэнь-дин^{113*}; охранявшего сей город Ли-мяо предал смерти. В десятый месяц Лэуши взял Фэнь-чжэу; ему же сдался город Ши-чжэу²⁴⁵. Пуча истребил Пин-дин-цзюнь²⁴⁶, и за сим покорился город Ляо-чжэу^{114*}. В одиннадцатый месяц Няньмухо из губернии Тай-юань пошел на Бянь-цзин; Валибу из Чжэнь-дин также выступил к Бянь-цзину. Няньмухо взял Вэй-шэнь-дзюнь, а Салада завладел крепостью Тянь-цзинь-гуань²⁴⁷. За сим Няньмухо взял Лун-дэ-фу. Хо-ньюй перешел реку Мэн-цзинь²⁴⁸, и ему сдались Западная столица²⁴⁹, Юн-ань-цзюнь и Чжэн-чжэу^{115*}. Няньмухо еще завладел городом Чжэ-чжэу^{116*}. Войско Валибу перешло реку и овладело уездами Линь-хэ и Да-минь. Кроме того, взяло Дэ-цин-цзюнь и Кай-дэ-фу, разорив Хуай-чжэу^{117*253}, Валибу в тот же день достиг столицы Бянь-цзин. В первый день одиннадцатого

^{110*} Цзин-кан, первое лето, восьмой месяц. Сунский государь, отдавши цзинцам в заложники Су-вана, удержал их посла Сяо-чжун-гуна и почти целый месяц не отсылал его. Товарищ посла Чжао-лунь, опасаясь, что он не получит возвращения, коварно говорил Син-дяну, приставу их подворья: "В государстве Цзиньском под командою Елюй-юй-ду весьма много киданьского войска. Будучи других мыслей от цзинских подданных, он желает передаться великому государству. По заведении с ним связей, вам можно будет замышлять против Валибу и Няньмухо". Министры поверили этому и дали Сяо-чжун-гуну письмо к Елюй-юй-ду. Сяо-чжун-гун, по возвращении, отдал письмо Валибу, а сей объявил об нем государю. Кроме того, главнокомандующий из Лин-фу²³⁷ представлял, что ляосский Лян-ван Елюй-яли находится на севере в княжестве Ся и желает, соединившись с царством Сун, начать вражду с Цзинь. Уминь убедил императора отправить письмо к Лян-вану. На пути из Хэдуна в Лин-фу сие письмо также было перехвачено от Няньмухо, который равно донес о нем своему государю. И цзиньский государь снова послал на войну против юга Няньмухо и Валибу, из коих первый выступил из Юнь-чжуна (Западной столицы?), последний - из Бао-чжэу. Сунский государь, по выступлении с войском, несколько раз посылал к ним послов, через коих обещался выплатить назначенную по условию с Валибу дань и отдать им три области. Но все его посольства не имели успеха. Няньмухо и Валибу продолжали идти вперед (там же).

^{111*} Бао-чжэу и Сюн-чжэу подведомственны Северной столице.

^{112*} Сии четыре городка находились в губернии Шань-си.

^{113*} Цзинь-цзун, Тянь-вэй и Чжэнь-дин были подведомственны Северной столице.

^{114*} Ляо-чжэу находился в Шань-си.

^{115*} Чжэн-чжэу находился в Хэнаньской губернии.

^{116*} Цзин-кан, первое лето, одиннадцатый месяц. Няньмухо на пути из Тай-юаня к Бянь-цзину истребил и покорил все проходимые места. Когда брал Пин-янь-фу, Вэй-шэнь-цзюнь, Лун-дэ-цзюнь и Чжэ-чжэу, чиновники, бросив города, один за другим убежали. В то время, как Няньмухо достиг реки, сюаньфусский чиновник фу-ши²⁵⁰ по имени Чжэ-янь-чжи стоял по берегам реки с 220 тысячами войска. Тогда же прибыл для охранения реки Ли-хой с 10 тысячами конницы. "Южного войска много, - говорил тогда Няньмухо. - Если дать сражение, то неизвестно победим или будем побеждены. Итак, лучше показать им пустую храбрость". И поелику после сего он производил бой к сражению до самого утра, то все войско Чжэ-янь-чжи разбежалось. Ли-хой равно пошел обратно к столице. Цзиньский амбань Хэлюй со своим отрядом наперед перешел Мэн-цзинь; за ним перешел Няньмухо. После сего Ян-нинь, управлявший местом Хэ-янь²⁵¹, и хэнаньский комендант Ван-сян, равно оставив город, бежали. Юн-ань-цзюнь и Чжэн-чжэу совершенно окорились цзиньскому государству. По переходе реки, Няньмухо, не говоря уже о трех областях, прислал посла с предложением отдать им все места с двух сторон реки (восточной и южной) и сделать граничною чертою Хуан-хэ. По сей причине в столице приняли строгие меры предосторожности. К цзиньскому войску отправили послами Фын-сы и Ли-жо-шуй. Но Ли-жо-шуй писал несколько раз с дороги, что в переговорах о мире никак нельзя согласиться и просил принять строгие меры к обороне и сопротивлению.

^{117*} Линь-хэ, Да-минь и Хуай-чжэу были подведомственны столице Шан-цзин. Хуай-чжэу истреблена не от Валибу, но от Няньмухо. См.: Ган-му: Цзин-кан, первое лето, одиннадцатый месяц; Лечжуань, 12; Цзинь-ши, 74, лист 5.

прибавочного месяца²⁵⁴ сунское войско вышло навстречу. Валибу разбил оное в сражении. Во второй день пришел к Бянь-цзин Няньмухо, и столица была взята. Сунский государь Чжао-цин-цзун удалился в Цин-чэн²⁵⁵. В двенадцатый месяц в день Гуй-хай сунский государь Чжао-цин-цзун покорился государству Цзиньскому и в тот же день возвратился в Бянь-цзин^{118*}. Император Тай-цзун издал следующий указ: "Размышляя о государстве, мы находим, что его границы хоть и отдаленны, но война еще не прекращена; его пустыни и степи хотя и просторны, но на них еще не открыты пашни; чиновники хотя и укомплектованы, но жалования и степени оным еще не распределены; наконец, дани со внешних стран хотя и существуют, но число дворов для гостей еще недостаточно. Все это зависит от сил народа. Если не будем побуждать его печься о главном (земледелии) и не прекратим его беспечности, то, при общем желании государя и подданных, возможно ли иметь довольство? Правители народа, обнародовавшие повеление, да возбуждают в нем ревность к земледелию".

^{118*} Цзин-кан первое лето, одиннадцатый месяц. Цзиньский главнокомандующий Валибу из Чжень-дина в двадцать дней прибыл к столице Бянь-цзин и остановился в Люцзясы. Няньмухо, прибывший для соединения из Хэ-ян, остановился в Цин-чэн и требовал, чтобы сам государь явился к нему и дал клятвенное обещание. В это время вспомогательные войска двух провинций (южной и западной), по распоряжению Тан-цзи и Гэн-нин-чжун, отозваны были обратно, почему в столице было всего только 70 тысяч оберегательного войска и стрелков из лука. Из них 10 тысяч, составив отдельно пять отрядов, приготовил для защиты в случае необходимости, поручив управлять ими Яо-ю-чжун и Синь-юн-цзун. Между тем, отправили посла для сбора войск, находившихся в столице, вручив ему предписание, скрытое в воске, и приказали ему выйти за заставу кратчайшей проселочной дорогой. Равно отправлены были нарочные к начальникам оберегательных войск в областях Кан-ван²⁵⁶ и Хо-бэй с повелением прийти на помощь столице, но все посланцы были перехвачены дозорными неприятельскими войсками, и не оставалось никакой возможности к спасению города. При ежедневных опустошениях цзиньцев, в окрестностях сразился с ними Ван-цзун-чу. Вблизи города он был разбит и пал в сражении. Цзиньцы сделали приступ к южной стороне города. Чжан-шу-е и Фань-цзюнь, разделивши войско, противостояли им, но издали увидев цзиньцев, обратились в бегство. В их отрядах при взаимном давлении погибло около тысячи человек. Внутри столицы оставалось только 30 тысяч оберегательного войска, которые можно было употреблять. Но и в оном из десяти человек не хватало пяти и шести. При всем том для обмана неприятеля по временам давали сражения, показывая возможность к сопротивлению. От цзиньцев прибыли вновь послы и объявили, чтобы государь сам не выходил из города, но чтобы явились для переговоров один из царевичей (Цин-ван) и Хо-ли. Повелено было указом отправиться Юэ-вану, но при самом отправлении Няньмухо, прислав навстречу ему войско, князь отложил свою отправку. Цзиньцы говорили, что нарушено слово (верность). Тем сильнее они стали делать нападение на город, и снова прислали послов: настоятельно требовали царевича для клятвенного обещания. По высочайшему повелению отправлен был к цзиньскому войску для исправления мира Фын-ся и Цао-фу вместе с князьями из императорского дома Чжао-чжун-вэнем и Чжао-ши-пу. По прибытии их, Няньмухо отослал всех обратно, не сказав им ни одного слова. Цзиньцы сделали приступ к воротам Сюань-хуа-мэнь. Фань-цзюнь с тысячами воинов сделал вылазку, но при переходе через реку обломился лед, и 500 человек потонуло, отчего войско еще больше потеряло бодрость. В то время несколько дней постоянно шел снег. Хэ-ли беспрестанно настаивал на том, чтобы Го-цзин сделал вылазку, но Го-цзин день ото дня откладывал. Только теперь Го-цзин спустил с городской стены все оберегательные и назначенные для вылазок войска (запретив им украдкой смотреть назад). Растворив городские ворота, после выхода всех повелел сразиться с цзиньцами. Сам же Го-цзин вместе с Чжан-шу-е поместился на городской башне. Цзиньцы, разделившись на четыре колонны, с криком бросились на войско Го-цзина и разбили оное. Воины обратились в бегство и на бегу, попадая в реку Хулун-хэ, наполнили оную своими трупами. Немедленно затворены были ворота. Го-цзин сказал Чжан-шу-е, что хочет употребить хитрость. Выйдя из крепости, он собрал остальное войско и бежал на юг. Когда цзиньцы вошли на стену, всеми жителями города овладев, войска четырех сторон крепости пришли в замешательство. Цзиньцы зажгли ворота Нань-сюнь и другие. При этом замешательстве войска лишился жизни старший советник городского правления Яо-ю-чжун, а комендант городской крепости Лю-янь-цин, пробившись через ворота, бежал, но был убит преследовавшей его конницей. Советники Хо-цин-янь, Чень-Хэ-ли и Гао-чжень, равно как и их служители, сражаясь со всем усилием, все пали мертвыми. Таким образом, город был взят. Государь, услышав о взятии города, в слезах сказал: "Я не воспользовался советом Чун-ши-дао и от того дошел до сего состояния!" (Чун Ши-дао советовал, при уходе цзиньцев от столицы в первый раз, нагнать их на половине дороги и сразиться.) Городской гарнизон вошел во двор Ду-тыня и умертвил цзиньского посла Лео-янь. Несколько десятков людей войска и города, ломая ворота Цзю-е-мэнь, просили видеть императора. Государь, вышедши на башню, успокоил их и заставил отойти. Начальники и несколько сотен воинов хотели пройти с государем напролом сквозь осаду, при этом все находившиеся при государе разбежались. И Цзян-сюань при малочисленности воинов оставил свое намерение. Хэ-ли, собрав жителей столицы, хотел вступить в сражение на улице, но цзиньцы остановили его, объявив, что хотят вести переговоры о мире. Император, узнав о намерении цзиньцев заключить мир и отправиться обратно, послал в их войско Хэ-ли, Цзи-вана и Чжао-сюй и просил мира. Няньмухо и Валибу говорили: "Исстари, если был Юг, то был и Север; невозможно не быть одному из них. В настоящее время наши требования заключаются только в отмежевании земель". За сим Хэ-ли, возвратясь, донес, что цзиньцы хотят, чтобы явился к ним (в предместье города) прежний государь. Тогда император сказал: "Прежний государь от печали и страха нездоров. Если непременно хотят, чтобы к ним явился, то я сам иду". И отправившись в Цинчэн, в стан Няньмухо, представил доклад, коим

1126 год

Пятое лето Тянь-хой, первый месяц. Из Кореи приезжал посол с докладом, что князь корейский хочет быть заграничным вассалом^{119*}. Хотя Корейское княжество издавна имело дружественные связи, но клятвенного договора не представляло. Тай-цзун беспрестанно отправлял послов и с угрозами требовал одного, но все без успеха. Наконец, отправился в Корею Хан-фан и с настойчивостью требовал клятвенного договора. Князь корейский, собравши из своего княжества людей ученых, знающих древние и новые уставы, советовался с ними об ответе. Уже по прошествии десяти дней только решились дать следующий ответ Хан-фану: "Наше небольшое княжество двести лет служило царствам Сун и Ляо. И хотя не давало клятвенных обязательств, но обязанностей заграничных вассалов не нарушало. Теперь, служа высокому государству, мы должны последовать обыкновениям царств Ляо и Сун. Требуемые беспрестанно клятвенные договоры беспрестанно могут быть нарушаемы. Это не составит удовольствие для премудрых. Посему мы никак не решимся дать клятвенного обещания". Хан-фан говорил им на сие: "Ваше государство непременно хочет следовать древним обыкновениям. В древности император Шунь²⁵⁷ в пять лет однажды совершал путешествие по империи, и четырежды являлись к нему князья всех уделов. Великие князья царства Чжэу²⁵⁸ в шесть лет однажды обозревали государство, и однажды приезжали к ним удельные князья. В настоящее время наш государь, обозревая государство, часто путешествует на запад. Итак, ваш государь должен сам являться к нему". Корейцы, не находя слов для ответа, говорили: "Мы посоветуемся об этом". "Одним словом, - сказал Хан-фан, - решите дело касательно клятвенного договора и явки ко двору". После сего корейцы представили клятвенный договор. И Хан-фан возвратился. Вабэнь в чрезмерной радости говорил Хан-фану: "Кто мог, кроме тебя, совершить это дело! Отселе, - продолжал он, - надлежит выбирать людей, отправляемых в другие государства". Няньмухо и Валибу прислали доклад сунского дома Тай-цзун-хану о покорности. Вельможа Лю-ян-цзун представил императору, чтобы государя сунского опять утвердить из фамилии Чжао. Тай-цзун не согласился и сделал государем великого царства Чу²⁵⁹ сунского министра Чжан-бан-чана^{120*}. В четвертый месяц цзиньское войско взяло Шань-фу и Го-чжэу²⁶². Няньмухо

изъявил желание покориться. Хэ-ли, радуясь, что переговоры о мире утвердились, возвратился в палату Ду-тан и целый день провел в пировании и веселии.

При возвращении государя во дворец, вышли к нему навстречу чиновники, народ и воспитанники Академии. Государь, закрыв лицо и горько рыдая, говорил: "Министры довели до крови кости наших отцов и детей". Из видевших его не было человека, который бы не проливал слез. Цзиньский двор прислал посла и потребовал 10 миллионов слитков золота, 20 миллионов слитков серебра и 10 миллионов кусков шелковых материй. После сего с большими усилиями отыскивали серебро и золото. Чань-го-тину и Чжэ-ян-чжи повелено было отправить в области Хэдуньскую и Хэбэйскую для отмежевания земель цзиньцам. Сверх сего Эр-ян-сюнь и другие, всего двадцать человек, разосланы были в разные места с указами императорскими. Но жители тех мест не слушали повелений государя и твердо защищались от цзиньцев.

Второе лето Цзинь-кан, первый месяц. Цзиньцы снова потребовали императора в их лагерь. При нерешительности на сие государя, Хо-ли и Ли-жэ-шуй, представляя это дело маловажным, убедили его отойти. Итак, государь, сделав Сунь-фу помощником наследника, поручил ему управление государством, а сам вместе с Хо-ли и Ли-жэ-шуй вторично отправился в Цин-чен. Тянь-циу, узнав об этом, говорил: "Однажды уже вышли из меры, нужно ли повторять то же?" Астроном Угэ также объявил Хо-ли, что звезда Ди-дзо (в Геркулесе - Rasalgethi) слишком склонилась, посему, если государь отправится, то непременно попадет в сети неприятеля. Но Хо-ли не послушался его. По прибытии государя в Цин-чен, жители столицы ежедневно выходили на встречу с императором. Няньмухо удерживал его и себя и не позволял возвратиться. Когда воспитанник Академии Сюй-куй представил доклад, коим просил возвратить государя, то цзиньцы казнили его.

В двенадцатый месяц Цзинь-кан первого лета Цзиньское государство постановило оброк с упряжи волов.

Примечание. Три вола составляли упряжь; с каждой упряжи брали пять мер хлеба для запаса на неурожайный год.

^{119*} По китайскому тексту, посол корейский прибыл в шестой месяц четвертого лета; по Ган-му - в шестой месяц первого лета Цзинь-кан, и цзиньский двор дал корейцам Бао-чжэу.

^{120*} Во второй месяц второго лета Цзинь-кан Уцимай, получивши от императора сунского доклад о подданстве, его и старшего сунского государя сделал простолюдинами. Президент государственного совета Лю-ян-цзун просил его снова поставить государя из фамилии Чжао, но Уцимай не согласился. Цзиньцы, отправив в столицу вельмож У-чань и Мо-чоу, требовали представить им для утверждения на престол человека из другой фамилии и прислать к ним старшего государя. Тогда Сунь-фу говорил: "Я признаю повелителем Срединной империи только моего государя, если утвердят из другой фамилии, тогда я обрекаю себя на смерть". Он представил цзиньцам доклад, коим просил утвердить государя из фамилии Чжао, но на оный не было ответа. Фань-цзун, посадив старшего государя и его супругу на возницу, запряженную волами, вывез их из дворца. Юнь-ван-чжао-кай, а также царицы и царевны, зятя государевы и все именитые жены из шести гаремов императорских равно были увезены. Остались только императрица Юань-ю из фамилии Мэн, так как она по разведении с государем жила в собственном доме. Первоначально цзиньцы настоятельно потребовали у начальника провинции Кайфэн-фу по имени Сюй-бин-чэнь представить всех царевичей, царских внуков, цариц и царевен по списку, доставленному евнухом Дэн-шу.

и Валибу возвратили войско из столицы Бянь-цзин и привезли с собой двух государей сунских - Хой-цзуна и Цинь-цзуна и более 470 человек из их рода, государственную печать, императорские одежды и экипажи, жертвенные сосуды, музыкальные инструменты, планы, географические карты^{121*} империи и другие различные вещи, употребляемые императором. Император Тай-цзун издал указ, коим повелевал во всех поколениях хэсугуаньских и у вновь покорившихся народов разводить вступивших после подданства в брак в одной фамилии. В первый день пятого месяца сунский князь Кан-ван Гоу^{122*263} назвался государем в Гуй-дэ-фу^{123*}; Чан-бан-чан был убит. Лоуши покорил сунские города Се, Цзянь, Цы, Си, Ши, Хэчжун, Кэлань, Нинхуа, Баодэ и Хошань^{124*264}. Талань, сделав нападение на Шань-дун, взял Ми-чжэу²⁶⁵. Диху завладел Шань-чжэу^{125*266}, и ему покорились жители Гуан-синь-цзюнь. В шестой месяц помер главнокомандующий левого крыла Валибу. Его по смерти наименовали Вэй-ваном. Шэму, по взятии Хэцзяньфу, разбил сунцев при Мочжоу, и ему сдался Сюньчжоу. Талань завоевал Цичжоу. Тогда же сдались Юннинцзюнь, Баочжоу и Шуньаньцзюнь^{126*267}. Зимой в десятый месяц из округа Ша-чжэу, княжества Хой-ху²⁶⁸, Халасань-хан прислал в Цзиньское государство посла с данью. Улиньда Тай-юй при Цзы-чжэу²⁶⁹ разбил войско сунского генерала Ли-чжа, и ему покорился город Чжао-чжэу²⁷⁰. Алихо, вошедши в места Сюнь-чжэу, разбил неприятельское войско и взял Хуа-чжэу^{127*}. Сайли овладел городом Жу-чжэу^{128*271}.

Сюй-бин-чэнь объявил, чтобы никто никого у себя не прятал и каждые пять домов заставил взаимно поручиться друг за друга. После чего Сюй-бин-чэнь, более 3 тысяч человек связав вместе рукавами одежд, представил цзиньцам. Когда цзиньцы повелевали государям переменить одежду, Ли-жэ-шуй, обхватив младшего государя, предался плачу и ругал цзиньцев, называя собаками. Цзиньцы, оттащив его, били палками, изранили ему лицо, и он полумертвый пал на землю. Няньмухо послал 10 латников охранять его и приказал, чтобы никто не делал обиды Ли-жэ-шуй. После сего Ли-жэ-шуй перестал употреблять пищу. Другие убеждали его, говоря, что дела нельзя поправить и, если он теперь же смиренно покорится, то завтра может сделаться богат и знаменит. Ли-жэ-шуй на это отвечал: "На небе нет двух солнц; может ли Ли-жэ-шуй иметь двух государей?" Сопровождающие его люди также увещевали, говоря, что у него остались престарелые отец и мать, и если он изъявит некоторое согласие на требование неприятеля, то может надеяться увидеться с ними. Но Ли-жэ-шуй грозно отвечал им: "О доме я более не думаю!" За сим цзиньцы принудили старшего императора призвать императрицу (супругу младшего государя) и наследника престола. Сунь-фу долго не решался отсылать наследника. Советник городского правителя по имени У-гэ хотел, нарядивши наследника в простую одежду, провести сквозь осаду под прикрытием войска. Но Сунь-фу на сие не согласился. Намеревались скрыть наследника в хижине простолюдина, отыскать похожего на него и, умертвивши сего вместе с двумя евреями и несколькими преступниками, представить их головы цзиньцам, объявив, что евреи хотели тайно освободить наследника, и что народ, при поднятии от сего бунта, убил нечаянно наследника. Почему, усмиривши бунт и предавши казни зачинщиков, принесли головы. Но в продолжении пяти дней никто не решался на сие дело. А так как настояния со стороны У-цзянь и Мо-чэу чрезвычайно круты, то Фан-цзюнь, опасаясь переворота в столице, привел в страх угрозами стражу и, посадив императрицу и наследника в одну повозку, вывез их из города. При этом Сунь-фу сказал: "Я помощник наследника и должен разделить с ним жизнь и смерть". Итак, он, поручив дела главнокомандующего столицей Ван-ши, отправился вслед за наследником. Чиновники и войско бежали за наследником и плакали, а наследник зывал к народу о своем спасении. И стоны потрясли небо!

По прибытии к воротам Нань-сюнь-мэнь Фан-цзюнь насильно остановил Сунь-фу. Цзиньская стража при воротах говорила ему, что требуют наследника, а в главнокомандующем нет надобности. На сие Сунь-фу отвечал: "Я первостепенный вельможа и помощник наследника, почему обязан быть при нем неотлучно до смерти". После чего он лег под воротами и ожидал дальнейших повелений. Ли-жэ-шуй пробыл в цзиньском стане 10 дней. Няньмухо, призвав его к себе, спрашивал касательно постановления императора из другой фамилии. Ли-жэ-шуй, порицая его, назвал злодеем. Няньмухо велел его вывести, но Ли-жэ-шуй, обращаясь назад, ругал его еще сильнее. Чиновник Цзянь-цзюнь, сделав удар по щеке, ранил ему губы, но поелику и после сего, с извержением крови, он еще больше произносил ругательства, то ему отрезали язык и, наконец, перерезали горло. Цзиньцы говорили между собой: "При падении царства Ляо умерших за правду оказалось до 10 человек; в Южном²⁸⁰ царстве умер один только шилан²⁶¹ Ли".

Второй месяц второго лета. Сунские вельможи вообще не были согласны на избрание государя из другой фамилии. Наконец, они были вынуждены согласиться на избрание Чжан-бан-чана, которого они особенно не желали, потому что он не жертвовал своею жизнью за спасение государства и государей. Его хотели цзиньцы!

^{121*} По кит. тексту: астрономические и географические чертежи и книги.

^{122*} Из Ган-му: Валибу, по знанию о восшествии на престол императора (сунского Кан-вана), советовал возвратить августейшего и через то теснее соединиться, но Няньмухо не согласился. В сие время его не стало, и дело осталось неоконченным. Кажется, Няньмухо завладел властью, а Уцзитай, будучи не в состоянии повелевать им, пользовался только пустым титулом государя. См. Цзя-янь первое лето, 6 месяц.

^{123*} Гуй-дэ-фу находилась в Хэ-нань.

^{124*} Сии десять городов находятся в губернии Шань-си.

^{125*} Шань-чжэу подведомственна Гуй-дэ-фу.

^{126*} Сии семь городов находились в Северной столице.

^{127*} В двенадцатый месяц первого лета Цзянь-янь цзиньский двор, узнав о том, что сунский государь (Кан-ван-гэу) отправился в Ян-чжэу (из Южной столицы), собрал войско из восьми областей и напал на Юг тремя дорогами. Няньмухо шел из Юнь-чжуна к горе Тай-хан; а Хэ-ян, перешедши реку, напал на область Хэнаньскую,

1127 год

Шестое лето Тянь-хой. В первый месяц Учжу разбил отряд сунского Чжэн-цзун-мэна в Цин-чжэу²⁷²; Инчжукэ взял Дэн-чжэу²⁷³. Мау взял Фан-чжэу²⁷⁴, завладел еще городом Цин-чжэу. Шэму завоевал Вэй-чжэу^{129*}. Дибугу разбил войско Чжао-цзы-фана. Салихэ поразил сунцев в Хэшане²⁷⁵. Когда корпус сунского генерала Ма-ко прибыл в Лэ-ань, генерал Цзун-фу, дав сражение, разбил оный. Цзиньское войско, узнавши, что сунский государь Гао-цзун^{130*} находится в Вэй-янь²⁷⁶, по причине наступления времени посевов, пошло обратно. Учжу разбил сунцев в Хэ-шань. Во второй месяц Балису взял Тан-чжэу и Цай-чжэу. Илагу разбил сунского генерала Тай-цзун-цзюня при Да-мин. В следующий день поразил его войско и взял в плен самого Тай-цзун-цзюня и Сун-чжуня. Кроме того, Балису взял Чжэнь-чжэу и разрушил Ин-чан-фу, Цзиньское войско снова покорило жителей Чжэнь-чжэу, передавшихся царству сунскому^{131*}. В сей месяц переселены на северную сторону реки жители городов Ло-ян, Сян-ян, Ин-чань, Жу-чжэу, Чжэн-чжэу, Цзюнь-чжэу, Фан-чжэу, Тан-чжэу, Дэн-чжэу, Чэнь-чжэу и Цай-чжэу^{132*}. Лэоши покорил Тун-хуа^{133*}, Цзин-чжао и Фын-сян^{134*277} и взял в плен сунского чиновника цзин-чжи-ши²⁷⁸ по имени Фу-лян. Генерал Алинь разорил Хэ-чжун^{135*}. В третий месяц Талань овладел городом Эн-чжэу^{136*}. В шестой месяц Тай-цзун, желая внести в историю деяния его предков, издал манифест, коим спрашивал об оных знающих. Он поручил Уе, сыну Полашу, и Елюй-ди-юэ описать оные. Уе и Елюй-ди-юэ, тщательно исследовав слова и дела предков, написали в трех частях книгу о деяниях десяти государей, начиная с прадеда Хорибу. Они подробно описали каждое поколение, воды с означением владетелей оных, села и деревни, не скрывая ни одного поступка во взаимных отношениях с царством Киданьским, в войнах с другими поколениями, в хитростях и обманах при посредничестве. Они во всем соблюли верность.

От Корейского княжества требовали подданных нуй-чжи, перешедших в оное после заключения мира с корейцами, бывшего при Тай-цзу, и в продолжении с лишком десяти лет не могли кончить дела по сему предмету. Уе представил по сему случаю доклад императору Тай-цзуну, в коем говорил следующее: "Амбань^{137*} слышал, что нет добродетели, которая бы была выше повиновения Небу, и милости, которая была бы

Инчжукэ отдельно послал напасть на места Ханьшанские; Олидо и Учжу повелел из Янь-шань идти через Цан-чжэу и, по переходе реки, напасть на область Шань-дун и, отделивши корпус Али-пулхуя, войти в Хуай-нань. Салихэ и Хэ-фын отправлены были через Тун-чжэу для нападения на Шаньси. Цзун-чжэ, узнав, что цзиньцы условились напасть на места Бяньские, послал Лю-яня в Хуа-чжэу и Лю-да к Чжен-чжэу. Таким образом, разделены были их силы. Всем предводителям войск повелел охранять мосты по реке и ожидать, пока соберется главное войско. Посему цзиньский генерал Учжу, не осмелясь идти к Бянь, в ночи разрушил мост и ушел назад. Лэоши, достигши Хэдуна, не мог переправиться через реку, поелику на западном берегу стояло императорское войско. Посему снова из Хань-тэна перешел по льду и взял Тун-чжэу и Хуа-чжэу. По взятии неприятелем крепости Тун-гуань, Ван-се оставил Шань-чжэу и бежал с войском в Шу. Область Чжунюаньская (столица Бянь-цзин) пришла в трепет.

^{128*} Цзы-чжэу находилась в губернии Шань-дун, Чжао-чжэу подведомственна Чжэнь-дин-фу, что в Северной столице; Хуачжоу и Жу-чжэу находились в области Хэнаньской.

^{129*} Цин-чжэу находилась в губернии Шань-дун.

^{130*} Ка-ван-гэу.

^{131*} Учжу, по покорении Чжэнь-чжэу, приблизился к Восточной столице сунской (Бянь-цзин), но был разбит от Цзун-чжэ. См. Второе лето Цзянь-янь, первый месяц (в Ган-му).

^{132*} Ло-ян, Цзюнь-чжэу, Фан-чжэу, Тан-чжэу, Дэн-чжэу, Чэнь-чжэу, Цай-чжэу и Ин-чан-фу находились в Хэ-лань; Сян-ян находилась в области Ху-гуан. Сии города все были завоеваны у Сун.

^{133*} Лэоши, по взятии Тун-хуа-чжэу и других городов, окружил военный городок Юн-син-цзюнь. Пограничный комиссар Тан-чжун вместе с другими чиновниками поклялся защищать город до смерти. Но Фу-лян с несколькими сотнями воинов овладел воротами, вышел из города и покорился неприятелю. Тогда Тан-чжун умер с восемью офицерами. См. Ган-му, второе лето Цзянь-янь, первый месяц.

^{134*} Цзин-чжао и Фын-сян находились в губернии Шань-си.

^{135*} Во второй месяц шестого лета Тянь-хой цзиньцы взяли Хуай-нин-фу. При нападении цзиньцев на город дено и ночью чиновник чжи-фу по имени Сян-цзы-шао твердо защищался против них и отправил человека к Цзун-чжэ, просить у него вспомогательного войска. Но прежде прибытия оного, город был взят. Когда цзиньцы требовали от Сян-цзы-шао покорности, Сян Цзы-шао, ругая их, не преклонялся и был умерщвлен. Все из его семейства равно были умерщвлены. Ян-ши, услышав о взятии Хуай-нин-фу, сказал: "Сян-цзы-шао, без всякого сомнения, умер". См. Ган-му, первое лето Цзянь-янь, второй месяц.

В третий месяц цзиньцы взяли Чжун-шань-фу, который три года держали в осаде. Внутри города прекратились съестные припасы, и народ до того обессилел, что не мог владеть оружием. При всем том, чиновник чжи-фу²⁷⁹ по имени Чэнь-гэу, собравши все войска внутри города, хотел дать решительное сражение. Но генерал Ша-чжэнь умертвил Чэнь-гэу. Воины изрубили за сие Ша-чжэня в куски. По взятии города, цзиньцы, узнав труп Чэнь-гэу и называя его верным амбанем, положили оный в гроб и похоронили.

^{136*} Эн-чжэу подведомственна Дай-мин-фу.

^{137*} Во избежание местоимения первого лица, чиновники перед государем, говоря о себе, употребляли слово "амбань", которое означает "вассал".

важнее благодеяния к подданным. Требуемые нами люди вообще суть потомки Учуня, Омуханя, Ахая и Ахэсуя - людей коварных, отложившихся и бежавших от нас прежде. В прежние времена мы призывали к себе народ четырех сторон, между тем, сии люди нам не покорялись. С того времени, как прежний государь вошел в дружественные связи с Кореей, они, узнав о нашей силе и величии и называясь одноплеменниками, один за другим изъявили желание перейти к нам в подданство. Но Корейское княжество, не внимая к нашим требованиям, не соглашалось с нами; отчего долгое время производилась война. Кажется, прошло уже около тридцати лет с того времени, и оно теперь только соединилось с нами. Люди того времени теперь все перемерли. Их дети и внуки обжились в тех местах и завели с туземцами родственные связи. Но так как мы не перестаем постоянно требовать их, то они не смеют там оставаться и отдаются нам. Разлучать ближайших родственников поистине несообразно с общим мнением. Напротив, оказывать сострадание к людям есть обязанность, всем свойственная. Если непременно будем отыскивать нашу собственность, говоря: то - твое, а это - наше, то сие не составит великой мысли оказывать ко всем одинаковую любовь^{138*}. В нашем государстве народа много, и оно в окружности простирается на десять тысяч ли. Итак, какая для нас польза в приобретении сих людей? Мы теперь потребовали их, и если нам не отдадут, то, при крепости оружия и храбрости войска, нам не трудно будет взять их. Но военные оружия суть орудия пагубные, а война - дело истребления, ими пользуются только в крайности. Корейский двор по обязанности заграничного вассала платит дань без упущения. Итак, если владетель княжества считается вассалом, то и его народ не есть чуждый для нас. Премудрые, следуя правоте, не осуждают за малые погрешности и в выполнении обязанностей не выжидают дней. По моему мнению, надлежит оказывать милосердие к подданным и делать великою добродетель послушания к Небу. Корейцы не называют наших перебежчиков своими. Итак, если мы, согласно с желанием сих последних, оставим наши требования, то и тогда мы как бы приобрели их". Государь Тай-цзун последовал сему представлению.

Амбань Далань, отправив войска, взял Цы-чжэу²⁸⁰ и Синь-дэ-фу^{139*}. Бунтовщик чженьдинский назвался главнокомандующим и царевичем. Но генерал Салихо усмирил его. В седьмой месяц сунский государь Гао-цзун прислал в государство Цзинь посла с докладом, коим просил мира^{140*}. Тай-цзун не согласился на оный и повелел указом выступить войску в поход. Двух сунских государей - Хой-цзуна и Цинь-цзуна - призвал в столицу Шан-цзин. В восьмой месяц Лэоши поразил сунцев при Хуа-чжэу^{141*281}. Утэла разбил сунское войско при реке Вэй-шуй²⁸² и взял город Ся-гуй^{142*}. В день Дин-чоу двум государям сунским повелено было одеться в простую одежду и явиться в храм Тай-цзу. Когда они увиделись с Тай-цзун-ханом, император Хой-цзуна пожаловал Хунь-дэ-гуном, а Цинь-цзуна - Чун-хунь-хэу^{143*} и в тот же день объявил о сем в храме Тай-цзу. Император, постановив названия должностей окружных (чжэу) и уездных (цзюнь) чиновников, также выдачу и прекращение им жалования, обнародовал о сем во внутренних и внешних областях империи^{144*}. В девятый месяц Шэн-го и другие генералы разбили сунцев при Пу-чэн²⁸³. Потом, снова поразив сунское войско при Тун-чжэу, взяли город Дань-чжэу^{145*}. В десятый месяц. Пуча Лэоши²⁸⁴ разбил сунцев при Линь-чжэнь^{146*}. Хунь-дэ-гуна и Чун-хунь-хэу поселили в Хань-чжэу^{147*285}. Генералы Няньюху и Цзун-фу, соединясь при Пу-чжэу²⁸⁶, пошли воевать царство Сунское. В одиннадцатый месяц Пуча Лэоши взял Янь-ань-фу и Пу-чжэу^{148*} и покорила Суй-дэ-цзюнь.

^{138*} По китайскому тексту: "Жалобы сих людей достойны сожаления, а мы непременно хотим отыскать нашу собственность, что составляет только зло для нас и них. Это не есть великая мысль - показывать ко всем одинаковое милосердие".

^{139*} Цы-чжэу находится в области Хэ-нань. Синь-дэ-фу Цзиньское государство переименовало в Синь-чжэу; теперь он подведомствен Пекину.

^{140*} Сунский государь дважды присылал послов просить мира. В первый раз были отправлены Вань-лунь и Чжу-бень, кои цзиньцы, не соглашаясь на мир, удержали у себя (см. первый год, одиннадцатый месяц). За сим Гао-цзун послал к ним министра Юй-вэнь Сюй-чжуна, с коим изъявил желание быть (заграничным) вассалом цзиньским. Юй-вэнь Сюй-чжун сам остался у цзиньцев, не соглашаясь отправиться обратно без двух императоров, коим он просил возвращения. После сего цзиньцы склонили его в свою службу; Юй-вэнь Сюй-чжун, по вступлении в оную, занимался вместе с Хань-Фан составлением законов. См. Ган-му: Цзянь-янь, второе лето, пятый месяц.

^{141*} Хуа-чжэу находился в области Шань-си.

^{142*} Ся-гуй подведомствен Хуа-чжэу.

^{143*} Гун есть княжеское достоинство первой степени; хэу - князь второй степени. Хунь-дэ значит: помраченная добродетель, а Чунь-хунь - вдвойне помраченный.

^{144*} По кит. тексту: "...сделав перемены в названиях чиновников в округах и уездах, равно в определении им жалования, обнародовал о сем внутри и вне".

^{145*} Тун-чжэу, Пу-чэн и Дань-чжэу находились в области Шань-си.

^{146*} Линь-чжэнь-сянь подведомственна Янь-ань-фу.

^{147*} Хань-чжэу подведомствен Линь-хуан-фу.

^{148*} Пу-чжэу подведомствен Янь-ань-фу. Янь-ань-фу находилась в области Шань-си. По Ган-му: "Пучжоу взят от Няньюху и Цзун-фу в 33-й день по осаждении оного" (см. десятый месяц второго лета Цзянь-янь).

В двенадцатый месяц Учжу овладел Кай-дэ-фу^{149*}. Амбань Цзун-фу покорил Дай-мин-фу^{150*}; Гу-ша-ху взял Гун-чжэу^{151*287}.

1128 год

Тянь-хой седьмое лето. Во второй месяц сунский вельможа Чжэ-кэ-циу из губернии Линь-фу²⁸⁸ покорился государству Цзинь с жителями трех городов: Линь, Фу и Фын^{152*}. Ляоши, Сайли и Гушаху разорили Цзинь-нин-цзюнь^{153*289}. Охранявший город Сюй-хой-янь со всем войском сопротивлялся во внутренней крепости. Он хотел из осады напролом, но цзиньское войско схватило его. Цзиньские генералы требовали, чтобы Сюй-хой-янь сделал коленопреклонение, но он не кланялся. Его страшали смертью, приставив оружие, но он не показывал ни малейшего страха. После сего цзиньские генералы послали покорившегося генерала Чжэ-кэ-циу склонять его к покорности. Чжэ-кэ-циу был сват Сюй-хой-яня. Сюй-хой-янь, показывая на Чжэ-кэ-циу, жестоко порицал его. Так как его слова были нескромны, то его умертвили. Окружной начальник Сунь-ан и все его войско равно отказались от покорности, почему всех их казнили. В четвертый месяц Пуча Ляоши взял города Лу-чжэу^{154*290} и Фан-чжэу^{155*}. В пятый месяц Балису и другие генералы гнались за сунским государем Гао-цзуном до Ян-чжэу^{156*291}. В девятый месяц^{157*} Учжу разбил сунцев при Цзюй-ян и покорил сам город Цзюй-ян²⁹². Кроме сего, покорил Цао-чжэу^{158*}. В десятый месяц сдались жители городов Цзин-чжао-фу и Гун-чжэу. Генералы Али, Дан-хай и Да-гао поразили сунское войско при Шэу-чунь^{159*}, чиновник ань-фу-ши по имени Ма-ши-юань покорился со всеми жителями города. Еще покорился город Лу-чжэу^{160*}. В одиннадцатый месяц Учжу взял Хэ-чжэу^{161*293}. Перешедши реку Цзян²⁹⁴, Учжу разбил корпус сунского главнокомандующего Ду-чунь при Цзян-нин²⁹⁵. Чэнь-бан-гуань, охранявший Цзян-нин^{162*}, сдался с жителями города.

В двенадцатый месяц Учжу взял Ху-чжэу²⁹⁶ и истребил Хан-чжэу^{163*}. Генерал Алипу-лу-хунь гнался за сунским государем до Мин-чжэу и покорил Юэ-чжэу^{164*}. Да-гао, поразив войско сунского генерала

^{149*} По Ган-му: Учжу взял Кай-дэ-фу и Сян-чжэу (см. десятый месяц второго лета Цзянь-янь).

^{150*} То есть Северную столицу сунскую. Царство Сунское имело четыре столицы, из коих первая называлась Восточной (или Бянь-цзин) и была Кай-дэ-фу, вторая - Западной и была Хэ-нань-фу, третья - Южной и была Иньтянфу, четвертая - Северной и была Дай-мин-фу (см. Бянь-лань).

^{151*} Дай-мин-фу подведомственна Северной столице. Гун-чжэу находилась в области Шань-си. В двенадцатый месяц пятого лета Тянь-хой Няньмухо взял Си-цин-фу. Когда солдаты хотели раскопать могилу Конфуция, Няньмухо спросил у толмача: "Кто такой был Конфуций?" Толмач на сие отвечал, что Конфуций был в древности великий и премудрый человек. "Возможно ли, - сказал тогда Няньмухо, - разрывать могилу великого и премудрого человека?" И воинов предал казни.

^{152*} Линь-чжэу есть нынешний уезд Фу-го-сянь, Фу-чжэу - теперешний уезд Шэнь-му-сянь. Сии три города находились в области Шанси.

^{153*} Цзинь-нин-цзюй находился в области Шань-си и был нынешний Дуань-чжэу.

^{154*} По Ган-му, в маньчжурском (перевод) Лу-чжэу названа Фу-чжэу, вероятно, для различия от Люй-чжэу (Лу-чжэу). Сей иероглиф действительно имеет сей выговор, только в другом месте, в названии же округа читается "Лу".

^{155*} Лу-чжэу и Фан-чжэу подведомственны Янь-ань-фу.

^{156*} Во второй месяц седьмого лета Тянь-хой (третьего лета Цзянь-янь). Когда Няньмухо достиг Чу-чжэу, ему сдался генерал Чжу-линь, защищавший город. За сим Няньмухо, подвинувшись вперед, взял военный город Тянь-чан-цзюнь. Государь, будучи извещен от евнуха Хуан-сюнь о приближении цзиньцев, немедленно бежал в Чжэнь-цзян-фу. В тот же день цзиньский генерал Мау с пятьюстами всадниками прибыл в Янь-чжэу и, узнав о побеге государя на юг, гнался за ним до места Ян-цзы-цяо. Цзиньцы зажгли город Ян-чжэу и удалились. Пламя поднялось до неба! (см. Ган-му).

В шестой месяц, по возвращении из похода Няньмухо и Олидо (Цзун-фу), Учжу просил своего государя Уцимая, выставив войско из областей Янь, Юнь и Хэ-шо, сделать нападение на юг, и Уцимай согласился. Учжу, по взятии Цы-чжэу, Шань-чжэу и Ми-чжэу, взял Синь-жень-фу. Император (сунский), узнав о новом походе цзиньцев, отправил в царство Цзиньское посла, но сего посла цзиньцы сослали в ссылку.

^{157*} В девятый месяц седьмого лета Тянь-хой (третьего лета Цзинь-янь) цзиньцы взяли Южную столицу?

^{158*} Чжу-янь-сянь подведомствен Гуй-дэ-фу; Цао-чжэу находился в области Шань-дун.

^{159*} Шэу-чунь есть нынешний Шэу-чунь-чжэнь и находится в Ань-хой.

^{160*} Лу-чжэу называют иначе Люй-чжэу; теперь он называется Люй-чжэу-фу и находится в области Янь-хой.

^{161*} Гун-чжэу, Лу-чжэу и Хэ-чжэу находились в Нанцзинской области.

^{162*} Цзян-нин в Ган-му назван Цзян-кан.

^{163*} Цзян-нин-сянь подведомствен Ин-тянь-фу; Ху-чжэу и Хань-чжэу находились в области Чжэ-цзян.

^{164*} Мин-чжэу есть Нин-бо-фу. Юэ-чжэу есть нынешний Шао-син-фу. Оба города подведомственны Чжэ-цзян.

Чжэу-вана при Сию-чжэу, вторично разбил его на северо-восточном углу города Хан-чжэу^{165*}. Алипу-лу-хунь разбил сунцев при Восточной крепости (Дун-гуань). За сим, перейдя реку Цао-э-цзян^{166*297}, опять поразил сунцев на мосту Гао-цяо^{167*}. Сунский государь Гао-цзун ушел в море^{168*}.

1129 год

Восьмое лето Тянь-хой. В первый месяц император Тай-цзун, Хань-ци-сяня сделав председателем палаты, призвал его в столицу Шань-цзин. Когда Хань-ци-сянь представился императору, то Тай-цзун в изумлении сказал: "Сего человека я часто видел прежде во сне, а теперь вижу его наяву". С сего времени советовался с ним об уменьшении и пополнении обрядов и законов по древним уставам. Хань-ци-сянь был весьма сведущ в священных книгах и истории. Так как он знал постановления прежних государей, то исполнение какого-нибудь закона или отменение одного равно зависели от него. Хань-ци-сянь, будучи министром, при выборе чиновников принимал на себя обязанность в научении и поощрении молодых людей. Он умел различать способности людей, и в его время было много умных чиновников. Замечая ошибки государя, он, со скрытностью своего намерения, давал ему увещания^{169*}. Няньмухо, Вабэнь и другие вельможи весьма его уважали, и все люди того времени называли его мудрым министром. Алипу-лу-хунь овладел городом Мин-чжэу и взял в плен охранявшего сей город генерала Чжао-бо-э. Алибу и Шэлиэ взяли три сунских города - Тай-пин, Шунь-чан и Хао-чжэу^{170*299}. В том же месяце пришел в подданство государства Цзинь сунский главнокомандующий Ду-чунь со всеми подчиненными^{171*}. Во второй месяц Учжу, возвращаясь с войском от Хань-чжэу, взял Сиу-чжэу и Пин-цзян^{172*300}. В это время взбунтовалась столица Бянь-цзин. Генерал Да-дили снова овладел ею^{173*}. Учжу при Чжэнь-цзяне вступил в сражение с сунским Хань-ши-чжуном и был разбит. В четвертый месяц Учжу вторично сразился с Хань-ши-чжуном при Цзян-нине, и войско Хань-ши-чжуна было разбито. Все войско цзиньское перешло Цзян^{174*}. За сим Алубу вступил в сражение с неприятелем при Чжэ-гао³⁰¹, генерал Чжэу-ци сразился в Шэу-чунь и, наконец, Лэоши дрался с неприятелем в Шунь-хоа. Все три корпуса одержали победы (над

^{165*} По кит. тексту: Да-гао поразил Чжэ-вана в Сиу-чжэу, кроме того, разбил сунское войско на северо-западе от Хан-чжэу.

^{166*} Цао-э-цзян был подведомствен Шао-син-фу.

^{167*} По Ган-му: сунцы поразили цзиньцев при Гао-цяо (см. двенадцатый месяц третьего года Цзянь-янь).

^{168*} В одиннадцатый месяц третьего лета Цзянь-янь император, услышав о поражении Ду-чуня, спрашивал у Люй-и-хао совета, на что решиться. Люй-и-хао советовал удалиться в море. "У неприятеля, - говорил он, - много конницы, ему никак нельзя преследовать нас на судах, а в Цзян-чжэ места жаркие. Ему невозможно оставаться там надолго. Дождавшись его ухода, мы опять возвратимся в места двух Чжэ²⁹⁸. При выходе неприятеля мы будем входить, а при его вступлении - удаляться. Это составляет военную хитрость". Государь, признав его слова справедливыми, отошел к Мин-чжэу (см. Ган-му). В двенадцатый месяц Учжу взял Линь-ань-фу и, сведав о пребывании государя в Мин-чжэу, послал Алипу-лу-хуня с отборной конницей за ним в погоню. Государь, севши на корабль, пустился в море (см. там же, ниже).

^{169*} По кит. тексту: "При соображениях о каком-нибудь деле или при увещаниях государя, они (чиновники) непременно просили совета у князя Хань-ци-сянь".

^{170*} Тай-пин, Шунь-чан и Хао-чжэу подведомственны Южной столице.

^{171*} Четвертое лето Цзянь-янь. В первый месяц Лэоши взял Шань-чжэу. Чиновник чжи-фу по имени Ли-янь-сянь с твердостью защищал город и всех послов от неприятеля предавал смерти. Наконец, его силы истощились, и город был взят. Ли-янь-сянь бросился в реку и помер. Ни один из его народа и чиновников не хотел покориться, и Лэоши, выгнав всех, истребил (см. Ган-му). Во второй месяц (четвертого лета) цзиньцы, истребив все города Цзянь-си, напали на места Хунаньские и взяли Тань-чжэу. Истребив город, они удалились.

^{172*} Пин-цзян находился в Чжэцзянской области.

^{173*} Таким образом, все четыре столицы были взяты цзиньцами (см. Ган-му, четвертое лето Цзянь-янь, второй месяц).

^{174*} Учжу, будучи везде тесним и поражаем от Хань-ши-чжуна, терял совершенно возможность к переходу через реку. Он начал вести переговоры с неприятелем, но победитель, не соглашаясь на возвращение одной добычи, кою Учжу получил через грабеж сунских городов, требовал от него двух императоров и всех земель, захваченных цзиньцами. По сему переговоры не состоялись. Учжу стал изыскивать средства к истреблению флота сунского. Некто по фамилии Ван из Минь научил его в тихую погоду, когда корабли неприятельские не в состоянии двигаться, выступить на легких судах и метанием огненных стрел зажечь корабли. Учжу воспользовался сим советом и истребил весь флот неприятельский. Едва спасся от смерти только сам Хань-ши-чжун, который убежал в Чжэнь-цзян. После сего Учжу перешел Цзянь и стал при Лу-хо-сянь. Хань-ши-чжун с восемью тысячами воинов 48 дней противостоял 100-тысячному корпусу Учжу, наконец, был разбит. Впрочем, и цзиньцы после сего уже не смогли вторично переходить Цзяна (см. Ган-му, четвертый месяц четвертого лета Цзянь-янь).

неприятелем) и, покорив город Ли-чжэу, завоевали потом Бинь-чжэу^{175*302}. В пятый месяц император Тай-цзун законом запретил простолюдинам обоего пола свободно вступать в монашество, а детям не от одного отца или матери вступать между собой в супружество³⁰³. В седьмой месяц император отправился на теплые воды Восточной столицы; Хунь-дэ-гуна и Чжунь-хунь-хэу переселил в губернию Гулигайскую^{176*} в город У-го-чэн, который от Восточной столицы (сунской - Шан-цзин) находился на северо-востоке в 1000 ли. В девятый месяц император Тай-цзун наименовал Лю-юя^{177*} Хуандием великого царства Ци³⁰⁵, повелев ему потомственно называться сыном в отношении к дому Цзинь. Дай-мин-фу³⁰⁶ был назначен ему столицей^{178*}. Генерал Цзун-фу разбил отряд сунского Чжан-сюня при Фу-пине. За сим сдались города Ио-чжэу^{179*} и Фын-сянь-фу. В десятый месяц Государь Тай-цзун пожаловал сунским и ляосским чиновникам грамоты на следующие чины их государств³⁰⁷. В одиннадцатый месяц Цзун-фу взял Цзин-чжэу. Ему же сдался город Вэй-чжэу. Сверх того, Цзун-фу разбил отряд Лю-ни при Ватине. Ему покорился и Юань-чжэу^{180*}. Цзиньюаньский областной начальник Чжан-чжун-фу и начальник пограничного войска Ли-янь-ци поддались государству Цзинь. Мау и другие генералы разбили войско У-цзе при Лун-чжэу^{181*}. В двенадцатый месяц. Амбань Цзун-фу поразил войско сунского Лю-гуань-ши^{182*} при Си-хэ и ему сдался город Си-чжэу^{183*308}.

1130 год

Девятое лето Тянь-хой. Весной, в первый месяц, Пучагу, Валу и Вань-янь Тэли отправились для поражения Чжан-вань-ди, и при Бо-ма-ху³⁰⁹ были разбиты неприятелем. Учжу и Алубу утвердили за собой округи Гун-чжэу, Тао-чжэу, Хэ-чжэу, Ло-чжэу, Си-нин-чжэу, Лань-чжэу, Ко-чжэу и Цзи-ши-чжэу^{184*310} и водворили спокойствие в областях Цзин-юань и Си-хэ. В десятый месяц, по завоевании от Салихэ Цинь-яня, государству Цинь покорился Му-вэй с жителями города Хуань-чжэу^{185*311}. Учжу сразился с У-цзя в Хэшан-нань^{186*312} и войско Учжу потерпело поражение.

1131 год

Тянь-хой, десятое лето. В четвертый месяц Няньмухо, Цзун-фу и Си-янь, явившись во дворец, говорили Вабэню: "Прошло много времени, как достоинство амбана-боцзителя³¹³ сделалось праздным.

^{175*} Шэу-чунь был подведомствен Фын-ян-фу и есть нынешний Шэу-чжэу. Бинь-чжэу и Ли-чжэу находились в области Шань-си.

^{176*} Гулигай находится в области Хой-нин-фу.

^{177*} Лю-юй был сунский подданный из Чжи-ань, коего Талань склонил отложиться (см. Ган-му, первый месяц второго лета Цзянь-янь). Он, посредством искательств у Талань и Няньмухо, добился того, что его сделали государем Ци на место государей из фамилии Чжао, называвшихся государями царства Сун (см. там же: девятый месяц четвертого лета). В сей же (девятый, четвертого лета) месяц от Талань (Цзун-фу) взят город Чу-чжэу.

^{178*} Дай-мин-фу подведомственна Северной столице. Цзиньцы отдали Лю-юю область Шаньсийскую и, таким образом, места Чжуньюаньские сделались совершенно подвластными Лю-юю (см. Ган-му, одиннадцатый месяц первого лета Шао-син).

^{179*} Ио-чжэу и Фу-пин-сянь подведомственны Си-ань-фу.

^{180*} Город Вэй-чжэу был подведомствен Пин-лян-фу и находился в области Шань-си. Цзин-чжэу и Юань-чжэу были подведомственны Цин-ян-фу.

^{181*} Лун-чжэу подведомствен Пин-лян-фу.

^{182*} По кит. тексту: "...поразил войско сунского Лю-вэй-фу".

^{183*} Си-чжэу был Линь-тао-фу.

^{184*} Все сии города находились в области Шань-си.

^{185*} Цинь-янь и Хуань-чжэу находились в Шань-си.

^{186*} В одиннадцатый месяц первого лета Шао-синь, после поражения при Фу-пине, У-цзя, собрав разбежавшееся войско, решился защищать до смерти места Хошань-юаньские. Народ сих мест с радушием доставлял ему тайно от цзиньцев съестные припасы, за кои У-цзя платил ему серебром и шелковыми тканями. Цзиньские генералы Моли и Улучжэхэ, выступив разными путями к крепости Сань-гуань, условились во времени соединиться в Хэ-шань-юань. Но У-цзя не допустил их соединиться, разбив каждого порознь. После сего цзиньцы весьма озлобились против У-цзя и непременно решились взять его. Посему Учжу, собрав более 100 тысяч войска, ринулся с оным в Хэ-шань-юань. У-цзя, распределив всех полководцев на смены, повелев им производить непрерывную перестрелку из лука, и неприятель немного отступил. Когда неприятель, по пресечении подвоза провианта, пришел в бессилие и удалялся, в Шань-ча выступило против него засадное войско, и неприятель пришел в большой беспорядок. После У-цзя, сделавши нападение ночью, сильно поразил его. Сам Учжу был поражен двумя стрелами и едва избавился от смерти. Обривши бороду, он убежал (см. Ган-му).

Если не утвердят ни за кем одного в настоящее время, то чтобы впоследствии не отдали его человеку недостойному. Хэла есть старший внук покойного императора. Его следует утвердить в сем достоинстве". Согласившись между собой, они вошли в палату императора и неотступно просили о сем Тай-цзун. Император Тай-цзун, считая неприличным отвергнуть представления Няньмухо и других первостепенных вельмож, согласился на их убеждения. Он сделал Хэла амбанем-боцзилеем, Цзун-наня³¹⁴ - государственным хулу-боцзилеем, Вабэня^{187*} государственным боцзилеем левой стороны, а Няньмухо - государственным боцзилеем правой стороны³¹⁵, повелев ему исправлять должность главнокомандующего надо всем войском. Цзин-фу^{188*} сделал главнокомандующим левого крыла. После сего император Тай-цзун дал указ Хэла следующего содержания: "Ты - старший внук Тай-цзу; посему я тебя сделал амбанем-боцзилеем. Отселе не принимай участия в играх с детьми, выдавая себя за малолетнего, тщательно усовершеншайся в добродетелях". В двенадцатый месяц Салихо завоевал город Цзинь-чжэу.

1132 год

Тянь-хой, одиннадцатое лето. В первый месяц Салихо, разбив войско У-цзе при крепости Жао-фынгуань, взял Ян-чжэу и вошел в Син-юань-фу^{189*}. В одиннадцатый месяц амбань Учжу завоевал места Хэшанюаньские.

1133 год

Двенадцатое лето Тянь-хой. Во второй месяц Салихо поразил войско У-цзе в Гу-чжэнь^{190*}.

1134 год

Тринадцатое лето Тянь-хой. Первого месяца в день Цзи-сы (т.е. 23 числа) император Тай-цзун скончался во дворце Мин-дэ-гун. На престоле сидел тринадцать лет; от роду имел шестьдесят один год.

^{187*} Цзун-нань есть сын императора Тай-цзун Уцимая. Вабэнь также сын Уцимая.

^{188*} Цзин-фу был сын Тай-цзу, отец Улуя; его первоначальное имя Олидо.

^{189*} Цзинь-чжэу, Фын-гуань и Ян-чжэу составляли Хань-чжун-фу³¹⁶. Син-юань-фу подведомствен Хан-чжун и находился в области Шань-си. По Ган-му, Салихо в Син-юань-фу был окружен неприятелем с лица и тыла и сильно поражен. Сверх того, в его войске оказалась зараза. Посему он пошел назад (см. второй месяц третьего лета Шао-син).

^{190*} По возвращении после сего цзиньского войска из похода, Лю-юй, будучи утесняем сунским войском, просил государя цзиньского вместе с его войском снова сделать нападение на юг. Итак, цзиньское войско снова выступило против царства Сунского (см. Ган-му, девятый месяц четвертого лета Шао-син). Но на пути, услышав о болезни своего государя, оно пришло обратно (см. там же, двенадцатый месяц).

III. ИМПЕРАТОР СИ-ЦЗУН

1134 год

Император Си-цзун назывался по имени Дань; его первоначальное имя было Хэла. Он был внук Тай-цзу Агуды и сын Фын-вана Син-го; имя его матери Пу-ча-ши³¹⁷. Родился он в третье лето правления Тянь-фу императора Тай-цзу. В первый месяц тринадцатого лета Тянь-хой император Тай-цзун скончался. Си-цзун преемственно занял престол императорский и обнародовал о сем указ во внутренних и внешних областях империи. Он отправил послов в княжества Ци, Корейское и Ся известить о трауре и объявить о наследовании им престола. Сверх того, послал указ к Лю-юю - государю княжества Ци, коим повелевал, - ему с сего времени называться вассалом и отнюдь не именоваться сыном. В третий месяц император Си-цзун государя Тай-цзуна по смерти почтил титулом Вэнь-ле-хуанди, а в храме предков дал имя Тай-цзун и похоронил его в Хэ-лин. После того младшего государственного боцзиля и главнокомандующего Нянмухо сделал чиновником тай-бао и, поручив в управление три палаты^{191*318}, назвал его Цзинь-го-ваном. В четвертый месяц помер Хунь-дэ-гун-чжао-цзе^{192*319}. В девятый месяц Си-цзун, возводя по смерти на степень императора своего отца Фын-вана Син-го, назвал Цзинь-сюань хуандием, в храме предков дал ему имя Хой-цзун, свою родственницу Пу-ча-ши почтил названием Хой-чжао-хуан-хэу. Императрицу Хэ-ши-ле-ши³²⁰ и Тань-гуа-ши назвал Тай-хуан Тай-хэу.

1135 год

Четырнадцатое лето Тянь-хой. В восьмой месяц император Си-цзун своих предков девяти колен, дедов и баб, почтил по смерти титулами императоров и императриц³²¹. Прадеда Сянь-пу назвал Цзинь-юань Хуанди, а в храме предков почтил именем Ши-цзу. Сына Сянь-пу, Уру, назвал Дэ-хуандием, а его сына Баха - Ань-хуандием (Ань-ди). Сын Бахая, Суйхэ, назван Дин-чжао-хуандием, а в храме предков - Сянь-цзуном. Сын Суйхэ, Шуру, назван Чэн-сян-хуандием, в храме предков - Чжао-цзуном. Угунай, сын Шуру, наименован Хой-хуань-хуандием, в храме - Ши-цзуном. Хорибу, второй сын Угуная, наименован Шэнь-су-хуандием, в храме предков - Ши-цзуном. Четвертый брат Хорибу, Полашу, назван Му-сянь-хуандием, в храме предков - Су-цзуном. Енгэ, пятый брат Хорибу, наименован Сяо-пин-хуандием, в храме предков - Му-цзуном. Уяшу, старший сын Хорибу, назван Гун-цзянь-хуандием, в храме предков - Кан-цзуном. Жертвенники Сянь-пу, Угуная, Хорибу, Тай-цзу и Тай-цзуна оставлены неприкосновенными.

1136 год

Тянь-хой пятнадцатое лето. В седьмой месяц помер главнокомандующий трех палат, князь Цзинь-го-ван Нимаха на пятьдесят восьмом году от рождения^{193*}, по смерти он пожалован титулом Чжэу-сун-ван. Элу, седьмой сын Тай-цзу, и Хуру, второй сын Тай-цзуна, - оба сделаны князьями. Далань сделан

^{191*} Три палаты суть: шан-шу-шэн - Государственный Совет, чжун-шу-шэн - Сенат, мэнь-ся-шэн - Канцелярия Императора.

^{192*} Сунский старший император.

^{193*} См. Лечжуань 12; Цзинь-ши 74; л. 7, где сказано, что Нимаха помер в четырнадцатое лето Тянь-хой.

старшим главнокомандующим и произведен в достоинство князя царства Лу; Учжу сделан правого крыла главнокомандующим и возведен в достоинство Шэнь-вана. В одиннадцатый месяц понижен король царства Ци по имени Лю-юй и наименован князем Су. В двенадцатый месяц император Си-цзун будущий год переименовал в первое лето правления Тянь-цзюань и обнародовал прощение.

1137 год

Первое лето правления Тянь-цзюань. Сунский двор прислал^{194*} тайно Даланю подарки. После чего Далань убеждал императора Си-цзуна отдать царству Сунскому места Хэнаньские, и император, согласясь на представления, отдал сии места сунцам. В восьмой месяц император свою резиденцию назвал Шан-цзинь, а целую область наименовал губернией Хой-нин-фу; прежнюю столицу Шан-цзин³²⁸ назвал Северной столицей. В девятый месяц император Си-цзун повелел чиновникам нюйчжи, киданьским и китайским давать жалованные грамоты на их природных языках. В десятый месяц запрещен вход с саблей во дворец чиновникам, кои достоинством ниже князя первой степени.

1138 год

Тянь-цзюань второе лето. В четвертый месяц император Си-цзун определил парадное платье для чиновников, являющихся во дворец. Из царства Сунского прибыл посланник с благодарностью за уступление области Хэнаньской. В шестой месяц император Си-цзун говорил вельможам, по сторонам стоящим: "В книге обрядов и правления я нахожу, что во времена танского Тай-цзуна государь и министры разговаривали между собой, каковое обыкновение считаю весьма достойным подражания"³²³. "Это происходило оттого, - отвечал академик Хань-фан, - что танский император Тай-цзун с кротостью и вниманием делал вопросы, а Фан-сюань-лин, Ду-жу-хой и другие вельможи были исполнены к нему верности. Сия книга, хотя и мала, но она достаточна для подражания". Император продолжал: "Танский Тай-цзун был хороший государь в одном колене, но каков был танский император Мин-хуан³²⁴?" "После танского Тай-цзуна, - отвечал Хань-фан, - только Мин-хуан и Сянь-цзун могут считаться лучшими государями. Впрочем, Мин-хуан был хорош при начале, но под конец переменялся³²⁵. При начале он с трудом приобрел престол, и после сего, посредством вельмож Яо-гуна и Сун-цзина, действовал справедливо; таким образом, в его правлении Кай-юань было спокойно. Под конец, сделавшись нерадивым, правление возложил на коварного Ли-линь-фу; от сего в его правление Тянь-бао^{195*} было смутно. Если бы под конец мог быть рачителен, также как при начале, то для него бы нетрудно было достигнуть правил Тай-цзуна". Император одобрил слова Хань-фана. Император Си-цзун снова спросил: "Каков был государь Чжэу Чэн-ван³²⁶?" Хань-фан отвечал, что в древности тот считался государем мудрым. "Чэн-ван, - сказал тогда император, - хотя и почитался государем мудрым, но и он был мудр при силах Чжэу-гуна. Люди последующих времен были не признательны к Чжэу-гуну за то, что он казнил двух своих старших братьев: Гуань-му и Цай-му. По моему мнению, он сделал сие для пользы государства, и осуждать его за это не следует". В седьмой месяц старший сын Тай-цзуна, князь Сун-го-ван Пулуху, и седьмой сын Тай-цзу, князь Янь-го-ван Эргуень³²⁷, согласясь между собой, хотели отложиться. Император Си-цзун, узнав об этом, казнил обоих. В девятый месяц сунский император прислал в государство Цзиньское послом вельможу Ван-луня с просьбой о возвращении тела его родителя и доставлении матери Вэй-ши³²⁸. Ван Лунь был задержан.

1139 год

Третье лето Тянь-цзюань. В пятый месяц главнокомандующий Лу-го-ван Далань, при обнаружении его замыслов, отложился и бежал из столицы Янь-цзин в царство Сунское. Учжу настиг Даланя в Ци-чжэу и предал его смерти. За сим, при совещании императора Си-цзуна о войне против царства Сунского, Гамбу (Вабэнь)³²⁹ и другие вельможи говорили, что сунский государь Кан-ван-гэу, забыв великие милости и не помышляя о благодарности за оные, сделался горд и ненасытен в желаниях; что если в настоящее время не обуздать его, то чтобы впоследствии не было трудно помышлять о сем. "Сунцы, - сказал на сие император, - быть может, вообразили, что нам не взять мест Хэнаньских. Но главнокомандующий Учжу

^{194*} В седьмой месяц. См.: Лечжуань 15; Цзинь-ши 74, л. 4, 13 и 14.

^{195*} Кай-юань и Тянь-бао суть названия лет правления танского императора Мин-хуана.

прежде долгое время находился в южных областях и знает все выгоды и неудобства оных. Итак, его надлежит отправить для завоевания". После чего он предписал, чтобы главнокомандующий Учжу из Ли-яна^{196*} шел на Бянь-цзин, а военный император Салихэ, выступив из Хэ-чжуна, шел на Шань-си. Итак, Учжу из Лияна вошел с войском в места столицы Бянь-цзин. Салихэ из Хэ-чжуна вступил в Шань-си. Учжу, отрядив генерала Кун-янь-чжэу, завоевал Бянь-чжэу и Чжэн-чжэу. Ван-бо-лун взял Чэнь-чжэу; генерал Лю-чэн взял Ло-ян³³⁰. Сам Учжу со всем войском завоевал по порядку сунские города: Хао-чжэу^{197*331}, Шунь-чан-фу, Гао-чжэу^{198*} и Жу-чжэу. Генерал Салихэ поразил сунское войско при Фын-сяне. В шестой месяц Салихэ, оставив всех своих генералов, сам с легкою конницей отправился вперед и разбил сунцев при Цзин-чжэу. Сунское войско побежало в Вэй-чжэу. Салихэ, преследуя его, побил его во множестве. В сие время, по причине жары, войска Учжу и Салихэ возвратились в Бянь-цзин. Когда Учжу прислал с донесением императору Си-цзуну о своих победах, царедворцы на поздравление писали стихи и представляли императору. Император, прочитав оные, сказал: "В век спокойствия должно уважать просвещение; так было в древности". В восьмой месяц император Си-цзун постановил степени царевен и княжен, а равно императорских зятьев. Так как в это время у императора Си-цзуна не было наследника, то некто, оклеветывая перед государем старшего министра Си-иня, донес, будто бы Си-инь вольно говорил на стороне, кому достанется престол. Император Си-цзун, поверив сему доносу, дал Си-иню следующий указ: "Твои тайные замыслы коварны и злы^{199*}. Ты вообразил, что нет государя, и произносимые тобою речи противозаконны. Говорят, что ты тайно рассуждаешь о том, кому достанется престол? Я давно слышал о сем. Итак, твои злые намерения сделались явны". Он повелел Си-иню умереть. Равно предал смерти за совещание младшего министра Сяо-цина, сына Си-иня, по имени Чжао-у, старшего полководца Бада и Мэньдая. В одиннадцатый месяц император Си-цзун потомка Конфуция в сорок девятом колене Кун-фаня возвел в достоинство янь-шэн-гуна. Император, узнав о невинности Си-иня, весьма сожалел о нем. Он говорил Цзун-сяню³³²: "Си-инь был с большими заслугами и умерщвлен безвинно. Каково будет, если я употреблю на службу его потомков?" Цзун-сянь отвечал: "Когда Ваше Величество, вспоминая о Си-ине, употребите его потомков, то этим окажите им большую милость. Но не сделав известною невинность покойного, возможно ли употребить его потомков?" "Вельможа, - сказал император, - твои слова справедливы". Он в тот же день возвратил Си-иню все его достоинства и за сим его внука, по имени Шэу-дао, сделал академиком^{200*333}.

1140 год

Тянь-цзюань четвертое лето. В первый месяц вельможи поднесли Си-цзуну титул: Чунь-тянь-ти-дао-цин-мин-вэнь-у-шэн-дэ-хуан-ди³³⁴. И с сего времени он начал носить императорскую одежду и шапку с висячими кистями. По сему случаю император приносил жертву в храме Тай-цзу и обнародовал милостивый манифест. Лета правления переименовал в первый год Хуан-тун и утвердил закон о возведении жен в достоинства.

Во второй месяц император государя ляосского Янь-си наименовал по смерти Юй-ваном; сунского Хунь-дэ-гуна Чжао-ци назвал Тянь-шуй-цзюнь-ваном, а сунского Чунь-хунь-хэу Чжао-хуань³³⁵ - Тянь-шуй-цзюнь-гуном³³⁶. Си-цзун сам ездил для жертвоприношения в храм Конфуция; обратясь к Северу сделал двукратное поклонение. По возвращении император говорил вельможам, с боков стоящим: "В лета юности я был свободен, но не знал учения, теперь весьма сожалею о том, что годы и месяцы проведены во тще. Конфуций, хотя и не имел знаменитых достоинств, но его законы достойны уважения, и в продолжении нескольких тысяч веков с удивлением смотрели на оные. Итак, всякий, кто желает быть совершенен, должен о сем стараться". После чего император денно и ночью занимался чтением книг Шу-цзин, Лунь-юй, об истории Пяти династий, дайляосской и других.

В пятый месяц не стало правителя трех палат, визиря и князя Лян и Сун Вабэня. Когда император отправлялся к нему сам, астрономы представляли, что во дни суй и хай³³⁸ не должно сетовать. Государь на сие сказал: "Отношения государя и вельможи подобны отношениям ближайших родственников. Возможно ли устраняться родственникам?" За сим, отправившись, он предался горькому плачу и семь дней после сего не занимался делом. В шестой месяц не стало сына Тай-цзу Цзи-вана Ару (Алу)³³⁹. Император ездил к нему, и в продолжении семи дней не занимался он делами. Он похоронил его тело, как и Вабэня.

^{196*} Ли-ян подведомствен Дай-мин-фу и есть нынешний Жуй-сянь.

^{197*} По кит. тексту: Бо-чжэу.

^{198*} По кит. тексту: Сун-чжэу.

^{199*} По кит. тексту: "...по тайному доносу других твоя злоумышленность обнаружилась".

^{200*} По кит. тексту: "...сделан чиновником Инь-фын Хань-линь-вэнь-цзы.

В девятый месяц генерал Учжу отошел для завоевания области Цзян-наньской³⁴⁰. По переходе реки Хуай-хэ³⁴¹, он послал в царство Сунское бумагу, в коей обвинял государя сунского. После сего прибыл с бумагою сунский посол и просил возвратить войско обратно. Тогда Учжу, постановив границу Хуай-хэ, пошел обратно. В двенадцатый месяц Уе, пятый сын Полашу, написав три тетради дел предков, представил оные императору Си-цзуну. Император возжег благовония и, стоя, принял книгу; наградил всех участвовавших в составлении записок следующими чинами.

1141 год

Хуан-тун второе лето. Во второй месяц у императора родился сын Цзи-ань. Си-цзун обнародовал прощение. Из царства Сунского прибыл послом вельможа Цао-сюнь с обещанием ежегодно представлять 250 тысяч лан серебра и 250 тысяч кусков шелковых тканей, сделать границею реку Хуай-хэ и вечно из рода в род хранить нерушимые клятвенные обещания. В третий месяц император Си-цзун, вследствие примирения с царством Сунским, отправил в оное амбана Лю-сянь³⁴² с императорской одеждой и короной, с яшмовою бланкой и грамотой о возведении на престол; сделал сунского Кан-ван-гэу императором и возвратил его мать Вэй-ши. Кроме того, тела прежней Кан-вановой жены Син-ши, его отца Тянь-шуй-цзюнь-вана^{201*} и жены Тянь-шуй-цзюнь-вана Чжэн-ши отослал в Цзян-нань. Император Си-цзун своего сына Цзи-инь сделал наследником престола. После сего он обнародовал внутри и вне империи о сделании сунского государя вассалом. В пятый месяц император не занимался государственными делами. С прошедшего лета император пристрастился к вину. Он пил беспрерывно днем и ночью с его приближенными вельможами. Когда министры являлись к нему с увещаниями, то государь, подавая им вино, говорил: "Вельможи! Я знаю ваши намерения, сегодня пью в последний раз и с завтрашнего дня перестану". Но опять пил по-прежнему. Император Си-цзун угощал всех вельможей в тереме У-юнь-лоу. Он тогда только прекратил подчивание, когда уже все перепились. Двенадцатого месяца в день Цзя-шень скончался наследник престола Цзи-инь.

1142 год

Третье лето Хуан-тун. В шестой месяц жители области Тай-юань поймали зверя се-чжай^{202*343} и представили императору Си-цзуну.

1143 год

Хуан-тун четвертое лето. В восьмой месяц император Си-цзун, без причины разгневавшись, умертвил своего сына Вэй-вана Дао-цзи. В одиннадцатый месяц в области Хэшо³⁴⁴ было землетрясение. По сему случаю император предписал указом простить жителям тех мест годовую подать; если у задавленных во время землетрясения не осталось людей, кои бы их похоронили, то чиновники пусть прикажут оброчным^{203*}, собравши их, трупы зарыть; во-вторых, жителей Шань-си, Пу-чжэу, Ся-чжэу, Жу-чжэу и Цай-чжэу^{204*345}, кои разбрелись по причине голода и продали самих себя в рабство, выкупить за счет казны и возвратить в прежние их места.

1144 год

Пятое лето правления Хуан-тун. Тогда как император Си-цзун денно и ночно пил вместе с приближенными вельможами, а чиновники не смогли делать ему увещания, министр Уе представил ему увещательный доклад. Тогда император перестал пить и объявил об этом чиновникам. В десятый месяц император Си-цзун, прославляя по смерти своего деда - императора Тай-цзу, почтил титулом Ин-цянь

^{201*} Тянь-шуй-цзюнь-ван есть титул сунского императора Хой-цзуна, данный по смерти (см. выше).

^{202*} Чудного барана, служащего предвестником счастья.

^{203*} Оброчными называются те, кои исправляют казенные работы.

^{204*} Хэ-чжэу подведомствен Линь-тао-фу, а Со-чжэу - губернии Си-цянь-фу; Пу-чжэу и Ся-чжэу подведомственны Пин-янь-фу.

син-юнь-чжао-дэ-динь-гун-жуй-шень-чжуан-сяо-жень-минь-да-шень-у-юань-хуан-ди. В двенадцатый месяц государь почтил по смерти титулом императора Тай-цзуна - Ти-юань-инь-юнь-ши-дэ-чжао-гун-чжэ-хай-жинь-шэн-вэнь-ле-хуан-ди³⁴⁶.

1145 год

Хуан-тун шестое лето. В первый месяц император Си-цзун всех потомков Тай-цзу возвел в достоинство князей. В пятый месяц помер корейский владетель Ван-цзе³⁴⁷. Император Си-цзун отправил посла для жертвоприношения и преемственно сделал корейским князем Сяня. В девятый месяц Си-цзун воздвиг памятники на могилах: Сюй-вана Валибу - за разрушение столицы Бянь-цзин, Жуй-цзуна Олидо - за водворение спокойствия в Шань-си, Чжень-вана Васая - за истребление царства Дяй-ляо, на могилах Ляоши и Инчжукэ равно за их заслуги. В сей месяц не стало Цао-вана Лю-юй.

1146 год

Седьмое лето Хуан-тун. В четвертый месяц император Си-цзун давал пир в палате Бянь-дянь и, напившись до безумия, умертвил президента палаты доходов Цзин-ли. В сие время принял правление Учжу. Губернатор Тянь-гу, твердый и правдивый, был способен высказать людям их поступки, а имевшие с ним дружбу были все люди ученые. С Тянь-гу хотели сдружиться Цай-сун-нянь, Сюй-линь и Цао-ван-чжи, но он отверг их дружбу. Цай-сун-нянь, озлобившись, оклеветал Тянь-гу перед Учжу, и Учжу донес на него императору. После чего Тянь-гу, Си-и, Син-цзюй-чжань, Ван-чжи, Гао-фын-тин, Ван-сяо, Чжао-и-син и Гун-и-цзянь - всего восемь ученых были вместе преданы смерти. Так погибли мудрые! В одиннадцатый месяц император Си-цзун сделал Вань-янь-ляна, внука Тай-цзу и сына Вабэня, старшим советником в Сенате.

1147 год

Хуан-тун восьмое лето. В четвертый месяц окончена история царства Дайляосского. Император, еще повысив Вань-янь-ляна, сделал чиновником пин-чжан-чжен-ши³⁴⁸. В восьмой месяц Учжу, окончив историю о Тай-цзу, представил императору Си-цзуну. Император возжег благовонные свечи и стоя принял оную. В десятый месяц помер правитель трех палат, визирь и главнокомандующий всех войск Юэ-го-ван Учжу. В одиннадцатый месяц старший министр Цзун-сянь и помощник министра Бин-дэ представляли императору, что начальников округов и уездов (цзюнь)³⁴⁹ надлежит определить из природных нюй-чжи. "Подданные империи все суть мои дети и слуги, - отвечал им император. - Когда будем делать между ними различие, тогда возможно ли будет достигнуть единства? Не употребляй на службу людей сомнительных и не имей сомнения в служащих, говорит пословица. Отселе употребляйте людей всех мест нашей империи, смотря на их способности". Вань-янь-ляна, снова возвысив, сделал министром и поручил в его управление три палаты.

1148 год

Девятое лето Хуан-тун. Четвертого месяца в день Жинь-шень ночью при сильном ветре шел дождь. Громовой удар, разразившись над спальней императорской, зажег оную. Огонь показался из угла покоев и проник во внутренность спальни; загорелись занавеси и перегородки, и государь перешел в другие покои. В день Дин-гоу в Ли-чжэу^{205*350} дрались драконы. Поднялся сильный ветер, от коего разрушались дома и здания присутственных мест. Черепицу, деревья, людей и животных уносило оным за десять ли и далее, несколько сот человек при этом лишились жизни. В пятый месяц император Си-цзун, увидя такую перемену в природе, вознамерился обнародовать милостивый манифест и поручил академику Чжан-цзюню написать по сему случаю обвинительный указ (в коем государь обыкновенно сознается в своих погрешностях, бывших причиной необыкновенных явлений в природе). Чжан-цзюнь, полагая, что кто хочет соответствовать внушениям Неба, тот должен глубоко винить себя, сочинил указ, в коем

^{205*} Ли-чжэу подведомственна Дай-дин-фу³⁵¹.

выражался, что по несоответствию добродетелей государя с его обязанностями Небо своим величием захотело показать его неправды. Кроме того, в указе были употреблены выражения: лишенный добродетелей, помраченный умом, слепец, ребенок и другие подобные. Император Си-цзун в сие время весьма был благосклонен к Сяо-ли. Хитрый и злой Сяо-ли, ласкательствуя Пэй-мань, императрице хана Си-цзуна, был во вражде с Чжан-цзюнем. Давая превратный толк сему указу, он представлял императору, что "несоответствующий обязанностям" есть совершенный беззаконник, слова "не имеющий" означают одинокого, не имеющего родственников, "помраченный умом" значит не разумеющий дел подданных, "слепец" значит лишенный зрения и, наконец, слово "ребенок" выражает дитя, не могущего еще ходить; что все сии выражения сочинены китайцами в порицание государя. Император, чрезвычайно разгневавшись, приказал Чжан-цзюня вывести из палаты вниз, где сделал ему несколько сот ударов палками. Но Чжан-цзюнь не умер. После сего слуги императорские схватили нож, вонзили оный в уста и таким образом умертвили его, труп изрезали в мелкие куски. Император Си-цзун наградил за сие Сяо-ли лучшим поясом из кости носорога. В сей же день простил всех преступников, заключенных в темницах шанцзиньских. Император спрашивал вельможей: "Кто научил Чжан-цзюня написать такой указ?" Старший министр Цзун-сянь отвечал, что его научил Вань-янь-лян. Для императора сии слова были неприятны, и он, понизив Вань-янь-ляня, послал его во внешние провинции в должности сенатского прокурора. Вань-янь-лян, миновав Среднюю столицу, достиг городка Лян-сян, как император Си-цзун прислал к нему гонца и повелел возвратиться. Вань-янь-лян, не постигая причины возвращения, в большом страхе прибыл обратно. Император Си-цзун снова Вань-янь-ляня сделал чиновником пин-чжан-чжэн-ши. После сего Вань-янь-лян еще больше сделался боязлив и осторожен. Он с помощником старшего министра Тан-гуа-бянем³⁵², младшим министром Бинь-дэ и чиновником да-ли-цин³⁵³ по имени У-дай советовался об утверждении нового государя, лишивши престола настоящего императора. При сем Вань-янь-лян, считая себя старшим внуком императора Тай-цзу и надеясь, что непременно его утвердят на престоле, говорил им: "Если начнем великое дело, то кого сделаем императором?" Тан-гуа-бянь и Бинь-дэ сначала не думали возвести на престол Вань-янь-ляня, поэтому Тан-гуа-бянь отвечал, что есть младший брат Цзао-ван Чан-шэнь. Вань-янь-лян еще спросил: "Кто будет ему преемствовать?" "Преемствовать может Алань, сын Дэн-вана", - отвечал Тан-гуа-бянь. "Но Алань, - заметил Вань-янь-лян, - есть дальний родственник царский. Как он может сидеть на престоле?" "Князь! - сказал тогда Тан-гуа-бянь, - не намерены ли Вы сами утвердиться на престоле?" "В самом деле, - отвечал Вань-янь-лян, - оставив меня при такой крайности, кого утвердим?" После сего они утром и вечером делали тайные совещания. Вельможа Тэ-сы, усомнясь в Тан-гуа-бяне и его сообщниках, донес императрице Пэй-мань³⁵⁴, что Тан-гуа-бянь и его сообщники часто делают между собой тайные совещания. Императрица Пэй-мань пересказала сии слова императору Си-цзуну. Си-цзун сильно разгневался и, призвав Тан-гуа-бяня, говорил ему: "О каком деле ты советовался с Вань-янь-лянем и что хотите со мной сделать?" Он бил Тан-гуа-бяня палками. Вань-янь-лян, озлобясь за сие на Чан-шэна, Аланя и Тэ-сы³⁵⁵, начал с ними вражду. В сие время некто Сунь-цзинь в области Хэнаньской назвался младшим братом императорским Ань-ча-дай-ваном. Си-цзун, думая, что никто, кроме Чан-шэна и Сала, не называется царским братом, предположил, что непременно в сем участвует Чан-шэн. Он послал Тэ-сы допросить Чан-шэна, но подозрения оказались несправедливыми. Вань-янь-лян, зная сомнения императора в Чан-шэне решился при сем случае оклеветать его. Он говорил императору: "В Хэнани восстал Сунь-цзинь, и этому есть причина. Он не назывался другим именем, а назывался императорским младшим братом Да-ваном. У Вашего Величества младшие братья суть только Чан-шэн и Сала. Тэ-сы исследовал дело неверно, от сего оно оказалось несправедливым". Император Си-цзун поверил этому и, по совету Вань-янь-ляня, послал Тан-гуа-бяня и Сяо сделать допрос Тэ-сы. Тан-гуа-бянь с жестокостью делал допрос Тэ-сы, и Тэ-сы, будучи вынужден пытками, ложно объявил, что Чан-шэн точно виноват. Тогда император Си-цзун казнил Цзу-вана Чан-шэна и его младшего брата Сала, также Тэ-сы и Аланя. Таланя, младшего брата Аланя, император не хотел казнить. Но Вань-янь-лян говорил ему: "Если казнил старшего брата, то ужели оставишь младшего?" После сего и Талань был убит. Император Си-цзун почитал Вань-янь-ляня преданным себе, более и более возвышал его в должности и не понимал его обманов. В одиннадцатый месяц Си-цзун умертвил императрицу Пэй-мань и повелел ввести во дворец Самао - жену Цзу-вана Чан-шэна. После сего император, уехав на охоту, прислал с оной человека умертвить княгинь Дэ-фэй, Угулунь-ши, Цзя-гу-ши и Чжан-ши. В двенадцатый месяц Си-цзун, возвратясь с охоты, еще умертвил в своей спальне княгиню Пэй-мань-ши. Вань-янь-лян, зная, что все вельможи находятся в страхе, решился начать дело вместе с зятем императорским Тан-гуа-бянем, с находившимся при императоре Да-син-го и десятниками императорских телохранителей Пуса-хуту и Аличухо. В эту ночь Хуту и Аличухо были на страже внутри дворца. Они послали Лао-сэна для объяснения с Да-син-го. Во вторую смену стражи Да-син-го взял тайно печать императорскую, под предлогом царского повеления отворил ворота и

призвал Тан-гуа-бяня и других. Вань-янь-лян, скрывши при себе меч, со своим зятем Тэ-сы последовал за Тан-гуа-бянем. Стража, охранявшая ворота, не подозревая Тан-гуа-бяня, как царского зятя, пропустила их. Уже по достижении ими внутренних покоев, телохранители императорские догадались о их намерении. Тогда Тан-гуа-бянь и другие извлекли мечи, готовы были начать убийства; почему никто не осмелился сопротивляться им. Хуту и Аличухо вошли в переднюю императора. Государь искал меча, который клался, по обыкновению, на кровати, но оный от Да-син-го заранее был спрятан в другое место. Хуту и Аличухо, войдя в спальню, закололи императора. За ними вошел Вань-янь-лян и начал рубить государя. Кровь лилась струями на лицо и одежду Вань-янь-ляна. Император скончался на 31 году от рождения; царствовал пятнадцать лет.

IV. ИМПЕРАТОР ВАНЬ-ЯНЬ-ЛЯН

1148 год

Первоначальное имя Вань-янь-ляна было Дигунай. Он был второй сын Ляо-вана Вабэня; имя его матери - Даши. Родился в шестое лето Тянь-фу императора Тай-цзу. В третий месяц девятого года Хуан-тун император Си-цзун сделал его чиновником тай-бао и повелел управлять тремя палатами. В двенадцатый месяц Вань-янь-лян умертвил императора Си-цзуна. Биндэ и его сообщники еще были в нерешительности, кого возвести на престол. Хуту сказал им: "Мы прежде согласились возвести чиновника пин-чжан-чжэн-ши. Теперь зачем снова входить в сомнение?" И Вань-янь-ляна возвели на трон, и все поклонились ему, желая долголетия. После сего, ложно объявив, будто бы император Си-цзун советовался об избрании императрицы, созвали главных вельмож и предали смерти Цао-го-вана Цзун-миня³⁵⁶ и старшего министра Цзун-сяня. Узнавши о сем, старшая мать Вань-янь-ляна Ту-шань-ши и любимая жена Тай-цзу Сяо-ши в изумлении смотрели одна на другую. "Хотя император и нарушил законы, - говорили они, - но его вассал должен ли поступать таким образом?" За сим Ту-шань-ши явилась во дворец. Увидев Вань-янь-ляна она не сказала ему никакого приветствия, за что Вань-янь-лян весьма озлобился на нее. В этот же день Биндэ сделан старшим министром, а Тан-гуа-бянь - младшим; Удай сделан чиновником пин-чжан-чжэн-ши, Хуту - старшим чиновником (Цзо) фу-дянь-цзянь, Аличухо - младшим фу-дянь-цзянь³⁵⁷, Чжэнь - старшим полководцем³⁵⁸, а Дао-син-го - чиновником гуан-нин-инь³⁵⁹. Потом новый император повысил чинами двадцать особ, начав с визиря Уе. Он издал милостивый манифест и лета правления Хуан-тун переименовал в первое лето Тянь-дэ. Вань-янь-лян, призвав Сяо-ли и обвиняя его, говорил: "За какой проступок умертвил ты Чжан-цзюня? И за какие заслуги ты получил награду?" Сяо-ли был не в состоянии отвечать ему. "Для меня не трудно казнить тебя, - продолжал Вань-янь-Лян, - только служащие могут почесть меня мстящим за обиду". После сего он лишил Сяо-ля чинов и повелел ему возвратиться в свою деревню. Император Вань-янь-лян министров Биндэ, Тан-гуа-бяня, Удай и других, сообразуясь с их заслугами, одарил серебром, тканями, лошадьми и рогатым скотом. Затем в храме Тай-цзу повелел им дать клятву в верности. Вань-янь-лян своего отца Вабэня почтил по смерти титулом: Сянь-гу-хун-дао-вэнь-чжао-у-ле-чжан-сяо-жуй-мин-хуан-ди³⁶⁰, в храме предков назвал его Дэ-цзун.

1149 год

Тянь-дэ второе лето. В первый месяц Вань-янь-лян свою старшую мать Ту-шань-ши и родную Даши³⁶¹ назвал императрицами (хуан-тай-хэу). Вань-янь-лян издал манифест, состоящий из семи статей, коими убеждал чиновников быть внимательными к должностям и иметь заботливость о земледелии, тщательно наблюдать награды и наказания, делать известными добрые качества людей низшего состояния, оказывать милости бедным, с бережливостью употреблять казенные имения и обращать внимание на способности нижних чинов. Отправил послов в царства Сун, Корейское и Ся с объяснением причин, по коим сверг с престола Си-цзуна и сам вступил на оный. Во второй месяц Вань-янь-лян своего сына Юань-шеу возвел в достоинство Чун-вана. Понизив по смерти прежнего императора Си-цзуна, назвал его Дун-хунь-ваном³⁶². Вельможи почтили Вань-янь-ляна титулом: Фа-тянь-ин-юнь Жуй-у-сюань-вэнь да-мин-шень-сяо хуан-ди (подражающий Небу и получивший предопределение, искусный полководец, славный ученый, премудрый, совершенный и сынопочтительный император), о чем обнародовано указом. Вань-янь-лян еще при Си-цзуне, зная знаменитость и силу потомков императора Тай-цзуна, внутренне боялся

их. В сие время, условясь с Сяо-юй³⁶³ погубить их, он пригласил через посланного седьмого сына Тай-цзуна Цзун-бэня и других играть в мяч. Сам Вань-янь-лян вышел на верхний этаж терема, а внизу одного приказал скрыться Тэ-сы и других. За сим, как скоро прибыл Цзун-бэнь, Цзун-мэй^{206*} и Тан-гуа-бянь, то были схвачены и преданы смерти. Вань-янь-лян, опасаясь, что между подданными может произойти сомнение по причине несправедливого убийства Цзун-бэня и других царских родственников и первостепенных вельмож, вторично советовался с Сяо-юй, и по взаимному согласию заставили Сяо-юй, друга Цзун-бэня, донести, что Цзун-бэнь, Цзун-мэй и Тан-гуа-бянь составили заговор. Под тем же предлогом он казнил после сего министра Биндэ, главного управляющего Восточной столицы Цзун-и, главнокомандующего Северной столицы Бянь-янь, более семидесяти потомков императора Тай-цзуна, с лишком тридцать человек из потомков Нимаха и более пятидесяти человек из царского поколения - всех более ста пятидесяти человек. Вань-янь-лян еще питал ненависть к потомкам Шэе, меньшего брата императора Тай-цзуна, по причине их силы и знаменитости. Итак, он вознамерился истребить первостепенных вельмож из сего дома и тайно условился в сем с Табуе³⁶¹. В это время главнокомандующий столицы Бянь-цзин, царский родственник Салихэ был во вражде с Табуе. Табуе заставил Яо-шэ донести^{207*}, что он поднял письмо, писанное Салихэ к своему сыну Цзун-ань, которое сей последний выронил за дворцовыми воротами. В этом письме описывался изменнический заговор, составленный вместе с Цзун-и, сыном Шэе и Мулие. На основании сих слов Вань-янь-лян предписал палате исследовать дело. Цзун-ань, не сознаваясь, говорил при допросе: "Если бы в самом деле такое письмо прислал ко мне отец, тогда я скрыл бы его под кожей моего тела и, при всем том, боялся бы, чтобы его не обнаружить. Возможно ли, чтобы я бросил его за ворота?" Судьи подвергали его жестоким пыткам, но Цзун-ань нимало не изменил своего мнения. После сего подвергли пыткам Сао-ху. Его поставили на раскаленные угли, и Сао-ху, не могши вытерпеть, ложно признал донос справедливым. Наконец, стали пытать Цзун-и, сына Шэе. Цзун-и равно был не в силах вынести пыток и ложно сознался в действительности дела. "Мы знаем, - говорил он, - что нам не будет помилования: пусть же скорее умертвят, чем по-пустому заставлять себя тиранить". Но Цзун-ань говорил: "Ныне, хотя дело и остается неясным, но ужели наша повинность останется неизвестною и за гробом? До конца жизни не приму на себя клеветы". Он умер, не сознавшись виновным. Для умерщвления Салихэ в Бянь-цзин был отправлен Силухунь. Весь род Салихэ, любимая княгиня Тай-цзу Сао-ши, Мулие, потомки князя вэйского Вада, Хулицзя и Хао-сиу-ши^{208*} и все потомки младшего брата Тай-цзуна Шэе были преданы смерти. В двенадцатый месяц члены астрономического приказа доносили о явлении облаков, предзнаменующих счастье. Император сказал на сие: "В соответствие каких добродетелей, во мне замеченных, вы известите о сем явлении? Отселе не доносить мне о счастливых предзнаменованиях. Напротив, если примете худой признак, вы для моей предосторожности попеременно обязаны доносить о сем".

1150 год

Третье лето Тянь-дэ. Вань-янь-лян учредил высшее казенное училище Го-цзы-цзянь. В тот же день, призвав прокурора³⁶⁵ Чжао-цзы-фу и других, сказал: "Господа! В докладах вы весьма часто следуете пристрастию, я не слышу, чтобы вы когда-либо обнаруживали недостатки других. Это мне весьма неприятно. С сего времени вы непременно должны доносить мне о чиновниках, не следующих законам, не опасайтесь их важности и силы". Когда Вань-янь-лян отъезжал на облаву, его сопровождали за город министры и нижние чины. При расставании с ними император, остановив коня, в наставление сказал: "Господа! Употребляя вас в должности, я не щажу ни высоких достоинств, ни большого жалования; теперь слышу, что накопилось весьма много дел. Не от того ли происходит сие, что мы, заботясь о собственном покое, не думаем о делах народа. Теперь я буду обращать особенное внимание на заботливость и беспечность вашу и по ним чинить награды и наказания, почему каждый из вас должен стараться о своих обязанностях". Во второй месяц Вань-янь-лян сказал своим приближенным: "Вчера, в день рождения наследника, императрица прислала мне одну весьма редкую вещь. Прошу вас, господа, осмотреть ее". Он вынул из желтого мешочка картину, изображающую земледельческие работы. "Сей подарок, - продолжал Хай-линь, - императрица доставила с тем намерением, чтобы наследник, родясь в чертогах, не мог не знать тех трудов, кои переносит

^{206*} Цзун-мэй был девятый сын Тай-цзуна.

^{207*} По кит. тексту: Яо-шэ самовольно донес о сем, а не по наущению Табуе.

^{208*} В Ле-чжуань сказано: шань-сиу-ши, т.е. "любитель блеснуть наружностью". В Бэнь-цзи вместо *шань* употреблено *лао*, которое значит "любить". Следовательно, в маньчжурском переводе *лао-сиу-ши* по ошибке принято за фамилию. Посему потомок князя вэйского был один Хулицзя, которого Хайлинь казнил за его страсть к шегольству, потому что он не был оклеветан от Яо-шэ.

народ при возделывании полей. За это я весьма ее одобряю". В четвертый месяц Вань-янь-лян объявил указом, что он переселяется в Янь-цзин. Чиновники, от коих зависели распоряжения по сему предмету, составили план дворца яньцинского, избрав день для заложения одного и места, соответственно началам Инь и Янь³⁶⁶ и пяти стихиям, представили на утверждение императора. Император, рассмотрев их представление, сказал: "Благоденствие и несчастье царственного дома зависят от добродетелей, а не от места. Императоры Цзе и Чжэу^{209*367} избирали для своих резиденций места счастливые, но какие приобрели от сего выгоды? Избрали ль места государя Яо и Шунь?" В пятый месяц придворные члены убедительно просили императора увеличить комплект жен во дворце для большего размножения потомков. Вань-янь-лян приказал Ту--шань-чженю сказать им следующее: "Из жен умерщвленных прежде заговорщиков весьма многие близки по родству со мною. Я согласен принять их". Сяо-юй отклонял от сего Вань-янь-ляна. "Недавно казнены потомки из царского поколения, - говорил Сяо-юй, - отчего внутри и вне столицы весьма много неблагоприятных толков. После сего следует ли поступать таким образом?" Но император не слышал его, и жена Ши-лу-го, сына Цзун-бэня, жены сыновей Цзун-гу - Хулила и Хушида, жена Фулиханя, младшего сына брата Биндэ, взяты были во дворец. В сем году помер императорский сын Чун-ван Юань-шэу.

1151 год

Тянь-дэ четвертое лето. Во второй месяц Вань-янь-лян сделал наследником престола своего сына Гуан-ина, о чем обнародовано указом внутри и вне столицы. Вань-янь-лян был некогда в любовной связи с Тан-гуа Дин-гэ, женой Удая, о чем знала ее служанка Гуй-дэ. В настоящее время через сию служанку он сделал Дин-гэ следующее предложение: "Издревле государи имели по две императрицы. Можешь ли ты убить своего мужа и быть моею?" Тан-гуа Дин-гэ на сие ему отвечала: "Для меня постыдны и предосудительны поступки молодости, тем паче ныне, когда пришли в возраст мои дети, могу ли решиться на подобное дело?" Вань-янь-лян, по получении этого ответа, снова послал сказать Дин-гэ: "Если ты не решишься умертвить своего мужа, то я истреблю весь ваш дом". Тан-гуа Дин-гэ пришла в большой страх и в свое оправдание говорила: "Мой сын Удабу находится постоянно при своем отце, почему нет возможности умертвить его". Вань-янь-лян отослал Удабу на службу, сделав его чиновником фу-бао-ди-хэу³⁶⁸. "Итак, - сказала после сего Тан-гуа Дин-гэ, - дела остановить невозможно". И во время охмеления своего мужа Удая, приказала Го-вэнь и Го-лу удавить его. Вань-янь-лян, услышав о смерти Удая, притворился весьма опечаленным, но по совершении похорон он взял Тан-гуа Дин-гэ и сделал побочной женой. Тан-гуа Дин-гэ при жизни своего мужа Удая питала склонность к слуге Янь-ци-эр; она подарила ему в то время одежду. Спустя долгое время по взятии во дворец, Вань-янь-лян отдалился от нее, и в ней вновь возродилась страсть к Янь-ци-эр. Через трех монахинь, имевших вход во дворец, она потребовала от Ян-ци-эр данную ему одежду. Янь-ци-эр понял ее мысль и насмешливо отвечал присланным: "Княгиня, сделавшись богатою и знаменитою, забывает меня!" После сего Тан-гуа Дин-гэ решила, употребив хитрость, ввести во дворец Янь-ци-эра. Опасаясь, чтобы стража, находящаяся при вратах, не открыла его, Дин-гэ сложила в ящик грязное белье и приказала слугам отправиться с оным за Янь-ци-эром. Стража открыла ящик и пересмотрела в нем белье. Дин-гэ, по узнании о сем, послала человека сказать бывшим на страже следующее: "Я жена царская, по какому праву вы осматриваете мою одежду? Я донесу на вас императору". Находившиеся на страже пришли в большой страх и, называя свой поступок достойным смерти, обещались впредь не делать сего. Посланные за Янь-ци-эром, посадили его в ящик и, когда в оном несли его во дворец, стража не осмелилась сделать осмотра. Янь-ци-эр по входе во дворец нарядился в женское платье и более десяти дней оставался в оном между прислужницами. Но, наконец, узнала о сем Гуй-гэ и донесла о сем императору. Император чрезвычайно был раздражен и приказал казнить Тан-гуа Дин-гэ, трех монахинь и Янь-ци-эра. Гуй-гэ пожалована была за сие титулом Синь-го Фу-шэнь.

В сие время Улу, внук Тай-цзу, находился в Шань-дуне в должности чжи-ань-фу³⁶⁹. Вань-янь-лян, услышав о необыкновенной красоте его жены Улинь-даши, потребовал ее к себе. Улинь-даши рассуждала сама с собой: "Если умереть здесь, то Вань-янь-лян непременно казнит моего мужа, но когда, согласясь на его требование, я отправлюсь и умертвлю себя на дороге, тогда мой муж останется безопасен". "Князь! - сказала она, обратясь к своему мужу. - Я буду помнить себя и не посрамлю своего супруга". Потом, призвав управителя княжеского дворца, говорила ему: "Тебя любит князь, как родного, молись за меня Духу Дун-ио³⁷⁰; клянусь Небом и Землею, что я не забуду князя". Наконец, она собрала всех слуг и говорила им: "Я с малолетства считалась супругой князя и не отступала от своих обязанностей. Беспорядки в семействах часто происходят от злословий и клевет, коими злые рабы раздражают своего господина. Вы

^{209*} Цзе был императором династии Ся; Чжэу был императором династии Инь. Они оба потеряли царства.

все издавна служите князю, помните его прежние милости и не будьте неблагодарны. Нарушившего мои увещания я буду видеть и после смерти". При сих словах все заплакали. Улинь-даши отправилась из Чжи-нань-фу. Сопровождавшие княгиню знали, что она решилась до свидания с Вань-янь-ляном умереть, и строго смотрели за нею до города Лян-сян. Здесь сопровождавшие ее показали небольшую беспечность, и княгиня, воспользовавшись сим случаем, умертвила сама себя.

1152 год

Пятое лето Тянь-дэ. В первый месяц Вань-янь-лян, пристрастясь к охоте, не занимался государственными делами. Во второй месяц Вань-янь-лян решился навсегда перенести резиденцию из Шан-цзина³⁷¹ (Средней столицы) в другое место. Второй сын Мэолянху по имени Андахай, отклоняя его, говорил: "Бросать место, в коем предки сделались царями, и переселяться на другое неприлично". Вань-янь-ляну не понравились его слова, почему и оставил Андахая в Шан-цзине. Он переехал в Янь-цзин и здесь в первый раз завел вещи, употребляемые в церемониалах. Император сам избирал для своего серала девиц из домов почетных граждан и более ста тридцати ввел в свои чертоги. Лета правления Тянь-дэ переименовал в первое лето Чжэнь-юань. Янь-цзин сделал Средней столицей, всю область оной назвал губернией Да-син-фу; Бянь-цзин назвал Южной столицей, а Среднюю столицу (Шан-цзин) - Северной. В четвертый месяц скончалась родная мать Вань-янь-ляна - императрица Да-ши. В десятый месяц император, в бытность свою на охоте в Лян-сян, духа кумирни (находящейся на холме) Ляо-ши-ган почтил титулом Лин-ин-ван. До вступления своего на престол Вань-янь-лян, проезжая однажды мимо кумирни³⁷², взял гадательные кости и, молясь духу кумирни, сказал: "Если мне суждено иметь небесное предопределение^{210*}, то в свидетельство сего пусть выпадет счастливый знак". Он бросил кости, и выпал счастливый жребий. Затем снова, молясь духу, говорили: "Когда случится по твоему показанию, то буду чествовать, Если же случится напротив, то я разорю твой храм". После сих слов он еще сделал гадание костями, и снова выпал счастливый знак. Поэтому в настоящее время он почтил именем сей храм.

1153 год

Чжэнь-юань второе лето. В первый месяц старший министр Сяо-юй, главнокомандующий в Чжэнь-дин Фан-цзя, прокурор³⁷³ Сяо-чжао-чжэ и дивизионный командир в Бо-чжэу^{211*374} Яо-шэ составили заговор против государя. Вань-янь-лян, будучи предупрежден в этом, всех их казнил. В одиннадцатый месяц Вань-янь-лян позволил вход во дворец девицам из своего рода, помещая их при своих женах; по всем залам он приказал разостлать ковры и, раздевши донага всех жен, забавляясь, бегал за ними.

1154 год

Третье лето Чжэнь-юань. В четвертый месяц в продолжении семнадцати дней был туман, и не светило солнце. В девятый месяц Вань-янь-лян говорил к министрам и их помощникам: "Дела государя надлежит всячески хранить в тайне. Вчерашнего числа, еще до последования моего указа Чжан-чжун-фу и Чжан-цин уже знали о пожаловании им наследственных достоинств. Эти дела от вас делаются известными. Если во второй раз кто-либо из вас поступит подобным образом, непременно будет казнен". Вань-янь-лян отправил министра Пуса Шигуна и генерала Хубала в Шан-цзин за гробами Тай-цзу и Тай-цзуна и за своей старшей матерью - императрицей Ту-шань. По прибытии их обратно, император сам выехал навстречу (в Ша-лю-хэ³⁷⁵). Он поставил своих приближенных по сторонам с пучками прутьев и, сделав коленопреклонение перед императрицею, сказал: "Твой сын, забыв сыновнюю любовь, долго не имел попечения о тебе, за сие накажи его сими прутьями". Императрица подняла его и сказала: "Если простой народ любит своих детей за умение их управлять домами, кольми паче, не должна ли я любить моего сына, способного управлять империей?"^{212*} Она гневно закричала на державших розги, чтобы они удалились.

^{210*} То есть, если суждено быть императором.

^{211*} Бо-чжэу подведомственна Дун-нин-фу и находилась в Шаньдунской области.

^{212*} В маньчжурском варианте переведено так: "Твой сын преступил права природы и нарушил законы человеколюбия. Накажи его семи прутьями... Дети простолюдинов уничтожают свои дома и, при всем том, отец и мать любят их; кольми паче, не должна ли я любить своего сына?" Но маньчжурский перевод неточен. Китайские слова *кэ-цзя* переведены неправильно: "разрушают дома" (бобо ефулэмби). В объяснении на и-цзин³⁷⁶, из коего взяты сии слова, говорится, что они значат: "в состоянии управлять домом" (бой-хонь-бо чжафаци омби).

После сего Вань-янь-лян занялся охотой, а убитую из своих рук лань принес в жертву двум дедам. Потом отправился в путь. По прибытии в столицу, гробы двух предков зарыли в горе Да-фань-шань^{213*377}.

1155 год

Чжэнь-юань четвертое лето. В первый месяц министры и все вельможи поднесли Вань-янь-ляну титул Шэн-вэнь шень-у хуанди (премудрый и воинственный). Лета правления переименовали в первое лето Чжен-лун, и обнародовано прощение. В шестой месяц помер Чжао-цин-чжун. В восьмой месяц Вань-янь-лян отправил в Шан-цзин своего родственника Уду для вывоза костей десяти прадедов, следовавших с Сянь-пу. Он погреб их в горе Да-фань-шань.

1156 год

Второе лето Чжен-лун. Во второй месяц Вань-янь-лян, уничтожая княжеские достоинства, пожалованные прежде, отобрал данные на оные грамоты. Из находившихся в живых понижал, держась порядка, князей первой и второй степени; из умерших понижал первостепенных. Назначив срок, повелел во всех бумагах, казенных и частных, замарать значащиеся степени княжеские и уничтожить все памятники с надписями, находившиеся на могилах умерших^{214*}. В десятый месяц Вань-янь-лян предписал разрушить старый дворец в Хой-нин-фу, дома вельможей и монастырь Чу-цин-сы, выровнять места, на коих находились сии здания, и обратить их в пахотные поля. В сей же месяц начата выливка медной монеты.

1157 год

Чжен-лун третье лето. В первый месяц заболел третий сын Вань-янь-ляна, Синь-сы Абу. Лечивший его президент врачебной управы Се-ю-чжен и доктор Ань-цзун-и не имели успеха: Синь-сы Абу помер. На другой день по смерти, он наименовал Су-ваном. Вань-янь-лян в сильном негодовании за смерть своего сына казнил Се-ю-чжена, доктора Ань-чжун-и и кормилицу, а дядьку бил палками и лишил чинов. В сие время чиновник цзянь-и-дай-фу по имени Ян-бо-сюн был по очереди во дворце и в разговорах со своими сослуживцами говорил: "Причина смерти Су-вана есть его воспитание вне дворца. На стороне, сколько бы ни старались о воспитании вверенного дитяти, но попечительность других никак не сравнится с заботливостью отца и матери. И существовал ли такой обычай при дворе прежде?" Его слова были пересказаны императору. Вань-янь-лян сильно разгневался и, призвав Ян-бо-сюна, сказал ему: "Ты - вассал, можешь ли осуждать государя за государственные постановления^{215*}, и следует ли тебе судить о делах, случающихся внутри дворца? Когда я бываю болен, не выхожу в тронную, и вельможи не могут делать без меня поклонения^{216*}. При всем том, все дела представляют мне на рассмотрение в моем кабинете. Если дело касается смертного преступления, то, не делая окончательного решения оному, виновного повелеваю заключить в темницу и на время остановить казнь. Что касается до выдачи предписаний чиновникам, отрешаемым от мест и определяемым к оным, то при сем, хотя и происходит замедление, но может ли быть от сего какая-либо польза или вред? Справедливо, что в свободное время для своего развлечения я всегда слушаю звуки арф и свирелей. Между тем, в Книге правления (Шу-цзин) сказано, что без меры предающиеся сладострастию и звериной ловле, наклонные к пьянству, страстно любящие музыку, занимающиеся постройкою высоких чертогов и украшающие внутренности оных - подобных качеств государи губят свое царство^{217*}. Но сие сказано в предосторожность государям, кои, забывши о своем царстве, совершенно предаются сим страстям. Что же касается до меня, то хотя я и повелеваю греметь музыке, потрясающей небо и землю, но мой министр осмелится ли по своему произволу дать

^{213*} Да-фань-шань подведомственна Шунь-тянь-фу.

^{214*} По кит. тексту: "Вань-янь-лян, уничтожая княжеские достоинства, жалованные прежде, повелел составить особенный Комитет для отобрания грамот на сии достоинства как от оставшихся в живых, так и от умерших. Держась порядка, он из находившихся в живых понизил князей первой и второй степеней, а из умерших - князей первостепенных".

^{215*} По кит. тексту: "...можешь ли дела государя называть обыкновениями".

^{216*} По кит. тексту: "Когда я по болезни не являюсь в тронную, вельможи лишаются возможности сделать мне поклонение".

^{217*} См. Шу-цзин, статья У-цзы чжи-гэ.

кому-либо должность? Мой чиновник дерзнет ли взять подкуп, и кто смеет судить обо мне заочно? Ты как адвокат царский^{218*378}, если имеешь о чем говорить, должен говорить прямо. Если твоим словам не последую, вина вменяется мне. Зачем же говорить о мне заочно?" "Государь свят и премудр, - отвечал Ян-бо-сюн, - и никто не имеет права тайно говорить о нем. Безрассудный вассал за свои преступные речи заслуживает все роды смерти. Но он дерзает умолять Ваше Величество о помиловании". После сего Вань-янь-лян сказал: "Сначала я был намерен казнить тебя, теперь повелеваю дать двести ударов палками". Он сделал ему сорок ударов и, вспомнив его прежнюю дружбу, приказал освободить. В седьмой месяц Вань-янь-лян своего сына Гуан-яна возвел в достоинство Тэн-вана. В девятый месяц Тэн-ван Гуан-ян помер.

1158 год

Четвертое лето Чжен-лун. Во второй месяц Вань-янь-лян приказал исправить крепость Средней столицы, а генералу Сюй-вэнь поручил в Тун-чжэу снарядить военные суда. Он решился начать войну с царством Сун и предписал главнокомандующим областями набирать войска из поселений по всем губерниям, внося в списки всех, имеющих не менее двадцати и не более пятидесяти лет от роду, хотя бы родители были преклонных лет и имели нескольких сыновей, не соглашаться и тогда оставлять при них одного^{219*379}. Кроме того, разослать особых чиновников для освидетельствования в квартирах главнокомандующих по губерниям заготавливаемого военного оружия. В сие время в Южной столице (Бянь-цзин) строился дворец; поправляли Северную столицу и по всем областям приготавливали военное оружие. Требовавшиеся для сего материалы были взимаемы с народа, от чего цены на оные возвышались до чрезмерности^{220*}. Крестьяне были доведены до крайности. Они убивали коров и отдавали кожи и жилы на тетиву для луков, были убиваемы даже свиньи, собаки и степные птицы. Президент врачебной управы Ци-цзай решился отклонить императора от его намерения, но не находил случая явиться к нему. В это время заболела княгиня Юань-фэй, и Ци-цзай был призван для освидетельствования ее болезни. Ци-цзай, являсь к императору, представил ему увещательный доклад следующего содержания: "Наши предки, твердо держась законов политики, вели брань с нарушителями сих законов и менее, нежели в десять лет, истребили царство Дайляосское и усмирили царство Сунское. В то время был Тай-цзун и Тай-цзун - мудрые и сильные государи, а их вельможи Няньмухо и Моуляньхо были искусные и храбрые полководцы. Но и они не могли соединить империи, места Цзян-хуайские³⁸⁰ и Башу^{221*} оставили во владении сунцев. Теперь, напротив, нет ни умных вельмож, ни храбрых полководцев, могущих сравниться с древними и, сверх того, нам неприлично без причины объявлять войну сунцам. При сем надлежит также взять во внимание то, что с исправлением Средней столицы и постройкой столицы Южной, с заготовливанием военного оружия и набором войска увеличены казенные работы и налоги. Народ, обремененный податями и службами, изъясняет ропот. Итак, предприятие Вашего Величества невозможно по неудобоисполнимости. Равным образом явления в природе не соответствуют предприятию. Течение звезд неблагоприятное: в Ян-чжэу^{222*} оказывается зловерный дух, производящий бедствия в войске, и не явилась еще планета Венера (тай-бао). Армия, отправившаяся на войну прежде её явления, непременно потерпит поражение. Притом, по причине испарения вод, морское войско не может продолжать своего плаванья безостановочно, а в местах Цзян-ху³⁸¹ находится множество ручьев и ключей, почему конница не в состоянии преследовать неприятеля^{223*}. Сие составляет местные невыгоды войны". Вань-янь-лян прочитал доклад и, в сильном гнев от резкости выражений оного, приказал Ци-цзая казнить на главной улице, а его дом конфисковать. В империи все жалели о кончине Ци-Цзая.

^{218*} Цзянь-гуань - чиновник, который обязан представлять императору его ошибки и отклонять от оных.

^{219*} В подлиннике, должно быть, ошибка: вместо *цин-ляо-дин-до* следовало написать *цин-лао-дин-дань-те*, т.е. престарелые родители, имеющие одного сына. Сия фраза, известная всем китайцам, взята из законов, по коим престарелые родители, если они имеют одного сына, удерживают его при себе во время войны и в случае преступления, за которое он заслуживает ссылку. Государь, нарушающий сей закон даже в необходимости, почитается незаконником.

^{220*} По кит. тексту: "...каждое перо для стрелы длиною в один аршин (кит. 4 вершка), стоило тысячи копеек (цзянь)".

^{221*} Башу есть Сычуань.

^{222*} Ян-чжэу, в коем был убит Вань-янь-лян, принадлежал сунцам. Китайские астрологи, считая действия людей и их существование зависимыми от природы, бунты и поражения приписывали влиянию воздуха. Поэтому перед началом войны определяли по течению звезд место, где должен находиться воздух, производящий армии вред, - воздух бедствия.

^{223*} По кит. тексту: "...а на островах Цзян-ху не может гнать неприятеля конница".

1159 год

Чжен-лун пятое лето. Во второй месяц в Хэ-дуне и Шань-си было землетрясение. От сильного ветра в селениях (цзюнь) Чжень-жун и Дэ-шунь³⁸² валились дома, причем множество задавлено было жителей. Вань-янь-лян послал в разные губернии Гао-чжи и Хай-гоу для осмотра пойманных мятежников, повелел всех их казнить, посредством разрывания на части, распиливания, сжигания и колесования (отнятия рук и ног). В третий месяц в уезде Дун-хай-сянь³⁸³ подняли бунт два селянина Чжан-ван и Сюй-юань с прочими. Вань-янь-лян, получив о сем известие, повелел Сюй-вэню, Чжан-хун-синю, Ли-вэй-чжуну и Сяо-а-ва взять девятьсот человек морского войска и отправиться для обуздания их морем. "Мое намерение состоит не в одном завоевании сего места, - говорил император Сюй-вэню и другим, - посылая вас, я хочу испытать силы морской армии". Сюй-вэнь и его товарищи, по достижении Дух-хай, сразились с мятежниками и разбили их войско. При сем более пяти тысяч из мятежнического войска было убито, Сюй-юань и Чжан-ван были схвачены, остальные все покорились.

1160 год

Шестое лето Чжен-лун. В первый месяц в день Цзи-чоу по случаю дня рождения Вань-янь-ляна представлялись послы из царства Сун, Кореи и Ся. Вань-янь-лян сказал при сем послу сунскому: "В прежнее время, следуя за армией Лян-вана^{224*}, я восхищался местами Южной столицы, от чего постоянно занят мыслью отправиться в сии места снова. Ныне постройка дворца и крепости^{225*} почти приведены к окончанию. Через месяц я отправляюсь в места Хэ-наньские. Путешествия государей по империи издревле были в обыкновении. На правом берегу реки Хуай-хэ много пустых мест. В тех местах я хочу заняться охотой. Войска со мной будет не более десяти тысяч, и в тех местах оставаться на долгое время я не могу, потому что храмы и кладбища моих предков находятся здесь. По возвращении вашем, донесите о сем нашему государю, чтобы он предписал местному начальству объяснить народу мое намерение и, тем самым, уничтожить в жителях Хуай-нань³⁸⁴ все опасения". С сими словами он отпустил послов сунских. Во второй месяц Вань-янь-лян из Средней столицы отправился в Южную. Он останавливался в Ань-су-чжэу³⁸⁵. За сим, проезжая места Хэ-наньские, переименовал гору Бэй-ман-шань, назвав ее Тай-пин-шань^{226*}. В третий месяц прибыл в губернский город Хэ-нань³⁸⁶. От Средней столицы до Хэ-нань в местах, по коим проезжал император, все хлеба были затоптаны, и поля сделались пусты. В четвертый месяц из Хэ-нань-фу император выехал на теплые воды Жуй-чжэу. По выходе его из города, некто киданец Бубу быстро примчался на коне с горы и, став по левую сторону дороги на колено, доносил, что он в сражении с бунтовщиками дунхайскими показал заслуги, кои Ли-вэй-чжун скрыл. Император рассердился и без всякой причины приказал немедленно умертвить киданца Бубу. По прибытии на теплые воды, Вань-янь-лян во время охоты встретился с оленем, который вышиб его из седла, и государь в продолжении нескольких дней имел кровохаркание. Отсюда он разослал по всем губерниям гонцов за набранными войсками. В шестой месяц отложились многие из киданьских поколений^{227*}. Вань-янь-лян послал для усмирения сих поколений Пуса-шигуна и Сяо-хуай-чжуна с десятью тысячами войска. Киданьский главнокомандующий Саба, услышав о приближении Пуса-шигуна³⁸⁷ с сильным корпусом, решил перейти в подданство к Елюй-даши и берегом реки Лун-цзюй-хэ³⁸⁸ пошел на запад. Пуса-шигун, при прибытии в Лун-хуан-фу, пустился преследовать его, но не мог догнать. Вань-янь-лян отправился из Жуй-чжэу и прибыл в окрестности Южной столицы. Старший министр Чжан-хао, находившийся в Южной столице, со всеми чинами вышел к нему навстречу. В следующий день император торжественно въехал в Бянь-цзин. В седьмой месяц Вань-янь-лян предал смерти потомство Ляосского дома из фамилии Елюй и потомков Сунского дома из фамилии Чжао, - всего до 130 человек. Кроме сего, за отклонение от войны с сунцами он умертвил вдовствующую императрицу Тушань, свою старшую мать, во дворце Нин-дэ-гун, приказал

^{224*} Лян-ван есть Учжу. В третье лето Тянь-цзюань, во время похода на царство Сунское, Вань-янь-лян находился при армии Учжу в звании генерала (без должности).

^{225*} Постройка дворца в Бянь-цзине и починка крепости в Северной столице. См. выше: четвертое лето Чжен-лун.

^{226*} В китайском прибавлении: "...и того, кто назовет оную (гору) старым именем, повелел судить как нарушителя высочайшего повеления".

^{227*} Киданьцы подняли бунт по случаю набора войск Вань-янь-ляном против сунцев. Они говорили присланным для сего чиновникам, что, находясь в смежности с другими княжествами, они беспрестанно должны защищаться от их нападений, и посему не могут представить войск для императора. Но чиновники, по возвращении, не смели донести о сем. Вань-янь-лян, долго не получая войск из северо-западных губерний, снова отправил туда гонцов. Тогда киданьцы, видя безуспешность своих представлений, убили присланных к ним чиновников и подняли знамя бунта под предводительством Саба.

сжечь сам дворец, а ее труп бросить в воду^{228*}. Более десяти служанок императрицы также были умерщвлены вместе с нею. В девятый месяц злодей дайминфусский Ван-цзю, начавши бунт в городе под своим предводительством, составил армию, простиравшуюся до нескольких десятков тысяч. Мятежники, подобно роям пчел, поднимались со всех мест, и сильнейшие из них брали и защищали города, а находившиеся в меньшем количестве - укрывались в горах и вблизи вод^{229*}. Вань-янь-лян перед начатием войны с царством Сун всех вельмож угощал обедом, во время коего, обратясь к Сяо-ю^{230*}, спросил его: "Учился ли ты в малолетстве?" Сяо-ю отвечал, что в молодости несколько занимался изучением книг. После сего император в половину обеда встал из-за стола и, пригласив в свой кабинет, дал ему просмотреть одну главу из китайской книги. Но вдруг, бросив книгу, сказал: "Генерал! Вопрос мой состоит не в этом, хочу советоваться с тобой о другом деле. Я намереваюсь воевать Цзян-нань. Как ты о сем думаешь?" Сяо-ю отвечал, что сие невозможно. "Царство сунское, - продолжал император, - мне представляется сжатым в горсть. Что ж вы находите невозможным для завоевания оно?" "Между югом и севером, - отвечал Сяо-ю, - Небо положило великую реку Цзян, а на судах воевать мы не привыкли. В древности Фу-цзянь^{231*389} с миллионом войска ополчился на царство Цзинь, но ни один воин из его войска не мог перейти сию реку. Из сего невозможность очевидна". При сих словах Вань-янь-лян сильно рассердился и грозно повелел удалиться Сяо-ю. В это же время министр Чжан-хао сделал доклад императору через Чжоу-фу-эр о том, чтобы вместе вновь набранных военачальников назначить корпусными и полковыми командирами старых воинов, опытных в военном деле. Вань-янь-лян в гневе бил палками Чжан-хао и Сяо-ю. Обратясь после сего к министрам, император сказал: "Чжан-хао есть первостепенный вельможа, но, не донося мне лично, он передает свои слова через других и, таким образом, показывает неуважение. Сяо-ю сравнивает меня с Фу-цзянь. Я хотел отрезать ему язык и тело приковать гвоздями на лобном месте, но вспомнив его заслуги, теперь я сделался к нему снисходительнее. Министры! При наказании вас, ощущаемая вами болезнь равно чувствительна бывает и для меня. Я наказал их по необходимости, и вы должны разуметь это". Вань-янь-лян, сам предводительствуя войсками 32 полководцев, выступил из Шэу-чунь^{232*} против царства Сун. Он повелел следовать за собою главнокомандующим Бэнь-ду и Лян-би, их помощникам Ли-тун и Пу-лу-хунь и дивизионным генералам Тушань-чжэнь, Тушань-юн, Юй-линь и Пуса Валу. Генерала Субао-хэн назвал адмиралом (дутун-чжи), а Чжен-цзя³⁹⁰ сделал вице-адмиралом и предписал им через море вступить в Линь-ань³⁹¹. Генералам Лю-э и Пуса-у-чжэ предписал выйти из Цай-чжэу; Тушань-хэси и Чжан-чжунь-яню повелел идти из Фын-сяна, взять Сань-гуань^{233*392} и, поставив свои войска в сей крепости, ожидать дальнейших приказаний. Генералу Вань-янь-юань-и с тремя корпусами приказал составить свой авангард, а генерала Тушань-чжэнь с двадцатью тысячами войска отправил для взятия Хуай-инь^{234*393}. Он оставил императрицу Тушань и наследника Гуан-ин для охранения столицы, а министров Чжан-хао, Сяо-ю и Чжан-сы-хой назначил правителями государственных дел. В день Цзя-у Вань-янь-лян отправился из Южной столицы. При расставании, когда императрица и наследник, ухватясь за его одежду, плакали, император прослезился и обещал, проводивши армию, возвратиться. Он оставил императрицу и наследника в слезах. По выступлении в поход императора, во время дня явилась Венера. Офицеры и солдаты, неохотно идя на войну, убегали с дороги и возвращались домой. Темник Фу-шэу с корпусами Лэуши и Тай-да-ай, проходя через Шань-дун, достиг Тай-чжэу^{235*394}, но отсюда Фу-шэу с десятью тысячами войска поворотил назад и пошел к Восточной столице. Он пошел с намерением утвердить на престоле Цао-го-гуна Улу. По прибытии его в заставу Ляо-хэу³⁹⁵, Улу послал навстречу к нему Тушань-сы-чжуну узнать о причине его прихода. Тушань-сы-чжун, отправясь с несколькими всадниками, прискакал в стан Фу-шэу и, явившись к нему, спросил: "Генерал! По какому делу сюда прибыл?" Фу-шэй и его товарищи, обратясь на юг и показывая на Вань-янь-ляна, сказали: "Вань-янь-лян поправил законы, он не может сохранить государство. Цао-го-гун есть родной внук Тай-цзу. Мы хотим сделать его императором и нарочито для сего прибыли". После сего все воины, обратясь к востоку, делали поклоны и громогласно провозгласили долголетие новому государю. За сим Тушань-сы-чжун был отправлен вперед с письмом в Улу^{236*}. Между тем,

^{228*} По кит. тексту: "...умертив вдовствующую императрицу Тушань, приказал сжечь ее труп во дворце Ниндэ-гун, а останки бросить в воду (реку)".

^{229*} Прибавлено в кит. тексте: "Иные толпами в десять и более человек разъезжали с распущенными знаменами, и императорские войска не смели нападать на них. Государь не терпел слышать о делах мятежников и того, кто о сем доносил ему, подвергал наказанию.

^{230*} Сяо-юй - друг Цзун-бэня. В отличие от другого, Сюй-юй в маньчжурском пишется *Сяо-ю*.

^{231*} Фу-цзянь был полководцем.

^{232*} Шэу-чунь находится в области Янь-хой-шен, ныне называется Шэу-чунь-чжэнь.

^{233*} Сань-гуань подведомственна Фын-сян-фу.

^{234*} Хуай-инь есть нынешний Хуай-инь-фу; находится в Нан-цзине.

^{235*} Тай-чжэу теперь названа Тай-ань-фу.

^{236*} Написано было просительное письмо к Улу и отдано Сы-чжуну, который отправился.

Фу-шэу, переправясь со всем войском через реку Ляо-хэ, прибыл к Восточной столице. Фу-шэу приказал солдатам одеться в военные доспехи и, вступив в столицу, охранять дворец Улу. Он предал смерти злонамеренного Гао-цунь-фу и других, ему подобных. В следующий день Фу-шэу собрал всех генералов, чины и народ Восточной столицы и вместе с Мэу-янь, главнокомандующим губернии Пусу³⁹⁶, убедил почти насильно Цао-го-гуна Улу вступить на императорский престол. Его царствование названо первым годом Дай-дин. После чего издан милостивый манифест, в коем подробно были перечислены злодеяния Вань-янь-ляна: что он умертвил свою старшую мать - императрицу Тушань, потомков Тай-цзуна, Нимаха, Учжу и многих других князей из царского роду; разрушил дворец столицы Шан-цзин и казнил потомков государей Дайляо и Сун. Между тем, главная армия Вань-янь-ляна, перешедшая реку Хуай-хэ, прибыла в Люй-чжэу. Здесь пойман был белый олень, которого называли счастливым предзнаменованием, уподобляя его белой рыбе (бо-юй)³⁹⁷ У-вана. В то же время генерал Лю-э взял Тун-хуа-цзюнь, Цзян-чжэу и Синь-ян-цзюнь^{237*398}, а генерал Тушань-чжень разбил корпус сунского генерала Ван-цюань в Сюй-и³⁹⁹ и взял Ян-чжэу. Вань-янь-юань-и с авангардом прибыл в крепостицу Дуань-чжай; сунский гарнизон весь бежал из оной. Вань-янь-юань-и со своим корпусом разбил сунцев при Вэй-цзы-цяо, потом снова поразил их в Чао-сянь^{238*400}, где убито неприятелей до двух сотен. За сим корпус Вань-янь-юань-и прибыл в Хэ-чжэу. Здесь сунский генерал Ван-цюань с тысячей солдат ночью сделал нападение на стан цзиньский. Но корпус Вань-янь-юань-и стрельбою из луков отогнал его. В следующую ночь сунцы зажгли свои запасные магазины со съестными припасами и фуражом и бежали. На рассвете корпус Юань-и пустился в погоню. Тогда сунцы, поворотив обратно, дали сражение. Цзиньский корпус был поражен, а Вань-ду-ола обращен в бегство. Но Асань, предводительствуя своими полками, мужественно напал на неприятеля и заставил его отступить. Сунский генерал Ван-цюань, отступивши, охранял южный берег реки (Хуай). Вань-янь-лян, прибывши в Хэ-чжэу, произвел Вань-янь-юань-и в чин первого класса и предписал ему со всем корпусом перейти реку Цзян и продолжать военные действия. При сем он ему пожаловал золотую медаль и свою одежду. Асань и другие генералы также награждены были чинами и разными подарками. В сие время Тушань-хэси стоял со своим корпусом в крепости Сань-гуань. Между тем, сунские войска завоевали три цзиньских города: Цинь-чжэу, Ля-цзя-чэн и Дэ-шунь-чжэу⁴⁰¹. Генерал Су-бао-хэн также был разбит ими в сражении на море, при чем убит цзиньский генерал Чжэн-цзя. В одиннадцатый месяц Убухэ, узнав о манифесте императора Ши-цзуна⁴⁰², явился к Вань-янь-ляну и доносил, что Цао-го-гун Улу вступил на императорский престол в Восточной столице, назвав лета своего правления первым годом Дай-дин. Вань-янь-лян, ударив рукою по колену, со вздохом сказал: "Я сам хотел, по истреблении царства Сун, переименовать лета своего царствования в Дай-дин. Не есть ли это предопределение Неба?" Он показал всем свою бумагу, в коей предварительно написано было мнение о переименовании правления. Вань-янь-лян стал с армией на северном берегу Цзян, приказав генералу Алинь наперед переправиться через оную. Алинь, по переходе на южный берег, вступил в сражение с сунцами, но был разбит. После сего Вань-янь-лян повел войско в Ян-чжэу. Он намеревался собрать предварительно военные суда в Гуй-чжэу⁴⁰³ и, по прибытии туда, в следующий день переправиться на них через Цзян. Но в сие время в войске узнали о вступлении Ши-цзуна на престол в Ляо-дуне⁴⁰⁴, и так как многие были недовольны строгостью военной дисциплины Вань-янь-ляна, то желали перейти от него к Ши-цзуну. Все собрались для совещания к Вань-янь-юань-и. "Если мы перейдем реку Цзян, - говорил при сем темник Тан-гуа-уе, - тогда все будем взяты в плен сунцами. Теперь носят слухи, что в Ляо-дуне воцарился новый государь. Не лучше ли общими силами совершить великое дело и потом, собравши армию, возвратиться на север". На сии слова Вань-янь-юань-и отвечал, что он будет ожидать прибытия своего сына Ван-цзяна и посоветуется о сем деле с ним. Ван-цзян был чиновником ду-чжи-хой-ши^{239*405} и находился в другом лагере. Вань-янь-юань-и тайно послал за ним человека. По прибытии его, условились с телохранителем царским Фань-дай начать дело в следующее утро. Вань-янь-юань-и наперед ложно объявил всему войску, что приказом императора повелевается всем, спешившись, переправляться в следующее утро через Цзян, отчего все пришли в ужас. Вслед за сим он сообщил войску о начатии дела, и все на его слова изъявили согласие. Утром десятого месяца в день И-вэй генералы Вань-янь-юань-и, Вань-сян, Тушань-шэу-су, Тан-гуа-уе, Валубу, Лоу-сюэ, Вань-ду и Чан-шоу со всем войском напали на императорский лагерь. Вань-янь-лян, услышав в войске смятение, предположил, что нечаянно подошли войска сунские, и поспешно встал. Но в это время в его кибитку влетела стрела (пущенная извне). "Стрела наших солдат", - произнес в замешательстве Вань-янь-лян, когда поднял оную. "Мы в опасности, -

^{237*} Синь-ян-цзюнь подведомствен Жуй-нин-фу. Он есть нынешний Синь-ян-фу.

^{238*} Сюй-и и Чао-сянь подведомственны Фын-ян-фу и находились в Нан-цзине.

^{239*} Ду-чжи-хой-ши - поручик конной гвардии.

говорил ему Да-цин-шань, - следует бежать". "Куда же убежать?" - сказал Вань-янь-лян. Он хотел взять лук, но вдруг, пронзенный стрелой, упал на землю. Нахо Валубу, войдя прежде других в юрту императора, пронзил его мечом. В руках и ногах еще было движение, почему его удавили. Солдаты разграбили одежду Вань-янь-ляна и все вещи, при нем бывшие. Потом, взяв платье генерала Да-наня, надели на Вань-янь-ляна, и предали его труп сожжению. Бывшие при нем вельможи Ли-тун, Го-ань-ю, Тушань-юн-нянь, Лян-чун и Да-цин-шан также были убиты. После сего Вань-янь-юань-и отправил письмо к Улие, находившемуся в Бянь-цзине, повелевая ему убить наследника Гуан-ин. Вань-янь-лян царствовал тринадцать лет, умер на сороковом году.

V. ИМПЕРАТОР ШИ-ЦЗУН

1160 год

Ши-цзун был по имени Юн; первоначально назывался Улу. Он был внук Агуды и сын Олидо^{240*}. Его мать звали Лиши, от коей Улу родился в седьмое лето Тянь-фу. Улу был необыкновенно осанист, имел окладистую бороду, переходящую за пояс, на персях - семь веснушек, кои расположены были подобно семи звездам в Северной Медведице. От природы был человеколюбив, сынопочтителен, тверд и благоразумен; по искусству в стрельбании из лука в государстве считался первым. В первое лето Тянь-дэ Улу был сделан главнокомандующим в Хой-нин-фу. В третье лето Чжэнь-юань возведен в графское достоинство (гун)^{241*}.

В пятый месяц шестого лета Чжен-лун у него не стало матери Лиши (названной императрицей Чжэн-и). Однажды во время траура, когда Улу лег спать, его дом освещен был красным сиянием, и над его спальней показался желтый дракон. В другой раз на дом Улу спустилась большая звезда. В сие лето разлились воды Дун-лянские⁴⁰⁶ и подступили к городу. Сравнявшись с городской стеною, вода промыла щели между камнями в парапете и лилась в город фонтанами. Жители города были поражены страхом. Улу сам вошел на стену и, читая молитвы, сделал возлияние вина, после чего вода начала убывать. В восьмой месяц Вань-янь-лян сделал Улу главнокомандующим в Восточной столице. Помощником главнокомандующего Восточной столицы был Гао-цунь-фу, коего дочь находилась в гареме Вань-янь-ляна. Вань-янь-лян поручил Гао-цунь-фу наблюдать за поступками Улу. И когда Улу, по заготовлении военного оружия, из оставшегося железа выковал несколько десятков лат, Гао-цунь-фу тайно донес о сем Вань-янь-ляну. Гао-цунь-фу условился с Ли-янь-лун пригласить Улу играть в мяч и во время игры убить его. Но дворовый человек Гао-цунь-фу известил о сем Улу. Улу, употребив хитрость, назвался больным. Вань-янь-лян, услышав о его болезни, отправил одного из своих приближенных для удостоверения в оной. Кроме сего, он послал Моулянхо сделать ревизию князьям северной стороны Хуай-хэ, с намерением опутать их. Улу, узнав это, весьма беспокоился. Дядя Улу, Лиши, узнав о присмотре Гао-цунь-фу за Улу, советовал ему заранее принять против него меры. Улу приказал всем чиновникам собраться в Цин-ань-сы для рассуждения о мерах против мятежников, и когда прибыли туда Гао-цунь-фу и Ли-янь-лун, то немедленно схватил их. В сем месяце в облаках, несшихся с запада, снова был видим желтый дракон. В десятый месяц отошедшие воевать на юг темники Вань-янь-ау-шэу, Гао-хжун-цзян и Лу-вань-цзя-ну прибыли из Шань-дуна с 20 тысячами войска, а Вань-янь-моу-янь пришел с пятью тысячами из Чан-аня, и все передались Улу. Вань-янь-моу-янь представился Улу, как подданный. Все войска вошли в город и, окружив дом Улу, охраняли оный в продолжении ночи. Взятые под стражу Гао-цунь-фу и Ми-янь-лун были убиты. В следующий день чиновники и войско упрасивали Улу быть царем. Улу, сколько ни отговаривался, не смог победить их настойчивость, почему, совершив моление в храме Тай-цзу, воссел на престол царский в палате Сюань-чжен-дянь^{242*}. Он сделал Вань-янь-моу-яня главнокомандующим левого крыла, Гао-чжун-цзяна и Вань-янь-фу-шэу - инспекторами, а Лу-вань-цзя-ну - дивизионным генералом⁴⁰⁷; издал милостивый манифест, коим простил всех преступников, и свое царствование назвал первым

^{240*} Олидо был девятый сын Тай-цзу Агуды.

^{241*} По кит. тексту: "...Улу был понижен в графское достоинство во второе лето Чжен-лун; прежде он был князем.

^{242*} По кит. тексту: "Улу долго отказывался от сего. Наконец, свершив благодарственное жертвоприношение в храме Тай-цзу, вступил на престол царский".

годом Дай-дин. Император Ши-цзун указом обнародовал о злодеяниях Вань-янь-ляна, описав их более, нежели в десяти пунктах. За сим сделал угощение полководцам и войску, роздал по заслугам чины и награды, а народу простил на три года оброки. В это же время войска областей Хой-нин-фу, Хули-гай⁴⁰⁸ и Супинь, отошедшие с Вань-янь-ляном на войну против Юга, пришли обратно. Император вынул из дворцового казначейства золото, серебро и разные вещи и раздал войску. В одиннадцатый месяц Ши-цзун назвал по смерти своего отца Олидо императором Цзянь-су, его первую супругу Пуса-ши - императрицей Цинь-цы, а свою мать Лиши - императрицей Чжень-и, императора Си-цзуна почтил названием Улинь-хуанди. Чины почтили Ши-цзуна титулом: жень-мин-шен-сяо хуанди (милосердный, премудрый и благочестивый император)⁴⁰⁹. Император своих сыновей Шилула и Хутува сделал князьями, назвав первого Суй-ваном, а второго Чу-ваном. При отъезде в Среднюю столицу император, по обыкновению, посетил храм Тай-цзу и могилу матери - императрицы Чжень-и. В двенадцатый месяц император Ши-цзун, по прибытии в Среднюю столицу, являлся в храм Тай-цзу; в следующий после сего день принимал поздравления от чинов в палате Чжень-юань-дянь. Он послал Гао-чжуна в царство Сунское с известием о восшествии на престол. Ши-цзун указом освободил на три года от службы воинов, сопровождавших его от Восточной столицы до Средней.

1161 год

Дай-дин второе лето. В первый месяц император говорил министрам: "Определять к должностям людей честных и отрешать от оных злонамеренных есть обязанность министров. Но есть люди, кои превосходят вас дарованиями и исправностью, и коих вы не допускаете сравняться с собою, быть может, из опасения, что они будут разделять с вами власть. Это для меня весьма прискорбно. Подобных мыслей вы не должны иметь". Дивизионный генерал Се-гэ и его помощник Пухой обвинены были в том, что они по произволу сменяли и определяли к должностям низших чиновников Средней столицы. За это Се-гэ был разжалован, а Пухой понижен двумя ступенями и лишен должности. Император Ши-цзун в палате тай-хэ-дянь сделал угощение всем чиновникам, родственникам царским и их женам, имевшим от двора степени, после коего одарил всех по достоинствам. Во время посещения кладбищ своих предков император хотел заняться облавою, но министр Валунь и другие представили ему, что на границах еще не водворено спокойствие, и государю неприлично для своего удовольствия делать выгоды. Ши-цзун, возвратясь во дворец, говорил по сему случаю Валунь и другим: "Мне всегда нравилось то, что в древности государи и великие князья в простоте сердца принимали увещевания. Господа! Когда имеете что сказать, говорите, не будьте молчаливы из своих выгод". Император повелел Субу-хэну и Гао-сы-ляню снабдить жителей Шань-дуна хлебом и всем потребным для жизни, сделать ревизию неженатым (в сей области) и донести до его сведения. Ши-цзун, желая совершить обряд жертвоприношения Небу, советовался о причтении своих предков к числу удостоиваемых жертв с Небом. При сем Ши-цзун говорил: "Почтить мертвого при жертвоприношении Небу, значит удостоиваемого жертвы сделать за себя ходатаем перед духом Неба". "Гость не может быть без хозяина, по сей по причине государи избирают своих предков и чествуют их при жертвоприношениях Небу. В Сяо-цин⁴¹⁰ сказано, что дом Чжоу при жертвоприношениях Небу достаивал жертв хэу-цзы⁴¹¹. Дома Хань⁴¹², Вэй и Цзинь к числу достаиваемых жертв с Небом присоединили по одному из своих государей. Танский государь Гао-цзун первый присоединился вместе к лику жертвоприносимых Гао-цзу⁴¹³ и Тай-цзуна, а во времена сунского государя Жинь-цзуна были причислены Тай-цзу⁴¹⁴, Тай-цзун и Чжень-цзун. Государи домов Тан и Сун, изменяя древние обычаи, присоединяли по два и по три государя, но после, на основании древности, сии дома причислили по одному предку. Если Ваше Величество намерены совершить теперь жертвоприношение Небу, то, по древним обрядам, надлежит одного из предков почтить жертвоприношением с Небом". Ши-цзун подтвердил, что царством Тан и Сун подражать не следует, что при жертвоприношении Небу надлежит почтить жертвою одного Тай-цзу. Сотник императорской стражи Асыбо вошел во дворец с мечом не в свою очередь и, во время ночи пробравшись в дворцовое казначейство, умертвил смотрителя казначейства Го-лян-чэня и похитил из оного золото и серебро в слитках и разных сортов жемчуг. Дворцовая полиция⁴¹⁵ схватила по подозрению восемь человек и при допросе била палками. Трое из них лишились жизни, остальные пять ложно признались в хищении вещей, но от них не могли получить требуемой покражи. Император Ши-цзун, усомнясь в их показании, поручил вельможе Иладао тщательно допросить их. Иладао долго производил суд над обвиненными без успеха, как вдруг дело открылась продажа золота Асыбао. Асыбао был взят и предан смерти. "При истязательных допросах, - говорил после сего император, - чего нельзя вынудить? И зачем полиция, не исследовав дела в точности, употребила наказание?" Он повелел выдать в дома умерших от побоев по двести связок мелкой монеты (двести тысяч чохов), а тем, кои остались живы, по пятьдесят связок каждому и предписал указом, чтобы с сего времени сотники и пятидесятники ни под каким видом не входили во дворец с саблями, когда не есть день их очереди.

В пятый месяц император объявил наследником Хутува, рожденного от императрицы Миньдэ Улиньдаши в бытность ее княгиней. Император говорил к Хутува: "По силе законов, ты, как старший сын княгини, сделан наследником. Люби братьев, обходись благосклонно с чиновниками и не будь надменен, гордясь тем, что ты наследник. Ежедневно прилежи к учению и не теряй времени, являясь ко мне во время стола, если я тебя не призываю". Ши-цзун сделал Шицзюя своим старшим советником и указал ему заняться определением законов. Шицзюй сделал представление в шести пунктах императору, в коем убеждал его: "Дать силу законам; награды и наказания сделать ясными; приближать к себе людей правдивых и честных и удалить льстецов и злонамеренных; уменьшить работы, не требующие поспешности, и прекратить незаконные службы поселян". Император остался весьма доволен сим представлением. Ши-цзун говорил министрам: "В древности чиновники, находившиеся при низших должностях, заботясь о государстве и народе, безбоязненно говорили правду. Почему ныне нет подобных?" "И теперь нет недостатка в сих людях, - отвечал Шицзюй, - но они еще не приобрели возможности проникать к престолу". На сие государь сказал: "Вам надлежит со всею тщательностью отыскивать и употреблять сих людей". Император, обратясь к министрам, говорил: "Еще нет полугода, как я сделался государем, а дел, требовавших исполнения, было весьма много. Теперь мне вовсе не представляют о них. Министры! Живя за девятью стенами (во дворце), я совершенно полагаюсь на вашу помощь. Всякий из вас обязан доносить мне обо всем, что находите нужным. Тогда могу ли я быть беспечен? Вникайте, - продолжал император, - в полезное и вредное для народа, исследуйте сообразность и несоответствие дел, относительно ко времени, и представляйте обо всем мне. Хотя бы за исполнением дел по службе и оставалось свободное время, вы не должны проводить его в праздности".

Во второй месяц Ши-цзун послал в Шань-дун председателя палаты доходов Лян-Циу и его помощника (лан-чжуна)¹¹⁶ Елюй-дао. Он предписал им: "Водворить спокойствие между народом, мятежников склонить к подданству; крестьян, как уклонившихся из опасения злодеев, так и бежавших от повинностей, - всех возвратить в их селения, чтобы они занялись возделыванием земель. Наконец, не разбирая важности преступлений, всем оказывать прощение". В сем месяце Чжутула и другие генералы разбили сунцев в сражении при Шоу-ань-сянь¹¹⁷. На другой день после поражения Пуча-шицзе встретил сунское войско в Шихао и, вступив в сражение, снова разбил оное. Потом, разбивши еще трехтысячный отряд, шедший на помощь, немедленно окружил Шань-чжэу. Пуча-шицзе, узнав о приближении двух тысяч сунцев из крепости Тун-гуань, встретил их с 240 воинами. При выстреле из луков за один залп более десяти человек он положил на месте. Сунский отряд, пораженный страхом, обратился в бегство. Пуча-шицзе снова поразил сунцев при горе Ту-хао-шань, при чем взял в плен одного генерала. После сего Пуча-шицзе с тремя сотнями солдат подошел к городу Доу-мынь-чэн. Здесь он встретился с десяти тысячным сунским корпусом. Три сунских офицера с направленными копьями приблизились к Шицзе и хотели заколоть его, но Шицзе пересек саблей уставленные в него копья. Сунское войско без сражения ушло. За сим Шицзе с четырьмя моухэ, поразив сунцев в Ту-хуа, снова осадил Шань-чжэу. Шицзе, по обыкновению одевшись в доспехи и привесив меч, клал в колчан сотню стрел, брал в руку копье и, вскочив на коня, разъезжал в войске. Неприятеля, увидя его, в удивлении говорили: "Поистине сей генерал подобен духу!" Шицзе с двумя сотнями отборных воинов, сделав подкоп, вошел в город. Шань-чжэу был взят. Кроме сего, Пуча-шицзе, разбив тридцать тысяч сунцев, взял город Го-чжэу¹¹⁸. Но после сего император отозвал его от войска. По прибытии Шицзе в столицу, император лично благодарил его за труды и сделал помощником главнокомандующего дивизией в Северо-западной области. При сем государь подарил ему свою саблю и лук со стрелами. Ши-цзун говорил министрам: "Господа! До меня дошли слухи, что на стороне жалуются на затруднительность делать мне представления. Я никогда не оставлял без исполнения того, что находил полезным. Итак, с сего времени строго воспрещается скрывать доклады; я непременно хочу знать оные. Чиновники и народ весьма часто делают свои представления через Сенат, который, тщательно разбирая оные, не представляет их немедленно по получении. Народ империи может подумать, что я попусту, только выслушивая его советы, не хочу оных приводить в исполнение. Представляете мне без замедления и во всей точности делаемые доклады". В третий месяц генерал Тушань-хэси разбил сунское войско в Хуа-чжэу. В сие время сунский генерал Улинь, ворвавшись в форпост Гу-чжень в области Шань-си, взял Сянь-гуань, Хэ-шан-юань, Шень-ча-хоу, Юй-нуй-тань, Да-чун-лин, Ши-би-чжай, Бао-цзи-сянь и Хэ-чжэу¹¹⁹ и расставил более ста тысяч войска для охранения сих мест. Тушань-хэси просил императора о прибавке войска, и Ши-цзун предписал присоединить десяти тысячный корпус из Хэ-нани. После сего Тушань-хэси приказал Хума-юю^{243*} и Синиле с двадцатью тысячами войска производить нападения на неприятеля. Сунские войска при каждом нападении были разбиваемы, но Улинь, надеясь на многочисленность армии, нисколько не отступал. Отделив половину

^{243*} Хума-юй есть первоначальное имя; в Лечжуань он известен под именем Чжан. Он - внук Вачжэ (по-маньчж.: Учжэ).

своего войска, он повелел оному защищать Цинь-чжэу. Тогда Тушань-хэси, поставив свои войска между Дэ-шунь-чжэу и Цинь-чжэу, перерезал неприятелю путь, коим подвозились припасы. После сего Улинь начал отступать. Генералы Хума-юй и Синиле во время преследования, делая нападение на корпус Цзин-гао, побили в нем несколько тысяч солдат. Из сего войска взяты в плен сунский генерал Чжу-юн и более 20 офицеров. Сунский генерал Чжу-юн-фу охранял Дэ-шунь-чжэу. Босив город, он также стал отступать, но Сулугай⁴²¹ пресек ему путь и, сразившись, побил большую половину его войска, причем более десяти офицеров взято в плен. Дэ-шунь-чжэу был взят обратно. Сунский генерал, охранявший Цинь-чжэу, удалился сам. Таким образом, в сию компанию все шестнадцать городов^{244*}, захваченные царством Сун, были возвращены, и Шаньсийская область сделалась спокойной. Император Ши-цзун за разбитие и прогнание сунских войск офицерам и воинам, сообразно заслугам, давал чины и другие награды. Ши-цзун издал указ, коим убеждал в столице и вне оной находящихся при должностях чиновников и писарей соблюдать честность и правоту. В четвертый месяц Из царства Ся от государя Ли-жинь-сиа⁴²² приезжал посол поздравлять государя со вступлением на престол и привез в дань туземные произведения. В пятый месяц темник Пэй-мань Ань-ла и тысячники Ила и Ша-лила⁴²³ разбили сунское войско в Хуа-чжэу. В шестой месяц прибыл посол от сунского государя Гао-цзуну для поздравления Ши-цзуну со вступлением на престол. Генерал Пусань-чжун-и разбил изменника Ова^{245*} в Сянь-цюань⁴²⁴, причем взял живым его младшего брата Няо. В седьмой месяц сунский государь Гао-цзун⁴²⁵ передал престол своему сыну Сяо-цзуну (по имени Цзи). Главнокомандующий корпусом в Шань-си Хума-юй разбил сунского генерала У-линь в крепости Чжань-и⁴²⁶. Ши-цзун, по любви к своим родственникам, сделал Валунь^{246*} старшим министром. Вань-янь-шоу-дао, вразумляя императора, говорил против сего следующее: "По вступлении на престол Вашего Величества, хотя империя несколько и успокоилась, но на границах оной еще не водворено тишины. Настоящее время требует особенной деятельности. Поэтому делать министром Вань-янь-чжэня не следует из опасения, что его способности недостаточны для сей должности. Если Ваше Величество непременно хотите показать к нему родственную любовь, то назначьте ему достаточный оклад жалованья, не определяя его к должности". Ши-цзун согласился с ним, и Вань-янь-чжэня сделал чиновником тай-юй⁴²⁷ без должности. Ши-цзун, приняв во внимание труды сопровождавших его военачальников и солдат, хотел сделать им награды, но в государственном казначействе не оказалось вещей. Он предложил взять заимообразно деньги с народа и раздать войску. Шеу-дао сказал ему: "Народ, изнуренный во время хищнического правления, радуется переменой жизни. Но до сего времени на него еще не были обращены милости и, между тем, открылось, что мы хотим всячески обирать его. Какими после сего надеждами он будет утешать себя? Можно выдать вещи из дворца, но брать имение у народа не следует". Император поступил по его словам. В восьмой месяц генерал Гао-чжун-цзянь разбил войско колена Си^{247*} при горе Као-лао-шань и призвал к подданству шесть сел, находившихся около Си. Тех, кои не соглашались сдаться добровольно, он покорил, всех мужчин предал смерти, а женщин и детей раздал пленниками войску. Ши-цзун говорил министрам: "И в представлениях народа встречаются иногда полезные замечания насчет правления, сообразного со временем. Господа! Кольми паче вам, занимающим важные должности, прилично ли не представлять вовсе ни о чем? Выслушивать суды и споры и отмечать в журналах дни, кто не способен? (Тщательно исследовали то, что было представляемо от многих и часто, и тогда только могли произвести благоустройство.) Премудрые Яо и Шунь могли водворить благоустройство только при тщательном исследовании того, что представляемо было от многих и часто^{248*}. Вань-янь-лян только собственные познания признавал верными и, действуя по оным, погиб. Я всегда желаю внимать верным и благим советам. Министры! Вы должны соответствовать моему желанию". Кроме сего, император предписал указом во все присутственные места, чтобы доклады чиновников и писарей, в случае задержки оных палатой приема представлений, непременно были доводимы до его сведения от тех мест, при коих находятся лица, писавшие сии доклады. "Рассматривая сии представления, - писал он, - мы будем знать способности людей, писавших оные". Император повелел генералу Вань-янь-сы-цзуну с подведомственным ему корпусом присоединиться к главной армии и воевать против изменника Ова. Вань-янь-сы-цзун, по присоединении к главной армии, напал на Ова и

^{244*} Шестнадцать городов: Линь-тао, Гун, Цинь, Хэ, Лун, Лань, Хай, Юань, Тао, Цзи-ши, Чжен-чжун, Дэ-шунь, Шан, Го, Хуан, Хуа.

^{245*} Ова был киданец. Он отложился при Вань-янь-ляне под предводительством Саба, потом, убив Саба, сам сделался предводителем киданских мятежников.

^{246*} На *маньчж.* назван Вань-янь-чжэнь, кажется, неправильно. На странице третьей видно, что здесь говорится о том же министре Валунь, который говорил императору, что во время беспокойств на границе неприлично государю забавляться охотой (см. начало второго лета Дай-дин).

^{247*} Колена Си было возмущено также Ова, который ушел в оное по разбитии его в Сянь-цюане.

^{248*} Дословно: "И премудрые Яо и Шунь тщательно исследовали то, что было представляемо от многих и часто, и тогда только могли произвести благоустройство".

взял его в плен живым, после чего все войско последнего покорилось. Ши-цзун, призвав членов прокурорского приказа, говорил им: "Господа! Ваши доносы вообще касаются только медленности производства дел по присутственным местам и неисправной явки чиновников к должностям, но сии дела маловажны. Надобно тщательно обращать внимание на честность и злонамеренные поступки всех вельможей, начиная с трех правителей (гун). Если при исполнении маловажных дел без внимания оставляемы будут великие упущения, во всем будете виновны вы".

В девятый месяц Вань-янь-моу-янь взял в плен Хэ-чжу^{249*}, тысячника из колена Си-чи. Тушань-хэ-си сильно поразил сунского главнокомандующего У-линь в Дэ-шунь-чжэу. В десятый месяц генералы Пуча-шице и Чи-чжан-хусу-лугай снова разбили сунцев при Дэ-шунь-чжэу. В одиннадцатый месяц делали ревизию чиновникам. Всех служащих разделили на три разряда, и по оным производили повышения и понижения. Ши-цзун, понизив по смерти императора Вань-янь-ляна, назвал его хай-лин-цзюнь-ваном.

1162 год

Третье лето Дай-дин. Во второй месяц из княжеств Корейского и Ся прибыли послы с дарами по случаю дня рождения императора Ши-цзуна^{250*}. Сверх того, Корейское княжество прислало посла для поздравления императора со вступлением на престол. Монах (хэшан) Восточной столицы Фатун своим волшебством произвел всеобщее смятение. Дивизионный генерал⁴²⁸ посредством боевых действий водворил спокойствие. В четвертый месяц император Ши-цзун обнародовал указ, что чиновникам, попавшим под суд за мздоимства, нет прощения, хотя бы в то время последовал милостивый манифест^{251*}. В пятый месяц от царства Цзинь отложился дивизионный генерал Южной столицы Ситабуэ⁴²⁹ и перешел в царство Сун. Сунское войско завладело городом Су-чжэу⁴³⁰, но генерал Чжи-нин вскоре взял Су-чжэу обратно. В его войске во время сражения убит был дивизионный генерал Лудин-фан. В восьмой месяц император Ши-цзун предписал указом, чтобы о не получивших наград за ревностную службу при его предках чиновникам выше пятой степени были сделаны представления, а чиновников ниже шестого класса, равно как и не имеющих чинов, наградили оными Сенат. В одиннадцатый месяц император обнародовал указ следующего содержания: "Когда чиновник, домогаясь должности, войдет в дом имеющего власть вельможи, то сверх лишения полученной им должности, он понижается одной степенью. Если же таковой будет бесчиновный, то, лишив его данной должности, вовсе не принимать на службу. Наконец, расспросив подробно о подарках, розданных при прошении должности, и о принявших оные делать представления". Все чины, желая почтить императора титулом, трижды убеждали его к принятию оного, но император не согласился. В двенадцатый месяц Ши-цзун выезжал на звериную ловлю. Пойманного на оной зверя принес в жертву своему родителю Жуй-цзуну^{252*} и с сего времени постановил законом ежегодно, по выезде на облаву, из добычи делать жертвоприношение на кладбищах предков.

1163 год

Дай-дин четвертое лето. Император повелел наместникам всех губерний, а равно начальникам областей и округов прекратить представление дани в день его рождения и в новый год. Ши-цзун спросил своих приближенных: "Почему Цинь-ван Нимаха, известный в государстве по своим заслугам, не оставил по себе наследника?" Вельможи, не зная сему причины, не отвечали. "Я слышал, - продолжал император, - что Нимаха, в бытность его в Западной столице, уморил, зарыв в городском рве живыми, тысячу нищих. Не это ли причина неимения наследников^{253*}?" Областной главнокомандующий доносил императору, что из царства Сунского прибыл вельможа Ху-фан для переговоров о мире, но он за нарушение прежних условий удержал Ху-фана при войске, а в царство Сунское послал ответ. При донесении он представил лист, присланный от сунского двора, и свой ответ на оный. Император, по рассмотрении бумаг, отвечал ему: "Хотя сунский двор нарушил верность, но в этом нисколько не виновен прибывший посол. Поэтому

^{249*} Вскоре после взятия Хэ-чжу Ова был усмирен. В биографии Ова говорится, что генерал Чжи-нин, взяв в плен Шао-хэчжу, убеждал его, посредством своих друзей в войске мятежника Ова, схватить его и передать цзиньцам. Шао-хэчжу ни сие согласился и вместе с Шень-дугань схватил Ова и представил цзиньскому главнокомандующему Сы-цзину.

^{250*} По кит. тексту: "...прибыли послы для поздравления императора с днем рождения".

^{251*} Исключая те случаи, когда издан будет при сем особый указ о прощении из них кого-либо (см. Дай-дин седьмое лето, девятый месяц в кит. подлиннике).

^{252*} По кит. тексту: "...пойманную на оной добычу принес в жертву на кладбищах в Шань-лин".

^{253*} По кит. тексту: "...неимение детей не есть ли возмездие за сей поступок?"

посла немедленно надлежит отправить обратно". Между тем, он повелел главнокомандующему в пограничных делах сообразоваться с обстоятельствами. Император выпустил из своего гарема 26 жен, приискав им мужей. В пятый месяц по причине засухи император предписал местным начальникам разыскать и освободить безвинно заключенных в темницы^{251*} и во дворце повелел прекратить все увеселения^{255*}. Сверх того, предписал президенту палаты церемониалов Ван-цзину для испрошения дождя сделать жертвоприношение горе Севера^{256**431}. После сего дождя выпало довольно^{257*}. В восьмой месяц император говорил министрам: "Ваши представления вообще касаются дел обыкновенных. О способах устройства государства и доставления народу спокойствия, а равно о выгодах и невыгодах правления вы вовсе не представляете. Таким образом, кто не в состоянии исправлять должность министра?" В девятый месяц Ши-цзун говорил министрам: "Когда подвергаются суду родственники или друзья сильных вельможей, то сии последние объявляют судьям и низшим чиновникам о своем родстве с подсудимыми, и производящие суд, преступая законы, судят по лицепритию. Надлежит строго воспретить сие злоупотребление". В другой раз Ши-цзун сказал министрам: "Северная столица, И-чжэу⁴³² и Линь-хуан-фу, - сии три губернии постоянно были грабимы от киданьских мятежников. В Пин-чжэу и Цзи-чжэу⁴³³ снова появилась саранча, сверх того, случилась засуха. Народ доведен до крайности в пропитании самого себя. Отцы и дети, будучи не в состоянии помочь друг другу, многие с пожертвованием самого себя продавали в рабство детей и жен^{258*}. Я весьма соболезную о сем. Разошлите немедленно особых чиновников, чтобы они, точно исследовав число таковых рабов, выкупили их за счет дворцового казначейства". Император, отправясь однажды на соколиный двор, увидел, что ловчий поместил соколов во внутреннем зале. "Сия зала есть присутственное место министров, - с гневом сказал император ловчему, - прилично ли помещать в ней соколов?" Он жестоко наказал ловчего палками, а соколов велел пересадить в другой покой. В одиннадцатый месяц отошедший на войну против Юга генерал Тушань-кэ-нин, разбив сунское войско, покорил Чу-чжэу⁴³⁴, а генерал Гао-цзин-шань взял сунский город Шан-чжэу⁴³⁵.

1164 год

Пятое лето Дай-дин. В первый месяц прибыл сунский вельможа Вэй-ци с договорным листом о мире между двумя царствами. В сем листе сунский государь, называя себя по имени, писал, что он, как племянник своему дяде, униженно подносит доклад императору великого царства Цзинь, и обещался ежегодно представлять двести тысяч концов шелковых тканей и двести тысяч лан серебра^{259*}. При отправлении Вэй-ци обратно, император послал с ним ответную бумагу, в коей, назвав себя дядей, а сунского императора своим сыном^{260*}, в заглавии употребил слово "препровождать". За сим Ши-цзун предписал главнокомандующему все войска, как старые, так и вновь набранные, распустить, оставив из них для охранения границ только шесть тысяч, и раздать им шелковые ткани и серебро, присланные от сунского двора. В третий месяц, в день рождения государя, вельможи поднесли ему титул инь-тянь-син-цзо-мэнь-дэ-шен-сяо-хуанди (милосердный, добродетельный, премудрый и благочестивый император, возвысивший престол через угождение небу), о чем обнародовано указом по всей империи. В четвертый месяц главнокомандующий Западной столицы Шоу-вань-цзин за его замысел к бунту был приговорен к смерти. Император, освободивши его от смертной казни, наказал палками, лишил чинов и сослал в Суй-чжэу. В шестой месяц в палате Дай-ань-дянь на колонне вырос гриб сабинга сэньче (лин-чжи)^{261*437}. В столице случилось землетрясение, после коего с дождем ниспал мелкий волос (фуне-хэн-аха)^{262*}. В восьмой месяц прибыли послы царств Сун, Ся и Кореи для поздравления императора с принятием титула. Сии три царства не переставали присылать ежегодно послов с дарами для поздравления императора в день его рождения и в новый год. В одиннадцатый месяц император говорил вельможам: "По краткости моего царствования, я не успел еще совершенно распознать честных и неблагонамеренных

^{251*} По кит. тексту: "...разыскать и освободить безвинно осужденных".

^{255*} По кит. тексту: "...прекратил музыку и распустил людей, прислуживающих при игре в мяч.

^{256*} По кит. тексту: "...а министру Шицзюй и другим совершить жертвоприношение на Северной долине вие города.

^{257*} По кит. тексту: "Император повелел по сему случаю принесть благодарственную жертву пяти горам и морям четырех стран".

^{258*} По кит. тексту: "Отцы и дети, будучи не в состоянии помогать друг другу, во множестве продавали самих себя в рабство".

^{259*} По кит. тексту: "...будет платить годовой дани двести тысяч лан серебра".

^{260*} По кит. тексту: "...своим пленником..."

^{261*} Сабинга сэньче (негниющий гриб) служил предзнаменованием возвышения государства.

^{262*} Маньч. слово "фуне-хэ", равно кит. "мао", значит: "пух, мелкий волос".

людей между служащими. Господа! Я во всем полагаюсь на вас. Вы обязаны возвысить людей со всей справедливостью. В настоящее время между чиновниками шестой степени и ниже нет людей с дарованиями. Это не согласно с моим желанием иметь людей мудрых".

1165 год

Дай-дин шестое лето. В первый месяц император предписал дворцовой конторе, чтобы вещей, употребляемых во дворце, не золотили^{263*}. В одиннадцатый месяц император говорил министрам: "Министры! Вы обязаны обращать особенное внимание при избрании людей на службу. Возвышая достойных, в других можно возбудить соревнование, но если будут возвышения не по праву, то этим во всех можно возбудить зависть. Министры! По совершенном узнании достоинств и недостатков людей, производить в чины и должности тех из них, кои имеют истинные дарования". В сем месяце в день рождения наследника в Восточном дворце был дан обед, во время коего Ши-цзун, подавая вино министрам Лян-би и Чжи-нин сказал: "Ныне прекращение пограничных дел и водворение спокойствия в столице и во внешних областях империи совершено силами полководцев и министров". Лян-би на сие отвечал: "Не имея отличных дарований и занимая должности министров, дерзнем ли не употреблять всей деятельности нашей, подобно псу или волю^{264*}, усердно служащим своему господину?" Император был весьма доволен ответом. Он назначил после сего Лян-би президентом Общества составления государственной истории^{265*}. "Во времена Вань-янь-ляна, - сказал император Лян-би, - историографы не вполне описывали происшествия. Добродетели и пороки государей, верность и коварство вельможей замечаются в поощрение и предосторожность будущих поколений. Если описания будут неполны, то какие могут доставить потомству сведения о происшествиях? Поручаю тебе заставить занимающихся составлением истории сделать полное описание деяний Вань-янь-ляна, расспросив об оных людей знающих". Ши-цзун, рассуждая со своими приближенными о качествах вельмож прошедших времен и настоящего, обратился к министрам и сказал: "В царствования Си-цзуна и Вань-янь-ляна, когда казнили вельмож за смертные преступления, весьма многие погибли безвинно. Министры! Вам вверено главное управление империи; не подвергайте себя вине, нарушая законы, и не вводите меня в обман, руководясь злыми намерениями^{266*}. С верностью и сыновнею любовью служите мне, дабы тем доставить благоденствие государству". Лян-би на сие отвечал: "Пользуясь до избытка милостями Вашими, государь, дерзнем ли быть невнимательными? Беспрестанные наставления премудрого из царей будут для нас неотъемлемым благодеянием". Император продолжал: "Беспрестанно занятый мыслью о том, что в присутственных местах нет способных людей, я и во время ночи не нахожу для себя покоя. Господа! Употребите ваше старание в избрании людей достойных. Я, со своей стороны, также обращаю внимание". Лян-би на сие отвечал: "Народ нашей нации^{267*} непременно должен получить китайское образование, после чего легко будет найти способных. В настоящее время почти везде составились партии. Тот, кого представляет с хорошей стороны одна из них, бывает оклеветываем другою. Таким образом, трудно приобрести достойных". "Посему-то, - заметил государь, - я хочу сам обратиться на сие внимание".

1166 год

Седьмое лето Дай-дин. В пятый месяц в Дай-син-фу опустела городская темница. Император в награду за сие повелел главноуправляющему городом отпустить триста связок^{268*} мелкой монеты на сделание угощения всем служащим. В седьмой месяц постановлен закон, коим носящих одежду, шитую золотом (парчовую), и продающих золотые ткани повелено подвергать суду. В восьмой месяц президент общества, занимающегося составлением истории государства, старший министр Хэшиле-лян-би представили императору историю царствования Тай-цзуна. Ши-цзун принял оную стоя и за составление

^{263*} По кит. тексту: "В четвертый месяц император издал указ, коим запретил в первый день каждого месяца закалывать животных. В пятый месяц император, во время пребывания своего в Западной столице, ездил в монастырь Хоа-янь-сы смотреть медные статуи государей прежней династии Ляо и повелел настоятелю монастыря иметь за ними особенный присмотр".

^{264*} В подлиннике употреблено слово "ма" - конь.

^{265*} В Китае доселе существует сие общество. По важности его занятий, президент оною всегда назначается императором из министров.

^{266*} По кит. тексту: "...и не вводите меня в обман, безусловно покровительствуя мне".

^{267*} Под сими словами разумеются нюйчжисцы и киданьцы, как означено в подлиннике китайском.

^{268*} Каждая связка состоит из тысячи мелких монет.

подарил Лян-би золотой пояс и двадцать кусков лучших шелковых тканей; другие чиновники также награждены были по заслугам. В десятый месяц император во время путешествия своего на облаву говорил приближенным: "В непродолжительное время я узнал, что по городам и селам владельцы больших зданий, в коих я имел квартиры^{269*}, после моего отбытия оставляли оные не занятыми, потому что в них останавливался я. Это весьма несправедливо. Немедленно объявить им, чтобы они заняли свои жилища по-прежнему". Император, возвратясь в столицу, говорил министрам: "Вань-янь-лян, не различая людей способных и людей без дарований, весьма часто давал чины по произволу. С вступления моего на престол, я остерегался этого и только людей с истинными дарованиями выбирал на службу. Но в настоящее время узнаю, что начальник города Ли-чжэу⁴³⁸ по имени Ила-янь-шоу со времени занятия должности сделался корыстолюбив и жесток. Расспрашиваю о его прежнем звании и узнаю, что он при Вань-янь-ляне был ловчим. Ужели ловчие и повара также могут управлять народом? Отседа таковым людям не давать должностей по управлению народом". Император повелел пред теремом Лян, занимаемым наследником, построить для него же тронную. Мэн-хао, отклоняя его, при сем говорил: "Пред наследником, несмотря на то, что он есть преемник государя, должно показывать бережливость. По сей причине для него не следует строить дворца, подобного дворцу Вашего Величества". Император принял его слова и остановил постройку. В одиннадцатый месяц император, обратясь к министрам, сказал: "Донесят, что между уездными чиновниками весьма много находится недостойных. Повелите послать чинов сделать ревизию и, по совершенном узнании, способных оставить при должностях, а негодных отрешить от оных". В двенадцатый месяц главноуправляющие Восточной столицы Тушань-хэси, Северной - Моу-янь и начальник города Чжао-чжэу⁴³⁹ Пуча-тун перед отправлением в свои места представлялись императору. Государь, пожаловав им золотые пояса, сказал: "Вельможи! Вы имеете дарования, но часто бываете лживы, а я хочу иметь при себе людей верных, по сей причине даю вам должности вне. Сии пояса дарю вам за вашу долговременную службу^{270*}". За сим, обратясь к Цзин-сы-хой^{271*}, император сказал: "Нельзя сказать, что ты не имел способностей, но у тебя нет правдивости. Всякий вельможа, желая снискать благоволение государя и приобрести вместе похвалу от народа, только в половину соблюдает верность и правосудие. Ты должен сего остерегаться".

1167 год

Дай-дин восьмое лето. В первый месяц император Ши-цзун рассуждал с Лян-би и Шоу-дао о том, что между чиновниками Мэн-ань и Моукэ весьма много молодых, кои, не получив образования, вовсе не знают обязанностей старшинства. "В древности, - говорил император, - в селах старики постоянно преподавали жителям наставления. Напротив, в настоящее время по селам, хотя и есть старцы, которые бы могли учить их, но или сами старцы, называя это не их обязанностью, не учат, или сии дворяне, почитая их не вправе давать наставления, не принимают оных". При сем он изъявил желание, чтобы по Китайским уставам^{272*} избрать людей беспорочных и праводушных, способных быть наставниками, и поручить им образование молодых людей. "Намерение Вашего Величества, - сказал Лян-би, - послужит счастьем для подданных". В другой раз император сделал следующий вопрос Лян-би: "Из истории протекших времен я усматриваю, что и низшего звания люди, занятые мыслью о государстве, говорили с откровенностью о выгодах народа. Почему нет таковых людей ныне?" "Возможно ли не быть подобным людям теперь, - отвечал Лян-би, - но, быть может, следуя в точности законам, они опасаются навлечь на себя вину и подвергнуться несчастию. По сей причине они остаются в безызвестности". Во второй месяц император сказал министрам: "Господа! Я управляю империей вместе с вами. Когда найдете несообразность в каком-либо деле, лично говорите о сем мне. Таким образом вы будете помогать моему бессилию. Не согласуйтесь с моими наклонностями из собственной предосторожности. Вы получили степени правителей государства (гун) и министров. Итак, для вас наступило время прославить свои

^{269*} Под большими зданиями здесь должно разуметь дома начальников городов и монастыри; по законам китайским в сих только зданиях император может иметь квартиры.

^{270*} По кит. тексту, золотой пояс был подарен только Пуча-туну, и сии слова равно были сказаны ему одному.

^{271*} Цзин-сы-хой был министром при Вань-янь-ляне.

^{272*} Под словами "Хань-чжи" китайский историк, кажется, понимает уставы династии Хань, а не уставы китайцев, как переведено на маньчжурский. Научать молодых было вменено в обязанность старцев сел еще при династии Чжоу, за что они пользовались уважением большим, нежели чиновники, и свободны были от всякой службы (см. Чжоули, ст. 7, Ди-гуань). Но из истории явствует, что сие постановление при династии Цин было уничтожено и уже при династии Хань вновь было принято навсегда. При настоящей династии для образования юношества заведены народные училища. Несмотря на сие изменение, старики и в настоящее время имеют полное право учить молодых и делать им выговоры за проступки.

имена, действуя по законам! Если же вы станете искать собственного спокойствия и выгод, то вкусите счастья только в настоящее время. Но что тогда скажет об вас потомство?" По окончании речи, все министры громогласно провозгласили императору долголетие. Ши-цзун, разговаривая с Ила-цзы-цзин и другими вельможами, сказал: "В древности при государях Яо и Шунь все вещи делались без украшений; при династии Хань только Сяо-вэнь¹⁴⁰, подражая сим государям, соблюдал умеренность. Всего более я опасаюсь, чтобы при дворе не преступили меры (бережливости), поэтому-то, если случались когда постройки, то, уменьшив расходы на стол, производил оные. Теперь постройки уже все кончены. Но пиры постоянно должны быть только в день рождения наследника и в первый день года. Прежде угощения делались в пятнадцатый день первого и восьмого месяцев, но при сих угощениях наблюдалась умеренность^{273*}". Император в своем разговоре, коснувшись религии буддистов, сказал: "Учению буддистов вовсе не должно вредить. Династии Лян⁴⁴¹ государь У-ди сделался послушником монастыря Тун-тай-сы, а государь ляосский Дао-цзун отдавал во владение монахам народ и, наконец, сделал из них трех правителей государства^{274*}. Глубоко было их заблуждение!" Во второй месяц император постановил законом, чтобы дети, по смерти матери, имевшей после их отца другого мужа, также носили трехгодичный траур. В четвертый месяц Ши-цзун сказал: "Законом воспрещается убивать волов, но почему не воспретить бить лошадей? Лошади необходимы для войска, также как волы необходимы для возделывания земли". Он повелел прекратить убивание коней. Ши-цзун в палате Чан-у-дянь играл в мяч. Магуй-чжун, увидев его, сказал: "Ваше Величество, сделавшись государем, приняли на себя тягчайшее бремя в империи. Если каждодневно весною и осенью будете выезжать на облаву и, сверх того, играть в мяч, то в делах правления может произойти остановка^{275*}. Подобные занятия государь обязан прекратить". Государь на это отвечал: "Я хочу показать через сие, что и я учусь военному искусству". В пятый месяц в северном Ван-дяне полосой, на 10 ли в ширину и 60 ли в длину, при сильной грозе выпал дождь с градом. Император Ши-цзун предписал министрам государственных доходов и строевых дел, чтобы во дворце не употребляли на украшения золото. Император говорил чиновнику пин-чжан-чжэн-ши по имени Вань-янь-сы-цзун и другим, что занятый мыслью о приобретении мудрых чиновников, он и во время сна не перестает думать о сем. Почему повелел, чтобы при отправлении от дворца вельмож во внешние провинции, поручили им тщательно выискивать честных и способных людей между служащими и между учеными, не имеющими должностей, но способными исправлять оные, записывать их имена и фамилии, делать представления. В другой день император говорил министрам: "Господа! Представляя людей способных для употребления на службу, вы часто заставляете других делать доклады о тех из них, которые вам известны. Для меня это весьма неприятно. Если кто действительно хорош, то следует ли его устранять из предосторожности, что он ваш родственник?" Ши-цзун, призвав президента прокурорского приказа, сказал ему: "Обязанность прокуроров состоит в отличии верных от злонамеренных. Неужели нет ни одного хорошего человека между служащими внутри столицы и во внешних провинциях? В ваших докладах вы только обвиняете за проступки, а не представляете о людях честных. Разошлите по всем областям чиновников прокурорского приказа и прикажите им делать представления о чиновниках, беспорочно служащих, а вместе с тем, и обвинительные доносы на служащих бесчестно". В десятый месяц император Ши-цзун обнародовал увещательный указ о том, чтобы служащие воздерживались от корыстолюбия и жестокости. Император повелел начальнику города Чжо-чжэу⁴⁴², чтобы он исправлял вместе и должность смотрителя императорских кладбищ, и каждомесячно первого и пятнадцатого числа совершал на оных жертвоприношения. Первого числа он приказал приносить жертвы чистые (бескровные), а пятнадцатого употреблять в жертву мясо, начав это с первого месяца в будущем году. Сверх того, он повелел ему в храме Тай-цзу поставить портреты заслуженных вельмож и воздвигнуть памятники тем из них, коим оные еще не поставлены. Император говорил министрам: "При Вань-янь-ляне составление истории^{276*} не было поручено вельможам, отличавшимся правдивостью. От этого в написанном много лжи. Ныне подробно описать мои дела, по тщательном исследовании оных^{277*}. "Если правдив историограф, - отвечал Мэн-хао, - то дела государя опишет верно. Издревле государи не рассматривали историю своего царствования по той причине, что к составлению оной определяли верных и правдивых людей".

^{273*} В кит. тексте: "...но на оных не поили допьяна".

^{274*} Три правителя (сань-гун) суть: Тай-вэй, Сы-ту и Сы-кун.

^{275*} По кит. тексту: "Облава и игра в мяч сопряжены с опасностью (жизни). Надлежит вовсе оставить подобные дела".

^{276*} По кит. тексту: "...и составление записок о государях..."

^{277*} По кит. тексту: "...надлежит тщательно разыскать истину происшествий (бывших при Вань-янь-ляне) и подробно описать оные".

1168 год

Девятое лето Дай-дин. В первый месяц император, разговаривая с Цзин-сы-хоем и Ила-цзы-цзином о делах минувших времен и настоящего, сказал: "При дворе Дайляо ежедневно убивали триста баранов. Этого количества совершенно потребить было невозможно, и животные истребляемы были вотще. Я всегда, при принятии мною пищи, помышляю о том, что и народ, подобно мне, имеет потребность в оной. Какая польза, производя зло, искать услаждений вкуса?" Еще говорил император: "Когда советниками царскими будут сделаны люди, подобные Чжан-чжун-кэ, бывшем при Вань-янь-ляне, то как возможно будет слышать верные советы? Господа! При рассуждениях с вами о каком-либо деле, я не говорю несправедливого. Если вы не будете давать мне прямых ответов, то будет ли это законно с вашей стороны?" Ши-цзун постановил, чтобы вдовы из поколений Бохай и китайские по окончании траура возвращались из домов мужей к своим родственникам, а если который-либо из братьев умершего пожелает взять после него оставшуюся вдову, то чтобы сие делалось с воли старшего в ее доме. Сенат постановил законом присуждать к ссылке тех, кто будет ловить сетями зверей, и представил на утверждение императора. "Осуждать в ссылку за зверей и птицу, - сказал император, - значит дорожить зверями и птицами, а жизнь народа считать ничего не значащей. Могу ли я думать таким образом? Виновных в этом бить палками и отпускать".

В четвертый месяц император говорил министрам: "Я замечаю, что вельможи, находящиеся при должностях, сначала при вступлении в службу всячески стараются распространить о себе добрую славу, чтобы таким образом добиться чинов. По получении важных должностей, они делаются уступчивыми и молчаливыми, не производя ни малейшего шороху, кое-как заставляя делать о себе хорошие отзывы, думают только о своем спокойствии. Такие люди для меня неприятны". В пятый месяц Сенат сделал доклад о том, чтобы назначить оброчных для производства построек во дворцах царевичей Юэ-вана Юн-чжун и Суй-вана Юн-гун. Император на сие сказал: "Я заметил в саду дворцовом посохший бамбук и хотел приказать вновь посадить оный, но из опасения отяготить народ оставил свое намерение. Каждый из царевичей имеет своих мастеров и, кроме того, весьма много рабов. Зачем же еще заставлять народ для них работать? Вы представляете о сем на основании узаконений, но можно ли без изъявления признавать законными безмерные работы народа, производимые при Вань-янь-ляне? Отселе только незначительные оброчные работы в столице, узаконенные издревле, должны производиться по-прежнему, но для производства других, не установленных прежде, вообще нанимать рабочих за счет казны. О трудных оброчных работах доносить мне". В девятый месяц император говорил чинам прокурорского приказа: "Недавно я узнал, что некоторые из придворных чиновников, принимая на себя поручения евнухов в распоряжении их вещами, сделались чрез то корыстолюбивы и жадны к имению. Почему вы не доносили о сем мне?" Прокуроры отвечали, что они не знали о сем. "Когда мне сделалось известным это, - продолжал император, - возможно ли, чтобы вы не знали? Если я сам буду делать открытия, то для чего буду употреблять вас?" Император постановил законом, чтобы в храме предков вместо вола приносился в жертву олень.

1169 год

Дай-дин девятое лето. Во второй месяц из стана Ань-хуа-цзюнь¹⁴³ казнены за корыстолюбие главный командир Тушань-цзы-вэнь и его помощник Лао-цзюнь-ну. Ши-цзун говорил приближенным: "Мои телохранители впоследствии все будут чиновниками в управлении народа. Прикажите им всем учиться". В третий месяц по случаю дня рождения императора прибыли послы из царств Сун, Кореи и Ся. При угощении их Ши-цзун приказал лучшим стрельцам из своих телохранителей стрелять из луков. В этой стрельбе участвовал и посол сунский. Сунский посол пятьдесят раз попал в цель. Между тем, из телохранителей только некоторые попадали по семи раз. Ши-цзун сказал тогда двум генералам, при нем находящимся: "Мои телохранители, по прошествии десяти лет службы, выпускаются офицерами пятой степени. На стражу во дворец они являются через три дня однажды, поэтому их служба легка. Если, позволив им думать только о пресыщении и сладком покое, не упражнять в стрелянии из луков, то в чем будет состоять их обязанность?" Хэнаньский тун-цзюнь-ши по имени Цзун-суй сделан чиновником цан-чжи-чжен-ши¹⁴⁴. "В бытность твою в Хэнане в должности тун-цзюнь, - сказал ему император, - ты доносил мне о выгодах и вреде, зависящих от поправки берегов Хуан-хэ, и твое донесение совершенно было согласно с моим мнением. Заботясь о народе, я беспрестанно посылаю туда чиновников, но они, с общего между собой согласия, делают злоупотребления. Они не помышляют о сем деле заблаговременно, а когда наступит время, то с поспешностью собирают рабочих людей и оброки. От сего траты бывают чрезмерны. Сей вред немаловажен. Вельможа! Принявши на себя государственное правление (цань-чао-чжень), тебе надлежит уничтожить все злоупотребления и предпринимать все полезное". Император говорил еще к старшему

чиновнику чэн⁴⁴⁵ по имени Ши-цзюй: "Нюйчжисцы, получая вдруг высокие должности, не разумеют трудностей и бедствий народных. Но ты и подобные тебе возвысились из низших чинов; нельзя не знать вам дел народа. Итак, вы обязаны подробно объяснять все, что хорошо и что худо". В пятый месяц царства Ся вельможа Жинь-дэ-цзин⁴⁴⁶ принудил своего государя Ли-жинь-сяо сделать доклад Ши-цзуну о том, чтобы ему позволили разделить свое королевство (с Жинь-дэ-цзином). Император спросил об этом министра Ли-ши. "Сие дело, - отвечал Ли-ши, - относится до другого царства, то лучше оставить оное на их произвол и отказаться от участия". "Но Жинь-дэ-цзин есть вассал, - сказал император, - который, захватив власть, делает притеснения своему государю". Он объявил указом, что не согласен на раздел и присланные дары отослал обратно. В десятый месяц Ши-цзун выезжал на облаву в Ба-чжэу⁴⁴⁷. Возвратившись с оной, он говорил главным вельможам: "По выезде на охоту я узнал, что начальник города Гу-ань-сянь⁴⁴⁸ не исправен по должности, за что и повелел его отрешиться от оной. В Ба-чжэу чиновник сы-хоу⁴⁴⁹ по имени Чэн-фын-сянь внимателен и прилежен к своей должности, его можно повысить одной степенью и определить начальником города Гу-ань-сянь". Император говорил министрам: "Часто при совещании о каком-нибудь деле, польза или вред оного мне не совершенно известны. Господа! В таком случае вы обязаны с откровенностью и точностью объяснять мне оные. Не будьте уступчивы мне с тем, чтобы, по возвращении от меня, говорить о сем заочно". В одиннадцатый месяц постановлено законом, чтобы воров, похитивших вещи из храма предков, подвергать одинаковому суду с учинившими кражу во дворце. Государь царства Ся, казнивши Жинь-дэ-цзина, хотевшего отнять у него престол, прислал к Ши-цзуну посла с благодарностью за его участие в деле. Император отправил к нему утешительный манифест. В двенадцатый месяц император говорил министрам: "Ныне я сделался слаб, отчего государственные дела пришли в замедление. Из докладов ваших я вижу, что вы вообще представляете мне только о тех делах, о которых обязаны представлять по постановлению; кроме сих дел в них нет ничего полезного для государства. Когда бы с каждым днем совершать хотя бы по одному хорошему делу, то в течение года для государства можно бы сделать весьма много полезного. Но, живя внутри дворца, могу ли знать совершенно дела внешние? Господа! Вы обязаны печься о сем". Император отправился для жертвоприношения в храм Шэ-цзи⁴⁵⁰ (земледелия). Заведывавшие сим делом вельможи представили ему, чтобы написал свое имя на днище. Тогда император спросил Ши-цзюй: "Следует ли писать свое имя?" Ши-цзюй отвечал, что в старину сие обыкновение существовало. "Господа! - сказал после сего император. - К обрядам жертвоприношения вам особенно надлежит быть внимательными; не доводите себя до осуждения в потомстве. Я помню, когда Си-цзун давал по смерти титул императору Тай-цзу. Юй-вэнь-суй-чжун, определив для сего церемонию, не предписал чиновникам одеться в одежду, употребляемую при жертвоприношениях, и позволил быть в обыкновенной, в какой являются ко Двору. В то время, хотя я был малолетен, но заметил его ошибку". Ши-цзун отвечал: "Совершить жертвоприношение есть дело великое. И если на то нет древних постановлений, то дерзнем ли поступить сами собой?" При совещании государя с вельможами касательно выливки медной монеты некоторые говорили, что на сие требуются весьма большие издержки, и предлагали открыть рудники и очищать серебро и золото. Но государь сказал: "Сокровища гор и рек должны быть общи с народом; но монета не может быть отливаема частным образом^{278*}". Тогда Ши-цзюй, выступив вперед, говорил: "Вассал слышал, что богатство сына Неба заключается между подданными. В самом деле, если народ богат и силен, то государь подобен источнику, неиссякаемому при беспрестанном течении^{279*}". "Но пользовался ли народ свободой в отливке монеты в древности?" - спросил Ши-цзюй император. "Если позволить народу, - отвечал Ши-цзюй, - свободно лить монету, то низкие люди по жадности и корысти тем паче стали бы лить монету тонкую и худую. Поэтому в древности сие было воспрещено". В день рождения наследника император дал пир в Восточном дворце и, развеселясь на оном, заставил танцевать царевну Юй-го. "Императрица Улиньда-ши, - сказал в слезах император, - мать сей моей дочери, вполне соблюдала обязанности супруги. И я не назначаю на ее место другой, потому что, вспоминая о добродетелях императрицы, в настоящее время не нахожу ей подобной".

1170 год

Одиннадцатое лето Дай-дин. В первый месяц государь повелел указом, чтобы чиновникам от 70 лет и более, оставившим (за старостью) службу, давать половинное жалование, не принимая в счет их чинов. Из Сената представили, что цзе-ду-ши из стана Фын-ян-цзюнь⁴⁵¹ по имени Нюй-синь-чан в день своего рождения принимал приносимые ему подарки, за что по законам должно лишить его должности. "Если

^{278*} Добыча металлов никому не воспрещалась, выливка же монеты, собственно, принадлежала казне.

^{279*} По кит. тексту: "Вассал слышал, что богатство сына Неба заключается в Империи. Поистине (сын Неба) подобен источнику, из коего воды свободно разливаются".

в делах правления, - говорил им император, - мы не соблюдаем правоты, то как она может быть в государстве? Членам Сената и государственного совета в дни их рождения и в дни торжеств^{280*}, равно разносятся подарки и в немалом количестве. Но от них не требуют в сем ответа. Между тем, строго судят за взятки низших чиновников. Ужели таков закон водворения правоты в империи? С сего времени равно отрешать от должности министров и членов государственного совета, когда они примут принесенные к ним вещи". Тогда же император говорил министрам: "В прошедшем году, уклоняясь от жары (в Лю-хэ-чуани), я проезжал ближней дорогой через Шань-си и как, по причине большого пространства полей, не было мест для пастбищ, то я повелел, чтобы хлеб сеяли в пяти ли от города. Теперь слышу, что все крестьяне переселились оттуда в другие места. Я весьма сожалею о них. Итак, пусть прикажут им делать посевы на своих прежних местах. Господа! Когда встречаются подобные дела, мы обязаны о них доносить мне". В пятый месяц император говорил: "В числе податей, получаемых по обыкновению с каждой области, из Тун-чжэу требуются бараны ша-юань⁴⁵². Но в такой дани нет необходимости, ею вотще отягчают народ; должно прекратить ее. Живя в глубине дворца, могу ли я знать совершенно все тяготы народа? Итак, вы обязаны доносить мне о подобных делах". В этот месяц император ежегодно обозревал пашни, находившиеся вблизи столицы. В восьмой месяц Ши-цзун говорил вельможам: "Я беспрестанно напоминаю вам, чтобы вы с откровенностью говорили мне о выгодах государства и об упущениях в правлении. Даже чиновники внешних областей и простолюдины представляют иногда свои мнения о правлении, а вы, напротив, не скажите о сем ни одного слова. После этого возможно ли, чтобы все дела были исправляемы как должно? С сего времени верно доносить мне обо всем, что выгодно и что вредно; не будьте скрытны". Император еще говорил министрам: "Ныне чиновники свободно говорят, что после первой ревизии можно получить такую-то должность, а после второй - такую-то, и постоянно остаются нерадивы и беспечны. Отселе, делая ревизию как провинциальным, так и служащим при дворе чиновникам, правдивых и прилежных возводить в высшие должности, а сказавшихся беспечными и нерадивыми - отставлять от оных, даже (еще) до исполнения срока. Если не будет соблюдаема справедливость в наградах и наказаниях, то можно ли возбудить соревнование?" В другой раз Ши-цзун говорил министрам: "Весьма большой недостаток у нас в чиновниках от пятой степени и ниже, и достойные люди приобретаются с трудом. Мне известны чиновники, начиная с третьей степени и выше, но чиновников ниже пятой степени я вовсе не знаю. Господа! От вас я также не слыхал еще ни одного слова, сказанного в похвалу кого-либо. Сколько я не старался приобрести средство к долговременному спокойствию и к возвышению выгод народа, но при недостатке хороших помощников, что ни предпринимал, вообще выходили дела обыкновенные. Вы ежедневно являетесь ко мне, но какая от сего польза? Господа, об этом вы тщательно должны подумать". В десятый месяц император сказал министрам: "Господа! Мое решение какого-нибудь дела вы считаете для себя совершенным повелением, которого будто бы и изменить нельзя. Поэтому, с подобострастием выполняя оные, вы ни об одном деле не представляете противного. Господа! Когда я не соглашался на какие-либо представления ваши? С сего времени, хотя бы и издан был мною указ, но вы должны рассмотреть оный и, если найдете его применимым, обязаны исполнить, если же встретите в нем что-либо невыгодное, то обязаны представить мне о перемене оного. Равным образом, если бы низший чиновник объявил о невыгодности какого-либо дела, решенного Сенатом, в таком случае вы также обязаны переменить оное, смотря по приличию, и никак не должно отвергать его представления". Старший министр Хэшиле Лян-би составил историю об Жу-цзуне - отце государя Ши-цзуна - и поднес ее императору. Государь подарил за сие Лян-би пояс из кости носорога и 20 кусков лучших шелковых тканей. Ши-цзун говорил министрам: "Когда во дворце Янь-цин-гун изображали портреты заслуженных вельмож, повелено было умножить число оных до двадцати. Министр Хань-ци-сянь, по возвышении нашего дома, издал законы и постановления для оного. При решении какого-либо важного дела он советовался только с главными вельможами и никак не позволял знать о сем людям посторонним. Прежние и после него бывшие министры из китайцев не могут сравняться с ним. Для поощрения его примером других, конечно, было бы достаточно и того, если прославить его, восписав ему похвалы. Но, при всем том, не следует оставить не написанным и его изображения". В одиннадцатый месяц император, в бытность свою в Восточном дворце, говорил наследнику: "Назначив тебя наследником престола, я устроил империю, и нет более в делах запутанности и беспорядка. Тебе остается только не забывать великих и достойных уважения обычаев предков; из почтения к родителям, тщательно усовершенствоваться в учении и добродетелях и для порядка в правлении соблюдать правоту и верность в наградах и наказаниях. В древности танский государь Тай-цзун завещал своему сыну Гао-цзуну следующее: "Я не успел завоевать корейцев; завоюй после меня ты"^{281*}. Таких поручений я тебе не

^{280*} Дней торжеств у китайцев восемь. Они суть следующие: начало весны; середина оной или весеннее равноденствие; начало лета; середина лета или летний поворот солнца; начало осени; середина осени или осеннее равноденствие; начало зимы и середина зимы или зимний поворот солнца.

^{281*} По кит. тексту: "Я начал войну с корейцами, и если не успею победить их, то ты должен продолжить оную".

оставляю. Дайляосский государь Хай-бинь-ван, возненавидя своего сына Цзинь-вана за то, что подданные его любили, предал его смерти. Законно ли это? Если сын заставит себя любить, то тем более ему честь. Но поступая таким образом, можно ли не погубить царства? Танский Тай-цзун, государь, обладавший умом, говорил своему сыну Гао-цзуну: "Ты не расположен к Ли-цзи⁴⁵³. Ныне я, обвинив его, отрешил от должности. После моей смерти ты дай ему должность пу-и^{282*454}, и он, без сомнения, будет жертвовать для тебя жизнью". Прилично ли государю употреблять обман? Тот, что пользовался благодеяниями отца, ужели забудет воздать за оные сыну? В отношении к вельможам я руководствуюсь только справедливостью". При сих словах все вельможи воскликнули: "Да здравствует государь!" В сем месяце вельможи почтили императора Ши-цзуна титулом: Инь-тянь-син-цзо цинь-вэнь-гуан-у-жинь-дэ-шен-сяо- хуанди^{283*}, о чем обнародован манифест во внутренних и внешних областях империи. В двенадцатый месяц Ши-цзун возвел всех сыновей своих в достоинства князей первой степени, причем, Юн-чжуна назвал князем Чжао, Юн-гуна - князем Цао, Юн-чэна - князем Бинь, Юн-жена - князем Юй, Юн-дао - князем Сюй и Юн-цзи - князем Тэн. Юн-чжуна и Юн-гуна назначил на должность мэн-ань (полковых команд).

1171 год

Дай-дин двенадцатое лето. В первый месяц император предписал палате, рассматривающей доклады, следующее: "Так как в большей части докладов представляют о выгодах или вреде для государства, то с сего времени те из них, в коих найдутся мнения, приличные для проведения в действо, отсылать запечатанными в палату шу-ми-цзянь^{284*455}, а сия, сделав выписки того, что должно привести в исполнение, будет сообщать оные местам, от коих зависит исполнение". Во второй месяц император, призвавши управителей княжеских дворцов, говорил им: "Я избрал вас в сии должности (единственно) с тем намерением, чтобы вы наставлениями и руководством научали царевичей быть добродетельными. Итак, если в поведении князей заметите что-либо нехорошее, вы тщательно должны отклонять их от сего. Если они не будут слушать ваших увещаний, то вы обязаны доносить мне, записав, что в такой-то день князь сделал то-то. Но если вы, потворствуя им, не будете доносить мне, то я непременно буду винить вас". Сенат представил Ши-цзуну, что при исследовании поведения чиновников, оказались беспорядочными и весьма ревностными по службе управляющий полком чэн-ян-цзюнь⁴⁵⁶ по имени Шань-хэшан и другие. "О них, - сказал император, - узнавали тайным образом и открыто делали расспросы у других, но они равно оказались отличными по службе. Если верно исполняются награды и наказания, то сии честные люди поощряются, а порочные удерживаются в страхе. Таким образом, при продолжительном действии по сим законам, легко приобрести людей честных^{285*}. Итак, сообразно с заслугами, каждого возвышайте в чины и удостоивайте наград. О сих чиновниках немедленно составьте совет и назначьте их к высшим должностям". Ши-цзун издал следующий указ: "Отныне, если главный начальник какого-либо присутственного места будет действовать незаконно, и если его помощник, будучи не в состоянии исправить его, не сделает при том на него донос, то оба должны быть подвергаемы одинаковому суду". В третий месяц император указал Сенату: "Если, по открытии корыстолюбивых и хищных чиновников, оставлять их по-прежнему при должностях, то они опять будут угнетать народ. Разославши гонцов во все области, прикажите им немедленно, по прибытии, отрешать таковых от должностей". Ши-цзун повелел своему дежурному генералу Сы-ле отправиться с грамотой для возведения корейского Ван-хао на престол в его княжестве⁴⁵⁷. Начальник города Дай-мин-фу, князь Цзин-ван-вэнь, лишен за корыстолюбие княжеского достоинства и сделан чиновником фан-юй-ши⁴⁵⁸ в Дэ-чжоу⁴⁵⁹. В пятый месяц император, в проезд свой к водам Бо-хоа-чуань, сказал министрам: "По станциям, на коих я имел остановки, посуда для корма лошадей вообще была получаемая от крестьян; из оной множество было растеряно и не возвращено хозяевам. Причиной таких беспорядков была неисправность прокуроров. В настоящее время изберите на их места людей достойных и повелите им, по производству розыска в проезжаемых мною местах, вознаградить народ платою за утраченные вещи". В десятый месяц князь корейский Ван-хао прислал к Ши-цзуну посла благодарить за возведение его на княжество. Император призвал в тронную наследника и царевича Чжао-вана Юн-чжуна и при них говорил министрам: "Вань-янь-цинцзинь постоянно замышляет о восстании. Если теперь не погубим его, чтобы впоследствии не произвел беспокойств.

^{282*} Пу-и есть достоинство и должность, равная министру.

^{283*} Сообразно с волею Неба, возвысивший престол, облагородивший науки, распространивший военное искусство, милосердный, добрый, премудрый и почтительный к родителям государь.

^{284*} На кит.: ми-шу-цзянь.

^{285*} Сего периода в китайском подлиннике нет, отчего следующий за ним период на китайском неясен. Я следовал маньчжурскому переводу.

Впрочем, государство, - продолжал император, - всегда достается добродетельным. Вань-янь-лян поправил законы, и я приобрел оное. Остается только тщательно усовершенствоваться в добродетели. О прочем зачем беспокоиться?" "Наставления вашего величества, - воскликнули наследник, князь Юн-чжун и все вельможи^{286*}, - поистине суть наставления премудрых!" После сего Вань-янь-цзин немедленно был освобожден от казни. В одиннадцатый месяц император говорил министрам: "Между родственниками царскими находятся некоторые без должностей. Я опасаюсь, чтобы, не оказывая им милостей, не сделать маловажными законы любви к родственникам. Я хочу дать им чины без должностей и по оным производить жалование, но неизвестно, как бывало при прежних династиях". "Танский государь Яо⁴⁶⁰, - отвечал Ши-цзюй, - оказывал любовь к 10 коленам родства, а государи династии Чжоу жили в мире с родственниками девяти колен, как явствует из древних стихотворений из книги Правления^{287*461}. Эта любовь к родственникам почитается добрым делом государей". Начальник уезда Вань-пин-сянь^{288*}, по имени Лю-янь-би, бил палками за учиненный проступок раба княжны Цаэ-го. Царевна, вступившись за своего слугу, бранила за него уездного начальника. Ши-цзун, узнав о сем, сделал строгий выговор царевне, а сверх того, лишил прокуроров месячного жалования за то, что они, из опасения царевны, скрыли сей ее поступок. Император, желая советоваться о делах с министрами, велел удалиться своим приближенным. В это время с ними удалился также чиновник исторического общества, записывавший слова императора. По сему случаю император сказал: "Обязанность историка - замечать добрые и худые поступки государя. Поэтому для него не только должно знать мои обыкновенные распоряжения, но и мои совещания с вами, дабы внести это в историю без всякой утайки. Объясните ему мое намерение". В двенадцатый месяц Ши-цзун выпустил из своего серала более 20 наложниц. Император запретил чиновникам уголовных палат ездить на пиры и через то делать упущения в должности. Еще обнародовал указ, коим позволил народу свободно добывать золото и серебро, запретив брать за сие пошлину.

1172 год

Тринадцатое лето Дай-дин. Из Сената представили Ши-цзуну, что сунский купец Цзюй-цзюнь и другие, прибывши на торг с чаем, по незнанию переехал границу, за каковой поступок по законам они заслуживают смертную казнь. "Они без намерения учинили сей проступок, - отвечал император, - простить их и отпустить обратно, не давая знать о сем в их государствах, дабы и там их не судили". Император издал следующий приказ Чжань-ши⁴⁶³ (дядьке), находившемуся при наследнике: "Служащих при наследнике надлежит особенно избирать из людей правдивых, а о тех, кои не пекутся об усовершенствовании самих себя, равно кои неспособны к возложенным на них должностям, доносите мне". В третий месяц Ши-цзун говорил министрам: "Хой-нин-фу есть место происхождения государей нашего дома. Со времени переселения Вань-янь-льяна в Янь-цзин (Юн-янь) ньючжисцы время от времени забывают свои древние обычаи и весьма пристрастились к обычаям китайским. Я знал обычаи ньючжи прежде и доселе их не забываю. Ныне в пиршествах и музыке вообще приняты обыкновения китайцев, вероятно, потому что их обряды совершеннее. Но мне это не нравится. Наследник и все князья вовсе не знают обычаев ньючжи, и только для меня остаются оные еще несколько в употреблении. Опасно, что впоследствии совершенно изменятся наши обычаи. Это изменение не составит великих и долговременных законов правления. Я непременно хочу отправиться в Хой-нин-фу с намерением, чтобы мои дети и внуки могли видеть древние наши обыкновения и, хотя бы несколько приучась к оным, могли им следовать". Находившийся при наследнике Чжань-ши просил государя о пополнении чиновников, имеющих смотрение за стадами наследника, и о прибавке разных вещей, нужных для употребления во дворце наследника. "По всем канцеляриям наследника, - сказал император, - для чиновников определен комплект, равным образом количество вещей для его дворца назначено полное. Какого же еще желать пополнения? Наследник, живя в богатстве и знатности, легко может пристраститься к роскоши. Его наипаче надлежит учить бережливости. Я сам со вступлением на престол в одеждах и во всех вещах, употребляемых мною, следуя древнему положению. Объясните наследнику мою мысль". В четвертый месяц Ши-цзун в зале Жуй-си приказал певцам петь канты ньючжи и сам, обратясь к наследнику и прочим князьям, сказал: "Вспоминая о делах прежних государей, я никогда не могу забыть их. Посему-то я всегда слушаю сии звуки и хочу, чтобы и вы знали оные. С детства привыкнув к обычаям китайским, вы не знаете простых и совершенных обычаев ньючжи. Но не знать своего наречия и письмен, значит забыть свою родину. Итак, вы обязаны не только сами сообразовываться с моими желаниями, но и вашим потомкам должны

^{286*} По кит. тексту: "...воскликнули наследник и князь Юн-чжун..."

^{287*} Ши-цзин и Шун-цзин.

^{288*} Вань-пин-сянь есть часть Пекина.

внушить мои наставления". Из Сената докладывали императору, что житель города Дэн-чжоу по имени Фань-сань учинил смертоубийство, за что по законам должен быть казнен. Но у него есть престарелые родители, у коих кроме него не остается воспитателя. Император на сие сказал: "Почтительным сыном называют того, что при обиде не входит в распри. И тот только способен питать отца и мать, кто приобрел уже название почтительного сына. Сей человек в минуту гнева забыл самого себя. Возможно ли, чтобы в его душе была мысль о служении родителям? Судить его по силе законов, а его родителям дать содержание от казны". В седьмой месяц Хой-нин-фу снова сделан столицей Шан-цзин. В одиннадцатый месяц император спрашивал министров: "Почему во внешних провинциях оказывается большой недостаток в чиновниках пятой степени?" Чиновник тэй-юй по имени Ли-ши отвечал, что сие зависит от малого числа низших чиновников, выслуживающих срок до повышения. Император на сие сказал: "Если действительно есть люди умные и способные, то, не держась порядка, надлежит их с повышением определить к должностям". Президент палаты чинов Лян-су представлял императору, чтобы запретить слугам носить шелковые одежды. "Недавно, - сказал на сие Ши-цзун, - запрещено им носить одежды парчовые. Надлежит действовать исподволь. Притом, если хотим сделать преобразование, то необходимо начать оное с государя и приближенных к нему вельможей. Что касается меня, то в моем дворце постоянно храню умеренность в одеянии: золотые нити моей старой одежды уже до половины утратились. Ныне я слышу, что обычаи народа, в сравнении с временами Вань-янь-ляна, сделались несколько постояннее и умереннее. Господа! Вам особенно надлежит со всем вниманием блюсти умеренность и простоту в одеждах, и тем подавать собой пример народу".

1173 год

Дай-дин четырнадцатое лето. Вельможа Чжан, по повелению императора, отправился послом в царство Сунское. Вслед за ним император послал гонца, через коего приказывал Чжану следующее: "Если сунцы не будут выполнять древних обрядов и не представляют Вас к своему государю, то не отдавайте грамоту, а отправляйтесь с ней обратно^{289*}. Если же насильственно возьмут у вас бумагу, тогда вы не идите к ним на пир и не принимайте никаких подарков". По достижении Чжаном царства Сунского^{290*}, сунцы предложили ему привезенную бумагу передать наследнику, на что Чжан не согласился. Но когда сунцы, прибывши в его квартиру, настоятельно требовали от него грамоту, Чжан отдал оную и, вопреки повелению своего государя, ходил на пир и принял от них множество подарков. По возвращении Чжана, местное начальство донесло на него императору, и Ши-цзун в гневе хотел казнить Чжана. Но министр Лян-би представил ему, что Чжан, когда был полководцем, сильно разил сунские войска, и сунцы издавна в неприязни к нему. Поэтому неизвестно, не с намерением ли ввели его в преступление, достойное казни; и теперь, казнивши Чжана, чтобы не впасть в их сети. Государь, признав сие представление справедливым, наказал Чжана 150 ударами и лишил чинов; его товарищу Гао-юю дал 100 ударов, а все вещи, привезенные ими, взяты были в казну. После этого Ши-цзун отправил в царство Сунское вельможу Лян-су спросить сунский двор о причине насилия. Вельможи цзиньские, различно толкуя о сем, говорили между собой, что в год, циклическое обозначение которого содержит знак "У" постоянно бывает война. Император, узнав об этом, спросил министра Лян-би. "Государь Тай-цзу, - отвечал Лян-би, - завоевал царство Дайляосское в год Цзя-у, а Тай-цзун победил сунцев в год Бин-у. Теперь сунцы насильственно взяли нашу бумагу, что также случилось в год, содержащий знак "У". Сие-то было причиной толков. Впрочем, это еще не есть неопровержимая истина". Император признал его слова справедливыми. По прибытии Лян-су в царство Сунское, сунский государь, по прежнему обыкновению, стоя принял от него грамоту. После чего Лян-су возвратился обратно. Вслед за ним сунский государь Сяо-цзун прислал к Ши-цзуну с просительным письмом Чжан-цзы-яня и Лю-чуна. Содержание сего письма было следующее: "Издавна владея наследственно великим престолом, я думаю, что заслужил блистательные милости высокого двора. По заключению мира на клятвенных условиях, в продолжение с лишком 10 лет я тщательно выполнял обыкновения взаимным посольством^{291*} между двумя империями и ни на один день не забывал о продолжении взаимного дружества в будущем. Я хочу только присылаемые от вас бумаги принимать по обрядам дружеских держав и несколько раз извещал о сем своим намерением. В настоящее время прошу

^{289*} По кит. тексту: "Если сунцы не соблюдают древних обрядов, то не оставляйте им грамоты; т.е. когда не позволяют вам видеть их государя, то вы отправьтесь с бумагой обратно".

^{290*} По кит. тексту: "...по достижении Лин-аня...".

^{291*} Здесь разумеются ежегодные посольства от сунского двора к цзиньскому императору с поздравлением и данью в новый год и в день рождения императора и послы цзиньского государя к сунскому двору с ответными грамотами на представления. Сунский государь по договору обязан был принимать сих послов, как вассал ближайших слуг своего повелителя.

снова об этом высокий двор через моих послов. Благосклонно размыслив о сем прошении, возможно ли не удовлетворить оное?" Когда Ши-цзун советовался о сем с вельможами, министр Лян-би сказал: "Сунского государя перестали называть вассалом, назвав его сыном старшего брата, его бумаги перестали называть докладами и назвали грамотами; в этом ему уже оказана большая милость. Ныне он снова просит о том, чтобы освободить его от приема лично бумаг. Желания его бесконечны, никак не следует соглашаться на его прошение". И-ла-дао и Вань-янь-шоу-дао были согласны с мнением Лян-би, но Ши-цзюй и Тан-го-ань возразили, что если не согласиться на сие прошение, то непременно начнется война. "Господа! - сказал им на сие Ши-цзун. - Ваши возражения несправедливы. Когда бы он просил от нас еще чего-либо большего, то ужели бы и тогда следовало угождать ему?" Принявши совет Лян-би, он писал в ответ сунскому государю следующее: "Не соблюдая обязанностей, зачем просить о прекращении личного принятия бумаг? Говоря о самом себе, что наследовал великий престол, ты еще более показываешь сим твое величие. Действуя самовольно, зачем просить об исполнении твоих желаний? Обряды, бывшие в употреблении, изменять неприлично, поэтому и обряд личного принятия тобой бумаг никогда переменен быть не может". Отдав сию бумагу сунским послам, он отправил их обратно.

В третий месяц Ши-цзун говорил министрам: "Вань-янь-лян почитал в чиновниках совершенством исправность по должности. Почему министры того времени почитали своим долгом одно решение бумаг. Господа! Ваша обязанность придумывать средства для управления государством. Вам неприлично оставаться в подобном состоянии". В то же время издал указ следующего содержания: "Не позволять полковым (мэн-ань) и ротным (моукэ) начальникам для жертвоприношения убивать животных. В дни торжеств (цзе) и в дни жертвоприношения Небу позволять им свободно собираться на пиры, но с первого числа второго месяца и до конца восьмой луны пиры совершенно прекратить и никогда не позволять делать собраний, дабы не причинить замедления в земледельческих работах. Равно и в праздные месяцы^{292*} не позволять им упиваться. Нарушивших сии повеления подвергать суду, о чем и повелевается обнародовать всюду". Ши-цзун повелел, чтобы его телохранители, не знающие языка нюйчжи, учились оному и чтобы с сего времени не говорили на языке китайском. В четвертый месяц император Ши-цзун говорил министрам: "Я слышу, что глупый народ, желая обрести счастье, во множестве воздвигает капища божеству Фо и, не слушая запрещений, еще более преступает оные. Надлежит подтвердить запрещение и (отнюдь) не позволять ему расточать по пустому имение". Ши-цзун, находясь в зале Чуй-гун-дянь, говорил наследнику и прочим царевичам: "В поступках чиновников нет важнее почтения к родителям и обязанности младшего брата. Кто почитает родителей и уважает старших (братьев), тот не остается без помощи Неба. Исполняйте почтительности к отцу и матери и взаимной любви между собой. Издревле между братьями производили разногласие их жены, отчего весьма многие разрывали между собой связи. Но жена есть лицо постороннее в семействе, можно ли ее уравнивать родству братьев? Поэтому слушать речи жен и разрывать через то узы братства весьма незаконно. Впечатлейте слова мои в вашем сердце". В пятый месяц государь отправился в Цзинь-лянь-чуань¹⁶⁴. Когда, по достижении Фу-ли-шэ, он остановился, среди дня из ручья, находившегося на восточной стороне императорского шатра, показался белый дракон и вдруг с громом поднялся на облака. В девятый месяц император обратно прибыл в столицу. По возвращении из тронной, государь говорил своим приближенным: "Со времени получения мной княжеского достоинства и доселе я не оказывал никогда, вопреки совести, особенной снисходительности к родственникам и издавна известным мне людям. Но недавно из прокурорского приказа представляли, что мой сын Юн-чжун однажды писал к Хэнаньскому дивизионному начальнику Вань-янь-чжуну, чтобы сей продал его лошадь. Я, узнав о сем, не потребовал от него ответа. В сем только деле я поступил вопреки совести. Днем и ночью я мысленно беспокоюсь о сем, как о тяжелой болезни". Император говорил министрам: "Я хочу знать совершенно между чиновниками добрых и порочных, но если послать, по обыкновению, для исследования их особых людей, то я опасюсь, чтобы не употребить к сему недостойных. Какими бы средствами узнать о сем?" Лян-би на сие отвечал: "За вас, государь, обязаны об этом позаботиться мы (вассалы)". "Пусть будет так, - сказал император, - только именитость надлежит сверять с истиной^{293*}. Слава и истина не должны быть смешаны". Когда Ши-цзун сообщников бунтовщика Сяо-ао-ва хотел расселить порознь в области Ляодунской, Лян-би представлял, что их преступление единожды оставлено, посему, если теперь переселить их, опасно, чтобы не произвести в них негодование. "Твои слова, - сказал ему император, - касаются пользы и вреда настоящего времени, но я думаю о потомстве будущих веков". "Для вассалов, - отвечал Лян-би, - это было неизвестно". После сего мятежники переселены были в колено шиле, что в Улули¹⁶⁵. Ши-цзун спрашивал министров: "При императоре Яо девять лет продолжалось безводие, а при Чэн-тане^{294*166} семь лет была засуха, но народ не терпел голода. Ныне, при неурожае одного или двух лет, у народа

^{292*} Т.е. свободные от земледельческих работ. Сии месяцы суть девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый.

^{293*} Сего предложения в китайском подлиннике нет, а в маньчжурском прибавлено.

^{294*} Чэн-тан был государь династии Шан.

оказывается недостаток в хлебе. Какая сему причина?" "В древности, - отвечал Лян-би, - земли (поля) были пространны и народа мало^{295*}. Цена более всего умеренность, он (народ) заботился при том о земледелии, почему, собирая в избытке хлеб, он не терпел бедствий голода. В настоящее время земли сделались ограничены, а народа много. При том, оставив главное, он (народ) ухватился за постороннее^{296*}, отчего оказалось мало приобретателей (хлеба) и много потребителей. По сей причине при неурожае одного года народ приходит в скудность". Государь признал сии слова совершенно справедливыми и тогда же повелел местным начальникам празднотлюбцев, не занимающихся своим делом, подвергать наказанию. В другой раз Ши-цзун спросил министров: "Я требовал от чиновников, находящихся в столице и во внешних провинциях, чтобы представляли честных и способных людей, но доселе еще не слышал о представлении кого-либо. Какая сему причина?" Чиновник цань-чжен⁴⁶⁷ по имени Вэй-цзыпин просил императора, чтобы дозволено было каждому из начальствующих чиновников представить по одному человеку из людей достойных, но чтобы при представлении обращали внимание только на свойства представленных, не определяя за них наград или наказаний тем, кои представили. Император на сие сказал: "По уставу Сунского царства касательно выбора людей, за представление представляемого равно понижается или передается суду и представивший его начальник, хотя бы сей был министр. Но мало найдется людей с непоколебимым духом: при виде выгод и корысти они возмущаются и теряют дотоле хранимую правоту. Напротив, обязанности министра велики и важны. Прилично ли за подобные дела возвышать или понижать его?" В одиннадцатый месяц император, призвав чиновника шан-ши-цзюй-ши^{297*468}, заметил ему, что съестные припасы, потребляемые во дворце, вообще достаются трудами народа и что, несмотря на то, яств различного рода ежедневно приготавливается так много, что их невозможно всех потребить^{298*}. "Во тще делаются такие траты! - продолжал император. - Отныне готовить только по несколько кушаний, достаточных удовлетворять вкусы".

1174 год

Пятнадцатое лето Дай-дин. В девятый месяц комендант Западной столицы корейской⁴⁶⁹ по имени Чжао-вэй-чун, отказавшись от своего государя, просил вступить в подданство государства Цзинь со всеми городами на запад от хребта Цыбэй-лин⁴⁷⁰ и на восток от Я-лу-цзян⁴⁷¹, коих числом около 40. Император не согласился принять его. Ши-цзун говорил министру Лян-би: "Ныне чиновники тогда только исправляют ревностно свои должности, когда непременно получают оные по их желанию. Но если дадут им должность не по их желанию, то думают только о том, как бы провести время. Таков ли долг верного вельможи?" В другое время император говорил Лян-би: "При Вань-янь-ляне сенатор Биндэ и старший министр Янь славились своими знаниями в правлении. Но по назначении их на должности, они не углублялись в дальновидные соображения и полагали свои занятия в жестокостях и тиранстве. Янь и Кэ-си, находясь в Хой-нин, в продолжении одного месяца двадцать человек умертвили побоями, хотя они вообще не имели преступлений, достойных смерти. Назовем ли это справедливостью? Вань-янь-лян был подобен тигру, и они, тем паче, желая коварными поступками показать пред ним свою правоту, приняли от него смерть. Можно ли назвать их после сего искусными в делах правления?" Император повелел указом стариков не делать уездными чиновниками. Когда же при должности будет оставаться престарелый, то избрать для него помощника из молодых служащих.

1175 год

Дай-дин шестнадцатое лето. В первый месяц Ши-цзун указал в родословную императорскую внести имена всех особ царского поколения, не записанных в оную. Император вместе с царевичами, министрами и всеми придворными чинами, рассуждая о причинах возвышения и упадка династий древних и настоящих времен, сказал: "С появлением священных книг доныне протекло много времени. Учение, переданное в оных потомству, все совершенно. Ученые настоящих времен, читая сии книги, по необходимости должны бы и поступать по оным, но, несмотря на сие, весьма многие, разумея писанное, не могут оному следовать.

^{295*} В кит. тексте: "...и народ был прост". Кит. слово "чунь" ("искренний, простой") в сем месте употреблено, кажется, ошибочно. Ниже, в противность сему, министр говорит, что "ныне земли сделались сжаты и народу стало много".

^{296*} Дословно: "...оставив главное, хватается за конечное", т.е. оставив земледелие, взялся за другие промыслы.

^{297*} Шан-ши-цзюй называлось присутственное место, то же, что теперь ча-шан-фан (дворцовая контора).

^{298*} Так переведено на маньчжурский, но в кит. тексте употреблено выражение "бу-кэ-бянь-цзюй", которое можно перевести так: "что невозможно всех их перечислить".

Итак, если они не в состоянии исполнить предписываемого, то какая выгода от чтения? Древние обыкновения ньючжи просты и истинны: тогда, хотя не знали письмен, но обряды жертвоприношений Небу и Земле, почтения к родителям, уважения к старшим, принятия гостей и верности к друзьям составлялись сами собою. Сии обряды по своему превосходству не имели разности от описанных в древних книгах. Итак, вы должны изучить сии древние обыкновения ньючжи, не следует забывать их". Ши-цзун, в проезд свой на соколиную охоту к мосту Гао-цяо, заметил на стороне дороги одного пьяного, который, свалившись с осла, спал. Он приказал следовавшим за ним посадить сего человека на осла и отвезти его в дом. В третий месяц в пределах Линь-хуан-фу выпал бобовый дождь. В тот же месяц император присутствовал в зале Гуан-жинь-дянь. При нем по сторонам находились наследник и все царевичи. Во время стола государь, поучая их с кротостью, сказал: "Во всех вещах, назначенных для употребления, надлежит соблюдать умеренность. Если окажется в них избыток, то можно раздать родственникам, но никак не должно расточать их по-пустому". Потом, поднявши свою одежду, продолжал: "Сию одежду без перемены носил три года, но она еще нова и хороша. Вам надлежит замечать мою бережливость". В девятый месяц император говорил министру Лян-би: "Я весьма жалею о том, что Вань-янь-лян незаконно казнил своих вельмож. Отыщите трупы Болуньчу и других, убитых Вань-янь-ляном, и погребите их с церемониями на счет казны". В десятый месяц Ши-цзун своим указом предписал своим министрам следующее: "Детские имена⁴⁷² царевичей даны вообще не ньючжисские, надлежит переменить оные. Вам повелевается выписать лучшие имена нью-чжи и представить оные мне". В двенадцатый месяц император повелел указом немощным и престарелым, просящим милостыню, давать пропитание из казны. Ши-цзун говорил министрам: "Господа! Когда какое-либо дело бывает решено мною справедливо, вы не должны называть оное уже оконченным и, таким образом, считать неприличным представлять о перемене оного. Возможно ли, чтобы при множестве разных дел я никогда не ошибался? Господа, говорите мне о том, что вам известно; я никак не оставлю переменить мое решение".

1176 год

Семнадцатое лето Дай-дин. В первый месяц Ши-цзун говорил министрам: "Отыскивать и возвышать мудрых есть обязанность главных вельмож. Если чиновники пятой степени, служившие во внешних провинциях, представляют достойных к повышению, то почему не представляют таковых министры?" "По словам Конфуция, - отвечал Тан-го-ань-ли, - люди с дарованиями приобретаются с трудом. В мире весьма немного премудрых. Если Ваше Величество непременно желаете приобрести достойных людей, то надлежит распространить пути к приобретению ученых^{299*} и, по приобретении, употреблять, сообразуясь с их способностями, подобно домашней посуде. В таком случае найдутся люди достойные". Ши-цзун спрашивал министров: "Не делают ли взаимных посещений знакомым и родственникам служащие в должности прокуроров?" На сие министры отвечали, что весьма редко имеют сношения. "Прокурорам, - сказал император, - надлежит совершенно пресечь сии посещения. Равным образом, советники и секретари, так как они слушают суждения в советах, не должны иметь связей с людьми посторонними". "Сомнительно, - отвечал Тан-го-ань-ли, - чтобы возможно было совершенно пресечь связи их со знакомыми и родственниками". Ни сие император сказал: "При сих должностях должно ли дорожить приятельскими беседами?" Император говорил министрам, что в наградах за заслуги не должно быть замедления, ибо при медленности наград в служащих не будет соревнования. "Сии слова, - отвечал Тан-го-ань-ли, - вполне выражает пословица: в наградах времени не пропускают". Дворцовое правление доложило императору, что в поясе, представленном корейцами, оказался поддельный камень, выданный ими за яшмовый. Император на сие сказал: "Они по незнанию сей камень приняли за яшму. Нужно ли винить их за то, что представленные вещи незначительны? Надобно смотреть на их исправность в представлении оных. Будет ли согласно с политикой, если отошлем их вещи обратно?" Ши-цзун говорил министрам: "Многие из особ царского поколения до старости не получают чинов, между тем, их предки были с заслугами. Каково будет, если в настоящее время я произведу их в небольшие чины и дам им названия должностных?" Министры отвечали, что прежние государи считали своей обязанностью оказывать милости родственникам и награждать за заслуги. В третий месяц император повелел освободить от податей и пошлин жителей 10 губерний: Шань-дуна⁴⁷³, Шань-си, Западной столицы⁴⁷⁴, Ляо-дуна⁴⁷⁵ и других по причине засухи в прошлом году и истребления хлебов саранчой, а в Восточной столице⁴⁷⁶, Босо и Хэсу-гуань выдавать хлеб народу из казенных магазинов. Сенат, по получении указа, сделал доклад, что в упомянутых трех губерниях казенного хлеба недостаточно для раздачи народу. "Членам Сената, - сказал на сие император, - неоднократно было напоминаемо, чтобы в урожайные годы приказывали как можно более закупать хлеба за счет казны и,

^{299*} Т.е. умножить по разным предметам экзамены.

таким образом, запасали оный на случай неурожая. На это вы постоянно доносили мне, что во всей империи казенные магазины полны. Но теперь, когда я намерен раздать хлеб народу, вы говорите, что оно недостаточно. Государи древних времен запас хлеба считали постоянным законом в государстве; не я первый ввожу его в употребление^{300*}. Если в означенных губерниях недостаточно хлеба для раздачи, то взять оный из ближайших губерний и раздать народу, но с сего времени поставить правилом запасать хлеб заблаговременно". В четвертый месяц постановлено законом, что имеющиеся наследственные достоинства мэнь-ань и моукэ, если у них будут наследники, могущие им преемствовать, пользуются правом передавать оные сим последним прежде исполнения шестидесятилетия им самим. Ши-цзун повелел министрам: "Окружных и уездных начальников, отставленных от должности за проступки, по прошествии одного или двух лет снова употреблять на службу". К сему государь прибавил: "Родовые дворяне мэнь-ань и моукэ были люди с заслугами: они при восстановлении престола во времена Тай-цзу ревностно подвизались за отечество, почему преемников их достоинств неприлично лишать оных за маловажные проступки". В шестой месяц император говорил министрам: "Я боюсь, что иногда в минуты радости или гнева не сделал бы чего-нибудь противозаконного. Господа! В таком случае вы должны напоминать мне мои ошибки. Не вводите меня в погрешности из угождения мне". Ши-цзун сына Ин-ван-шуана по имени Сы-ле сделал помощником цзедуши в полку Чжун-шунь-цзюань. Ин-ван-шуан явился к императору с благодарностью. Тогда император сказал ему: "Ты болен, я определил в службу твоего сына нарочито для того, чтобы доставив тебе радость, пособить тебе выздороветь. Я хотел дать ему большую должность, но Сы-ле молод, и я опасаясь, что он не в силах еще управлять делами. Ты должен учить его. Когда сделаешь его совершенным, то снова повышу". В седьмой месяц Сенат представил императору, что войскам, охраняющим северо-западные границы, ежегодно отпускается по 30 тысяч баранов. "Откуда получается такое количество?" - спросил Ши-цзун. Министры не могли дать ему на это ответа. Император продолжал: "Занятый мыслью о делах правления, я и по возвращении из тронной нимало не имею спокойствия. Господа! Не считайте сего дела маловажным, о коем не следует просить разрешения государя. Я знаю невнимательность вашу к делам правления, поэтому спросил вас о том". В восьмой месяц Ши-цзун говорил министрам: "Члены присутственных мест часто мнения своих товарищей, несмотря на основательность оных, признают несправедливыми единственно потому, что при согласии на их суждения, другие могут сказать, что управление происходит не от них самих. Таких людей весьма много, и они для меня очень неприятны. Посмотрите на производство дел палаты да-ли-сы⁴⁷⁷: она, хотя имеет определенные законы, но если находит невозможность следовать оным, то представляет мне, сообразно с обстоятельствами, разные мнения ее членов, и я избираю лучшее из оных^{301*}. Следовать хорошему мнению других есть обязанность всякого. Через это и его суждения могут называться хорошими". В другое время Ши-цзун говорил министрам: "Можно ли предполагать, что между низшими чиновниками нет людей способных? Только их начальники, по ненависти к ним, за превосходство дарования не возвышают их". Чиновники прокурорского приказа, отправленные для наблюдения за служащими во внешних провинциях, принимали на них жалобы и, на основании оных признавая их неисправными по должности, били их палками^{302*}. Ши-цзун, призвав председателя прокурорского приказа Хэши-ле-мяо, говорил ему: "Прокурорам поручено наблюдать за исправностью и неисполнением должностей служащих, отрешать от должностей угнетателей народа и выискивать людей честных. Но они по проезжаемым местам принимают жалобы от жителей и признают клевету за истину. После сего, как чиновники тех мест должны вести себя?" В десятый месяц император говорил министрам: "Ныне совсем не слышно, чтобы вельможи, занимающие важные должности в правлении, возвышали мудрых. Какая сему причина? В древности Ди-жэнь-цзе^{303*478}, возвысившийся из низкого состояния, послужил опорой для танского престола. Успокоив оный при его падении, он на несколько лет продолжил его существование. Ди-жэнь-цзе, хотя и был мудрец, но мог ли сделаться известным без вельможи Лоу-ши-дэ⁴⁷⁹?" Ши-цзун еще говорил министрам: "В представляемых ныне докладах вовсе не говорят об особенных выгодах или вреде для государства. В древности советники царские, соблюдая верность к отечеству, находили в этом славу, а ныне сии советники действуют единственно для собственных выгод. Так, председатель палаты доходов Цао-ван-чжи и чжинаньфусский губернатор Лян-су в своих представлениях изъявляют желание получить распорядительную власть. Какая может быть из сего выгода для государства? Если так поступают главные чиновники, то что сказать о других (низших)? Когда Вань-янь-лян готовился воевать Юг^{304*}, президент врачебной управы Ци-цзай старался всячески отклонить

^{300*} По кит. тексту: "Для собственного ли только употребления я заставляю собирать хлеб?"

^{301*} По маньч. тексту: "...сообразно с обстоятельствами, делает изменения в оных (законах). Я весьма одобряю сие". Перевод неправильный.

^{302*} В кит. тексте прибавлено: "...по 50 ударов".

^{303*} Ди-жэнь-цзе был при императрице У-цзе-тянь, которая, истребив весь род царский династии Тан, хотела утвердить престол за своим родственником. Но Ди-жэнь-цзе убедил ее оставить свой замысел.

^{304*} Т.е. царство Сун.

его от оной (войны), и был казнен за сие на площади. Такой вельможа от начала нашего дома был только один!" В двенадцатый месяц император сказал министрам: "Мне теперь 55 лет. По прошествии шестидесяти лет, хотя бы я и хотел заниматься делами, но уже буду не в состоянии. Пользуясь остальным временем моих сил, представляйте мне о нуждах народа нюйчжи и дворян мэнь-ань и моукэ, о делах правления и о законах, не имеющих единства. Я не буду отягчаться никакими делами".

1177 год

Дай-дин восемнадцатое лето. В первый месяц президент исторического общества Ила-цзе доносил о том, что во время явки чиновников к государю с докладами, когда, по удалении посторонних лиц, происходят суждения о делах, не позволяют быть слушателям сих суждений служащим при историческом обществе, почему они не имеют возможности записать сии факты в историю. Ши-цзун спросил на сие мнение министров Ши-цзюй и Тан-гуа-ань-ли. "В древности, - отвечал Ши-цзюй, - историографы без упущения записывали слова и поступки государей, чтобы таким образом заставить их быть осторожными в словах и воздержанными от худых дел. Из дома Чжоу государь Чэн-ван, обрезав лист дерева у-тун^{305*480}, наподобие яшмовой дощечки^{306*481}, шутя сказал своему младшему брату Шу-юю, что он дарит сию дощечку ему. Тогда историк Ши-и сказал ему: "Ваше Величество, шутить неприлично, ибо слова государя непременно будут записаны в истории". Из сего очевидно, что историки обязаны записывать без упущения все слова и поступки государя". "Но я опасаюсь, - сказал император, - чтобы они не сделали известными тайных дел, о коих рассуждаем. Посему изберите в сию должность людей осторожных, способных хранить тайны, и с сего времени не устраняйте их во время тайных совещаний, из коих удаляются все посторонние лица"^{307*}. В третий месяц Ши-цзун говорил министрам: "Уездные чиновники по своей должности суть ближайшие к народу, почему необходимо избирать (в сию должность) людей честных и исправных. В настоящее время между уездными чиновниками весьма много не исполняющих законы, между тем, не слышно, чтобы между ними были исправные по службе. В проезд мой в Чунь-шуй⁴⁸² я видел в уездах Ши-чэн и Юй-тянь⁴⁸³ чиновников престарелых, кои вотще пользуются жалованием. Когда же в ближайших местах от столицы находятся такие чиновники, то можно догадываться, каковы должны быть в отдаленных уездах". Ши-цзюй в ответ на сие сказал: "Уездный начальник Цзяо-жуй в Лян-сянь и Ли-бо-дэ, начальник городка Цин-ду, - оба исправлены по должности. Они достойны быть определены к другим должностям". "Министр, - сказал император, - когда твои слова справедливы, то можешь употребить их с повышением". В четвертый месяц император говорил министрам: "Во время моих путешествий я приказываю тщательно разведывать добрые и худые поступки чиновников по проезжаемым мною местам. Поэтому я недавно в Юй-тянь-сянь чиновника чжу-бу⁴⁸⁴ по имени Ши-мао-чжоу за исправность его по должности сделал в том городе уездным начальником". В шестой месяц помер старший министр Хэшиле-лян-би. Ши-цзун весьма сожалел о его смерти. На его похороны назначено двойное (против положенного) количество вещей и денег. Приказал погребсти (похоронить) его на казенный счет и после смерти пожаловал ему титул: Цзинь-юань цзюнь-ван⁴⁸⁵. В честь добродетелей сего министра на его могиле император повелел чиновнику хань-линь-дай-чжи⁴⁸⁶ по имени И-ла-люй воздвигнуть памятник. Лян-би от природы был предусмотрителен, верен и прямодушен, способен к решению всяких дел и превосходил всех даром слова и познаниями. Из бедного состояния, возвысаясь до степени министра, он денно и ночью со всем вниманием трудился для отечества. Его соображения и предприятия были глубокомысленны и дальновидны. Выискивая и возвышая людей с дарованиями, он всегда думал, что их не довольно. В домашней жизни хранил (целомудрие) и умеренность, помогал бедным родственникам и (старым друзьям). Чем продолжительнее с кем-либо была его дружба, тем больше он оказывал к тому уважение. 20 лет находясь в должности министра, он успел водворить спокойствие в государстве и заслужить имя мудрого министра. В седьмой месяц Ши-цзун говорил министрам: "Когда чиновник в первый раз подвергается суду за злоимство, его поступок можно еще назвать заблуждением. Но если вторично будет обвинен в корыстолюбии, то явно, что он не намерен исправить свой недостаток. С сего времени чиновников, в другой раз подвергшихся суду за злоимство, без разбора значительности или маловажности их взяток

^{305*} У-тун есть дерево, из коего достается лак тун-ю.

^{306*} В древности государи имели обыкновение дарить своим вельможам яшмовые дощечки, которые сии последние, во время представления своего императору, держали всегда в руках для предосторожности себя в неприличных при сем телодвижениях. Чэн-ван еще был в детстве, когда подарил сию дощечку своему брату из листа у-тун.

^{307*} В маньч. тексте в сем месте сделан выпуск и изменение против подлинника. В кит. тексте в сем месте Ши-цзун говорит о танском императоре Тай-цзуне, который из опасения, чтобы чиновники исторического общества не открыли тайн государственных, кои они узнают, находясь при государе во время его совета с министрами, избирал для сей должности людей скрытных.

лишать должностей". В восьмой месяц Вань-янь-шоу-дао сделан старшим министром, а Ши-цзюй - младшим. Сенат представил А-кэ, исправлявшего должность цзедуши в Юн-пине, кандидатом на производство в цы-ши. Император заметил, что А-кэ молод и не привык к делам, поэтому его можно сделать только помощником цы-ши¹⁸⁷. "Вассалы думали, - отвечал Тан-гуа-ань-ли, - что А-кэ есть родственник царский, почему и назначили его кандидатом в сию должность". "От областного правителя, - сказал государь, - зависит спокойствие или бедность народа на пространстве тысячи ли. Возможно ли без выбора людей, по одному пристрастию к царским родственникам давать им должности? Если из любви к родственникам будут даны им какие-либо награды, то оные, хотя бы были и значительны, для государства не несут вреда, но когда в должность областного правителя назначен будет недостойный, тогда какую будут иметь для себя опору жители целой области?" В одиннадцатый месяц Сенат докладывал, что начальник уезда Чун-синь-сянь¹⁸⁸ по имени Ши-ань-цзе, купивши у подвластного ему землевладельца лес на изготовление экипажей, в продолжение трех дней не отдает платы, за что его следует понизить одной ступенью и лишить должности. Император на сие сказал: "Если служащих возвышать за примерную честность и понижать за корыстолюбие, то другие сами собой познают пользу своей исправности и соревнования. Напротив, если правление слишком кротко, между служащими нет страха, если же оно чрезмерно строго, тогда не могут иметь пощады и подвергнувшиеся малым ошибкам. Надлежит держаться середины законов". Император, делая министрам выговор, сказал: "Господа, на днях, когда я вас спросил, почему Чжао-чэн-юань снова определен к должности, вы сказали, что царевич Цао-ван через посланного объявил о дарованиях и способностях к делам Чэн-юаня, почему вы и употребили его снова в службу. Назначить кандидата к должности хотя и от вас зависит, но власть дать или не дать ему должность должна проистекать от меня. Если вы исполняете слова Цао-вана, тем паче не будете ли выполнять требования наследника? О сем деле я узнал от вас самих. Как же должен судить о том, что мне не известно? Господа! Вы не должны исполнять просьб других". В двенадцатый месяц Ши-цзун внучат своих возвел в княжеские достоинства. Удубу назвал вэнь-го-гуном, Мадагэ-цзиня - юань-цзюнь-ваном и Чэн-цина - дао-го-гуном.

1178 год

Девятнадцатое лето Дай-дин. В первый месяц Ши-цзун, рассуждая с министрами об истории, сказал: "В историях прежних времен я замечаю, что историки в похвалах весьма часто выходили из меры. Главное достоинство истории заключается в верном описании происшествий, и никак не должно из лести государю говорить ложь". Император еще говорил министрам: "Если коварный и злонамеренный вельможа домогается получить что-либо желаемое, то всегда тайно сообщает это своим друзьям. Его друзья также не говорят о всем явно, но под предлогом других дел, не показывая по наружности своей в нем участия, они всеми силами стараются за него. Рассматривая злонамеренных вельмож времен древних, я нахожу, что при избрании наследника они, из опасения невыгод для себя в царствование государя благоразумного, обыкновенно тайными поисками разрушали планы государей и избирали на престол людей слабых для того, чтобы впоследствии можно было захватить в свои руки власть и, таким образом, приобрести собственные выгоды и явить свои заслуги. Так, при династии Цзинь государь У-ди¹⁸⁹ хотел утвердить престол за своим младшим братом, но злые вельможи воспротивились ему и заставили возвести на престол своего сына Хой-ди¹⁹⁰. По смерти его, вскоре после сего случившейся, империя возмутилась. Не есть ли это доказательство слов моих?" В другой раз Ши-цзун говорил министрам: "Вельможи при древних династиях, если решались делать увещания государям, то прощались со своими родителями и со всем семейством, объявляя им, что решились непременно принять смерть. Сих чиновников, хотя и заставляли смотреть на своих товарищей, казнимых за увещания пред их глазами, но они, не щадя себя, снова делали увещания. Такова была верность их к отечеству! Для других она неудобовыполнима". Ши-цзун говорил министрам: "Многие, будучи обольщены учением божества Фо, полагают найти в оном счастье свое. В молодости и я был оным обманут, но впоследствии уразумел ложь его. Небо назначило государя управлять народом. Если и он, свободно предаваясь забавам, сделается беспечен и будет желать получить счастье случайно, то это невозможно. Напротив, если он действительно способен любить и успокаивать народ, то через угождение воле Неба он, без сомнения, получит счастье". В седьмой месяц правительство представило государю о назначении штата для Угуная, сына Чжао-вана. Государь не согласился на сие и сказал министрам: "Если к детям с малолетства через меру будут оказывать внимание, то неприметным образом можно сделать их весьма расточительными и гордыми, и впоследствии трудно уже будет заставить их быть умеренными, поэтому не следует возбуждать в них гордость. Все дети (княжеские) ежедневно должны являться ко мне. Когда они станут разговаривать или играть между собой, я своим молчанием возбужу в них страх. Они поймут цель моего наставления

и предосторожности^{308*}, сделаются боязливы и осторожны, и тогда погрешностей с их стороны будет мало". В десятый месяц император постановил, чтобы родственников в прямом колене, вступивших между собой в родство через брак, подвергать суду, не принимая в уважение и того, если бы они сами донесли о сем^{309*}.

1179 год

Дай-дин двадцатое лето. В третий месяц Тушань-кэ-нин сделан младшим министром. В четвертый месяц Ши-цзун сказал министрам: "Вельможи нюйчжи говорят, что я слишком умерен в расходах на стол и другие потребности. Но я думаю иначе. Можно ли назвать чрезмерную расточительность хорошим делом. Притом я сделался стар и не нахожу для себя удовольствия в яствах из убитых животных. Уметь соблюдать умеренность и для царя не есть порок. Если моя одежда сделается грязной^{310*}, я всегда прикажу ее мыть, и тогда только сменяю ее, когда уже обветшает. Прежде шатры (царские) украшали золотом; ныне не должно быть этого. Довольно и того, если будут удовлетворены нужды, зачем непременно показывать во всем пышность?"^{311*}. В десятый месяц государь говорил министрам: "Я знаю, что государю неприлично входить в исследования маловажных дел, но замечая в вас чрезмерную беспечность, я иногда расспрашиваю об оных. Так, в настоящее время мне доносят, что всеми землями по северную сторону гор завладели сильные дома царевичей и царевен и, не обрабатывая оных для себя, отдают их в наем поселянам. Господа! Все сие происходит от вашей невнимательности. Вы обязаны со всем усердием прилежать к делам. Не причиняйте мне беспокойств и печали". В сие время министр Вань-янь-шоу-дао просил увольнения от должности. "Министр! - сказал император. - Ты потомок заслуженных вельможей прежних государей, поэтому я нарочно возложил на тебя важную должность правителя государства. Со времени принятия оной ты исполнен был верности и усердия, за что я весьма доволен тобой. В настоящее время ты, за старостью, просишь увольнения, и в этом ты соблюл обязанность министра. Но для заступления твоего места еще не найден человек достойный, почему нельзя удовлетворить твоему прошению. Послужи еще". Император говорил министрам: "Всякий служащий, доколе находится при низших должностях, старается быть правосуден и бескорыстен с тем, чтобы получить повышение; в то время трудно узнать, хорош он или худ. Но когда он сделается большим чиновником, тогда при рассмотрении его дел становятся ясными его природные склонности. Так, чиновник чжао-тао-сы^{312*492} по имени Чжэ-дянь сначала, когда был чиновником тун-чжи в Дин-чжу⁴⁹³, а потом чиновником ду-сы⁴⁹⁴, нисколько не руководствовался личным пристрастием и везде славился честностью. Но когда сделался чжао-тао-сы (начальником военного комитета), он стал уже не в силах воздерживать самого себя. Страсти людей быстрее горного потока, поистине трудно знать их". В другой день государь говорил министрам: "Недавно я читал историю "Цзы-чжи тун-цзянь" и нашел в ней по порядку описанными возвышение и падение династий. Она по справедливости есть зеркало предосторожностей. Сы-ма-гуан⁴⁹⁵ писал сию книгу с особенным вниманием^{313*}, из древних историков никто не превзойдет его. Ныне чиновник чжао-шу-лан⁴⁹⁶ по имени Мао-хой постоянно делает удовлетворительные ответы на мои вопросы. Его следует определить в должность тай-чан, дабы из его рассуждений можно было черпать пользу". В одиннадцатый месяц Ши-цзун повелел министрам, чтобы областные начальники, при выборе служащих для поощрения, других возвышали и употребляли к должностям людей бескорыстных и способных, хотя бы сие случилось до наступления их срока к экзаменам. В двенадцатый месяц император говорил министрам: "Вань-янь-лян с чиновниками поступал так, что за одно слово, сказанное согласно с его мыслью, возвышал, и за одно слово, сказанное невпопад, понижал и наказывал. В разговорах всякий может иногда ответить удачно и иногда ошибиться, даже мудрец не свободен от ошибок. Издревле при употреблении чиновников всегда обращали внимание на их службу, что касается до их ответов, то можно ли различать по оным достойных от недостойных? При избрании людей я употребляю тех только, коих все признают способными, и не полагаюсь на одни собственные знания".

^{308*} Т.е. цель молчания.

^{309*} В кит. тексте: "Постановлено, чтобы совершивших брак в продолжение траура по отцу или матери (т.е. в продолжение 3 лет), не принимая во внимание того, если бы они сами объявили о сем, судить по законам".

^{310*} В кит. тексте: "устареет".

^{311*} В кит. тексте прибавлено: "В пятый месяц в столице было землетрясение, после коего на земле находили шерсть белого и черного цвета".

^{312*} Чжао-тао-сы есть название военного присутственного места (комитета).

^{313*} В кит. тексте: "...так был... внимателен Сы-ма-гуан".

1180 год

Двадцать первое лето Дай-дин. В первый месяц Ши-цзун, узнав, что в Шаньдунской области в Дай-мин-фу (и других) местах жители мэн-ань и моукэ из тщеславия вдалились в роскошь и не стараются о земледелии, послав туда особого чиновника с повелением: по верному определению количества земель, разделить оные между жителями по числу душ и непременно заставить их заниматься землепашеством. Если же где пахотных земель много, и для возделывания оных недостаточно сил туземных жителей, то приказать оные отдать в наем другим и строго воспретить всем во время земледелия пьянство. В уезде Юн-ци-сянь жил некто Юй-ли-е, родом киданец, служивший в полку (мэн-ань) Алибу. Сей Юй-ли-е имел двух жен, из коих от главной прижил шесть сыновей, а от второй - четырех. По смерти его старшей жены шесть сыновей ее, построив шалаш на могиле своей матери, поочередно стерегли оную. Тогда дети младшей его жены сказали: "Покойница была нам старшей матерью, прилично ли нам не хранить ее останков?" После чего и они, держа очередь, до трех лет стерегли ее могилу. Император в проезд свой тем местом на облаву, услышав о такой сынопочтительности к родителям, назначил им в награду пятьсот связок мелкой монеты и повелел уездному начальнику раздать им сии деньги на торговой площади на глазах народа, дабы поощрить тем к сынопочтительности других. Во второй месяц, по смерти второй императорской жены Ли-ши, Ши-цзун ездил для совершения поминального обряда во дворец Син-дэ-гун, где лежало ее тело. В проезд свой через торговую площадь, не слыша звуков народной музыки, он обратился к министрам и сказал: "Не по случаю ли смерти княгини воспрещена народная музыка? Низший класс народа, ежедневно увеселяя других музыкой, добывает через это себе пропитание. Но когда запретят ему пользоваться своим искусством, то с сим уничтожаются его житейские помыслы. Никак не должно простираť на него запрещений. На днях, когда я хотел ехать в Син-дэ-гун, мне предложили выехать воротами Цзи-мэнь, но из опасения причинить беспокойства торгующему классу народа, я нарочно отправился другой дорогой. При всем том, я и здесь усматриваю, что в некоторых домах, находящихся вблизи дороги, выломаны окна и двери и закрыты занавесями. К чему такая предосторожность? Впредь не делать подобных разорений". В третий месяц Ши-цзун говорил министрам: "В настоящее время я слышу, что цзедуши в Цзун-чжоу⁴⁹⁷ по имени Асы-мань во многих случаях поступать незаконно, равно в Тун-чжоу чиновник цы-ши по имени Вань-янь-шоу-нэн со времени возложения на него должности чжао-тао не соблюдает чистоты (бескорыстия). Когда высшие чиновники, занимая важные должности, поступают противозаконно, прокуроры никогда не представляют на них обвинительных донесений. Напротив, когда пуса-па-е взял у своего подчиненного два мяча, они за такое маловажное дело в своем донесении присудили наказать палками. Можно ли назвать это исполнением должности? Отныне чиновников прокурорского приказа, оказавшихся исправными по своей должности, повелевается возвышать. Тех же, кои окажутся неисправными, за важные дела понижать и предавать суду, а за малые наказывать только палками, но ни в коем случае не отрешать от должности". В третий прибавочный месяц император говорил министрам: "Издrevле государи весьма часто приближали к себе льстецов и клеветников и их употребляли на службу, отчего большие претерпевали бедствия, производимые ими тайно. Так и ханьский государь Мин-ди⁴⁹⁸ был обманут сими коварными людьми. Я не сравниваю с мудрыми государами древности, но доселе еще не был обольщен словами злонамеренных людей, сделавшихся мне близкими и, по особенной своей расположенности, не призывал к себе кого-либо из министров для частного с ним совещания". Ши-цзун говорил Вань-янь-сяну: "Министр! Когда ты был в Хэ-нани в должности корпусного генерала (тун-цзюнь-ши), ты привел в хороший порядок пограничные дела. В бытность твою президентом палаты чинов (с того времени, как сделался чиновником дян-цзянь), ты тем с большею правотою соблюдал законы, за что я весьма был тобою доволен. Недавно тебя сделали президентом прокурорского приказа, и я снова слышу отзывы о твоей непоколебимой правоте, поэтому возлагаю на тебя должность важнейшую в правлении. Удвой свое старание". После сего он сделал его старшим товарищем министра (чэн). Однажды император говорил, что в древности было обыкновение во время военных действий назначать к войску особых инспекторов. "В начале династий Хань и Тан, - сказал при сем Вань-янь-сян, - не назначались военные инспекторы, и военачальники получали полную свободу в распоряжениях. От сего в сражениях они постоянно одерживали победы, а при нападениях на города, всегда брали оные. Но под конец сих династий стали назначать от двора особых чиновников для присмотра за войском. Полководцы во всех своих распоряжениях зависели от них, почему весьма часто терпели поражения и весьма мало имели успехов. Если будет хороший полководец, в таком случае определять особого надзирателя совершенно не нужно". Император одобрил его слова и воспользовался ими. В четвертый месяц император говорил министрам: "Возможно ли, чтобы я не имел ошибок ни в словах, ни в поступках? Я постоянно изъявлял желание иметь верных советчиков и, между тем, не нахожу людей, говорящих правду. Советы истинно хорошие я всегда приму и исполню. Какое же еще затруднение к предложению оных?"

1181 год

Дай-дин двадцать второе лето. В третий месяц император объявил палате финансов, что в сие лето он предпринимает путешествие на северную сторону горы, и повелел, чтобы во время сего путешествия от народа не требовали никаких вещей, нужных для употребления^{314*}. Преступившего это повеление бить до восьмидесяти ударов и лишать чинов. В четвертый месяц помер второй министр Ши-цзюй. В седьмой месяц министры, являсь с докладами, узнали, что император не очень здоров, и просили позволения удалиться. "Возможно ли, - сказал император, - чтобы по причине легкой болезни я оставил выслушивание дел?" Он приказал явившимся подробно рассказывать о делах, давая отчет в оных.

1182 год

Дай-дин двадцать третье лето. Во второй месяц члены прокурорского приказа, исследовав поведение окружных и уездных чиновников, представили о сем императору. Император, рассмотрев доклад, сказал: "Господа! Ваши исследования обращены были вообще на дела маловажные, и вы заметили только худые поступки чиновников, а их хороших дел не выставили. После сего не правда ли, что нелегко быть при должности? Разберите их добрые и худые дела, потом донесите мне". В пятый месяц уездные начальники Да-чу, Э-чжу и другие, числом десять человек, за старостью уволены от должности. При возвращении их из столицы на свою родину, император имевших из оных шестьдесят лет от роду повысил двумя степенями, а тех, кои имеют менее шестидесяти лет, повысил одной степенью и приказал всем им выдать половинный оклад годового жалованья. Император повелел палате чинов, чтобы при представлении кого-нибудь из лишенных чинов, не употребленных в службу, к производству в офицерский чин, отправлять для исследования его службы особого чиновника. Если окажется исправен по службе, то давать ему должность уездного начальника, но если не будет успеха в исправлении возложенного дела, то несмотря на долговременность его службы, не следует давать ему должности. В шестой месяц местное начальство доложило императору, что теперь чиновник лан чжун по имени Дуань-гуй. "Дуань-гуй, - сказал Ши-цзун, - был весьма умный и по всей справедливости способный к службе. Цзюй-гоу, председатель палаты дэнь-вэнь-цзянь-юань⁴⁹⁹, во всех делах соображается с обстоятельствами^{315*}. Издревле между уроженцами Янь^{316*} людей верных и премудрых было мало. Когда пришли к ним войска ляосские, они покорились царству Ляо. За ними приходили сунцы, они покорились сунцам. Наконец, пришли наши войска, и они покорились нам. Жители Янь издавна были лукавы и коварны. По сей причине, хотя и много раз случались перевороты, но они никогда не отдавали на разорение своих жилищ. Напротив, между жителями южными весьма многие, обладая твердостью духа, говорят безбоязненно, со всею откровенностью преподают советы, видя перед собой убитого за увещание, стоящий позади него еще делает увещание. Это вполне заслуживает похвалу". Еще император говорил: "Вчера ночью был сильный жар, и я до рассвета не мог заснуть, думал: каким образом простолюдины в низких и тесных хижинах могут иметь покой?" В восьмой месяц повелено раздать императорской страже^{317*} тысячу экземпляров книги Сяо-цин, переведенной на ньючжисский язык. В девятый месяц общество, занимающееся переводом классических (священных) книг, представило императору в переводе (на языке ньючжисский) И-цин⁵⁰⁰, Шу-цин, Лунь-юй, философов Мэн-цзы, Лао-цзы, Тан-цзы, Вэнь-чжун-цзы, Лю-цзы⁵⁰¹ и Синь-тан-шу⁵⁰². "Пять священных книг, - сказал император министрам, - я велел перевести для того, чтобы народ ньючжень познал человеколюбие, обязанности, закон и добродетель". Он повелел разослать сии книги по империи. В одиннадцатый месяц Ши-цзун говорил министрам: "В правлении государей и великих князей почитались совершенством кротость и милосердие; но лянский государь У-ди, заботясь единственно о распространении кротости и милосердия, нанес великий вред законам. Я полагаю, что если нет безотчетливости в наградах и наказаниях, то правление можно назвать кротким. Нужно ли еще что-нибудь другое?" В другой раз Ши-цзун говорил министрам: "Из народа ньючжи имеющих ученую степень цзинь-ши (доктора)⁵⁰³, на основании китайских уставов о цзинь-ши, определяйте в присутственные места чиновниками лин-ши (столоначальниками)⁵⁰⁴. Образованные люди, храня чистоту и бескорыстие, не отважатся на бесчестное. Напротив, возвысившийся в чины из простых писарей, привыкнув с молодости к корыстолюбию и делам темным, и в должности чиновника бывает не в состоянии переменить своего природного навыка. От этого зависит возвышение и упадок законов правления".

^{314*} В кит. тексте прибавлено: "...покупать все необходимое для людей на казенный счет".

^{315*} В кит. тексте: "Так, например, председатель палаты дэнь-вэнь-цзянь-юань во всех делах смотрел на обстоятельства".

^{316*} Янь есть нынешний Пекин.

^{317*} В кит. тексте: "...повелено раздать императорским телохранителям и войскам..."

1183 год

Двадцать четвертое лето Дай-дин. В первый месяц император сказал: "Я хочу отправиться в Хой-нин-фу (Шан-цзин) по той причине, что по обыкновению государей нашего дома, в праздник пятого месяца пятого числа⁵⁰⁵ давался в сем городе пир. В воспоминание сего дня, отправясь в Хой-нин-фу, я хочу угостить там старцев из царского рода и из простолюдинов". В третий месяц император, отъезжая в Шан-цзин, призвал наследника и, отдавая ему государственную печать, сказал: "Хой-нин-фу есть место, где предки наши возвысились в государи. Я отправляюсь туда со всеми своими князьями и, быть может, пробуду там два или три года. Принимая на себя правление государством, ты уподобляешься земледельцу, трудящемуся над пашней, и купцу, производящему торговлю. Если они бывают в состоянии без всякой потери продолжать дело своих отцов, то считаются детьми, способными управлять домом. Но принятая тобой власть в государстве гораздо важнее и тем более требует внимания и осторожности. Я издавна замечал твою особенную старательность. Ныне, когда облегчишь мои труды и заботы, ты покажешь ясно свою сыновнюю почтительность к родителям". Наследник, упорно отказываясь от сего, говорил, что он не разумеет дел правления и просился сопутствовать государю. "Правление не есть чрезмерно трудная обязанность, - сказал Ши-цзун, - надлежит только внимать в правоту и верность и не принимать клеветы и злых советов. Таким образом, со временем сам собой приобретается в оном навык". Наследник заплакал, по сторонам находившиеся вельможи также были растроганы. Наконец, наследник принял печать. Вскоре после сего император оставил Среднюю столицу. При расставании с вельможами, сопровождавшими его до Тун-чжоу, император, обратясь к министрам, сказал: "Господа! Вы достигли глубокой старости, разделяя с наследником труды в правлении. Сообразуйтесь с моими намерениями". Потом, обратясь к чиновнику шу-ми-ши по имени Тушань-кэ-нин, говорил: "Министр! Если после сего моего отбытия встретится какое-либо дело, ты должен принять оное на себя. Не будь беспечен, считая оное неважным. И небольшое дело, когда делается важным, то поправлять оное уже будет трудно". Он взял с собой всех князей, оставил одного только Чжао-ван Юн-чжуна в помощники наследнику. В пятый месяц император прибыл в Хой-нин-фу (Шан-цзин). На пиру, данном во дворце Хуан-у-дянь, император говорил потомкам царского рода и своим родственникам: "Я долго вспоминал о своей родине и только теперь нашел возможным прибыть на оную. В ознаменование радости мы должны веселиться вместе". Он всем князьям и княгиням, равно царевнам, министрам, чиновникам и их женам, по порядку роздал по чаре вина и заставил пить вместе^{318*}. После сего, по милости государя, его ближайшие родственники и все потомки царские, развеселясь довольно, составили ньюйчжисские танцы. В сей день пировали до самого вечера, и уже после захода солнца пир прекратился. Ши-цзун говорил министрам: "Государь предпринимает путешествие по империи для того, чтобы возвышать добрых и судить порочных. Возвышайте и употребляйте всякого ученого и простолюдина, любящего родителей и старших братьев и соблюдающего со всеми мир, а не знающих стыда и позора и шествующих путем порока удерживайте наставлениями. Если же после сего они не переменятся, употребляйте наказания". Еще говорил: "Настоящего времени люди, когда оставят поступок ненаказанным, говорят, что государь простил по неразумению. Если же виновного подвергают наказанию, то ропщут, что всякий поступок подвергают строгому суду. Таковы сделались обычаи в нашем царстве! Без приобретения умственного и нравственного образования можно ли сравняться с древними? Господа! Споспобствуйте вашими добродетелями к введению древних обычаев".

1184 год

Дай-дин двадцать пятое лето. В первый месяц император во дворце Гуан-дэ-дянь давал обед своим женам, царевичам, царевнам, военным и статским чиновникам. На сем обеде царских родственников с женами и чиновников, начиная от пятой степени и выше, всего было до тысячи семисот особ. Всем им были сделаны награды по достоинствам. В четвертый месяц государь говорил вельможам: "Для меня весьма приятен хойнинфусский воздух и нравятся все произведения. Но вы беспрестанно докладываете мне о возвращении в Среднюю столицу. Сокрушаясь духом, я не в силах оставить местопребывание наших предков древнего царства нашего. После моей смерти пусть погребут мои останки подле Тай-цзу. Господа! Не забудьте слов моих!" Император снова давал угощение родственникам царским обоого пола во дворце Хуан-у-дянь, на коем носящих девятимесячный траур (то есть ближайших царских родственников первого и второго колена) повысил тремя степенями, носящих траур пять месяцев (царских родственников в третьем колене) - двумя, а носящим траур три месяца (в четвертом колене) - одной степенью. Престарелых из ближайших родственников всех сделал

^{318*} По кит. тексту: "...всем им сделал подарки по достоинству".

генералами сюань-у-цзянь-цзюнь, а их женам и всем княжнам из царского рода дал титулы и одарил их серебром и шелковыми тканями по достоинству. "В обыкновенное время, - сказал при сем император, - вина я вовсе не употребляю, но сегодня я хочу пить до опьянения. Такое веселье нелегко достается". За сим княгини и княжны, все вельможи и старцы, ставши в порядке, танцевали по обыкновению нью-чжи и подносили вино императору. Государь еще сказал: "Прошло несколько месяцев по прибытии моем сюда, и еще никто не пел здесь наших национальных песен. Я сам пропою для вас". Император приказал детям и младшим (братьям) родственникам царским, занимавшим низкие места во дворце, сесть в зале и слушать песню, которую он пел сам. Содержание его песни было следующее: "Восстановление престола государями в начале называется весьма трудным делом, но и утверждение оного впоследствии равно нелегко. При воспоминании о предках, я вижу их как бы наяву". Но император, растрогавшись, не мог более петь. Окончив пение, он стал плакать. Министр Юань-чжун со всеми вельможами и родственниками царскими, подняв чашу вина и поднося оную императору, громогласно провозгласил ему долголетие. Потом все женщины попеременно пели песни, как бы на собраниях в своих домах. Государь был хмелен, но еще пел вместе с ними. Наконец, уже по прибытии первой ночной смены⁵⁰⁶, пир был прекращен. Когда Ши-цзун из Хой-нин-фу отъезжал обратно в Янь-цзин, его провожали ближайшие родственники и все царские потомки. При прощании с ними император говорил: "Я издавна думал о своей родине и, прибывши сюда, намерен был пробыть здесь год или два. Но Янь-цзин есть сердце империи^{319*}, почему долго оставаться здесь не могу. Ныне спокойствие империи восстановлено на долгое время, и в государстве нет никаких налогов. Вы бедны от того, что всегда разоряетесь пустыми тратами, и я весьма о вас сожалею. Старайтесь быть умеренными и бережливыми и не забывайте прежних забот и трудов ваших предков". При сих словах у императора слезы потекли ручьями. Близкие и далекие родственники царские возвратились все с растроганными сердцами. В шестой месяц помер наследник Юн-гун. Ши-цзун наперед отправил в Янь-цзин вельможу Тан-гуа-дин для совершения обряда жертвоприношения наследнику. Император повелел, чтобы жены наследника и все императорские внуки в ношении траура следовали уставам китайским. В девятый месяц император, по прибытии в Ляо-шуй, узнав, что там находится старик ста двадцати лет, потребовал его к себе. Сей старец был в состоянии рассказать ему все дела, какие произвел Тай-цзу при утверждении престола. Император был весьма удивлен этим, а в награду угостил его обедом и одарил шелковыми тканями. Ши-цзун, по прибытии из Хой-нин-фу в Среднюю столицу, семь раз ездил к гробу наследника и горько его оплакивал. Добродетели и милости наследника простирались на всех, и жители Средней столицы, каждый в своем доме, написали имя наследника на дощечке и, смотря на оную, слезно плакали о нем. В девятый месяц император говорил министрам: "Моих телохранителей за долговременную службу производят в чины и делают судьями народа, но они, не зная написать и одной буквы, как могут управлять народом? Внутреннее разумение человека нельзя познавать извне, только слабость сил и старость видны снаружи. Таким образом, они будут принуждены к невозможному для них. Государь, признавая весь народ за своих детей, не может всем порознь оказывать милости. Довольно, если на службу употреблены будут люди способные. Но если, зная их неспособность, против воли дадутся им должности, то что скажет обо мне народ?" В двенадцатый месяц императорский внук Цзинь-юань-цзюнь-ван Мадагу сделан областным начальником в Да-син-фу и возведен в достоинство юань-вана. Ши-цзун говорил министрам: "Чиновник тай-вэй по имени Шоу-дао упорно настаивает, чтобы во всех делах, руководствуясь единственно кротостью, большую часть чиновников, отрешаемых от должностей за преступления, снова употреблять в службу. Но если преступления будут осуждаемы вначале, то впоследствии другие будут знать страх. Напротив, когда подвергшихся вине снова будем употреблять в службу, тогда какой пример будем показывать другим?" Ши-цзун спрашивал министров: "Каково Юань-ван Мадагу исправляет свою должность в Да-син-фу?" Гань-тэла отвечал, что жители Средней столицы все отзываются о нем с похвалою. Император сказал: "Я приказывал расспрашивать о нем между простолюдинами, и все говорят, что он производит дела со всей ясностью, что в приеме (податей) и выдаче (жалованья) не погрешит против положенного. Цао-ван и Бин-ван не могут сравняться с ним. Кроме того, я слышал, что Юань-чжи Мадагу при судопроизводстве между народом нью-чжи делает допросы на языке ньючжисском, а при суде китайцев производит оные на языке китайском. Вообще заслуживает похвалу тот, кто учится природному языку своей нации. Кто не учится оному, тот забывает свою национальность". "Не забывать коренного учения есть закон премудрого", - отвечал Чжан-жу-би. Ватэла к сему прибавил, что небольшое царство Ся, возвысив свои обычаи, умело сохранить свое бытие в продолжении нескольких сот лет. "Во всяком деле, - сказал император, - надлежит держаться истины. Если в одном деле окажется ложь, тогда сто дел правых, - все могут быть ложными. Посему во всяком деле ничто не может сравняться с правотой".

^{319*} По кит. тексту: "...Янь-цзин есть корень империи".

Двадцать шестое лето Дай-дин. Во второй месяц император повелел указом, чтобы в каждое время года, делая ревизию чиновников, давать им сомнительные и трудные вопросы для разрешения. Оказавшегося по способностям и по познанию выше других, рассматривать успехи по должности, и если его поступки будут сообразны с его словами, то употребить его к высшей должности. Сенат, сделав выбор чиновников к повышению, представил о них доклад. Император, рассмотрев оный, сказал: "Господа! В ваших представлениях вы никогда не выставляете на вид ученых, когда будем соображаться только с установленным порядком при производстве в чины, то как приобретем людей достойных? В древности бывали министры из людей, носивших рубища^{320*}. В царстве Сун, как известно, весьма многих употребляют на службу из жителей Шань-дуна и Хэ-нани, несмотря на отдаленность сих мест. Нельзя полагать, чтобы все достойные люди находились вблизи и были знамениты. И ужели при таком пространстве империи у нас нет людей достойных? Это, кажется, потому только, что мне они вовсе неизвестны, и вы их не представляете. Издревле редко случалось, чтобы министр до конца был министром^{321*}. Между чиновниками от третьей степени и выше, служащими во внешних провинциях, без сомнения, есть люди, кои достойны быть употреблены на службу при дворе, но они не имеют случая быть представлены ко мне". Старший помощник министра Чжан-жу-би отвечал, что между низшими чиновниками (занимающими низшие должности), хотя и есть способные и сведущие в делах люди, но они делаются известными не иначе, как по испытании. Ши-цзун еще говорил: "Вань-янь-ци-ну представлял мне, чтобы детей дворянских мэн-ань и моукэ заставлять прежде обучаться языкам ньючжисскому и китайскому и потом уже, смотря на успехи их учения, давать им наследственные достоинства. Справедливо, что люди, проникнувшие древность и настоящее, никогда не отважились на недолжное. Вань-янь-ци-ну, человек необразованный, мог сказать это. Зачем же опасаться вам, что не последуют тому, что действительно полезно^{322*}. В четвертый месяц^{323*}. Император сказал: "Ежедневные расходы на мой стол умеренны, и если бы явилась ко мне которая-либо из цареven, то ничего было бы уделить ей из остатков от моего стола. Это известно всем очередным офицерам. Правда, если б захотел иметь стол роскошный, то для меня было бы нетрудно употреблять на оный пятьдесят баранов в день. Но как все сие получается с народа, то употреблять такое количество для меня нестерпимо. Чиновники, собирающие пошлины, знают только собственные выгоды, но не знают, откуда сии выгоды приходят. Я служил некогда при должности вне столицы и весьма понимаю дела народа. Я полагаю, что государи прежних династий, хотя были богаты и славны, но как, по большей части, не разумели трудов и забот земледелия, то от сего теряли государства^{324*}. Быть может, в молодости, пренебрегши наставлениями своих учителей, они, по вступлении на престол, не понимали страданий народа. В то время, как государь сунский Ян-ди⁵⁰⁸ был наследником престола, к нему назначен был учителем вельможа Ян-су. По восшествии Ян-ди на престол, Ян-су завладел властью и в делах правления поступал произвольно. Причиной такой ошибки была невнимательность государя в назначении должностей. При дружестве с человеком правдивым, само собою, познания образуются из учения истинного, и слух оглашается словами правды. Нельзя не вникать в сие. В настоящее время во дворце, занимаемом Юань-ваном Мадагу, надлежит выбрать и определить к должности людей твердых и осторожных, одаренных от природы прямою и верностью. Не назначайте к нему людей хитрых и злонамеренных". В пятый месяц Тушань-кэ-нин сделан старшим министром; Чжао-ван Юн-чжун снова сделан чиновником ту-ми-ши, а Юань-ван Мадагу сделан правителем палаты, вторым министром и пожалован именем Цзин^{325*}. В шестой месяц император говорил министрам: "Хуан-гун династии Ци⁵⁰⁹ был весьма обыкновенный государь, но по приобретении Гуань-чжун, он успел приобрести неограниченную власть^{326*}. Денно и ночью я занят мыслью о том, чтобы не оставить (в забвении) людей достойных. Я не знаю их, а вы не делаете их известными. Если непременно хотите отыскать людей с полными дарованиями и таковых только представлять, то сие

^{320*} Одевавшихся в холщовое платье, т.е. из простолупинов.

^{321*} По кит. тексту: "Бывало ли когда-нибудь, чтобы министр во всю жизнь был министром?"

^{322*} По кит. тексту: "Вань-янь-ци-ну представлял постановить законом, чтобы все дворяне мэн-ань и моукэ сперва учились священным книгам и истории на ньючжисском языке, а потом уже заступали наследственные достоинства. По сему поводу император сказал: "Кто хоть немного разумеет древнее и настоящее, тот не отважится на недолжное. Некогда один из моих воинов, человек необразованный, мог сказать это. Зачем мне опасаться, что не последуют очевидно-полезному?"

^{323*} По кит. тексту: "В четвертый месяц Сенат представил государю, чтобы утвердить законом взыск с таможенных смотрителей недостатка положенных пошлин. Император при сем сказал: "И в моих ежедневных расходах на стол, равно соблюдать умеренность так, что если б явилась..." и т.д.

^{324*} По кит. тексту прибавлено: "Одному из Ляосских государей докладывали, что народ не имеет хлеба. "Почему же, - сказал он, - не питается сушеным мясом?" Быть может, в молодости..." и проч.

^{325*} Цзин значит: драгоценный камень.

^{326*} Дословно: "...он успел совершить дела деспота".

равно трудно^{327*}. Представляйте мне, что такой-то чиновник способен к такому-то делу, тогда я употреблю его по его способностям. Господа! Мы все (я и вы) достигли старости. Государство наше весьма обширно. Ужели в нем нет людей достойных? Ныне приобретение людей достойных важнее всего. Если нелегко, - продолжал император, - приобрести людей сведущих в делах, то тем труднее найти людей мудрых и добродетельных". Ши-цзун говорил министру Юань-вану: "Читал ли ты когда-нибудь историю Тай-цзу? Во время сражения с Мачань Тай-цзу, преследуя его, заехал в топь при Ису, и его конь не мог выйти из грязи. Бросив коня, он бежал за ним пешком, но Хуань-ду выстрелил из лука в Мачань и, таким образом, взял его. Таковы были трудности при начальном восстановлении престола. Возможно ли думать о сем?" В восьмой месяц Ши-цзун говорил министрам: "Мои телохранители, хотя и не имеют книжного образования, но, на основании законов, повелеваю представлять о них и давать им должности. Но если кто из них обвинен будет в лихоимстве, то судить такового строже определения закона". Министр Тушань-кэ-нин отвечал, что довольно и того, если при суде такового будет поступлено по законам. "Я никогда не забывал об оказании особых милостей народу нью-чжи, - отвечал император, - но когда обвиняют кого в лихоимстве, то хотя бы он был мой меньший брат или сын, и тогда не буду к нему милостив. Министр! Твое намерение заключается в том, чтобы народу нью-чжи оказать некоторое снисхождение". В десятый месяц император сказал министрам: "В областях Юго-западной и Северо-западной, по недостатку земель военного приказа (чжан-тао-сы), солдаты мэн-ань и моукэ, не имея мест для охоты, не упражнялись стоя в стрельбe из луков. Предпишите чиновникам мэн-ань и моукэ, чтобы по временам делали ученье. Если же кто из них по нерадению пропустит назначенное для сего время и не будет сам делать смотра в стрельбe, такового непременно подвергать суду". В одиннадцатый месяц император говорил министрам: "Из народа нью-чжи мне мало известно людей способных и сведущих в делах ученых, быть может, потому, что трудно приобрести их. Вновь получившие ученую степень цзинь-ши (доктора) Тушань-и, Цзягу-али, Буни и Пань-гу-цзянь по их дарованиям все могут быть употреблены в службу^{328*}. Чиновники, возвысившись из писарей, хотя по способностями и могут иметь употребление, но по честности и чистоте (без мздоимства) они никак не могут сравниться с учеными. В настоящее время оказывается весьма большой недостаток в чиновниках выше пятой степени, конечно, от того, что при производстве в чины смотрят на долговременность службы. В таком случае люди, способные до старости, не могут получить повышения, тем паче возможно ли им достигнуть степени министра? В древности министры исправляли свою должность не более четырех или пяти лет, а потом оставляли оную. Мало было таких, кои бы министерскую должность занимали в продолжении двадцати или тридцати лет. Господа! Вы нарочито не делаете известными людей достойных. Это совершенно противно моим намерениям". Затем, обратясь к историографу Чун-би, сказал: "Вот человек, который по способностям очень слаб и не может исправлять возложенной на него должности. Но он внимателен и постоянен, почему я поставил его при себе. Я весьма желаю, чтобы все вельможи, подобные ему, были степенны и осмотрительны". Старший министр Тушань-кэ-нин представил императору доклад, коим просил его назначить Юань-вана Мадагу наследником престола в угодность ожиданиям подданных империи. В сем докладе он говорил следующее: "Дни сетования по наследнику Сюань-сяо³¹⁰ окончились, но наследнический престол остается празден. От этого зависит спокойствие или беспорядок в государстве. Государи! Ты своей премудростью и благочестием превзошел государей древних. Оставишь ли сие дело без внимания? Конец во всяком деле почитается главным, посему медлить не должно. При замедлении может возникнуть зависть и появятся советы лстецов и злых людей. При появлении лстецов и обманщиков при всем желании невозможно избегнуть сомнений. Сие дело весьма опасное и требует большой осторожности. Возможно ли не бояться и не остерегаться его? Кроме того, что наследственный престол императорский останется надолго празден, от сего могут еще произойти бедствия между единокровными. Я не боюсь смерти за проступок, говоря это. Государь! Утвердив немедленно наследником престола своего внука Юань-вана, реши недоумение подданных, останови начало споров и злых замыслов и истреби корень ссор и бедствий. Через это в храме предков не нарушится тишина, и вельможи, и народ будут наслаждаться счастьем. По обязанности министра, я высказал вполне свое мнение; от государя зависит рассмотреть и решить оное!" Император Ши-цзун, приняв его представление, назначил наследником престола второго министра Юань-вана Мадагу. В следующий день в зале Цзин-яо-дянь император сделал угощение чиновникам от шестой степени и выше. При сем государь говорил всем князьям и вельможам, что Кэ-нин есть министр верный и прозорливый, что он по своей верности и благоразумию подобен Чжэу-пу³¹¹, бывшему при династии Хань. С такою похвалой император отзывался о нем несколько раз. Ши-цзун говорил министрам: "Я слышал, что в сунском войске никогда не

^{327*} По кит. тексту: "...если непременно ожидать, когда найдутся люди с совершенными дарованиями и об оных только представлять, то это равно трудно".

^{328*} По кит. тексту: "...дарования вновь получивших ученую степень цзинь-ши: Тушань-и, Цзясу-али, Буни и Пань-гу-цзянь могут иметь употребление".

прекращалось учение в стрельбании из лука. Теперь наши войска по нерадению, оставив упражнения в стрельбании из луков, заботятся единственно о покое. Господа! Вы не думаете о предосторожностях и приготовлениях, надеясь на то, что империя спокойна^{329*}. Если войска не занимаются постоянно учением, то можно ли будет употребить его при нечаянно открывшейся войне? Не будет ли оно разбито при появлении?" Он повелел, чтобы войско во всякое время было занято учением. Император говорил своим приближенным: "При династии Тан поступки наследника престола Чэн-цян⁵¹² были весьма предосудительны. Государь Тай-цзун при назначении его не обратил внимания и вскоре принужден был снова лишить его престола наследника. Если бы он (наследник) заранее был ограничен в его поступках, то, конечно, сего бы не могло быть. Хотя я не могу глубоко проникнуть в смысл священных книг, писанных премудрыми, но при чтении истории нахожу для себя пользу. Я усматриваю из оной, что человек добродетельный никогда не забывал верности и сыновнего послушания, был внимателен к самому себе, чист и нелицемерен. Все это проистекало из его природы, дарованной Небом. Что же касается до людей обыкновенных, то они много хвалились неправдой, следуя оной. Если государь не будет осуждать пороков, то как водворить спокойствие в империи? Конфуций в седьмой день по занятии должности правителя империи казнил вельможу Шао-чжэн-мао⁵¹³. Если премудрый действовал таким образом, то тем паче, что сказать о других?" Ши-цзун говорил вельможам: "Я уже стар, но при слушании добрых советов ненасытен. Конфуций сказал, что при узнании добра, его не чувствуешь, а при узнании зла, бываешь как бы обварен кипятком. Смысл слов весьма велик". "Нетрудно приобретать познания, - отвечал Чжан-жу-би, - но трудно исполнять познанное". Император еще говорил вельможам: "Я желал бы подражать прозорливым государям времен древних, но никак не в силах^{330*}. По крайней мере, я не слушаю клевету приближенных вельмож и не делаю себе упрека в том, что принимаю доносы от своих родственников при частных свиданиях с ними. Я часто рассуждаю с самим собой, что невозможно быть без недостатков, потом только беспокоюсь, что не в силах исправить своих погрешностей. Когда бы в состоянии был исправить свои ошибки, тогда бы не был терзаем раскаянием. При тщательном разборе моих недостатков нахожу, что они заключались в излишнем пристрастии к постройкам. Отныне да не будет этого". В двенадцатый месяц вельможа Хуан-цзиу-и доложил императору, что присылка ко двору плодов ли-чжи^{331*514} несправедливо производится по почте. "Я не знал этого, - сказал император, - прикажите прекратить оную". "Начальники правительственных мест, - говорил потом государь министрам, - служа государю, стараются только заслуживать похвалу через исполнение возложенного на них дела, и не осведомляются о том, полезно или вредно сие дело. Однажды я изъявил желание иметь свежие ли-чжи, и военная палата тотчас повелела для перевоза сих плодов нарочито по дороге устроить почтовые станции. Об этом я узнал только из донесения Хуан-чжоу. Бестолковые люди, когда вдруг поручают им какое-либо дело, при исполнении оного доходят до безрассудства. Не разбирая важности и маловажности дел, производимых во дворце, я часто сам смотрю за ними по той причине, что не нахожу для сего дельных людей". Император сказал министрам: "В продолжении нескольких лет я почитал за главное умеренность. Для моего стола ежедневно готовилось только четыре или пять блюд, и сего было довольно. Таким образом, со вступления моего на престол из десяти частей (расходов) убавлено семь или восемь". Министры на сие отвечали, что государь имеет для сего свои положения, отличные от других. "Государь есть также человек, - сказал Ши-цзун, - и какая для него польза от пустой расточительности?" Император говорил министрам: "Я слышал, что во время разлития реки Хуан-хэ у жителей топило все движимое и недвижимое имение, и ничего не осталось. Зачем же в сии места теперь послали еще чиновников для понуждения их к недоимке податей?" Чжан-жу-би отвечал, что понуждаемые к отдаче недоимок не суть жители мест, затопленных водой. "По крайней мере, - сказал император, - жители ближайших к тем местам губерний. Находясь поблизости вод, возможно ли, чтобы они в смутении и страхе не перешли (во время разлития) на другие места? После сего могло ли у них остаться что-либо? Да и для чего начали употреблять при сборах понуждения?" Ши-цзун говорил: "В мирное время должно употреблять на службу людей в особенности кротких и правдивых, но к военным должностям надлежит определять людей умных и сообразительных, которые бы способны были производить действия, непонятные для врагов. Танский император Тай-цзун в молодости был искусен в военном деле. Впоследствии, когда уже был императором, он не мог перемениться. Он обстригал у себя бороду, высасывал раны других. Это равно показывает его ум и искусство (военное)".

^{329*} По кит. тексту: "...не думайте, что когда империя спокойна, нет нужды в предосторожностях и приготовлениях".

^{330*} По кит. тексту: "...если взять в пример прозорливых государей времен древних, то я никак не могу сравняться с ними".

^{331*} Ли-чжи есть плод из рода лун-ян (драконов глаз).

1186 год

Дай-дин двадцать седьмое лето. В первый месяц Чжао-фын произведен в академики (хань-линь-юань). Когда Чжао-фын представлялся императору, Ши-цзун спросил министров: "Почему в палате сио-ши (Академии наук)⁵¹⁵ прежде не было людей способных?" "Способные люди образуются через продолжительное исправление должности, - отвечал Чжан-жу-би, - если к должностям будут определяемы на долгое время, то при навыке в занятиях, достойные люди приобретутся сами собой". Во второй месяц Ши-цзун говорил министрам: "Со вступления моего на престол, я никогда не обвинял тех, кои представляли мне свои суждения касательно дел государственных, хотя бы они в своих словах выходили из меры или говорили много пустого. Господа! Почему вы никогда не предъявляете мне совершенно ваших мыслей? От скрытности происходит взаимное недоверие, а счастливым временем называют то, когда между государем и вельможами нет сомнений. Пользу и вред для государства надлежит, поистине, высказывать без утайки. Когда я замечаю кого-либо с закрытыми устами и хранящего молчание, то не могу смотреть на него". В другой день император говорил министрам: "В должность приближенных цзюй-гуан⁵¹⁶ необходимо набирать людей верных и умных. Хотя и не внимаю клевете и лести, но когда будут находиться при мне люди хитрые, то боюсь, чтобы неприметным образом, слушая их, не последовал их советам". Ши-цзун спрашивал министров: "Я слышал, что в уезде Бао-ди-сянь⁵¹⁷ служащий под ведением уездного начальника Мэн-гуа-тэмоэ отличается честностью и бескорыстием. Каков он в исправлении дел по должности?" "Подведомственный ему народ также превозносит его, - отвечал младший помощник министра Ва-тэла, - только неизвестно, за какие дела его хвалят". "Для всякого служащего достаточно, - сказал император, - если он честен и бескорыстен. Где найти людей с совершенными дарованиями? Мэн-гуа-тэмоэ повысить чином и определить в должность чжи-сянь⁵¹⁸". Далее император говорил: "Иногда я бываю не совершенно здоров, но никогда не оставляю принимать представляющихся с делами. Напротив, все князья и чиновники при малейшем недуге не являются к должности. С сего времени надлежит прекратить это". В третий месяц Юань-вану Мадагу вручена высочайшая грамота, и издан милостивый манифест. Император говорил вельможам: "По пословице говорится, что в деревне из десяти дворов непременно найдется человек верный. В настоящее время наше государство обширно и многолюдно. Ужели в нем нет хороших людей? При танской династии Янь-чжэн-цин и Дуань-сиу-ши⁵¹⁹ были вельможи правосудные и честные, но они не были употребляемы к высшим должностям потому, что того времени первенствующие вельможи заграждали им путь, не делая их известными. Господа! Не будьте пристрастны к вашим родственникам и делайте известными мне верных и правдивых людей. Я хочу употреблять их"^{332*}. Еще Ши-цзун говорил: "Первоначальные обычаи нашей нации заключались в постоянстве и умеренности, наблюдавшейся во всем. Сами государи в своем доме носили льняную одежду и не убивали баранов и свиней для своего стола, если к ним не собирались гости. Постоянно думая о бережливости тех времен, я не хочу делать пустых трат". В пятый месяц однажды приготовленные для стола императорского яства не имели вкуса, и государь приказал узнать сему причину. Тогда надзиратель за императорской кухней, являсь перед государем, сказал, что он, услышав о болезни престарелой матери, смутился и был как бы без души, отчего не наблюдал обыкновенного присмотра во время приготовления и за свое преступление заслуживает тьму смертей. Император, похвалив его за любовь к родителям, повелел ему отправиться домой для присмотра за больной матерью и уже по совершенном выздоровлении ее явиться к должности. В девятый месяц император говорил министрам: "В проезд мой в нынешнем году к водам Чунь-шуй, по проезжаемым округам и уездам я замечал, что низшие чиновники весьма исправно проходят свои должности. При частых наградах и повышениях, мною производимых, они все сделались так рачительны. Из сего очевидно, что лучше возбуждать рвение наградами, нежели наказанием". В десятый месяц Ши-цзун сказал министрам: "Читая историю дома Тан, я нахожу, что в то время только Вэй-чжэн был способен к преподаванию советов императору. Он вообще говорил о делах важных в государстве и по справедливости понимал обязанности старшего советника. Ныне советники с выбором предлагают советы о каких-либо маловажных делах потому только, чтобы исполнить свои обязанности. Касательно великих выгод или вреда для государства не предлагают никаких советов. Знают ли они их и не говорят, или в самом деле оных не понимают?" При сих словах министры остались безответными. В одиннадцатый месяц император говорил вельможам: "Господа! Вы все достигли старости. Ужели нет людей, могущих заменить вас? Или непременно хотите ожидать, когда я сам узнаю их и определяю к должности?" Потом, обратясь к Чжан-жу-би, сказал ему: "И ты равно столь известен через министра Ши-цзюя". Вань-янь-сян и Чжан-жу-би отвечали: "Если б мы действительно знали (людей достойных), то как бы смели не сказать о них? Но мы их не находим". "Во времена, описываемые Чунь-циу, - сказал император, - империя разделена была на многие отдельные

^{332*} По кит. тексту: "Господа! Вы не должны показывать пристрастия к своим родственникам и из-за них не представлять мне верных и правдивых людей, коих я хочу употреблять в службу".

княжества, кои, по их пространству, были малы и тесны, но и в них везде были мудрые. Господа! Вы просто не хотите представлять умных людей. Ныне только моими попечениями водворено спокойствие^{333*}, но в последующие века мои дети и внуки с кем будут советоваться и устраивать государство?" Все вельможи приведены были в стыд сими словами. В двенадцатый месяц в царстве Сунском помер государь Гао-цзун. Новый государь сунский Шао-цзун⁵²⁰ прислал посла, извещая о трауре. Император говорил министрам: "Люди, вообще почитая ересь даосов⁵²¹ и ставя выше всего религию буддистов, полагают свое блаженство в безмолвии и в чтении священных книг. Но если я не допускаю народ до бедствия и доставлю государству спокойствие, не есть ли это выше их блаженства? Господа! Занимая должности министров, если вы действительно будете трудиться для пользы государства, предоставлять выгоды народу, то не только сами приобретете счастье (спокойствие), но распространите оное и на ваших детей и внуков"^{334*}. "Дерзнем ли, - отвечал Ватэла, - не прилежать к сему всем сердцем? Только по недостатку дарований наших мы не можем совершенно понимать возложенных на нас должностей". "Ужели возможно для кого-либо, - заметил государь, - быть совершенным во всех делах! Довольно, если вы усугубили ваши старания". Император воспретил законом, чтобы ньючжисцы не переменили своих первоначальных фамилий на китайские, и чтобы никто из подражания не носил китайские одежды. Преступившего сие постановление повелел судить.

1187 год

Двадцать восьмое лето Дай-дин. В первый месяц император послал в царство Сунское вельможу Пуча-кэ-чжун для жертвоприношения над умершим государем Гао-цзуном. Во второй месяц из царства Сун (от государя Шао-цзуна) прибыл посол с вещами, оставленными прежним государем. Между сими вещами находились пять ваз яшмовых и двадцать стеклянных, разные луки и стрелы. Император отказался от принятия оных и, убеждая посла сунского увезти их обратно, говорил: "Это все любимые и редкие вещи вашего покойного государя. Вам надлежит хранить их для всегдашней памяти о нем, почему принять оные от вас было бы несправедливым. По возвращении, объявите мое мнение о сем вашему государю". В первый день третьего месяца император, по случаю дня рождения, принимал поздравления от вельмож в зале Цин-хэ-дянь и потом угощал их в зале Шэнь-лун-дянь. Во время стола князя и царевны по порядку подносили заздравные кубки с изъявлением долголетия государю. Император был очень весел и пел национальные песни нью-чжи. В восьмой месяц император говорил министрам: "Недавно я узнал, что колено удигай⁵²² не хочет быть покорным. Если отправить туда посла спросить о причине их неповиновения, то, быть может, жители сего колена по упорству не станут оправдываться в обвинении, пойдут на наши границы, и их нельзя будет остановить"^{335*}. Я всегда думаю, что хотя бы жители отдельных стран и были призваны в подданство, от этого для государства нет никакой пользы. Когда они приходят сами просить о принятии их в подданство, мы будем внимать их просьбам, но если они сами не являются к нам, то нам нужно употреблять усилия для того, чтобы они пришли. Это давнее и неперменное правило прежних веков". Ши-цзун говорил министрам: "Закон употребления людей требует, чтобы всякого брать в службу с молодых лет, в крепости душевных и телесных сил. Но если постоянно будем держаться порядка при возвышении в должности, то большая часть людей будет употребляема под старость. Это весьма неблагоприятно. Когда бы Алухань употреблен был заранее, государство, без сомнения, приобрело бы в нем для себя опору. К сожалению, он уже устарел и сделался слаб. Господа! Вы обязаны заблаговременно обращать внимание на всякого, кто имеет дарования, могущие употреблены быть с пользой". В десятый месяц Сенат сделал представление о чиновниках, назначенных им к повышению. В этом представлении вообще он брал во внимание число лет службы. Император, рассмотрев оное, сказал: "Долговременность службы исследуют при производстве в чины людей обыкновенных. Но относительно тех, кои способности и поведение других превосходят, следует ли держаться обыкновенных правил? Для государственной службы потребны люди. Вы не распределяете должностей по способностям, от этого оказалось множество нерешенных дел. Я не нахожу средств к приобретению людей, а вы следуете в сем только постановлениям и не думаете представлять на службу способных и исправных по должности. Не опасаетесь ли, что способные и исправные люди, при появлении своем на службу, отнимут у вас награды"^{336*}? Если это неправда, то у вас нет ясного познания людей". "Дерзнем ли, - отвечали вельможи, - награждать путь умным людям? Но, по недостатку знания людей, мы не можем представить способных".

^{333*} По кит. тексту: "При моем старании едва только успел водворить спокойствие".

^{334*} По кит. тексту: "...не только сами получите за сие мзду, но она распространится и на ваших детей и внуков".

^{335*} По кит. тексту: "...по упорству не захотят уступать нам, начнется на границе дело, и его нельзя будет остановить".

^{336*} По кит. тексту: "...отнимут у вас должности и жалование".

Император, обратясь после сего к Чжан-жу-линь, сказал: "Почему в прежние времена было много верных вельможей, говоривших правду, и почему теперь их мало?" Чжан-жу-линь отвечал, что верность обнаруживают на словах в века смятений, в спокойное же время нет случая обнаружить оную. "Когда, - сказал император, - не бывает дел, о коих можно говорить? Только в старину не было людей, которые бы не сказали того, что знали, а настоящего времени люди не говорят им известного". Чжан-жу-линь не нашелся, что сказать на это. В одиннадцатый месяц император говорил своим приближенным: "Человек, желающий усовершенствовать самого себя, не должен чрезмерно предаваться радости или гневу. От чрезмерного гнева страдает сердце, при излишней радости рассеиваются жизненные силы. Но приобрести среднее состояние весьма трудно. По сей причине усовершенствующий самого себя умеряет в себе гнев и радость и заботится о своем спокойствии. В нынешнем году я никому не делал во дворце ни выговоров, ни наказаний". Ши-цзун говорил министрам: "При исследовании законов и постановлений прежних времен много обнаружилось в них неясного, ибо законы и уложения при всякой династии употреблялись с уменьшениями и дополнениями. Равно случается, что, не постигая мудрых намерений законодателя, погрешительно удаляются от первоначальной цели оных. Неужели, если древние законы будут приведены в действие, по точном исправлении оных, тогда они будут для всех удобопонятны? Итак, надлежит исправить их и непременно сделать ясными". Местное начальство представляло о поправке тронной Юй-жун-дянь в столице Шан-цзин. Император по сему случаю говорил министрам: "При постройках дворцов заботятся единственно о красоте и изяществе. От этого они никак не могут быть крепки. Нынешняя палата Жинь-чжэн-дянь построена еще при доме Дайляо без всяких украшений. Но если обратить внимание на здания других мест, они ежегодно чинятся, а сия палата остается по-прежнему. Из сего видно, что здания, построенные с пустыми украшениями не могут стоять долго. Ныне при казенных постройках каменные и деревянные работы производятся весьма нерадиво. Низшие чиновники, согласясь с мастерами, с бесстыдством крадут материалы, а палата государственных доходов и казенных зданий не обращает внимания на количество издержанных сумм и лесов, заботясь единственно о том, чтобы как-нибудь кончить работу. Посему-то здания, только что построенные, уже начинают кривиться и щелиться. От беспечности к злоупотреблениям народ изнуряется, и истощается казна, и нет важнее этих преступлений. С сего времени надлежит тщательно вникать в сии дела и подвергать строгому суду виновных". В другой день император говорил министрам: "Недавно, читая историю дома Хань, я узнал из оной, что дела, совершенные государем Гуан-у⁵²³, для других невозможны. Его старший брат Бо-син был убит от Гэн-ши, но он во время мятежей вовсе не думал об отмщении за обиду, он служил Гэн-ши по-прежнему, и народ не замечал в нем вида к печали. Не есть ли это поступок трудный для других? Его намерения, без сомнения, были направлены к великим делам. Может ли сравниться с ним другой государь?" При сих словах государя Чжан-жу-линь сказал: "Слуга княгини Ху-ян, старшей сестры государя Гуан-у, убил человека⁵²⁴. Местное начальство хотело взять его, но он скрылся в доме, занимаемом княгиней, откуда его не могли взять. Когда же, при выезде из дома, княгиня посадила его в свою карету, тогда начальник уезда Ло-ян по имени Дун-сюань остановил коляску, извлек меч и, стуча оным по земле, громко обличал княгиню в злом поступке. Потом угрозами он заставил слугу выйти из коляски и предал его казни. Княгиня Ху-ян, по прибытии во дворец, сказала о сем Гуан-у. Гуан-у в сильном гневе хотел казнить Дун-сюаня. "Готов умереть, - сказал тогда кланяясь Дун-сюань, - но наперед прошу позволения сказать одно слово". Император спросил его, о чем хочет говорить, и Дун-сюань сказал: "Государь! Святыми добродетелями ты возвысился из среднего состояния. Но если, прощая рабов, ты позволишь им убивать граждан, то каким образом хочешь управлять империей. Вместо того, чтобы меня убивать палками, я умру сам". Он вдруг после сего ударился головой о колонну и разбился до крови. Император приказал евнухам схватить его. Он повелевал ему сознаться в проступке и испросить прощения у княгини, но Ду-сюань не согласился. Когда несколько человек, схватив его, насильно преклонили пред княгиней, то он, опираясь о землю руками, никак не хотел кланяться. Княгиня Ху-ян, называя по имени государя Гуан-у, говорила: "Вэнь-шу! Тогда, как ты носил еще полотняную одежду, в твои ворота не смели входить чиновники, потому что у тебя скрывались виновные. Теперь ты сделался государем. Почему же не можешь употребить силы против одного уездного начальника?" "Сделавшись государем, - отвечал, смеясь, Гуан-у, - я сделался отличен от того времени, в которое носил рубище". Он подарил Дун-сюаню тридцать тысяч связок мелкой монеты". Ханьский государь Гуан-у, - сказал Ши-цзун, - выслушав слова правды, утешил свой гнев. За сие его можно назвать мудрым государем, но он повелевал Дун-сюаню извиниться пред княгиней в проступке. Это он сделал несправедливо. Ханьский государь Гао-цзу⁵²⁵ был мужественен и со строгими правилами, встречая мудрецов^{337*}, он употреблял их в службу и таким образом вышел из рубища, в продолжении нескольких лет сделался государем. В этом сравнится с ним Гуан-у. Но Гао-цзу, сидя на престоле, не оставлял своего простого образа жизни. Гуан-у в сем не подражал ему". В двенадцатый

^{337*} По кит. тексту: "...встречая людей с превосходными дарованиями..."

месяц император сделался болен. По всему государству обнародовано прощение преступникам. Юань-вану Мадагу указом повелено принять правление и поселиться в восточном отделении тронной Цин-кэ-дянь. Вельможам Тушань-кэ-нин, Вань-янь-сян и Чжан-жу-линь приказано ночевать во внутренней зале, занимаемой самим государем.

1188 год

Дай-дин двадцать девятое лето. В первый день первого месяца, по причине усилившейся болезни, император не мог выйти в залу для принятия чиновников. В день Гуй-сы государь скончался в палате Фу-ань-дянь на шестьдесят восьмом году от рождения. Его тело временно положено в палате Да-ань-дянь. В третий месяц император по смерти почтен титулом: Гуан-тянь-син-юнь-вэнь-дэ-у-гун-шен-лин-жень-ио-хуан-ди. В храме предков назван Ши-цзуном. В четвертый месяц тело императора погребено.

VI. ИМПЕРАТОР ЧЖАН-ЦЗУН

Государь Чжан-цзун назывался Цзин. Его первоначальное имя было Мадагэ. Чжан-цзун был внук императора Ши-цзуна Улу и сын Сянь-цзуна Хутува. Имя его матери Тушаньши. Он родился в восьмое лето Дай-дин. В восемнадцатое лето Дай-дин возведен на был в достоинство цзинь-юань цзюнь-вана, а в двадцать пятое лето наименован князем юаньским. В двадцать девятое лето Дай-дин, весной, в первый месяц, по смерти Ши-цзуна, Чжан-цзун преемственно вступил на престол. Он повелел всех служащих внутри и вне столицы повысить двумя степенями, исключая чиновников от третьей степени и выше, коих повысил одной степенью; простил пахотные оброки и пошлины того лета и все недоимки в казну за прежние годы; престарелым и малолетним сиротам^{338*} повелел дать каждому по одному куску шелковой материи и по два мешка пшена. Вельможу Ван-юань-дэ и других отправил в царство Сун, Корею и Ся с известием о трауре. Во второй месяц государь Чжан-цзун своего родителя Сянь-цзуна наименовал по смерти императором⁵²⁶, а свою мать - императрицей. В сие время сунский государь Сяо-цзун передал престол своему сыну Чжао-дуню^{339*527}. В третий месяц из царств Сун и Ся прибыли послы для жертвоприношения над императором Ши-цзуном. В пятый месяц из царства Ся прибыли послы для поздравления Чжан-цзуна со вступлением на престол^{340*}. Император повелел потомков заслуженных вельмож употребить в службу, сообразуясь с их способностями. Чжан-цзун отправил в царство Сунское послом вельможу Вэнь-ди-нань-су с другими для поздравления Гуан-цзуна со вступлением на престол. В пятый добавочный месяц император своих старших и младших братьев возвел в княжеские достоинства: Вань-янь-сюня назвал князем Фын, Вань-янь-цзуна - князем Юнь, Вань-янь-хуая - князем Ин, Вань-янь-цзун-и - князем И; младших братьев назвал: Цзун-сяна - князем Шэу и Вань-янь-цзе - князем Вэнь. Равно всех своих дядей сделал князьями: Чжао-вана Юн-чжуна назвал князем Ханьским, Цао-вана Юн-гуна - князем Цзи, Бань-вана Юн-чэна - князем У, Юй-вана Юн-шэна - князем Суй, Сюй-вана Юн-дао - князем Вэй, Тэн-вана Юн-цзи - князем Лу и Сюэ-вана Юн-дэ - князем Шэнь. Из царства Сун прибыло посольство для поздравления императора с восшествием на престол. В одиннадцатый месяц император говорил министрам: "Ныне при употреблении людей на службу слишком держатся порядка в производстве в чины и должности. Закон постепенности (возвышения) получил свое начало при династии Тан. Но при таком постановлении возможно ли приобрести людей?" Жу-линь отвечал, что постепенность не наблюдается при возвышении только тех, кои превосходят других своими дарованиями. "Но Цуй-ю-фу^{341*}, - сказал император, - по получении должности министра, менее, нежели через год, сделал известными восемьсот человек. Ужели они все были необыкновенных способностей? Прокурорский приказ представил следующее: покойный государь Ши-цзун запретил чиновникам прокурорского приказа делать кому-либо взаимопосещения. Причиной сего, кажется, было опасение, что при их связях с знаменитыми домами князей и министров могут произойти потворства^{342*}. Но в таком случае члены прокурорского приказа могут получать сведения о выгодах и невыгодах народа, а равно о честном или порочном поведении чиновников". Император разрешил указом иметь им связи с чиновниками от четвертой степени и ниже, но

^{338*} Престарелыми сиротами называются те, кои до старости не вступали в супружество; малолетними - дети, не имеющие родителей.

^{339*} Чжао-дунь назывался Гуан-цзун.

^{340*} По кит. тексту: "В пятый месяц из царства Сун прибыли послы с известием о передаче сунским государем престола своему сыну. Из княжества Ся прибыли послы для поздравления Чжан-цзуна со вступлением на престол".

^{341*} Цуй-ю-фу был министр при танском государе Сянь-цзуне.

^{342*} По кит. тексту: "...прокурорский приказ докладывал, что по прежнему постановлению прокуроры не имеют права заводить связи (дружественные) с посторонними, вероятно, из опасения, чтобы при их знакомствах с князьями, министрами и сильными домами..." и т.д.

к высшим чиновникам, начиная с третьей степени, воспретить вход^{343*}. В двенадцатый месяц Чжан-цзун запретил пить вино офицерам, находящимся в карауле, и всем служащим. Император говорил председателю прокурорского приказа: "В докладах прокуроров бывает много ошибок. Поступая по оным, можно нарушить правосудие. С другой стороны, если не будем им следовать, тогда опасно, что прокуроры перестанут докладывать. Объясните им эту мысль". Император Чжан-цзун лета правления Дай-дин переименовал в первый год правления Мин-чан.

1189 год

Первый год правления Мин-чан. В первый день первого месяца государь, по причине траура по смерти Ши-цзуна, не принимал вельмож с поздравлениями. Император постановил, чтобы все князья, находящиеся во внешних провинциях, занимались охотой не более пяти дней, и чтобы сопровождающие их люди не смели угнетать народ. Министр юстиции Вань-янь-шэу-чжэн сделан чиновником цань-чжи-чжэн-ши и вместе назначен старшим советником (цзянь-и дай-фу) при императоре^{344*}. По вступлении в должность, Вань-янь-шэу-чжэн с историографом Чжан-вэем сделал следующий доклад: "По постановлению дома Тан, во время явки к императору министров с ними входит и советник царский с тем, чтобы предварительно, узнав дела, преподать свои советы. Равно чиновники, занимающиеся составлением истории, по выходе государя в тронную, постоянно должны быть при нем. Если последует от государя какое-либо повеление, они вблизи его, прикинув к земле, выслушивают оное, а по возвращении, записывают его слова. Посему ни в коем случае не следует устранять от себя советников и историографов^{345*}. Ныне, когда чиновники по очереди делают или представляют доклады, нам не позволяют присутствовать при этом. Для нас нет возможности знать распоряжения, делаемые Вашим Величеством, и дела, о коих бывают совещания. Что же будем записывать в историю и какие будем преподавать советы? Это не согласно с обязанностями, на нас возложенными". Чжан-цзун принял их представление. В восьмой месяц император спрашивал министров: "Какими средствами побудить народ оставить постороннее и стараться о главном^{346*}, чтобы таким образом увеличить сбор хлебов^{347*}?" Он повелел им собрать всех чиновников и сделать о сем совещание. На совещании министр государственных доходов Дэн-янь с прочими представил следующее мнение: "Чрезмерная расточительность ныне в обычае. Надлежит умерить оную законом (мер). Да будет повелено по различию состояния определить форму одежд, вещей, употребляемых в домашнем быту, и планы домов, ослабить выходящие из меры празднования при совершении свадеб и похорон и воспретить бесчисленные и пустые траты^{348*}. Когда в расходах будет соблюдена умеренность, тогда количество собираемых хлебов само собой увеличится". Люй и Вань-янь-шэу-чжэн к сему прибавили: "Человек, по своей природной склонности, при виде хорошего оным обольщается. Если законами не будет определена умеренность, то расточительность будет беспредельна, а когда в тратах выходят из нормы, то от этого рождается бедность и конечное разорение народа. Ныне, в дни спокойствия, надлежит особенно заняться сим делом и установить для того постоянные законы". Император представления их признал справедливыми. В одиннадцатый месяц Чжан-цзун, призвав председателя церемониалов Ван-шоу и советника Чжан-вэя, сказал им: "Господа! Вы обязаны каждый порознь представлять мне о делах, какие должно совершать государю. Когда я следую представлениям простого народа, то тем паче не последую ли вашим?" В двенадцатый месяц император ездил для посещения к Тушань-кэ-нину, который был болен. В тот же день государь сделал Кэ-нина визирем⁵²⁸, возвел в княжеское достоинство, назвав его Цзы-ваном, и пожаловал тысячу пятьсот лан серебра и две тысячи кусков шелковых тканей.

1190 год

Мин-чан второе лето. В первый месяц старшая императрица, мать государя Чжан-цзуна, сделалась больна и в день Син-ю скончалась. Государь отправил Вань-янь-линя и других вельмож в царства Сун,

^{343*} По кит. тексту: "...но касательно дружественных связей с чиновниками третьей степени и выше оставил прежнее постановление в своей силе".

^{344*} По кит. тексту: "Чжан-цзун, по вступлении на престол, сделал Шэу-чжэна председателем уголовной палаты (министром юстиции) и вместе старшим советником".

^{345*} По кит. тексту: "Посему историографы и советники при всяком случае, когда государь является в тронную, должны быть при нем".

^{346*} Под словом "постороннее" разумеется торговля, а под словом "главное" - хлебопашество (примеч. с маньч. текста).

^{347*} По кит. тексту: "...чтобы таким образом распространить и умножить сбережения (хлеба)".

^{348*} По кит. тексту: "...и воспретить пустые траты на взаимные угощения".

Корею и Ся с известием о трауре. В сей же месяц не стало визиря Цзы-вана Тушань-кэ-нин. В третий месяц из царств Сун, Ся и Кореи прибыли послы для совершения жертвенных обрядов над гробом императрицы. В четвертый месяц государь постановил: "Если при бедствии народа, случившимся от засухи или наводнения, начальник не донесет о том как должно, а наобум представит о том, о чем не следует, давать ему семьдесят ударов палками. Если кто, доведенный бедствием до крайности, лишит себя жизни, за это судить начальников, как нарушителей законов". В седьмой месяц чиновник цань-чжи чжэн-ши по имени Тушань-и представил императору доклад следующего содержания: "Из истории государей Яо и Шунь известно, что вельможи тех времен в своих представлениях к государям излагали предостерегательные советы и убеждали их следовать добру. Древние государи при суждении о делах правления постоянно были ко всем внимательны и, оставляя собственные намерения, следовали хорошим советам других. Они, умея слушать, умели действовать и, следуя советам своих вассалов, возбуждали в них ревность. Таковы были взаимные действия государей и вельмож в древности. Государь! Наследовав престол, огражденный спокойствием, надлежит, подражая древним, печься о возвышении своих добродетелей, радуясь добрым, не раздражаясь злыми. Не будь невнимателен к советам, пренебрегая малым добром людей бесчестных^{349*}". Император, одоблив сие представление, сделал Тушань-и членом министерского совета. В одиннадцатый месяц, по повелению государя, актерам запрещено представлять в театрах древних государей и великих князей, громогласно провозглашать им долголетие. Нарушителей запрещения повелено строго судить.

1191 год

Третье лето Мин-чан. В третий месяц Чжан-цзун спросил министров: "Сколько произведено в чиновники за почтительность к родителям и справедливость (к другим)?" "При государе Ши-цзуне, - отвечал Вань-янь-шэу-чжэнь, - был сделан чиновником Лю-цзин. Послушные родителям вообще бывают степенны, правдивы и успешны в делах". "Но можно ли, - сказал император, - говорить таким образом без исключения обо всех? Впрочем, соблюдающие почтительность к родителям и справедливость к другим от начала усовершенствовали свои поступки. Кто из них хоть несколько годен к употреблению, того немедленно должно употреблять в службу. Впоследствии, если бы он оказался ложным, то эта ложь произошла бы от притворной почтительности к родителям и справедливости к другим, тогда он равно погрешил бы против добродетели^{350*}. Отыскивая людей правдивых и почтительных к родителям, представляйте о способных из них к употреблению". Вань-янь-шэу-чжэнь доносил императору, что он, по повелению государя, ездил для исследования дела, представленного Чэн-и из Синь-чжоу³²⁹, который с намерением говорил о злоупотреблениях областных и уездных начальников. Но когда он лично спрашивал Чэн-и о средствах прекращения злоупотреблений, то он не мог показать их. Государь сказал: "Ныне в правлении желают знать злоупотребления, поэтому, хотя он и не находит средств к прекращению сих злоупотреблений, похвально и то, что он успел открыть оные. По словам Чэн-и, местные начальства не могут исполнить всех постановлений, издаваемых государем. Но и наемники трудятся (для своих хозяев), тем паче чиновник, пользуясь жалованием от отечества и поступая таким образом, не погрешает ли в своих поступках как сын и вассал? Ныне, исследовав все постановления, прикажите исполнить оные". В четвертый месяц император говорил вельможам: "Прежде был издан указ, коим повелевалось прекратить бесполезные работы, уменьшить пустые траты, отставить чиновников, показавших мало успехов в должности, и окончить дела подсудимых. Сим четыре дела надлежит немедленно привести в исполнение". В пятый месяц император выпустил из дворца сто восемьдесят женщин. Местное начальство донесло, что жители Хэ-чжоу пострадали от неурожая и, по недостатку хлеба, не представили в казну подати. Император простил им подать и повелел министру государственных доходов произвести преждевременно всем чиновникам зимнюю выдачу хлеба с тем, чтобы они продавали оный народу. "По наступлении осени, - говорил император, - на приобретенную плату за проданный хлеб они, без сомнения, могут получить оный с избытком. Таким образом, это будет выгодно как для чиновников, так и для народа". В восьмой месяц Чжан-цзун говорил императору: "Я хочу, чтобы чиновники продолжительного находились при тех должностях, к коим определены. При беспрестанной перемене должностей из людей с отличными дарованиями мало найдется таких, которые бы были способны ко всем делам^{351*}". Министры отвечали: "В таком случае и люди с посредственными дарованиями,

^{349*} По кит. тексту: "...из любви к хорошему и ненависти к худшему, пренебрегая малым добром людей бесчестных, не будь невнимателен к их советам".

^{350*} По кит. тексту: "...и он равно не погрешил бы против добра".

^{351*} Дословно: "...если, определивши сего дни к должности в палату церемониалов, завтра перевести в палату государственных доходов, то хотя бы кто и был с отличными дарованиями, но мало найдется таких людей, которые бы способны были ко всем делам".

приобретши навык, при продолжительном их служении при одной должности, наконец, будут иметь успех в оной". В девятый месяц император указал Сенату: "В прошлом году в губерниях Шань-дун и Хэ-бэй был неурожай. Если в настоящее время с жителей сих губерний потребуем оброки и пошлыны, а равно хлеб и деньги, выданные им заимообразно, то, быть может, для бедных земледельцев не будет возможности жить. Надлежит ожидать урожайных годов, тогда, по исследовании прибытков, брать с них казенные долги, сообразуясь с сими прибытками". В десятый месяц император разослал следующий приказ чиновникам дай-фу⁵³⁰ и тай-вэй, находившимся при царевичах: "Я определил князей для управления по провинциям с тем, чтобы они в праздное время от должности наслаждались покоем и свободно находили для себя удовольствие. Но, опасаясь, чтобы они в повышении и отрешении от должностей чиновников не погрешили против справедливости, приставил к ним вас, дабы вы советами удерживали их от пороков, руководя к добру, и не допускали до проступков и ошибок. В свободное от должности время, хотя бы они и ходили на пиры, но если не нарушают тем законов, то какой от сего может быть вред? Ныне я слышу, что вы, слишком обращая на это внимание, входите во все мелочные дела князей, не относящиеся к вашей должности. Ужели в этом состоит ваша обязанность (помогать князьям)? Всякий из вас с рассуждением о своей должности обязан следовать прямой середине и не уклоняться от законов. Объясните мое мнение всем князьям".

1192 год

Мин-чан четвертое лето. В первый месяц из Сената сделан доклад, коим просили чиновника цуй-гуань по имени Су-дэ-сиу сделать столоначальником в министерстве церемониалов. "Господа! - сказал Чжан-цзун. - Я уже повелед вам, чтобы чиновники оставляемы были при одних должностях на долгое время. Если, определив кого-нибудь в палату дай-ли-сы, переведем вдруг в министерство финансов, а потом в министерство церемониалов, то возможно ли, чтобы его способности были всесторонни? Напротив, при долговременном пребывании в одной должности и с посредственными способностями человек бывает лучше вновь определенного. В делах, уже встречавшихся однажды, он, без сомнения, будет успешнее. Поэтому не следует с такой беспечностью делать перемен чиновникам". "Отличным по должности, - продолжал император, - называется тот, кто имеет особую способность к исправлению дел. Что же касается до честности и бескорыстия, то это, собственно, есть общая принадлежность всех, но как много людей корыстолюбивых и беспечных, то и сии свойства почитаются отличными качествами в следующих". "Теперь, - отвечали министры, - в докладах о делах государственных представляют, что народ потерял сыновнюю почтительность, уважение к старым, чистоту и совесть и просят, чтобы законы о сем были исправлены. Это, быть может, произошло от того, что с некоторого времени чиновники сделались неспособны учить и просвещать (народ) высочайшими наставлениями. Ныне ревизоры, вступаясь за ненужные и маловажные дела, почитают выше всего скорость в исправлении дел, а людей твердых и прямодушных, желающих просветить добродетель сынопочтения и братства, признают бесполезными. Поэтому умственное и нравственное образование в народе все считают посторонним делом, отчего почтительность к родителям и уважение к старшим оставлены. Если по повелению Вашего Величества будут возвышать и употреблять в службу людей, тщательно выполняющих обязанности сынопочтения и старшинства, тогда просвещение возымеет силу, а почтительность к родителям и уважение к старшим братьям возвысится. Ныне при ревизиях вообще признают главным дарования, а добродетели (почтительность к родителям и уважение к старшим) ставят на втором месте. Поэтому хитрые люди, несмотря на их корыстолюбие и низости, при употреблении их в должности почитаются исправными. Таким образом, стыд и бескорыстие уничтожены. Когда Ваше Величество предпишете прокурорскому приказу, чтобы при ревизиях особенно обращали внимание на правоту и ложь и не возвышали тех, кои хотя и с дарованиями, но без добродетелей, а незаконно получивших должности предавали строгому суду, тогда корыстолюбивые и жестокие люди переведутся, а возвысятся благонамеренные, имеющие чистую совесть". Находившийся в Восточной столице вельможа Ван-шэн прислал (ко двору) кречетов. Император Чжан-цзун послал нарочного сказать ему следующее: "Ты занимаешь важную должность. Не донося о пользах и вреде народа, равно о правоте или порочности служащих, ты присылаешь кречетов. Ужели в этом состоит твоя обязанность? Впоследствии не делай более подобных присылок". В третий месяц члены палаты ти-син-сы⁵³¹, проводившие ревизию по губерниям, представлялись государю. Чжан-цзун, расспросивши одного из них о возложенной на него должности, сказал: "Я учредил палату ти-син-сы для водворения спокойствия в народе. От учреждения ее прошло уже пять лет, а пользы не видно. Это вообще происходит от того, что вы невнимательны к своей должности и занимаетесь делами мелкими, а начальники уездов и округов из опасения (вас) не дерзают производить дел славных. При ежегодных неурожаях в губернии Шань-дун постоянно посылаются туда нарочитые для оказания помощи. Господа!

Причиной этого равно худое выполнение вами должности. Постарайтесь исправить прежние ваши упущения". В четвертый месяц вельможи трижды делали доклад императору, изъявляя желание поднести ему титул. Но Чжан-цзун на сие не согласился. "Наши предки, - говорил он, - и древние государи, принимавшие титулы, все имели добродетели и были достойны сих титулов. Ныне, при неурожаях несколько лет и при разорении от сего народа, справедливость требует со страхом и осторожностью исправлять себя. Возможно ли вотще принимать славное имя?" Император Чжан-цзун для избежания жары хотел переехать во дворец Цзин-мин-гун. Вельможа Дун-ши-чжун, отклоняя его, говорил: "Тягость для народа и траты казны, зависящие от сего путешествия, могут быть еще неважны, но непредвидимые последствия возродившихся переворотов нельзя считать маловажными. Премудрые люди свои поступки сообразовали с действиями Неба и Земли, посему при своих бесчисленных начинаниях всегда достигали конца оных. В настоящее время на границах неспокойно, и нельзя гадать о последствиях (переворота). Колено Би-ли-гэ-бова³⁵², при своей жадности и жестокости, храбро и сильно. Оно требует глубокого внимания (насчет его действий). Если Ваше Величество потребует совета о сем от своих приближенных, то, конечно, они из угождения вам скажут, что великая империя не может опасаться такого княжества, и не будут отклонять от поездки^{352*}. Сия столица величественна и красива, внутри и вне ее довольно садов и рощ для рассеяния дум царских, а поблизости ее, в горах и около вод, есть звери и птицы, коих достаточно для упражнения в военном деле (для занятия охотой). Зачем же с тысячами экипажей и тьмою всадников проводить дни на траве и на росе ночи? Зачем, удалившись к границам, расставлять в отдалении сторожевые войска и подвергать себя непредвидимым опасностям^{353*}?" Император не принял его советов. Дун-ши-чжун вторично представил увещательный доклад следующего содержания: "В прежние годы, при бедствиях от засухи и наводнений, государь, издавая манифест, обвинял в оных самого себя и просил благих советов, прекращал ненужные работы и уменьшал пустые расходы. Подданные империи чрезмерно этим были обрадованы. Но теперь в весеннее время, посвященное собственно земледелию, мы посылаем местное население исправлять дороги для проезда государя. Если рассмотреть это дело, то оно вовсе не нужно. Кроме того, что в сии годы по всем губерниям были неурожай. Местные жители, доставляя корм для казенных лошадей, неся труды по записи их на военную службу и занимаясь копанием рвов, совершенно истощили и силы, и имение. От этого бежавшие не возвращаются, и цена на хлеб непомерно высока. Но когда государь отправится туда со всей свитой, тогда цена на съестные припасы еще более возвысится. Между тем, как и теперь, несколько тысяч человек ежедневно покупают для себя оные в малом количестве^{354*}. Прежде еще привозили хлеб для продажи купцы из губерний Северной столицы, но теперь, при дороговизне съестных припасов, едва ли прибудут в надлежащее время. Тогда народ, томимый голодом, подобно как в прежние годы, побьет лошадей чиновника тай-вэй, расхитит плоды и овощи чиновника тай-фу и, в негодовании и скорби, произнося оскорбительные слова, поднимет бунт. "За страстями народа, - сказано в Книге правления^{355*}, - надлежит смотреть в особенности, ибо трудно сберегать народ низкий". Колено Би-ли-гэ-бова хитростями уже переманило к себе два поколения, кои несколько десятков лет охраняли наши границы на юге и севере. О таком волнении на границах надлежит подумать. Пренебрегши сим, предпринять путешествие не будет ли противно правилу премудрых, что при бесчисленных начинаниях надлежит постоянно достигать конца оных? Планета Венера видна во время дня, в Северной столице случилось землетрясение, а на севере показались красные облака, кои только с рассветом исчезают. Небо, являя сии знаки, хочет, чтобы государь исправил самого себя и тем уничтожил перевороты^{356*}. Наконец, от путешествий, предпринимаемых для удовольствия, предостерегают и древние государи. Будем ли искать примеры в дальней древности, начиная с домов Чжоу и Цин³⁵⁷, или возьмем оные из времен ближайших, нисходя до династии Суй, Тан и Ляо? У всех происходили возмущения от подобных путешествий. После этого возможно ли не быть внимательным? Возможно ли не страшиться?" Чжан-цзун последовал его представлению и тогда же говорил министрам и вельможам^{357*}: "Я хотел предпринять путешествие в северные места гор единственно для избежания жары. Но прокуроры и советники говорят мне, что везде большой недостаток в хлебе, что прежде мне не совсем было известно. Хотя я и боюсь жары, но, узнав о сем, могу ли для собственного покоя наносить беспокойство народу?" После чего он оставил свою поездку на север. Император приказал выдать из казны хлеб простому народу в Хэ-чжоу, терпевшему

^{352*} По кит. тексту вместо слов "и не будут отклонять от поездки", есть следующее выражение: "...но и пчела, и скорпион имеют яд, производящий боль, которая вначале не заслуживает внимания".

^{353*} Дословно: "...непредвидимому раскаянию..."

^{354*} В подлиннике: "...покупают для себя пищу чашками и тарелками".

^{355*} В книге Шу-цзин.

^{356*} По кит. тексту: "...хочет вразумить государя, чтобы исправлением добродетелей уничтожил перемены (природы и народа)".

^{357*} По кит. тексту: "...и тогда же сказал министрам и вельможам..."

голод. Указом повелено, чтобы нюйчжисцам, получившим на экзамене третью степень ученых, делали смотр в конном и пешем стрельбном из луков, и тех, кои окажутся лучшими, производить в чины и употреблять в должности. В пятый месяц вельможи несколько раз изъявляли желание поднести титул императору, но Чжан-цзун не согласился принять оный. Издал указ, коим за преступления, заслуживающие ссылку и меньшие оных, уменьшено наказание одной степенью, и прощены проступки, заслуживавшие телесное наказание палками. Когда вельможа Цо-гу-цин представлял исторические записи о деяниях государя Ши-цзуна^{358*}, Чжан-цзун, надев церемониальную одежду, сошел с престола в тронный Жинь-чжэн-дянь и стоя принял оные. В девятый месяц Чжан-цзун повелел Сенату, чтобы, начиная с двадцать девятого лета Дай-дин, ученым и простолюдинам^{359*}, представлявшим свои суждения о важных делах правления или о выгодах и вреде на границах, если сии суждения были приведены в действие, дать чины, а тем, кто доставил (своим советом) пользу для чиновников или народа, сделать награды. В одиннадцатый месяц указом повелено по присутственным местам в столицах, губерниях (фу), округах и уездах написать и вывесить имена чиновников, кои были судимы за лихоимство и несправедливость в должности, равно как и тех, кои заслуживали повышения за честность и исправность, дабы этим поощрить добрых и побудить исправиться порочных. В царстве Ся помер государь Ли-жинь-сяо. Его сын Ли-шунь-ю^{361*} прислал посла с известием о трауре. В двенадцатый месяц Цуй-вэнь, Го-цзянь и Ма-тай-чу тайно говорили Би-цин-шоу, рабу Чжэн-вана Юн-тао, что по гаданиям Цзэнь-цзи^{360*} должно произойти возмущение, и что его господин сделается государем. Би-цин-шоу сии слова пересказал Юн-тао. Го-цзянь умел, отчасти, по виду людей узнавать их будущность. Почему Юн-тао, призвав Го-цзянь, заставил его сделать гадания о себе, жене и детях. Тогда Го-цзянь говорил ему: "Вид великого князя отличен от обыкновенных людей, княжеская супруга и два сына величественны и знамениты". "Но старший сын первой супруги князя, - прибавил к сему Го-цзянь, - не должен быть сравниваем с прочими князьями". Юн-дао призвал Цуй-вэня и Ма-тай-чу и говорил с ними о знаках небесных, изображенных в книге Чань-цзи^{361*363*}. Цуй-вэнь сказал: "Год коровы (чоу) показывает год бедствий, происходящих от войн, и человек, родившийся в год зайца (ту), весной следующего (после коровы) года окончит войну и получит престол Го-цзянь к этому прибавил: "Вчера вечером красного цвета воздух окружал Северную неподвижную звезду, а белый луч просачивался сквозь Луну. Все это показывает на возмущение в конце года коровы и в начале - тигра, которое произведет войну". Чжэн-ван Юн-дао, совершенно поверив их словам, тайно сдружился с Чжан-ел, близким к государю, и посредством его наблюдал за действиями императора Чжан-цзуна. Цуй-вэня он сделал главным советником, а Го-цзяня и Ма-тай-чу рассылал всюду для распространения молвы. Хэнаньский тун-цзюнь-ши по имени Пу-сань-гуй имел женой младшую сестру Юн-дао, княжну Ханьскую. Юн-дао, вознамерясь просить у него в помощь хэньское войско, советовался о сем с княжной Цзэ (Цзэ-го), которая также была его младшая сестра, и просил, чтобы она заставила своего мужа Пу-лэ-ду написать Пу-сань-гую письмо. Пу-лэ-ду по приказанию Юн-дао сделал предлог, будто бы желает вступить с Пу-сань-гую в родственные связи через сватовство, послал к нему людей выведать его мысли, но Пу-сань-гуи не согласился на предложение Пу-лэ-ду, и посланные, видя его несогласие, побоялись объявить ему об измене^{362*}. Дворовый человек князя Юн-дао, по имени Дун-шоу, увещевал его оставить намерение заговора, но Юн-дао не послушал его^{363*}. Цянь-цзяну донес о возмущении Юн-дао императору Чжан-цзуну в то время, когда Юн-дао был в столице. Император повелел четырем вельможам - Вань-янь-шоу-чжень, Сюй-чи-го, Янь-бо-тун и Ни-пань-гу-цзянь - сделать следствие. Но при многочисленности соучастников (в заговоре) долго не могли окончить дело. Чжан-цзун, будучи недоволен этим, призвал Вань-янь-шоу-чжэня и других и спрашивал о ходе дела. При сем министр Цзя-гу-цин-чэнь сказал: "Верх (всякого) дела есть немедленное его решение, через то успокаиваются мысли людей". После того Чжан-цзун своему младшему дяде Юн-дао и тетке (жене Юн-дао) Бянь-юй, их двум сынам - Ань-чунь и Э-синь, княжне Чан-лэ, - всем приказал умереть, а Пу-лэ-ду, Цуй-вэня, Го-цзяня и Ма-тай-чу казнил (отсечением головы). Пу-сань-гуи не был судим, но был лишен чинов. Дун-шоу заключен в тюрьму за то, что о деле объявил другому и не донес сам, а

^{358*} По кит. тексту: "...историческое общество представило историю государя Ши-цзуна".

^{359*} Под учеными понимаются имеющие ученую степень; простолюдинами называются не получившие ученой степени.

^{360*} По кит. тексту: "...тайно объявили Би-цин-шоу о счастливых и несчастных предзнаменованиях Чань-цзи".

^{361*} Чань-цзи есть календарь (примеч. маньч. текста).

^{362*} По кит. тексту: "Хэньский тун-цзюнь-ши по имени Пу-сань-гуи питал любовь к младшей сестре Юн-дао, княжне Ханьской. Юн-дао, вознамерившись получить от него в пособие хэньское войско, советовал княжне Цзэ (Цзэ-го), которая тоже была его младшая сестра, заставить своего мужа Пу-лэ-ду послать Пу-сань-гую письмо о том, будто бы хочет вступить с ним в родство по сватовству, а между тем хотел таким образом узнать наперед его мысли. Но Пу-сань-гуи не согласился".

^{363*} В кит. тексте прибавлено: "Дун-шоу пересказал об этом товарищу Цянь-цзяну, и Цянь-цзяну донес..." и пр.

Цянь-цзяну награжден двумя тысячами связок мелкой монеты и сделан чиновником пятой степени^{364*536}. Имение Чжэн-вана Юн-дао повелено было, по конфискации, раздать по частям князьям, а имение княжны Цзэ разделить княжнам. Император Чжан-цзун послал вельможу Да-юй в царство Ся для жертвоприношения умершему государю Ли-жинь-сиу.

1193 год

Мин-чан, пятое лето. В первый месяц Чжан-цзун признал Ли-шунь-ю государем царства Ся. В третий месяц постановлено законом жертвоприношение духам солнца, луны, ветра, дождя и грома⁵³⁷. В десятый месяц Сенат представил о повышении за беспорочность службы нань-пи-сяньского⁵³⁸ (уездного) начальника Ши-су и других, числом двенадцать человек, для ревизии коих отправлен был чиновник палаты ти-син-сы^{365*}. Между избранными по повышению находился дасиньфусский чиновник Чжубу по имени Маньду. Император, зная этого человека, сказал: "Маньду легкомыслен и безрассуден, возможно ли повышать его? Ужели будем считать в употреблении людей легкомысленных и безрассудных наравне с людьми твердыми и постоянными? Притом Маньду с посредственными дарованиями. Если опасается преступить законы употреблением людей с большим умом и дарованием (нежели Маньду), то кольми паче следует ли употреблять с посредственными дарованиями^{366*}. Испытайте его снова".

1194 год

Шестое лето Мин-чан. В третий месяц Чжан-цзун сделал Пу-мулу-цзы-у⁵³⁹ младшим чиновником сы-цзянь, Тянь-чжун-ли - старшим чиновником ши-и, а Пусань-окэ - младшим ши-и⁵⁴⁰. При этом он говорил им в наставление: "В государстве звание советника не есть пустой титул. Он назначается для того, чтобы, следуя истине, приносил пользу. Господа! Я по выбору сделал вас своими советниками. Говорите мне без упущений о пользе и вреде империи, о правдивости и порочности чиновников и не будьте скрытны. Луду понижен мной не за советы, а по другим причинам. Не страшитесь говорить мне из опасения быть за то обвиненными. Исполняйте долг ваш со всей рачительностью и не будьте молчаливы". В пятый месяц чиновник, находившийся при Го-ван Юн-чжуне - старшем дяде императора, донес, что четвертый сын Юн-чжуна по имени Алихэмань, произносит пустые и злонамеренные речи. Чжан-цзун послал исследовать это прокурора Сун-цзи-кана, и донос оказался справедливым^{367*}. Кроме того, дворовый человек Юн-чжуна по имени Дагэ доносил, что его господан (Юн-чжун) однажды говорил женщине Жуй-сюэ, что когда он будет государем, ее сына сделает великим князем, а ее - второй женой (фэй). Когда повелено было исследовать и этот донос, то он также оказался справедливым. Несмотря на то, Чжан-цзун еще посылал для осведомления об этом председателя палаты церемониалов Чжан-вэя и советника военной палаты У-гу-луна, но при проверке донос опять оказался справедливым. Затем император говорил министрам: "Го-ван виноват за преступные слова, но его поступок от преступления Юн-дао". "Преступления Юн-дао и Юн-чжуна, хотя и различны, - возразил на слова императора Ма-ци, - но они, как вассалы, равно не признали над собой государя, и в этом отношении преступления их одинаковы". "По какой же причине, - спросил Чжан-цзун, - обнаружил эти слова Го-ван?" Министр Цзя-гу-цин-чэнь отвечал, что у него с начала (издавна) было такое намерение, которое и обнаружилось у него на словах. Император после того повелел, чтобы проступок Юн-чжуна объявить всем чинам, и чтобы, по общем совещании, чиновники пятой степени и ниже представили общий доклад со своими мнениями, а чиновники четвертой степени и выше явились со словесным ответом. Когда все представили, что его надлежит судить по законам, то Юн-чжуну указом повелено было умереть, а его двух сыновей приказано казнить^{368*}. В двенадцатый месяц правление Мин-чан переименовано в первое лето Чэн-ань, и объявлен милостивый манифест.

^{364*} В кит. тексте прибавлено: "...и принять в придворную стражу".

^{365*} По кит. тексту: "...представлял о возвышении к должности ти-син-сы наньпи-сяньского начальника и других, числом 12 человек, кои при ревизии найдены по поведению честными".

^{366*} По кит. тексту: "...когда не должно употреблять людей и с большим умом и дарованием, из опасения нарушить законы (фэн-су), то кольми паче..." и пр.

^{367*} По кит. тексту: "Император послал исследовать это прокурора Сун-цзи-кана, который открыл при этом, что и второй сын Юн-чжуна по имени Шеньтумэнь в песнях выражает непокорность. А дворовый человек Юн-чжуна..." и проч.

^{368*} По кит. тексту: "Таким образом, все представили, что Юн-чжуна должно судить по законам, один только Лу-ли-юн просил об освобождении его от смертной казни".

1195 год

Первое лето Чэн-ань. Во второй месяц Чжан-цзун указом повелел Сенату (рассмотреть) дела об осужденных на смертную казнь, хотя бы на сделанный о них доклад. И последовало решение, подвергнуть вторичному исследованию, из опасения клевет и сомнений, и снова входить с представлением ("Жизнь людей драгоценна, и не годится не радеть о ней"). В шестой месяц, по недостатку хлеба у народа, император приказал выпустить сто тысяч мешков риса из казенных магазинов и продавать по умеренной цене. В уезде Пин-цзинь-сянь³⁶⁹ в доме крестьянина Ли-туна шелковичный червь сам собой произвел шелковую ткань, которая в длину имела семь футов и полтора вершка, а в ширину - четыре фута и девять вершков. Император повелел наградить хозяина четырнадцатью кусками шелковых тканей.

1196 год

Чэн-ань, второе лето. В пятый месяц император, собрав всех чиновников, говорил следующее: "Ныне законы утратили свою силу, а чиновники сделались беспечны и нерадивы, день ото дня оставаясь невнимательны к делам^{369*}, они приучились к обманам. Начальники, надеясь случайно приобрести доброе имя, думают единственное о своем спокойствии. На что же будет опираться правительство^{370*}?" По случаю рождения сына у императора преступники (заслужившие смерть) освобождены от смертной казни, а заслужившие ссылку совершенно прощены. В восьмой месяц, по причине беспокойства на границах, император, собравши в Сенат чиновников от шестой степени и выше, спрашивал их о предприятии наступательных или оборонительных действий. Причем сказал: "Господа! Не принимайте в счет различия в высоте и незначительности должностей столичных и провинциальных чиновников. Искусных в военном деле, храбрых и даровитых, умеющих обращаться и употреблять людей представляйте по три и четыре человека к одной должности с тем, чтобы употребить из них (одного) по выбору. Но чтобы вы, выжидая один другого, не остались невнимательны к своим суждениям, повелеваю вам в продолжении пяти дней представлять доклад^{371*}". В этом собрании находилось всего 84 человека, дававших свои мнения; в числе их было 5, говоривших о наступательных действиях, 46 - об оборонительных и 33 - о наступательных и оберегательных мерах вместе. В одиннадцатый месяц Чжан-цзун говорил министрам: "Живя внутри дворца за девятью стенами, мне трудно знать все дела народа. Министры! Если и вы не будете иметь связи с частными людьми, то откуда будем знать выгоды и невыгоды народа?"

1197 год

Третье лето Чэн-ань. Во второй месяц государь говорил министрам: "Ныне оказался недостаток в чиновниках в столице и по провинциям. Когда найдутся люди с дарованиями, годные к употреблению, донесите мне о них, хотя бы они и не дослужили срока до повышения; не отдаляйте их под предлогом родства или знакомства^{372*}". В четвертый месяц император говорил прокурорам: "При дворе нашем между высшими и низшими чиновниками, хотя и есть люди с дарованиями и умением, но я весьма недоволен теми из них, кои нерачительны в делах. Исследуйте их и сделайте мне представление^{373*}".

1198 год

Четвертое лето Чэн-ань. В пятый месяц вельможа Чень-цзай представил императору доклад, состоящий из четырех пунктов следующего содержания: "Во-первых, что пограничные жители терпят бедствия от

^{369*} По кит. тексту: "...день за днем отсрочивая дела..." и проч.

^{370*} В кит. тексте прибавлено: "...что касается до лицемерия и подкупов, то сенаторы, начальники палат и провинциальные вельможи наиболее склонны к этому. Сенат в предосторожности должен объявить о сем".

^{371*} По кит. тексту: "...из столичных и провинциальных чиновников найдутся ли они, отличны по соображению, дарованиям и храбрости, или замечательны по умению употреблять людей. Надлежит, не принимая во внимание высших и низших между ними по должности, представлять от трех до пяти человек с тем, чтобы по выбору употребить (из них одного). Не оставайтесь без ваших предположений, выжидая один другого".

^{372*} По кит. тексту: "...когда откроются вакансии на чиновнические места в столице или во внешних провинциях, и если найдутся люди с дарованиями, могущие занять открывшиеся должности, то, хотя бы они и не выслужили срока для производства к высшим должностям, делайте о них представление и не уклоняйтесь от представления о них, хотя бы они были ваши родственники или знакомые".

^{373*} По кит. тексту: "...хотя и есть люди со способностями и дарованиями, но большая половина между ними нерадивых. Я весьма недоволен ими. Исследуйте таковых и представьте мне".

нападений мятежников; во-вторых, что земледельцы доведены до крайней бедности продовольствием наших войск; в-третьих, что после продолжительного исследования ложных обвинений, при решении оных всегда оказывают снисхождение подсудимым, через это поистине потворствуют даже и тем, кои обвинены справедливо; в-четвертых, что чиновники походных правлений³⁴² в особенности пользуются высочайшими наградами, а служащим на границах не оказывается никаких милостей. При таких несообразностях с правосудием возможны бедствия - засухи и наводнения". Чжан-цзун признал этот доклад справедливым. Император, по причине засухи от бездождия, просил в храме Тай-мяо³⁴³ о дожде. Так как после сего дождя выпало довольно, то (он) предписал местному начальству сделать благодарственное жертвоприношение за ниспослание дождя в храме Тай-мяо и в жертвеннике Шэ-цзи (духу земли и произрастаний)^{374*}. По причине продолжительного безведрия (непогоды) в Да-син-фу, император повелел просить о прекращении дождя. В десятый месяц Чжан-цзун предписал приказом в столицах, областных, окружных и уездных городах построить по одному дому презрения (пу-цзи-юань) и ежегодно с десятого по четвертый месяц следующего года готовить в них пищу для бедных.

1199 год

Пятое лето правления Чэн-ань. В двенадцатый месяц издан высочайший манифест, коим объявлено, что будущий год переименовывается в первый год правления Тай-хао.

1200 год

Первый год правления Тай-хао. В одиннадцатый месяц, по особенной привязанности императора к Ли-ши, все дела шли через руки ее братьев, и вельможи часто являлись к ним на дом. В это время в продолжении нескольких дней дул сильный ветер, и было мрачно. Чжан-цзун издал указ, коим вопрошал о причине перемен небесных. Вельможа Чень-цзай представил ему доклад следующего содержания: "Милосердие, справедливость, благополучие, мудрость и верность суть пять непреложностей; отеческая правота, материнское сердоболье, любовь старших и уважение младших братьев, сыновняя преданность суть пять добродетелей³⁴⁴. Ныне пять непреложностей не имеют силы, а пять добродетелей потеряли свою важность. Чиновники и ученые, оставив благородство и правосудие, забыли честь и стыд. Простой народ, поправ законы, идет против истины и не знает куда обратиться от своих заблуждений. По уничтожении непреложностей Неба, единокровные родственники, нанося обиды друг другу, с каждым движением разрушают согласие. Сии перемены не суть одного дня и одной ночи. Итак, надлежит восстановить ослабевшие законы государства, сообразуясь с духом народа. Тогда только водворится повсюду мир и наступит благоденствие, когда по-прежнему получают силу обязанности отца и мужа с женою. Ныне в правлении находятся два предмета, требующие всей внимательности. Во-первых, надлежит направить к прямой цели мысли чиновников. При тщательном наблюдении заметил, что чиновники не понимают своего долга (благородства и правосудия) и большая часть из них стремится за выгодами. Как же могут они заставить народ следовать преобразованию? При употреблении людей на службу достойнейшими из них почитаются те, кои обладают великими и непоколебимыми добродетелями, а за ними те, кои имеют отличные дарования. Когда сначала будут употреблены люди, вмещающие в себе сии два свойства, а потом люди с дарованиями, хотя посредственными, но честного поведения и, наконец, когда будут удалены от дел люди с худым поведением, хотя бы они были со способностями и познаниями, тогда служащие вообще обратятся к правоте. Во-вторых, надлежит направлять к добру мысли учащихся. Ибо следование Высочайшему преобразованию первоначально внушается в училищах. Ныне учащиеся, утратив первоначальное истинное учение, презрели глубокий смысл священных книг и истории и больше не изучают их. Пустословя в напыщенных выражениях, они домогаются единственно получения жалования и приобретения собственных выгод^{375*}. Надлежит повелеть, чтобы на экзаменах спрашивали экзаменующихся об основных истинах священных книг и истории, и тем побудить их обращать внимание на существенное. Когда учащиеся не будут прельщаться пышными, но пустыми выражениями, тогда из этого будет польза". Чень-цзай еще говорил: "Дела государства в одно время бывают многообразны, и хотя бы по виду они казались подобными, но, при всем том, между ними должна быть разница. В законах нельзя вполне показать сего различия, поэтому дела по близкому сходству между собой, будучи неясны, производят разные мнения.

^{374*} Благодарственные жертвоприношения в Тай-мяо и Ше-цзи в кит. тексте описаны в разное время по случаю выпадения двух дождей, бывших в разные времена.

^{375*} Здесь говорится об экзаменных задачах, которые учащиеся делают на получение ученой степени и должности.

Конфуций говорил, что истина есть конец дела. Государь! При решении тобой разных дел, поверяй неодинаково толкуемые дела по собственному суждению и разыскивай коренные причины оных. Тогда решение будет верно и сомнение сделается ясным". Это представление совершенно было согласно с обстоятельствами того времени. Чжан-цзун, хотя и принял оное, но не мог привести его в действо.

1201 год

Второе лето Тай-хао. В девятый месяц Чжан-цзун, ко дню рождения сунского императора отправляя, по обыкновению, в государство Сун посла Вань-янь-тана с другими, говорил ему следующее: "Два государства в хорошей дружбе между собой, и вы не должны заводить спора о делах маловажных, чтобы не испортить великого дела политики". В уезде У-ань-сянь⁵⁴⁵ видели птицу фын-ху-ан (феникс). Император издал об этом манифест.

1202 год

Третье лето Тай-хао. В четвертый месяц Чжан-цзун приказал чиновнику Дянь-чжан-сы, чтобы во время явки во дворец уволенных от должности чиновников, престарелые входили в оный с тростью или поддерживаемые людьми.

1203 год

Тай-хао четвертое лето. Весной в первый месяц помер корейский король Ван-чжо⁵⁴⁶. Сын его Ван-ин преемственно наследовал престол и прислал в царство Цзинь посла, извещая о трауре. Во второй месяц Чжан-цзун постановил приносить жертвы трем Хуан, пяти Ди и четырем Ванам^{376*547}. Третьего месяца в день фулахунь гулмахунь (красного зайца) померкло солнце, и сильным порывом ветра разрушило угол кровли на воротах Сюань-ян-мынь. Государь повелел определить, которым из государей и великих князей прежних династий надлежит делать жертвоприношения. Члены палаты церемониалов представили доклад следующего содержания: "Обряд жертвоприношения трем Хуан, пяти Ди и четырем Ванам уже постановлено совершать через три года однажды. Ныне, когда угодно Вашему Величеству почтить жертвоприношениями и других государей, находим приятным приносить жертвы следующим 17 государям: династии Ся - Тай-кану; династии Инь - Тай-цзя, Тай-у и У-дин; из дома Чжэу - Чен-вану, Кан-вану и Сюань-вану; из дома Хань - Гао-цзу, Вэнь-ди, Цзин-ди, У-ди, Сюань-ди, Гуан-у, Мин-ди и Чжан-ди; из дома Тан - Гао-цзу и Тай-цзуну"⁵⁴⁸. Чжан-цзун согласился на это представление и приносил жертвы сим государям. В четвертый месяц, по причине продолжительной засухи, Чжан-цзун издал указ, в коем виной бедствия признавал самого себя, просил касательно сего верных донесений от подданных. Он перешел из главного дворца в другой, ограничил для себя порцию пищи, прекратил музыку и уменьшил число лошадей (на конюшне). Освободил от казенных работ, податей и пошлины того года потерпевшие от засухи округа и уезды. Разослал особых чиновников для исследования преступников, долгое время находившихся в темницах, и повелел им разыскать невинно осужденных. Так как вельможи представили доклад, в коем вину бедствий слагали на себя, то император Чжан-цзун в ответ на сей доклад издал следующий указ: "Я потерял добродетель, и Небо ниспосылает за это несчастья. Господа! Всякий из вас примерами своей должности, согласно моему желанию, да способствует мне в правлении!" Чжан-цзун в храме предков, на северной долине, просил о дожде, после чего и выпал дождь.

1204 год

Пятое лето Тай-хао. В третий месяц сунское войско вступило в Лай-юань-чжэнь⁵⁴⁹ округа Гун-чжэу. Жители Цзиньского округа Танч-жэу поймали сунского лазутчика и при допросе узнали от него, что сунский полководец Хань-то-чжэу, собрав войско в Э-ио⁵⁵⁰, хочет напасть на Север. Чжан-цзун, узнав об этом, сделал вельможу Пу-сань-гуй в губернии Хэ-нань чиновником сюань-фу-ши и поручил ему, собрав войска из всех губерний, приготовиться против сунцев. При отправлении его к войску Чжан-

^{376*} Три Хуан суть: Тянь-хуан (владыка неба), Ди-хуан (владыка земли) и Жинь-хуан (владыка людей). Пять Ди суть: Фу-си, Шэнь-лун, Хуан-ди, Яо и Шунь. Четыре Вана: Юй, Чен-ян, Вэнь-ван, У-ван.

цзун говорил: "Со вступления моего на престол ни один из министров не служил мне долее тебя. Мог ли бы ты сего достигнуть, если бы не сообразовался с обязанностями вассала в отношении к своему государю и не составил с ним одного тела и сердца? Твой отец^{377*}, равно быв министром при прежнем государе, предводительствовал войском на южных границах и показал свою ревность к государю. В настоящее время, употребив тебя, я думаю, что не ошибся в выборе. У меня нет страсти распространять пределы государства и производить великие дела, я только хочу внутри и вне империи водворить спокойствие. Если царство Сунское согласно будет покориться, то и довольно. Но если оно не захочет оставить своих злых намерений, то ты, устроив войско и перешед реку Хуай-хэ, водвори спокойствие в царстве Сун и возвысь тем заслуги твоего отца". По окончании речи государь подарил ему лучшую лошадь со своей конюшни, яшмовый пояс, шелковые ткани и лекарственные напитки. Пу-сань-гуй, по прибытии в Бянь-цзинь, собрал военачальников и войска и начал учить их военному искусству. После сего слава о его войске сделалась гласной^{378*}. Двор сунский признал себя виновным и прислал послов ко двору Цзинь.

1205 год

Шестое лето Тай-хао. В первый день первого месяца, по обыкновению, являлись с поздравлением послы из царств Сун, Кореи и Си. При обратном отъезде сунского посла Чэнь-Кэ-цзюня с прочими^{379*}, Чжан-цзун послал вельможу Мэн-чжу сказать ему следующее: "Мой дед Ши-цзун согласился считать сунских государей своими племянниками. Я с благоговением соблюдал оставленное им завещание и доселе жил в мире и дружбе. Сверх ожидания, ваш двор позволил восстать мятежникам и вторгнуться в наши пределы, почему я послал моих первостепенных вельмож для успокоения народа и войска в Хэ-нань. Когда же получил от вашего правительства бумагу о том, что за беспорядок пограничные вельможи разжалованы и отставлены от должностей, и что войска будут отведены с границ, то, заботясь о спокойствии целой империи, я оставил без внимания небольшое зло (причиненное бунтовщиками) и тотчас повелел главнокомандующему (Пу-сань-гую) возвратиться. Но вскоре ваши мятежники еще больше прежнего сделались дерзки. Теперь мои вельможи беспрестанно говорят мне, что ваш двор нарушил клятвенный договор, но я, думая о продолжительности мира (между двумя государствами), еще остаюсь равнодушен, из опасения, что ваш государь, быть может, не совершенно знает об этом. Но если после сего разбои по-прежнему не будут прекращены, и мои вельможи будут говорить мне об этом, то я, при всем моем сострадании к жизни людей, могу ли оставить это дело? Господа, по возвращении перескажите мои слова вашему государю". Сунский генерал У-си, охранявший Син-юань, отправил войско для осаждения цзиньской крепости Мусулун^{380*381}. Цзиньский генерал Чан-ань, напав на оное, заставил отступить, причем убил одного сунского генерала. После сего сунское войско снова вошло в места Чемугу. Цзиньский генерал Вань-янь-гола, бывший главнокомандующий в губернии Шань-си, и начальник конницы города Гун-чжэу генерал Вань-янь-ци-цзинь, по условию с сунским полководцем, охранявшим крепость Хэ-чжэу³⁸², сошлись для переговоров на границе. Сунское войско, находившееся в засаде, напавши на них с тыла, обратило в бегство; при этом убито восемь человек, в числе коих и Чжа-го-янь-сюн, старшина княжества Мубо³⁸³. Сам Вань-янь-гола был ранен и вдвоем с Вань-янь-ци-цзинем, завязнув в болоте, едва могли выбраться из оног^{381*}. В четвертый месяц сенаторы доносили императору следующее: "Губернии Хэ-нань чиновник тун-цзюнь-ши доносил, что сунский генерал Хуан-фу-бинь разделил войско на две дороги с тем, чтобы 40 тысяч одного шли для нападения на наш город Дэн-чжэу, а еще для взятия города Тан-чжэу; 30 тысяч отправились другой дорогой, почему нам должно приготовиться к обороне". Император согласился на это представление и, поручив войска четырем генералам - Хэшиле-и, Тушань-и, Хэшиле-цзы-женю и Хэшиле-чжи-цзуну, предписал им указом, став на границе, встретить сунское войско^{382*}. В пятый месяц сунский генерал Ли-шуан окружил Шэу-чжэу, а генерал Тянь-цзюнь-май

^{377*} Отец Пу-сань-гуя был Пу-сань-сун-и.

^{378*} В кит. тексте прибавлено: "...в то время случился день рождения императора. Государь послал своего сына Ань-чжен угостить Пу-сань-гуя обедом и приказал ему поднести яшмовую чару с вином. Кроме того, император после осенней облавы подарил ему хвосты и языки оленей, убитых самим государем. Двор сунский признал себя виновным, почему война прекращена, и Пу-сань-гую повелено было возвратиться".

^{379*} По кит. тексту: "...после отпускной аудиенции Сунского государства..."

^{380*} В кит. тексте: Мушун.

^{381*} По кит. тексту: "Вань-янь-гола на коне завяз в болоте и был прострелен стрелою; Ци-цзинь едва спасся".

^{382*} По кит. тексту: "Хэнаньский тун-цзюнь-ши доносит, что Хэшиле-цзы-жень посылал Янь-чжена, Янь-чжуна, Чжоу-сиу и других в Сян-янь для разведывания о намерении неприятеля. Посланные, по возвращении, говорили, что Хуан-фу-бинь отправил 40 тысяч войска для завладения городом Дэн, сделав при оном вожатым изменника Тянь-юаня, и 30 тысяч для отнятия Тан-чжэу, сделав при них вожатым Чжан-чжена и Чжан-шена. Они

вошел в город Ци-сянь⁵⁵⁷. Сунский генерал Цинь-сянь напал на Цай-чжэу, но цзиньский Вань-янь-фу-чжу разбил его. Чжан-цзун в жертвенниках Неба и Земли в Тай-мяо и жертвеннике Шэ-цзи⁵⁵⁸ объявил о нарушении клятвенного договора сунцами по начатии войны. Войско сунское было многочисленно, между тем, как у цзиньцев вновь набранные войска в северо-восточных губерниях еще не все прибыли, а войска, находившиеся в Хэ-нань, были недостаточны для сопротивления неприятелю, почему Чжан-цзун велел 15 тысяч войска из Хэ-бэй, Дай-мин-фу, Бэй-цзин (Северной столицы) и Тянь-шен⁵⁵⁹ расположить в Чжэнь-дине, Хэ-цзяне и Цин-сяне⁵⁶⁰ с тем, чтобы в случае опасности подавать помощь (один другим). Сунский генерал Тянь-цзюнь-май напал на Су-чжэу, но генерал Налань-банле с другими вышел из крепости, сразился и разбил его. Войско Тянь-цзюнь-мая отступило к крепости Ци-сянь, где Налань-банле разбил оное вторично и взял в плен самого Тянь-цзюнь-мая. Тогда как сунский генерал Хуан-фу-бинь напал на Тан-чжэу, цзиньский чиновник цы-ши по имени Угусунь защищался против него с малым числом войска. Главнокомандующий Пусань-гуй, услышав об этом, послал к нему на помощь генерала Нахо-цзюнь-шена, после чего Хуан-фу-бинь был разбит. Пусань-гуй при донесении о разбитии сунского войска при городе Цисянь прислал взятого в плен сунского полководца Тянь-цзюнь-мая. Чжан-цзун, манифестом выхваляя заслуги, произвел в следующие чины и наградил вещами: Хэшиле-чжэня, Налань-банле и Ши-гэта. Сунский генерал Лишу-ан осадил Шэу-чжэу, но при твердом сопротивлении начальника города Тушань-ши, в продолжении целого месяца не мог взять его. В это время на помощь к осажденным прибыли с войском хэнаньские чиновники пань-гуань⁵⁶¹ по имени Ци-чжу и Май-гэ. Тушань-ши, отвечая им, вышел с войском из города. Лишу-ан был совершенно разбит. Цзиньский главнокомандующий дивизией правого крыла Вань-янь-сайбу разбил войско сунского чиновника Цао-тун-чжи при водах Чжэнь-шуй⁵⁶². При новом донесении Пусань-гуя о заслугах победителей, Чжан-цзун начальника города Шэу-чжэу Тушань-ши возвел в чин фань-юй-ши-пулей-гу, в полководцы Амба Цзян-цзюнь⁵⁶³, Ци-Чжу - в цзедуши и Май Гэ - в пань-гуань; Вань-янь-сайбу и его помощника Пусань-вань-пу произвел в следующие чины и наградил их по заслугам серебром и шелковыми тканями^{383*}. Когда сунский генерал Шан-жун⁵⁶⁴ напал с восточной стороны на Хай-чжэу, уездный начальник Вань-янь-бянь-сэн, сразившись с ним, одержал победу, но, возвращаясь в город, был убит из засады стрелой. Бянь-сэн по смерти был пожалован в цы-ши города Хай-чжэу, его семейству дано в награду сто лан серебра и сто концов шелковых тканей, а чин отца повелено преемствовать сыну. Сунский генерал Ци-чунь с морским войском напал на город Пи-чжэу⁵⁶⁵. Цзиньский генерал Вань-янь-цун-чжен разбил его. Ци-чунь, в крайности бросившись в воду, утонул, а его помощник был убит. Цзиньский генерал Чэн-юй с другими разбил сунского полководца У-си, вошедшего с 50 тысячами войска в области Цинь-чжэу. В восьмой месяц генерал Пуча-чжэнь разбил сунского Чэн-суна, подступившего с севера к Фан-шань-юань⁵⁶⁶. Чжан-цзун даровал прощение преступникам в уездах и округах тех губерний, в кои входили войска, равно простил хлебную подать следующего года^{384*}. В девятый месяц Чжан-цзун повелел Сенату отыскивать и назначать к должностям людей, более других искусных в военном деле и более других способных исправлять дела, неожиданно встречающиеся. Сунские генералы У-си, Фэн-синь, Ян-сюн и Ли-гуй вступили с войском в Цин-чжэу. Шанский помощник дивизионного генерала Чэн-юй с другими, вступив в сражение, разбил их; при этом Ян-сюн и Ли-гуй были убиты. В десятый месяц цзиньский главнокомандующий Пусань-гуй, предводительствуя войсками всех губерний, пошел воевать в пределы Сун. Сам Пусань-гуй с 30 тысячами войска^{385*} вышел в Пишэу⁵⁶⁷. Чиновник тун-цзюнь-ши по имени Хэшиле-цзы-жэнь с 30 тысячами войска выступил через заставу Гу-кэу⁵⁶⁸. Главнокомандующий Вань-янь-куан с 25 тысячами прошел чрез Тан-и-дянь. Корпусный генерал левого крыла Хэшиле-чжи-чжун с 20 тысячами прошел чрез заставу Цин-кэу⁵⁶⁹. Корпусный генерал правого крыла Чун с 10 тысячами войска вышел в Чэн-цан⁵⁷⁰. Инспектор правого крыла Пуча-чжэнь с 10 тысячами вошел в Чэн-цзи⁵⁷¹.

все (три изменника) получили чин тун-лин⁵⁵⁴. По сей причине он (тун-цзюнь-ши) решился приготовиться к обороне: войска из областей Чжэн-лиу, Ян и Ди⁵⁵⁵ соединились в Чан-у, вверив управление их наньцзиньскому коменданту Хэшиле-цзю; войска из Бо, Чэнь, Сян и И⁵⁵⁶ соединились в Гуй-дэ, вверив в управление хэнаньскому помощнику корпусного командира Тушань-и; сам он (тун-цзюнь-ши) со своим войском расположился в Бянь. Кроме того, он думает 17 тысяч войска из восточной и западной областей Шань-дуна поручить Хэшиле-чжи-чжуну и поставить его в Да-мин, а 17 тысяч войска из восточной и западной губерний Хэбэйских расположить в Хэ-нане, дав всем им лошадей; престарелых и молодых между ними заменить возмужалыми. Император изъявил согласие на представление".

^{383*} По кит. тексту: "...когда Пусань-гуй донес о победе при Шэу-чжэу, император указом освободил жителей Шэу-чжэу от податей и пошлинных сборов и объявил прощение преступникам; Тушань-ши сделал в Шэу-чжэу чиновником фан-юй-ши, а Пулегу произвел в да-цзянь-цзюнь и подарил им 300 тысяч мелкой монеты".

^{384*} По кит. тексту: "...и простил третью часть податей и налогов будущего года в округах Тан, Дэн, Инь, Цай, Су и Сы".

^{385*} По кит. тексту: "Сам Пусань-гуй с 30 тысячами войска вступил в Ин-и-шэу".

Чиновник ань-фу-ши по имени Вань-янь-ган с 10 тысячами войска пехоты и конницы, состоявшего из китайцев и монголов⁵⁷², пришел в Линь-тань⁵⁷³. Ду-цзун-гуань⁵⁷⁴ по имени Шилю-чжун-вэнь с 5 тысячами войска вышел в Лай-юань⁵⁷⁵. Выступив в одно время девятью дорогами, цзиньское войско в одиннадцатый месяц достигло границ царства Сун⁵⁷⁶. В одиннадцатый месяц цзиньский генерал Вань-янь-куан взял приступом сунский город Цзао-ян⁵⁷⁷. Пусань-гуй разбил Ань-фуэн-цзюнь⁵⁷⁸ и взял уезд Хо-циу. Хэшиле-чжи-чжун взял крепость Хуай-инь и потом осадил город Чу-чжэу. Вань-янь-куан поразил сунские войска в Гуан-хуа⁵⁷⁹ и Шень-мане. По прибытии Пусань-гуя к реке Лу-цзян⁵⁸⁰, главнокомандующий цзян-хуайского войска⁵⁸¹, сунский генерал Циу-чун, прислал Лю-ю с предложением о мире. Цзиньский Хэшиле-цзы-жень взял приступом Дин-юань-сянь⁵⁸², а Вань-янь-куан овладел городом Суй-чжэу⁵⁸³. Хэшиле-цзы-жень еще взял Чу-чжэу⁵⁸⁴. Цзиньский Вань-янь-куан осадил Дэ-чжэу^{386*585} и, разослав отдельные отряды, взял шесть уездов: Аньлу, Ин-чэн, Юн-мэн, Сяо-гань, Хань-чуань⁵⁸⁶ и Цзинь-шань. Вань-янь-ган, осадив город Ю-чжэу⁵⁸⁷, заставил оный покориться. Сунский вельможа Чиу-чун вторично прислал Линь-гуна с письмом о заключении мира. Цзиньский Вань-янь-куан, напав на крепость Сян-ян, взял внешнее укрепление оной. Пусань-гуй взял приступом две крепости: Хань-шань⁵⁸⁸ и Мань^{387*}. Пуча-чжень покорил уезд Тянь-шуй. Хэшиле-цзы-жень взял два уезда: Лай-ань и Чуань-цзяо⁵⁸⁹, а генерал Вань-янь-ган покорил Ли-чуань и Люй-чуань. Сунский министр Циу-чун еще прислал Сун-сяня с письменным предложением о мире и с подарками, состоявшими из шелковых тканей. Цзиньский Вань-янь-ган еще овладел крепостью Дан-чан. Пуча-чжень⁵⁹⁰ взял приступом Си-хэ-чжэу. В двенадцатый месяц цзиньский Вань-янь-куан взял приступом крепость И-чэн⁵⁹¹. Во время нападения главнокомандующего Пусань-гуя на крепость Хэ-чжэу убит генерал Шигэда, будучи ранен стрелой неприятельской. По прибытии Вань-янь-гана в уезд Да-тань, жители датаньские добровольно покорились. Пуча-чжень взял приступом крепость Чэн-чжэу. Сунский генерал У-си, охранявший губернию Сы-чуань, в письме в Вань-янь-гану изъявил готовность покориться. Корпусный генерал правого крыла по имени Чун овладел заставой Да-сань-гуань. Хэшиле-цзы-жень взял Чжень-чжэу. Сунский Циу-чун опять прислал Чень-би и других с просьбой о заключении мира. Корпусный генерал правой стороны по имени Чун отправил генерала Уянь-чао-хэ с частью войска к Фэн-чжэу⁵⁹². Жители города пришли в смятение, и Уянь-чао-хэ во время замешательства вошел в Фэн-чжэу. Вань-янь-ган отправил к У-си генерала Чжан-цзы. По прибытии Чжан-цзы к заставе Чжи-кэу, находящейся при Синь-чжэу⁵⁹³, У-си совершенно изъявил свою готовность покориться. Тогда Чжан-цзы сказал ему: "Доставь мне инструкцию, данную тебе государем, я хочу взять ее, чтобы по возвращении объявить оную". Согласно с сим требованием, У-си показал все бывшие у него предписания и отослал оные с Чжан-цзы^{388*}. После сего главнокомандующий Пусань-гуй с войском пошел обратно. Вань-янь-ган, по повелению императора отправив к У-си генерала Малян-сянь с императорским указом и печатью государства Цзинь, возвел его в достоинство князя Шу⁵⁹⁴. После чего У-си с подведомственными ему чиновниками Го-ченем и Жинь снова прислал Чжан-цзун-хану доклад, коим благодарил за возвышение. Вместе с оным (он) прислал карту своего княжества Шу и родословную дома его отца и деда.

1206 год

Седьмое лето правления Тай-хао. Весной в первый месяц цзиньский Вань-янь-куан овладел крепостью Гу-чэнь⁵⁹⁵. Во второй месяц помер главнокомандующий Пусань-гуй. Вместо него главнокомандующим войск Южной столицы сделан старший министр Цзун-хао. В этом месяце сунский вельможа Ань-бин, употребив хитрость, убил У-си - князя царства Шу. В третий месяц сунские войска обратно взяли Цзе-чжэу⁵⁹⁶ и Си-хэ-чжэу. По прибытии Вань-янь-гана в Фэн-сян-фу⁵⁹⁷ ему повелено, соединив войска пяти округов, охранять необходимейшие места, почему Вань-янь-ган приказал войску возвратиться. Чжан-цзун Вань-янь-куана сделал полководцем левого крыла, а Хэшиле-цзы-жэня - полководцем правой стороны. От сунского генерала Чжан-ян-яя прибыл к главнокомандующему Фан-синь-жу с бумагой, в коей просили о заключении мира. Но как содержание присланной бумаги еще не показывало покорности, то Цзун-хао ее не принял и отвечал через Фан-синь-жу следующее: "Ваш государь должен назваться вассалом, отделить нам часть своих владений и прислать коварных вельмож, кои первые подали совет к начатию войны". Чжан-янь снова прислал Фан-синь-жу с клятвенным листом от его государя Чжао-Куана⁵⁹⁸. Фан-синь-

^{386*} В кит. тексте: Дэань.

^{387*} По кит. тексту: "...взяли приступом Хань-шань".

^{388*} По кит. тексту: "Вань-янь-ган послал генерала Чжан-цзы для свидания с У-си на заставу Чжи-кэу в Синь-чжэу. У-си совершенно изъявил свое согласие на покорность Цзиньскому государству. Когда Чжань-цзы потребовал от него императорское предписание (инструкцию), с тем, чтобы представить ее государю, он отдал все бывшие у него бумаги".

жу по прибытии объявил, что его государь Куан приказал отправить трех послов: одного по случаю дня рождения цзиньского государя, другого по случаю заключения мира между двумя государствами, третьего с известием о трауре по случаю смерти его бабки Се-ши. Он представил Цзун-хао письмо от Чжан-яня, которое было следующего содержания: "Из бумаги, присланной вами в ответ с нашим послом, мы увидели, что, дорожа жизнью людей, вы забыли наши несправедливые поступки и явили к нам свои милости. Узнавши это, я был в восхищении и в своем донесении государю подробно описал, что милосердие великого Хуан-ди царства Цзинь равно (беспредельности) простертого над нами неба и содержащей нас земли, а добродетели главнокомандующего подобны водам океана, вмещающего в себя все воды, и весне, размножающей всех родов произведения. На этот доклад я получил повеление от моего государя отправить немедленно посла для изъявления лично благодарности перед цзиньским государем. Поэтому я снова отправил к вам прежде послаемого Фан-синь-жу для испрошения у вас решительного отзыва касательно заключения мира. Совершенно полагаясь на суд высокого ума вашего, я уверен, что для вас ясны мои намерения. Итак, прошу выслушать снова мои предложения. Правда, что поводом к войне было нарушение верности нашим двором, но за этот проступок он не замедлил строго наказать коварных вельмож за их злонамеренность и обман. В прошлом году в пятой луне был изгнан Дэн-ю-лун, а в шестой луне придан казни Су-ши-дань и другие вельможи. В то время войска вашего великого государства еще не выступили. Оставив город Си-чжэу³⁸⁹, взятый нашим царством, все войска, находившиеся за границей, мы вывели внутрь оной. Из этого можно видеть наше истинное раскаяние. Впрочем, что касается до титулования и отношений двух государств, то в настоящее время то и другое изменилось против прежнего. Наш государь не имел намерения начинать войну. Притом ваши требования очень велики. Нашему государю неприлично принять название вассала, а места за великой рекой (Цзян⁶⁰⁰) для нас служат щитом. Если, согласно требованию, отдадим их вам, тогда что будет составлять наше царство³⁸⁸? Великий Двор должен со вниманием о сем подумать. Что касается до главных зачинщиков войны, как то: Дэн-ю-луна и других, то их преступление состоит в обмане своего государя, и сие преступление не может быть оставлено. Но если отошлем их к вам, тогда какую будет иметь власть наш государь в наказании вельможей своего царства? Мы согласны дополнить то число шелковых тканей, ежегодно в дань представляемых, которое было во времени Дай-дин³⁸⁹*. И ужели ваш двор будет обращать на это внимание? Мы только хотим доказать сим свое сознание в проступке. Высокий Двор, без сомнения, обратил на это внимание и не станет слишком заниматься количеством вещей. Притом с начатия войны народ постоянно принужден был переносить убытки, посему все собираемые с оного подати были оставлены. Теперь, если решимся снова обложить народ большими, в сравнении с прежними, налогами с тем, чтобы отдать вам, то народ дойдет до крайности. Я уверен, что великое государство этого не захочет³⁹⁰*. Вы требуете, чтобы возвратили вам перебежчиков, но, при их беспрестанных переменах мест, нам еще неизвестно, в какое время, где они бывают. Наш государь не имеет в них нужды, а потому и не заботится о том, уходят ли они или приходят. Притом при государе Вань-янь-ляне в наше государство переходили знаменитые фамилии и славные полководцы вашего высокого государства, с коих два двора при заключении мира утвердили, чтобы таковых перебежчиков ни одно государство не требовало обратно. Кольми паче в настоящее время следует ли говорить о сих низких людях? Но если великое государство непременно хочет, чтобы их прислали, то пусть подождет, доколе мы их отыщем. Жители округов и уездов, принадлежащих Сы-чжэу, ныне все будут возвращены в их первобытные места. Исправившимся не напоминают о старом зле, равно как люди, производящие великие дела, не думают о мелочных выгодах. Итак, смеем надеяться, что великий полководец примет в нас участие и объяснением дела, заставив забыть прежний проступок наш, прекратит все прочие дела. Когда два государства, по обыкновению, пересылаясь взаимно дарами, по-прежнему будут дружны, тогда Вселенная, заключенная среди морей, будет спокойна и может никогда не иметь дел войны. Тогда она прославит людей, знаменитых по заслугам, и явит их добродетели. Имена их, вырезанные на вазах и внесенные в книги, передадутся потомству и будут вечны. В настоящее время по случаю дня рождения хуандия великого государства Цзинь еще отправляется, по обыкновению, посол с дарами и для поздравления, а за ним еще посол с известием о трауре по усопшей императрице в нашем государстве. Затем просим вас о принятии отправляемых к вам бумаг и вещей". Фан-синь-жу, по прибытии, полагал, что он непременно окончит дело примирения, для чего назвался чиновником цань-и³⁹¹*⁶⁰¹.

³⁸⁸* По маньчж. тексту: "Если, согласившись на ваши требования, отдадим, то в чем будет состоять (существовать) наше царство?"

³⁸⁹* Впоследствии это число дани было уменьшено.

³⁹⁰* В кит. тексте прибавлено: "...сверх даров шелковыми товарами, посылаемых к вам из признательности, постараемся еще как-нибудь дополнить недостаток (дани, бывшей до времени Дай-дин)".

³⁹¹* По кит. тексту: "...решась непременно кончить переговоры о мире, назвался чиновником цань-и". В правление Дай-дин сунцы для заключения мира присылали Ван-бяня в чине цань-и, поэтому и Синь-жу хотел выставить себя в таком же чине.

Главнокомандующий Цзун-хао, сильно вознегодовал на него за неуважительность, заключил его в темницу и донес о сем императору. Чжан-цзун, находя, что посланец не может принимать участия в переговорах между двумя государствами, признал нужным удержать его и, отправив гонца к Цзун-хао, спрашивал его мнения об этом. Цзун-хао на это отвечал: "Ныне Фан-синь-же не окончил возложенного на него дела, поэтому он знает, что если теперь воротится в свое царство, то непременно будет обвинен. Но если мы, задержав его, отправку отложим до другого времени, тогда в деле может произойти перемена. Поэтому не лучше ли, исчислив его неуважительные поступки, отправить его назад? Теперь он не в состоянии будет дать ответа своим министрам, и сунский государь Чжао-куан и Хань-тао-чжэу⁶⁰², непременно избрав людей осторожных и достойных, пришлют к нам". Цзун-хао, отсылая назад Фан-синь-жу, написал в ответ сунскому вельможе Чжан-янь следующее: "Из письма, доставленного мне Фан-синь-жу, видно, что хотя вы и с унижением говорите о своем желании примириться, но на изложенные дела в этом письме еще нельзя вполне согласиться! Вы только сказали, что возвратите жителей округов и уездов, принадлежавших Сы-чжэу, что количество шелковых тканей, представляемых ежегодно в дань, хотите сделать равное древнему, наконец, что касательно требуемых перебежчиков вы хотите, чтобы им была оказана милость на основании прежних законов. Но сделаться вассалами, отделить часть владений и прислать коварных вельмож, - о сих трех пунктах говорите одни пустые, высокопарные фразы и не хотите согласиться на требуемые условия. Будете ли отговариваться невозможностью следовать оным, считая требования нашего государя чрезмерными, или хотите спорить с нашими войсками о победах и проигрыше, рассчитав, что у вас достаточно сил и храбрости? Ваше царство нельзя назвать ни сильным, ни слабым. Не рассудив с основательностью о предстоящих выгодах и вреде, к чему пишете небылицы в бумагах и беспрестанно присылаете их к нам? Войско называется гибельным орудием, а тот, кто имеет к нему пристрастие, почитается несчастным. Люди премудрые употребляли его в крайности, и по этой только причине при трех Хуан и пяти Ди оно не уничтожилось. Можно ли сказать, что они не думали о людях? Вероятно, что они употребляли войско против отпадавших от послушания и против нарушителей справедливости, не имея других средств к их укрощению. В настоящее время, когда ваше царство, вопреки договору, напало на пределы нашего государства, я получил указ от моего государя, коим повелено начать войну с вами. Войско не выступило, и я выслал только часть оного, бывшую на форпостах. Оно куда не обращалось, везде производило опустошение и не находило ни одного человека, который бы оказал сопротивление. Взятых живыми и убитых было несчетное число^{392*}. Уцелевшие остатки ваших войск от страха все бежали, и захваченные вами пограничные места мы все получили обратно. Равно и Сы-чжэу нам не стоило труда взять обратно. Но вы говорите: "...раскаиваясь в проступке, оставили взятые вами места и бывшее на страже войско отозвали обратно". Эти слова несправедливы^{393*}. Наш чиновник сюань-фу-ши, охраняющий Шань-си, доносит, что в нынешнее лето сунцы более десяти раз чинили нападения на наши границы, на что наше войско, всегда поражая их, заставляло удалиться, и что число голов убитых неприятелей и взятых в плен живыми едва ли не более 100 тысяч. Сознываясь в вине, вы разъезжаете взад и вперед с бумагами, коими просите о мире, но в то же время вы тайно посылаете войско "нечаянно" войти в наши владения и, пользуясь нашей неготовностью, искать малых корыстей. Итак, несправедливо, чтобы вы приезжали к нам для примирения^{394*}. Сказанное вами насчет титулования и распределения границ, что они в настоящее время с прежними сделались другими, относится к происшествию времен Дай-дин, когда были изменены оные. Добродетели и милости наших государей к царству Сун неисчислимы. Это можно видеть из благодарного листа времен правления Хуан-тун^{395*}. С восшествия на престол Ши-цзун-хана в продолжении тридцати лет два государства были дружны между собой. Можно ли забыть сию человеколюбивую милость? Прежде ваш государь считался вассалом нашего государства. Но по причине войны, начатой Вань-янь-ляном, оказав вам великую милость, переименовали подданного на название племянника^{396*}. Теперь младший (племянник) восстал против старшего (дяди). Несправедливость остается на вашей стороне. Вы прервали дружбу, существующую со времен Дай-дин. Итак, по законам вы опять должны по-прежнему называться вассалами. Вы говорите, что вашему двору неприлично принять название вассала. Но вы могли называться

^{392*} По кит. тексту: "Выслал часть войска, стоявшего на форпостах, которое, действуя сообразно с обиходностью, было для вас твердой преградой. Оно куда не обращалось, везде разбивало вас и не находило никого, кто бы осмелился сопротивляться. Взятых им пленных и убитых в сражениях было несметное количество".

^{393*} По кит. тексту: "Вы говорите, что, раскаиваясь в проступке, оставили взятые вами места и бывшее на страже войско вывели. Справедливы ли сии слова?"

^{394*} По кит. тексту: "Справедливы ли после сего ваши посольства с просьбами о мире?"

^{395*} Хуан-тун назывались лета правления Си-цзун-хана.

^{396*} По кит. тексту: "Ошибка, сделанная в правление Чжэн-лун, довела Юг (Сунское царство) до неповиновения, почему в начале правления Дай-дин, явив к вам особенную милость, в успокоение вам переименовали (вашего государя) в племянника".

сим именем во времена Хуан-тун, почему же не можете теперь? Скажите ли, что и сии слова ваши справедливы? Далее вы говорите: места за великой рекой Цзян суть оплот вашего царства, если, отделив оные, отдадите, то не сможет существовать царство. Чем делать крепкие оплоты, надлежит лучше сохранять верность и справедливость. Если не будете заботиться об этом, то нельзя надеяться и на защиту великой реки Цзян. Можно ли назвать оплотом государства два места реки Хуай³⁹⁷? В древности, во времена шести царств⁶⁰⁴, места хуай-наньские постоянно принадлежали Срединному государству. Но в правление Сянь-дэ династии Хэу-чжэу государь нань-танский Ли-цзин⁶⁰⁵, отдавши государству Чжэу четыре области: Лу-чжэу, Сюй-чжэу, Ци-чжэу и Хуан-чжэу^{397*606}, сделал границей Цзян; при всем том, Танское княжество по-прежнему называлось государством. Когда такое обыкновение было в древности, то в этом нет ничего худого, если, отделив требуемые места, отдадите их. Со времени выступления нашего войска на войну, приобретенные нами города и крепости уже принадлежат нам. Вы должны отделить и отдать нам только непокоренные еще нами. Ныне Фан-синь-жу, прибыв с верительной грамотой, говорит, что соглашается на поставленные границы, бывшие во времена Хуан-тун. Итак, вы не только не упоминаете об отделе ваших владений, но еще хотите получить нам принадлежащие места. Ужели это справедливо? Кроме того, в бумаге сказано, что сверх подарков шелковыми тканями, посылаемых из благодарности, примите тридцать тысяч лан золота и тридцать тысяч лан серебра с тем, чтобы мы оставили прибавку дани, получаемой шелковыми тканями. Далее сказано, что к ежегодной дани шелковыми тканями вы присоедините 50 тысяч кусков шелковых тканей и 50 тысяч лан серебра. На эти предложения нельзя согласиться. Притом вы еще до утверждения трактата о мире уже прислали клятвенный лист и извещаете, что придут особые послы по трем случаям. Итак, вы все решили сами собой. Согласно ли это с правилами приличия? Наконец, Фан-синь-жу, своевольно приняв на себя обязанность просить о заключении мира и думая, что при таковых предложениях высокой империи, непременно кончит в этот раз дело примирения, много нанес обид своим неуважением, за что, по справедливости, нельзя его простить. Я доносил обо всем этом моему государю. На доклад мой я получил указ следующего содержания: "В древности, при ваших государях Хой-цзуне и Цинь-цзуне, по причине нарушения вами верности и забытии клятвы, наши войска ходили требовать от вас удовлетворения, и тогда вы отделили нам три губернии⁶⁰⁷: Тай-юань, Сун-шань и Хэ-цзянь^{398*}, прося о мире. Ныне ваше царство, без причины начав войну, нарушило верность и клятву, поэтому если бы вы отдали места Цзян и Хуайские, то и тогда бы еще не искупили своего преступления. По вашему уверению, слова "дядя" и "племянник" почти не имеют разницы от названий "государь" и "вассал". Итак, если по-прежнему будете именоваться вассалами, то согласны разделить пополам места Цзянь и Хуайские, сделав границу посередине. Но если хотите, чтобы ваш государь всегда назывался сыном, то должны отдать нам все места Хуай-наньские, сделав границей Янцзы - Цзян, и мы по всей границе шаньсийской поставим оберегательные войска. От вас требовали выдачи коварных вельмож, подавших совет к начатю войны. Но вы хотите, чтобы вам позволено было самим наказывать их, посему, казнивши их, должны прислать нам их головы. К годовой дани, хотя вы и прибавляете пятьдесят тысяч лан серебра, но это составляет прежнее число, которое получилось при Си-цзун-хане. Можно ли считать его прибавкой? Теперь должны прибавить к этому еще пятьдесят тысяч шелковых свертков и пятьдесят тысяч лан серебра, доказав тем истину вашего раскаяния в проступке и вашу признательность. В прежнее время при заключении мира в Бянь-цзине нашему войску подарено было пять миллионов лан золота, пятьдесят миллионов лан серебра, один миллион кусков шелковых материй, лошадей, волов и мулов по десять тысяч и тысяча верблюдов^{399*}. Ныне мы требуем только один угол за Цзяном и, уменьшив свои требования в сравнении с древними, оказываем вам особенную милость. Итак, повелевается вам дать в награду нашему войску один миллион лан серебра. Наконец, Фан-синь-жу объясняется переменчиво, и положиться на него нельзя. Посему для переговоров должны прислать людей постоянных и верных, подобных Ли-цзюань-сину, Чжу-чжи-хэ, Ли-би и У-хуаню. Фан-синь-жу своими лживыми поступками превзошел Ху-фана. Но так как издревле не было обычая задерживать людей, присылаемых по сношениям между двумя войсками, то, освободив его, повелено послать обратно к вам с известием. К вашему счастью, это случилось при нашем премудром, добродетельном, кротчайшем и прозорливом государе, который оставил ваши несправедливые поступки. Еще ли не будете с почтением соответствовать его милостивым и щедрым даяниям? Но если опять найдете какое-либо препятствие к исполнению сих требований, то не надейтесь более на примирение. От сего зависит существование или гибель вашего Сунского государства. Размыслите о сем со вниманием, чтобы впоследствии не раскаиваться". После сего в восьмой луне сунский вельможа Чжан-янь, отделив

^{397*} Два места хуайские подведомственны Нань-цзину. Сянь-дэ есть наименование лет царствования государя Цзай-то-цзуна. Лу-чжэу и Сюй-чжэу равно подведомственны Нань-цзину; Чи-чжэу и Хуан-чжэу подведомственны Ху-гуан. Они все находились в одном месте.

^{398*} Тай-юань есть губерния Шань-си, Сун-шань и Хэ-цзянь были подведомственны Пекину.

^{399*} По кит. тексту: "...тысяча мулов и пять возов книг".

Жу-чжэу⁶⁰⁸, Сян-чэн-сянь и Сюй-чжэу^{400*}, отдал их государству Цзинь. В девятый месяц старший помощник министра и главнокомандующий Цзун-хао, сделавшись болен, помер при войске. Чжан-цзун, услышав об этом, весьма сожалел о нем и три дня не занимался делами. В десятый месяц цзиньский чиновник сюань-фу-ши в Шань-си по имени Тушань-и отрядил генерала Ба-хой-хай для нападения на сунскую заставу Су-лин-гуань⁶⁰⁹, который и взял оную. В одиннадцатый месяц цзиньский генерал Яла овладел заставой Кулин-гуань и проходом Синь-дао-хэу. Ба-хой-хай завладел заставой Сяо-ху-гуань и крепостью Ао-цан, потом прошел к Ин-хэу-чжень и немедленно взял сей город. Коварный вельможа сунский Хань-то-чжоу прислал секретаря Ван-жана с бумагой, в коей просил мира. Он согласился называть Чжан-цзун-хана старшим дядей, сделал новую прибавку к годовой дани, прислал серебро в награду войску и представил голову Су-ши-дяня, казнивши его за бунт. Чжан-цзун предписал указом главнокомандующему Вань-янь-куану послать в Сунское царство человека и требовать казни самого Хань-то-чжоу и присылки его головы, дабы тем искупить старые места Хуай-аньские.

1207 год

Восьмое лето Тай-хэ. Весной в первый месяц сунский вельможа Янь-бин выслал войско для нападения на заставу Гу-лин. Цзиньские генералы Ба-хой-хай и Вань-янь-гола разбили и прогнали оное, убив в сражении сунского генерала Цзин-тун-лина. В прибавочный четвертый месяц из царства Сунского представили в канцелярию главнокомандующего голову Хань-то-чжоу и других. Император вышел во врата Ин-тянь-мэнь, где были выставлены зонт и прочие регалии императорские и находились всякие князья, штатские и военные чиновники. Вельможа Хэшиле-чжень, представив головы сунских Хань-то-чжоу и Суши-дана, донес государю о заслугах главнокомандующего^{401*}. Император приказал головы и снятые с них изображения повесить на рынках, а о заслугах объявить внутри и вне столицы^{402*}. В шестой месяц по случаю примирения прибыли сунские вельможи Сюй-и и У-хэн с письмом от их государя и представились императору Чжан-цзуну^{403*}. Император обнародовал внутри и вне империи о мире с Сунским царством. Он назначил послами Вань-янь-каня и Чао-юя и, отправив их вместе с сунскими послами, послал к сунскому государю три бумаги: ответный лист, благодарное письмо и клятвенный договор. В одиннадцатый месяц издан поучительный указ Сенату следующего содержания: "Причина спокойствия государства находится в соблюдении законов. За исполнением законов непременно последует верность в наградах и наказаниях^{404*}. Ныне, начиная с чиновников высших правительственных мест, Сената и шести палат, и до чиновников низших правлений в уездах, никто не следует законам и постановлениям. Заботясь только о своих выгодах, они в беспечности проводят дни и месяцы^{405*}. Когда, сделав это обыкновением, будут привыкать к нему, тогда откуда может проистекать благоденствие? Государь есть глава чиновников, а столица - образец всего государства. С сего времени пусть всякий с большим старанием потщится исправить свои погрешности и, следуя законам, с изнурением сил делает свои заслуги. Никто да не делает несправедливостей из угождения и не преступает законов из страха сильных. Единственно следуя прямой истине, пусть всякий будет примером для народа". Император Чжан-цзун в день Ниохонь Гулмахунь (светло-зеленый заяц) сделался болен и на другой день во дворце Фу-ань-дянь скончался. Был ему 41 год. На престоле (он) сидел 20 лет. В первый год правления Дай-ань, весной в первый месяц, по смерти наименован: Сянь-тянь-гуан-юнь-жень-вэнь-и-ву-шень-шен-ин-сяо-хуан-ди (Уразумевший небо, поблиставший время, милосердный и образованный, справедливый и храбрый, необыкновенный и премудрый Хуан-дий). Во второй месяц его тело погребли на кладбище Дао-лин.

^{400*} Жу-чжэу, Сян-чэн и Сюй-чжэу находятся в Хэ-нане.

^{401*} По кит. тексту: "...поднес головы сунских Хань-то-чжоу и Суши-дана и вместе представил донесение главнокомандующего".

^{402*} По кит. тексту: "...вывесить на рынках и объявить о сем внутри и вне (столицы)".

^{403*} По кит. тексту: "По случаю примирения из царства Сунского прибыли послами Сюй-и и У-хэн с письмами от их государя и представились императору".

^{404*} По кит. тексту: "В одиннадцатый месяц император издал Сенату наставительный указ следующего содержания: "Благоустройство государства зависит от порядка в управлении. При порядке в правлении непременно будет соблюдаться верность в наградах и наказаниях..."

^{405*} По кит. тексту: "...поступая по своему произволу, они с беспечностью проводят время".

VII. ИМПЕРАТОР ВЭЙ-ШАО-ВАН

Первоначальное имя цзиньского государя Вэй-шао-ван было Юн-цзи; его другое имя было Син-шэн. Государь Вэй-шао-ван был внук Жуй-цзуна Олидо и седьмой сын государя Ши-цзуна Улу. Имя его матери Ли-ши. Вэй-шао-ван имел высокий рост, красивую бороду, по природе был воздержан и не любил пышности. В одиннадцатое лето правления Дай-дин императора Ши-цзуна он был возведен в достоинство Сюэ-вана, во второе лето правления Мин-чан назван Хань-ваном, а во второе лето правления Чэн-ань был переименован Вэй-ваном. Восьмого лета правления Тай-хэ^{106*}. В девятый месяц, когда помер император Чжан-цзун, Ван-янь-хуан и другие вельможи, на основании оставленного императором указа, требовали, чтобы Вэй-шао-ван занял место императора. Вэй-шао-ван, будучи не в силах отказаться, вступил на престол императорский^{107*}. Государь повелел указом носить семь дней траур жителям губерний, округов и уездов. Вэй-шао-ван послал к монгольскому государю Тэмуцзиню⁶¹⁰ указ о том, что он преемствовал императорский престол. Тэмуцзинь спросил цзиньского посла: "Кто новый император?" Посол отвечал, что новый император есть Вэй-ван. Тогда Тэмуцзинь, оборотившись назад, из презрения плюнул и сказал: "Я думал, что государем Срединного государства будет человек, дарованный Небом. Но когда и этот человек может быть государем, то зачем я пойду к нему делать поклонение?" После сих слов, ударив коня, удалился. Услышав это, государь Вэй-шао-ван весьма разгневался и хотел казнить Тэмуцзиня, по прибытии его с данью, но Тэмуцзинь, узнав наперед его намерения, совершенно прекратил свой приезд ко двору Цзинь.

1208 год

Девятое лето Тай-хэ. Первого месяца в день Шахунь-ихань (белой коровы) ниспала огненная звезда, которой хвост был подобен красному дракону. Лето правления Тай-хэ переименовано в первый год правления Дай-ань.

Первое лето правления Дай-ань. В третий месяц государь Вэй-шао-ван шесть сыновей своих наименовал князьями. Вельможа Вань-янь-куан, желая выслужиться, оклеветал вторую жену императора Чжан-цзуна - княгиню Ли-ши. Он ложно доносил Вэй-шао-вану, что так как у государя Чжан-цзуна не было наследника, то во время усиления болезни императора княгиня Ли-ши тайно советовалась со своим старшим братом Ли-синь-си касательно наследника престола, который еще не был утвержден, и убедила находившуюся во дворце женщину Цзя-ши распусть слух, что она (Ли-ши) беременна. Между тем, будто бы, по наступлении месяца, в который следовало родить, хотела внести во дворец дитя из фамилии Ли. На основании сих слов император казнил княгиню Ли-ши и женщину Цзя-ши. Родственников Ли судили по закону, рассматривая важность преступления. Вань-янь-куан был возвышен в шан-шу-лин⁶¹¹. В пятый месяц из Корейского королевства прибыл посол с поздравлением по случаю преемства престола государем Вэй-шао-ваном. В восьмой месяц по случаю рождения государя Вэй-шао-вана прибыл посол с поздравлением из царства Сун. В девятый месяц император Вэй-шао-ван ездил к горе Да-фан-шань для жертвоприношения на кладбищах Жуй-лин, Юй-лин и Дао-лин^{108*}. В это время все вельможи просили,

^{106*} Мин-чан, Чэн-ань и Тай-хэ суть лета правления императора Чжан-цзуна.

^{107*} По кит. тексту: "Вэй-шао-ван упорно отказывался, но, наконец, исполняя завещание, со слезами воссел на императорский престол".

^{108*} Жуй-лин есть кладбище Тай-цзу, Юй-лин - кладбище Сянь-цзуна Тай-цзы, Дао-лин - кладбище императора Чжан-цзуна.

чтобы утвердил наследника престола, но государь не согласился. В одиннадцатый месяц было землетрясение, при коем последовал с северо-запада удар, подобный грому. В двенадцатый месяц не стало чиновника шан-шу-лина по имени Вань-янь-куан, который помер вскоре после оклеветания княгини Ли-ши.

1209 год

Второе лето Дай-ань. В первый день первого месяца из солнца явилась звезда багряного цвета величиной с большую тарелку. Следуя по направлению к западу, она мало-помалу сделалась величиной с колесо, а ее хвост был в несколько сажен. Она упала в Сы-чуане, потом, поднявшись снова с места падения, издавала свет, подобный огненному. Во второй месяц было землетрясение, сопровождаемое ударами, подобными громовым. В четвертый месяц с северо-востока показались черные облака^{109*} в виде широкой полосы, которая пересекала небо от востока к западу. В Сюй-чжэу и Пи-чжэу^{110*} на пространстве с лишком 500 ли воды Желтой реки (Хуан-хэ) сделались светлыми. Государь Вэй-шао-ван объявил о сем жертвеннике Неба; в храме предков и жертвеннике Шэ-цзи (Духа земли и произрастаний). В шестой, седьмой и восьмой месяцы происходили землетрясения. Государь Вэй-шао-ван сделал наследником престола своего сына Цзо-вана по имени Цун-цио. В девятый месяц снова было сильное землетрясение. Государь Вэй-шао-ван издал указ, коим требовал верных донесений о причине сего явления, повелел призывать к оружию храбрых воинов и успокоить бежавших. Жители столицы были объаты страхом, почему государь ежедневно выходил к народу и утешал его. Когда вельможи убеждали государя возвратиться во дворец и заниматься делами, государь их не слушал. В одиннадцатый месяц в Средней столице показался огонь из канала в Да-бэй-гэ, который исчез по прошествии десяти дней после явления. Но после того показался огонь из камней, в коих утверждены были колонны перед кумирней (Да-бэй-гэ). По прибытии к тому месту людей, огонь угас, но по удалении от него - снова показался, и таким образом продолжалось десять дней. В сем году народ терпел большой голод, и государь Вэй-шао-ван запретил объявлять ему о злых делах пограничных разбойников.

1210 год

Дай-ань третье лето. Во второй месяц с севера дул сильный ветер, от коего разрушались дома и ломались деревья. У ворот Тун-сюань и Дун-хуа сим ветром переломало запоры. В третий месяц загорелась кумарня Да-бэй-гэ, от коей сгорели и дома простолюдинов. С северного угла показалось черное облако, которое величиной уподоблялось большой скале. Внутри оно тремя линиями просвечивало полосы и были подобны дракону и тигру. В четвертый месяц монгольский государь Тай-цзу выступил на войну против Цзинь. Цзиньский государь Вэй-шао-ван, услышав об этом, послал чиновника чжао-тао-ши по имени Нян-хэ-хэ-да в Монгольское государство просить мира, а генералов Цянь-цзяну и Чэн-юя⁶¹² отрядил охранять границы. В восьмой месяц цзиньские вельможи Цянь-цзяну и Чэн-юй не приготовились к защите границ, и монгольское передовое войско, вступив в оные, взяло стан У-юэ. Затем монгольское войско прошло до горного хребта Е-ху-лин^{111*613}. Цянь-цзяну и Чэн-юй, не смея противоборствовать неприятелю, отступили от Фу-чжэу и стали в Сюань-пин-сяне. Жители города Сюань-пин убеждали Чэн-юя поставить впереди войско, находившееся в городе, а позади оно для вспоможения расположить его войска и напасть на неприятеля. Но Чэн-юй из страха не осмелился воспользоваться их советом и спрашивал только о дороге к крепости Сюань-дэ⁶¹⁴. Туземные жители, насмехаясь над ним, говорили: "Реки, речки и окольные дорожки нам известны, но главнокомандующий не думает, воспользовавшись местными выгодами, сразиться всеми силами с неприятелем. Если он помышляет только о бегстве, то непременно будет разбит". В ту же ночь, когда Чэн-юй с войском уходил на юг. Монгольское войско, преследуя его, поражало с тыла. На другой день, по достижении реки Хой-хэ-чуань⁶¹⁵, войско Чэн-юя было совершенно рассеяно, только сам Чэн-юй успел убежать в крепость Сюань-дэ. После сего монгольское войско взяло заставу Цзюй-юн-гуань. По приближении передового монгольского войска к Средней столице, жители столицы были объаты страхом. Но генерал Лян-тан с твердостью защищал город и успокаивал жителей. Получив об этом известие, шан-цзинский комендант Тушань-и дал 20 тысяч войска генералу Сунь-у-тунь и послал его на помощь к Средней столице. В то же время генерал Чжуху-гао-ци стал с войском за воротами Средней столицы Дун-сюань-мэнь, после чего монгольское войско отступило.

^{109*} Дословно: "черный воздух".

^{110*} Сюй-чжэу и Пи-чжэу принадлежит к Нань-цзину.

^{111*} Е-ху-лин находится за пределами Дай-туна.

В одиннадцатый месяц Вэй-шао-ван, выявляя поступок шан-цзинского коменданта Тушань-и, вызвал его в Среднюю столицу и сделал старшим министром. Тушань-и говорил государю Вэй-шао-вану: "Монгольское войско с начатием войны действует совокупно, а мы защищаемся раздельно. При нападении им общими силами на наши рассеянные войска мы постоянно терпим поражение. Итак, для нас выгоднее собрать людей для защиты в главные города и соединенными силами противостоять неприятелю. Чан-чжэу, Хуань-чжэу⁶¹⁶, Фу-чжэу^{412*}, - сии три округа издавна почитались богатыми и сильными; жители оных равно храбры и отважны. Переселив их внутрь империи, можно умножить силы нашего войска, и тогда не будут потеряны наши люди, скот и богатства". На сии слова вельможи Ила и Лян-тан возразили, что таким образом будут стеснены пределы владений. Государь Вэй-шао-ван признал несправедливым мнение Тушань-и. В другой раз Тушань-и говорил: "Ляо-дун - первобытное место нашего государственного дома, отстоит на несколько тысяч ли. Если, сверх ожидания, войдут туда войска неприятельские, жители округов, ожидая помощи, непременно пошлют с известием о сем к государю и тем приведут дело в замедление. Поэтому надлежит отправить туда главного вельможу и повелеть ему оберегать сие место". Государь с неудовольствием отвечал на сие, что без причины посылая вельможей, народ можно привести в волнение, и не согласился с ним. Комендант Западной столицы Хушаху^{413*617} с семью тысячами лучшего войска, встретясь с монголами на северной стороне Дин-ань⁶¹⁸, вступил с ними в сражение, но к вечеру первый со своей стражей обратился в бегство. После этого все разбежались. Хушаху, по прибытии в город Юй-чжэу, взял из казначейства пять тысяч лан серебра, казенное платье, шелковые ткани и все сокровища, хранившиеся в оном, отобрал у чиновников и простого народа лошадей и раздал их своим провожатым. Отсюда, вступив в заставу Цзы-цзин-гуань^{414*619}, своевольно бил до смерти тамошнего начальника крепости. По прибытии его в Среднюю столицу, государь ни о чем его не расспрашивал. Напротив, он сделал Хушаху при главнокомандующем помощником правого крыла, и с сего времени Хушаху сделался еще более безбоязнен. Он просил, чтобы ему позволено было с 20 тысячами войска стать в Сюань-дэ-чжэу, но государь дал ему три тысячи войска и повелел стать в месте Вэй-чуань⁶²⁰. В это время в Дэ-син-фу Монгольским царством были взяты: Хун-чжэу, Чан-пин, Хуай-лай, Цзинь-шань, Фэн-жунь, Ми-юнь, Фу-нин и Цзи-нин. Перешедшие во владение монголов места к востоку простирались до Юн-пина и Лань-чжэу, на юг - до Цин и Цан; от Линь-хуан-фу на запад за рекой Ляо-хэ до Синь-чжэу и Дай-чжэу^{415*621}. Вэй-шао-ван, по получении о сем известия, весьма сожалея о том, что не послушал слов Тушань-и, говорил: "Если бы я согласился на слова министра, этого бы не могло быть".

1211 год

Четвертое лето правления Дай-ань. В первый день первого месяца, переименовав название лет правления Дай-ань, следующий год назвал первым годом правления Чун-цин и обнародовал прощение. Хушаху, испрашивая разрешение стать с войском в Нань-коу⁶²², прислал в Сенат представление, в коем говорил следующее: "В сем месте (Вэй-чуань) нельзя встретить главной (неприятельской) армии по прибытии оной. Я не о себе забочусь, а беспокоюсь из-за трех тысяч подчиненного мне войска. Притом нельзя защитить двенадцать застав и дворца государева Вань-нин-гун". Это донесение Вэй-шао-вану не понравилось, и он поручил местному начальству судить Хушаху. В последовавшем за тем указе изложено было пятнадцать преступлений Хушаху, за кои он был разжалован и сослан в деревню. В седьмой месяц дул восточный ветер, коим на несколько десятков сажен кверху подняло кусок шелковой материи. Он колебался в воздухе в виде дракона и упал во вратах Гун-чэнь-мынь.

1212 год

Второе лето правления Чун-цин. В первый месяц подле солнца были видны две звезды: Тай-инь и Тай-бо. Промежуток между ними и солнцем был с небольшим на один фут. В пятый месяц государь лета правления Чун-цин переименовал в первый год Чжи-нин. Когда Вэй-шао-ван снова хотел призвать Хушаху в Среднюю столицу и советоваться с ним о делах военных, императорский советник Чжан-Син-синь представил ему увещательный доклад следующего содержания: "Хушаху, действуя своевольно, не следует законам и правосудию. Притесняя местное начальство, он выказывает над ними свою силу и, сдружась

^{412*} Чан-чжэу, Хуань-чжэу и Фу-чжэу подведомственны Дай-туну.

^{413*} Хушаху был потомок Асу. Западная столица есть Дай-тун.

^{414*} Цзы-цзин-гуань принадлежит к Шань-си.

^{415*} Все сии места принадлежат Шань-си и Пекину.

с близкими к государю вельможами, заставляет их хвалить себя. Действуя не по законам, он угнетает народ. По выступлению с войском, он пренебрег военными постановлениями и, не сражаясь, прежде других обратился в бегство; незаконно взял казенные сокровища и побоями убил чиновника сянь-лин⁶²³. Потом, став в Вэй-чуань, хотел перейти во внутренние места. Из сего можно видеть его намерения. Когда Хушаху отставили от должности, все чиновники и народ этому радовался. Призвавши его, если употребим снова, то чтобы не произошли бы от этого бедствия больше прежних. Если бы государь обратил на это внимание, то для народа оказал бы великую милость". И министр Тушань-и равно говорил, что Хушаху нельзя употребить к должности. Но Вэй-шао-ван не принял их слов. Он призвал Хушаху в Среднюю столицу и сделал правого крыла помощником главнокомандующего. Государь дав ему 3 тысячи войска, повелел стать с оным за воротами Тан-сюань-мынь. В шестой месяц войско царства Ся напало на цзиньский город Бао-вань-чжэу⁶²⁴ и умертвило чиновника цы-ши. Потом еще напало на Цин-ян-фу и убило чиновника тун-чжи-фу-ши⁶²⁵. В это время монгольское войско находилось неподалеку от столицы. Государь послал в военный стан к Хушаху придворного чиновника фэн-чжи⁶²⁶, через которого делал ему выговор за то, что он, занимаясь охотой, не думает о деле военном. В это время Хушаху кормил на руках сокола. При сих словах он в ярости убил его, ударив о землю. Затем Хушаху распустил ложный слух, будто бы отложился вельможа Тушань-нань-пин со своим сыном Моле, и что он получил императорский указ, коим повелено ему усмирить их. Сват Тушань-нань-пина, генерал Фу-хай, отдельно стоял с войском на северной стороне Средней столицы. Хушаху послал к Фу-хаю человека лестью призвать его к себе. Фу-хай, не зная ничего, явился, и тогда Хушаху, схватив его, умертвил и завладел его войском. Восьмого месяца в двадцать пятый день Хушаху, до наступления пятой смены ночной стражи, от ворот Тун-сюань-мынь перешел с войском к вратам Гуан-яп-мынь и умертвил Тушань-нань-пина и его сына Тушань-муле. Сын Фу-хая - Шань-янь и дивизионный генерал Шигунай, услышав о возмущении Хушаху, с пятьюстами человек китайского войска выступили против Хушаху, но не могли преодолеть его, и все были преданы смерти. Хушаху, подступая к воротам Дун-хуа-мынь, послал сказать Дун-эрр и Пуча-лю-цзинь, охранявшим ворота, чтобы отворили оные, но Дун-эрр и Пуча-лю-цзинь не отвечали ему. Хушаху обещал им наследственные чины мэн-ань и должности третьей степени, но Дун-эрр и Пуча-лю-цзинь его не слушали. Между тем Тушань-вэй-хэ спустился со стены по веревке и явился к Хушаху, а телохранитель Се-ле, разбив замок, отворил ворота. Тогда Хушаху, вошедши с войском во дворец императорский, выгнал оттуда всех телохранителей и вместо них поставил на стражу своих людей. Хушаху назвался правителем государства и главнокомандующим. Он заставил Вэй-шао-вана оставить дворец и, посадив его в простую телегу, отправил в прежний дом, где приказал стеречь его 200 воинам. Наложнице Чжен-ши, находившейся во дворце, была вручена для хранения яшмовая печать императорская. Чжен-ши, услышав о возмущении, с твердостью ждала переворота, оставаясь в зале, в коей находилась печать. Хушаху послал к ней за печатью чиновника врат Хуан-мынь⁶²⁷. Чжен-ши говорила начальнику врат Хуан-мынь, что яшмовую печать употребляет император, а Хушаху - вассал. Как он может требовать печать? Начальник ворот Хуан-мынь на сие отвечал: "Теперь времена переменялись, и когда уже император не смог сохранить сам себя, то можно ли сохранить яшмовую печать? И вам, государыня, надлежит позаботиться о средствах спасти самих себя". Тогда Чжен-ши, громко порицая его, говорила: "Вы все, придворные чиновники, пользовались большими милостями императора, но в трудное для государя время не только не хотите сразиться за него и своей смертью заплатить за его милости, напротив, еще помогаете несправедливому рабу и насильно хотите взять для него яшмовую печать. Я умру, но не отдам печати". После сего, закрыв глаза, она более не говорила. Когда чиновник ворот Хуан-мынь сказал о сем Хушаху, то Хушаху насильно взял у нее императорскую печать. Хушаху всех своих сообщников возвысил в следующие чины и послал евнуха Ли-ши-цзуна умертвить Вэй-шао-вана. Государь Вэй-шао-ван сидел на престоле пять лет. В это время министр Тушань-и, упав с лошади, вывихнул ногу, почему и находился в своем доме. Хушаху колебался в мыслях и не знал на что решиться, отправился к Тушань-и. При свидании Тушань-и говорил Хушаху: "Старший сын Сянь-цзуна И-ван есть старший брат императора Чжан-цзуна^{416*}; весь народ любит И-вана и предан ему. Если главнокомандующий решится утвердить на престоле И-вана, то твои заслуги достигнут до позднего потомства". Хушаху, возвратясь домой, послал в Чжан-дэ-фу⁶²⁸ за князем И-ваном.

^{416*} Сянь-цзун-хутува был сын Ши-цзуна; большой сын Хутува есть Сюань-цзун, по нем второй - Чжан-цзун.

VIII. ИМПЕРАТОР СЮАНЬ-ЦЗУН

Имя цзиньского императора Сюань-цзуна было Сюнь; первоначальное имя Удубу. Он был внуком Ши-цзуна Улу и старший сын Сянь-цзуна Хутува⁶²⁹. Имя его матери Лю-ши, от которой он родился в третье лето правления Дай-дин императора Ши-цзуна. Ши-цзун-хан воспитал его в своем дворце. В двадцать девятое лето правления Дай-дин он был возведен в достоинство князя Фын, а в первое лето правления Чэн-ань был назван И-ваном. В первое лето правления Чжи-нин, когда Вэй-шао-ван был умерщвлен от Хушаху, Тушань-мин и другие вельможи отправились за Сюань-цзуном Удубу в Чжан-дэ-фу. По прибытии их в Среднюю столицу, князья и чиновники поднесли доклад, коим убеждали Сюань-цзуна занять императорский престол. Сюань-цзун Удубу в день Нюан-янь-мудури (зеленого дракона) вступил на императорский престол в тронной Да-ань-дянь. Сделав Хушаху председателем государственного совета и исправляющим должность главнокомандующего, дал ему титул князя Цзе. В девятый месяц император Сюань-цзун повелел Сенату в производстве дел следовать форме, по которой производились оные при императоре Ши-цзуне. В сем месяце государь возвел в княжеские достоинства своих сыновей: Шэу-ли назвал Суй-ваном, а Шэу-чунь - Пу-ваном. Ко двору Цзинь прибыл из Монгольского государства посол Или-чжи^{117*}. Сюань-цзун переименовал лета правления Чжи-нин в первый год Чжэнь-ю, обнародовал прощение и, наблюдая различие, раздал награды чиновникам и народу внутри и вне столицы. В первый день прибавочного девятого месяца Сюань-цзун сделал поклонение солнцу в Жинь-чжэн-дянь и с сего времени в первый день каждого месяца постоянно делал поклонение. Сюань-цзун свою мать по смерти почтил титулом: Хуан-тай-хэу. Старший советник императорский Чжан-син-синь представил государю Сюань-цзуну доклад^{118*}: "Издrevле государи, по восшествии своем на престол, утверждали наследников, коих преемственно по себе делали государями. Издавая указы они объявляли о сем во внутренних и внешних областях империи. Я заметил, что старший сын государев Шэу-чжун при шествии во дворец императорский берет знамя и зонтик наследника престола, но по прибытии во дворец, становится в ряд с прочими князьями. Сверх того, к нему уже назначены приближенные вельможи^{119*}, но, между тем, доселе не утверждены для него церемонии. Говорят, кто не имеет определенного имени, тот не имеет приличного названия (титулования в разговорах)^{120*}. В древности ханьский государь Вэнь в первый год своего царствования прежде всего сделал наследником своего сына Ци, чем почтил храм предков и возвеличил жертвенник Шэ-ци. Государь! Тщательно посоветуйся о сем с главными вельможами и, следуя древнему обыкновению, манифестом утверди престолонаследника, избери хороших вельмож и повели им быть его руководителями. Ты окажешь этим особое благодеяние для государства". Сюань-цзун-хан одобрил сие представление и сделал наследником своего сына Шэу-чжуна. В десятый месяц цзиньский генерал Чжу-ху-гао-ци был дважды разбит в сражении с монгольским войском на северной стороне Средней столицы. Чжу-ху-гао-ци, боясь за это казни, обещанной ему от Хушаху, выступил из стана и, окружив дом Хушаху, умертвил его. После чего Чжу-ху-гао-ци, взяв голову Хушаху, явился к Сюань-цзун-хану и сознался в своей вине. Государь простил его проступок и, повысив, сделал старшим помощником главнокомандующего. Вельможа Чжан-син-синь снова представил Сюань-цзун-хану доклад следующего содержания: "Наш

^{117*} Или-чжи, кажется, неправильно принято здесь за собственное имя посла; это испорченное на китайском языке монгольское слово, которое значит "посол".

^{118*} По кит. тексту: "Так как в это время еще не был утвержден наследник, и империя не видела будущего преемника престола, поэтому Чжан-син-синь..." и проч.

^{119*} Адьютанты или вельможи, с боков стоящие.

^{120*} По кит. тексту: "Это можно назвать, что он не имеет определенного имени и названия, а употребляемые в разговорах ему неприличны".

государь Вэй-шао-ван пять лет^{121*} сидел на престоле. Нет закона, чтобы вассал восставал против государя. Но Хушаху, начавши бунт, вступил с войском в столицу и умертвил его. В то время только генералы Шань-ян и Шигунай вышли со своим войском на защиту государя и умерли в сражении. При воспоминании об их верности и благородстве вельможи, пользовавшиеся милостями у государя, должны краснеть от стыда. Государь! Ныне ты управляешь империей. Если правление будет хорошо, то подданные с любовью будут повиноваться, прославляя Шань-яна и Шигуна. Окажи милости их потомкам, возрадууй тем их души и сделай поощрение верным подданным^{122*}. В древности сунские вельможи⁶³⁰ Сюй-сянь-цзы, Фу-лян и Се-хой, умертвив Ин-ян-вана, призвали Вэнь-ди из Цзян-лина и возвели на престол. Несмотря на это, Вэнь-ди казнил сих трех вельмож, но затем, помышляя о том, что они его призвали и сделали государем, оказал милости их женам и детям. Хушаху был большой злодей в государстве, целое поколение его ненавидит. Хотя он и погиб, но его преступления еще не вполне известны. Надлежит выставить его проступки и злодеяния, обнародовав о них внутри и вне империи, лишить его чинов и имени и казнить весь его дом; этим все будут довольны. Но если Ваше Величество не решитесь казнить его семейство, потому что он утвердил вас на престоле, то и тогда, подражая примеру Вэнь-ди, можно внушить страх другим". Приняв это представление, Сюань-цзун издал указ, коим, объявив о злодеяниях Хушиху, лишил его чинов, а Шань-яна и Шигуна прославил по смерти именами и оказал милости его детям. Монгольское войско взяло приступом цзиньский город Чжо-чжэу^{123*}. Чжан-син-синь еще представил доклад следующего содержания: "С начатия войны мы не находили хорошего полководца. Ваше Величество, надлежит приказать вельможам, чтобы каждый из них представил известных ему людей. Если действительно найдутся способные люди, то, призвавши их, обещанием славы и почестей можно возбудить в них ревность, и они, без сомнения, не щадя своей жизни, будут служить отечеству. В древности Ли-му, когда был полководцем при дворе Чжао⁶³¹, свободно раздавал в войске чины и награды. Он не следовал указам государя, годами воюя вне государства и защищая места внутри империи. Таким образом на севере он истребил сильного неприятеля, а на западе выстоял против сильного княжества Цинь. И в настоящее время, назначив полководца, если не будем стеснять его законами и удерживать предписаниями, но, давши ему полную власть, позволено будет вполне показать свой ум и искусство, то можно будет надеяться на успехи в возвращении потерянного". Сюань-цзун-хан одобрил сие представление. В это время император назначил главнокомандующим Ван-шэу-синя и Цзя-най-эрр, из коих и тот и другой были без познаний и способностей и не знали военных правил. Чжан-син-синь, опасаясь, чтобы они не воспрепятствовали успехам, снова представил доклад следующего содержания: "В книге И-цзин сказано: "Хочешь ли устроить государство или создать дом, то не употребляй для сего людей низких". Так заповедал премудрый человек в предосторожность людям будущих веков. Ныне, при занятии многих мест неприятельскими войсками, жители оных пришли в страх и волнение. Встретить неприятеля и показать перед ним свое искусство никто не в состоянии, кроме мудрых. Ван-шэу-синь и Цзя-най-эрр безрассудны и к употреблению негодны; их вотще возвысили и употребили к должности, ибо от их участия в распоряжениях не может быть никакой пользы". Государь Сюань-цзун, приняв это представление, отставил сих двух человек от должности полководцев. В одиннадцатый месяц войско царства Ся подступило к цзиньской крепости Хой-чжэу⁶³². Генерал Тушань-шэу-эрр сразился с ним и заставил удалиться. Монголы взяли приступом крепость Гуань-чжэу^{124*633}, при сем убит цзиньский чиновник цы-ши по имени Гао-шэу-ио. Сверх того, монголы отняли Хэ-цзянь-фу и Цан-чжэу. Цзиньский генерал Око с пятью тысячами войска отправился за хлебом в Тун-чжэу, но на дороге, встретив неприятеля, был разбит и рассеян. По этому случаю Чжан-син-синь представил государю Сюань-цзуну следующий доклад: "По военным законам, нет ничего важнее наград и наказаний. При отправлении на войну против неприятеля, воины, желая заслужить награды, с радостью идут вперед и, страшась наказания, не смеют обратиться назад. Таким образом, начальники и простые воины, жертвуя своей жизнью, совершают великие дела. В настоящее время Око претерпел поражение. За проступок его следует судить со всей строгостью. Если государь из великодушия не накажет его как следует, то я опасюсь, что военные законы сделаются недействительными". "Министр! - отвечал государь. - Я знаю твое мнение и уже заключил Око в темницу". В это время монгольское войско уже подходило к Средней столице, в коей жил Сюань-цзун, и государь намеревался отправить посла просить мира. Начальствовавшие войском генералы, из страха не смея вступить в сражение, представляли, что они опасаются этим повредить примирению. Почему Чжан-син-синь сделал доклад следующего содержания: "Переговоры о мире и военные

^{121*} В кит. тексте: шесть лет.

^{122*} По кит. тексту: "Ваше Величество только начинает управлять империей, и подданные ожидают преобразования. Прославив двух сих человек и оказав милости их потомкам, можно успокоить души умерших и возбудить правоту в империи".

^{123*} Чжо-чжэу находился в Чжилиской губернии.

^{124*} Хой-чжэу находится в губернии Шань-си. Гуань-чжэу находилась на севере от реки Хуан-хэ и подведомственна губернии Хэ-цзянь.

стычки, - сии два предмета от начала не касались одно другого. Переговоры о мире производит назначенный для этого посол; начальники войск должны быть заняты производством военных действий. Прилично ли им отговариваться тем, что заключают мир? Со времен правления Чун-цин^{425*} доселе мы вообще медлили под предлогом заключения мира. Если бы наши войска постоянно шли вперед и, вступая в сражение, ослабляли силы неприятеля, то давно бы можно было заключить мир. Недавно приходил к нам монгольский посол, между тем, в то же время они разоряли Восточную столицу и опустошили места Хэдунские. Ныне, когда мы вознамерились отправить посла для заключения мира, наши полководцы прекратили военные действия. В таком случае, какая может быть польза от переговоров? Наши дела мало-помалу дошли до крайности, доставление провианта сделалось трудным, и успех или неудачи в заключении мира еще неизвестны. Возможно ли же, заперши ворота, сидя ожидать неприятеля? Ныне, когда скот и люди еще сильны, надлежит, избравши храбрых полководцев и отважных воинов, повелеть им под прикрытием перевозить провианты и в разъездах, делая стычки с неприятелем, ослаблять его силы. Таким образом можно будет провезти в столицу весь хлеб из ближайших мест и в непродолжительном времени можно успеть заключить мир". Хотя Сюань-цзун и одобрил это представление, но не мог им воспользоваться.

1213 год

Второе лето Чжэнь-ю. В первый месяц монголы взяли приступом город Чжан-дэ-фу, причем градоначальник Хуан-го-цзю-чжу умер в сражении. Сунское войско сделало нападение на Дай-чжэу. Дивизионный генерал Ши-мо-чжун-вэнь разбил и прогнал оное. Монгольское войско взяло приступом цзиньский город Хуай-чжэу, причем умер в сражении губернатор Сун-и. Во второй месяц от монгольского двора в государство Цзинь прибыли Иличжи и Чжаба^{426*}. Император Сюань-цзун послал с ним в Монгольское государство своего вельможу Чэн-хая просить мира. После сего, когда из Монгольского государства снова прибыли Иличжи и Чжаба, Сюань-цзун-хан отослал к монгольскому государю Тай-цзу-тэмүцзину дочь государя Вэй-шао-вана. Тай-цзу взял ее в жены и из княжны сделал императрицей. Монгольское войско взяло цзиньскую крепость Луань-чжэу, причем умер в сражении цзедуши по имени У-гу-лунь Чжун-вэнь. В это время все северные округа и уезды (чжэу и цзюнь) губернии Шань-дун были проиграны монгольскому государству, оставались только Чжень-дин, Цин-во, Дай-мин, Дун-пин, Сюй-чжэу, Пи-чжэу и Хай-чжэу⁶³⁴. Равно много было проиграно городов Чжэу и Сянь в губернии Хэ-дун. По уходе монгольского войска, Сюань-цзун, сделав вельможу Пуса-ань-чжэнь и других попечителями (сюань-фу-ши) уцелевших городов (в губерниях Шань-дун и Хэ-дун), послав их для собрания и успокоения оставшегося народа. По случаю заключения мира с Монгольским царством государь Сюань-цзун обнародовал прощение всем преступникам в империи, поручил местным начальствам дать должности и жалование детям и внукам умерших на войне. В пятый месяц Сюань-цзун-хан, решившись переехать в Южную столицу, обнародовал о сем указ. Чиновники и народ упрашивали его, чтобы не переселялся, но государь не принял их слов. Оставив в Средней столице своего сына м наследника Шэу-чжуна, сам государь выехал из оной. В седьмой месяц Сюань-цзун, по прибытии в столицу Бянь-цзин, хотел призвать к себе наследника. Вельможа Вань-янь Сулань считал это неприличным. Но вельможа Гао-ци говорил: "Когда государь поселится здесь, то и наследник должен быть при нем. И можешь ли ты поручиться за спасение Средней столицы?" "Я не говорю, - отвечал Сулань, - что непременно могу защитить ее. Но когда в Средней столице будет наследник, то его власть и сила может иметь особенную важность, границы будут защищаемы с твердостью, и для столицы не может быть опасности. В древности танский государь Мин-хуан, отходя в Шу^{427*}, оставил в Лин-у⁶³⁵ наследника, чем и привязал к себе сердца подданных". Сюань-цзун-хан не принял его слов и призвал к себе наследника. Вань-янь Сулань представил доклад следующего содержания: "Наш прежний государь Вэй-шао-ван в свое царствование с доверенностью употреблял клеветников и лстецов и удалял верных и правдивых. От сего к нему ежедневно приближались низкие люди и удалялись умные. Взаимные отношения были прерваны, и, мало-помалу, попораны законы. В то время ветром сломило ворота, и пожаром истреблены были здания. Сии явления, без сомнения, показали верховное Небо для возбуждения страха. Тогда в докладах говорили Вэй-шао-вану: "Приблизь к себе мудрецов и удали людей низких, со страхом исправь самого себя и уничтожь тем несчастные предзнаменования Неба". Но Вэй-шао-ван не внял сим убеждениям и, таким образом, погиб. Люди, могущие избавить от беспорядков, исследуют причины, произведшие сии беспорядки, а способные к

^{425*} Царствование императора Вэй-шао-вана.

^{426*} Правильнее: "прибыл посол Чжаба". Китайский писатель, а за ним и маньчжурский переводчик приняли монгольское слово "эльчи" (по кит. выговору "иличжи" - посол) за имя собственное.

^{427*} Шу есть нынешняя область Сы-чуань.

прекращению злоупотреблений равно вникают в причины, от коих произошли злоупотребления. Когда будет возможно возвышать и понижать с совершенной ясностью, таким образом, будем в состоянии уничтожить правление Вэй-шао-вана, тогда можно будет определить время, в которое должны ожидать тишины и благоденствия. Но государь, воссевши на престол, не думает об этом. По обнародовании указа о том, что решился переселиться на юг, чиновники и народ попеременно, представляя доклады, увещевали остаться. В день отправления при беспрестанном ветре и дожде изломались носилки^{128*}. Из сего можно было видеть волю Неба и желание народа! Но дело уже миновало; возможно ли возратить его раскаянием? После чего остается только быть более и более осторожным. Не должно, правя по следам опрокинувшейся возницы, опрокидывать еще и другую". Потом он еще говорил: "В государстве нельзя ни одного дня быть без войска, а войску ни одного дня нельзя быть без пищи. Государь! Ради империи уменьши расходы во дворце^{129*}. Местные начальства много произвели военных чиновников, не жалея о пустых тратах, делаемых без всякой пользы. Некто сказал, что чем более будет военных чиновников, тем большая будет сила и деятельность в войске. Но я думаю, что это неправда. Если, без выбора для сего людей отличных, будут заботиться о множестве, то можно ли употребить их в случае неожиданного нашествия неприятеля? По причине недостатка съестных припасов в Средней столице, государь принужден был приехать сюда. Но если, паче чаяния, и здесь случится несчастье, подобное прежнему, тогда вельможи неизвестно, куда будут убеждать государя удалиться?" В десятый месяц при нападении монгольского войска на крепость Шунь-чжэу убит цзиньский генерал Ван-хой. Монгольское войско еще взяло город Чэн-чжэу. В одиннадцатый месяц монголы взяли приступом цзиньскую крепость И-чжэу и умертвили цзедуши Гао-люй-шаня.

1214 год

Чжэнь-ю третье лето. В первый месяц войско княжества Ся напало на Хуань-чжэу и завладело оным. Помощник главнокомандующего Пуча-ци-цзинь с войском покорился Монгольскому государству. В этом месяце помер сын и наследник государя Шэу-цзун. При отходе Сюань-цзун-хана для совершения жертвоприношения над наследником, чиновники палаты говорили ему: "Сегодня день дракона, в который нельзя сетовать". Но государь сказал им на сие: "Отец и сын суть ближайшие родственники. К чему делать предосторожности?" И на их представление не согласился. Во второй месяц император Сюань-цзун издал указ следующего содержания: "Всем подданным в государстве давать чины наравне с людьми поколения нью-чжи. Если чиновники палаты будут делать различие между ними, то судить их как нарушителей указа". Шаньдунский чиновник сюань-фу-ши по имени Пуча-ань-чжэу, послал Пуча-лю-цзя и других против разбойника "красной одежды" Ян-ань-ерр, кои, поразив 30 тысяч его воинов, всех их побили. В третий месяц вельможа Чжань-син-синь представил доклад в четырех пунктах, кои были следующего содержания: "Не нужно более хватать злодеев, подобных Ян-ань-ерр, их нечего опасаться. В настоящее время дела, требующие поспешности, суть следующие. Во-первых, теперь хорошо привлекать к себе сердца людей. В прежние войны против злодеев наши войска убивали без различия злодеев и добрых, брали их имения и отнимали детей и жен. Таким образом, приводя в страх жителей, заставляли их снова убегать в горы и леса. Надлежит воспретить чиновникам притеснять людей хороших. Тогда народ может быть спокоен, и если неблагонамеренные люди не будут поступать коварно, тогда силы злодеев мало-помалу ослабеют. Во-вторых, со времени возмущения войска чиновники крепости Цзинь и Сянь⁶³⁶ и люди благоразумные, собрав жителей, сохранивших верность, сами по себе изгоняют злодеев. Государь хотя и определяет таковых к должности в их прежних местах, но в непродолжительном времени снова посылает людей для смены их. Старые чиновники привыкли к народу, а можно ли знать, что вновь назначенные все имеют способности? От этого происходит замедление в делах при нечаянных случаях. Ныне в окружных и уездных городах оказывается недостаток в чиновниках. Надлежит назначать туда отставных чиновников, бывших полезными для народа, делая выбор оных по их способностям. Но если должность выше степени определяемого к оной чиновника, то назначить его к оной на время, а по выслуге утвердить его в настоящем чине той должности. В таком случае чиновники будут стараться выказать свои способности, и дела будут производиться без затруднений. В-третьих, из военных чиновников между десятью едва ли найдутся два, которые бы с храбростью выходили на сражение. Надлежит поощрить их производством наград за

^{128*} По кит. тексту: "Когда будем в состоянии возвышать и понижать с совершенным знанием (людей) и, таким образом, успеем уничтожить правление Вэй-шао-вана, тогда можно будет, с определением времени, ожидать тишины и благоденствия. Ваше Величество, вступивши на престол, о сем не думаете. Решившись переселиться на юг, когда обнародовали о сем указ, чиновники и народ попеременно, представляя доклады, убеждали остаться. В день отправления в путь не по времени дул ветер, и пошел дождь, и несколько раз ломались носилки".

^{129*} Дословно: "Если ты думаешь о государстве, то уменьши расходы во дворце".

заслуги тем, кои храбро вступают в бой, но не нужно переменять их должности. В-четвертых, жалование и провиант для войск в губернии Шань-дун получаютсЯ продажей чинов. Но когда некоторые из покупателей являются с грамотами на чины, члены палаты чинов (герольдии) отсылают их обратно под предлогом, что по расчету степеней им не следует давать сих чинов. Если продают чины тем, коим не должно давать оных, то это вина продающих, а не покупающих. Толпы злодеев около моря еще не усмирены, поля и степи остались не возделанными, и в казенные магазины хлеб не собран. Если, сверх чаяния, не станет провианта для войска, тогда хотя бы и продавали чины, но кто будет верить этой продаже?" Император Сюань-цзун одобрил представление и во многом оному последовал. Вельможа Дэ-син представил императору, что, по древнему обыкновению, с половины лета государь перестает выходить в тронную, и вельможи являются к нему с докладами через четыре дня однажды. Сюань-цзун на сие сказал: "В спокойное время можно поступать таким образом, но ныне, при множестве дел, возможно ли оставить выход в тронную только потому, что это беспокоит для меня? Мне приятнее, если дела государственные не будут приведены в замедление". Монгольское войско осадило Среднюю столицу. Охраняющий столицу генерал Чэн-хой отправил к хану Сюань-цзуну гонца с известием о сем. Сюань-цзун дал войско генералам Юн-си и Цин-шэу и послал их на помощь. Генерал Ли-ин шел на помощь к Средней столице с войсками из Хэ-цзяна и Цин-цани⁶³⁷ и вез съестные припасы из города Цин-чжэу. По прибытии в Ба-чжэу, Ли-ин напился пьян. Во время его нетрезвости напали на него монголы, и войско Ли-ина потерпело сильное поражение. Ли-ин погиб вместе с солдатами и потерял весь обоз со съестными припасами. Шедшие на помощь к Средней столице войска генералов Цин-шэу и Юн-си, услышав об этом, пришли в смятение и пошли назад. Вельможа Хэу-чжи представил хану Сюань-цзуну доклад следующего содержания:

"1. Присутственные места и палаты составляют связь порядка в государстве. Ныне по всем присутственным местам чиновники сюань-фу-ши, не следуя постановлениям, содержащимся в законах, от имени шести палат сами дают чины ниже третьей степени. Этим нарушают порядок, почему сие злоупотребление следует прекратить.

2. Ныне нельзя назвать малочисленным войско, находящееся под управлением четырех главнокомандующих. Но, при всем том, оно не может противостоять неприятелю, потому что при вступлении в бой с неприятелем в одном месте, прочие войска неподвижно смотрят на это, ни одного человека не посылая на подмогу, а при малейшем отступлении (сражающихся), бросив оружие, предаются бегству. Причиной сего, быть может, устарелость войска и трусость генералов. Государь должен обратить внимание на распоряжения полководцев.

3. Командовать войском при сопротивлении неприятелю и понуждать народ при перевозке хлеба - это две разные должности, и не годится к той и другой должности вместе определять одного. Но теперь на главнокомандующих постоянно возлагают сии две должности вместе. Люди, находившиеся при обозах, всякий раз, когда встречают неприятеля, прежде начатия сражения предаются бегству, и солдаты, пришедшие от сего в смятение, в отдельных отрядах бывают разбиты. Хотя бы передний строй войска и одержал победу, но из опасения неприятеля, задний строй непременно выступает вперед. При употреблении войска, его движениям нет определенных правил. Возможно ли теперь следовать только одной форме и не переменить худого? Я не знаток военного искусства, но о поражении войска говорю с вероятностью.

4. Жители Шун-чжэу, Бао-чжэу, Ань-чжэу и Су-чжэу⁶³⁸ надеются на защиту реки Бо-гэу, вод И-шуй⁶³⁹ и горы Си-шань. Но у них теперь большой недостаток в чиновниках, а находившиеся там при должностях чиновники слабы и неотважны. Надлежит без замедления избрать храбрых и умных людей и порознь вверить им управление.

5. Заблаговременно повелев войску охранять берег реки Чжан-шуй⁶⁴⁰, от Вэй-чжэу до моря, укрепи область Шань-дун и доставь возможность земледельцам спокойно обрабатывать поля.

6. Ныне беспрестанно убегают чиновники округов и уездов Средней столицы, быть может, из страха быть захваченными от неприятеля, подобно прежним чиновникам. Но есть между ними и такие, кои боятся быть обвиненными за то, что при постоянном перевозе съестных припасов, изнузив силы народа, сделали замедление. Сверх того, по исполнении срока службы их считают наравне с чиновниками других мест, не переносивших беспокойств, что, конечно, для сих людей обидно. Государь! Повели членам палат при производстве в чины наблюдать различие.

7. Успехи войска не распространяются. Виной этому военные начальники. Считая неприятеля неопасным, они с небрежностью производят движения. Недавно Ли-ин, будучи главным командиром, напился пьян. Прежде, нежели он успел вытрезвиться, напал на него неприятель, и он был разбит. Думаю, что в этом нет заслуг Ли-ина. Его следует лишить наследственного чина и жалованья.

8. На северной стороне великой реки (Хуан-хэ) нельзя заниматься земледелием, и чиновники совершенно лишены жалованья и съестных припасов. Нет спокойствия, как между высшими, так и низшими, и все заняты мыслью предаться бегству. Сверх того, разбежавшиеся солдаты, возвратясь

обратно, с безумием производят насилия и грабежи, отчего сделалось невозможным жить народу. Надлежит оказать милости, чтобы немедленно призвать его.

9. Между военными чиновниками многие из наследственных дворян. Они с малолетства воспитаны в неге и гордости, не могут переносить трудов, трусливы и глупы. Можно ли на них полагаться? Ныне надлежит избирать людей, превосходящих других храбростью и повиновением, и употреблять их, не обращая внимания на их прежнюю незначительность. Государь! Последуй сему представлению, размыслив об оном со вниманием".

В пятый месяц монгольское войско взяло приступом Среднюю столицу. Охраняющий сию столицу главнокомандующий Чэн-хой умер, приняв яд. Жинь-тянь-чун и Гао-линь убиты при смятении войска, а генерал Лю-жань-чжэнь-цзун, вышед из столицы, бежал. Вельможа Ли-бинь представил императору Сюань-цзуну доклад в десяти пунктах следующего содержания:

"Во-первых, для поддержания престола надлежит употребить в службу всех князей. Я полагаю, что в прежнее время наше войско всякий раз, когда вступало в сражение с неприятелем, поражаемо было от того, что воины, пробывши долгое время в бездействии, забыли военную дисциплину. Военачальники, не имея способностей, не в силах уничтожить бедствия, и нет между ними таких, кои бы от полноты верности умирали. Наблюдая важность по наружности, они внутренне ищут средств для собственного успокоения. Отобрав искусных и храбрых воинов, они заставляют их следовать за собой, а людей слабых и робких посылают сражаться с неприятелем. Так как полководцы еще до сражения, приметя пыль от неприятеля, прежде других предаются бегству, то за ними всегда убегают и воины. При всем том, государь не только не придает их суду, но еще, прибавляя войска, заставляет нарушать законы. Казнохранилища и магазины мало-помалу опустели, народ обеднел, владения стеснены, а с того времени, как государь переселился на юг, у подданных, отдаленных и вблизи живущих от него, тем паче не стало твердости духа. Чиновники, управляющие местами на северной стороне реки, с беспокойством уклоняются только назад, и нет таких, кои бы помыслили подаваться вперед. В древности при династии Тан, в правление Тянь-бао, когда один за другим были потеряны города Ло-ян, Тун-гуань, танский государь ночью бежал в область Сы-чуань. В то время, если бы наследник престола не возвратился в Лин-у и вместе с военачальниками не устроил войска, то воины, следовавшие за государем на запад, до старости не могли бы возвратиться обратно, и все бы погибли в Сы-чуани. Ныне желательно, чтобы государь, избрав между князьями способнейших и умных и назначив их к управлению войском, повелел им охранять нужнейшие места на севере; чтобы предписал указом по всем местам обучать солдат военному искусству. Тогда все, слышавшие это в четырех концах империи, смело пойдут на смерть сами, и никто не будет обращаться назад. При противоборстве со врагом и искоренении бедствий ничего нет важнее сего. Людей можно воодушевить убеждениями, но нельзя заставить силой. Когда один выступит вперед, то за ним смело пойдут все. Посему-то в старину люди учили сперва собственным примером, а потом уже употребляли власть и силу.

Во-вторых, приобретши расположенность народа, нужно положить твердое основание в государстве^{430*}. Любовь государя к подданным состоит не в пожертвованиях, а в уничтожении их бедствий и попечении об их выгодах. Народу, пришедшему в смятение, легко оказать милости^{431*}. Когда водворят в нем спокойствие, согласно с его желанием, любовь и верность к государю умножатся в нем более прежнего. Государь! Мои желания состоят в следующем: умерив несколько оброки, сделай верным твои повеления; прекрати все бесполезные дела для народа; беспрестанно отправляя честных вельмож для ревизировки в округах и уездах, повелевай им при встрече со стариками спрашивать об их бедствиях^{432*}; назначь для управления верных и честных чиновников и отрешь от должностей лихоимцев и жестоких; избавь от гибели бедных и дошедших до крайности; окажи милости сиротам и вдовам и доставь покой пришедшим из отдаленных мест. Тогда подданные, следуя вообще правоте и обязанностям, не будут колебаться в мыслях. Посему-то сказано: покоящийся народ может исполнять обязанности, а для народа бедствующего легко произвести беспорядок. Государь! Вложи слова сии в твое сердце.

В-третьих, собравши сколько можно более умных и способных людей, следует приготовить их для употребления на службу государства^{433*}. Желющие защищать себя от холода, непременно ищут соболей и лисиц, а желющие совершить дальний путь, по необходимости выкармливают хорошего коня. Хэ-нань и Шань-си суть два места, избранные государем для своего удаления. Надлежит в особенности утешить в оных чиновников и народ. Избери в оных людей честного поведения и любимых народом для употребления на службу. При обыкновенной жизни они могут изучить законы, и при встрече дел, требующих поспешности, их вдруг можно употребить на службу. Оказывая новые милости, перемены в

^{430*} По кит. тексту: "...нужно приобрести расположенность народа, чтобы сделать твердое основание империи".

^{431*} По кит. тексту: "...народу в трудных обстоятельствах легко оказать милость".

^{432*} По кит. тексту: "...призвав стариков, пусть спрашивают их о бедствиях".

^{433*} По кит. тексту: "Нужно более собрать способных, чтобы приготовить их на службу государству".

народе слухи и зрелища. Через сие неприметным образом приобретешь расположенность подданных империи.

В-четвертых, нужно избрать чиновников для управления округами и уездами и доставить спокойствие народу^{434*}. Округные и уездные чиновники суть люди, посредством коих государь производит правление, и народ продолжает свою жизнь. В настоящее время народ терпит бедствия от того, что чиновники необразованны и неспособны делать пользу. Живя корыстолюбием и грабительством, они сдружаются с непотребными людьми, посредством коих своевольно берут в подать вместо меры хлеба 10 тысяч мелкой монеты. Таким образом, для народа нет места приносить жалобы. С сего времени не следует определять к сим должностям людей, кои способности не превосходят других и не отличаются особенностями в правлении. Хотя родственники государя и старые вельможи суть люди знаменитые, но их не должно сделать чиновниками по округам и уездам^{435*}. Тогда умные люди, с радостью исправляя должности, будут вполне выказывать свои способности, а люди беспечные, со стыдом размышляя о сем, сами будут стараться быть хорошими.

В-пятых, похвалой людей верных и правдивых надлежит поощрять служащих^{436*}. Верные и правдивые люди смело жертвуют вам жизнью, истощая свои силы, и хотя бы город был взят неприятелем, и тогда не отдадут себя на посрамление. Вельможи из палат на таковых ни мало не обращают внимания. К щадившим жизни они в особенности показывают свою любовь, являя им милости, между тем, как потомки умерших не получают наследственных достоинств^{437*}. К чему же после сего будут стремиться подданные империи и чего будут бояться? Естественно, что они будут изыскивать средства к приобретению собственных выгод. Посему-то все служащие вполне уразумели невыгоды отдавать себя на смерть и все хитрости, какими можно освободить себя от оной при несчастьи. В этом нет пользы для государя.

В-шестых, надлежит стараться увеличить сбор хлеба, сделав главным предметом промышленности земледелие^{438*}. Это есть средство сделать войско сильным, а народ богатым, есть дело, требующее в настоящее время поспешности.

В-седьмых, нужно прекратить расточительность, возвысив бережливость^{439*}. Ныне государство опустело, и много брошено пашен. Поэтому для избавления народа от крайности всего нужнее прекратить расточительность в потреблении.

В-восьмых, надлежит отрешить безнужных чиновников, а их жалованием пополнить жалование войску^{440*}. Со времени войны число народа из десяти частей умалилось до четырех или пяти, а число чиновников по областям (цзюнь) и уездам остается прежнее. Это противно законам внимательности к равновесию и прекращению злоупотреблений.

В-девятых, усовершенствовать военную дисциплину, нужно приучить войско к сражениям и обороне^{441*}. Издревле знаменитые полководцы рассчитывали победы над неприятелем по состоянию военного искусства. Тогда войско не будет уклончиво, хотя бы его посылали в огонь и в воду, и в ста сражениях стократно станет победителем. "Употребить в сражении народ необученный, - сказал Конфуций, - значит бросить народ". В военных правилах сказано: "Если не будет остро оружие, то войско будет отдано неприятелю; если войско не будет научено сражаться, то неприятелю будет отдан полководец; если полководец несведущ в военном искусстве, тогда будет отдан неприятелю государь; наконец, если государь не выберет полководца, то неприятелю будет отдано государство". Можно ли не вникать в это.

В-десятых, исправив крепости и рвы, надлежит приготовиться к защите и сопротивлению^{442*}. Для защиты государства надежных крепостей около столицы остается немного. Если не будем защищать и сих мест, тогда область Хэ-шо (место по северную сторону реки) равно не будет наша. Можно ли надеяться только на Хуан-хэ?"

Император Сюань-цзун был удивлен сим докладом. Вторично выпытывая Лю-бина, он дал ему следующие вопросы: "В каком случае можно защитить города на северной стороне реки? Народ и войско

^{434*} По кит. тексту: "...нужно избрать чиновников, управляющих округами и уездами, для доставления спокойствия народу".

^{435*} По кит. тексту: "Положим, что государевы родственники, люди знаменитых домов и родовые дворяне, суть люди знаменитые. Но когда они не будут сделаны чиновниками по округам и уездам, тогда..." и проч.

^{436*} По кит. тексту: "...нужно хвалить людей верных и правдивых для поощрения служащих".

^{437*} По кит. тексту: "...по окончании дела вельможи нимало не обращают на таковых внимания. Щадившим жизнь они оказывают милости; напротив, умерших на службе не делают даже известными".

^{438*} По кит. тексту: "Надлежит стараться сделать главным земледелие, чтобы распространить собрание хлебов".

^{439*} По кит. тексту: "...нужно возвысить бережливость, чтобы умерить расточительность".

^{440*} По кит. тексту: "Нужно уничтожить безнужных чиновников, чтобы их жалованием пополнить жалование войску".

^{441*} По кит. тексту: "...нужно усовершенствовать военную дисциплину, чтобы приучить войско к войне и обороне".

^{442*} По кит. тексту: "Нужно исправить крепости и рвы, чтобы приготовиться к защите и обороне".

теперь живут вместе. Какими средствами согласить их? Как распространить способ употребления денежных билетов? Наконец, посредством чего можно уравнивать цену вещей?" Лю-бин отвечал: "Города и крепости могут быть крепки по выбору полководцев для охранения оных. Если войско не будет притеснять народ, то между народом и войском может быть согласие. Когда прием и выпуск будут соразмерны, тогда может распространиться употребление билетов. Наконец, при побуждении к земледелию и уменьшении податей может уравниваться цена вещей". Сюань-цзун хотя и одобрил его слова, но не мог ими воспользоваться и только сделал Лю-бина главным прокурором.

В шестой месяц Сюань-цзун, услышав о возвышении цены на хлеб в столице Бянь-цзинь, спрашивал вельмож, каким образом поправить это. Когда все говорили, чтобы поставить цену законом, вельможа Гао-жули сказал: "Повышение и понижение цен на вещи в продолжении одного дня бывает различное. Если много покупателей и мало продавцов, то цена возвышается. Ныне из всех мест народ собрался в Хэ-нань. Возможно ли, чтобы при многочисленности покупателей не возвышалась цена? Если определить цену, то имеющие хлеб скроют оный и не будут выпускать для продажи, и перепродавцы равно не будут больше приходить в столицу Бянь-цзин. Тогда покупатели придут в крайность, и цена еще более возвысится. Всякое дело имеет свои трудности и удобства. Можно ли не знать этого? Ныне трудно приобретать хлеб, потому что его мало, и легко получить денежные билеты, потому что их много. Должно предупредить трудное и потом принять за легкое. Когда, по принятии мер к выпуску хлеба для продажи, торговлю будут производить посредством билетов, цена на хлеб сама собой может понизиться". Государь последовал сему совету.

В седьмой месяц государь Сюань-цзун утвердил печати: для чиновников шу-ми-юань - с изображением оленя, для чиновников сюань-фу-сы - с изображением рыбы; для тун-цзюнь-сы - с изображением тигра.

В восьмой месяц цзиньский вельможа Чжан-жу-ци, намереваясь снова отложиться, послал тайно человека для склонения вельможи Сунь-бан-цзо. Сунь-бан-цзо, удержав присланного, тайно донес о сем деле вельможе Вань-янь-би. Вань-янь-би, около своего дома скрыв в засаде солдат, пригласил к себе на пир Чжан-жу-ци. Обнося несколько раз чашу с вином, когда все напились, скрытое войско, на звук бубнов вышед из засады, умертвило Чжан-жу-ци. Его сообщников (более 10 тысяч человек) равно предали смерти. Сюань-цзун-хан весьма одобрил сей поступок и Вань-янь-би возвел в достоинство ми-го-гуна, а Сунь-бан-цзо сделал чиновником фан-юй-ши; прочих наградил по заслугам. Разбойники "красной одежды" произвели грабеж в Чэн-у⁶⁴¹. Цзиньский генерал Янь-чжан-тянь-чжэ, сразившись с ними, разбил и умертвил несколько сот человек. В девятый месяц Разбойник "красной одежды" Чжэу-юань-ерр, истребив цзиньский город Шень-чжэу⁶⁴², взял три уезда: Дун-лу, Ань-пин и У-цзи. Главнокомандующий губерний Чжэнь-дин, употребив хитрость, убил разбойника Чжэу-юань-ерр и более 500 человек его сообщников.

В десятый месяц войско царства Ся вступило в места Бао-аньские; цзиньский генерал Го-цзя-ну, давши сражение, разбил оное. Цзиньское пограничное войско снова поразило войско Ся, при нападении оного на город Янь-ань. Цзедуши Тушань-удянь доносил, что вельможа Можань-цзинь-чжун имеет намерение отложиться. Государь со скорбью сказал: "Я не пренебрег Можань-цзинь-чжуном. Но Цзинь-чжун, бросив Среднюю столицу и презрев изображения моих предков, их могил и всех царей, ушел со своей женой. Это уже составляет большой проступок". За сим он заключил Цзинь-чжуна в темницу. Спустя долгое время по заключении Можань-цзинь-чжуна в темницу, вельможа Сюй-гу говорил государю: "Конечно, Цзинь-чжун имеет большой проступок, когда государь заключил его в темницу. Но не зная его вины, все поражены страхом. Государь! Поручи правдивым и верным вельможам исследовать его дело. Если он действительно окажется виновным, то, обнаружив его преступления, успокой уstraшенных подданных внутри и вне столицы". Сюань-цзун повелел исследовать дело, и так как оно оказалось истинным, то казнил Цзинь-чжуна и Ули-е и объявил об их преступлении внутри и вне.

Войско Ся овладело городом Линь-тао и взяло в плен генерала Хушила. Когда Сюань-цзун употребил потомка Конфуция Кун-юань-цо, то вельможи говорили ему: "Могила Конфуция находится в Шаньдунской губернии в городе Цюй-фу-сянь⁶⁴³. Туда должно отправить человека для жертвоприношения". Сюань-цзун согласился на их слова и послал Кун-юань-цо для жертвоприношения (Конфуцию). Но после государь рассудил, что Кун-юань-цо есть потомок премудрого, и что в Шаньдунской области везде ходят разбойники, почему, если оставить его там для жертвоприношения, опасно, чтобы с ним не случилось несчастья, и чтобы не пересеклись с ним потомки. Затем, вызвав обратно Кун-юань-цо, сделал его чиновником тай-чан-бо-ши⁶⁴⁴ в палате жертвоприношений. Ляодунский злодей Пусянь-ван-ну объявил себя государем и первый год своего царствования назвал Тянь-тай⁶⁴⁵. Войско Ся напало на цитадель Хэ-жун-чжай в Суйдэ⁶⁴⁶, но цзиньское войско разбило оное. Потом оно вторично напало в Суй-дэ. Цзиньское войско снова поразило его. Цзиньский генерал Ила Табуе с десяти тысячным отрядом разбил корпус Ся при Шу-ян-чжай⁶⁴⁷, состоявший из нескольких десятков тысяч. Чиновник пин-чжан по имени Гао-ци со всеми вельможами явился к государю с поздравлением и говорил: "При величии и добродетелях государя, Табуе с малым числом войска возмог разбить великое число неприятеля". Сюань-цзун отвечал на сие:

"Издrevле возвышение государств основывалось на верности и мудрости вельможей. И ныне я возмог сделать успех равно силами полководцев и мудрых вельможей". Ила Табуе возвысил в жун-лу-дай-фу⁶⁴⁸. Отложившиеся от Цзянь Лань-чжэу-цзи и Чэнь-сэн⁶⁴⁹ пришли с восьмидесятитысячным корпусом войска Ся и осадили город Линь-тао-фу. Через полмесяца у осажденных, состоявших только из нескольких тысяч человек, оказался недостаток в провианте. При общем бедствии главнокомандующий городом Хутумэнь утешал страждущих тем, что успехам и неудачам, равно как и счастью и бедствиям вообще, причиной считал собственные поступки^{443*}. Он казнил 20 человек, имевших сношения с неприятелем, и выбросил их головы за крепость. Войско Ся обступило город с четырех сторон. Хутумэнь ночью вышел с войском из крепости и напал врасплох на стан неприятельский, отчего войско Ся пришло в смятение и обратилось в бегство. Цзиньцы, преследуя оное, во множестве его побили. Монгольское войско взяло приступом Чжан-дэ-фу; при сем убит начальник города по имени Селе.

1215 год

Чжэнь-ю четвертое лето. В первый месяц Злодеи "красной одежды" напали на Тай-ань, Дэ-чжэу и Бо-чжэу. Главнокомандующий западной частью губернии Шань-дун разбил их. В этом месяце монголы взяли Цао-чжэу. Сюань-цзун своего сына Суй-вана Шэу-ли объявил наследником престола. Во второй месяц монголы завладели всеми проходами горы Хо-шань⁶⁵⁰. Сюань-цзун повелел указом написать на хартии имена умерших за правду вельможей и, воздвигнув храм, делать им жертвоприношения. В третьем месяце генерал Чжан-вэн, истребив войско Чжао-фу, взял обратно Эн-чжэу. В четвертый месяц генерал Чжан-хай взял обратно одиннадцать городов: Цинь-чжэу и другие, проигранные неприятелю. Сюань-цзун послал чиновников наградить военачальников и солдат по их заслугам^{444*}. Некто Хао-дин⁶⁵¹, присвоив себе титул государя, постановил чиновников и взял три округа - Тэн, Янь и Шань-чжэу; более десяти уездов - Лай-фу, Тай (Сянь) и другие⁶⁵². В восьмой месяц, когда войско Ся вошло в Ань-сай-пу⁶⁵³, главнокомандующий Цинь-шэу отправил против оного отряд, который и разбил войско Ся. Монголы взяли Янь-ань. По прибытии войска Ся к реке Цзе-е-цзуй, цзиньцы разбили оное. В девятый месяц монголы взяли Фан-чжэу. При нападении их на Дай-чжэу, начальник города Чэухэшан сразился с ними, но был разбит и взят в неприятелем. Монголы требовали от Чэухэшана подданства, но Чэухэшан не покорился и умер. В десятый месяц, по взятии монголами заставы Тун-гуань, оберегательное пограничное войско пришло в смятение и обратилось в бегство. Генерал Пулуху выступил с войском против монголов, но был разбит. Пулуху умер. В сем месяце Сюань-цзун, учредив приказ приглашения мудрецов, предписал указом чиновникам внутри и вне столицы следующее: "По отыскании людей способных, мужественных и сообразительных, могущих управлять городами, представлять о них мне. Если кто из них по употреблении окажется действительно хорошим, в таком случае награждать и того, кто его представил. Те, кои имеют дарования, но неизвестны другим, свободно могут приходить сами в приказ приглашения мудрых и объявить о себе". В одиннадцатый месяц сорокатысячный корпус Ся осадил город Дин-си-нянь⁶⁵⁴. Во время приготовления оным военных (осадных) орудий, генералы Ши-чжань-хэси и Янь-ганьле с другими вышли с войском и, сражаясь всеми силами, разбили корпус Ся. При этом они побили две тысячи человек, несколько десятков схватили живыми, а остальные все обратились в бегство. По прибытии монгольского войска в место У-чи⁶⁵⁵, корпус главнокомандующего Али-бусунь пришел в смятение и бежал. В двенадцатый месяц монголы взяли приступом город Пин-ян⁶⁵⁶. Монголы вошли во все заставы в Дай-чжэу, Шень-сянь, Хэн-чэн, Пин-дин и Чэн-тянь-чжэнь и напали на Тай-юань-фу. Генерал Угулунь-ли послал в столицу с известием о своем стесненном положении. Государь Сюань-цзун предписал приказом идти на помощь войску главнокомандующего из губернии Лу-чжэу⁶⁵⁸, также войскам правлений сюань-фу-сы в Пин-яне, Хэ-чжун Цзянь-чжоу и Мэн-цзинь. После чего монголы, оставив осаду, ушли.

1216 год

Чжэнь-ю пятое лето. В первый месяц из царства Сун прибыл с поздравлением посол. При отправлении посла обратно, Сюань-цзун говорил министрам: "Я слышал, что на южной границе Эн-чжэу⁶⁵⁹ появилось великое множество разбойников. Это народ их (сунских) владений, который, терпя

^{443*} По кит. тексту: "...ежедневно говорил о следствиях возмущения и послушания, о счастье и несчастьи; и все воодушевились его словами".

^{444*} По кит. тексту: "...повелел Чжань-кай повысить двумя степенями, а прочих чиновников и солдат наградить по заслугам".

голод, производит беспорядки по берегам реки Цзянь-хуай⁶⁶⁰. Для чего же еще Сунское царство завоевывает сии места?" При сих словах Гао-ци убеждал государя снарядить войско и посредством войны с Сун распространить владения. Но государь отвечал ему: "Мои намерения не таковы. Я бы доволен был и тем, когда бы возможно было сберечь владения, оставленные предками. Зачем начинать войны вне?" Во второй месяц сенаторы представили Сюань-цзуну, чтобы, по недостатку провианта для войска, отдать оному съестные припасы, отпускаемые по округам и провинциям на учащих. Государь отвечал: "Исстари науки и военное искусство равно считались необходимыми. При существовании Средней столицы, восстанавливая училища, не оставляли доставлять пропитание учащимся. Возможно ли теперь прекратить оное? Пусть выдают хлеб учащимся по-прежнему". В третий месяц Ши-хай, завладев местом Чжэнь-дин, отложился. Но генерал У-сянь со своим отрядом убил в сражении Ши-хая и более двухсот его сообщников; остальные все сдались. В четвертый месяц сунский двор не представил государству Цзинь положенной дани. Почему Сюань-цзун отправил генералов Цин-шэу и Сайбу воевать против Южного царства Сун. Сайбу разбил войско сунское при Синь-яне. В сем сражении восемь тысяч человек было убито и взят в плен сунский корпусный генерал Чжэу-гуань. Потом, снова встретив сунское войско при городе Лун-шань⁶⁶¹, побил оно великое множество^{445*}. За сим корпус Сайбу перешел реку Хуай-хэ и истребил Гуань-чжэускую заставу Лян-гуань⁶⁶². В пятый месяц цзиньское войско, находившееся в губернии Шань-си, разбило войско Ся при Да-бэй-ча. Цин-шэу разбил сунское войско при Ни-хэ-ване; потом снова поразил оное при Фань-чэн-сяне⁶⁶³. Сунцы взяли городок Лян-шуй-сянь⁶⁶⁴. Монголы завладели уездом У-чэн-сянь⁶⁶⁵ и убили военачальника Жинь-фу. В этом месяце возвратились корпуса генералов Цин-шэу и Сайбу, ходившие на войну против Сун. Войско Ся напало на Хуан-хао-пэнь, но было разбито войском Цзинь. Нушила поразил сунское войско, пришедшее для нападения на Хай-чжэу. Войско Ся осадило Ян-лан-чжай. Цзиньское войско, собранное из разных мест, разбило оное.

В восьмой месяц начальник города Хай-чжэу по имени Нушила вступил с сунцами в сражение при Ши-циу⁶⁶⁶, Лянь-шуй-сянь и Чжун-ту-цзо и везде поражал их. Кроме сего, Нушила разбил войско в сражении на их границе. Равно генерал Ли-юань беспрестанно одерживал победы над сунцами и взял их в плен во множестве. В девятый месяц войско Ся напало на крепость Кэ-жун-чжай при городе Суй-дэ. Цзиньский генерал Лошихой, вступив в сражение, разбил оное. Сюань-цзун лета правления переименовал в первый год Син-дин и обнародовал прощение в государстве. В десятый месяц монголы завоевали Цы-чжэу, Цзоу-пинь, Чан-шань и Цзы-чжэу. Кроме того, монголы взяли пять городов и губерний Шаньдуна: Бинь-чжэу, Ло-чжэу, Бо-чжэу, Цзы-чжэу и Синь-чжэу (И-чжэу)⁶⁶⁷. В двенадцатый месяц монголы взяли город Ло-чжэу, причем убит в сражении дивизионный генерал. Монголы усмирили И-ду-фу. Военный губернатор города Хай-чжэу по имени Нушила против войска сунского отправил генерала Хань-би, который и разбил оное при Янь-цан. Когда монголы вторично напали на Синь-чжэу (И-чжэу), жители города, оставив оный, бежали. Монголы взяли Ми-чжэу, причем убит цзедуши Вань-янь-юй.

1217 год

Второе лето Син-дин. В первый месяц при нападении сунцев на Тан-чжэу с северной стороны реки Хуай-хэ, цзиньское войско, разбив их, захватило генералов Цзи-сюань-тао и Чэнь-гао. Главнокомандующий в Тан-чжэу и Дэн-чжэу по имени Вань-янь-сайбу, поразил сунское войско при горе Те-шань⁶⁶⁸. Вань-янь-сайбу вторично разбил сунцев при нападении их на Сы-чжэу. Во второй месяц сунцы напали на проход Цин-кэу⁶⁶⁹. Цзиньское войско, вступив в сражение, разбило их. Генерал О-кэ разбил сунский отряд при городе Фан-шань⁶⁷⁰. Генерал Хуань-дуань вступил с сунцами в сражение при Гуан-чжэу и Син-янь и везде поражал их. Управляющий городом Хай-чжэу Нушила разбил сунское войско при горе Цзюй-шань⁶⁷¹. Когда Сайбу подступал к Цзао-яну, сунцы, вышедши из города, вступили в сражение, но Сайбу, разбив их, вдавил в окоп городской и побил более трех тысяч. После сего он осадил город и снова разбил отряд сунцев, состоявший из тысячи конницы и десяти тысяч пехоты, который пришел на помощь к Цзао-яну. Генерал Алин, сделав приступ к городу Цзао-цзио-пу⁶⁷², завладел внешней стороной оного. Защищавший город корпусный генерал У-юнь зажег город и вышел из оного с войском. Но Алин с конницей пресек ему дорогу с лица и послал пехоту напасть с тыла, после чего сунское войско было разбито. Сам У-юнь и двести человек низших чиновников были взяты в плен. Чиновник из палаты шу-ми-юань из города Шэу-чжэу разбил отряд в окопе при реке Гао-лю-цяо. После сего, сравнивши окоп, (он) возвратился. Генерал Окэ, завладев дорогой через хребет Ци-пань-лин^{446*}, сражался с сунцами

^{445*} В Лечжуань: "Встречаясь с сунским войском при горах Лун-шань и Ци-ли-шань, шесть раз вступал с ним в сражение и побил, и взял в плен великое множество".

^{446*} По кит. тексту: "...завладев частоколом сунского войска при горе Ци-пань-лин..."

при Пэй-цзя-чжуан, Хань-шань-лин и Лун-мэнь-гуань⁶⁷³, всякий раз разбивая их. Сюань-цзун говорил сенаторам: "Я узнал, что изъявляющихся для покупки чинов на хлеб члены палаты чинов весьма многих отсылают без удовлетворения. Что же мы должны будем предпринять по совершенном прекращении съестных припасов?^{447*} Равно слышал, что при награде приобретших заслуги на войне непременно заставляют их представлять свидетелей из офицеров. Сии люди вообще из низшего класса. Могут ли они знать офицеров? Когда представляемые от них письменные свидетельства заслуживают доверия, им должно давать чины. При существовании Средней столицы я часто, оказывая милости, давал чины доставлявшим (в город) дрова и угли. Ужели я обманывал их? Но им равно препятствовали в получении чинов. Объявите членам палаты чинов мои слова, чтобы впредь они не смогли поступать таким образом". Генерал Я-у-да разбил сунцев при Юй-тай-цзуне. В третий месяц Окэ поразил сунское войско при Гуан-хуа-цзуне. Сунцы, отнимая крепость у Цзяо-цзио-пу, сделали нападение на цзиньское войско. Войско Цзинь пришло в беспорядок, и генерал Алинь был убит. В четвертый месяц генерал Чэн-и разбил сунское войско при Цзао-цзио-пу. Вельможа Хэу-чжи, предводительствуя войском, взял Ми-чжэу⁶⁷⁴, а Чжу-шэнь возвратил городок Гао-ми. Корпус шань-иньский, разбив сунское войско при горе Цзи-гун-шань, взял Хэ-чжэу и Чэн-чжэу⁶⁷⁵. За сим, по достижении им городка Хэ-чи-сянь, сунское войско, охранявшее заставу Хэй-гуань, предалось бегству. В продолжение сей компании приобретено десять тысяч мер хлеба и множество военного оружия. Бунтовщики "красной одежды" ворвались в Сюй-ни, но цзиньское войско разбило их в сражении. Корпус, находившийся в Линь-тао, разбив бунтовщиков "черного знамени", взял городок Цзяо-си-сянь⁶⁷⁶. Он поразил также злодея Ли-цюань, пришедшего с войском на помощь. Когда цзиньское войско, находившееся на северной стороне реки (Хуан-хэ), разбив бунтовщиков "красной одежды", достигло Ми-чжэу, более десяти военачальников и семьсот человек простых воинов от бунтовщиков перешли в подданство. Они все были определены на их прежние места. В пятый месяц губернии Фын-сян главнокомандующий Вань-янь-люй-шань, разбив сунское войско при Бу-ло-во, взял несколько селений, принадлежавших городку Сян-лу-пу⁶⁷⁷. Генерал Хуан-го Алуда при Цзюй-чжэу разбил войско бунтовщиков "красной одежды" Ли-цюань. Потом на южной стороне городка Жи-чжао-сянь⁶⁷⁸, снова напав на него с трех сторон, гнал его на расстоянии сорока ли. Войско Ся из Дуань-чжэу (Цзя-чжэу)⁶⁷⁹ вступило в Лу-чжэу. Главнокомандующий Чэн-ли, отрядив туда часть своего войска, разбил оное. Житель городка Лай-чжэу⁶⁸⁰ по имени Цюй-гуй, убив губернатора Чжуань-ну, отложился со всем городом и назвал себя главнокомандующим. Губернии Шань-дун генералы Ван-тин-юй и Хуан-го Алуда, сразясь с ним, одержали победу. Чиновника гун-чи по имени Бо-чжень и несколько десятков низших чинов они убили в сражении, а Цюй-гуй, Люй-чжун и другие, более десяти человек, схватив живыми, казнили, и, таким образом, места Лай-чжэу сделали спокойными. Главнокомандующий Чэн-и, находившийся в Гун-чжэу, дал войска генералам Чан-шэу и Цзи-сэн и послал их двумя дорогами воевать царство Сун. Когда Чан-шэу выступил через Янь-чуань-чжэнь, сунское пограничное войско, отступив, стало при горе Ма-тоу-шань. Потом, соединившись с войсками всех колен сунских, оно пошло навстречу корпусу Чан-шэу. Но Чан-шэу разбил его, равно как и четырехтысячный отряд в Ли-чуань-чжай, шедший на помощь. За сим Чан-шэу, проходя к городку Дан-чан-сянь, разбил двухтысячный отряд сунский при Се-гу и взял Дан-чан-сянь. Отселе корпус Чан-шэу пошел далее и разбил войско города Си-хэ-чжэу. На следующий день (после разбития) сунское войско построилось по берегу реки. Но Чан-шэу вступил в сражение со всем жаром, почему сунское войско и обратилось в бегство и, вошедши в город Си-хэ-чжэу, твердо охраняло оный, но не выходило из него. Войско Чан-шэу пошло обратно. Генерал Цзи-сэн, выступив через Те-чэн-пу⁶⁸¹, беспрестанно поражал сунское войско и свой отряд возвратил в целости. Войско города Шэу-чжэу разбило сунцев при реке Ши-хэ⁶⁸². Войско, находившееся на северном берегу реки, взяло обратно проигранный сунцами городок Хуан-сянь⁶⁸³. Монголы вошли в Цзинь-чжэу и убили главнокомандующего Лю-чжун-хэна. Злодей Фын-тян-юй из Ши-чжэу с несколькими тысячами сообщников производил беспорядки в Линь-цюань-сяне⁶⁸⁴. Главнокомандующий послал против него воевать своих полководцев, но они были разбиты бунтовщиками. Тогда жители округов и уездов, вблизи того места находившихся, согласясь между собою, решили встретить злодеев и дать сражение. На помощь к ним пришел с войском генерал Гун-шунь. После чего злодей Фын-тян-юй с несколькими десятками человек пришел в подданство. Гун-шунь предал всех их смерти. За сим оставшиеся злодеи, убежав, остановились при горе Цзи-цуй-шань. Гун-сюнь послал против них Ван-цзю-сы, который, истребив стан бунтовщиков, две тысячи человек из них убил на сражении и более пяти тысяч заставил покориться^{448*}.

^{447*} По кит. тексту: "Они не понимают, откуда истекают выгоды и вред при нынешнем недостатке припасов".

^{448*} По кит. тексту: "Ван-цзю-сы не мог взять их, почему повелено было Ма-цзи-ляня, чиновника Бянь-сиу из палаты го-ши-юань⁶⁸⁵, отправить для их призыва с императорским указом и подарками. Но Ван-цзю-сы перед его прохождением, разрушив палисад, в коем они находились, умертвил из них более двух тысяч человек, остальные ушли в ущелья гор. Вскоре за тем некоторые из них, как то: Ань-го-юн и другие, всех более пяти тысяч человек, явились к Ма-цзи-ляню с покорностью".

Бунтовщики "красной одежды" напали на И-чжэу. Цзиньское войско разбило их и гнало до Бо-ли-цзяня. При сем генерал Ци-синь убит бунтовщиками в сражении. Один из императорских стряпчих представил Сюань-цзуну доклад следующего содержания: "По одержании нашим войском победы над сунцами, члены палаты доходов сверх права повысили чином Цзан-бо-шэня, который в то время отвозил съестные припасы в Си-чжэу. Его следует предать суду". Государь на сие ответил: "Во время войны много случается сему подобного, и не один Цзан-бо-син виноват в этом. Если теперь подвергнуть его суду, то другие равно не будут спокойны. Сверх того, когда мы будем разыскивать причину сего дела, то в преступлении будет замешан также главнокомандующий. В настоящее время, при чрезвычайности дел, возможно ли забыть о главном предмете из-за одного чина? Довольно повелеть палате лишить чина".

Осенью в седьмой месяц войско Ся ворвалось в Кань-гу⁶⁸⁶, но Цзя-гу-жуй разбил оное в сражении. В восьмой месяц монгольский государь Тай-цзу дал Мухури⁶⁸⁷ и другим генералам несколько десятков тысяч пехоты, с коей они через хребет Тай-хэ-лин⁶⁸⁸ вошли в места Хэдунские и взяли город Дай-чжэу. Генерал Чоу-хань истребил толпу злодея "красной одежды" Чжан-цзюя и, взяв Бинь-чжэу и Лу-чжэу, умертвил бунтовщика Ли-и. Монголы еще взяли Си-чжэу. В девятый месяц монголы, окружив в несколько рядов Тай-юань-фу, завладели рвом и валом, но начальник города Дэ-шэн, поставив частокол, сопротивлялся им. Дэ-шэн сражающимся воинам раздавал из своего дома серебро, шелковые материи и лошадей. Когда монголы, разрушив северо-западный угол крепости, шли вперед, Дэ-шэн заставил оный телегами, соединив их вместе. Монголы трижды поднимались на стены и трижды были отражены. Стрелы и камни низвергались подобно дождю. Наконец, войско, защищавшее паранет, не могло выстоять, и город был взят. Дэ-шэн, возвратясь домой, сказал тетке и своей жене: "Я несколько лет охранял сей город, но теперь, к несчастью, силы истощились". После сего он повесился. Его тетка и жена равно лишили себя жизни. Государь Сюань-цзун предписал наследнику престола следующее: "Военные действия производятся скоро, и каждое движение зависит от случая. Посему, чтобы не делать замедления, наперед доноси мне о всяком предприятии. С сего времени при действиях поспешных пусть доносят мне уже по совершении оных". В это время члены палаты шу-ми-юань представили доклад государю, которым просили, по недостатку провианта для войска в Хай-чжэу и по причине трудности перевоза туда съестных припасов, перевести войско из тех мест во внутренние области. Император Сюань-цзун спросил о сем вельможу Хэу-цзи. Хэу-цзи отвечал: "В Хай-чжэу весьма много гор, сверх того, он защищен морем, посему он и есть необходимое пограничное место. Причиной появления там в сии годы злодеев суть подарки, доставляемые им от сунцев. Когда, оставив это место, войско переселится на другое, то все места до Дун-пина будут неприятельские. По расширении владений неприятелем и по увеличении сил, трудно будет взять его. По моему мнению, не должно делать переселения. Ваше Величество намерено переселить войско только потому, что опасается недостатка продовольствия. Но я думаю, что когда, по тщательным соображениям, побудим земледельцев вовремя производить посевы и, заставив варить соль, будем променивать на хлеб, или, построив в Су-чжэу и Цянь-чжэу⁶⁸⁹ соляные магазины, будем производить торговлю, тогда без отягчения народа получим необходимое. Притом, избрав хорошие места, на коих бы можно было завести военное поселение, и расселив по оным отряды, когда будем охранять оные и делать поиски, тогда и без переселения бедствия могут прекратиться". Государь, приняв его слова, оставил делать переселение. Монголы, взявши Фэн-чжэу, умертвили в оном цзедуши. Злодей "красной одежды" Ли-цюань завладел городом Ми-чжэу и схватил чиновника чжа-фу-ши по имени Хуан-го Алуда и цзедуши Сыцзяну. Монголы взяли городок Сяо-и-сянь. Ли-цюань еще овладел двумя городами Шэу-гуан-сянь⁶⁹⁰ и Цзоу-пин-сянь. В десятый месяц вельможа Цун-тань из Пин-ян-фу сделал доклад императору следующего содержания: "Монголами взят шаньсийский город Тай-юань-фу, и войско неприятельское уже приблизилось к Пин-ян-фу. Военные поселения и уезды Хэдунские беспрестанно передаются потому, что недостаточно оберегательного войска и не приходят войска вспомогательные^{149*}. Войска, охраняющего Пин-ян-фу, нет и шести тысяч. Но Пин-ян-фу есть главная опора для области Хэдунской и щит для мест Хэнаньских. Прошу Ваше Величество в Лу-чжэу совокупить войска из Бин-чжэу, Хуай-чжэу, Мэн-чжэу и Вэй-чжэу. Кроме того, прошу вызвать войска из Цзэ-чжэу, Цинь-шуй, Дуань-ши и Гао-пина⁶⁹¹ и, поставив их лагерем при горах, посредством слухов об оных доставить помощь Пин-ян-фу. Благоволите, государь, избавить из крайности". Вскоре после сего неприятельские войска подступили к Пин-ян-фу. Чиновник тикун⁶⁹² по имени Гао-юн вступил в сражение на северной стороне города и был взят в плен неприятелем. От Гао-юна требовали покорности, но он не покорился и умер. В следующий день монголы взяли город, правители города Цун-тань и Ли-гэ лишили себя жизни. Из Дин-чжэу чиновник цы-ши по имени Фань-до, бросив город, бежал. Сюань-цзун, по поимке Фань-до, предал его смерти. Сунцы напали на городок Лянь-шуй-сянь. Чиновник тикун по имени Лю-ин сразился и разбил их. Бунтовщик Ли-цюань завладел городом Ань-циу⁶⁹³. Генерал Тянь-чжо дал войско генералам Ван-чжэну и Ван-тин-юю и послал их против него. Чиновник тай-фу-шао-

^{149*} По кит. тексту: "Округов и уездов Хэдунских сберець невозможно, потому что оберегательного войска мало".

цзянь⁶⁹⁴ по имени Бо-дэ-вань с отрядом Ван-чжэна своевольно напал на Ань-циу и был разбит, причем убит был чиновник тикун по имени Ван-сянь. Генерал Тянь-чжо представил доклад государю следующего содержания: "Бо-дэ-вань был послан для осмотра вблизи гор и рек удобных мест для военных лагерей. Но он не отправился в скором времени и, находясь в Ми-чжэу, своевольно поднял войско и был разбит, почему прошу судить его". Император Сюань-цзун нарядил чиновников, и проступок Бо-дэ-ваня был исследован. Но в это время был издан милостивый манифест, посему его преступление было отставлено. В одиннадцатый месяц монголы взяли Ли-чжэу. Начальники города Пуладу и Ван-лян-чэнь погибли в сражении. Генерал Цзягужуй разбил войско Ся при Чжи-гу-бао⁶⁹⁵. В двенадцатый месяц вельможа И-ла-фу-сэн представил императору Сюань-цзуну доклад следующего содержания: "Во-первых, по соображениям, в настоящее время необходимо склонить наперед к подданству войско колена Фу⁶⁹⁶ и, избрав из него людей любимых другими и способных, изъявить им милости и доверие. Когда они уверятся в нас, тогда нам можно будет проникнуть в область Ляодунскую. Теперь в северо-западной стороне большие бедствия, с южных сторон равно нельзя возвратить войска. Все съестные припасы получаются из владений Хэнаньских, от чего работа⁶⁹⁷ и оброки стали чрезмерны, а силы народа истощились. Посредством заключения мира с царством Сунским надлежит утвердить за собой Хэ-шо и доставить продовольствие войску и скоту. В этом состоят главные расчеты настоящего времени. Во-вторых, разорив область Шаньдунскую, бунтовщики наполнили горы и степи. У нас мало войска и нет конницы. Когда царство Сунское доставит злодеям продовольствие и, обольщая их, наградит чинами, наши бедствия еще более увеличатся. Посему необходимо послать к ним способных чиновников для склонения их к покорности. Посредством наград и милостей (надо) заставить их возвратиться в их прежние места^{450*}, а затем, избрав из них более мужественных, должно сформировать из них войско. Это равным образом средство к переселению врагов. Наконец, в-третьих, со времен правления Чэн-ань к войску неуклонно стали определять надзирателей и инспекторов. Сии инспектора при совещаниях не бывают согласны с генералами, а их ошибки не только не обсуждаются, но еще (их) поставили законом для других. Сии люди, ведя праздную жизнь, заставляют охранять себя искусных и храбрых воинов, а при непредвидимых и крайних случаях наперед заставляют сражаться воинов слабых и трусливых. Можно ли после сего не поражаться? Итак, полезнее уничтожить их должность". Сюань-цзун воспользовался сим представлением. Один из прокуроров доносил Сюань-цзуну на И-ла-ду следующее: "Главкомандующий области Дэн-чжэу по имени И-ла-ду заставил солдат покупать песок и посыпать дорогу, по коей он ехал; употреблял тайно казенное серебро и имел у себя запрещенные книги, называя их императорскими указами; заочно поносит государя и, разделив свое войско на чреды, заставлял стоять оное во вратах на карауле^{451*}; приготовил регалии, сзади и впереди носимые, подобные царским, и, наконец, своим женам приготовил наряды, подобные тем, какие носят жены во дворце императорском". Сюань-цзун повелел председателям палаты чинов Абуханю и Себуши исследовать дело. По исследовании дело оказалось действительным, почему, предав казни И-ла-ду, обнародовал о сем внутри и вне. Сенаторы представили императору доклад следующего содержания: "Государственный совет управляет войском, а наследник престола ему покровительствует. В настоящее время просим Ваше Величество по всем губерниям разослать чиновников, к которым бы относились о выслужившихся и подвергшихся преступлениям. Они будут доносить наследнику престола, а сей - представлять Вашему Величеству. Уже после сего просим производить награды и наказания^{452*}. Между тем, военных чиновников следует обязать, чтобы они не делали обид и притеснений". Император согласился на сие представление. Сюань-цзун, поручив бумагу вельможе Люй-цзы-юю, послал его для заключения мира в царство Сунское. Но сунцы его не приняли, и он возвратился. Тогда Сюань-цзун, сделав своего зятя Пуса-ань-чжэня главкомандующим левого крыла, дал ему 30 тысяч войска и послал воевать против царства Сун. Пуса-ань-чжэнь достиг с войском места Ань-фын⁶⁹⁸, где семитысячный отряд сунский вступил с ним в сражение. Генерал Хулула, напав сбоку, разбил оный и, преследуя его до реки Фэй-шуй, побил более двух тысяч. Пуса-ань-чжэнь, по достижении Ян-цзы-цзян, пошел с войском обратно. Император Сюань-цзун повелел министрам следующее: "В нашей столице множество нищих замерзает от холода, о чем я весьма болезную. Отдаю лес^{453*} из Северного сада и повелеваю приготовить для них теплые жилища".

^{450*} По кит. тексту: "...к прежним обязанностям..."

^{451*} "...заставляет придворных солдат стоять во вратах на страже, а своих адъютантов заставлял оставаться по очереди при себе во время ночи".

^{452*} По кит. тексту: "Постановить на время по всем губерниям походные отделения государственного совета с тем, чтобы оные относились сперва о приобретших заслуги и нарушивших законы в государственный совет, который будет доносить о них наследнику, а сей - представлять Вашему Величеству. После сего уже, с разрешения Вашего Величества, будут производиться награды и наказания, а служащие по сей части будут только исполнителями повелений".

^{453*} По кит. тексту: "...бамбуковый лес..."

1218 год

Третье лето Сун-дин. В первый месяц Сюань-цзун повелел указом воевать против царства Сунского, и генерал Я-ута разбил сунцев при селении Сянь-шань-пунь округа Хао-чжэу. Монголы утвердили за собой Тай-юань-фу, отчего северные области ослабели более прежнего^{454*}. Император собрал всех чиновников для совещания о способах к противостоянию и охранению собственных владений. В это время прибыли с донесением о победах, одержанных над царством Сун. Тогда император говорил чиновникам: "Сего дела остановить нельзя. Я посылал в царство Сунское с предложением о мире. Но сунский двор не согласился на оный. Возможно ли нам и после сего не начать с ними войны?" Во второй месяц Сюань-цзун советовался с наследником о назначении главнокомандующего для производства войны на юге и, не находя способного для сего человека, со вздохом сказал: "Империя обширна, а при делах крайних не найти человека, которого бы можно было послать к оным. Могу ли я не сокрушаться об этом?" Я-ута, разбивши сунцев при Чу-чжэу, тысячу человек положил на месте. Кроме того, он разрушил крепость Сяо-цзян-чжай, где побил тридцать тысяч и более десяти тысяч взял пленными. Я-ута снова завладел окопом при горе Пин-шань, причем несколько тысяч человек предал смерти и более пятисот взял в плен. Генерал Ань-чжэнь, по вступлении в пределы сунские, истребил городок Лян-сянь⁶⁹⁹ и взял в плен чиновника тун-чжи по имени Ли-шенъ-чжи. Главнокомандующий правого крыла Сайбу и чиновник дучзянь⁷⁰⁰ по имени Я-ута, овладев крепостью Бо-ши-гуань, побили более тысячи человек, охранявших оную. В третий месяц корпус области Шань-си разрушил крепость Ху-шэу-гуань⁷⁰¹, взял города Синь-юань и Ян-чжэу и разбил войско в Ци-кэу-цане. Генерал Хэда поразил сунское войско в крепости Хой-линь-гуань, причем положил чиновника тун-чжи по имени Чжан-ши. Улибу, по разбитии сунцев в Шан-цзинь-сяне⁷⁰², прошел до города Хао-чжэу. Здесь выступило против него сунское войско, но генерал Я-ута, напавши сбоку, смял оное. Хэда сразился с сунцами при Ма-лин-пу⁷⁰³ и разбил их. Ань-чжэнь, поразив сунское войско при горе Ши-гу-шань, завладел городком Ма-чэн-сянь⁷⁰⁴, причем взял в плен начальника города Чжан-ди. Засим Ань-чжэнь снова разбил сунцев при горе Ту-шань. Сайбу разбил сунское войско в Лао-кэу-чжэнь и потом при горе Ши-ху-янь. Мятежник Ван-гун-си, приведя с собой сунцев, взял город И-чжэу. В третий прибавочный месяц войско Ся разрушило крепостицу Тун-тай-чжай⁷⁰⁵. Причем Ван-цзя-ну погиб в сражении. В четвертый месяц, когда войско Ся стояло в крепостице Тун-тай-чжай, генерал Май-чжу, сделав нападение, разбил оное. Войско Ся снова напало на Тун-тай-чжай. Главнокомандующий Вань-янь Хэда выступил из Ань-сэ-пу и подошел к Лунь-чжэу. Две тысячи пехоты Ся, выступив из города, шли на сражение. Вань-янь Хэда, поразив их, побил несколько десятков человек и десять человек взял живыми. Потом, сделав приступ к Лунь-чжэу, разрушил северный угол крепости. Настал вечер, и он отступил от оной обратно. В пятый месяц главнокомандующий, находившийся в Фын-сяне, откомандировав часть войска, разбил сунцев при Хуан-ниу-пу⁷⁰⁶. Император Сюань-цзун отправил к главнокомандующему Хэда указ следующего содержания: "Генерал! Ты способен к выполнению возлагаемых на тебя дел. Поэтому я поручаю тебе в управление места Тан и Дэн. Когда неприятель сделает нападение, а ты поразишь его, то не преследуй его далеко. Делай твердыми наши границы". При нападении бунтовщика Ли-цюань на Жи-чжао и Бо-син, Вань-ну разбил его в сражении. Злодей сделал после сего нападение на Цзи-мо⁷⁰⁷, но Сэн-шэу, сразившись с ним, разбил его. Засим он взял обратно город Лай-чжэу. Вельможа Тан-ко-гэу-эрр, предводительствуя войском, взял обратно Тай-юань-фу.

В восьмой месяц Сюань-цзун, призвавши членов прокурорского приказа, говорил им: "Порученные мной Сенату дела в продолжении нескольких дней не исполняются. Когда я спрашиваю об этом, сенаторы постоянно выдумывают мне ложные ответы. Возможно ли, чтобы забывали о делах главные вельможи? Прокуроры обязаны доносить о несправедливостях чиновников по отделениям палат. Господа! С сего времени в подобных случаях и вы будете подвергнуты суду!" Засим он постановил, чтобы прокуроры дважды в месяц свидетельствовали предписываемые Сенату указы и от него делаемые доклады. Монголы завладели городом У-чжэу, причем убили чиновника пань-гуань⁷⁰⁸ по имени Го-сиу. Кроме того, монгольское войско взяло городок Хэ-хэ-сянь⁷⁰⁹, при сем убит начальник города Цао-тянь-и. В девятый месяц генерал Тянь-чэн поразил сунцев в Тун-бо⁷¹⁰. Монголы взяли город Дун-шен-чжэу и убили цзедуши Бо-дэ-ва-гэ. В одиннадцатый месяц На-хэ-лу-гэ разбил войско злодеев "красной одежды" при горе Ди-шань. Монголы взяли город Цзинь-ань-фу. Председатель палаты строевых дел Нян-гэ-чжэнь погиб в сражении. Со времени вступления в должность первого министра, Гао-ци, присвоив себе власть, по произволу употреблял свое могущество^{455*}. Сдружившись с Гао-жу-ли, Гао-ци взял под свое управление

^{454*} По кит. тексту: "Монголы утвердили за собой Тай-юань-фу и через это состояние дел на северной стороне реки сделали затруднительнее прежнего. Посему император собрал всех чиновников и совещался с ними о средствах к продолжительному сопротивлению. Когда прибыли с донесением о победах, одержанных над сунцами, государь говорил с боков стоящим..."

^{455*} По кит. тексту: "...завладев властью и любовью государя, по произволу производил милости и наказание".

дела, требующие соображений. Между тем, Гао-жу-ли принял в распоряжение часть корыстную. Тем, кто им покорялся - давали должности, а кто не вверялся им - отрешали от оных. При совещании о каком-либо деле, не соглашавшихся с их мнением и восставших против одного^{456*} они наружно выхваляли пред государем за их способности и, представляя необходимым дать им должность на северной стороне реки, посылали их туда на смерть. Сверх того, Гао-ци, захотев присвоить себе власть над войском, убедил хана Сюань-цзуну начать войну с царством Сун. Считая вовсе ненужным заботиться о северной стороне реки, все лучшее войско он поставил на южном берегу. Проходили дни и месяцы, но и при появлении неприятельских войск во всех пределах государства он не посылал на помощь в крайних случаях ни одного воина. Князь Ин-ван Шэу-чунь, второй сын Сюань-цзуну, решился открыть его преступления и, призвав к себе тайно Ван-а-ли, Шилула и Хулу, советовался о сем деле с ними. Они условились не объявлять о сем никому. Но Шилула и Хулу объявили о сем сенатору Нушибу. Нушибу известил Гао-ци. Ин-ван Шэу-чуня, опасаясь, что Нушибу и Гао-ци приятели, не открывал дела. Вскоре засим Гао-ци заставил своего раба Сайбу умертвить свою жену, а это преступление сложил на самого Сайбу. Он схватил Сайбу и представил его в суд. Судьи, из боязни к Гао-ци не исследовав дела, казнили Сайбу. Об этом происшествии узнал Сюань-цзун и за злонамеренные и буйные поступки предал Гао-ци смерти. Равно казнили сенатора Нушибу за открытие Гао-ци совещания Ин-вана Шэу-чуня. Вельможам Шилула и Хулу дал до семидесяти ударов палками и лишил чинов.

1219 год

Четвертое лето Син-дин. В первый месяц монголы напали на Хао-и-пу⁷¹¹. Чиновник цы-ши по имени Алихо со всем усилием сопротивлялся им, но не мог превозмочь, и войско было разбито. Алихо и Кун-цзу-тан были захвачены неприятелем. Монголы склоняли Алихо к покорности. "Умру, - говорил им Алихо, - но не изменюсь в моем намерении". Монголы кричали, грозно повелевая ему стать на колени, но Алихо, обратясь к их государю, не сделал коленопреклонения. Почему Алихо расстреляли. Кун-цзу-тану также повелевали сделать поклонение, но и он не согласился. Посему и Кун-цзу-тана казнили. Сюань-цзун, узнав о сем, назвал по смерти Алихо славным полководцем лун-ху-бэй (защищавшимся подобно дракону и тигру)⁷¹², а Кун-цзу-тана наградил титулом цзы-тань-дай-фу (примерным вельможей). Сотысячный корпус сунский, по завладении городом Дэн-чжэу, узнав о приближении вспомогательного войска, ночью зажег лагерь и ушел в города. Генерал Илада, нагнав его, отнял всю его добычу^{457*} и возвратился. В третий месяц находившийся в Линь-чжэу⁷¹³ главнокомандующий Вэй-лян, схватив двух изменников - Шань-чжуна и Ли-цзюня, предал казни, а их сообщника Ли-гуана заставил покориться. Бунтовщик "красной одежды" Юй-ман-ерр, завладев городом Хай-чжэу, поселился в оном. Военный губернатор Вань-янь-чэнь-ерр, отправившись туда с войском, разбил Юй-ман-ерра и взял обратно Хай-чжэу. Генерал Чао-мао поразил злодеев "красной одежды" в Цзао-цяне. Дуань-цзэн-шунь разбил войско изменника Чжэнь-цюаня при Тан-сяне⁷¹⁴. Войско Ся сделало набег на границы, но главнокомандующий Ши-чжань Хэси разбил оное в сражении. В пятый месяц амбань Пуча-шань-ерр разбил злодеев "красной одежды" при Ляо-чэне. При нападении злодеев "красной одежды" на Ляо-лин и Цзянь-шань⁷¹⁵, цзиньский цзедуши Ван-фу-лян, вступив в сражение, разбил их. Кроме сего, он разбил пришедшего на грабеж злодея Чжан-цзюя. Монголы овладели городом Ао-чжэу⁷¹⁶. При взятии ими Янь-чжэу, цзиньский цзедуши Вань-янь Вэй-кэ умер в сражении. В шестой месяц Монгольское царство, отправив генерала Ян-цзяя, покорило города Дай-мин-фу, Кай-чжэу, Дун-мин, Чан-вань⁷¹⁷. Из Сунского царства перешел в подданство государства Цзинь некто Фан-цзы-синь. Его хотели поселить в Чжэнь-чжэу, но Сюань-цзун сказал: "Когда наш народ перебегает в царство Сун, оно доставляет ему пищу и одежду. Если мы не будем призирать лучшим образом их подданных, к нам обратившихся, опасно, чтобы они, убежав обратно, не обнаружили наших тайн". Он повелел доставлять Фан-цзы-синю съестные припасы и оказывать ему особенное внимание. Осенью в седьмой месяц сунское войско, соединясь с бунтовщиками "красной одежды", вступило в губернию Хэ-шо. Ему покорились жители всех городов. Один только военный губернатор Ван-фу защищался с твердостью в городе Цан-чжэу. Но когда в это время напал на Цан-чжэу злодей из И-ду по имени Чжан-линь, Ван-фу, отложившись, сдался Чжан-линю. Главнокомандующий из Линь-чжэу отправил против злодеев "красной одежды" в Чжан-дэ-фу чиновника цзун-лин⁷¹⁸ по имени Янь-лу и других, кои в сражении с злодеями захватили в плен чиновника злодеев ань-фу-сы по имени Ван-цзиу. Начальник бунтовщиков Ли-цюань напал на места Дун-пин-фу.

^{456*} В кит. тексте прибавлено: "...и восставших против одного, равно людей с дарованиями или равных им по достоинству..."

^{457*} В кит. тексте: "...отнял пленных..."

Генерал Ван-пин-юй, разбив его в сражении, взял в плен цзедуши Чжан-линя. Император Сюань-цзун послал Чжун-дуаня и Ань-янь-чжэня в Монгольское царство просить мира. Чжун-дуань, отошедши в Чжень-дин, явился к монгольскому визирю и королю Мухури. Мухури, оставив у себя Ань-янь-чжэня, отправил Чжун-дуаня к государю Тай-цзу. Чжун-дуань, один перешед реку Лю-ша и миновав хребет Цун-лин⁷¹⁹, достиг города Си-чэна. Здесь, явившись к Тай-цзу, он объявил ему о желании примирения. Тай-цзу отправил с ним в Цзиньское государство Да-ху и других. В девятый месяц, когда сунское войско расположилось в городке Цзао-цзяо-пу, Вань-янь-и-ду напал и разбил оное. Войско Ся напало на Гун-чжэу. Чи-чжань-хэ-си послал против одного свой корпус, который в продолжении одного дня сделал более десяти нападений. Сяцы, отступив, заняли позицию при Южном холме. Они отрядили для нападения на город тридцать тысяч регулярного войска. Но Чи-чжань-хэ-си снова разбил оное и полонил генералов Лиу-да и Цзя-юя. Сяцы решились после сего призвать сорокатысячный корпус сунский. Хэ-си, узнав об этом, принял строгие предосторожности, как вдруг подступило неприятельское войско. Хэ-си со своими воинами разбил войско, подошедшее к городу, и побил одного несколько тысяч. При сильнейшем после сего напоре неприятеля на город, цзиньское войско, сражаясь насмерть, побило неприятельского войска до 10 тысяч. Сяцы, предав огню военное оружие, пошли назад. Тогда Чи-чжань-хэ-си, поставив часть войска в засаде, сам с остальным войском преследовал их и побил во множестве^{158*}.

1220 год

Син-дин пятое лето. Во второй месяц генерал Пуча-ань-чжэнь, прошедши с войском через Си-чжэу, разбил сунцев при горе Цзин-цзюй⁷²⁰ и овладел крепостью Хуан-ту-гуань. Ань-чжэнь вошел в крепость Мэй-линь-гуань и взял городок Ма-чэн-сянь. Потом его войско, по достижении реки Ян-цзы-цзян, взяло Хуан-чжэу. Он взял в плен более семидесяти человек, мужчин и женщин императорского рода, и представил их государю Сюань-цзуну. Затем войско возвратил назад. Главнокомандующий Я-ута, разбив сунцев, возвратил город Сы-чжэу. Пройдя места Хао-чжэу, он дошел до города Гао-кэу, но здесь прекратились у него съестные припасы, почему он возвратился с войском в Си-чэн⁷²¹.

В третий месяц сунцы осадили Тунчжэу и Дэн-чжэу. Вань-янь Олунь сильно напал на них и заставил отступить. Император Сюань-цзун говорил министрам: "Ныне служащие при мне чиновники фын-эй⁷²² и фын-чжи стали невнимательны к делам внешним. Известно, что во времена государя Чжан-цзуна служащим при государе по истечении трех лет делали ревизию, после которой повышали их чинами или понижали^{159*}. И в настоящее время, постановив законом испытания, следует возбудить через то во всех рвение".

В пятый месяц сунцы завладели городом Чу-циу⁷²³, но цзиньское войско, разбив их в сражении, взяло город обратно. Главнокомандующий губернии Шань-си Вань-янь Сайбу, по повелению императора отправясь с войском на помощь в губернию Хэ-дун, беспрестанно поражал сунское войско и взял обратно города Цзинь-ань и Пин-ян. Сюан-цзун хотел наградить Сайбу, но прокурор Хулу сказал императору: "Вань-янь Сайбу, дав свободу военачальникам и солдатам, кои своевольно производили грабежи и насилия, преступил желание государя присечь беспорядки и доставить жизнь народу. За сие его должно подвергнуть суду". Государь не судил Сайбу как человека заслуженного, но оставил награду. Сын старшего брата Сайбу генерал О-лунь сразился с сунцами в пределах Тань-чжэу. Войско О-луня было разбито; убитых было более семисот человек. Но О-лунь скрыл это и представил императору, будто бы одержал победу. Тогда прокурор Налань объяснил государю это дело, но император опять за заслуги Сайбу не судил его племянника. Похвалив Наляня за донос, повелел записать ему это в заслугу и при испытании чиновников взять во внимание.

В шестой месяц сенаторы донесли императору, что зять государев, чиновник ду-юй⁷²⁴ по имени Пуса-ань-чжэнь, хочет отложиться. Император, рассмотрев доклад, признал оный несправедливым и сказал к Ин-вану Шэу-чуню: "Я вижу в этом докладе одни пустые слова, не имеющие вероятности. Чтобы осудить на казнь одного из первостепенных вельможей, непременно нужно сообразоваться с суждением о нем подданных настоящего и будущего веков". Он снова повелел исследовать дело, и когда оказалось действительным, то казнил Пуса-ань-чжэня и его двух сыновей. Его братьям оказал прощение за великие заслуги их деда Пуса-чжуна и отца Пуса-куя.

В седьмой месяц лагерь И-юн-цзюнь, отложившись от государства Цзиньского, овладел городком Дан-шань-сянь и в ночи напал на Юн-чэн-сянь⁷²⁵, но Гао-вань, вступив в сражение, разбил оный. В

^{158*} По кит. тексту: "Хэ-си, заранее поставив часть войска в необходимом месте для преграждения им пути, сам..."

^{159*} По кит. тексту: "...по истечении срока, смотря на их успехи в разведывании внешних дел, делали им повышение или понижение".

восьмой месяц линьхуайский главнокомандующий⁷²⁶ поразил злодеев "красной одежды" в селении Фу-энь. В девятый месяц председатель врачебной управы Хэу-цзи и его помощник Чжан-цянь-ин при лечении императорского внука прописали ему лекарство^{460*}, действия коего внук императорский не мог вынести и от сего помер. Хэу-цзи и Чжан-цянь-ина приговорили к смертной казни, но Сюань-цзун сказал: "Хэу-цзи и его помощник достойны смертной казни. Впрочем, если бы это случилось с детьми моих дядей или братьев, в таком случае следовало бы поступить по законам. Но за моего внука я не хочу казнить людей". Засим, дав им по семидесяти ударов палками, лишил чинов. В одиннадцатый месяц корпус шаньсийский разбил войско Ся при Ань-сэ-пу. В двенадцатый месяц монголы овладели городом Цзин-чжао за крепостью Тун-гуань. Сверх того, взяли город Лу-чжэу. При сем генерал Вань-янь-лу-цзинь бросился со скалы и умер. Хао-шэу с несколькими всадниками выбрался из города, но монголы нагнали его. Хао-шэу, заняв позицию при одной песчаной горе и нападая на них со всем усилием, погиб в сражении. Пуса Лэоши убит в сражении внутри города, а Хэ-силе Цзылу был взят в плен неприятелем. Монголы требовали от него покорности, но он не покорился им и был умерщвлен. Генерал Му-цзя-цзяо-чжу истребил войско бунтовщиков из Шэнь-циу при Чэнь-ва. Генералы Сунь-юй и У-гу-чу склонили к подданству две тысячи бунтовщиков городка Тай-хэ-сянь; главных из них злодеев казнили, а прочим оказали прощение. Злодеи "красной одежды" ночью вошли в городок Мэн-чэн-сянь⁷²⁷ и, побив множество народа и войска, ограбили оный и удалились.

1221 год

Шестое лето Син-дин. В первый месяц главнокомандующий Вэй-би разбил злодеев "красной одежды" при Чжан-цянь-дянь. В третий месяц чиновник ти-кун по имени Ли-ши-линь разбил войско Ся при горе Юн-му-лин. В пятый месяц Ши-цюань склонял государя начать войну с царством Сунским. Когда Сюань-цзун потребовал на сие мнение от всех вельможей, Ян-юнь-и сделал следующий ответ: "Все вельможи в советах руководствуются лестью. Во Вселенной существуют благоустройство и беспорядки, равным образом государство бывает (иногда) сильно и (иногда) слабо. В настоящее время твердят только о благоустройстве и не упоминают о беспорядках, напоминают о силе и ни слова - о слабости, говорят о победах и не говорят о проигрыше сражений; таким образом, уклонились в одну сторону. Вассал хочет говорить теперь о том и о другом. Цель нашей войны с царством Сун состоит не в желании приобрести его владения. Мы только опасаемся, что при грозе с запада и севера начнут теснить нас и с юга, и, таким образом, встретим неприятелей с трех сторон. Посему-то мы, пользуясь случаем, хотим наперед сделать движение, чтобы заблаговременно остановить приход неприятеля. Следовательно, если Сунское царство, потеряв места Хуайнаньские, не осмелились идти на нас, то это будет выгодой побед наших на войне. Но можно ли, согласно нашим расчетам, выгоды сделать непременно? Его южные области Цзяна (великой реки) обширны. Положим, что оно и не будет иметь области Хуайнаньской, но разве оно не в состоянии собрать несколько десятков тысяч войска и, дождавшись смутного времени у нас, выставить оное? Итак, если мы, начав войну, и одержим победу над неприятелем, то и тогда останемся при прежнем. Но каков может быть вред, когда мы не превозможем его? Натурально, что наша конница, сражаясь с пехотой, должна одерживать победы. Но вассал не смеет поручиться за лошадей^{461*}. Порядок дел настоящего времени отличен от времени нашего государя Чжан-цзуна. Во-первых, отличен по времени: при Чжан-цзуне воевали с царством Сун в зимнее время, а теперь мы идем летом. Во-вторых, отличен по выгодам земли: зимой убывают воды, а дороги сухи; летом воды прибывают, а дороги грязные. Наконец, в-третьих, отличен по действиям людей: при нашем Чжан-цзун-хане собраны были силы со всей империи, а войско колена Фу-бу сделано было передовым. Возможно ли сделать это теперь? Тем, кои советуют идти на войну, известна только легкость производства войны при Чжан-цзуне, но неизвестна трудность сражения в настоящее время. Возьмем для примера княжество Ся. В прежние времена наши пограничные солдаты со стрелами и луками в руках, встречая неприятеля, смело вступали с ним в бой. Подобрал одежду, они шли вперед, и неприятель не успевал убежать^{462*}. Но теперь сясы отнимают у нас города и берут в плен генералов, охраняющих оные, разбивают наши войска и уводят пленными полководцев. Столько боявшихся нас прежде теперь нас угнетают! Итак, если войско Ся изменилось, в сравнении с прежним, то ужели одно только сунское войско остается в состоянии, подобном прежнему? Желательно,

^{460*} По кит. тексту: "...лекарство, производящее помрачение..."

^{461*} В кит. тексте нет слова "лошадей", но по смыслу видно, что министр точно говорит о трудностях для лошадей.

^{462*} По кит. тексту: "В прошедшие времена наши стрелки из луков, находившиеся на западной границе, при встрече неприятеля, вступали с ними в рукопашный бой и, засучив рукава, вели перестрелку. Сясы не успевали убежать".

чтобы Ваше Величество, помышляя о выгодах побед, подумали и о вреде при поражении, и чтобы впоследствии не раскаивались, прельщаясь сладкими словами^{163*}. Император Сюань-цзун не принял его советов. Он сделал О-кэ главнокомандующим над войском трех губерний, а Ши-цюань - его помощником и послал воевать царство Сунское. Генералы О-кэ и Ши-цюань, вступив с войском из Шэу-чжэу^{164*}, перешли реку Хуай-хэ и, разбив сунское войско при Гао-тан-ши, овладели городком Гу-ши-сянь^{165*}. Отсюда войско пошло обратно и достигло реки Хуай-хэ. Когда войско готовилось к переходу реки, Ши-цюань отдал приказание, коим повелевал всему войску сжигать пшеницу. О-кэ со всеми генералами отклонял от сего Ши-цюаня, но Ши-цюань не слушал его убеждений. Простояли несколько дней. Наконец, О-кэ сказал Ши-цюаню: "Теперь в реке воды неглубоки, надобно скорее переправиться. Во время жаров, когда пойдут беспрестанные дожди и река разольется, тогда, при нападении на нас сунцев с тыла, мы не возвратимся целыми^{166*}". Но Ши-цюань сильно воспротивился. Ли-синь и другие досадовали на Ши-цюаня. Но Ши-цюань в гневе сказал им: "У нас один главнокомандующий - Окэ. Зачем вы хотите быть с ним соучастниками? Вы сами возвышены через меня. Притом я, чиновник палаты шу-ми-юань, могу подвергнуть вас суду^{167*}". После сих слов все из страха ничего не говорили. В ту же ночь пошел сильный дождь, и на следующий день Хуан-хэ разлилась. Навели мост через реку, но когда переправлялись по оному, напали сунцы и разбили цзиньское войско. Мост разрушился, и войска потонуло в воде чрезвычайно много. Ши-цюань наперед переехал через реку на небольшом судне. Сюань-цзун, делая выговор убежавшим военачальникам, сказал: "С каким лицом я увижу Ян-юань-и!" Император издал указ, коим повелел казнить Ши-цюаня.

Бунтовщик Ван-ерр завладел городком Лин-ян-сянь. Чиновник тикун по имени Вань-цюань усмирив его войско, и город взял обратно. В седьмой месяц шаньданский^{168*} граф Вань-ян-кай обратно взял город Цзэ-чжэу. Ван-тин-юй поразил злодеев "красной одежды" при Цао-чжэу. В восьмой месяц император Сюань-цзун лета правления переименовал в первый год Юань-гуан и обнародовал милостивый манифест. При сем Сюань-цзун сказал министрам: "Теперь обнародовано прощение, но в непродолжительном времени будет совершаться казнь преступников^{169*}. Поэтому немедленно должны отправить во все губернии гонцов, дабы они успели достигнуть назначенных мест в определенное время". В девятый месяц сунцы сделали нападение на Тан-чжэу. Генерал Цзя-гу-цзю-чжу, вступив в сражение, разбил их. В десятый месяц при нападении сунского генерала Чжан-хоя на Лин-цзы-чжэнь, Валудо, разбив его в сражении, взял в плен двух генералов. Монголы взяли Ху-би-пу и Линь-цзинь^{170*}. В одиннадцатый месяц монголы взяли Тун-чжэу; при сем цзиньские цзедуши Ли-фу-хэнь и О-кэ сами себя предали смерти.

Трехтысячный отряд сунский, перейдя реку Хуай-хэ, достиг места Ляо-линь, где, нарубив тальник, запрудил реку Бянь-шуй и, таким образом, пресек дорогу, по коей привозили съестные припасы. Главнокомандующий Я-ута, откомандировав против сунцев тысячу солдат регулярного войска, разбил их, взял в плен семьсот человек и открыл сообщение. В двенадцатый месяц император Сюань-цзун говорил наследнику престола: "В продолжении ночи я размышлял о делах государственных и, зажегши светильник, замечаю оные. По наступлении дня, замеченные дела я привожу в исполнение. Равным образом и ты должен поступать". Своим приближенным чиновникам император отдал следующее повеление: "Служащие при мне Фын-юй и Фын-чжи, все молодые и образованные люди. Прежде я призывал ученых, кои ежедневно объясняли им древнее учение о взаимных отношениях государя с чиновниками, отца с детьми и научали обязанностям к высшим. В настоящее время надлежит опять возобновить это обыкновение". Чиновник ти-кун по имени Тан-гуа-фан, поразил войско Ся при Чжи-ху-пу.

1222 год

Второе лето Юань-гуан. В первый месяц монгольский генерал Ши-тянь-ин сделал нападение на Хэ-чжун-фу. Начальник города по имени Хэу-сяо-шу твердо защищал город. Чиновник ти-кун по имени У-дэ советовал выйти из города и покориться. Хэу-сяо-шу, рассердившись, казнил У-дэ. Его старший двоюродный брат Чжан-сянь также говорил ему: "Силы неприятельские велики. Выйдем и покоримся для сохранения своих детей и жен". Хэу-сяо-шу с гневом отвечал ему: "Мы дети простых матросов, получив столь великие должности, должны ли говорить о покорности". Привязав в столбу Чжан-сяня, он казнил его. Потом, совершив по нем обряды сетования и похорон, он выполнил обязанности

^{163*} По кит. тексту: "...чтобы не прельщались сладкими словами, и чтобы после не раскаивались". На доклад не было ответа".

^{164*} По кит. тексту: "...из Ин-чжэу и Шэу-чжэу...".

^{165*} По кит. тексту: "Теперь время жаров и дождей. Если случится разлитие вод, и сунцы нападут на нас..."

^{166*} По кит. тексту: "В отношении к вам для меня нет невозможного".

^{167*} По кит. тексту: "...но жизнь осужденных зависит от времени".

родственника. Государственный советник (шу-ми-юань) отправил пристава Олунь для совещания с Хэу-сяо-шу о военных делах. Хэу-сяо-шу вышел из города и соединился с Олунем. В это время монгольский Ши-тянь-ин взял Хэ-чжун-фу и, наведя по реке наплавной мост, открыл сообщение с Шань-си. Хэу-сяо-шу расположился при горе Лэ-ли-шань. По соединении всех войск, шедших на помощь, Хэу-сяо-шу ночью, напав на город, вошел на стену^{168*} и зажег на оной башни и караульни. Пламя осветило внутренность города. Монгольский Ши-тянь-ин пришел в большой страх. Оставив все тяжести, жалованные грамоты, печать и весь скот, с поспешностью бежал из города, но был убит в воротах Шуан-ши-мынь. Хэу-сяо-шу сжег наплавной мост и успокоил народ. Император Сюань-цзун, сделав Хэу-сяо-шу старшим генералам, дал ему чин фан-юй-ши. Сюань-цзун говорил министрам: "В прежнее время при представлении кем-либо о полезных делах вы, господа, убеждали меня выдавать сии представления за собственные указы. Для государя довольно, если будет следовать убеждениям других. Возможно ли приписывать себе хорошее мнение других?" В этот же месяц прибыло сто тысяч монгольской конницы, которая и осадила Хэ-чжун-фу. Главнокомандующий О-кэ дал пять тысяч войска амбаню Сунь-чаню и послал его на помощь к Хэ-чжун-фу. Чиновник шу-ми-фу-ши равно отправил на помощь генерала Ли-жень-чжи с тремя тысячами войска. По прибытии Сунь-чана и Ли-жень-чжи со вспомогательными войсками, Хэу-сяо-шу условился с ними в ночи, при бое в бубны, напасть на неприятеля изнутри и вне города. По наступлении назначенного времени, Хэу-сяо-шу выступил с войском, но Сунь-чан и Ли-жень-чжи из боязни не делали движения, почему Хэу-сяо-шу возвратился назад. При нападении на город монгольского войска, все советовали выйти из города и защитить гору Ло-ли-шань, но Хэу-сяо-шу не согласился на это и приказал Чжан-сы-цзу пройти сквозь осаду и отправиться с донесением в столицу Бянь-цин. На другой день, по взятии монголами города Хэ-чжун-фу, начальник одного Хэу-сяо-шу умер в сражении. Во второй месяц Сюань-цзун издал следующий указ: "По древним законам, военных чиновников, подвергшихся преступлению, не употребляют в службу. Но в настоящее время, при чрезвычайности дел, с трудом приобретаются люди способные. Посему людей храбрых и могущих управлять войском, кроме важных преступлений, при всех других проступках, заслуживших ссылку, снова употребляют к должности по их способностям. Сенаторам предписывается рассудить о сем постановлении и свои мнения представить мне". Монголы, осадив Фын-сян-фу, сделали приступ к оному. Но генерал Ши-чжань-хэси со всем усилием сражался с ними. Посему монголы отступили. В пятый месяц чиновник цань-чжи-чжэнь-ши по имени И-фу доносил государю Сюань-цзуну следующее: "Мы составили войско из людей, принужденно покорившихся нам. Сие войско, будучи расположено по берегу реки Хуай-хэ, не исполняет высочайших повелений. Почему следует принять против него меры". "Люди в своих намерениях непостоянны, - заметил на сие государь, - они смотрят только на управление. Если при хорошем управлении и подданные отдаленных мест повинуются повелениям, что сказать о сих людях? В противном случае трудно было бы предостеречь и от людей, с боков стоящих. Посему остается показывать одно великодушие. Когда же и при сем невозможно достигнуть спокойствия, то тогда это уже будет изволение Неба".

В седьмой месяц император Сюань-цзун, призвав членов прокурорского приказа, говорил им: "Злонамеренные и коварные люди подчинены законам, почему наследование дел маловажных не должно составлять занятия государя. Но в непродолжительном времени я узнал, что в хлеб, выдаваемый помесечно служащим чиновникам и нижним чинам, много подмешивается плевел и земли. В хлебе, получаемом в оброк, бывает ли когда-либо земля и плевелы? Равным образом я узнал, что меры, по которым отпускают и принимают хлеб, не одинаковы. Такие поступки по всей справедливости непростительны. Между тем, прокуроры не вникают в это. Если обо всем заставляете напоминать вам, то для чего же назначены вы?" При разговоре государя с министрами ему доносили, что служивший при нем Тай-пин помер. Государь с удивлением сказал: "Я заранее намеревался дать Тай-пину чин, но всегда был удерживаем от этого другими делами. Теперь только дал оный, и через несколько дней он помер. Не небесное ли это изволение?" По сему же случаю он сказал министрам: "Во времена Вань-янь-ляна, при разговоре между собой двух телохранителей царских, один из них сказал, что богатство и знаменитость зависят от Неба. Между тем, другой говорил, что и то и другое зависят от государя. Вань-янь-лян подслушал их разговор и хотел дать чин пятой степени сказавшему, что все зависит от государя, но этот человек заболел и не успел получить чина. Конечно, Небо презрело мысль Вань-янь-ляна, что все им дается". В восьмой месяц пичжэуский военный губернатор На-хэ-лу-гэ с лишком с сотнею человек, убив главнокомандующего Мэн-гу-гана, отложился со всем городом. Император Сюань-цзун предписал указом генералу Я-ута усмирить его. Я-ута с войском, окружив Пи-чжэу, поджег башни и караульни и убил более ста человек. Тогда находившийся внутри города Гао-сянь, видя невозможность защищаться, убил На-хэ-лу-гэ, взял его голову и, спустившись со стены, пришел с покорностью. Остальные жители города еще сопротивлялись, но когда

^{168*} "...сделав углубление в стене, вошел на оную".

Я-ута сделал приступ к городу, то Лю-бинь и другие из находившихся внутри города, схватив четырех главных бунтовщиков - Янь-цзюня и других, со всеми жителями покорились. Засим Я-ута вошел в город и успокоил народ. Кроме сего, он призвал к покорности более восьмидесяти человек из бунтовщиков "красной одежды"^{169*}. Когда Я-ута представил Сюань-цзун-хану о своих победах, император в чрезвычайной радости произвел его в следующий чин и дал в награду триста лан золота и десять кусков шелковой материи из дворцовых кладовых. В девятый месяц сунское войско вошло в округ Шэу-чжэу. Генерал Пухай, дав сражение, заставил оное отступить. Двенадцатого месяца в день Дин-хай император, по причине болезни, не выходил в тронную. В день Гэнь-инь болезнь императора усилилась. В сию ночь все приближенные чиновники удалились, при государе осталась одна только побочная жена покойного императора - княжна Чжэнь-ши. Государь, размыслив, что княгиня Чжэнь-ши в летах, и что поэтому на нее можно положиться, сказал ей: "Призови немедленно наследника и утверди его правителем государственных дел после меня". Кончив речь, он скончался во дворце Нин-дэ-гун. На престоле сидел 11 лет; от роду был 61 года. Чжэн-ши, скрыв его смерть, никому не объявила об оной. Императрица и все княгини пришли для посещения императора в его спальные покои^{170*}. Чжэн-ши наперед знала, что хитрая и злоумышленная княгиня Пан-ши досадовала на то, что ее сын Ин-ван Шэу-шунь, будучи старшим из царевичей, не получил престола. Почему, опасаясь, чтобы не произошло возмущение, ложно сказала, что государь переменяет одежду. Она просила императрицу и всех княгинь на время удалиться в другие покои. Введя их в другие комнаты, она замкнула дверь. Засим, призвав главных вельмож, объявила им оставленное императором завещание, на основе коего утвердили государем наследника. После сего она отворила двери и, впустив императрицу и княгинь, объявила им о трауре.

¹⁶⁹* По кит. тексту: "Из злодеев "красной одежды" призвал к покорности 15 генералов (второй степени) и 139 человек низших чинов".

¹⁷⁰* По кит. тексту: "Императрица и княгиня Пан-ши пришли для посещения государя в его спальные покои".

IX. ИМПЕРАТОР АЙ-ЦЗУН

1233 год

Императора Ай-цзун имя Шэу-суй; первоначальное имя было Шэу-ли, а другое - Нин-цзя-су. Он был внуком Сянь-цзун Хутува и третьим сыном императора Сюань-цзун Удубу. Имя его матери - Ван-ши^{171*}, которая родила его в восьмой месяц третьего лета Чэн-ань императора Чжан-цзуна. Императрица Жинь-шэн Дахумэ не имела сына, посему, усыновив Ай-цзуна Нин-цзя-су, воспитала его. В первый месяц четвертого лета Чжэнь-ю Ай-цзун Нин-цзя-су сделан наследником престола. Второго лета Юань-гуан в двенадцатый месяц, по смерти императора Сюань-цзуна, Ай-цзун Нин-цзя-су, вследствие оставленного указа, преемственно вступил на престол и обнародовал милостивый манифест. Засим он издал указ следующего содержания: "Я хочу исполнить намерения покойного государя. Итак, да приведутся в действие все предприятия, приличные по времени, кои он не успел исполнить^{172*}. В государстве издавна существуют законы. Несмотря на это, чиновники часто, из пристрастия нарушая законы, безвинно подвергают наказаниям. От сего времени, если чиновники обвинят кого незаконно, тогда преступление, несправедливо приписанное, обращается на самих чиновников^{173*}. Прошу мудрецов, живущих в горах и пустынях, объявить с прямою о выгодах и вреде государства. Они не будут судимы, хотя бы осуждали меня самого или говорили бесполезное". В первый день третьего месяца лета правления Юань-гуан переименовал в первый год Чжэн-да. Император, выполняя закон траура, поселился в шалаше. Туда явились к нему с докладами о делах чиновники. По сему случаю Ай-цзун за бесчестность понизил советника палаты обрядов Пу-ча-хэ-чжу и экспедитора Хуа-шань. Все вельможи сему радовались. Ай-цзун свою тетку, императрицу Ван-ши, и мать, княгиню Ван-ши, произвел в Хуан-тай-хэу^{174*}. В день У-у подул сильный ветер, которым с ворот Дуань-мынь унесло всю черепицу. Простолудин в холщовой одежде, смотря во врата Чэн-дэнь-мынь, попеременно то смеялся, то плакал. Когда спрашивали его о причине, то он отвечал: "Я смеюсь тому, что в государстве нет хороших полководцев и министров, а плачу потому, что скоро уничтожится царство Цзинь". Все вельможи убеждали императора подвергнуть сего человека тяжкой казни. "Невозможно поступать таким образом, - отвечал им государь, - недавно я обнародовал указ, коим повелевал обитателям гор и пустынь говорить правду и обещал не наказывать их, хотя бы они осуждали меня самого. Но поелику дворцовые врата^{175*} не есть место для плача и смеха, то, строго наказав палками, удалить его оттуда". В третий месяц изображение императора Сюань-цзуна внесено в храм Сяо-янь-сы, а его тело погребено на кладбище Дэ-лин. В десятый месяц Ли-дэ-ван^{176*}, владетель княжества Ся, прислал посла просить мира.

1224 год

Чжэн-да второе лето. В девятый месяц заключен мир с царством Ся на следующих условиях:

1. Государя царства Цзинь считать старшим братом.

^{171*} Мать императора Ай-цзуна была побочной женой; Дахумэ была главной женой.

^{172*} По кит. тексту: "...следую намерениям покойного государя, я привожу в исполнение все предприятия, выгодные по времени, кои он при своем желании не успел выполнить".

^{173*} По кит. тексту: "С сего времени чиновникам, не следующим законам, вменяется преступление, которое они своевольно приписали обвиняемому".

^{174*} По кит. тексту: "Государь никак не соглашался на сие. Он говорил им: "Недавно я обнародовал указ, чтобы обитатели гор и пустынь говорили правду, и что, хотя бы они порицали меня., не будут наказываемы. Но поелику императорские врата..." и т.д.

2. То и другое государство вправе употреблять собственное название лет правления.

3. Государь царства Ся, посылая послов, в представляемых через них бумагах именуется младшим братом.

После сего Ай-цзун отправил в царство Ся президента палаты обрядов Ао-дун-лян-би и других и в бумагах назвал себя старшим братом. Ай-цзун, призвав Вань-янь Сулань и Чэнь-гуя, говорил им: "Прежде, когда сунцы свободно делали набеги на наши границы, мы отправляли легкое войско и отражали их; по усмирении их заключали с ними мир, через что мы доставляли спокойствие народу. Государь царства Ся прежде считался вассалом нашего двора, а теперь, назвавшись младшим братом^{175*}, пожелал примириться со мной. Я не счел сего для себя позором и заключил с ним мир, чтобы таким образом доставить спокойствие своему народу. Еще ли начинать по-пустому войну? Вельможи! Вы должны внушить мои мысли всем". Когда государь Ай-цзун хотел сделать императрицей одну любимую им служанку, его мать, по знании о сем, отвергла сию женщину, признавая невозможным сделать ее императрицей по причине низкого ее происхождения, и повелела выпустить ее из дворца. Император, по необходимости высылая ее из дворца, послал сказать ей, чтобы она вышла через ворота Дун-хуа-мынь и сделалась женой первого встретившегося мужчины. По выходе ее за ворота, встретился с ней продавец шелковых тканей, и она сделалась женой сего человека^{176*}. Вельможа Сахэ-нянь убеждал^{177*} императора играть в мяч. Императрица Ван-тай-хэу послала сказать Сахэ-няню: "Ты, как вассал служи государю, обязан следовать правоте. Зачем же учить его забавам? Если я услышу подобное, то жестоко накажу тебя". Генерал Пуа поразил сунцев в Гуан-чжэу и побил их более тысячи. За сим его войско возвратилось. В сие время государство несколько усилилось. Чиновники подносили императору стихи, в коих говорили, что государь, посредством премудрых добродетелей, из среднего состояния возвысил государство. Императрица Ван-тай-хэу, узнав о таких словах, с неудовольствием сказала: "Государь молод и бодр по характеру. Если не будет иметь страха в сердце, то непременно делается гордым^{178*}. Ныне, хотя и одержали по счастью победу, но что находите в оной возвышающим государство? Не льстите ему таким образом". Когда царский родственник Ван-цзя-ну без причины хотел казнить чиновника Чжубу, первостепенные вельможи отклоняли его от сего. Но он не послушал их и казнил. Император Ай-цзун, узнав об этом, сказал: "Ин-ван - мой старший брат, но имеет ли он право своевольно наказывать людей? Я император, но могу ли казнить людей без причины? Ныне государство ослабло, и народа в нем немного. Ван-цзя-ну, надеясь на родство, казнил чиновника Чжубу! Значит у моего народа нет государя". Засим он Ван-цзя-ну предал казни^{179*}.

1225 год

Третье лето Чжэн-да. Сунцы напали на область Шэу-чжэу и поразили цзиньское войско; при сем убито четыреста человек. В одиннадцатый месяц сунские вельможи Ся-цюань, Ван-и-шень, Чжан-хой и Фань-чэн-цзинь с жителями Чу-чжэу перешли в подданство Цзинь. Император Ай-цзун возвел сих четверых человек в княжеское достоинство второй степени (цзюнь-ван). В сем месяце монголы, воюя против Западного Ся, усмирили город Чжун-син-фу⁷³³.

1226 год

Чжэн-да четвертое лето. Во второй месяц генерал Я-ута взял обратно Пин-ян-фу и схватил чиновника чжи-фу по имени Ли-ци-цзянь. В третий месяц монголы завоевали Дэ-шунь-фу; при сем охранявшие город генералы Ай-шень и Мя-цзянь-лун лишили себя жизни. В пятый месяц монгольское войско взяло Линь-тао-фу и захватило начальника города Хутумэня. Монголы требовали, чтобы Хутумэнь покорился,

^{175*} В кит. тексте: "...назвавшись императором..."

^{176*} По кит. тексту: "...негодую на сию женщину за низкое происхождение, непременно требовала выслать ее из дворца. Император по необходимости велел выпустить ее из дворца. Он сказал отправляемому за ней человеку, чтобы выпустил ее во врата Дун-хуа-мынь и, без разбору, первому встретившемуся отдал ее в жены. За сим, по выходе, они встретили продавца, и посланный отдал ее сему в жены".

^{177*} В кит. тексте: "учил".

^{178*} По кит. тексту: "...возродится в нем гордость и леность".

^{179*} По кит. тексту: "Когда царский родственник Ван-цзя-ну с намерением убил чиновника Чжубу, первостепенные вельможи сильно защищали его. "Ин-ван - мой старший брат, - сказал им император, - но смеет ли он своевольно наказывать человека! Я государь, но дерзну ли безвинно казнить кого? При ослаблении государства много ли в нем народа? И царский родственник, надеясь на свою силу, умертвил чиновника Чжубу! Значит у моего народа нет государя". За сим повелел отрубить ему голову".

но Хутумэнь не покорился. Они повелили ему встать на колени, но Хутумэнь не слушал их. Монгольские солдаты, озлобившись на него, рубили ему колени. Но поелику Хутумэнь и тогда не соглашался на их требования, то его убили. Жена Хутумэня, У-гу-лунь-ши, услышав о сем, сказала своим людям: "Мой муж не посрамил своего государя. Могу ли посрамить своего мужа?" И засим повесилась. Злодей Ли-цюань, пришедши из И-ду-фу, снова завладел городом Чу-чжэу. Император Ай-цзун отправил генералов Окэ и Цинь-шань-ну, повелев им охранять город Юй-тай (Сюй-и)^{180*}. По вступлении войска Ли-цюаня в губернию Юй-тай, Окэ и Цинь-шань-ну с войском вышли из города навстречу неприятелю. Но сразившись с Ли-цюанем при горе Гуй-шань⁷³⁴, они были разбиты, причем более десяти тысяч воинов убито. Министры при совещании о делах часто не выражали вполне своих мнений. Смотри на императора, они старались не проговориться, и это неприметным образом вошло в обыкновение. Посему Ян-юнь-и однажды, по окончании объяснения уроков императору, говорил ему: "Для вельможей существуют приличия в служении государю и обязанности, кои они должны выполнять в отношении к государю. По приличию они не дерзают узнавать по зубам лета лошади, на коей ездит император, и не потопчут травы, которую ест его конь^{181*}. При выходе во врата императорские они бегут; при виде жезла императора или его седалища, они встают^{182*}; при требовании их императором, они не ожидают, пока будет оседлан конь, и по принятии его указа не остаются в доме. Это суть приличия в служении государю, законы, коим должны следовать вельможи. Но когда они, по узнании выгод или вреда для государства, спокойствия или тяжести для народа, будут подробно доносить о сем, тогда сии старые приличия подобны пустой тарелке. В прежние времена, если государь прознавал возможным невозможное по сущности, ему непременно представляли невозможным. И наоборот, если государь назвал невозможным возможное по сущности, называли приличным. Если государь не следовал убеждениям, то хотя бы отрывался край одежды царской или разламывалась решетка, удерживали его, не переставая делать увещаний, и не страшились самой смерти^{183*}. В настоящее время вельможи следуют только пустым церемониям в служении государю, но не знают великих обязанностей, кои должны исполнять в отношении к государю. На что ж будет опираться государство?" "Вельможа! - сказал тогда император^{184*}. - Если бы ты не сказал мне этого, тогда я не мог бы знать о сем". Ян-юнь-и часто был болен от паралича. В сие время он несколько поправился, почему император Ай-цзун спросил его о средстве, коим (тот) излечил паралич. "Я лечил только душу, - отвечал Ян-юнь-и, - когда душа спокойна, тогда не беспокоят и вредные пары. Так, - продолжал он, - бывает и в правлении государства: если государь наперед сделает правым свое сердце, тогда все служащие при дворе, подобно одному, делаются праводушными".

В двенадцатый месяц монголы покорили Шан-чжэу. В сем же месяце скончался монгольский государь Тай-цзу (Чингис-хан). Ему преемствовал третий сын - Тай-цзун Угудэй⁷³⁷.

1227 год

Чжэн-да пятое лето. Весной в первый месяц император Ай-цзун отправил вельможу Вань-янь-ма-цзинь-чу принести жертву монгольскому государю Тай-цзу.

1228 год

Шестое лето Чжэн-да. В двенадцатый месяц Ай-цзун повелел указом: генералов Пуа, Яута и Вань-янь-окэ послать для вспоможения к Цин-ян-фу. Сии три генерала, отошедши с войском, встретили монгольский корпус в Да-чан-юань⁷³⁸ и, одержав в сражении над оным победу, освободили из осады город Цин-ян.

^{180*} По кит. тексту: "...повелел им охранять город, но запретил выходить из одного на сражения".

^{181*} По кит. тексту: "...и попирающие траву, которую ест конь императорский, считаются виновными".

По Ли-цзи⁷³⁵: "Кто попреет ногами корм дорожного коня (императора) - наказывается; кто будет узнавать по зубам лета дорожного коня - подвергается наказанию".

^{182*} "...при виде седалища или стола императора - встают".

^{183*} По кит. тексту: "Хотя брали государя за края одежды, разламывали решетки, рвали повод и удерживали возницы, они не боялись. Ханьский министр Чжу-юн, при увещании государя, схватился за решетку около трона и сломал оную, когда хотели его вытащить из дворца по повелению императора" (см. Кан-си-цзы-дянь⁷³⁶). "Ханьский император Гу-ан-у хотел выехать для прогулки. Министр Шень-ту-ган сколько ни отклонял его, но государь не слушал. Посему министр при выезде императора лег под возницу и тем удержал государя" (см. Кан-си-цзы-дянь).

^{184*} В кит. тексте прибавлено: "...переменив вид..."

1229 год

Чжэн-да седьмое лето. В восьмой месяц монголы осадили Вэй-чжэу. Генералы Хэда и Пуа, отправляясь с войском на помощь к Вэй-чжэу, сразились с монголами. После чего монгольское войско пошло обратно. Император Ай-цзун пожаловал Хэда и Пуа наследственными чинами мэукэ, подарил им лучших лошадей и яшмовые пояса и послал охранять крепость Тун-гуань.

1230 год

Восьмое лето Чжэн-да. Весной в первый месяц император Ай-цзун отправил вельможу Фын-янь-дэна с бумагой в Монгольское царство просить мира. Когда Фын-янь-дэн явился в стан монгольского государя в Го-сянь⁷³⁹, Тай-цзун спросил его: "Известен ли тебе ваш главнокомандующий в Фын-сянь-фу?" Фын-янь-дэн отвечал, что он его знает. "Каков он?" - спросил снова Тай-цзун. "Человек рачительный в своей должности", - отвечал Фын-янь-дэн. Тогда император сказал ему: "Когда ты склонишь его к подданству, будешь освобожден от смерти. В противном случае будешь казнен". "Я был послом с бумагой для заключения мира, - сказал Фын-янь-дэн, - склонять к подданству главнокомандующего не мое дело. Притом, если я пойду склонять главнокомандующего к покорности, погибну; возвращусь ли в свое государство, равно должен умереть. Лучше ж умереть сегодня на сем месте". В следующий день император Тай-цзун, призвав Фын-янь-дэна, спросил его снова, решился ли он на предложение. Фын-янь-дэн отвечал ему по-прежнему. Император несколько раз делал ему вопросы, но Фын-янь-дэн, держась справедливости, не переменялся. "Фын-янь-дэн, - сказал наконец император, - твое преступление достойно казни, только издревле не существовало закона убивать послов, посему я тебя не казню. Но ты дорожишь своей бородой, как жизнью". И за сим повелел своим адъютантам обстричь у него бороду. При сем Фын-янь-дэн ни мало не поколебался. Он сослал Фын-янь-дэна в Фын-чжэу. В сем месяце монгольское войско окружило Фын-сянь-фу. Генералы Хэда и Пуа, охранявшие крепость Тун-гуань, отлагали день за день, не трогаясь с места. Министры сильно восставали против того, что Хэда и Пуа не идут на помощь. Но император говорил им: "Когда будет возможность, Хэда и Пуа, без сомнения, улучив время, выступят. Если насильно заставить их сразиться, опасно, что не будет пользы, а еще большие могут произойти бедствия". Засим государь послал вельможей Бо-хуа и Бали-мэнь подробно пересказать Хэда и Пуа слова министров и всех чиновников и спросить их, почему не делают движения. В шесть дней повелел он им возвратиться. Бо-хуа и Бали-мэнь, по прибытии в Тунгуань, объявили Хэда и Пуа слова императора. Хэда отвечал, что они не находят удобного случая, а когда встретится оный, войско непременно тронется. "Пусть прекратятся у монголов съестные припасы, - прибавил к сему Пуа, - тогда, если захотят сразиться - не успеют, если захотят остаться на месте, то будут не в состоянии. Таким образом, сами собой дойдут до изнеможения". Но Бо-хуа и Бали-мэнь заметили из вида Хэда и Пуа, что они боятся монголов. Они тайно спросили о сем также генералов Фань-чжэ, Дин-чжу и Чэнь-хэ-шан. "Неправда, - говорили сии три генерала, - что наши полководцы намерены дать сражение по ослаблению сил неприятеля. Монгольское войско многочисленно. Легко ли сразиться с ним? Посему-то мы и не смеем сделать движения". Бо-хуа и Бали-мэнь, возвратясь обратно, пересказали императору слова военачальников. "Я заранее знал их трусость", - сказал тогда государь. И снова отправив Бо-хуа, говорил через него генералам Хэда и Пуа: "Прошло много времени, как осажден неприятелями город Фын-сянь-фу. Опасно, что войско, защищающее город, не выдержит осады. Генералы! Выступите с войском из крепости и покажите вид, будто бы намереваетесь сразиться в Хуа-чжэу. Монгольские войска, узнав о сем, без сомнения, пойдут на вас. Таким образом, бедственное положение города несколько облегчится". Хэда и Пуа изъявили готовность на сие повеление. За сим, когда Бо-хуа на возвратном пути достиг Чжун-му⁷⁴⁰, его нагнал посланный от Хэда и Пуа с докладом. Бо-хуа прочитал доклад^{485*}, в коем ложно было написано следующее: "По велению Вашего Величества, мы выступили с войском из крепости до границы города Хуа-инь⁷⁴¹, находящегося в двадцати ли от оной, где, сразившись с монголами, не могли одержать победы, почему опять вошли в крепость". "Что ж теперь остается делать?" - сказал со вздохом Бо-хуа, обратя взор к Небу. Еще до прибытия Бо-хуа в столицу Бянь-цзин император уже получил о сем известие. Вскоре после сего монголы взяли город Фын-сянь-фу. Хэда и Пуа, бросив Тун-гуань и Цзин-чжао, жителей сих мест перевели в Хэ-нань.

В девятый месяц монголы напали на Хэ-чжун-фу. Главнокомандующий Ван-гань отправился на помощь к оному с десятью тысячами войска. По приближении к городу корпуса Ван-ганя, цзиньское войско сражалось насмерть без отдыха. По истреблении у него отбойных машин, (оно) около полумесяца сражалось врукопашную. Наконец, войско цзиньское потеряло силы, и Хэ-чжун-фу был взят. Генерал

^{485*} По кит. тексту: "донесение в военную палату".

Цао-хэ Окэ был захвачен неприятелем и убит, а генерал Бань Окэ⁷⁴² с тремя тысячами войска убежал. Засим, по занятии монголами крепости Жао-фын-гуань, жители Хэнаньские из сел уходили в города и в горные крепостицы и в оных укреплялись. Когда император Ай-цзун получил о сем известие, из военного приказа представили ему следующее: "Монгольское войско, предприняв отдаленный путь^{486*}, уже по прошествии двух лет вступило в У-сиу⁷⁴³. От сего оно весьма изнурилось. Теперь мы должны разместить войска по крепости вокруг столицы и отправить полководцев для охранения Ло-яна, Тун-гуаня и Хуай-мэня^{487*744}. Надлежит (нам) в избытке запастись хлебом^{488*} и, укрепив города в области Хэнаньской, оставить поля пустыми. Наконец, следует повелеть жителям, не вошедшим в города, защищаться в горных крепостицах. Тогда неприятель, глубоко зашедши, будет не в состоянии сделать нападения и не будет иметь случая дать сражение (в открытом поле). Войско неприятельское, ослабевшее духом, по окончании съестных припасов, без сражения с нашей стороны само удалится". Император Ай-цзун со вздохом на сие сказал: "Прошло двадцать лет, как мы переселились на юг. Народ утратил поля и дома, распродав жен и детей, доставляя припасы для войска; и в мирное время у нас войска находилось более двухсот тысяч. Но ныне, когда подступил неприятель, мы не можем сражаться с ним, мы хотим только защищать Бянь-цзин. Положим, что столица останется, но составит ли она государство? И что скажут тогда обо мне подданные? Существование и погибель государства^{489*}, - продолжал император, - зависят от воли Неба. Я не должен только забывать народа". Засим он предписал указом генералам Хэда и Пуа стать с войском в округах Сян и Дин. При переправе монгольского войска через реку Хань-цзянь⁷⁴⁵, все убеждали Хэда и Пуа сделать нападение на неприятеля, но Хэда и Пуа не послушались. И монголы перешли через реку. Хэда и Пуа вступили в сражение с монгольским войском на южной стороне горы Юй-шань⁷⁴⁶, и монголы потерпели поражение^{490*}. При преследовании их, вдруг поднялся туман. Хэда и Пуа соединили свои войска, а монгольское войско, отступив за тридцать ли, стало лагерем. Когда туман исчез, увидели впереди глубокий ров, в который, если бы не сей туман, монголы были бы опрокинуты. Хэда и Пуа о сем поражении донесли императору, как о великой победе. Министры, поверив этому, представили императору поздравительные доклады и, собравшись в Сенат, сделали пир. Старший помощник министра Ли-си в словах от радости говорил: "Без нынешней победы над неприятелем бедствия народа были бы невыразимы". Жители сел и деревень также верили одержанной победе и не трогались со своих мест. Но через два или три дня подошла монгольская конница и множество захватила их в плен. Когда после сего главная монгольская армия, разделившись на разные дороги, пошла к столице Бянь-цзин, Хэда и Пуа во вторую стражу ночи пошли обратно в Дэн-чжэу. Монголы, напав на них с тыла, отняли все тяжести.

1231 год

Девятое лето Чжэн-да. В первый месяц монголы пошли дорогой к Тан-чжэу. Два брата Лэоши⁷⁴⁷ с тремя тысячами конницы, встретив их при Жу-фэнь, вступили в сражение. Но цзиньское войско было разбито, и оба Лэоши убежали в Бянь-цзин. Император Ай-цзун поручил вельможе Ма-цзинь-чу с десятью тысячами казенных крестьян прорвать Хуан-хэ и окружить водой столицу. Генералы Хэда и Пуа с войском из Тан-чжэу пошли к императорской столице Бянь-цзин и стали при горе Сань-фын-шань в Цзюнь-чжэу⁷⁴⁸. Ай-цзун отправил генералов Сахэ и Чан-ло с тридцатью тысячами пехоты и конницы охранять переход через Хуан-хэ. Сахэ отправился, но еще до его прибытия монголы, усмирив область Хэ-чжун-фу, переправились через Хуан-хэ. Почему Сахэ и Чан-ло возвратились в Бянь-цзин. Вельможа Хэ-мао Айши представил императору доклад следующего содержания: "Сахэ отправлен был с тридцатью тысячами войска в том намерении, чтобы он сделал нападение на монголов, прежде их отдыха по пришествии из дальнего пути. Но выступив из столицы, (он) прошел несколько десятков ли и, не встретя еще ни одного неприятеля, из страха возвратился назад. Если бы он встретил главную армию, можно было бы ожидать от него нападения на оную с пожертвованием своей жизни^{491*}? Казнив Сахэ и Чан-ло, прошу показать тем строгость военных законов". Но государь Ай-цзун не принял сего представления. Улинь-да Хуту шел с войском на помощь к Бянь-цзину из крепости Тун-гуань. По прибытии в Янь-ши⁷⁴⁹, он

^{486*} По кит. тексту: "...переноса трудности..."

^{487*} По кит. тексту: "...нам остается расставить войска в Цзюй-чжэу, Чжэн-чжэу, Чан-у, Гуй-дэ и по всем уездам вокруг столицы, отправить..."

^{488*} В кит. тексте прибавлено: "...принять строгие меры (к укреплению столицы), запастись в столице достаточное количество хлеба..."

^{489*} В кит. тексте прибавлено: "Я зрело обдумал: существование и погибель государства..."

^{490*} По кит. тексту: "...монголы несколько отступили".

^{491*} По кит. тексту: "...из страха не осмелились идти далее. Если бы он встретил главное неприятельское войско, мог ли бы пожертвовать жизнью на сражении?"

узнал, что монголы перешли реку, и бежал к горе Шао-ши-шань. Цзедуши Се-нянь-а-бу, бросив Вэй-чжэу, бежал в Бянь-цзин. Монголы дошли до Чжэн-чжэу. Главнокомандующий Ма-бэ-цзянь с жителями города Чжэн-чжэу сдался монголам, а чиновник фан-юй-ши по имени Улинь-да Цзяо-чжу лишился жизни. Корпус генералов Хэда и Пуа, встретившись с монгольским войском при горе Сань-фын-шань, стал выступать вперед, почему монголы несколько отступили. Генералы Чжан-хой и Ань-дэ-му, расположившись на горе, видели, что почти на пространстве двадцати ли монгольского войска стояло до трехсот тысяч. Ань-дэ-му, советуясь с Чжан-хоем, говорил ему: "Если не нападём в сем месте, то какого будем ожидать случая?" После чего, предводительствуя с лишком десятью тысячами конницы, они спустились с горы, и монгольское войско снова отступило. Вскоре за сим пошел большой снег, и в продолжении трех дней войны в тумане не видели один другого. В том месте, где находился корпус, было поле, засеянное льном, отчего в грязи повязли люди и скот. Воины во всем наряде неподвижно стояли в снегу, и их копья, обмерзнув льдом, уподоблялись толстым жердям. Тогда как солдаты цзиньского (войска) в продолжении трех дней находились без пищи, подошли свежие монгольские войска, окружили цзиньское войско с четырех сторон и, питаясь печеным мясом, посменно производили стражу. Наконец, увидев изнеможение цзиньского войска, монголы открыли ему дорогу для побега в Цзюнь-чжэу, но во время побега со свежими войсками напали на оное с двух сторон. Цзиньское войско пришло в смятение, и топот бегущих был подобен стуку падающей горы^{192*}. Вскоре после сего исчез туман, и осветило солнце, но из войска цзиньского не осталось уже ни одного человека - все были побиты от монголов. Чжан-хой и Ань-дэ-му, сражаясь на копьях пешими, лишились жизни. Хэда хотел, спешившись, вступить в сражение, но как не находил уже своего друга Пуа, то вместе с Чэнь-хэ-шаном, Ян-у-янем и с несколькими сотнями всадников убежал в Цзюнь-чжэу. Подкомандные Ян-у-яня генералы Бо-лю-ну и Не-лю-шэн сдались монголам. Пуа бежал в Бянь-цзин, но монголы, преследуя его, захватили в плен. Тулэй⁷⁵⁰, младший брат монгольского императора Тай-цзуна, требовал, чтобы Пуа покорился. "Я первостепенный вельможа цзиньский, - отвечал Пуа, - умру в пределах своего государства, но никак не соглашусь на подданство". Засим Пуа был убит. Монголы, подступив к Цзюнь-чжэу, вне города провели ров и осадили город. Покорившиеся монголам генералы Бо-лю-ну и Не-лю-шэн просили у монгольского главнокомандующего Тулэя войти в Цзюнь-чжэу и склонить к покорности Ян-у-яня. Посему Тулэй, оставив при себе Бо-лю-ну, отправил в город Не-лю-шэна. Не-лю-шэн, увидев Ян-у-яня, говорил ему: "Монгольский главнокомандующий хочет тебя сделать большим чиновником, если ты покоришься". Ян-у-янь, благосклонно разговаривая с Не-лю-шэном, обманывал его. Призвав его к себе, наконец сказал: "Будучи низкий по происхождению, я получил великие милости в моем государстве. Зачем же ты бесчестишь меня?" Потом, извлекши меч, зарубил Не-лю-шэна. По взятии монголами Цзюнь-чжэу, Ян-у-янь стал на колени и, обратясь к столице Бянь-цзин, со слезами произнес: "С каким лицом явлюсь я пред тебя, государь? Мне остается только умереть"^{193*}. После сего он повесился. Хэда хотел выбежать в ворота, но не успел, почему скрылся в погребке. Монголы нашли его и убили. Чэнь-хэ-шан скрылся в одном тайном месте. По прекращении убийства он вышел и говорил к встретившимся с ним монголам: "Я, цзиньский генерал, хочу лично говорить с вашим главнокомандующим". Монгольские солдаты схватили его и привели к Тулэю. Его спрашивали об имени и прозвании: "Я генерал Чэн-хэ-шан, - отвечал он, - главный командир корпуса Чжун-сяо-цзюнь. Я поражал ваши войска в Да-чан-юане, Вэй-чжэу и Дао-хой-гу"⁷⁵¹. Если бы я погиб среди мятущихся войск, другие сказали бы, что я изменил государству. Теперь, если я приму смерть торжественно, в империи все будут знать обо мне". Монголы убеждали его покориться, он не соглашался. Ему отрубили ноги, но он равно был непреклонен. Наконец, разрезали до ушей рот. Он, изрыгая кровь, до смерти не переставал порицать их. Один монгольский генерал, похваляя Чэн-хэ-шана за его верность, возливал кумыс и, молясь, говорил: "Славный муж! Если ты переродишься впоследствии, то дозволяю мне обрести тебя"^{194*}. Когда генерал Цин-шань-ну с войском из Сюй-чжэу шел на помощь к столице, Хэу-цзинь, Ду-чжэн и Чжан-син с тремя тысячами подвластных им воинов покорились монголам. Цин-шань-ну, по недостатку сил, ушел в Цзюй-чжэу. Император Ай-цзун переименовал лета правления в первый год Кай-син⁷⁵².

1232 год

Кай-син первое лето. В первый месяц войско в Сюй-чжэу, начав бунт, убило генералов Гулицзя Шилунь, Нянь-хэ-тун-чжэу и Су-чунь и со всем городом покорилось Монгольскому государству. Во второй месяц генерал Цин-шань-ну на пути к Гуй-дэ-фу, по прибытии в Ян-и-дянь, встретился с

^{192*} По кит. тексту: "...и крики цзиньцев были подобны стуку падающей горы".

^{193*} По кит. тексту: "Я не могу явиться без позора пред тебя, государь! Остается только умереть".

^{194*} По кит. тексту: "Монгольские генералы, отдавая справедливость Хэ-шану за его верность..." и проч.

монгольским войском. Главнокомандующий Вань-янь Ули, со всем усилием нападая на оное, был убит. У Цин-шань-ну пал верховой конь, и монголы взяли Цинь-шань-ну в плен. Главнокомандующий Го-энь и чиновник Ду-юй, по имени Улинь-да-а с тремя сотнями человек убежали в Гуй-дэ. Когда монголы представили Цин-шань-ну к главнокомандующему Тэмудау, тот повелел ему склонить к покорности жителей столицы Бянь-цзин, в которой находился император. Цин-шань-ну не согласился. Еще требовали от него, чтобы он сам покорился, но Цин-шань-ну равно не повиновался, почему его убили. Когда генерал Тушань-ну с войском из области Гуань-сянь⁷⁵³, бросив крепость Тун-гуань, хотел идти на восток, некто Ли-сянь-шен, отклоняя его, говорил: "Теперь все войска монголов находятся на южной стороне реки Хуан-хэ, а северная сторона реки пуста. Министр, возьми наперед Вэй-чжэу и сим сделай то, чего враги не ожидают. Неприятель, по услышании о том, что наше войско находится на северном берегу реки, непременно, отделив часть своего войска, пошлет на северную часть реки. Таким образом, осажденная столица получит некоторую свободу, а для министра легко будет идти на помощь к оной". Тушань-ну, сильно разгневавшись на Ли-сянь-шена, казнил его на площади, под предлогом, будто бы он обнаружил военную тайну. После чего Тушань-у-дянь, На-хэ-хэ-жунь, Вань-янь-чун-си Мяо-ин и Шан-хэн, оставив крепость Тун-гуань, выступили с войском в поход. Солдаты взяли с собой детей, жен и престарелых родственников. Оставив большую дорогу к Ло-яну, они пошли проселочной дорогой высоких юго-западных гор, через льды и снега. Их следом, в дальнем от них расстоянии, за ними отправилось несколько сотен монгольской конницы. На горах снега были чрезвычайные, почему женщины, взятые войсками, бросали малолетних детей, и дорога была наполнена воплями. Когда цзиньское войско дошло до хребта Те-лин⁷⁵⁴, следовавшая за оным монгольская конница тайно призвала главный корпус из Ло-яна и, сторожа хребет Те-лин, отрезала возвратный путь цзиньскому войску^{195*}. Цзиньское войско, зная, что они непременно должны погибнуть, решилось вступить в сражение. Но люди уже несколько дней находились без пищи и, ослабев от перехода (почти 200 ли), были не в силах выдержать боя. Притом пошел снег, и мало-помалу они стали разбегаться. Еще до сражения двух войск Вань-янь-чун-си первый из всех предался монголам. Монголы, приняв Вань-янь-чун-си, умертвили его. Равно чиновник ду-юй по имени Чжэн-ди убеждал генерала Мяо-ина покориться монголам. Когда Мяо-ин не согласился, то Чжэн-ди умертвил его и, взяв его голову, явился с покорностью к монголам. После сего войско пришло в великое расстройство. Тушань-у-дянь и На-хэ-хэ-жунь с несколькими десятками конницы бежали в ущелья гор. Монгольская конница, погнавшись за ними, всех забрала живыми и предала смерти. Генерал Шан-хэн, не зная, что все начальники войска побиты, собирал разбежавшееся войско, но в это самое время прибыл монгольский отряд и взял его в плен. Монголы требовали от Шан-хэна покорности, но Шан-хэн не повиновался. Почему монголы под стражей повели Шан-хэна с собой. Дорогой монголы убеждали его склонить к подданству жителей города Ло-яна. "Я никого не знаю из жителей города Лояна, - говорил им Шан-хэн. - Кого же я заставлю покориться вам?" Монголы, зная непреклонность Шан-хэна, хотела сорвать с него шляпу. Шан-хэн, устремив на них строгий взор, закричал: "Вы употребляете против меня насилие, но никогда не буду вашим подданным". Потом, обратясь к столице Бянь-цзин, сделал поклонение и сказал: "По неискусству полководцев погублено войско и утрачены выгода, но мое преступление равно непростительно. Мне остается заплатить отечеству смертью". За сим, извлеки меч, перерезал себе горло и умер. Монголы завоевали город Цзюй-чжэу. В сей же месяц монголы отпустили задержанного посла цзиньского - Фын-янь-дэна, который возвратился в свое государство. В третий месяц монголы, делая приступ к городу Ло-яну, стреляли в оный и разрушили северо-восточный угол городской стены. Начальник города Сахэ-нянь хотел выйти из оного Южными воротами, но не успел; почему бросился в водяной ров и помер. Монгольский государь Тай-цзун, отходя по причине жары обратно, прислал государю Ай-цзуну посла с бумагой, в которой он требовал, чтобы он (Ай-цзун) покорился. Между тем, он (Тай-цзун) оставил Субутая⁷⁵⁵ с войском для нападения на Бянь-цзин. Посланный от Тай-цзуна, прибыв в Бянь-цзин, стоя подал присланную бумагу переводчику, переводчик передал министру, а министр, встав на колени, поднес оную государю Ай-цзуну. Император стоя принял бумагу и отдал ее чиновнику, заведующему делами. Сею бумагой Тай-цзун требовал академика Чжао-бин-вэня, чиновника янь-шен-гунь⁷⁵⁶ по имени Кун-юань-цо и других вельмож (числом двадцать семь) вместе с семействами, равно семейства покорившихся монголам цзиньских подданных, жену и детей генерала Пуа и несколько десятков швей и делателей луков. Когда император Ай-цзун хотел послать заложником в Монгольское царство своего старшего брата Цзин-вана Шэу-чуня Окэ, возведя его в достоинство Цао-вана, Ми-го-гун-шэу-сунь явился в палату Лун-дэ-дянь. "По какому делу прибыл к нам наш дядя?" - спросил его император. Шэй-

^{195*} По кит. тексту: "Тогда монгольская конница тайно призвала главный корпус из Ло-яна, который, проходя тремя западными уездами, миновал Лу-ши. По проходным местам он предавал пламени жилища и съестные припасы, опасаясь, чтобы не доставались оные цзиньскому войску. Потом, поворотив назад, сей корпус стерег хребет Те-лин и, таким образом, пресек цзиньскому войску обратный путь".

сунь отвечал: "Я пришел, услышав, что Окэ отправляют для переговоров о мире. Окэ молод и неопытен в делах. Опасно, что он не в состоянии исполнить великого дела. Да будет дозволено отправиться вместо него мне"^{496*}. Император, успокаивая его, сказал: "Со времени перенесения двора нашего на юг, при спокойствии государства, оказали ли мы нашему дяде какие-либо милости? Когда не имели нужды, мы оставляли его в забвении. Ужели, находясь в крайности, мы пошлем его на опасность? Конечно, ты хочешь показать свою нам верность, но что тогда будут говорить о нас подданные? Итак, оставь твое намерение"^{497*}. При сем государь и министр, смотря друг на друга, плакали. После сего Ай-цзун повелел отправиться вельможе Ли-си для сопровождения Цао-вана Окэ и вельможам Ахудаю и Ши-жуну в звании послов для заключения мира. Но прежде их отправления Субутай, услышав о сем, сказал: "Я получил повеление от императора напасть на город, другого ничего не знаю". И он тотчас стал осаждать Бянь-цзин^{498*}. Обнесши ров частоколом, он повелел заваливать оный соломой, и в одно мгновение на десять шагов заровнял оный. Главнокомандующий цзиньского войска генерал Боса, по причине начатия переговоров, не смел начать сражения и, сидя на стене, спокойно смотрел на приготовления неприятеля. Император Ай-цзун, услышав крик жителей города, в сопровождении семи всадников выехал из дворца воротами Дуань-мэнь к месту Чжэу-цяо. В сие время от выпавшего дождя по улицам было грязно. Но жители, внезапно увидев императора, в страхе становились на колени по сторонам дороги. Посему император, делая знак рукой, говорил, чтобы не вставали на колени из опасения замочить платье. При сем в замешательстве купцы бросали на землю жито и бобы. Старики и дети, стеснившись вокруг императора, касались по неосторожности его одежды. Прибыли министры и спутники царские и предлагали императору надеть плащ, но государь, не надевая оного, сказал: "Все воины без плащей, зачем же надену его я?"^{499*}. По проходным местам он ободрял солдат, обращал к ним ласковые речи, а солдаты, в восхищении от его слов, попеременно восклицали: "Да здравствует Император! Умрем в бою с врагами!" И некоторые из них плакали. В юго-западном углу города около шестидесяти человек, собравшись вместе, о чем-то разговаривали. Император, заметив сие, подошел к ним и спросил о разговоре. Солдаты, встав на колени, отвечали: "Монголы, снося землю и хворост, заваливают ров и совершили уже половину работы, а наш главнокомандующий Боса отдал приказание не пускать в них ни одной стрелы, опасаясь разрушить мирные переговоры. Какой это расчет, если рассудить здраво?" Ай-цзун, обратясь к старшему из них, сказал: "Для спокойствия народа я не откажусь быть вассалом и платить дань, если бы потребовали сего. Я имею только одного сына^{500*}, который еще не достиг совершеннолетия, но и его теперь посылаю заложником. Имейте терпение. Если по отшествии Цао-вана неприятельские войска не отступят, умереть на сражении еще не будет поздно". Другие, встав на колени и обливаясь слезами, говорили императору, что дела дошли до крайности, и что премудрый государь не должен надеяться на мир. Император отдал приказ, чтобы войска, стоявшие на стене, начали стрельбу из луков. Тысячник, находившийся при воротах Си-шуй-мынь по имени Лю-шэу остановил коня императорского и сказал государю: "Премудрый государь! Не верь коварным вельможам. По искоренении злонамеренных, монголы сами отступят"^{501*}. Сопровождавшие императора хотели бить Лю-шэу палками, но государь, удерживая их, сказал: "Он пьян, не делайте ему вопросов". При проезде воротами Нань-сюнь-мынь император, встретив раненых, сам перевязывал им раны и из своих рук поил вином. Кроме всего, он награждал заслуженных воинов золотом и серебром из дворцовых кладовых. В этот же день Цао-ван Окэ отправился в монгольский стан. Но монголы, не отступая от города, с большим усилием стали производить нападения на оный; заставляли пленных китайцев, даже женщин, стариков и детей, носить на себе хворост и солому и засыпали ров. Со стены осыпали их стрелами, и в одно мгновение ров был завален (трупами). После сего монголы против каждого угла городской стены поставили более ста пушек и посменно днем и ночью производили пальбу из оных⁷⁵⁷. Ядра беспрестанно падали в город, были разбиты все отбойные машины, но городская стена, выложенная из глины хулаогуаньской⁷⁵⁸ при чжоуском государе Чай-ши-цзуне⁷⁵⁹, была тверда и плотна,

^{496*} По кит. тексту: "Да будет позволено мне быть его товарищем или отправиться вместо него одному".

^{497*} По кит. тексту: "С того времени, как наш двор перенесен на юг, при спокойствии государства, были ли оказываемы какие милости нашему дяде? Он равно их не домогался. Когда мы не имели нужды, нашего дядю оставляли без призрения. Теперь, находясь в крайности, если пошлем его на опасность, дядя, конечно, может показать свою верность, но что скажут тогда обо мне подданные?"

^{498*} По кит. тексту: "Когда Субутая просили о принятии заложника, он сказал: "Я получил повеление осаждать город и тогда только отступлю, когда явится Цао-ван; иначе осада не будет прекращена". За сим поставил осадные машины и, обнесши городской ров частоколом, повелел..."

^{499*} По кит. тексту: "При сем замешательстве на рынках разбросаны были по земле пшено и бобы. Император приказывал через своих телохранителей жителям разойтись по домам. Прибыли министры и сопровождающие императора чиновники и предлагали ему надеть парaplю. Император, не принимая оного, сказал: "Солдаты находятся с обнаженными головами, для чего ж я надену оный""

^{500*} То есть одного племянника, т.к. у него детей не было.

^{501*} Тысячник полагал, что императору присоветовали начать сражение вельможи.

подобно железу: от ударов ядер на ней образовались только впадины, повреждения не было. Итак, монголы за городским рвом сложили стену и на оной построили амбразуры и башни. Сия стена в окружности занимала 150 ли; проведенный вокруг оной ров в глубину и в ширину имел до двух сажен^{502*}. Засим на земляном валу построили казармы в расстоянии на 40 шагов одну от другой, и в каждой из оных поместили по сто человек стражи. Цзиньский генерал Хэси охранял северо-западный угол города. При сильном напоре на сей угол монгольского войска, Хэси от страха изменился в лице и не мог отдавать приказаний. Но его солдаты, помня слова государя, говоримые им неоднократно в утешение, дрались насмерть. Монголы из воловьих кож сделали будочки и, в сих будочках подойдя к стене, раскапывали основание оной. Тогда цзиньцы начинили порохом железные горшки, кои были спущены на цепях и, по достижении подкопа, издавали огонь, истребляющий кожу и человека. Еще пускали летучие огненные копья, кои, по вспышке в них пороха, жгли за десять шагов от себя, почему не осмеливался никто подходить к ним. Монголы, из страха к сим двум вещам, прекратили осаду. В непрерывных сражениях при их осаде города, продолжавшихся 16 суток, пало с обеих сторон убитыми до миллиона людей. Монгольский главнокомандующий Субутай видел невозможность овладеть городом и прислал посла, который говорил государю Ай-цзуну: "Между двумя государствами открыты мирные переговоры. Должно ли в то же время производить войну?" Император Ай-цзун согласился на предложение и послал вельможу Ян-цзюй-жэня угостить обедом монголов и поднести подарки, состоявшие из дорогих металлов и других вещей. После сего монголы отступили от города. Генерал Хэси, по случаю отступления монгольского войска, хотел поднести императору поздравительный доклад. Другие министры не были согласны с ним. Но Хэси, приписывая себе успех в защите столицы, сильно настаивал на сем и, призвав Юань-хао-вэня, сказал: "Уже три дня, как отступил неприятель. Почему доселе не представляете поздравительного доклада?" Он приказал ему немедленно позвать академика (хань-линь-юань) и написать поздравительный доклад. Юань-хао-вэнь объявил его слова министрам. Тогда Сэлэ сказал Хэси: "В древности клятва под городскими стенами считалась за стыд. Тем паче, следует ли поздравлять с отступлением неприятеля?" Хэси, рассердившись, отвечал ему: "Престол спасен, государь свободен от опасности. Ужели и сие для вас не составляет радости?" На следующий день, когда явился в Сенат Чжан-тянь-жэнь, Юань-хао-вэнь пересказал ему сей разговор. "Бестыдный человек!" - сказал Чжан-тянь-жэнь. После сего он обратился к министрам и сказал: "Государь весьма стыдился того, что неприятель подступил под столицу. Между тем слышно, что чиновники хотят приносить поздравления. Ужели это возможно?" Несмотря на сие, министры поручили академику Чжао-бин-вэню написать поздравительный доклад, но Чжао-бин-вэнь на сие сказал им: "В Чунь-циу говорится, что Чэн-гун (из княжества Лу) три дня плакал, когда сгорел вновь построенный храм его отца Сюань-гуна⁷⁶⁰. Ныне неприятель разрывает кладбища наших государей^{503*}, и мы, сообразно обряду, должны утешать, а не поздравлять государя". После сего министры оставили свое намерение. Император Ай-цзун лета своего правления переименовал в Тянь-син. Император повелел наградить по заслугам тех, кто взял обратно какой-либо город, угостил и одарил воинов^{504*}, отрешил от должностей престарелых и слабых чиновников, отпустил девиц из дворца, в докладных запретил называть себя премудрым и, наконец, слова "премудрый указ" заменил словом "предписание". В пятый месяц в столице Бянь-цзин открылась зараза, от коей в продолжение пятидесяти дней померло более 900 тысяч человек. В седьмой месяц вельможа Шэнь-фу убил в подворье монгольского посланника Тан-цина и других, всего до тридцати человек. Император Ай-цзун оставил его не наказанным, от сего мирные переговоры пресечены. Когда генералы Вань-янь-сы-ле, У-сянь и Вань-янь Хусеху, соединив войска, шли чрез Жу-чжэу на помощь к Бянь-цзин, император Ай-цзун, получив о сем известие, приказал генералу Хэси отправиться к ним для подкрепления. Вань-янь-сы-ле и его товарищи при Цзинь-шуй встретились с монголами, и цзиньское войско разбежалось. После сего У-сянь отступил к горе Лю-шань, а Вань-янь-сы-ле бежал к столице. По получении о сем известия, Хэси, бросив корпус, также возвратился в столицу^{505*}. Ай-цзун за сие разжаловал Хэси в простолюдины, конфисковал его имение и отдал оное войску.

Го-ань-юн, бывший сначала сообщником бунтовщиков "красной одежды" Ян-ань-ерра и Ли-цюань, покорившись монголам, был сделан главнокомандующим в Шань-дуне. Го-ань-юн, собрав всех шаньдунских генералов и начальников отдельных отрядов в Суй-чжэ, Су-чжэу и Пи-чжэу, поклялся с ними над кровью убитой лошади покориться государству Цзинь. По совершении клятвы, когда все генералы разошлись, Го-ань-юн, не имея пристанища, убедил Чжун-сэн-ну довести до сведения государя о его желании покориться.

^{502*} По кит. тексту: "...имел около одной сажени".

^{503*} Монголы раскопали могилу матери императора.

^{504*} По кит. тексту: "...повелел указом награждать по заслугам тех, кто исправит или возьмет обратно какой-либо город, угостил и одарил солдат, уменьшил свои расходы, отрешил от должности..." и проч.

^{505*} По кит. тексту: "По узнании о сем, Хэси, бросив обоз, также бежал к столице".

Чжун-сэн-ну прислал государю доклад следующего содержания: "Го-ань-юн с несколькими городами хочет покориться Вашему Величеству"^{506*}, каковой поступок делает его заслуги весьма великими. Кроме сего, он имеет весьма сильное войско и можно сказать, что он с большими способностями. Если Ваше Величество, положившись на него, действительно благоволите употребить его в службу, то без доставления ему первых чинов и полной власти нельзя утвердить в нем преданности к отечеству". Но еще до получения ответа на сей доклад, Го-ань-юн оделся по-цзиньски. Монгольский генерал Мяо-чжэнь, рассердившись на Го-ань-юна, за его измену предал смерти весь его дом и сам удалился в И-ду-фу. Го-ань-юн, отобрав лучшие войска, пустился за ним в погоню, но не мог догнать^{507*}. Вскоре после сего император Ай-цзун отправил Ше-ши-ина и Гао-тянь-ю с указом в Сяпи⁷⁶², а Го-ань-юна сделал главнокомандующим в Шань-дуне. Возведя его в достоинство Янь-вана с титулом: Ин-ле-кань-нань-бао-цзе-чжун-чэнь^{508*}, причислил его к царской фамилии Вань-янь и его прозвание переименовал на Юн-ань. Он подарил ему одну позолоченную печать, печать золотую с ручкой, изображающей верблюда, половинную печать золотого тигра, в подтверждение его права на владение землей, и сделал наследственным в его роде достоинство тысячника. Го-ань-юн, услышав о прибытии послов, отправился навстречу и, при свидании, раскланялся с ними как с равными. Го-ань-юн осмотрел все вещи, присланные в награду от императора, и с веселым видом предложил послам, что он хочет принять оные без церемоний, какие обязан выполнить вассал перед государем. Но Инь-ши-ин отвечал, что царские подарки принимать без церемоний неприлично. Итак, Го-ань-юн приготовил пир и по приличию принял вещи, стоя на коленях. В сие время область Шань-дун взята была монголами, и жители оной около восьми месяцев не имели никаких известий о государе, почему чиновники и народ, увидев посланников, делали поклонение и плакали. Тогда некто Чжан-сянь, не важный по чину, но сведущий в законах, сказал Гао-тянь-ю^{509*}: "Жители востока уже несколько месяцев не получали никаких манифестов от государя. Теперь, увидев послов царских, весь народ пришел в движение. Если не утешить его императорским указом, то, чтобы не лишиться его приверженности, каково будет, если я разглашу в народе утешительный указ царский?" Но Гао-тянь-ю, как человек ученый, держась справедливости, не смел последовать словам Чжан-сяня и в утешение собравшемуся народу объявил только слова министров. После сего народ снова предался горькому плачу. "Государь не признает нас своим народом, - говорили жители, - и не думает защищать!" И на следующий день все ушли в Сюй-чжэу. Гао-ань-юн вместе с послами императорскими отправил к Ай-цзуну с благодарностью Чан-цзиня. Тогда император Ай-цзун снова отправил к нему Инь-ши-ина и Гао-тянь-ю, коим поручил доставить ему следующие вещи: патент на преемственное достоинство, печать удельного князя, владеющего землями, полное одеяние с вышивкой драконов, пояс из яшмы с вырезкой рыб и два лука^{510*}. Кроме того, прислал грамоты на почтительные названия его отцу, матери и его жене; указ на достоинство Цзюань-вана и другой указ на преемственное достоинство. Десять больших медалей за верность и десять яшмовых поясов повелел отдать Го-ань-юну с тем, чтобы он раздал давшим с ним вместе клятву и оказавшимся достойными наград. По прибытии послов в Сяпи, Го-ань-юн встретил их, а представленные ими вещи принял по установленным обрядам. В двенадцатый месяц император Ай-цзун на общем совете со всеми вельможами в палате Да-цин-дянь предложил оставить столицу Бянь-цзин и удалиться в Гуай-чжэу. Посему генералам Сайбу, Баксань⁷⁶³, Энь-чу, Ли-си и Тукшань-бэга повелел с войсками следовать за собой, а генералам Вань-янь-ну-шэнь, Санябу, Чжукаю, Боеху, Чжугя-иочжу, Цуй-ли и Фучжу-майну поручил охранение столицы. Ай-цзун, отворив казначейство, раздал в награду офицерам и солдатам деньги и другие вещи. Войско выступило, и император, оставляя Бянь-цзин, в слезах расставался с императрицами: матерью и супругой, со всеми княгинями. По прибытии императора в летний дворец царевны (название дворца), вдовствующая императрица послала своих придворных угостить войско. Выехав за ворота Кай-ян-мэнь, государь повелел возвратиться сопровождавшим его чиновникам. Засим, обратясь к оставшимся в столице войскам, он сказал: "Здесь остается жертвенник Шэ-ци и храм моих предков. Храбрые воины! Не думайте, что для вас нет заслуг, потому что вы не в числе сопровождающих меня войск. Если успеете защитить город, тогда в наградах за ваши заслуги вы не будете унижены перед войсками, сражавшимися в поле". Слышавшие сии слова проливали слезы. Засим государь выехал из города.

^{506*} По кит. тексту: "...обращается на правый путь".

^{507*} По кит. тексту: "Ань-юн, собрав войско и отрядив в разные места полководцев, решил непременно взять Мяо-чжэня, и с сего времени не было спокойных дней в Хуай-и Хай⁷⁶¹".

^{508*} Храбрый, превозмогший трудности и соблюдавший верность.

^{509*} По кит. тексту: "Некто Чжан-сянь, ревностный ходатай по делам, отважный по духу и тонкий законовонец (политик), сказал Гао-тянь-ю..."

^{510*} В древности было обыкновение, по коему государи в знак особой благосклонности дарили удельным князьям луки.

Тянь-син второе лето. Первого месяца в первый день император переехал Хуан-хэ. Задние войска при сильном северном ветре не могли переправиться через оную. Преследовавшие их монголы напали на них на южном берегу реки. Генерал Хэ-дуси пал в бою, а Вань-янь-у-лунь-чу покорился монголам. Государь Ай-цзун в слезах совершил сам жертвенный обряд над умершими воинами и всем им дал по смерти чины. В жертву теням умерших он умертвил двух меньших братьев У-лунь-чу, покорившегося монголам. После сего, соединив войска и собравши хлеб, он объявил здесь, что намерен обратно взять город Вэй-чжэу, отданный монголам, и повелел выступить арьергардом главнокомандующему Гао-сянь и генералу Нян-го-хо-чжу с отрядом из тысячи человек и с десяти тысячным корпусом⁷⁶⁴. Государь с главной армией остановился у холма Оу-ма-ган. Вслед за ним прибыли с корпусами Баксань и Цзя-у-ди-бу и напали на Вэй-чжэу, но не могли взять его. Услышав, что монгольские войска из Хэ-нань перешли реку и подошли к юго-западному углу города Вэй-жэу, император пошел с войском обратно. На возвратном пути при монастыре Бо-гун-мяо цзиньское войско, встретив монголов, вступило с ними в сражение и было разбито. Банань, бросив лагерь, бежал к востоку. Генералы Лю-и и Чжан-кай равно, по разбитии войск, обратились в бегство, но были схвачены и преданы смерти от жителей тех мест. Вань-цюань покорился монголам. Засим император Ай-цзун, продолжая обратный путь, прибыл в селение Вэй-лоу-цунь. Здесь, по совету Баксая, он оставил войска и вместе с помощником главнокомандующего Холихо, в сопровождении шести или семи человек, ночью переехав Хуан-хэ, ушел в Гуй-дэ-фу. На следующий день в войске узнали об уходе императора, и все рассеялись. Император за городом был встречен начальником города Пуча-ши-да и Вань-янь-хуту, в сопровождении коих он въехал в город. Государь обнародовал прощение всем заключенным в городской темнице, а народу и солдатам дал по одной офицерской степени. После того император отправил Та-ши-бу и Тушань-сы-си в Бянь-цзин за императрицами. В сие время находившийся в столице главнокомандующий Цуй-ли начал бунт вместе с Хань-до, Ио-ань-го и другими. Он убил Вань-янь-шеня и Вань-янь-абу, вошел с войском во дворец вдовствующей императрицы и принудил ее объявить Цун-цио, сына Вэй-шао-вана, правителем государства, назвав его Лян-ваном. Цуй-ли сам себя назвал канцлером, главнокомандующим, старшим министром и президентом Сената. Цуй-ли отправился в монгольский лагерь с бумагой о покорности, после чего монгольский генерал Субутай со своим войском начал подступать к городу. Вдовствующая императрица и императрица - супруга императора, при этом перевороте не успели отправиться в путь. Прибывшие за ними Дашибу и Тушань-сы-си, выехав из Бянь-цзина (первый со своим отцом, а последний - с женой), возвратились в Гуй-дэ-фу. Император сильно разгневался на них и обоих казнил. Охранявший город Цай-чжэу главнокомандующий Угулунь-гао представил в Гуй-дэ-фу двести мешков хлеба и убеждал императора Ай-цзуна переехать в Цай-чжэу. Государь, приняв его представления, послал генерала Пусянь объявить жителям Цай-чжэу о намерении государя переселиться в сей город. В то же время в Гуй-дэ-фу губернатор Нюй-лу-хуань, беспокоясь о том, что при многочисленности войска не достанет для него припасов, просил государя: войска, прибывшие после поражения из Хэ-бэй, отправить для продовольствия в Су-чжэу, Чэнь-чжэу и Суй-чжэу и выслать за город войско, составляющее императорскую стражу. Ай-цзун, будучи в необходимости, согласился на его слова. Засим, призвав Гуань-ну, император говорил ему: "Нюй-лу-хуань рассеял всю мою стражу. Ты должен соблюдать осторожность". В сие время в Гуй-дэ-фу оставалось только четыреста пятьдесят солдат Гуань-ну и отряд Ма-юна, состоявший из семисот человек. Ма-юн сначала был чиновником ду-юй. Но когда государь прибыл в Гуй-дэ-фу, то Ма-юна сделал главнокомандующим. Сверх сего, беспрестанно призывал его (Ма-юна) для советов о делах, между тем, Гуань-ну не был допускаем. Посему Гуань-ну вознамерился опутать Ма-юна. Ли-си-чжэн-тянь-ган и Ли-да-цзе узнали противные замыслы Гуань-ну и донесли императору Ай-цзуну о его намерении к восстанию. Император внутренне беспокоился о сем и поручил Алихо и Си-сяню тайно замечать поступки Гуань-ну. Но в разговорах о Гуань-ну с другими вельможами он говорил: "Я возвысил Гуань-ну из низкого состояния и сделал главнокомандующим. На что ж негодуя, восстает он против нас? Будьте спокойны". Алихо и Си-сянь знали, что государь не в силах управлять Гуань-ну, и потому наипаче открыли ему намерения императора. Император, опасаясь, чтобы от взаимной вражды Гуань-ну и Ма-юна не произошло всеобщего смятения, приказал министрам сделать пир и на оном примирить их. После сего Ма-юн распустил свой резерв, и Гуань-ну, пользуясь сим случаем, напал со своими солдатами на Ма-юна и убил его. Он велел пятидесяти человекам охранять императорский дворец, а всех чиновников, находящихся при императоре, запер во дворце и равно повелел солдатам стеречь их. Засим Гуань-ну с войском отправился в дом губернатора Нюй-лу-хуань. "С прибытия императора в сей город, - говорил он Нюй-лу-хуаню, - ты не доставляешь в достаточном количестве съестных припасов и не даешь хороших приправ для кушаний. Чем намерен теперь оправдаться в твоём преступлении?" Невольно посадив Нюй-лу-хуаня на лошадь, он приказал солдатам обыскать его дом, в котором нашли 20 горшков с различными приправами для кушаний, кроме того, были вынесены из

оного все дорогие металлы и вещи. По окончании обыска Нюй-лу-хуань был убит. Гуань-ну еще приказал Маши одеться в латы и с оружием в руках идти за Бану-шэнем, находившемся при государе. Император, увидев Маши, бросил на землю свой меч и сказал: "Объяви от меня главнокомандующему, что Бану-шэн один находится у меня на службе. Пока пусть оставят его мне". Маши не дерзнул употребить насилие и в страхе ушел обратно. Гуань-ну убил более трехсот человек из придворных вельмож и три тысячи человек военных чиновников, солдат и простого народа. Вечером в тот же день Гуань-ну с войском явился к государю и донес, что он умертвил Нюй-лу-хуаня и других вельмож за их восстание. Император, находясь в крайности, простил Гуань-ну и, сделав его чиновником шуми-фуши, определил в должность цань-чжи чжэн-ши. Гуань-ну поместил государя Ай-цзуну в палате Чжао-би-тан, и никто не смел являться к нему. Император, ежедневно оплакивая свою участь, говорил: "Издревле уничтожались государства и погибали цари, но я жалею о том, что не умел употреблять людей и по сей причине сего раба допустил заключить себя". В четвертый месяц Цуй-ли обеих императриц, Лян-вана Цун-цио, Цзин-вана Шэу-чуня и царских родственников обоого пола, всего более 500 человек, представил в Цин-чжэу⁷⁶⁵. Монголы Лян-вана Цун-цио и Цзин-вана Шэу-чуня умертвили, а двух императриц повезли на север. В шестой месяц император Ай-цзун с Сунгуем и другими условился умертвить Гуань-ну и приказал Чаохэ позвать его на совет. Между тем, Вань-чу скрылся за дверьми. Как скоро Гуань-ну явился, император громким голосом известил о его прибытии. Тогда Вань-чу, выскочив из засады, ударом копья повалил Гуань-ну на пол, и император сам отсек Гуань-ну голову. Засим государь вышел за ворота Шу-ан-мынь и, объявив прощение войску Гуань-ну, утишил смятение. Император, решившись переехать в Цай-чжэу, издал указ, коим повелевал войскам из Цай-чжэу, Си-чжэу, Чэнь-чжэу и Инь-чжэу идти к нему навстречу. Го-ань-юн, услышав, что государь переселяется в Цай-чжэу, прислал доклад, который скрыт был в воске. В сем докладе (он) представлял 6 причин, по коим не следовало переселяться в Цай-чжэу. Они изложены были почти в следующих словах: "Во-первых, Гуй-дэ-фу окружен водой, и неприятелю трудно сделать нападение на оный, а Цай-чжэу не имеет подобной преграды. Во-вторых, если бы во время пребывания в Гуй-дэ-фу кончились съестные припасы, то можно еще питаться рыбой и водяными каштанами (лин-цзяо)^{511*766}. Напротив, если будет осаждать Цай-чжэу, тогда съестные припасы оного будут истреблены в несколько дней. В-третьих, неприятельская армия оставила Гуй-дэ-фу не потому, чтобы боялись наших войск, но с намерением дать нам свободный выход из сего места с тем, чтобы после преследовать нас с тыла. Она оставляет места трудные потому, что изыскивает легчайшего. В-четвертых, Цай-чжэу находится вблизи сунских границ^{512*}. Если, сверх чаяния, сунцы будут доставлять неприятельскому войску провиант, тогда несчастья невозможно будет избежать. В-пятых, если бы Гуй-дэ-фу защитить было невозможно, то по течению воды можно еще бежать на восток, но когда будем не в состоянии защищать Цай-чжэу, то куда уклонимся? В-шестых, в настоящее время при жарах от беспрестанных дождей дорога сделалась грязной. Но Ваше Величество тяжелы телом, почему верховая езда для Вас неудобна. Что же должно последовать в случае неожиданной встречи с неприятелем? Вассал не дерзает говорить о сем. Итак, государь, если вы твердо решились переселиться из Гуй-дэ-фу, то лучше переселиться на время в Шань-дун. Шаньдунская область богата и многолюдна и в государстве считается первой областью. По моему мнению, сие место на востоке смежно с рекой И⁷⁶⁷ и морем, на западе прилегает к Сюй-чжэу и Ся-пи, с юга ограждена Чу-чжэу и на севере его окружают воды Цзы и Цзин-чжэу⁷⁶⁸. Когда бы Ваше Величество поселились здесь, то, опираясь на величие и мудрость Вашего Величества, я мог бы посредством переписки склонить на свою сторону области на северной стороне реки. Государь! Размыслите о сем внимательно". Император сие представление отдал на рассмотрение министрам. Министры отвечали, что Го-ань-юн не намерен помогать, и сии советы, без сомнения, внушены чиновником цань-и по имени Чжан-цзе. Притом уже решено ехать в Цай-чжэу, почему не следует оставлять решения. И государь не принял представления Го-ань-юна. Главнокомандующий города Лояна Улинь-да-хуту, бросив город, бежал в Цай-чжэу. Ло-ян был взят монголами. В шестой месяц император, отъезжая в Цай-чжэу, поручил охранение Гуй-дэ-фу главнокомандующему Ван-би. Прибыв в Цай-чжэу, объявил прощение всем преступникам, исключая тех, кои достойны смертной казни; чиновников и народ награждал чинами, повышая через две ступени и, дозволив свободный пропуск сквозь городские ворота, повелел производить торговлю. Таким образом, состояние жителей Цай-чжэу улучшилось. В девятый месяц монголы, призвав войска сунские, завоевали город Тин-чжэу; причем умер на сражении генерал Хэ-хань. Государь Ай-цзун, отправляя Ахудая в царство Сунское просить съестных припасов, говорил ему: "Сунцы совершенно забыли наши благодеяния. С самого вступления

^{511*} В кит. тексте означено другое растение, называемое "ци". Это растение водяное, иглистое; его плод называется Ци-чоу-мн (куричья головка) и принадлежит к роду горячительных. Когда оно цветет, его цветы бьются обращены к солнцу.

^{512*} По кит. тексту: "...от Цай-чжэу до сунской границы не будет и ста ли".

моего на престол я отдал повеление пограничным генералам не чинить набегов на царство Сунское. Пограничным правителям, представлявшим о начатии войны против царства Сунского, я постоянно делал строгие выговоры, а если в прежнее время был взят какой-либо сунский город, я немедленно его отдавал обратно. В недавнее время покорились нам жители Хуай-инь-сянь. Сунцы за выкуп города во множестве предлагали золота и дорогих вещей, но чтобы не показаться корыстолюбивым, приняв их вещи, я возвратил им сей город, не воспользовавшись нисколько собственностью оного. Кроме того, возвращая до нескольких тысяч пленных, взятых нами в сражении с сунцами при Цин-кэу, мы доставили им продовольствие^{513*}. Теперь, при ослаблении нашего государства, сунцы завладели нашим Шэу-чжэу, склонили на свою сторону Дэн-чжэу и напали на Тан-чжэу. Рассчеты сунцев весьма неглубоки. Монголы, истребив сорок княжеств, дошли до царства Ся. Уничтожив Ся, они пришли в наше государство. Если положат конец нашему царству, то непременно достигнут и царства Сунского. Естественно, что когда нет губ, тогда мерзнут зубы. Ныне, если Сунское царство соединится с нами, то, действуя в нашу пользу, может сделать собственные выгоды. Вельможа! Уверь в сем двор сунский". По прибытии Ахудая в Сунское царство, двор сунский не принял его предложений. Ахудай возвратился. Девятого месяца в девятый день император Ай-цзун делал поклонение Небу в палате цзедуши. По совершении оного, император обратился со следующей речью к сопровождавшим его чиновникам: "Государство от начала своего восстановления питало нас в продолжение более ста лет. Некоторые из вас остаются преемниками заслуг своих предков, другие возвысились собственными заслугами. Долгое время находились вы покрыты броней и с оружием в руках. Теперь при наступлении бедствий вы сетуете вместе со мной и заслуживаете название верноподданных. В настоящее время получено известие, что монгольские войска приблизились. Господа! Для вас наступает время упрочить собственные заслуги и воздать долг отечеству. Умрет ли кто, подвизаясь за отечество, - его душа не утратит верности и сыновнего почтения. Прежде, при восстановлении ваших заслуг, вы беспокоились о том, что государь не будет о них знать. Теперь я сам буду смотреть на ваше сражение с врагом. Господа! Употребите ваше старание". Засим император угощал всех вином. Еще не успели кончить пира, из-за города прискакал объездной отряд и доносил, что несколько сот человек из неприятельской армии подъехали к самому городу. По получении этого известия, генералы и офицеры с нетерпением желали вступить в бой и просили императора дать сражение. Государь, уступая их просьбам, в этот же день отделил войско для защиты четырех сторон городской стены. Главнокомандующему Чжан Лэуши повелено охранять восточную сторону, а царский родственник Чэн-линь дан ему в помощники. Угулунь-бао назначен для защиты южной стороны, а Юань-чжи определен в помощники. Улинь-да Хэшану поручено охранять западную сторону, а Цой-бао-ерр назначен ему в помощники. Северная сторона крепости поручена защите Ван-шань-ерра, а Бо-шэу был к нему прикомандирован^{514*}. По окончании распоряжений к защите города, цзиньское войско выступило за город. Вступив в сражение с монголами, оно обратило их в бегство. На другой день после сражения монгольский генерал Тацир⁷⁶⁹ с несколькими сотнями конницы вторично подошел к городу и расположился на восточной стороне оного. Император Ай-цзун выслал против него войско, и Тацир был разбит снова. После сего монголы, по невозможности начать приступ к городу, сделали окопы вокруг оного и осадили город. В девятый месяц в городе оказался недостаток съестных припасов, и жители, изнемогая от голода, стали есть себе подобных. Посему министры, по повелению императора, престарелых, детей и больных выслали из города. Им дали суда, повелевая в городском канале отыскивать водяные каштаны для своего пропитания. Во внутреннем городе император делал смотр чиновникам в стрельбе из луков. Тем, кои попадали в цель, давал в награду сарачинское пшено. Равным образом приказал отпускать пшено в дома убитых и раненных на войне. В одиннадцатый месяц сунский государь Ли-цзун⁷⁷⁰ по договору, заключенному с монгольским двором, повелел генералам Цзянь-хаю и Мын-гуну присоединиться к монгольской армии и доставить оной триста тысяч мешков сарачинского пшена. Тацир чрезвычайно был рад сему и Мын-гуна назвал своим братом. Монголы, по прибытии к ним вспомогательного сунского войска, с большой деятельностью начали готовить осадные орудия. Звук от рубки дерев был слышен в городе, отчего страх в жителях более и более увеличивался, и все тайно советовались между собой о покорности монголам. Хушаху, напоминая о милостях государя и об обязанностях, ежедневно утешал народ, приведенный в робость. Занимаясь приготовлением к обороне, он в продолжении сего времени ни разу не входил в свой дом. Войско и народ вполне видели его верность, и все, воодушевляясь соревнованием, твердо решились противоборствовать.

В двенадцатый месяц монголы и сунцы соединенными силами начали делать приступ к городу. Городское правительство потребовало всех жителей к защищению города. Кроме сего, смелым и сильным

^{513*} По кит. тексту: "В сражении при Цин-кэу мы взяли в плен несколько тысяч сунцев и, возвращая их, еще доставили им продовольствие".

^{514*} В кит. тексте прибавлено: "Нью-силе Вань-чу с Цзя-гу-дан-гэ поставлены на юго-восточном углу; Се-ле с Вань-юй-ши повелено защищать кремль".

женщинам повелено было одеться в мужское платье и носить на стену дерева и камни. Император Ай-цзун сам выходил и ободрял всех. По выступлении цзиньского войска восточными воротами на сражение, Мын-гун преградил им обратный путь и, вступив с ними в сражение, восемьдесят человек взял пленными. Покорившиеся из них объявили, что в городе большой недостаток в хлебе. Мын-гун, узнав о сем, известил Танцира, что осажденные пришли в совершенное бессилие и что должно остерегаться, чтобы не дать неприятелю уйти. После сего южная и северная армии⁷⁷¹, прекратив военные действия, держали город в осаде. В сие время главнокомандующий города Сюй-чжэу покорился монголам, а министр Вань-янь Сайбу пал в сражении. Монгольские и сунские войска снова начали приступ к Цай-чжэу. Тацир приказал Чжан-чжэу с тремя тысячами регулярного войска подойти к городу. Цзиньские солдаты двух человек из них утащили на городскую стену. Сам Чжан-чжэу, будучи пристрелен несколькими стрелами, упал на землю. Мын-гун послал свой передовой корпус для его освобождения, и Чжан-чжэу от городских стен был унесен под мышкой. На рассвете в следующий день Мын-гун, отчаянно сражаясь, пробился со своим корпусом к башне Чай-тань, приставил лестницы и приказал брать оную. Солдаты сунские попеременно всходили по лестницам вверх, и башня была взята. На сей башне захвачено пленными 537 человек цзиньских офицеров и солдат. Мын-гун говорил после сего своим генералам: "Неприятель полагал твердой для себя защитой сию башню и находящиеся при ней озеро. Если прорвать его (озеро), тогда в короткое время вода может иссякнуть". Немедленно прорвали плотину, и вода действительно утекла в реку Жу-хэ⁷⁷². По осушении озера, Мын-гун приказал завалить оное хворостом. Монголы равным образом прорвали Лян-цзян, после чего войска двух союзников перешли через иссякшие воды и овладели внешней стеной города Цай-чжэу. Чжун-лэуши, выбрав пятьсот отважных воинов, в ночи вышел из города Западными воротами. Они все несли по снопу соломы, облитой салом, и подходили к лагерю неприятеля в намерении поджечь их осадные орудия и сами укрепления. Но монголы узнали о сем заранее и поставили в засаде более ста человек с тугими самострелами. При появлении огня монголы начали стрелять, и цзиньские солдаты обратились в бегство. При сем весьма многие из них были ранены; сам Лэуши едва мог устоять. Обе армии, соединившись между собой, напали на западную часть города и овладели оным. Прежде всего Хушаху приказал внутри города насыпать земляной вал и обвести оный рвом, почему, хотя западная сторона крепости и была разрушена, неприятельские войска еще не могли войти в самый город, только по стене городской поставили частокол для своего прикрытия. Хушаху, отобрав лучшие войска с прочих трех сторон крепости и удерживая неприятеля, сражался с ними денно и ночью. Ай-цзун говорил снова приближенным: "Десять лет я был князем, десять лет - наследником престола и десять лет - государем. Думаю, что больших ошибок и пороков я не имел, почему смерть для меня не страшна. О том только сожалею, что при мне рушится престол, передаваемый предками в продолжении ста лет, и я погублю царство, подобно жестоким и развращенным государям древности. О сем только сокрушаюсь". Засим император, продолжая речь, сказал: "Издrevле погибали царства, и государи, терявшие оные, по большей части, были захватываемы и заключены в оковы неприятелем или выдаваемы пленниками от подданных, другие принимали позор перед престолом^{515*} или были скрываемы в пустынях. Но до сего я никак не доведу себя. Господа! Вы можете увидеть сие. Я твердо решился в своем намерении принять смерть". Ван-ай-ши пал в сражении, а генерал Ван-жуй, убив главнокомандующего Цзя-гу-дан-гэ, с тридцатью человеками покорился монголам. Император, переодевшись в простое платье, с отрядом солдат ночью выехал за Восточные ворота в намерении убежать. Но дойдя до палисада, он встретил неприятельский отряд и, сразившись с ним, возвратился. На следующий день император убил двести лошадей и сделал пир для офицеров и солдат.

1234 год

Третье лето Тянь-син. В первый месяц в одну ночь Ай-цзун, собрав всех чиновников, хотел сдать престол свой главнокомандующему Вань-янь-чэн-линю⁷⁷³. Чэн-линь долго отказывался от сего. Но император, подавая ему указ, сказал: "Вельможа! По самой крайности отдаю тебе престол. При тучности и тяжести моего тела я не способен к верховой езде, а ты с малолетства был легок телом и обладал способностями полководца. Если, сверх ожидания, успеешь освободиться, тогда не пресечется род наш. Вот мое намерение". После чего Вань-янь-чэн-линь встал и принял императорскую печать. На другой день он воссел на престол и принимал поздравления от чиновников. В это самое время корпус Мын-гун находился у Южных ворот. Он приказал поставить лестницы и всходить на стены. Прежде всех взошел Май, после него Чжао-жун. Когда вслед за ними наперерыв стали всходить солдаты, цзиньское войско оказало сильное сопротивление. Сам государь Чэн-линь шел с отрядом войска для отражения неприятеля,

^{515*} Т.е. покорялись сами.

но уже на зубцах южной стены стояли знамена сунские. Почти в то же время ударили в литавры, и неприятели с криком напали на город с четырех сторон. Войска, охранявшие Южные ворота, предались бегству, и союзные войска вошли сами воротами в город. Хушаху, увидев неприятеля, вошедшего в город, с тысячей храбрейших воинов преградил ему путь на улице, но уже был не в состоянии отразить его. Император Ай-цзун, узнав о вступлении неприятеля, собрал все свои вещи и, обложив оные соломой, сказал своим приближенным, чтобы тело его, по смерти, сожгли вместе с сими вещами. Засим он повесился в кабинете Юй-лань-сюань. На престоле сидел десять лет. Хушаху, услышав о смерти императора, сказал своим подчиненным: "Государь скончался, для чего же мы сражаемся? Я не мог умереть от рук мятущихся воинов, буду искать смерти в Жуй-шуй, чтобы последовать за моим государем". Хушаху, кончив сии слова, бросился в реку Жуй-шуй и утонул. "Министр умел умереть, - говорили все генералы и офицеры, - ужели ж не можем умереть мы?" Засим Чжун-лоуши, Улинь-да-хуту, Юань-чжи, Юй-шань-ерр и более пятисот офицеров приняли смерть в реке. Император, по вступлении неприятеля в город, отступил со своим отрядом для охранения кремля. Но узнав о смерти государя Ай-цзуна, он отправился внутрь дворца со всеми вельможами для оплакивания его. Он говорил следовавшим за ним: "Покойный государь десять лет был на престоле. Своей заботливостью, бережливостью и милостями к подданным он старался поддержать престол предков. Но он не достиг своего желания, и потому достоин нашего сожаления. Не следует ли по смерти назвать его Ай (жалкий)?" Все признали сие имя приличным. Во время совершения возлияния над умершим, неприятель вошел во внутренний город. Чэн-линь погиб в сражении между мятущимися войсками. Генералы и придворные чины, предав огню тело императора, все удалились. Один Цзян-шань остался при сгоревшем трупе и был задержан неприятелем. "Кто ты?" - спросили его схватившие. "Я чиновник фын-юй, - ответил он, - мое имя Цзян-шань". Неприятели продолжили: "Все твои товарищи разбежались. Почему же ты остался?" Цзян-шань отвечал: "Здесь умер мой государь. Ожидая, когда огонь погаснет и охладится пепел, чтобы собрать кости и предать земле". "Ты помешался, - со смехом сказали ему солдаты, - ты не в силах защищать своей жизни, можешь ли похоронить кости твоего государя?" Цзян-шань отвечал: "Всякий человек служит своему государю. Мой государь управлял империей около десяти лет. Он не успел совершить великих дел, но умер за престолом. Могу ли оставить труп его, как простого воина, брошенным в пустой степи? Я знал, что не избавлюсь от вас, но по зарытии праха моего государя умереть я не пожалею". Солдаты донесли о нем своему главнокомандующему Тациру. Тогда Тацир, называя его необыкновенным человеком, приказал дать ему свободу. Цзян-шань, обернув кости императора обгоревшими лоскутами одежды, зарыл их на берегу Жуй-шуй и, делая поклонение над его могилой, горько зарыдал. Засим бросился в реку, в намерении утонуть в оной, но солдаты монгольские успели вытащить его живым. Кончина его неизвестна. Между тем, Цзян-хай вошел во дворец и захватил Чжан-тянь-вана. Мын-гун и Тацир приказали вырыть кости императора Ай-цзуна и разделили оные между собой. Сим образом погиб Дом Цзиньский!

А.Г. Малявкин

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ ЛЕТОПИСИ "ИСТОРИЯ ДОМА ЦЗИНЬ, ПРАВИВШЕГО В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КИТАЯ С 1114 ПО 1233 ГОДЫ"

Вводные замечания

При подготовке династийной хроники чжурчжэньского государства Анчунь Гурунь над русским текстом Г.М. Розова была проделана следующая работа.

Транскрипция. Русская транскрипция для географических названий, собственных имен и терминов, а также чжурчжэньских слов, транскрибированных иероглифами, примененная Розовым, незначительно отличается от принятой в России сейчас. Эта транскрипция даже ближе к современной, чем транскрипция И.Я. Бичурина (Иакинфа) в его сочинениях, в том числе и в "Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена"*. Для удобства восприятия текста современным читателем в комментариях транскрипция выправлена по современным нормам. Так, например: *Чжэу, Мэу, Гэу* и т.п. исправлены на *Чжоу, Моу, Гоу* и т.д.; *Циу* на *Цю*; *Жень, Шень* и т.п. на *Жэнь, Шэнь* и т.д.

Написание личных имен, географических названий и терминов. У Г.М. Розова чжурчжэньские, китайские и другие имена, названия и термины написаны через дефис, например: *Фан-син-жу* (надо - *Фан Синь-жу*), *Чжу-ху-гао-ци* (надо - *Чжуху Гао-ци*), *пин-чжан-чжэн-ши* (надо - *пинчжан чжэнши*) и т.д. Таким образом, даже не выделены отдельные самостоятельные части имен, названий и терминов. При подготовке комментариев были внесены следующие изменения:

1. Написание китайских имен приведено в соответствие с современными правилами, китайские и чжурчжэньские географические названия написаны слитно. Чжурчжэньские имена, родо-племенные наименования, а также фамилии, образовавшиеся из этих родо-племенных наименований, пишутся слитно. Чжурчжэньские и китайские термины также пишутся слитно, при этом в сложных терминах самостоятельные составные компоненты пишутся отдельно, как самостоятельные слова.

2. Написание всех имен, названий и терминов было проверено по китайскому варианту "Цзинь ши". Все обнаруженные описки, ошибочное прочтение отдельных иероглифов и другие мелкие неточности в написании китайских имен, названий и терминов в комментариях даны по китайскому тексту. Что касается чжурчжэньских имен, названий и терминов, то составители маньчжурского варианта, по-видимому, не задумывались над подлинным их звучанием и транскрибировали их китайские транскрипции с помощью средств маньчжурского языка. Г.М. Розов воспроизвел чтение этих иероглифических сочетаний с помощью русской транскрипции. В отдельных случаях в русском переводе маньчжурского текста встречаются существенные расхождения в написании некоторых имен, названий и терминов при сравнении с китайским вариантом хроник. Эти расхождения можно рассматривать как маньчжуризированный вариант чжурчжэньских слов, другими словами, как попытку осмыслить данное слово согласно нормам маньчжурского языка, принятым во времена Розова, - своеобразные этимологизации. В этом случае в рукописи Г.М. Розова никаких изменений сделано не было, а в соответствующем комментарии в скобках приводилась китайская транскрипция данного чжурчжэньского слова (см., например, прим. 431). Необходимо отметить, что в рукописи русского перевода встречается разноречие в написании одних и тех же имен чжурчжэньских деятелей. Нам кажется, что это не вина Г.М. Розова, скорее эта неточность допущена составителями маньчжурского варианта. Так, чжурчжэньское имя, известное нам в китайской

* Более подробно о русской транскрипции, существовавшей во времена Г.М. Розова и И.Я. Бичурина, см.: **Кюнёр Н.В.** Работа И.Я. Бичурина (Иакинфа) над китайскими источниками для "Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" // Бичурин И.Я. Собрание сведений... - М.-Л., 1950, - Т. 1. - С. II-VI - II-XXXVI.

транскрипции как *Экэ*, пишется *Око*, *Окэ* и иногда даже *Экэ* (ср.: *Няньмохэ* - *Няньмухо*, *Нимаха*). Можно привести еще ряд примеров.

3. Некоторые представители чжурчжэньского правящего класса помимо своих национальных имен имели и китайские имена, под которыми они часто фигурируют в маньчжурском варианте. В тех случаях, когда возможно было установить чжурчжэньское имя такого деятеля, оно указывалось в комментариях в скобках после китайского имени со знаком равенства. Наименование родов и племен, из которых происходили те или иные деятели, в чжурчжэньском государстве постепенно превращались в настоящие фамилии (например: *Ваньянь*, *Пуча*, *Пуса*, *Хэшиле* и др.). Иногда в рукописи, а следовательно, и в маньчжурском варианте, указывалась фамилия и имя. В тех же случаях, когда фамилия по какой-либо причине отсутствует, она устанавливалась по китайскому тексту и помещалась в комментариях перед именем в скобках. Особое внимание обращалось на то, чтобы провести четкую границу между чжурчжэнями и представителями китайских феодалов, верой и правдой служивших завоевателям. Другими словами, мы стремились избежать превращения чжурчжэньского вельможи в китайца (и наоборот) в результате неправильного прочтения его фамилии или имени, а следовательно, неправильного их написания*.

Даты. Составители маньчжурского варианта очень невнимательно относились к датам. В китайском тексте, начиная со второй главы, почти все события точно датированы (год, месяц, число). В тех случаях, когда не указано число, обязательно указан месяц, в который произошло то или иное событие. В маньчжурском варианте все точные даты, за небольшим исключением, выброшены. Более того, часто опускается указание даже на месяц. Так, например, перечислены события, которые произошли в четвертом месяце, а за ними сразу в девятом. Это не означает, что в тексте нет описания событий, происшедших в пятом - восьмом месяцах. Они есть, но помещены без указания месяца. Иногда имеются расхождения в датах с китайским вариантом. Так, например, сообщение о взятии г. Ичжоу мятежником Ван Гун-си относится к третьему *добавочному* месяцу, а не к третьему, как у Г.М. Розова. Нам неясны причины таких расхождений. Надо также обратить внимание на то, что события, описанные только в биографиях (раздел "Биографии" китайского варианта), как правило, плохо датированы (в лучшем случае сообщается только год). Естественно, материалы, перенесенные в маньчжурский вариант из биографий, также не имеют датировки.

Весь материал рукописи Г.М. Розова разбит на крупные куски по годам, с указанием даты по европейскому летоисчислению. При чтении книги необходимо помнить, что под годом, указанным по солнечному календарю, содержится описание событий, происшедших в соответствующий ему год по лунному календарю. Для удобства читателей ниже года по солнечному летоисчислению указываются даты начала и конца соответствующего ему лунного года. После дат, в которых имеется указание на день, в скобках часто приводится дата по европейскому летоисчислению.

Административные термины. В то время, когда Г.М. Розов работал над своим переводом, китайская административная терминология была совершенно не изучена. Это же можно сказать о чжурчжэньских административных терминах и о применении чжурчжэнями китайской административной системы. Перед Розовым стояла трудная задача по переводу этих терминов на русский язык, которая осложнялась тем, что только для X - XII вв. (время правления в Китае династии Сун) зарегистрировано 4 410 административных терминов**. Г.М. Розов вынужден был пойти по пути использования в русском тексте китайских административных терминов без перевода и без попытки объяснить их значение. Это, конечно, вынужденная мера, но другого выхода у него не было. В комментариях мы даем русские эквиваленты или поясняем содержание того или иного термина. Помимо китайских терминов, Розов часто употреблял такие русские слова: *сенатор*, *генерал*, *главнокомандующий*, *вельможа*, *амбань* и некоторые другие. Мы не имели возможности проверить, какие термины соответствуют им в маньчжурском тексте. Что касается китайского текста, то каждому из этих терминов соответствует несколько разных китайских вариантов, подчас очень далеких один от другого. Возьмем, например, слово *генерал*. В китайском тексте обычно стоит "*чжаофуши*" (прим. 213), "*цзедуши*" (прим. 41), "*цзян*" (= "цзянцзюнь") - наиболее близкий термин к русскому понятию "генерал". Очень часто слово "генерал" добавлено в русский текст (=маньчжурском?), а в китайском упоминается только фамилия или имя, без каких-либо чинов или титулов. *Сенатор* - так именуются высшие чины шаншущэна. *Главнокомандующий* - юаньшуай (прим. 407), ду юаньшуай, цзо (старший) или ю (младший) фу юаньшуай (см. прим. 407). Что касается терминов "вельможа" и "амбань", то они добавлены в русский (маньчжурском) тексте, и в китайском тексте эквивалентов им нет. Все эти

* Досадную ошибку допустили составители "Истории Китая с древнейших времен до наших дней" [М., 1974, с. 119], превратив крупного чжурчжэньского полководца *Учжу* - Ваньянь Вачу - в китайца, написав его имя как китайскую фамилию и имя - *У Чжу*.

** **Chang Fu-jui.** Les fonctionnaires des Song. Index des titres // *Materiaux pour le manuel de l'Histoire des Song* (Sung project), V. - Paris: Le Haye, 1962.

неточности (а также и некоторые другие, не упомянутые здесь) не выправлялись, так как, возможно, они уже присутствовали в маньчжурском тексте. В случаях, когда неправильная передача административного термина на русский язык вносит некоторое искажение в смысл повествования, такой факт отмечается в комментариях (см., например, прим. 242).

Ошибки. Нами уже отмечалось, что перевод выполнен Г.М. Розовым весьма добросовестно и содержит минимальное количество ошибок. Во время работы над переводом Розов обнаружил, что маньчжурский текст отличается от китайского, поэтому им была проведена сверка его с китайским вариантом. Отдельные абзацы или фразы, в которых были обнаружены ошибки, неточности, пропуски или некоторые расхождения, переведены им также и с китайского и помещены в подстрочных примечаниях. Большинство исправлений и уточнений, сделанных Розовым, не имеют существенного значения, так как касаются стиля и характера изложения материала, и только незначительная их часть вносит исправления или дополнения в маньчжурский текст*. Однако не все ошибки были им обнаружены и выправлены. Основные ошибки, на которые не обратил внимания Г.М. Розов, относятся к следующим случаям:

1. Объединение в одном топониме двух самостоятельных географических названий или разделение одного топонима на два (прим. 555, 556, 638). При перечислении однородных топонимов (например, названий округов или уездов) слово *округ* (чжоу) или *уезд* (сянь) или совсем опускается, или дается только в конце перечисления. Это и ввело в заблуждение составителей маньчжурского варианта, а за ними и Г.М. Розова.

2. Превращение титулов, топонимов, этнонимов или административных терминов в собственные имена, реже наоборот (прим. 97, 104, 154, 256).

3. Неправильное прочтение иероглифов. Например, в названии округа Фучжоу (прим. 290) иероглиф "фу" везде в тексте Г.М. Розова читается "лу" (по-видимому, он делал это вслед за маньчжурским оригиналом). Ошибка вызвана тем, что в иероглифе "фу", относящемся к фонетической категории, фонетик является иероглифом "лу" - "олень". Аналогичные ошибки встречаются редко (прим. 567, 587).

4. Встречаются неправильные переводы отдельных фраз, вызванные, главным образом, ошибками, перечисленными в предыдущих трех пунктах.

Все более или менее существенные ошибки подвергались анализу в комментариях, а оригинальный текст Г.М. Розова не исправлялся.

Комментарии

¹ **Цзинь** - китайское название чжурчжэньского государственного образования, возникшего в 1115 г. на территории Северной Маньжурии. Его центр находился в районе современного г. Харбин. Китайское название этого государства **Цзинь** ("золото") является калькой маньчжурского слова **Айжинь** (Айсинь).

² **Нюйчжень** (*нюйчжи*) - китайская транскрипция родо-племенного наименования "чжурчжэнь". **Чжурчжэни** - племя мохэского происхождения, вокруг которого в конце XI - начале XII вв. началась консолидация родственных племен, приведшая, в конечном счете, к образованию государства **Айсинь** (Цзинь). Мохэские племена издавна заселяли громадные территории Восточной, Центральной и Южной Маньжурии, вплоть до Великой китайской стены. Поскольку контакты этих племен с Китаем были эпизодическими, а китайцы не имели четких представлений о географии и этнографии Маньжурии, в древних летописях разного времени этим племенам давались различные наименования (как и территориям, на которых они обитали).

³ **Мохэ** (*уцзи, уги*) - общее название группы прототунгусских племен, населявших в V - VIII вв. территорию Маньжурии и южного Приморья. В данном источнике перечислено 7 племен, входивших в состав мохэ.

⁴ Племенной союз **сушэнь**, известный по китайским источникам V - IV вв. до н.э., образовался на территории Северной Маньжурии.

⁵ Государство **Юань Вэй** (в отечественной литературе более известное как **Северное Вэй** или **Тоба Вэй**) было создано на территории Северного Китая племенем **тоба**, выделившимся из состава племенного союза сяньби. Племена тоба во II в. кочевали по Большому Хингану. В 367 г. тоба вторглись на территорию Северного Китая и создали здесь свое государство, которое существовало с 386 по 535 гг. Некоторые исследователи полагают, что сяньби (следовательно, и эта ветвь тоба) были протомонгольскими племенами.

⁶ Названия **Хэйшуй**, **хэйшуй-мохэ** ("Черная река", "чернореченские мохэ") и **Байшань**, **байшань-мохэ** ("Белые горы", "белогорские мохэ"), по-видимому, являются китайскими кальками соответствующих

* Имеются в виду дополнения, уточняющие, исправляющие или делающие маньчжурский текст понятнее, а не дополнения вообще к маньчжурскому варианту хроники. "Дополнять" маньчжурский вариант по китайскому можно практически бесконечно, так как китайский текст хроники почти в 10 раз больше маньчжурского.

чжурчжэньских слов. Так, Г.М. Розов приводит список племен по маньчжурскому переводу стихов императора Цяньлуна. В этом списке китайских калек нет, но присутствует племя *сахалян-мохэ* (мохэ) - "чернореченские мохэ".

⁷ **Суй** - китайская национальная династия, правившая с 581 по 618 гг. При этой династии, после почти трехсотлетнего господства в Северном Китае различных "варваров", север и юг Китая были объединены в единое государство.

⁸ **Тан** - китайская национальная династия, правившая в Китае с 618 по 907 гг.

⁹ В это время в Северной Корее существовало раннефеодальное государство **Когурё**, в состав которого входили значительные территории соседней Маньчжурии. В 668 г. танский полководец Ли Цзи в союзе с корейским государством Силла уничтожил Когурё.

¹⁰ В тексте китайского варианта хроники упоминаются **горы Дунмоу** - хребет, входящий в систему Восточно-Маньчжурских гор и расположенный к востоку от Мукдена.

¹¹ **Бохай** - раннефеодальное тунгусское государство, существовавшее в Восточной Азии с начала VIII в. по 926 г. Территория его занимала юг и восток Маньчжурии, юг современного российского Приморья и западные районы Кореи. На юге Бохай граничил с танским Китаем. В 926 г. государство Бохай было завоевано киданями [см.: **Шавкунов Э.В.** Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. - Л., 1968].

¹² В китайском тексте стоят иероглифы "*У цзин*" - "**Пять столиц**", что можно считать первым упоминанием "Пяти столиц" Бохая в китайских источниках. Позднее "Пять столиц" существовали в киданьской империи Ляо и в чжурчжэньском государстве Цзинь. Что касается Китая, то ни при одной династии подобного явления не отмечено. При династии **Ранняя Хань** (202 до н.э. - 25 г.) столицей государства был г. Чанъань. Кроме того, в сочинениях этого времени также упоминаются "Пять городов" (*У Ду*), имевшихся в стране помимо столицы. В древности (по-видимому, по аналогии с пятью первоэлементами, являвшимися основой мироздания) выделяли пять наиболее крупных городов в стране. Можно предположить, что ко времени династии Тан (618 - 907) представление о таких городах несколько изменилось. Прежде всего, в их число стали включать столицу, их стали рассматривать и как административные центры (столицы) обширных территорий, поэтому они получили дополнительные наименования. Так, г. Чанъань (столица Танского государства) стал дополнительно называться "Шан ду" (Верхняя столица), г. Лоян - "Чжу ду" (Средняя столица), г. Тайюань - "Бэй ду" (Северная столица) и т.д. По-видимому, по аналогии с танскими "Пятью городами" (столицами) бохайцы создали и свои "Пять столиц". Вполне вероятно, что летописцы, чтобы отличать бохайские "Пять столиц" от китайских, стали называть первые *У цзинь*, а не *У ду*.

¹³ **Фу** - административно-территориальная единица, занимавшая в Китае при династиях Тан и Сун (960 - 1279) промежуточное положение между округом (*чжоу*) и провинцией (*дао* или *лу*). В государстве Бохай *фу* была высшей административно-территориальной единицей, в ее ведении находилось от двух до девяти чжоу. Точное местонахождение большинства округов (чжоу) до сих пор не установлено.

¹⁴ **Тай-цзун** - второй император династии Тан; царствовал с 626 по 649 гг.

¹⁵ Местонахождение **Аньши** - к юго-востоку от современного г. Гайпин в южной Маньчжурии.

¹⁶ **Сюань-цзун** - десятый император династии Тан; царствовал с 712 по 756 гг.

¹⁷ **Период "Пяти династий"** в Китае продолжался условно с 897 по 979 гг. По традиции считается, что за это время сменилось пять династий, но в действительности претендентов на занятие императорского престола в "Поднебесной" было значительно больше, и смута началась раньше и закончилась позже традиционных дат. В китайских источниках этот период часто называется "Периодом Пяти династий и Десяти царств".

¹⁸ Киданьская **империя Ляо** существовала с 907 по 1125 гг. Монголоязычные кидане первоначально создали свое государство в Западной Маньчжурии (на территории, тяготевшей к Большому Хингану), позднее они включили в его состав часть Восточной, Центральную и Южную Маньчжурию, часть Северного Китая, а также значительную часть современной Монгольской Народной Республики и Внутренней Монголии.

¹⁹ **Хуньтунцзян** - название р. Сунгари от места впадения в нее р. Нонни и ниже. Есть и другие точки зрения, также основывающиеся на данных китайских источников.

²⁰ **Чанбошань** (**Чанбайшань**) - горный хребет в Восточной Маньчжурии, до сего дня носящий это название.

²¹ **Божество Фо** - Будда. В китайском тексте говорится, что Ачухай (Агунай) был ревностным буддистом.

²² **Ваньянь** - правящий род чжурчжэньского государства Цзинь. Река Пугань, упоминающаяся в тексте, до сих пор не идентифицирована. Во всяком случае, род ваньянь должен был обитать где-то в горах восточнее современного г. Харбин.

²³ **Елань** - по-видимому, южная часть Приморья, которая позднее вошла в состав чжурчжэньской провинции Елань.

²⁴ Здесь ошибка составителей маньчжурского текста. Надо: "*переселились на реку Хайгу*", как в китайском тексте. *Хайгу* - небольшая речка, ныне известная под названием *Хайгоу*; приток р. Ашихэ. Река *Ашихэ* в "Цзинь ши" и других источниках того времени называется *Аньчухэ*, *Алэцугэ* (транскрипция маньчжурского слова "Альчука"). Она впадает в р. Сунгари у г. Харбин.

²⁵ *Дайляосский государь* - государь Великого Ляо. В китайском тексте определение *Великое* к названию государства Ляо не прилагается. Это добавление сделали составители маньчжурского варианта хроники.

²⁶ *Горы Циньлин* - хребет Чжангуанцайлин в Восточной Маньчжурии, водораздел между верхним течением р. Сунгари и р. Муданьцзян, впадающей в Сунгари в нижнем ее течении.

²⁷ *Бошань* - это упоминавшиеся выше горы Чанбошань (см. прим. 20).

²⁸ Район реки *Суйфэн* (Суйфун). Ныне это р. Раздольная, которая впадает в Амурский залив Японского моря.

²⁹ Местонахождение этой реки неизвестно. Надо сказать, что в хронике "Цзинь ши" много географических названий, локализация которых до сих пор вызывает затруднения. В дальнейшем все такие топонимы нами даются без примечаний.

³⁰ В тексте китайского варианта хроники это место названо *Гулидянь*. Его можно трактовать как название населенного пункта, т.к. последний слог часто встречается в чисто китайских названиях населенных пунктов. Из контекста же других источников становится ясно, что речь идет о довольно обширной территории, расположенной в среднем течении р. Муданьцзян - от оз. Цзиньбуху до впадения в Муданьцзян р. Хайлань.

³¹ В китайском тексте "Цзинь ши", а также и в других источниках пишется "*Билацзи*". Иероглифы "*ла*" и "*цзи*" очень близки по написанию, возможно, составители маньчжурского варианта хроники допустили ошибку.

³² В Китае собственное имя императора никогда не упоминалось. При жизни он был известен под девизом, избравшимся для обозначения периода его правления. Девизы могли меняться несколько раз в течение одного царствования. Поводом для смены девиза обычно служило какое-нибудь бедствие, неблагоприятное развитие государственных дел или знамение и т.п. После смерти императора наследник присваивал ему особое храмовое имя. Обычно первый император новой династии возводил своих предков в императорское достоинство и также присваивал им храмовые имена. Поэтому в тексте династийной хроники чжурчжэней некоторые предшественники Агуды уже называются храмовыми именами. Культ предков известен у многих народов, в Китае же он получил особенно широкое распространение, был тщательно разработан, регламентирован и неукоснительно проводился в жизнь. Вполне естественно, что чжурчжэни, почитавшие предков, позаимствовали у китайцев пышность и торжественность ритуала, в чем особенно нуждалась молодая династия. Китайские храмовые имена императоров были двусложными. Первый слог до некоторой степени определял положение его носителя в ряду предков. В качестве второго слога употреблялись слова "цзу" и "цзун", имеющие почти одинаковое значение - "предок", "предшественник". Отличие их состоит в том, что "цзу" употребляется для храмовых имен предков первого императора и для храмового имени императора - основателя династии. Для царствующих императоров данной династии, начиная со второго, применяется только слово "цзун". Такой порядок сложился еще при династии Тан.

³³ В Китае с глубокой древности существует своеобразная циклическая календарная система. Цикл в этой системе состоит из шестидесяти лет. Каждый год в цикле получает свое иероглифическое обозначение, которое повторяется в циклах в строгой последовательности. Для иероглифического обозначения имеются специальные иероглифы, так называемые циклические знаки. Кроме того, в Китае в быту существовал и продолжает существовать двенадцатилетний животный цикл летоисчисления. Он согласован с шестидесятилетним циклом - первые годы того и другого совпадают. В шестидесятилетнем цикле содержится пять полных двенадцатилетних циклов. В китайских династийных хрониках и других исторических сочинениях параллельно шестидесятилетнему циклу двенадцатилетний обычно не указывается, но в маньчжурском варианте "Цзинь ши" такое указание есть, что может быть свидетельством более широкого распространения животного цикла у маньчжуров.

³⁴ *Шен-цзун* - шестой император киданьской империи Ляо; царствовал с 982 по 1031 гг. Трижды менял девиз эры правления. Эра правления Тайпин продолжалась с 1021 по 1031 гг.; таким образом, Угунань родился в 1021 г.

³⁵ *Туньмэнь* - район р. Тумаган. Сейчас эта река является рубежом между Россией, КНДР и КНР.

³⁶ Место *Тугулунь* находилось в северной половине современной Восточно-Маньчжурской горной страны.

³⁷ Иногда (например, в "Ляо ши") эти княжества назывались "*Пять племен*". Они располагались в районе нижнего течения р. Сунгари и находились в зависимости от киданей.

³⁸ Здесь должно быть не "*Теле*", а "*Тели*". Племя *тели* жило по р. Уссури в ее нижнем течении; рядом (южнее), также по Уссури, обитало племя *ужэ*. Существует мнение, что "*ужэ*" является транскрипцией тунгусского слова "*вэжи*" - "лес".

³⁹ В киданьской империи Ляо была создана академия Линья. Задачи, которые стояли перед этим учреждением, в общем соответствовали задачам китайской академии Ханьлинь (академия ученых Ханьлинь). Киданьский генерал Хэлу состоял на службе в этой академии.

⁴⁰ **Соколиный путь** - дорога, по которой из районов современного Приморья доставлялись ловчие птицы к киданьскому двору.

⁴¹ **Цзедуши** - китайский административный термин. Впервые он появился в Китае после воцарения династии Тан. Его содержание может быть передано на русский язык словами "генерал-губернатор". Должность цзедуши первоначально учреждалась в пограничных районах Танского государства. Чиновники, назначавшиеся на эту должность, были очень высокого ранга, и в их руках сосредоточивалась вся военная и гражданская власть на обширной территории. Такое сосредоточение гражданской и военной власти в одних руках давало возможность активно и оперативно вести борьбу с кочевыми соседями Китая. После ослабления центральной власти в стране среди цзедуши усилились сепаратистские тенденции, и многие из них стали фактическими властителями подчиненных им территорий. В киданьской империи Ляо цзедуши не имели всей полноты власти и были только старшими военачальниками в некоторых округах. Присвоение Угунаю этого звания означало признание за ним определенных прав со стороны киданей и давало возможность еще более активно вести борьбу за сплочение чжурчжэней.

⁴² Получение печати было равнозначно признанию своей зависимости от киданей. Обычай вручения печатей был широко распространен на Востоке. Так, сами кидане до образования империи Ляо получали печати от Уйгурского каганата.

⁴³ **Валинь** - возможно, это один из притоков р. Сунгари (в ее верхнем течении) в горах Чанбошань. Интересно отметить, что наименование племени (колена) *пуча* позднее превратилось в фамилию, а многие представители этого племени занимали высокие посты в государственном аппарате Золотой империи.

⁴⁴ Племя **вэньдихэн** (*вэньдихань*), как и племя пуча, присоединилось к ядру формировавшегося чжурчжэньского государства на начальном этапе. Наименование племени превратилось в фамилию *Вэньдихэн*, многие представители которой входили в ближайшее окружение императоров Цзинь.

⁴⁵ **Хэлань** - современная р. Хайлань, впадающая в р. Хатун (правый приток р. Туманган).

⁴⁶ **Дао-цзун** - восьмой император династии Ляо, правивший с 1055 по 1101 гг. Этот киданьский император менял девизы (эры правления) через каждые 10 лет. Эра правления Сяньюн продолжалась с 1065 по 1074 гг. Таким образом, описываемое событие произошло в 1072 гг.

⁴⁷ **Боцзинь** - чжурчжэньский термин, имеющий значение "глава, предводитель племени". До и в начале образования чжурчжэньского государства он свидетельствовал о том, что племя, предводитель которого именовался боцзинем, не входило в число племен, вокруг которых произошло объединение всех остальных чжурчжэньских племен.

⁴⁸ **Амбань** - наместник, назначавшийся маньчжурами для управления завоеванными территориями. Этот термин появился уже при чжурчжэнях, но только при маньчжурской династии Цин стал употребляться как название должности. В данном контексте употребление его ошибочно. В китайском варианте хроники указано просто "пограничный военачальник". Часто слово "амбань" ставится вместо "цзедуши".

⁴⁹ Современная р. Лалинь - правый приток р. Сунгари.

⁵⁰ Племя **цзягу** проживало в верховьях р. Лалинь, по ее притоку - р. Холун.

⁵¹ Все даты в тексте указаны по лунному календарю, который по сравнению с солнечным отстает на один-полтора месяца. Таким образом, упоминаемое в тексте сражение произошло в середине - конце ноября.

⁵² **Инго** (*Ингэ*) был младшим братом Хорибу, а **Цыбуши**, его дядя, сын Угучуя (Агуная). После смерти Хорибу власть в зарождающемся чжурчжэньском государстве перешла к его младшему брату Полашу, а после Полашу - к следующему младшему брату, Инго.

⁵³ Племя **валэ**, по-видимому, расселилось в Центральной Маньчжурии. Позднее название этого племени, как и ряд других аналогичных наименований, упоминавшихся выше, превратилось в фамилию. Известны крупные государственные деятели чжурчжэньского государства, носившие эту фамилию.

⁵⁴ Учунь и, возможно, Омухань жили в верхнем течении р. Хурха (маньчжурское название р. Муданьцзян).

⁵⁵ Лапэй и Мачань жили в долине небольшой р. Чалиньхэ - левого притока р. Сунгари. Место впадения Чалиньхэ в Сунгари находится в 170 км к востоку от г. Харбин.

⁵⁶ **Мулэнь** - современная р. Мулуньхэ, небольшой левый приток р. Сунгари, впадающий в последнюю в 60 км к востоку от г. Харбин.

⁵⁷ **Агуда** - основатель и первый император чжурчжэньского государства Айсинь Гиоро (Цзинь); правил с 1115 по 1124 гг.

⁵⁸ Эра правления Да-ань (1085 - 1094) восьмого императора киданьской империи Ляо-Дао-цзуна. При пересчете на солнечное летоисчисление Хорибу умер 22 июня 1092 г.

⁵⁹ В китайском тексте эта река названа *Чжиукай*. Предполагается, что это река *Чжэктэй* - один из притоков р. Хулань, которая, в свою очередь, является левым притоком р. Сунгари.

⁶⁰ Дядя Хорибу (младший брат отца) *Бахэ* умер. Упомянутый здесь *Бахэ* - другой представитель чжурчжэньской родо-племенной верхушки.

⁶¹ Род *хэшиле* жил на р. Буэрхатун, берущей свое начало на водораздельном хребте Харбапин и впадающей слева в р. Туманган. В "Цзинь ши" указываются и другие районы обитания этого рода. По-видимому, он неоднократно переходил с места на место в ареале, ограниченном реками Сунгари, Амур, Уссури и Туманган. Позднее этот родо-племенное наименование также превратилось в фамилию. В истории государства чжурчжэней известен ряд крупных деятелей, носивших фамилию Хэшиле.

⁶² Река *Абусай* (в других главах "Цзинь ши" именуется *Абасы* и *Абусинь*), по-видимому, находилась в бассейне верхнего течения р. Муданьцзян. Если Сагай двигался из центра, складывавшего объединения чжурчжэньских племен (район современного г. Харбин и долина р. Ашихэ), то он должен был миновать этот район на пути в бассейн р. Туманган (см. прим. 61).

⁶³ *Хэчжэ* - старший брат Инго.

⁶⁴ Род *угулунь* жил в районе впадения р. Хуньчунь в р. Туманган. Имеется указание на то, что он также жил и по р. Суйфун.

⁶⁵ *Субинь* - р. Суйфун (ныне р. Раздольная).

⁶⁶ *Тайши* - китайский термин, означающий "главный наставник, учитель государя". Как почетный титул для "варварских" вождей стал применяться со времени династии Сун (960 - 1279).

⁶⁷ Имя этого посла похоже на фамилию правящего дома киданей Елюй. В китайском тексте хроники говорится, что посла звали *Иле*, а родом он был из народа кумоси.

⁶⁸ Реки *Чжувэй* и *Туда*, по-видимому, относятся к системе левых притоков нижнего течения р. Сунгари. Ниже в маньчжурском тексте хроники говорится, что Инго отправился в этот район для того, чтобы очистить соколиную дорогу. В китайском тексте хроники сообщается, что он отправился на р. Тувэнь (современная р. Танванхэ, левый приток Сунгари). Это может служить основанием для утверждения, что реки, упомянутые выше - притоки р. Танванхэ или соседние притоки р. Сунгари.

⁶⁹ *Сяо Хайли* (*Сухайли*) - очень влиятельный представитель рода киданьской императрицы. Его попытка совершить дворцовый переворот потерпела неудачу, и в 1102 г. он был вынужден бежать на территорию чжурчжэней.

⁷⁰ Здесь не собственное имя, а китайский административный термин (название должности), в переводе означающий "наместник императора в столице".

⁷¹ *Шисян* - почетный титул, присваивавшийся высшим чинам империи, в том числе и цзедуши.

⁷² *Илигу* - по-видимому, хребет Туманский в Северной Корее, в провинции Хамчён-Пукдо.

⁷³ *Хэлань* - возможно, район нижнего течения р. Туманган.

⁷⁴ *Елань* - район в бассейне верхнего течения р. Уссури и ее притоков, а также вдоль побережья Японского моря.

⁷⁵ Судя по тексту "Цзинь ши", район *Пяти рек* (Пятиречье) должен был находиться на территории провинций Хамчён-Пукдо и Хамчён-Наньдо в северной части КНДР. По-видимому, это реки, впадающие в Японское море на участке побережья от устья р. Туманган до по-ва Ходо. Эта часть территории Кореи входила в состав чжурчжэньского государства.

⁷⁶ Девять крепостей были расположены в Пятиречье. Самые северные - Цичжоу и Сюнчжоу - располагались вдоль правого берега р. Туманган на довольно значительном расстоянии от берега моря, а самая южная крепость Сяньчжоу находилась недалеко от современного г. Харбин.

⁷⁷ *Боцзиле* - чжурчжэньское слово, имеющее значение "начальник, вождь". До создания империи функции боцзиле были достаточно неопределенными. Приставка "ду" трактуется многими учеными как "высокий, первый" и возводится к солонскому или маньчжурскому слову "да". Можно высказать также предположение, что "ду" является переводом (не совсем точным) на китайский язык маньчжурского слова "амбань" - "великий" (см. прим. 96). Боцзиле было много, и Агуде, как главе складывавшегося государства, было присвоено это новое звание, отличное от других.

⁷⁸ В китайском тексте просто сообщается, что Агуда был на пиру в семье Холихана из племени хэшиле (см. прим. 61).

⁷⁹ *Тянь-цзо* - девятый, последний император киданьской империи Ляо; царствовал с 1101 по 1125 гг.

⁸⁰ *Тунцзюньши* - глава *тунцзюньсы*. Эти специальные военные управления существовали только в пограничных районах у киданей и чжурчжэней. В их ведении находились поголовье боевых коней, охрана границы, распределение гарнизонов и выявление нарушителей. Ниже в тексте упоминается не тунцзюньши, а представитель военного управления тунцзюньсы по имени Сяо Дабуе. В китайском варианте хроники в обоих случаях говорится о тунцзюньсы.

⁸¹ *Сяо* - одна из правящих фамилий в киданьской империи Ляо.

⁸² Точное местонахождение этой киданьской крепости не известно. Существует мнение, что она находилась недалеко от правого берега р. Сунгари, к юго-востоку от современного г. Фуюй (Бодуне), расположенного примерно в 30 км вверх по р. Сунгари от устья р. Нонни. По другой версии, крепость следует искать выше по р. Сунгари, около городка Уцзячжань.

⁸³ При чтении китайского варианта хроники можно сделать заключение, что войск было значительно больше. В китайском тексте это место изложено так: "Войска из четырех тунцзюньсы и из округа Нинцзянчжоу, а также 800 бохайцев".

⁸⁴ Агуда двигался из района, тяготеющего к р. Ашихэ (Альчука), следовательно, эта крепость должна была находиться где-то между реками Ашихэ и Лалиньхэ.

⁸⁵ **Лайлю** - современная р. Лалинь, правый приток р. Сунгари.

⁸⁶ Военная и административная система, существовавшая во времена чжурчжэньского государства Цзинь. В войсках один *моукэ* имел 100 воинов, 10 *моукэ* составляли один *мэнъянь*. Как административная единица один *моукэ* имел 300 дворов, а 10 *моукэ* также составляли один *мэнъянь*. К концу династии численность *моукэ* значительно сократилась: один *моукэ* уже имел только 20 воинов, а 7 - 10 *моукэ* составляли один *мэнъянь*. Существовала непосредственная связь между административной и военной структурами власти *моукэ*. В мирное время дворы, приписанные к соответствующему *моукэ*, занимались мирным повседневным трудом, в военное время они выставляли соответствующее военное подразделение.

⁸⁷ **Яцзы** - участок р. Сунгари от впадения в нее р. Иньмахэ до г. Фуюй (Бодуне).

⁸⁸ Город и крепость **Биньчжоу** находился примерно в 20 км к югу от р. Сунгари (Яцзыхэ), к востоку от места слияния рек Тунхэ и Иньмахэ.

⁸⁹ Племя **ужэ** первоначально жило в районе между верхним течением р. Уссури и Северной Кореей. В конце 1004 г. часть его переселилась в район округа Биньчжоу. Здесь на сторону Агуды перешли те представители племени, которые жили у Биньчжоу.

⁹⁰ Крепость **Сяньчжоу** находилась в районе современного г. Кайюань в Южной Маньчжурии.

⁹¹ Эра правления *Шоу-го* продолжалась всего два года - 1115 и 1116 гг. С 1117 г. девиз был заменен на *Тянь-фу*.

⁹² **Хуанлунфу** - центр большого административного района Киданьской империи; находился в районе современного г. Нунъянь, примерно в 60 км к юго-востоку от крепости Биньчжоу. В ведении г. Хуанлунфу находилась значительная часть территории Центральной Маньчжурии, населенная, главным образом, чжурчжэньскими племенами.

⁹³ Крепость **Ичжоу** находилась примерно на полпути между Биньчжоу и Хуанлунфу.

⁹⁴ Крепость **Далугу** находилась на правом берегу р. Сунгари, в 40 км вверх по течению от крепости Нинцзянчжоу. Крепость названа по имени чжурчжэньского племени даругу, проживавшего в междуречье Сунгари и Лалиньхэ. После того, как Агуда начал военные действия против киданей, это племя перешло на его сторону.

⁹⁵ После восшествия на престол императора его личное имя становилось запретным, никто не имел права употреблять его под страхом сурового наказания. Император при жизни именовался по девизу правления, а после смерти ему присваивалось специальное храмовое имя (см. прим. 32). Употребление киданьским императором собственного имени Агуды означало нежелание его признавать Агуду равным себе по положению, что, с точки зрения чжурчжэней, было оскорблением.

⁹⁶ **Амбань-боцзиле** - верховный министр. Самое высокое звание, присваивавшееся, как правило, лицам императорской фамилии, со временем наследовавшим императорский трон. Уцимай, которому первому было присвоено это звание, во время отсутствия Агуды выполнял его обязанности по управлению государством. В текстах вслед за амбань-боцзилеем обычно стоит *голунь-боцзиле* ("гурунь" - государство). Однако по своему значению это звание было не ниже, чем амбань-боцзиле. Так, в китайском варианте хроники сообщается, что через два месяца голунь-боцзиле был переименован в *голунь-улу-боцзиле* (в маньчжурском варианте хроники это сообщение опущено). Этот последний титул может быть переведен на русский язык как "первый министр, канцлер". Мы знаем, что в делах управления государством Сагай был первым лицом после Агуды. *Амай-боцзиле* (полностью *голунь-амай-боцзиле*) - "первый в государственных делах", а *голунь-цзэ-боцзиле* - "второй в государственных делах". Они занимали положение ниже голунь-боцзиле. В их ведении находились различные вопросы управления государством, связь с войсками, а также отправление религиозных обрядов. В маньчжурском и китайском текстах допущена ошибка, когда сообщается, что Сее также получил звание голунь-боцзиле, надо: *голунь-цзэ-боцзиле*.

⁹⁷ Здесь в маньчжурском тексте, по-видимому, допущена ошибка. Во всяком случае, в китайском тексте хроники имя предводителя из места Сиин не указано. Населенный пункт (скорее, район) **Сиин**, или *Цзюбай сиин* ("лагерь 900 си" - кумоси), находился в районе г. Бамяньчэн, расположенного в 20 км к западу от г. Сыпингай. Можно высказать также предположение, что первая половина этого названия, а именно *Цзюбай* ("900"), в маньчжурском варианте хроники превратилась в фамилию *Чжоубэ*.

⁹⁸ Этот пункт находился на левом берегу р. Сунгари, примерно в 20 км вверх по течению от устья р. Нонни.

⁹⁹ Место **Валинлэ** также находилось на левом берегу р. Сунгари, но значительно выше, примерно в 45 км от г. Томэнь.

¹⁰⁰ Относительно местонахождения **Яола** имеется несколько мнений. Наиболее правдоподобная локализация - это район, расположенный к востоку от г. Фуюй (Бодуне), сравнительно недалеко от г. Томэнь, где размещались главные силы киданей.

¹⁰¹ Когда киданьский император Тянь-цзо выступил в поход против Агуды, то некоторые высшие сановники пытались совершить дворцовый переворот и посадить на трон Елюй Чуня, внука императора Син-цзуна (1031 - 1055).

¹⁰² Точное местонахождение этого пункта не известно. По-видимому, это район вблизи Яола, на пути к месту впадения р. Лалиньхэ в р. Сунгари.

¹⁰³ В китайском варианте хроники нет слова "монгольских".

¹⁰⁴ В маньчжурском варианте допущена существенная ошибка. Не было географического пункта **Цзягу**, а существовало чжурчжэньское племя *цзягу*. Этот текст должен читаться так: "*Затем отозвали войска. Цзягу Сахэ взял Кайнюань*". Чжурчжэньская фамилия **Цзягу** произошла от родо-племенного наименования *цзягу* (см. прим. 50). Фамилия "Цзягу" и название племени "цзягу" в китайском тексте пишутся разными иероглифами.

¹⁰⁵ Крепость **Кайчжоу** находилась в 103 км к востоку от г. Лоян в южной Маньчжурии, в районе уездного г. Фэнчэн (Фэнхуанчэн).

¹⁰⁶ **Тэлинь** - одна из крепостей в районе "Пяти княжеств" в нижнем течении р. Сунгари. Эта операция не была связана с войной с киданями. Полухо "наводил порядок" среди чжурчжэньских племен, проявлявших самовольство и нападавших на гарнизоны нового государства.

¹⁰⁷ В тексте, как уже отмечалось, даты даны по лунному календарю, поэтому второй год эты правления Шоу-го соответствует периоду с 11 февраля 1116 г. по 30 января 1117 г.

¹⁰⁸ В китайском тексте хроники сообщается, что события, в центре которых оказался Гао Юн-чан, произошли в первый дополнительный месяц. Они изложены предельно кратко. Гао Юн-чан по происхождению был бохаец, поэтому он выступал против бесчинств китайцев, став лидером бохайцев. События, довольно подробно описанные далее, можно рассматривать как попытку бохайского народа вновь обрести независимость и возродить государство Бохай.

¹⁰⁹ **Восточная столица** - это Дунцзин, главный город одноименной провинции Киданьского государства (Дунцзин дао), занимавшей почти всю территорию Южной Маньчжурии. Киданьский город Дунцзин находился в районе современного г. Лоян. При чжурчжэнях это наименование и сама провинция сохранились.

¹¹⁰ **Хэсугуань** - район Ляодунского по-ва. Позднее здесь была образована чжурчжэньская провинция Хэсугуань с центром в г. Гайчжоу. Ныне это г. Гайпин на побережье Бохайского залива.

¹¹¹ Ныне здесь находится г. Шэньян (Мукден). Название **Шэньчжоу** существовало при киданях и чжурчжэнях.

¹¹² **Яолихэ** - современная р. Тайцзыхэ, протекающая недалеко от г. Лоян и впадающая в р. Ляохэ. Точнее эта река называлась в то время **Волихо** (чжурчжэньский вариант - *Улуху-бира*).

¹¹³ Остров **Чансундао** (*Сяосундао*) находился в Бохайском заливе в непосредственной близости от побережья Ляодунского по-ва, в районе г. Гайчжоу (Гайпин). Сейчас он уже соединился с берегом полуострова, но название Сяосундао сохранилось.

¹¹⁴ В этом месте в маньчжурском тексте допущены две существенные ошибки:

1. Вместо "*ду боцзиле*" надо: "*де боцзиле*". Выше в тексте (см. прим. 77 и 96) указывалось, что титул "ду боцзиле" в свое время был присвоен Агуде, т.к. только Агуда, как глава складывавшегося государства, имел право на этот титул.

2. Титул (и должность) де боцзиле был присвоен не Атуханю, а Валу, который был вторым сыном Хэжэ и, следовательно, младшим братом Сагая - первого министра (канцлера) государства Цзинь (голуньхулу-боцзиле). Что касается должности (титула) де боцзиле, то он был учрежден позже других боцзиле и по значению был шестым (т.е. последним) боцзиле (приставка "*де*" имеет значение "помощник" или "исполняющий обязанности"). В целом, должность де боцзиле являлась очень важной в центральном аппарате государства, и с её созданием завершилось формирование правительства Цзинь.

¹¹⁵ Предполагается, что крепость **Чжаосань** находилась в верховьях р. Итунхэ, берущей начало в районе между уездами Паныши и Итун, текущей между Чанчунем и Нунъянем в северном направлении и впадающей в р. Сунгари.

¹¹⁶ **Пайза** - 1) особая пластинка из золота, серебра, бронзы или дерева, обычно продолговатой формы, выдававшаяся официальным лицам при выполнении ими поручений правительственных учреждений и

служившая им своего рода верительной грамотой и пропуском по всей территории данного государства; 2) распоряжение вышестоящего лица нижестоящему; 3) табличка с записью подвигов, стихов и т.п. На пайзах, выдававшихся военным в качестве награды за отличие, делалась соответствующая надпись.

¹¹⁷ Крепость **Тайчжоу** находилась на р. Таоэрхэ (правый приток р. Нонни), в районе современного г. Таонаня, в 150 км к западу от места впадения р. Нонни в р. Сунгари.

¹¹⁸ Город **Сяньчжоу** находился в 70 км к западу от р. Ляохэ, в районе небольшого городка Бэйчжэнь.

¹¹⁹ Город **Цяньчжоу** находился в том же районе, что и г. Сяньчжоу, но южнее его на 20 км.

¹²⁰ Город **Ичжоу** находился на р. Синькайхэ (правый приток р. Ляохэ), в районе г. Чжанью.

¹²¹ Город **Хаочжоу** должен был находиться в 20 - 25 км к западу или северо-западу от современного г. Синьмин.

¹²² Киданьский г. Хойчжоу находился к северу от современного г. Линъюань в провинции Хэбэй (район бывшей провинции Жэхэ), а чжурчжэньский г. Хойчжоу находился на месте киданьского г. Цзэчжоу (примерно в этом же районе, но значительно южнее).

¹²³ Город **Чэнчжоу** находился к северу от современного г. Ичжоу, на р. Далинхэ, в бассейне ее левого притока.

¹²⁴ Город **Чуаньчжоу** находился в 33 км к северо-востоку от современного г. Чаоян, в западной части Южной Маньчжурии.

¹²⁵ Город **Хайчжоу** находился к западу от современного г. Чжанью в Южной Маньчжурии, в верховьях р. Шуантайцзыхэ.

¹²⁶ **Чжао Хой-цзун** - восьмой император династии Сун (960 - 1279); царствовал с 1100 по 1125 гг. **Чжао** - фамилия императоров династии Сун.

¹²⁷ Крепость **Шуанчжоу** находилась примерно в 40 км к западу от г. Телин в Южной Маньчжурии.

¹²⁸ Город **Тунчжоу** находился сравнительно недалеко к юго-западу от г. Хуанлунфу (Наньань).

¹²⁹ Точное местонахождение **Цинчжоу** неизвестно. Он должен был находиться недалеко от г. Ляочжоу (см. прим. 130).

¹³⁰ Город **Ляочжоу** находился на р. Янсимухэ (левый приток р. Ляохэ), недалеко от ее впадения в р. Ляохэ, к северо-востоку от современного г. Синьмин.

¹³¹ **Туаньяньши** - так при династии Сун назывались командующие местными вооруженными силами, чаще всего находившимися в пределах одного округа. Иногда под командованием туаньяньши объединялись силы нескольких округов.

¹³² Город **Яньцзин** при киданях назывался **Наньцзин** (Южная столица) и был одной из пяти столиц империи Ляо. Ныне это г. Пекин - столица КНР. После занятия его чжурчжэнями, был превращен в одну из столиц чжурчжэньского государства и назван **Чжунду** (Средняя столица) **Дасинфу**. Город **Сицзин** (Западная столица киданьской империи) - это современный г. Датун, находящийся в северной части провинции Шаньси. В 936 г., при династии Поздняя Цзинь периода "Пяти династий", кидане захватили 16 округов в северной части собственно Китая, в том числе Яньцзин и Сицзин. Во время длительных переговоров с чжурчжэнями правительство сунской династии настаивало на возвращении Китаю на только этих городов, но и всех захваченных киданями территорий.

¹³³ Не следует отождествлять с современной р. Хунхэ, протекающей к югу от г. Шеньян (Мукден) и впадающей в р. Ляохэ. Точной локализации этой реки нет. Возможно, это одна из рек бассейна Ляохэ, пересекающая дорогу из Тайчжоу (см. прим. 115) вдоль р. Таорхэ в Линхуанфу (см. прим. 134).

¹³⁴ **Шанцзин** - верхняя столица киданьской империи, г. Линхуанфу. Находился в районе городка Болочэн, расположенного в 70 км к северо-востоку от Барима, на территории Внутренней Монголии.

¹³⁵ **Губэйхоу** - проход и застава в Великой китайской стене к северу от г. Пекин. Район **Сунлинь** (чаще **Пинди сунлинь** - "сосновый лес на равнине") - это обширная территория в бассейне верхнего течения р. Шара-Мурэн.

¹³⁶ Полностью: **голунь-хулу-боцзиле** (см. прим. 94).

¹³⁷ Здесь допущена ошибка. Надо: **"голунь-цзэ-боцзиле"** (см. прим. 94). Ошибка произошла из-за того, что в тексте китайского варианта хроники, с которого был сделан перевод, употреблена такая форма написания иероглифа "цзэ", которая очень близка к написанию иероглифа "у".

¹³⁸ Функции **илай-боцзиле** (**голунь-илай-боцзиле**) значительно отличались от остальных боцзиле (см. прим. 94). Основные обязанности илай боцзиле заключались в руководстве дипломатическими отношениями с государством Сун и тянгутским государством Ся.

¹³⁹ **Средняя столица** киданей (Чжунцзин) - город Дадинфу - находилась в верховьях р. Лаохахэ (приток р. Шара-Мурэн). После упразднения провинции Жэхэ этот район вошел в состав Внутренней Монголии.

¹⁴⁰ Крепость **Гао** - центр округа Гаочжоу - находилась на левом берегу р. Лаохахэ, выше по течению от впадения в нее р. Инцзиньхэ. От крепости Гао к югу до Средней столицы 70 км. Крепость **Энь** - центр

округа Энчжоу - также, возможно, стояла на р. Лаохахэ. От крепости Эн к югу до Средней столицы 30 км. **Хойхэ** - уйгурский город. Судя по контексту, он также должен был находиться недалеко от упомянутых городов Гао и Эн, однако его точная локализация вызывает затруднение.

¹⁴¹ По-видимому, киданьский округ **Цзэчжоу** (а не **Чэчжоу**) находился в современной провинции Хэбэй (по новому административному районированию), в 70 км к северу от Великой китайской стены, в районе современного городка Пинцюань.

¹⁴² Местонахождение города **Бэйаньчжоу** - в 150 км к западу от Цзэчжоу и в 120 км к северу от Великой китайской стены, в районе д. Хунгутунь современной провинции Хэбэй.

¹⁴³ В китайском тексте написано "*перед горами*" и "*за горами*". Здесь подразумеваются горы, лежащие вдоль Великой китайской стены и отделяющие южные районы монгольских территорий от Китая. Таким образом, этот текст свидетельствует о том, что Агуда советовал не спешить с походом в собственно Китай.

¹⁴⁴ **Юаньянлэ** - бессточное озеро во Внутренней Монголии, недалеко от границы провинции Шаньси, к западу от уездного г. Чжанбэй. Монгольское название этого озера - *Ангули-нор*.

¹⁴⁵ **Шумиши** - должность в центральном аппарате, приравнивавшаяся по значению к посту министра. В киданьской империи Ляо было два управления Шумиоань: северное, которое ведало вооружениями, и южное, занимавшееся гражданскими делами, в первую очередь, налогообложением.

¹⁴⁶ Территории, подведомственные Западной столице киданей (Сицзин, г. Датун; см. прим. 130), именовались **Юньчжун**. В узком смысле это центральная часть современной провинции Шаньси.

¹⁴⁷ Горы **Цинлин** находятся к юго-западу от г. Пекин (в 270 - 300 км), вдоль границы с провинцией Шаньси. Они называются также *Ухойшань* или *Гуанчанлин*.

¹⁴⁸ Река **Шара-Мурэн** (точнее верховья реки до слияния ее с р. Ляохахэ) также называется *Хуайшуй* - "Желтая река".

¹⁴⁹ **Ся** или *Западное Ся* (Си Ся) - тангутское государство с центром в районе современного Ордоса. Территория этого государства охватывала также значительные территории вокруг Ордоса. Существовало с 1023 по 1227 гг.

¹⁵⁰ **Цзиньсу** и **Сипин** находились в районе современной провинции Шаньси.

¹⁵¹ Из перечисленных городов **Юньнэй**, **Нинбянь** и **Дуншэнь** находились в южной части современной Внутренней Монголии (район бывшей провинции Суйюань) и располагались вдоль р. Хуанхэ в непосредственной близости от границ Шаньси. Только город **Тяньдэ** находился в 100 - 150 км к северу от большой излучины р. Хуанхэ.

¹⁵² Горы **Иньшань** - юго-западное продолжение Большого Хингана. Они простираются от верхнего течения р. Шара-Мурэн (Си Ляохэ) и далее на запад, вдоль Великой китайской стены, почти до р. Хуанхэ.

¹⁵³ В "Цзинь ши" и в некоторых других сочинениях эта местность именуется **Шиняньдо**. Находилась она к северо-западу от Датунфу (провинция Шаньси), за линией пограничных укреплений (за Великой китайской стеной).

¹⁵⁴ Здесь допущена ошибка. Киданьского генерала Сихань не существовало. Надо: "*разбил шестидесятитысячный корпус, состоящий из киданей, си (кумоси) и ханьцев*".

¹⁵⁵ "**Города Цзюнь и Сянь в Чжунхай**" - это ошибка. Надо: "*округа (цзюнь) и уезды (сянь), расположенные вдоль морского побережья*". Дело происходило в провинции Средней столицы, следовательно, под "морским побережьем" следует понимать побережье Ляодунского залива.

¹⁵⁶ Не "*люсибийцы*", а шесть племен *си* (кумоси) - одно из четырех крупных племенных объединений, существовавших в киданьской империи и возглавлявшихся особым управлением во главе с князем (*ван фу*). Си издавна кочевали в бассейне верхнего течения р. Шара-Мурэн и несколько западнее. Непосредственными их соседями на севере и северо-востоке были кидане, а на востоке - бохайцы. После подчинения киданям часть этого народа переселилась в западные районы империи Ляо. Возможно, некоторая часть си была насильственно переселена и в другие районы, например, в район современного г. Сыпингай (см. прим. 97), но их большая часть оставалась на прежнем месте.

¹⁵⁷ Округ **Гуйхуачжоу** - район современного уезда Сюаньхуа, находящегося южнее г. Калган, в северной части провинции Хэбэй. До недавних изменений в административном районировании КНР это была южная часть Чахара.

¹⁵⁸ Округ **Фэншэнчжоу** находился южнее г. Калган, в районе современного г. Чжоли в северной части провинции Хэбэй (прежде - южная часть провинции Чахар).

¹⁵⁹ **Юйчжоу** - округ в северной части провинции Хэбэй, примерно в 150 км к западу от г. Пекин, в районе современного уезда Вэйсянь.

¹⁶⁰ Крепость **Дэшэнкоу** и проход в горах, около которого эта крепость была построена, находились в северной части провинции Шаньси, к северу от г. Датун.

¹⁶¹ Крепость **Цзюйюань** находилась около Великой китайской стены, к северу от г. Пекин, в ущелье между гор. Сейчас через это ущелье проходит железная дорога Пекин - Калган.

¹⁶² Княгиня **Сяо Дэ** - жена Елюй Чуня, объявившего себя императором в г. Яньцзине (Пекине) в апреле 1122 г. В июне этого же года Елюй Чунь умер, и престол заняла Сяо Дэ. В декабре, с приближением чжурчжэньских войск, Сяо Дэ бежала к императору Тянь-цзо. В некоторых источниках Елюй Чунь именуется *Елюй Нели*.

¹⁶³ **"Тан му"** (*"Тун цзянь ган му"*) - компилятивное историческое сочинение, составленное во второй половине XII в. большой группой историографов под руководством Чжу Си. Содержит сжатое изложение материалов, имеющих в другом широко известном сочинении - "Цзычжи тунцзянь".

¹⁶⁴ **Елюй Даши** был внуком восьмого киданьского императора Дао-цзуна. Елюй Даши поддерживал Елюй Чуня. После того, как попытка Елюй Чуня возродить империю Ляо успехом не увенчалась, Елюй Даши бежал, но был захвачен в плен. Позднее, во время похода чжурчжэней на остатки киданей, объединившихся вокруг императора Тянь-цзо, Елюй Даши был у них проводником. После разгрома Тянь-цзо бежал в район р. Керулен, где, объединив вокруг себя разрозненные группы киданей, он перешел через всю Монголию в Среднюю Азию. Там Елюй Даши создал государство кара-китайцев (в китайских источниках именуется "Западное Ляо"). С титулом гурхана он правил с 1124 по 1135 гг.

¹⁶⁵ Округ **Пинчжоу** находился в районе современного уезда Лулун, в восточной половине северной части провинции Хэбэй, в 80 км к западу от Шаньхайгуаня.

¹⁶⁶ Округ **Ичжоу** находился в районе современного г. Ичжоу, на р. Далинхэ, примерно в 100 км от места впадения ее в Ляодунский залив.

¹⁶⁷ **Цзиньчжоу** - округ недалеко от побережья Ляодунского залива, на р. Сяолинхэ, впадающей в Ляодунский залив западнее р. Далинхэ.

¹⁶⁸ Выше (см. прим. 118, 119, 121) уже сообщалось о взятии этих округов чжурчжэньскими войсками, а также округов Чэнчжоу и Чуаньчжоу (см. прим. 123, 124). Сообщение о повторном умиротворении свидетельствует о неустойчивости положения в этом районе и о сопротивлении местного населения.

¹⁶⁹ Крепость **Синчжунфу** (центр области и уезда Синчжун) находилась в районе современного городка Чаояна, на р. Далинхэ, в 75 км вверх по течению в западном направлении от г. Ичжоу.

¹⁷⁰ Эти четыре укрепленных пункта располагались вдоль побережья Ляодунского залива, на старом тракте, ведущем из Маньчжурии в Китай: 1) **Синчжоу** - район современного населенного пункта Дунгуаньчжань, расположенного в 70 км к северо-востоку от Шаньхайгуаня; 2) **Лайчжоу** - район населенного пункта Цяньвэй, в 35 км от Шаньхайгуаня; 3) **Цяньчжоу** находился непосредственно в районе Шаньхайгуаня; 4) **Жуньчжоу** - к западу от Шаньхайгуаня, на расстоянии не более 20 км, в районе г. Хайянчжэнь, уже на территории собственно Китая.

¹⁷¹ Район крепости **Пинчжоу** (см. прим. 165) - у восточного конца Великой китайской стены; район крепости **Юаньчжоу** - возможно, район современного уезда Янсянь в юго-западном углу провинции Шэньси.

¹⁷² Здесь, возможно, допущена неточность. Надо: *"Беспреданно побеждающие войска"*. Когда чжурчжэни появились в южной Маньчжурии, на Ляодунском по-ве для борьбы с ними было создано ополчение из местного населения (главным образом, из бохайцев) во главе с бохайцем Го Яо-ши (см. прим. 198). Это ополчение получило название "Войска ненависти". Потерпев ряд поражений, кидане, а вместе с ним и ополчение, отступили в провинцию Хэбэй. Многие киданьские вожди (в том числе, по-видимому, и Го Яо-ши) поддержали Елюй Чуня, объявившего себя императором в Яньцзине (Пекин). Елюй Чунь переименовал "Войска ненависти" в "Беспреданно побеждающие войска". После того, как чжурчжэням удалось ликвидировать и эту группировку киданей, многие сторонники Елюй Чуня бежали на юг, в Сунское государство. В династийной хронике чжурчжэньского государства повествование ведется от лица чжурчжэней, поэтому, в отношении чжурчжэней не допускается никаких унижающих или оскорбляющих записей. Вполне возможно, что название этого киданьского ополчения было преднамеренно искажено, путем замены слова "побеждающие" на "побеждаемые". Это тем более вероятно, что "Беспреданно побеждающие войска" терпели одни только поражения.

¹⁷³ Сунский округ **Сюнчжоу** находился в районе современного уезда Сюнсянь, в северной части провинции Хэнань, недалеко от границы с провинцией Хэбэй.

¹⁷⁴ **Бяньцзин** - г. Кайфын, центр современной провинции Хэнань; с 960 по 1126 гг. был столицей Сунского государства.

¹⁷⁵ **Сюаньфуся** - специальное учреждение в центральном аппарате Сунского государства, ведавшее различными вопросами, связанными с умиротворением (подавлением сопротивления) вновь присоединенных территорий. Особые представители этого учреждения, которые именовались *сюаньфуши* (уполномоченные по умиротворению) выполняли свои обязанности на местах.

¹⁷⁶ В 938 г. император Тай-цзун династии Поздняя Цзинь (939 - 946) уступил киданям 16 округов, расположенных в провинциях Хэбэй и Шаньси. Кроме этих округов кидане владели здесь еще рядом территорий, захваченных до и после заключения соглашения. Перечисленные в тексте 6 округов,

возвращенные чжурчжэнями сунскому правительству, очевидно, входили в число этих округов. Однако среди них есть округ Ичжоу, который был захвачен у Сунского государства в 989 г., а также округ Цзиньчжоу, следы которого в справочниках обнаружить не удалось. Другие территории, на возвращении которых настаивали китайцы, не были уступлены им под предлогом того, что они не входили в число шестнадцати округов, указанных в чжурчжэньско-китайском соглашении.

¹⁷⁷ Династия **Поздняя Цзинь** - одна из династий, правивших в Китае в период "Пяти династий, 10 царств" (907 - 959). Фамилия основателя династии была Ши, поэтому в китайских источниках эта династия иногда называется *Ши Цзинь*.

¹⁷⁸ Здесь имеется в виду река **Юндинхэ**, протекающая поблизости от г. Пекин и впадающая в Бохайский залив. **Янь** - район современной провинции Хэбэй, в древности входивший в состав княжества Янь, а также современное сокращенное обозначение провинции Хэбэй. **Юнь** - древнее название северной части современной провинции Шаньси. Под Янь и Юнь надо подразумевать территории всех 16 округов, захваченных киданями у китайцев.

¹⁷⁹ Первоначально **Южной столицей** чжурчжэньского государства стал киданьский город, находившийся в районе современного г. Лоян в южной Маньчжурии, бывший Восточной столицей киданей. Позднее он вновь был превращен в **Восточную столицу**. В 1123 г. Южная столица была перемещена в город **Пинчжоу** (см. прим. 165). После занятия чжурчжэнями всего Северного Китая, Южная столица в 1129 г. была перенесена в город **Бяньцзин** (Кайфэн) - столицу Сунского государства.

¹⁸⁰ После того, как чжурчжэни нанесли ряд сокрушительных ударов по империи Ляо, многие представители киданьской феодальной знати, в том числе и члены правящего рода Елюй, стали переходить на сторону победителей. В этом месте хроники перечислены 4 таких перебежчика. Многие из них получили довольно высокие посты. Так, **Елюй Юйду** был назначен генерал-инспектором чжурчжэньских войск. Позднее он бежал в государство кара-китаев.

¹⁸¹ Застава **Сунтитингуань** находилась в 60 км к северу от прохода Сифэн в Великой китайской стене, на пути из г. Яньцзин (современный г. Пекин) в Среднюю столицу (см. прим. 139) киданьской империи Ляо, в бассейне р. Ляохэ. Проход **Сифэн** находится в месте пересечения Великой китайской стены с р. Луаньхэ.

¹⁸² **Цинчжун** - небольшой укрепленный пункт (палисад), находившийся недалеко к югу от современного г. Гуйсуй во Внутренней Монголии (район бывшей провинции Суйюань).

¹⁸³ Округ **Иньчжоу** находился в северной части современной провинции Шаньси, в районе уезда Инсянь, в 40 - 50 км к югу от г. Датун.

¹⁸⁴ **Сугу**, **Чоли** и **Тени** - скорее географические названия, по которым названы эти племена. В источниках совершенно определенно указывается, что существовали горы (возможно, отдельные вершины), называвшиеся Чоли и Тени. Принадлежность сугу, чоли и тени к народу си не вызывает сомнения, поэтому они должны были жить в районе расселения народа си (см. прим. 158). В этом месте хроники перевод неточен. В тексте речь идет о тринадцати укрепленных пунктах, расположенных в гористой местности на труднодоступных участках.

¹⁸⁵ **Хойлибао** - выходец из народа си. Он активно поддержал выдвижение Елюй Чуня на императорский престол (см. прим. 103). После падения династии Северное Ляо (1122) Хойлибао объявил себя императором народа си, но продержался всего несколько месяцев.

¹⁸⁶ Почтовая станция **Вадушань**, по-видимому, находилась в районе расселения племени вадувань угу в бассейне рек Янчжан-цзы, Чжосу и Иньцин - правых притоков р. Ляохахэ (приток р. Шара-Мурэн).

¹⁸⁷ Утверждение, что киданьский император бежал в государство Западное Ся, не совсем точно. Между киданями и тангутским правящим домом только что были установлены родственные отношения, поэтому, когда чжурчжэни приблизились к границам Западного Ся, тангуты выслали на помощь киданям 30-тысячный корпус, который вскоре был разбит чжурчжэнями. После этого тангуты, под давлением со стороны чжурчжэней, отказались от открытой поддержки киданей. Они не допустили киданьского императора на свою территорию, но продолжали тайно оказывать им помощь, мешали чжурчжэням пленить киданьского императора, что на год отсрочило окончательный разгром империи Ляо.

¹⁸⁸ **Елюй Яли** - второй сын киданьского императора Тянь-Цзо. Ряд крупных сановников из свиты киданьского императора, захватив с собой Елюй Яли (ему было только 7 лет и, конечно, это был насильственный захват) бежали в район Северо-Западной провинции, расположенной к северу от тангутского государства (район современной Внутренней Монголии, между южной частью Большого Хингана и территорией к северу от большой излучины р. Хуанхэ). Здесь Елюй Яли был объявлен императором. Этот акт поддержали вожди некоторых крупных местных племен. Однако новый император заболел и умер. Его место занял **Елюй Чжуге** - брат императора Яньмо, вскоре убитый своими приверженцами. Так неудачно закончилась еще одна попытка правящей верхушки киданьского общества восстановить династию и справиться с катастрофическим нашествием чжурчжэней.

¹⁸⁹ Город и округ **Чуньчжоу** (*Чанчуньчжоу*) находился или на правом притоке р. Нонни - р. Таоэохэ (в древности р. Чанчуньхэ), в районе современного г. Таонань, или немного восточнее, ближе к р. Нонни, в районе, отстоявшем сравнительно недалеко от места слияния рек Нонни и Сунгари. Здесь весной охотились киданьские императоры, здесь же впоследствии разыгрались ожесточенные сражения между чжурчжэнями и киданями.

¹⁹⁰ Ошибка, надо: "...скончался в походном дворце к западу от озера Буду". Место остановки или ночлега императора во время военного похода или выезда из столицы по какому-либо иному поводу именуется "походный дворец".

¹⁹¹ **Верхняя столица** (*Шанцзин*) чжурчжэньского государства - г. Хойнинфу - находилась в северной Маньчжурии, на берегу р. Ашихэ (правый приток р. Сунгари), в 40 км к востоку от г. Харбин.

¹⁹² Все это ближайшая родня прежнего, а следовательно, и нового императора. Например: *Сее* (Шэе) - пятый сын Хэлибо, то есть брат Агуды и Уцимая (четвертого сына Хэлибо); *Удубу* - также брат Агуды и Уцимая, самый младший сын Хэлибо; *Вабэнь* - старший побочный сын Агуды; упоминающиеся ниже *Шэму* (Думу) и *Валибу* - второй сын Агуды.

¹⁹³ **Южная провинция** (губерния) - район Ляодунского полуострова в Маньчжурии, один из важнейших районов чжурчжэньского государства.

¹⁹⁴ **Северо-западная провинция** (губерния) - это район к северу от Великой китайской стены, на участке вдоль провинции Шаньси и к северу от большой излучины р. Хуанхэ. **Юго-западная провинция** - район к югу, прилежащий к территории тангутского государства Западное Ся (современная провинция Шаньси). Здесь приведено киданьское районирование. Чжурчжэни после захвата Северного Китая провели новое районирование и уже не употребляли этих названий.

¹⁹⁵ Гора (горы) **Туэршань** находятся в крайнем восточном углу провинции Хэбэй, примерно в 50 км к западу от Шаньхайгуаня, в районе г. Фунин.

¹⁹⁶ Крепость **Гуаннин** находилась в районе уездного г. Бэйчжэнь в южной Маньчжурии, примерно в 60 км к западу от р. Ляохэ и в 60 км к северу от Ляодунского залива.

¹⁹⁷ **Го Яо-ши** был бохайцем и командовал народным ополчением Ляодунского полуострова, состоявшим из местного, главным образом, бохайского населения. Ополчение было создано с появлением здесь чжурчжэней. После выдачи чжурчжэням бохайца Чжан Цзюэ, Го Яо-ши возненавидел китайцев. Позднее он сдался чжурчжэням и стал одним из помощников Валибу во время его похода на государство Сун. Китайские источники сообщают, что он отлично знал положение дел в китайском государстве, и его советы очень помогли чжурчжэням.

¹⁹⁸ Округ **Шочжоу** находился на восточном берегу р. Хуанхэ, на территории современной провинции Шаньси, недалеко от Великой китайской стены. Что касается **Западных гор** (*Сишань*), то точная их локализация пока затруднена. В Китае очень много гор, которые носят это название, и даже в провинции Шаньси есть два района, называющиеся Сишань, но оба они находятся на юге провинции, а район, о котором идет речь в хронике, должен располагаться на севере.

¹⁹⁹ **Ашэ боцзиле** - советник императора. Более точных данных об обязанностях ашэ боцзиле у нас нет, что отчасти объясняется непродолжительностью существования этой должности. Во всяком случае, после смерти Маньдукэ, последовавшей через год после назначения его на эту должность, титул ашэ боцзиле в хрониках больше не встречается.

²⁰⁰ Провинция (губерния) **Яньшань** была учреждена правительством династии Сун между 1119 и 1126 гг. на территории современной провинции Хэбэй, то есть части "киданьского наследства", на которое претендовало сунское правительство.

²⁰¹ **Ли Цзянь-шунь** (чаще просто *Цянь-шунь*) правил тангутским государством Западное Ся с 1086 по 1139 гг. Он был возведен на престол в возрасте трех - четырех лет, а начал самостоятельно править страной, по-видимому, в 1100 г., в возрасте 16 лет.

²⁰² Чжурчжэни передали тангутам сравнительно небольшую территорию на самом севере одноименной провинции Шаньси до гор Иньшань. Однако эта передача оказалась фиктивной, так как данная территория уже была занята союзными чжурчжэнями сунскими войсками. Возможно, чжурчжэни, передавая эти территории тангутам, намеривались создать еще один повод для столкновения между тангутами и китайцами, другими словами, применили на практике позаимствованный ими у китайцев старый испытанный прием *"руками варваров обуздывать варваров"*.

²⁰³ Здесь допущена неточность. Чжурчжэньские послы отправились объявить императору династии Сун волю Агуды.

²⁰⁴ В китайском тексте нет слов *"морские рыбаки"*, а стоит название морского животного *хай гоу*, что при дословном переводе означает *"морская собака"*. Это какой-то вид тюленя, встречающийся в Японском море.

²⁰⁵ По китайскому варианту хроники, умер сын царствующего императора, то есть Тай-цзуна (Уцимая).

²⁰⁶ Племя **уху** должно было проживать на территории Северо-западной или Юго-западной провинции бывшей киданьской империи Ляо. Это, возможно, одно из уйгурских племен, преселенных сюда киданями.

²⁰⁷ **Далань** (**Ваньянь Чан** - китаизированный вариант его имени и фамилии) - представитель правящего рода ваньянь. После сдачи Хойлибао был поставлен во главе народа си, и упоминающиеся здесь "**6 поколений**" - это "**6 племен си**", во главе которых стоял Хойлибао (см. прим. 156).

²⁰⁸ **Яолян** (а не **Яонянь**, как указано в тексте) - киданьское племя, входившее в одну из основных групп киданьских племен, участвовавших в создании империи Ляо. Жило оно в бассейне р. Шара-Мурэнь.

²⁰⁹ Горы **Лотошань** ("Верблюжьи горы") находятся к западу от г. Долоннор, в южной части Внутренней Монголии. Это небольшие возвышенности, тянущиеся с севера на юг. **Цзиньюаньские войска** - это войска, расположенные на территории киданьского уезда Цзиньюань, входившего в состав области **Синчжунфу** (см. прим. 169). Уезд **Цзиньюань** располагался в районе уезда Пинцюань современной провинции Хэбэй, к востоку от г. Чэндэ (южная часть бывшей провинции Жэхэ). **Синчжунские войска** - это войска, расположенные в уезде Синчжун, входившем в состав Синчжунфу. Местонахождение уезда **Синчжун** - район современного уезда Чаоян, примерно в 150 км к северо-востоку от упомянутого выше уезда Пинцюань. Таким образом, локализация этих трех районов свидетельствует о том, что маньчжурский текст также неточен, должно быть: "**истребили войска в районе гор Лотошань, а также в уездах Цзиньшань и Синчжун**".

²¹⁰ **Сяньвэнь** - китайская транскрипция тюркского титула санун, имеющего значение "**генерал**". Санун, в свою очередь, является транскрипцией китайского слова "**цзянцзюнь**" - "генерал". В китайском варианте хроники "**Цзинь ши**" употреблен киданьский административный термин "**сянзинь**". Это военно-административный чин, в ведении которого находилось управление делами племени, проживающего на границе.

²¹¹ **Янь-си** - посмертное имя последнего киданьского императора Тянь-цзо.

²¹² **Чжоу** - киданьский округ, находившийся в ведении Западной столицы. Располагался к северо-востоку от современного уезда Чжай в провинции Шаньси.

²¹³ **Чжаоташи** - уполномоченный двора по привлечению сдающихся и подавлению сопротивляющихся на вновь присоединенных территориях, где наблюдалось недовольство оккупационным режимом. На эти должности назначались сановники очень высокого ранга. Они имели очень широкие полномочия. Перевод этого слова Г.М. Розовым как "**главнокомандующий**" не совсем точен, хотя в ведении чжаоташи часто находились вооруженные силы обширных районов. Упоминающийся здесь "**Западный край**" - это западные районы Киданьской империи, а не Восточной Туркестан, который в китайских источниках и исторических сочинениях именуется Западным краем - "Си юй".

²¹⁴ **Сяо И-сюэ** был наместником в Верхней столице (см. прим. 134) Киданьской империи. По-видимому, он выступал против планов Елюй Даши и за это поплатился жизнью.

²¹⁵ **Кэдуньчэн** - бывший уйгурский г. Хотун на р. Керулен в Восточной Монголии. Этот город был построен уйгурами во время существования Уйгурского каганата (743 - 840). После образования Киданьского государства вошел в его состав.

²¹⁶ **Билэгэ** - китайская транскрипция уйгурского слова "**бильге**", входившего в имена многих уйгурских каганов и означающего "**мудрый**". Здесь оно употреблено как имя **идикута** (князя), правившего в это время в Уйгурском турфанском княжестве.

²¹⁷ **Сюньсыгань** - г. Самарканд. В это время Самарканд входил в состав государства Караханидов, уже сильно ослабленного внутренними усобицами, а также прогрессирующей децентрализацией и находившегося в зависимости от сельджуков.

²¹⁸ "**Князь Хуэршань**". Здесь, по-видимому, речь идет о поражении в Котванской степи (к северу от Самарканда), которое кидане нанесли войскам сельджукского султана Синджара. Султан Синджар после этого поражения ушел в Иран и в течение довольно долгого времени был правителем в Хорасане. По-видимому, имя князя в китайских источниках не сохранилось, и он известен по месту, где правил.

²¹⁹ В тексте "**Ляо ши**" - династийной хронике киданьского государства Ляо - говорится, что он достиг места **Циэрмань**, где и был поставлен императором. **Циэрмань** - это Керминия, почтовая станция между Самаркандом и Бухарой, находившаяся значительно ближе к Самарканду.

²²⁰ Река **Байхэ** берет начало в горах к северо-востоку от г. Калган, течет по провинции Хэбэй, пересекает г. Тяньцзинь и впадает в Бохайский залив.

²²¹ Округ **Дайчжоу** находился в 120 км к северо-востоку от Тайюаня (главный город провинции Шаньси), в районе современного уезда Утай, недалеко от границы провинции Хэбэй.

²²² Здесь неточность, надо: "**покорился народ местности Чжуншань**". В период "**Вокующих царств**" (период "**Чжань го**" - V - III вв. до н.э.) в провинции Хэбэй, с центром в районе современного уезда Динсянь, находилось одно из многочисленных мелких владений, называвшееся **Чжуншань**. По традиции этот район, расположенный в южной части провинции Хэбэй, до сих пор в литературе называется Чжуншань.

²²³ Оба эти пункта находились на территории, которая в настоящее время входит в состав провинции Хэбэй (южная часть провинции). **Чжэньдин** находился в 15 км к северу от довольно большого современного г. Шицзячжуан, в районе уезда Чжэндин, а **Синьдэфу** - в 120 км к югу от этого города, в районе современного уезда Синтай.

²²⁴ Сунская провинция **Хэдун** (провинция, расположенная к востоку от р. Хуанхэ) почти совпадает с территорией современной провинции Шаньси. То же самое можно сказать и о провинции **Шэньси**. Провинция Шэньси была названа так в начале правления династии Сун, и это название сохранилось до наших дней.

²²⁵ Река **Фэньхэ** (**Фэньшуй**) берет начало в северной части провинции Шаньси, около уездного г. Нинъю, течет к югу параллельно р. Хуанхэ и впадает в нее в юго-западном углу провинции Шаньси.

²²⁶ **Учжу** (другие имена - **Вачо**, **Вачу**, **Ваньян Цзун-цзу**) принимал очень деятельное участие в войне с китайцами, в том числе, против известного китайского полководца, народного героя Юэ Фэя (1102 - 1141 гг.).

²²⁷ **Таньинь**, **Цзюньчжоу** (а не **Жуйчжоу**), **Лиан** и **Хуачжоу** - все эти четыре населенных пункта находились южнее упомянутых выше двух пунктов (см. прим. 223), но уже в северной части современной провинции Хэнань, расположенной к северу от р. Хуанхэ. **Таньинь** до сих пор сохранил свое название. **Цзюньчжоу** находился в районе современного уезда Цзюньсянь, а **Лиан** - недалеко от уезда Цзюньсянь в юго-восточном направлении. **Хуачжоу** - район современного уезда Хуасянь, в 50 км от него в юго-восточном направлении находится р. Хуанхэ. По тексту перевода Г.М. Розова можно понять, что Хуачжоу должен был находиться к югу от Хуанхэ. Но это не так, южнее такой населенный пункт неизвестен. Интересно отметить, что все эти населенные пункты (в том числе, упомянутые в прим. 223) находятся вдоль древнего пути из Северного Китая в Южный. В настоящее время вдоль этого пути построена железная дорога Пекин - Ханькоу.

²²⁸ По-видимому, имеется в виду уезд **Пиншань**, название которого сохранилось до сего времени. Он находится в 35 км к северо-западу от г. Шицзячжуана, на берегу р. Хутохэ.

²²⁹ **Хой-цзун** - восьмой император династии Сун; правил с 1100 по 1125 гг. В 1125 г. отказался от престола в пользу своего сына, а в 1127 г. был схвачен чжурчжэнями и увезен на север. **Чжао** - фамилия сунского правящего дома. Употребление здесь фамилии свидетельствует о пренебрежительном отношении авторов хроники к сунскому правящему дому. В китайском тексте хроники фамилия не указана, там просто отмечено, что "император бежал".

²³⁰ **Хэцзянь** - район в восточной части провинции Хэбэй, расположенный между реками Чжулунхэ, Фуянхэ и Вэйхэ.

²³¹ **Гоу** был девятым сыном императора Хой-цзуна. Здесь также добавлена фамилия Чжао (см. прим. 229), которой нет ни в "Цзинь ши", ни в "Сун ши". Интересно отметить, что в хронике династии Сун записано, что Гоу и Чжан Бан-чан были посланы к чжурчжэням в качестве послов.

²³² **Шаоцзай** - старший государственный советник.

²³³ **Цзинь-цзун** - девятый император династии Сун, царствовавший всего 2 года - с 1125 по 1127 гг. Как и его отец - император Хой-цзун (см. прим. 229) - был взят в плен и отправлен на север.

²³⁴ Слово "**шэ-цзи**", оставленное Г.М. Розовым без перевода, означает "**божество земли и знаков**". Культ Земли и Неба - общепризнанных верховных божеств - сложился в Китае во время Инь и Чжоу и продолжал существовать в качестве официального культа до конца правления в Китае маньчжурской династии Цинь.

²³⁵ В хронике династии Сун - "Сун ши" - говорится, что Яо Пин-жун получил приказ атаковать цзиньцев ночью. Что касается численности войск Яо Пин-чжуна, то в "Сун ши" таких сведений нет, а в "Цзинь ши" она, несомненно, значительно преувеличена. Ближе к истине сообщение "Ган му", где указано 10 тыс. воинов.

²³⁶ Указанные здесь три пункта находились на территории, в настоящее время образующей юго-восточную часть провинции Шаньси. Сунская военно-территориальная единица **Вэйшэнцзюнь** (**цзюнь** - воеводство) находилась в районе уезда Циньсянь, от которого в юго-восточном направлении до стыка границ провинций Шаньси, Хэбэй и Хэнань примерно 100 км. **Луаньфу** находился к югу от воеводства Вэйшэнцзюнь, в районе современного г. Чанчжи. **Цзэчжоу** располагался еще дальше к югу, на границе с провинцией Хэнань. Необходимо обратить внимание на то, что одноименный округ Цзэчжоу имелся и на территории Маньчжурии (см. прим. 122, 141).

²³⁷ Территория сунской области **Линьфу** находилась в северной части современной провинции Шэньси, где-то в районе, расположенном к западу и северо-западу от г. Суйдэ.

²³⁸ Округ **Фэньчжоу** находился в среднем течении р. Фэйшуй (см. прим. 225), в районе современного уезда Фэньсянь, к юго-западу от г. Тайюань.

²³⁹ **Шоуян** находился в 50 км к востоку от г. Тайюань, в районе современного уезда Шоуян.

²⁴⁰ **Вэньшуй** - правый приток р. Фэньхэ; протекает через округ Фэньчжоу и впадает в Фэньхэ южнее г. Тайюань (см. прим. 225, 238).

²⁴¹ Все четыре населенных пункта находились на территории, которая сейчас входит в состав провинции Хэбэй (средняя ее часть): **Баочжоу** - примерно в 50 км к югу от современного г. Баодин; **Сюнчжоу** - в 100 км к западу от г. Тяньцзинь; **Синьчэн** - также к востоку от г. Тяньцзинь, но в 50 км к северу от г. Сюнчжоу; **Синьлэ** - юго-западнее г. Баочжоу, в районе современного городка Синьлэ на Пекин-Ханькоуской железной дороге.

²⁴² Здесь перевод неточен. Китайский административный термин **цзиньлюэши** при династии Тан имел значение "командующий войсками пограничного округа". При династии Сун значение этой должности возросло и цзиньлюэши не только командовали войсками, но и управляли гражданскими делами, часто в пределах более значительных территорий. В данном тексте говорится, что этот сановник был не цзиньлюэши, а **цзиньлюэ фуши**, т.е. заместителем (помощником) цзиньлюэши.

²⁴³ **Пинъяо**, **Линши**, **Сяои** и **Цзесю** - населенные пункты, названия которых сохранились до наших дней. Они находятся в долине р. Фэньхэ (см. прим. 225), в 80 - 130 км к юго-западу от г. Тайюань.

²⁴⁴ Название города **Цзинсин** сохранилось до наших дней. Сейчас это небольшой городок в 40 км к западу от г. Шицзячжуан, в южной части провинции Хэбэй, почти на границе с провинцией Шаньси. **Тяньвэйцзюнь** (сунское воеводство **Тяньвэй**) располагалось в этом же районе. Его центр находился в г. Цзинсин.

²⁴⁵ Округ **Шичжоу** находился в районе современного уезда Лиши, в долине р. Бэйчуаньхэ (левый приток р. Хуанхэ), в 80 - 90 км к северо-западу от недонократно упоминавшегося округа Фэнчжоу. В этом же районе находился и округ **Ляочжоу** - севернее Шичжоу, в 130 - 150 км к западу от г. Тайюань. Надо обратить внимание на то, что кроме упоминающегося здесь округа Ляочжоу, образованного при династии Тан, существовал и другой одноименный округ, находившийся в долине р. Шара-Мурэн (Ляохэ) и созданный киданями (см. прим. 130).

²⁴⁶ **Пиндинцзюнь** (сунское воеводство **Пиндин**) находилось в провинции Шаньси, к востоку от г. Тайюань, почти на границе с провинцией Хэбэй, в районе современных уездов Юйсянь и Шоуян.

²⁴⁷ **Тяньцзингуань** - застава около прохода из провинции Шаньси в провинцию Хэнань через хребет Тайханшань. Эта застава находилась к югу от небольшого городка Цзиньчэн, расположенного в провинции Шаньси, недалеко от границы с провинцией Хэнань.

²⁴⁸ **Мэнцзин** - небольшой городок в провинции Хэнань, на правом берегу р. Хуанхэ, в 20 км к северо-востоку от г. Лоян. Известен с древнейших времен и сохранил свое название до наших дней. В переводе допущена неточность, надо: "переправились через Хуанхэ у Мэнцзина".

²⁴⁹ Здесь имеется в виду Западная столица Сунского государства - г. Лоян. **Юньаньцзюнь** (сунское воеводство **Юньань**), по-видимому, находилось в районе современного уезда Гунсянь, расположенного в 70 км к востоку от г. Лоян. Город **Чжэнчжоу** сохранил свое название до наших дней; сейчас является главным городом провинции Хэнань.

²⁵⁰ Здесь ошибка. В китайском тексте, по-видимому, написано "сюаньфу фуши" - "помощник уполномоченного по умиротворению" (см. прим. 175).

²⁵¹ **Хэян** располагался в западной части провинции Хэнань, к северу от г. Лоян, но по левому берегу р. Хуанхэ.

²⁵² Уезд **Линьхэ** находился в северной части провинции Хэнань, в 30 км к западу от современного уезда Цуян, в районе уже упоминавшихся округов Цзюньчжоу и Хуачжоу (см. прим. 227). Уезд **Дамин** находился севернее Линьхэ, на территории современной провинции Хэбэй, почти на границе с провинцией Хэнань. **Дзинцзюнь** (сунское воеводство **Дзин**) располагался в районе современного уезда Цинфэн (к северо-западу) в провинции Хэнань, почти на полпути между уездами Линьхэ и Дамин. Областью город **Кайдэфу** также был в этом районе (современный уездный г. Цинфэн).

²⁵³ Округ **Хуачжоу** находился в современной провинции Хэнань, к северу от р. Хуанхэ, в 85 км к северо-востоку от г. Лоян, в районе современного уезда Циньян.

²⁵⁴ В Китае с древнейших времен применяется лунный календарь. Лунный год в среднем на 11 дней короче солнечного, поэтому для согласования его с астрономическим годом применяются вставочные (в переводе Г.М. Розова - **прибавочные**) "эмболистмические" месяцы. По китайской системе, эти дополнительные месяцы могут быть вставлены после любого месяца.

²⁵⁵ **Цинчэм**, или **южный Цинчэн** (в отличие от северного Цинчэна) - город, находившийся к югу от г. Бяньцзин (современный г. Кайфын). Здесь император совершал жертвоприношения Небу, здесь же находился его дворец.

²⁵⁶ Здесь **Канван** не название места, а княжеский титул, присваивавшийся сыновьям императоров, - князь **Кан**. Гоу - девятый сын императора Хой-цзуна - был князем Кан (см. прим. 231). Надо: "к генералам князя Кан и к военачальникам области Хэбэй".

²⁵⁷ Император **Шунь** - легендарный правитель Китая в III тыс. до н.э. По преданию, правил страной в течение 53 лет и уделял много внимания улучшению жизни народа, в том числе регламентировал религиозные церемонии и усовершенствовал законы о наказаниях.

²⁵⁸ **Царство Чжоу** в отечественной литературе чаще упоминается как "династия Чжоу". Традиционная дата правления этой династии - 1122 - 249 гг. до н.э. Период правления династии Чжоу отличался постоянной междоусобной борьбой отдельных владений (уделов) и образованием в результате этих войн множества самостоятельных царств. Некоторые из них достигали большого могущества, другие гибли под ударами своих сильных соседей, а на их месте возникали новые царства.

²⁵⁹ Марионеточное государство "**Великое Чу**" было создано чжурчжэнями после занятия ими г. Кайфын. Первым императором был объявлен Чжан Бан-чан - один из лидеров довольно значительной группы китайских феодалов, выступавших за примирение с чжурчжэнями на основе удовлетворения всех их требований. Однако эта династия просуществовала недолго, а после ухода чжурчжэней рухнула. Чжан Бан-чан был обезглавлен.

²⁶⁰ **Южное царство** - государство Сун (сунский Китай), лежавшее к югу от чжурчжэньского государства.

²⁶¹ **Шилан** - название должности. При династии Тан она по своему значению приравнивалась к должности министра. При династии Сун значение ее несколько снизилось, но на иерархической лестнице шилан был на уровне заместителя министра.

²⁶² Округ **Гочжоу** находился в 20 км от современного уезда Луши, в северо-западной части провинции Хэнань, на границе с провинцией Шэньси, в районе небольшого городка Гоюэ. Что касается **Шаньфу**, то тут небольшая неточность, надо: "**Центр провинции Шэньси**".

²⁶³ После занятия чжурчжэнями значительных территорий Северного Китая, потери двух столиц (городов Кайфын и Лоян) и пленения подряд двух сунских императоров (Хой-цзун и Цзинь-цзун) Чжао Гоу, князь Кан, объявил себя императором династии Сун. Это произошло в восточной части провинции Хэнань, в районе г. Шанцю. Чжао Гоу стал десятым императором сунского дома и первым - южно-сунского государства.

²⁶⁴ Все эти 10 населенных пунктов находились на территориях, ныне входящих в состав провинции Шаньси. Они располагались вдоль всей ее восточной границы, по левому берегу р. Хуанхэ. Ниже указывается местонахождение каждого из них, но не в том порядке, в каком они перечислены в тексте хроники, а начиная с севера. **Хошань** находился в 40 км к северо-востоку от современного уезда Хэцуй, по-видимому, в том месте, где Великая китайская стена подходит к р. Хуанхэ. Он считался одним из важнейших в этом районе оборонительных пунктов против киданей. **Баодэ** располагался в 80 - 90 км южнее г. Хошань, также на берегу р. Хуанхэ. **Нинхуа** - вдали от Хуанхэ, в 80 - 100 км к западу от г. Баодэ, недалеко от современного уезда Нинъю. **Кэлань** - в 60 км к юго-востоку от г. Баодэ, рядом с г. Нинхуа. **Ши (чжоу)** - значительно южнее упомянутых выше пунктов. **Си (чжоу)** - примерно в 100 км к югу от г. Шичжоу, на р. Синьшуйхэ (приток р. Хуанхэ). Одноименный округ в свое время был создан киданями и находился в районе Шаньхайгуаня (см. прим. 170). **Цы (чжоу)** - еще южнее, в 50 км от места впадения р. Синьшуйхэ в р. Хуанхэ, в районе современного уезда Цзисянь. **Цзян (чжоу)** - на р. Фэньшуй (приток р. Хуанхэ), в районе современного уезда Синьцзянсянь. **Хэчжун** - на самом юге провинции Шаньси, в районе современного г. Юнци. **Се** или **Цзе (чжоу)** - в 50 км восточнее г. Хэчжун, в районе современного уезда Цзесянь.

²⁶⁵ Округ **Мичжоу** находился в восточной части провинции Шаньдун, в 80 км к западу от Циндао (город и порт на берегу Желтого моря). Провинция **Шаньдун** впервые была так названа чжурчжэнями после завоевания ими Северного Китая. Это название сохранилось до наших дней.

²⁶⁶ Округ **Шаньчжоу** находился в юго-восточном углу провинции Шаньдун, недалеко от стыка границ четырех провинций - Шаньдун, Хэнань, Аньхой и Цзянчу, в районе современного уезда Шаньсянь (на отечественных картах он называется Даньсянь г.).

²⁶⁷ **Гуансиньцзюнь**, **Мочжоу**, **Цичжоу**, **Юннинцзюнь** и **Шуаньцзюнь** находились в средней части современной территории провинции Хэбэй: **Гуансиньцзюнь** (воеводство Гуансинь) - в районе округа Сюнчжоу (см. прим. 241); **Мочжоу** - в 50 - 60 км к северу от Хэцзяньфу (см. прим. 230); **Цичжоу** - в 70 км к западу от Хэцзяньфу, в районе современного уезда Лисянь; **Шуаньцзюнь** (воеводство Шуньянь) - в 45 км к северо-западу от Хэцзяньфу, в районе современного уезда Гаоян.

²⁶⁸ **Хойху** - одна из китайских средневековых транскрипций этнонима "**уйгур**". В это время на территории, образующей сейчас восточную половину провинции Ганьсу, а также на прилегающих территориях существовало **Уйгурское ганьчжоуское княжество**. В состав этого княжества входили и шачжоуские уйгуры, которые, по-видимому, пользовались автономией. Ганьчжоуские уйгуры вели упорную борьбу с тангутским государством Западное Ся, пытавшимся ликвидировать это княжество, поэтому отправка их посольств к чжурчжэням вполне объяснима. Некоторое недоумение вызывает здесь имя кагана

уйгуров - *Холасан*. Такое имя у уйгурских каганов не зарегистрировано. Китайская транскрипция этого имени очень близка к транскрипции названия средневекового государства в Иране - *Хорасан*. Название этого государства китайцы транскрибируют так - *Хулошань*, *Хуэршань*. По-видимому, это место правильное будет перевести: *"Шачжоуские уйгуры и князь Хорасана прислали послов с данью"*.

²⁶⁹ **Цзычжоу** находился в провинции Шаньдун, в 100 - 110 км к востоку от г. Цзинань (главный город провинции Шаньдун), в районе современного г. Цзычуань.

²⁷⁰ Крепость **Чжаочжоу** находилась в провинции Хэбэй, в 50 км к юго-востоку от крупного современного г. Шицзячжуан. Здесь в тексте хроники неточность. Сообщение о покорении г. Чжаочжоу не должно связываться с победами Улиньда Тай-юя. Крепость Чжаочжоу находилась в тылу у чжурчжэней, а Улиньда Тай-юй вел наступательные бои далеко от этого места - в провинции Шаньдун.

²⁷¹ **Жучжоу** находился в провинции Хэнань, в 90 км к юго-востоку от г. Лоян, в районе современного уезда Линьжусянь.

²⁷² **Цинчжоу** находился в провинции Шаньдун, в 175 км к востоку от г. Цзинань (главный город провинции), в районе современного уезда Иду. Ниже упоминаются еще два пункта, также находившиеся в провинции Шаньдун: 1) **Вэйчжоу** - еще далее к востоку от Цинчжоу, в 60 км к востоку от уезда Иду; 2) **Лэань** - в 50 км к северу от Иду. Здесь также необходимо обратить внимание на объединение двух самостоятельных фраз. Так, к сообщению о взятии чжурчжэньским генералом Мау города Фанчжоу добавлено, что он "завладел еще городом Цинчжоу". Город **Фанчжоу** находился в северо-западном углу провинции Хэбэй и был взят генералом Мау 4 февраля 1128 г., а **Цинчжоу**, находившийся в восточной части провинции Шаньдун, был взят 11 февраля того же года. Расстояние между ними по прямой - около 500 км, поэтому Мау не мог проводить военные операции в обоих этих пунктах. Таких неточностей в тексте Г.М. Розова довольно много, они очевидны и в дальнейшем в примечаниях отмечаться не будут.

²⁷³ **Дэнчжоу** находился в южной части современной провинции Хэнань, к юго-востоку от уездного г. Дэнсянь, недалеко от границы с провинцией Хубэй. Ниже в этом отрывке текста упоминаются еще 4 пункта провинции Хэнань: 1) **Танчжоу** - в южной части провинции, в 80 км к востоку от г. Дэнчжоу; 2) **Цзайчжоу** - в районе современного г. Жуян, в 200 км к югу от г. Кайфын; 3) **Чэньчжоу** - в районе современного уезда Хуайян, в 130 км к юго-востоку от г. Кайфын; 4) **Инчанфу** - в районе современного уездного г. Сюйчан, в 100 км к юго-западу от г. Кайфын.

²⁷⁴ **Фанчжоу** находился в северо-западном углу современной провинции Хубэй, в районе уезда Фансянь. Ниже указывается еще два пункта из этого же района провинции Хубэй: 1) **Сяньян** - в 120 км к востоку от г. Фанчжоу. Сохранил свое название до наших дней. На отечественных картах в этом месте указывается г. Сяньфань; 2) **Цзюньчжоу** - в районе современного уездного г. Цзюньсянь, на правом берегу р. Ханьшуй, в 80 км к северо-востоку от г. Фанчжоу (в 110 км к северо-западу от г. Синъян).

²⁷⁵ Населенный пункт **Хэшан** ("на реке") не известен. Здесь и ниже должно быть: *"поразил сунцев на реке (Хуанхэ)"*.

²⁷⁶ **"Вэйхай"** - так в литературе принято называть район древнего округа Янчжоу, находившегося в нижнем течении р. Хуайхэ, на территории современной провинции Цзянсу. Центр этого округа был в современном уездном г. Цзянду (Янчжоу), в 80 км к северо-востоку от г. Нанкин.

²⁷⁷ По-видимому, все эти 3 населенных пункта находились в долине р. Вэйхэ, в провинции Шэньси. Так, округ **Цзинчжао** (Столичный округ) находился в районе современного г. Сиань - центра провинции Шэньси, известного в древности под названием Чаньань и бывшего столицей китайского государства на протяжении ряда столетий. **Фэнсян** - располагался в 180 км к западу от г. Сиань, в районе современного уезда Фэнсян (Цзюфэнсян). Установить точное местонахождение города **Тунхуа** не удалось. Смело можно утверждать лишь, что г. Тунхуа находился в этом же районе. В дополнительном тексте из "Ган му", приводимом Г.М. Розовым, говорится, что **Юнсинцзюнь** (воеводство Юнсин, расквартированное в районе столичного округа Цзинчжао) было разгромлено вскоре после падения г. Тунхуа.

²⁷⁸ **Цзинчжиши** - уполномоченный по сбору налогов.

²⁷⁹ **Чжифу** - наместник, префект; начальник округа 1-го класса (фу) - префектуры.

²⁸⁰ **Цычжоу** - сейчас это уездный г. Цысянь в южной части провинции Хэбэй, в 15 км от границы с провинцией Хэнань. Другие два пункта, указанные здесь, уже упоминались выше (см. прим. 223).

²⁸¹ **Хуачжоу** находился на территории современной провинции Шэньси, в 70 км к востоку от г. Сиань (Чаньань). Город **Сягуй** - центр одноименного уезда, входившего в состав округа Хуачжоу, находился к северу от г. Хуачжоу (в 10 - 15 км). Из текста ясно, что г. Сягуй располагался на р. Вэйхэ или в непосредственной близости от нее.

²⁸² Река **Вэйшуй** (сейчас чаще называется **Вэйхэ**) - правый, самый крупный приток р. Хуанхэ. Она берет начало в провинции Ганьсу, в восточной части хребта Циньлин, пересекает с запада на восток провинцию Шэньси и впадает в р. Хуанхэ там, где последняя, обогнув Ордос, приобретает широтное направление.

²⁸³ Город **Пучэн**, а также перечисленные **Тунчжоу**, **Даньчжоу**, **Линьчжэнь**, **Яньаньфу** и **Суйдэцзюнь** находились в восточной половине провинции Шэньси, к северу от р. Вэйхэ: 1) **Пучэн** - в долине р. Лохэ (правый приток р. Хуанхэ), в 55 км к северо-западу от уездного г. Дали; 2) **Тунчжоу** - современный уездный г. Дали, который и сейчас иногда называют Тунчжоу; 3) **Даньчжоу** - в среднем течении р. Лохэ, в 35 км к юго-востоку от современного уездного г. Лочуань. Округ Даньчжоу получил свое название при чжурчжэнях. До завоевания провинции Шэньси чжурчжэнями этот район находился в подчинении округа Фучжоу (ныне уезд Фусянь); 4) **Линьчжэнь** - в 85 км к юго-востоку от г. Яньань, недалеко от впадения р. Яньшуй в р. Хуанхэ; 5) **Яньаньфу** - центр округа 1-го класса (фу - префектуры); находился в г. Яньань, который в это время именовался Фуши; 6) **Суйдэцзюнь** (воеводство Суйдэ) было создано при династии Сун. Его управление находилось в современном уездном г. Суйдэ, находящемся в 120 км к северо-востоку от г. Яньань.

²⁸⁴ Здесь ошибка. В исторических хрониках чжурчжэньского государства Цзинь упоминается довольно крупный военный деятель **Пуча Лоуши** (Лоуши из рода Пуча), однако он жил в конце XII - начале XIII вв. Здесь должен быть тот же Лоуши, что и упоминавшейся неоднократно выше. Этот Лоуши происходил из правящего рода Ваньянь (**Ваньянь Лоуши**) и известен своими победами над киданями (пленил последнего киданьского императора) и китайцами.

²⁸⁵ Округ **Ханьчжоу** находился в Южной Маньчжурии, на большом тракте, идущем из Северного Китая в Верхнюю столицу чжурчжэньского государства - г. Хойнинфу на р. Ашихэ, между современными городами Кайюань и Чанчунь, вблизи г. Бамяньчэн.

²⁸⁶ **Пучжоу** находился в провинции Шаньдун, на самой границе с провинцией Хэнань, в 50 км к югу от стыка с границей провинции Хэбэй; сейчас это уездный г. Пусянь.

²⁸⁷ **Гунчжоу** находился в северной части провинции Хэнань, на правом берегу р. Хуанхэ, в 60 км к западу от Чжэнчжоу - современного главного города провинции Хэнань.

²⁸⁸ В китайском тексте указывается на его должность "**сюаньфуши**" - "уполномоченный двора по умиротворению". Имеется не меньше десятка различных терминов для обозначения одной и той же должности - уполномоченный двора для наведения "порядка" (подавление сопротивления и привлечения сдающихся) на оккупированных территориях. У нас уже встречались два таких термина - **чжаотаоши** (см. прим. 213) и **сюаньфуши** (см. прим. 175).

²⁸⁹ Города **Линь**, **Фу** и **Фэн**, а так же **Цзиньнинцзюнь** (воеводство Цзиньнин) находились на территории, которая сейчас образует северную часть провинции Шэньси: 1) **Линьчжоу** - в 20 км к северу от уезда Шэньму, недалеко от границы автономного района Внутренней Монголии; 2) **Фучжоу** - к западу от г. Линьчжоу, на правом берегу р. Хунхэ (ныне уезд Фугу); 3) **Фэнчжоу** - к северу от г. Фучжоу (Фугу), также недалеко от границы с автономным районом Внутренней Монголии; 4) **Цзиньнинцзюнь** - в 120 км южнее упомянутых выше трех пунктов, на правом берегу р. Хуанхэ, в месте впадения в нее р. Цзявэй.

²⁹⁰ **Фучжоу** (а не **Лучжоу**, как указано в рукописи Г.М. Розова) и **Фанчжоу** находились на территории, образующей в настоящее время провинцию Шэньси, но в средней ее части: 1) **Фучжоу** - в 70 км южнее г. Яньань (сейчас уездный г. Фусянь); 2) **Фанчжоу** - еще южнее, в 70 км к юго-западу от г. Фучжоу, в районе современного уездного г. Чжунбу.

²⁹¹ Город и округ **Янчжоу** в литературе часто именуют **Вэйхай** (см. прим. 276).

²⁹² В китайском тексте указан город **Суйян**, а не **Цзюйян**. Город **Суйян** находился в восточной части провинции Хэнань, к югу от современного уездного г. Шанцю. **Цаочжоу** находился к северу от г. Суйян (примерно в 80 км), но уже в провинции Шаньдун.

²⁹³ **Шоучунь**, **Лучжоу** и **Хэчжоу** находились в средней части современной провинции Аньхой: 1) **Шоучунь** - в восточной части, недалеко от правого берега р. Хуайхэ, в 60 км к востоку от границы с провинцией Хэнань, в районе современного уезда Шоусянь; 2) **Лучжоу** - это современный г. Хэфэй в 80 км к юго-востоку от г. Шоучунь; 3) **Хэчжоу** - современный уездный г. Хэсянь, находящийся в 100 км к востоку от г. Лучжоу, на левом берегу р. Янцзы, почти на границе с провинцией Цзянсу.

²⁹⁴ Река **Янцзы** часто сокращенно именуется "**Цзян**" - "река".

²⁹⁵ **Цзяннин** - современный г. Нанкин (Нанцзин) в провинции Цзянсу.

²⁹⁶ Населенные пункты **Хучжоу**, **Ханчжоу**, **Минчжоу**, **Юэчжоу**, **Сючжоу** и **Дунгуань** находились сравнительно недалеко один от другого, на территории современной провинции Чжэцзян: 1) **Хучжоу** - в северной части провинции, в нескольких километрах от оз. Тайху; 2) **Ханчжоу** - современный одноименный город, главный город провинции Чжэцзян; 3) **Минчжоу** - по-видимому, район современного уездного г. Нинбо; 4) **Юэчжоу** - район современного уездного г. Шаосин, в 50 км к юго-востоку от г. Ханчжоу; 5) **Сючжоу** - район современного уездного г. Цзясин, в 80 км к северо-востоку от г. Ханчжоу; 6) **Дунгуань** - местность в провинции Чжэцзян, в 35 км к востоку от г. Юэчжоу.

²⁹⁷ **Цаоэцзян** - река в восточной части провинции Чжэцзян. Она протекает с юга на север и впадает в залив Ханчжоувань. Что касается "**моста Гаоцяо**", то это место лучше перевести так: "**поразил сунцев у**

Гао цяо (Высокий мост)". Точное местонахождение этого населенного пункта установить не удалось.

²⁹⁸ **"Два Чжэ"**: 1) провинция *Лянчжэ*, созданная при династии Сун и включавшая всю территорию современной провинции Чжэцзян, а также часть современной провинции Цзянсу (юг, юго-восток); *Цзянчжэ* - территория провинций Цзянсу и Чжэцзян, от сокращения названий которых и произошел данный термин.

²⁹⁹ **Тайпин, Шуньчан и Хаочжоу** находились на территории, входящей сейчас в состав провинции Аньхой: 1) *Тайпин* - это современный г. Данту на правом берегу р. Янцзы, недалеко от границы с провинцией Цзянсу; 2) *Шуньчан* - современный уездный г. Фуян (Аньчжоу) в северо-западном углу провинции, недалеко от границы с провинцией Хэнань; 3) *Хаочжоу* - район в 10 км к северо-востоку от г. Фэнаъян, в северной части провинции.

³⁰⁰ **Пинцзян, Чжэньцзян и Чуньхуа** (а не *Шуньхуа*, как написано в рукописи Г.М. Розова) находились на юге современной провинции Цзянсу: 1) *Пинцзян* - район современного г. Сучжоу (Усянь), в 80 км к западу от г. Шанхай; 2) *Чжэньцзян* - на правом берегу р. Янцзы, в 60 км к востоку от г. Нанкин; 3) *Чуньхуа* - в 20 км к юго-востоку от г. Нанкин.

³⁰¹ **Чжэгао** находился в средней части современной провинции Аньхой, в 30 км к северо-востоку от уездного г. Хэфэй и сравнительно недалеко к западу от г. Нанкин.

³⁰² Города **Личжоу и Биньчжоу** находились на территории, вошедшей позднее в состав современной провинции Шэньси: 1) *Личжоу* - в 80 км к северо-западу от г. Сиань, в районе современного г. Цяньсянь; 2) *Биньчжоу* - в 160 км; современный уездный г. Биньсянь.

³⁰³ Здесь перевод неточен. Речь идет о браках с детьми отчима или мачехи.

³⁰⁴ Слова **"(сунский Шанцзин)"**, взятые в скобки, по-видимому, добавлены Г.М. Розовым для уточнения текста. Однако это ошибка. Здесь не может идти речь о г. Кайфын, бывшем при династии Сун Верхней столицей (Шанцзин) и находившемся на правом берегу р. Хуанхэ, в провинции Хэнань, т.к. совершенно точно указано место ссылки сунских императоров - г. Уго в провинции Гулигань. Город **Уго** находился в нижнем течении р. Сунгари, а провинция **Гулигань** - это район по правому берегу р. Сунгари, от впадения в нее р. Муданьцзян и далее к северу, почти до р. Амур. Здесь, вероятно, была Восточная столица чжурчжэньского государства, развалины которой находятся на р. Муданьцзян, недалеко от оз. Цзиньбуху (известны под именем Дунцзинчэн). От Дунцзинчэна в северо-восточном направлении до города Уго действительно немногим более 500 км (1000 ли) (см. прим. 30, 109).

³⁰⁵ **Великое царство Ци** - второе буферное марионеточное государство, созданное чжурчжэнями в Северном Китае на территориях, захваченных у Сунского государства (первым было *Великое Чу*, см. прим. 259). Главой Ци был объявлен Ли Юй - один из представителей правящей верхушки Сунского государства, занимавший пост начальника г. Цзинань. Когда чжурчжэни обрушились на Северный Китай, Лю Юй в 1129 г. добровольно сдал г. Цзинань. В конце 1130 г. он был поставлен императором Великого Ци. Первоначально столицей этого марионеточного государства был небольшой городок Далин (см. прим. 306), а в 1132 г. она была перенесена в г. Бяньцзин (Кайфын). Великое Ци просуществовало 7 лет и было ликвидировано чжурчжэнями в июле 1137 г.

³⁰⁶ Округ 1-го класса (*фу*; см. прим. 13) **Далинфу** при династии Сун входил в состав провинции Восточная Хэбэй. Центр этого округа находился в г. Далин. Ныне это уезд Далинсянь.

³⁰⁷ Здесь допущена ошибка. В китайском тексте это место изложено так: "Указано лясскими и сунскими чиновниками, [перешедшим на службу] в наше государство, вручить равные по степени мандаты на должность, взамен прежних".

³⁰⁸ Все перечисленные выше населенные пункты находились на территории, которая в настоящее время входит в состав провинций Ганьсу (крайняя восточная часть) и Шэньси (средняя часть, к северу и северо-западу от г. Сиань, непосредственно примыкающая к указанному выше району провинции Ганьсу): 1) **Фупин** - в 75 км к северо-востоку от г. Сиань; 2) **Яочжоу** (современный уезд Яосянь) - в 86 км к северу от г. Сиань; 3) **Фэнсянфу** уже упоминался выше (см. прим. 277); 4) **Цзинчжоу** - в 2 - 3-х км к северу от современного уездного г. Цзинчуань в провинции Ганьсу, в 170 км к северо-западу от г. Сиань, почти на границе провинции Шэньси; 5) **Вэйчжоу** - район современного г. Пинлян в провинции Ганьсу, в 50 км западнее г. Цзинчуань; 6) **Ватин** - в провинции Ганьсу, примерно в 30 км к западу от г. Вэйчжоу (Пинлян); 7) **Юаньчжоу** - в районе современного уездного г. Чжэньюань в провинции Ганьсу, в 35 км к северо-западу от г. Цзинчуань (Цзинчжоу). Область (дао) **Цзинюань** была создана в 1041 г. В ее состав входила северная половина восточной части провинции Ганьсу и некоторые соседние территории современной провинции Шэньси. Административное районирование восточной половины Ганьсу и Шэньси при династии Сун неоднократно менялось. Провинция Цзинюань просуществовала недолго. **Лунчжоу** - современный уездный город в провинции Шэньси, почти на границе с провинцией Ганьсу, в 70 км к западу от г. Фэнсянь. **Сихэ** - местонахождение этого населенного пункта не установлено. **Сичжоу** - ныне это уездный г. Линьтао (Дидао) в провинции Ганьсу, к югу от г. Ланьчжоу, в 200 км к западу от г. Вэйчжоу (Пинлян).

³⁰⁹ **Баймаху** - озеро в провинции Цзянсу, находящееся к западу от уездного г. Баоин.

³¹⁰ Все перечисленные здесь 8 населенных пунктов находились, по современному административному делению, на территории восточной части провинции Цинхай и примыкающей к ней провинции Ганьсу. Эта часть провинции Цинхай (бассейн верхнего течения р. Хуанхэ), восточная часть провинции Ганьсу и юго-восточные районы провинции Шэньси при династии Сун входили в состав провинции Цинфэн. **Гунчжоу** уже упоминался выше (см. прим. 287). **Таочжоу** располагался в 35 км к юго-западу от уездного г. Линтан, в провинции Ганьсу, на р. Таохэ, недалеко от границы с провинцией Цинхай. **Хэчжоу** - современный уезд Линьсясянь к юго-западу от г. Ланьчжоу, на границе с провинцией Цинхай. **Лэчжоу** - современный г. Лэду в провинции Цинхай на р. Си'нинхэ, в 35 км от границы с провинцией Ганьсу. **Си'нинчжоу** - это современный г. Си'нин, главный город провинции Цинхай. **Ланьчжоу** - главный город современной провинции Ганьсу. **Гочжоу** находился в провинции Цинхай, к югу от г. Лэду, на левом берегу р. Хуанхэ. **Цзишичжоу** располагался в той же провинции, к западу от уездного г. Гуйдэ, на р. Хуанхэ.

³¹¹ Города **Цинъян** и **Хуаньчжоу** находились в восточной части современной провинции Ганьсу, на р. Хуаньцзян.

³¹² Местность **Хэшаньюань** находилась к юго-западу от г. Баоцзи, в провинции Шэньси, недалеко от границы с провинцией Ганьсу.

³¹³ Назначение на пост амбань боцзилея означало признание данного лица наследником престола. Первым этот пост занимал **Уцимай** - младший брат Агуды, ставший впоследствии вторым императором чжурчжэньского государства. После восшествия на престол Уцимая, на этот пост был назначен **Сее** - младший брат Уцимая. Сее умер в 1130 г. В течение двух лет при дворе происходила борьба за назначение наследника, которая закончилась компромиссом, и на пост амбань боцзилея был назначен внук Агуды, сын Шэнго (Ваньянь Цзун-цзюнь) - **Ваньянь Дань** (чжурчжэньское имя **Хэла**), которому в это время было около 14 лет. В 1135 г. после смерти Уцимая он занял престол. В истории Хэла известен под именем императора Си-цзуна. Инициаторы этого акта были ближайшей родней первого императора Агуды: Цзун-фу, Ваньянь Си-инь, Вабэнь, Няньмухо. **Цзун-фу** (позднее стал именоваться Цзун-яо - Ваньянь Цзун-яо, чжурчжэньское имя Олидо, храмовое имя Жуй-цзун) - четвертый сын Агуды. **Ваньянь Си-инь** - сын Хуаньду, друга и соратника Хэлибо (Хорибу). Хуаньду в течение 40 лет верой и правдой служил чжурчжэньским вождям Хорибу, Полашу, Инго и Уяшу - предшественникам Агуды. Ваньянь Си-инь (чжурчжэньское имя **Гушэнь**) занимал пост чэнсяна (главный помощник императора). Именно ему было поручено составление чжурчжэньской письменности. Источники сообщают, что он с этой задачей справился успешно. **Вабэнь** (Ваньянь Цзун-гань) - второй сын Агуды. **Няньмухо** (Ваньянь Цзун-хань) - сын Сагая, правнук Угуная (Цзин-цзу; дед Агуды). Иногда в переводе Г.М. Розова он именуется Нимаха.

³¹⁴ **Цзун-пань** - старший сын Уцимая (чжурчжэньское имя **Пулуху**) был назначен на второй по значению пост после амбань боцзилея.

³¹⁵ Это первое упоминание о **левом и правом голунь боцзилеях**. Большинство исследователей считают, что в это время была проведена коренная реформа системы верховного управления страной, в результате которой осталось всего 4 должности боцзилеев, упомянутые в тексте. Изменились также и их функции (кроме амбань боцзилея, который по-прежнему являлся наследником престола). Проведение этой реформы свидетельствует об осуществлении централизации государственного аппарата, так как правый и левый боцзилеи были подчинены голунь хулу боцзилею. При императоре Си-цзуне национальная система организации центрального государственного аппарата была упразднена, а на место боцзилеев пришла заимствованная из Китая система "Трех палат" (см. прим. 318).

³¹⁶ Четыре из пяти населенных пунктов, упоминающихся здесь в связи с военными операциями Салихо, находились на территории, которая сейчас образует южную часть провинции Шэньси. Они располагались вдоль р. Ханьшуй. **Цзиньчжоу** - это современный уездный г. Анькан на берегу р. Ханьшуй, недалеко от границы с провинцией Хубэй. Затем Салихо направился в восточном направлении, к крепости **Шаофэнгуань**, расположенной к югу от р. Ханьшуй, в районе современного уездного г. Сисянь. **Янчжоу** (современный уездный г. Янсянь) и **Синъюаньфу** (современный г. Ханьчжун) находились к западу от г. Шаофэнгуань (примерно в 40 и 90 км соответственно). Далее, преследуя У Цзе в западном направлении, он достиг г. Гучжэнь, который, по современному административному делению, находится уже в провинции Ганьсу, в районе уездного г. Хойсянь. **Гучжэнь** - это застава на водоразделе между системой р. Ханьшуй и р. Аньхэ (бассейн р. Янцзы).

³¹⁷ **Пуча** - одна из семи влиятельных фамилий в чжурчжэньском государстве, с представительницами которых императоры из рода ваньянь вступали в брак. Чжурчжэньская фамилия Пуча происходит от одноименного племени (объединения племен), которое присоединилось к деду Агуды, вождю племени ваньянь - Угунаю (Цзин-цзу).

³¹⁸ Эти назначения свидетельствуют о значительных изменениях, которые претерпел центральный государственный аппарат чжурчжэньского государства. На смену национальной системе боцзилеев пришла

заимствованная из Китая **система "Трех палат"**: 1) *Чжуншуншэн* - государственная канцелярия по планированию государственных дел и подготовке императорских указов; 2) *Мэньсяшэн* - канцелярия императора, в обязанности которой вменялось следующее: проверка указов, подготовленных в Чжуншуншэне; прием докладов на имя императора; внесение изменений в указы, исправление нарушений и т.п.; 3) *Шаншуншэн* - исполнительный орган, центральное правительство, в ведении которого находились шесть традиционных ведомств (министерств). Название Шаншуншэна переводится Г.М. Розовым как "Сенат". **Тайбао** - великий попечитель, один из трех главных советников императора.

³¹⁹ **Чжао Цзи** - фамилия и имя восьмого сунского императора, захваченного в свое время чжурчжэнями.

³²⁰ **Хэшиле** - жена императора Тай-цзу (Агуды). **Тангуа** - жена императора Тай-цзуна (Уцимая).

³²¹ По китайскому обычаю, императорский дом должен был иметь семь храмов предков - один храм посвящался родоначальнику династии, а шесть храмов - ближайшим предшественникам ныне царствующего императора. После смерти очередного императора создавался новый храм в его честь, а храм самого дальнего предка из шести предыдущих упразднялся, и таблички с именем его хозяина переносились в храм родоначальника. Таким образом, всегда оставалось только семь храмов предков. Однако в отдельных случаях храмы наиболее выдающихся предков сохранялись, а таблички из них не убирались.

³²² **"Прежняя столица Шанцзин"** - киданьский город **Линьхуанфу**. Этот город был северной столицей чжурчжэней (Бэйцзин) до 1153 г., когда г. Дадинфу (бывший до этого Средней столицей) стал именоваться "Северной столицей".

³²³ Упомянутая здесь книга была составлена У Цзином при династии Тан. Она называлась **"Чжэнь-гуань чжэнь яо"** ("Важнейшие государственные дела периода правления Чжэнь-гуань" - 627 - 649 гг.). Книга содержит протокольные записи обсуждений государственных дел императором Тай-цзуном (626 - 649) и его сановниками. Она охватывает период правления Чжэнь-гуань, почти совпадающий с временем царствования императора Тай-цзуна.

³²⁴ **Мин-хуан** - десятый император династии Тан, более известный в литературе под храмовым именем **Сюань-цзун** (712 - 756). **Сянь-цзун** - пятнадцатый император династии Тан (805 - 820).

³²⁵ Император Сюань-цзун за время своего царствования трижды менял девиз своего правления: **Сянь-тянь** - 712 г., **Кай-юань** - 713 - 742 гг., **Тянь-бао** - 742 - 756 гг. До воцарения династии Мин в самом Китае и в странах, заимствовавших систему девизов правлений, смена девизов в течение одного царствования допускалась неоднократно. Девиз можно было менять в случае стихийного бедствия, поражения в столкновении с другим народом, при появлении счастливого знамения на небе и по любому другому поводу. Некоторые императоры в Китае меняли девизы правления за время своего царствования до десяти и более раз. Начиная с правления династии Мин (1368 - 1644), этот порядок был упразднен. Было установлено, что в течение одного царствования может быть только один девиз правления. В конце царствования Сюань-цзуна (755 г.) начался грандиозный феодальный мятеж Ань Лу-шаня, поставивший танское государство на край гибели.

³²⁶ **Чэн-ван** (1024 - 1005 гг. до н.э.) - второй царь периода Чжоу (1027 - 247 гг. до н.э.). **Чжоу-гун** - младший брат основателя династии У-вана. Чжоу-гун после смерти У-вана был регентом при малолетнем Чэн-ване. Известен своими победами над противниками царства Чжоу, а также административными мероприятиями, направленными на укрепление его могущества. Даты правления первых чжоуских царей традиционно являются условными.

³²⁷ Выше в тексте летописи седьмой сын Тай-цзу уже упоминался (см. 1137 год), но там он был назван **Элу**, а здесь **Эргуень**. Установить правильное написание чжурчжэньского имени этого принца не удалось.

³²⁸ Десятый сунский император **Гао-цзун** (1127 - 1162) просил выдать ему тело его отца - восьмого императора Хой-цзуна, умершего в четвертом месяце одиннадцатого года эры правления Тянь-хой (1135 г.).

³²⁹ **Вабэнь** - хорошо известный крупный государственный деятель этого периода (см. прим. 192). Неясно, почему он здесь назван **Гамбу**. Он также известен под китайским именем **Цзун-гань** (Ваньянь Цзун-гань).

³³⁰ Биографии этих трех генералов очень любопытны с точки зрения выяснения обстановки, существовавшей в рассматриваемый период на территории Сунского государства и Южной Маньчжурии. **Кун Янь-чжоу** и **Ли Чэн** - северные китайцы (родом из районов, образующих в настоящее время провинцию Хэбэй, южнее Великой китайской стены), находившиеся на государственной службе Сунского государства. **Ван Болун**, по-видимому, был бохайцем из Центральной Маньчжурии и служил киданям. Все они в разное время создали довольно крупные шайки и занимались разбоем (по крайней мере, так характеризуется их деятельность в "Цзинь ши"), а позднее перешли на службу к чжурчжэням. Отряд Ван Болуна в момент перехода на службу к чжурчжэням насчитывал 20 тыс. человек. Кун Янь-чжоу и Ли Чэн занимали высокие посты в государстве Великое Ци.

³³¹ Должен быть округ **Бочжоу**. Иероглифы "бо" и "чжоу" очень близки по написанию и отличаются только тем, что в иероглифе "чжоу" в нижней части на одну горизонтальную черту больше, чем в иероглифе "бо". Округ Бочжоу находился в северо-западном углу, почти на границе с провинцией Хэнань, в 170 км от г. Бяньцзин (ныне уездный г. Босянь). Вместо округа **Гаочжоу** должен быть округ **Сунчжоу**, находившийся в восточной части провинции Хэнань (ныне уездный г. Сунсянь). Здесь имеет место невнимательность переводчика на маньчжурский язык, так как иероглиф "гао" ("высокий") с добавлением ключевого знака "шань" ("гора") читается "сун". Кроме того, округ Гаочжоу находился в районе, тяготеющем к р. Лаохахэ (приток р. Шара-Мурэн - Ляохэ), и никаких боев в этом районе в это время не было.

³³² **Цзун-сянь** (*Ваньянь Цзун-сянь*, чжурчжэньское имя *Алань*) - второй сын Сагая, младший брат Няньмухо (см. прим. 313). Знал киданьский (в том числе и письменный) и китайский языки. Принимал участие в походах Няньмухо, участвовал в разгроме г. Бяньцзин, где собрал большую коллекцию книг, с которой и вернулся в родные края. Источники подчеркивают, что других ценностей он не брал, в отличие от остальных предводителей чжурчжэней. Собирали сведения по истории чжурчжэньского государства.

³³³ Здесь перевод неточен. По китайскому тексту, Шоу-дао был назначен на должность инфэн ханьлинь вэньцзы (вероятно, письмоводитель) - самую низшую должность в академии Ханьлинь. Ее занимали чины седьмого ранга второго класса.

³³⁴ Этот пышный титул можно перевести на русский язык следующим образом: "Император, почитающий Небо, воплощающий в себе справедливость, обладающий высочайшей мудростью в гражданских и военных делах и священной добродетелью".

³³⁵ **Чжао Хуань** - фамилия и имя девятого сунского императора Цинь-цзуна, захваченного чжурчжэнями и уведенного в плен вместе с его отцом - императором Хой-цзуном.

³³⁶ **Цзюнь-ван** и **цзюнь-гун** - феодальные титулы, появившиеся в Китае в IV - III вв. до н.э. Титул "цзюнь ван" иногда переводится как "князь второй степени" или "князь округа", а "цзюнь-гун" - "герцог округа". Лучше эти термины оставлять без перевода, так как еще не проведено полное и всестороннее изучение китайских феодальных титулов.

³³⁷ **"Шу цзин"**, или **"Шан шу"** ("Книга исторических преданий"), - одна из книг "Пятикнижия" конфуцианского канона ("У цзин"). Она охватывает историю Китая за 2 тыс. лет - с древнейших времен до VII в. до н.э. По преданию, эту книгу редактировал сам Конфуций (551 - 479 гг. до н.э.).

"Лунь юй" ("Рассуждения и беседы") входит в "Четверокнижие" ("Сы шу") конфуцианского канона. Она содержит беседы Конфуция с учениками и современниками, а также беседы учеников Конфуция. Точная дата составления книги неизвестна, по-видимому, она была написана на рубеже IV - III вв. до н.э. последователями Конфуция.

"История пяти династий". Имеется два варианта этой династийной хроники: первый вариант, известный сейчас под названием **"Старая хроника Пяти династий"** ("Цзю Удай ши"), составлен комиссией историографов во главе с Се Цзюй-чжэном в 975 г.; новый вариант - **"Исторические записки о периоде Пяти династий"** ("Удай шицзи"), или **"Новая хроника Пяти династий"** ("Синь Удай ши"), - составлен крупным писателем и историографом сунского периода истории Китая Оуян Сю (1007 - 1072). Си-цзун, несомненно, читал первый вариант этой хроники, так как **"Старая хроника..."** была изъята из школ в начале XIII в., а новая была напечатана впервые в годы правления Цин-юань (1195 - 1200).

Значительно сложнее обстоит вопрос с дайляосской историей. Династийная хроника киданьской империи Ляо - **"Ляо ши"** - была составлена значительно позднее, уже при монгольской династии Юань. Сочинение Е Лун-ли **"Цидань го чжи"** ("Описание государства киданей"), составление которого было закончено в 1180 г., не может быть единственным историческим описанием киданьского народа, написанным перед составлением **"Ляо ши"** и сохранившимся до наших дней. Несомненно, должно было существовать еще какое-то сочинение, не дошедшее до нас. Возможно, это было сочинение, написанное придворными историографами чжурчжэньского государства, что подтверждается некоторыми не вполне ясными записями в **"Цзинь ши"**:

³³⁸ **"Во дни сюй и хай"**, то есть в дни, имеющие в своем циклическом обозначении знаки "сюй" и "хай", которые являются одиннадцатым и двенадцатым знаками в двенадцатиричном цикле. Посетить покойного императора направился в день "гэн сюй".

³³⁹ В китайском тексте ("Цзинь ши", гл. 4) также сообщается, что Алу (Цзун-цян) носил титул *князя Ци*. В биографии Алу ("Цзинь ши", гл. 69) сообщается, что через год ему посмертно был присвоен новый титул *князя Вэй*.

³⁴⁰ **Цзяннань** - общее название для территорий, находившихся к югу от р. Янцзыцзян. В узком смысле, это наименование провинции, созданной при династии Сун. В состав ее входила вся территория современной провинции Цзянси, а также части современных провинций Аньхой и Цзяньсу, расположенные к югу от р. Янцзы.

³⁴¹ Река **Хуайхэ** пересекает провинцию Хэнань и Аньхой с запада на восток и впадает в оз. Хунцзэху. До конца существования династии Цзинь она была границей между чжурчжэньским государством и Китаем (Южносунское государство).

³⁴² В "Цзинь ши" сообщается, что посла звали **Лю**.

³⁴³ Мифический зверь, напоминающий корову или барана с одним рогом на голове. Считалось, что он встречается в пустынных пространствах на северо-востоке. По преданию, отличается милосердием, увидя дерущихся - бодает виновного, слыша суждения людей - кусает высказывающего лживые.

³⁴⁴ **Хэшо** - общее название районов к северу от р. Хуанхэ. Иногда под этим термином подразумевается провинция Хэбэй.

³⁴⁵ Из всех перечисленных здесь округов только округ **Пучжоу** упоминается впервые. При династии Сун район округа Пучжоу назывался **Хэчжунфу**. Это район современного уезда Юнцзисянь в южной части провинции Шаньси, между нижним течением р. Фэньшуй (к югу от реки) и р. Хуанхэ.

³⁴⁶ Эти титулы можно перевести следующим образом: *титул Тай-цзу* - "Император, следующий велениям Неба, утвердивший великолепный период, обладающий блестящими добродетелями, утверждающий подвиги, весьма почтительный к родителям, человеколюбивый и разумный, всепремудрый, родник военного могущества"; *титул Тай-цзуна* - "Император, воплощающий в себе небесное начало, следующий велениям Неба, обладающий наследственной добродетелью, совершающий блестящие подвиги, мудроблагодетельный, человеколюбивый и премудрый".

³⁴⁷ **Ванцзе** - имя корейского короля династии Корё, правившего с 1123 по 1146 гг. В отечественной литературе он чаще упоминается под храмовым именем **Инчжон** (кит. Жэнь-цзун). Ему наследовал **Вансянь** - **Ыйчжон** (И-цзун), правивший с 1147 по 1170 гг.

³⁴⁸ **Пинчжан чжэньши** - чиновник, по рангу и своему положению равный министру, но не занимавший определенного поста. Здесь употреблен термин, появившийся при монгольской династии Юань, когда он означал второе лицо после канцлера в кабинете министров (чжуншущэн).

³⁴⁹ В китайском тексте употреблены два термина "**чжоу**" и "**цзюнь**", которые обычно переводятся на русский язык словом "**округ**". Разница между ними состоит лишь в том, что термин "**цзюнь**" чаще употреблялся в древности (например, при династии Хань), а позднее был заменен термином "**чжоу**". Однако эта замена произошла не сразу, несколько раз наблюдался возврат к термину "**цзюнь**", иногда они употреблялись параллельно. Г.М. Розов очень часто "**чжоу**" переводит на русский язык словом "**область**".

³⁵⁰ Округ **Личжоу** находился в верховьях р. Далинхэ, в бывшей провинции Жэхэ.

³⁵¹ Чжурчжэни учредили свою Среднюю столицу в том же самом г. Дадинфу, где была и киданьская Средняя столица (см. прим. 139). В 1153 г. Средняя столица чжурчжэней была перенесена в г. Яньцзин (современный г. Пекин). Судя по контексту, здесь упоминается распределение столиц, появившееся несколько позже описываемых событий. Городок **Лянсян** находился в 35 км к юго-западу от г. Пекин.

³⁵² **Тангуа Бянь**. Тангуа - одно из многочисленных чжурчжэньских племен, с самого начала становления чжурчжэньского государства находившееся в добрых отношениях с племенем ваньянь и поддерживавшее его. Многие жены чжурчжэньских императоров были из этого племени (см. прим. 320). Родо-племенное наименование постепенно превратилось в фамилию: в истории чжурчжэней известно несколько крупных деятелей, носивших ее.

³⁵³ **Далицин** - глава высшего органа (палаты). Он следил за правильным применением уголовных законов.

³⁵⁴ В династийных хрониках и других официальных исторических источниках не указываются собственные имена императриц, жен и наложниц императора. Обычно только сообщается, из какого рода они происходят. Здесь "**нэймань**", "**угулунь**" - названия родов, из которых происходят эти жены (наложницы) Си-цзуна.

³⁵⁵ Это другой **Тэсы**. В китайском тексте для отличия Тэсы, казненного императором Си-цзуном, для второй половины его имени употреблен другой иероглиф.

³⁵⁶ **Цзун-минь** (чжурчжэньское имя **Алу**) - младший сын императора Тай-цзу. **Цзун-сянь** (чжурчжэньское имя **Сайли**) принадлежал к роду ваньянь; потомок в пятом колене Шилу (Чжан-цзу) - прадеда Тай-цзу (Агуды).

³⁵⁷ **Цзо фу дяньцзянь** - левый (старший) заместитель генерал-инспектора, а **ю фу дяньцзянь** - правый (младший) заместитель генерал-инспектора. У чжурчжэней генерал-инспектор (**ду дяньцзянь**) осуществлял контроль за гвардией запретного города. В ведении генерал-инспектора находились левый и правый генералы дворцовой стражи (...**вэй цзянцзюнь**).

³⁵⁸ В китайском тексте стоит "**цзо вэй цзянцзюнь**" (см. прим. 357). Перевод Г.М. Розова неточен.

³⁵⁹ **Гуаннин инь**. Инь - начальник (правитель) округа или уезда. Таким образом, Да Син-го был назначен на должность начальника уезда Гуаннин (см. прим. 196).

³⁶⁰ Этот титул можно перевести следующим образом: "Берущий пример с древних, обладающий великой справедливостью, блестящей ученостью, военными доблестями, явной сыновней почтительностью, премудрый император".

³⁶¹ **Законная жена** - первая жена в условиях, когда существует многоженство.

³⁶² **Дун-хунь** - помраченный умом (на Востоке).

³⁶³ В биографии **Сяо Юя**, помещенной в "Цзинь ши", сообщается, что он происходил из народа си (кумоси) (см. прим. 156). Необходимо обратить внимание: здесь участвуют два Сяо Юя, у которых разные имена (имя **Юй** написано разными иероглифами), что в русской транскрипции нельзя отразить без искажения.

³⁶⁴ **Табуе** был родом из южной Маньчжурии. Его предки находились на службе у киданей и, по-видимому, были бохайцами (т.е. южными чжурчжэнями). Когда чжурчжэни освободили южную Маньчжурию от киданьской оккупации, многие представители бохайцев перешли на службу к Агуде, в том числе и Табуе.

³⁶⁵ **Юйши дафу**. В настоящее время этот административный термин переводят как "главный цензор" в **Палате цензоров** - высшем контрольно-ревизорном органе. В обязанности Палаты цензоров входило осуществление контроля над деятельностью всего чрезвычайно разветвленного бюрократического аппарата.

³⁶⁶ В дуалистической концепции древних китайцев две противоположные силы "**инь**" и "**ян**" - темное и светлое, женское и мужское начала. Они не являются антагонистическими силами, а гармонически сливаются, что становится началом расцвета всего сущего. Пять стихий (пять первоэлементов) - земля, вода, огонь, металл, дерево. При определении, например, времени и места строительства дворца должны быть учтены взаимоотношения сил "инь" и "ян", пяти первоэлементов, положения звезд, планет, сезонов года и многие другие обстоятельства. Всем этим занималась в Китае **геомантика**. Геомантика (фэн-шуй) всегда имела в Китае громадное значение. Начала этой "науки" были положены в эпоху Чжоу (1027 - 247 гг. до н.э.), значение ее сохранялось до конца правления в Китае маньчжурской династии Цин. Это было тщательно разработанное учение о том, где, когда и кому надлежит строить дворцы, дома, храмы, усыпальницы или часовни. Ритуал гадания, совершавшегося при этом, также был детально разработан, и решение геоманта было окончательным. Геомантика была монополизирована даосской церковью, а геоманты-даосы играли огромную роль в жизни страны почти до наших дней.

³⁶⁷ **Цзе** - последний правитель легендарной династии Ся (2205 - 1766 гг. до н.э.), отличался жестокостью, развратом и пьянством. **Чжоу** - последний правитель эпохи Шан - Инь (1766 - 1027 гг. до н.э.). **Яо и Шунь** - легендарные правители древнего Китая, возвеличенные в творениях Конфуция и Мэнцзы. Они постоянно упоминаются в древних сочинениях как образец идеальных правителей, равных которым по мудрости и добродетели не было. Вместе с Юем они образуют трио правителей так называемого "Золотого века Китая". Точных дат правления Яо и Шуня нет. В традиционной китайской историографии сообщается, что Яо правил с 2356 по 2255 гг. до н.э., а Шунь - с 2255 по 2205 гг. до н.э. (см. прим. 257).

³⁶⁸ **Фубао чжихоу** - так в начале второй половины XII в. в чжурчжэньском государстве назывались должностные лица, в обязанности которых входило заведывание императорской печатью. Позднее (примерно в 1175 г.) стали употреблять термин **фубао лан**, принятый в Китае при династиях Тан и Сун. В маньчжурском тексте допущена ошибка: предпоследний иероглиф прочитан неправильно, как "ди".

³⁶⁹ Здесь допущена ошибка. Улу был чжифу - начальником округа 1-го класса (префектуры) в г. Цзи'нань (Цзи'наньфу), а не в Чжинаньфу, как указано ниже. Сейчас Цзи'нань является главным городом провинции Шаньдун.

³⁷⁰ **Дун'юэ (Дун'юй)** - одно из названий священных гор Тайшань, находящихся в средней части провинции Шаньдун, в двух - трех километрах к северу от г. Тайань (в 65 км к югу от главного города провинции - Цзи'нань).

³⁷¹ **Шанцзин** - Верхняя столица (см. прим. 191), поэтому примечание Г.М. Розова, что это "Средняя столица", ошибочно. Аналогичная ошибка сделана и ниже, где после слов "Средняя столица" в скобках добавлено "Шанцзин". Эти примечания, по-видимому, сделаны на основании китайского текста, в котором говорится, что "император во втором месяце отправился из Средней столицы (Чжунцзин) в Яньцзин". Таким образом, имеется некоторое несоответствие между маньчжурским и китайским текстами. Это несоответствие может быть устранено, если мы допустим, что юридической столицей государства в это время был г. Шанцзин - родина чжурчжэньской династии, а резиденция императора находилась в г. Чжунцзин (Дадинфу), расположенном значительно ближе к Северному Китаю. Здесь велась ожесточенная борьба за территории. По этой причине составители маньчжурского текста и внесли исправление, а Г.М. Розов попытался согласовать его с китайским текстом.

³⁷² Даосская религия в Китае впитала в себя различные народные верования, культы и суеверия, в том числе и веру в то, что весь окружающий мир населен духами: каждый предмет или явление управляются соответствующим духом (божеством). Поэтому в Китае прежде можно было встретить большое количество **кумирень** (от небольших, до 1 м высотой, придорожных кумирень с несколькими табличками, на которых написаны имена богов, до великих храмов), посвященных божествам рек, озер, гор и лесов, насекомым, оборотням и т.п. Моноументальные изваяния богов в больших храмах часто были сделаны из дерева и

соломы. С помощью глины изваянию придавалась окончательная форма, по ней же производилась раскраска. Название кумирни "*Линин*" означает "Чудесное знамение".

³⁷³ **Юйши чжунчэн** - заместитель главного цензора (*юйши дафу*, см. прим. 365). Г.М. Розов оба эти термина везде переводит одинаково - "*прокурор*". Это неточно, так как круг обязанностей китайского цензората был значительно шире, чем у европейской прокуратуры. Необходимо отметить, что китайская административная терминология была несравненно богаче маньчжурской, поэтому в маньчжурском тексте или употребляется китайский термин, или дается перевод, который только в самых общих чертах передает содержание китайского термина. Так, в данном тексте начальник округа назван "*главнокомандующим*", а помощник начальника округа по военным делам ("*тунчжи чжоу цзюньши*") назван "*дивизионным командиром*". Вследствие недостаточной изученности китайских административных терминов в России во времена Г.М. Розова, его перевод подобных терминов на русский язык носит приблизительный характер.

³⁷⁴ При чжурчжэнях округ **Бочжоу** входил в состав провинции Западная Шаньдун. Сейчас это район г. Ляочэн, находящегося в 100 км к востоку от г. Цзи'нань, на границе с провинцией Хэбэй.

³⁷⁵ **Шалюхэ** - небольшая река в провинции Хэбэй, пересекающая с севера на юг дорогу из Пекина в Южную Маньчжурию, примерно в 20 км к востоку от г. Юйтянь. Река Шалюхэ впадает в р. Цзюньхэ.

³⁷⁶ "**И цзин**" ("*Книга перемен*") - древнейший памятник китайской классической литературы. По мнению Ю.К. Шуцкого, основная часть этого памятника была создана в VIII - VII вв. до н.э. В 1960 г. была издана замечательная работа Ю.К. Шуцкого "Китайская классическая Книга перемен" [М., 1960, 424 с.], содержащая перевод и комментарии.

³⁷⁷ **Дафаншань** - горы, находящиеся примерно в 60 км к западу от г. Пекин (в северо-западной части уезда Фаншань). Здесь находится несколько усыпальниц чжурчжэньских императоров и очень много старых храмов.

³⁷⁸ **Цзяньи дафу** - советник, увещевавший императора. Эти советники обязаны были покорнейше просить императора об исправлении им его неправильных действий и распоряжений. Эта должность в Китае впервые была учреждена при династии Цинь (264 - 207 гг. до н.э.) и упразднена при династии Мин (1368 - 1644).

³⁷⁹ Г.М. Розов совершенно правильно отметил несоответствие маньчжурского текста китайскому и указал на ошибку в китайском тексте. В китайском тексте написано: "Если даже родители престарелые, а призывников много, то также нельзя оставлять для ухода". Фраза нелогична, поэтому исправление, предложенное Розовым, вполне закономерно. После внесения исправления фраза будет выглядеть так: "*Если даже родители престарелые и имеют одного призывника, то также нельзя оставлять для ухода*". Таким образом, этим постановлением была нарушена основная заповедь конфуцианства - "*сяо*" (сыновья почтительность). Согласно этой заповеди, человек не должен был останавливаться ни перед чем в своем стремлении услужить родителям. Любые помехи на этом пути, в том числе и взятие единственного сына в солдаты, считалось аморальным, а правитель, допускающий такие помехи, - несправедливым правителем.

³⁸⁰ **Места Цзян-Хуайские** - места в междуречьи Янцзыцзяна (сокращенно "Цзян") и Хуайхэ. **Башу** - одно из названий современной провинции Сычуань. Это название происходит от существовавших в древности округов **Бацзюнь** (район современного г. Чунцин) и **Шуцзюнь** (район современного г. Чэнду).

³⁸¹ **Цзян-ху** (реки и озера) - сокращение образного выражения "*Сань цзян, у ху*" ("*Три реки, пять озер*"). Это выражение свидетельствует о наличии большого количества рек и озер. Оно послужило названием для района среднего и нижнего течения р. Янцзы, а также междуречья Хуайхэ и Янцзы до морского побережья, изобилующего многочисленными водными преградами.

³⁸² **Чжэньжун** и **Дэшэнь** - это не "*селения*", а довольно крупные территориальные военно-административные единицы "*цзюнь*" (войско, армия). Этот термин на русский язык для древнего и средневекового периода часто переводится как "*воеводство*". Здесь следовало бы написать "*в воеводствах Чжэньжун и Дэшэнь*". Оба эти воеводства находились на территории, которая сейчас образует восточную часть провинции Ганьсу: Чжэньжун - в районе современного уезда Гуюань; Дэшэнь - к востоку от современного уездного г. Цзиннин. Необходимо также отметить, что здесь приведено сунское административное деление. При чжурчжэнях "цзюнь" (воеводство), было реорганизовано в "чжоу" (округ) - Дэшэньчжоу.

³⁸³ Уезд **Дунхайсянь** находился в северо-восточном углу современной провинции Цзянсу, к северу от уездного г. Гуаньюнь. На отечественных картах называется г. Синьхайлянь.

³⁸⁴ **Хуайнань** - район к югу от р. Хуайхэ. Река Хуайхэ на протяжении многих лет была границей между чжурчжэньским государством и южносунским. Таким образом, Ваньянь Лян собирался охотиться на территории китайского государства.

³⁸⁵ Округ **Аньсу** (*Аньсучжоу*) находился в районе современного уездного г. Сюйшуй в провинции Хэбэй, примерно в 100 км к югу от г. Пекин.

³⁸⁶ Здесь допущена неточность. Ваньянь Лян прибыл в округ 1-го класса Хэнаньфу, управление которого находилось в г. Лоян.

³⁸⁷ **Пуса Ши-гун** - командир императорских телохранителей. Этот человек принимал участие в заговоре Ваньянь Ляна и в убийстве императора Ши-цзуна. Выше он был назван *Пуса Хуту*. В данном тексте чжурчжэньское имя *Хуту* заменено на китайское *Ши-гун*. Чжурчжэньское племя *пуса* (в кит. текстах "пусань"), по-видимому, жило между хребтом Туманским и побережьем Японского моря, на северо-востоке современной КНДР.

³⁸⁸ Река **Луницзюйхэ** - один из притоков р. Шара-Мурэн; стекает с отрогов Большого Хингана и течет в юго-восточном направлении.

³⁸⁹ **Фу Цзянь** (338 - 385) - царь государства Раннее Цинь (351 - 394), основанного на территории Северного Китая тибетским племенем *ди*. В 382 г. Фу Цзянь предпринял большой поход на юг Китая, где в это время правила национальная династия Восточная Цзинь. Поход закончился полным разгромом войск Фу Цзяня. Под властью династии Цзинь (265 - 519) первоначально объединился весь Китай, однако под натиском сюнну к 316 г. династия Цзинь потеряла северную половину Китая и обосновалась к югу от р. Янцзы. С этого времени она стала именоваться *Восточная Цзинь*.

³⁹⁰ **Чжэнцзя** - сын Удубу. Удуба был самым младшим сыном Хэлибо. Следовательно, Чжэнцзя был племянником первых двух чжурчжэньских императоров - Агуды и Уцимая. Флот Су Бао-хэна и Чжэнцзя был сожжен китайцами, а сам Чжэнцзя утонул.

³⁹¹ **Линьянь** - современный город и порт Ханчжоу в провинции Чжэцзян.

³⁹² **Саньгуань** (*Дасаньгуань*) - застава и крепость на важнейшей дороге, соединяющей провинции Шэньси и Сычуань. Крепость находилась в западной части провинции Шэньси, в 26 км к юго-западу от уездного г. Баоцзи. Сейчас по этому пути проходит железная дорога из Баоцзи в Чэнду.

³⁹³ **Хуайинь** - современный г. Цинцзян в северной части провинции Цзянсу.

³⁹⁴ Здесь не округ *Тайчжоу* (см. прим. 117), а округ *Тайиньчжоу*, учрежденный чжурчжэнями на территории провинции Шаньдун. Это район современного уездного г. Тайань, находящегося в 65 км к югу от г. Цзи'нань.

³⁹⁵ **Ляокоу** - не имя собственное. Здесь слова "*Ляо коу*", и их надо перевести на русский язык как "*устье реки Ляохэ*".

³⁹⁶ **Губерния Пусу**. В ведении этой области чжурчжэньского государства, созданной в 1153 - 1155 гг. и подчинявшейся Восточной столице, находились довольно значительные территории вдоль правого берега р. Ялуцзян в ее нижнем течении.

³⁹⁷ "*Белая рыба запрыгивает в лодку князя*". Существует легенда, согласно которой во время решительного похода У-вана (царь царства Чжоу с 1127 по 1025 гг. до н.э.) на царство Инь, при переправе через реку в лодку князя запрыгнула большая белая рыба. Это было расценено как доброе предзнаменование, предвещающее победу и гибель царства Инь, так как белый цвет - цвет царства Инь. Рыбу принесли в жертву.

³⁹⁸ Локализация **Синьянцзюнь** (воеводство *Синьян*) и **Цзянчжоу** (округ) не вызывает затруднений: *Синьянцзюнь* - территория современного уезда Синьян на юге провинции Хэнань, к югу от р. Хуайхэ; *Цзянчжоу* также находился в этом районе, в 80 км к востоку от Синьянцзюнь, вблизи небольшого современного городка Гуаншань. Округ Цзянчжоу носил такое название в течение непродолжительного отрезка времени, значительно чаще в источниках он именуется *Гуанчжоу*. Что касается воеводства **Тунхуа** (*Тунхуацзюнь*), то в доступной справочной литературе его обнаружить не удалось. Воеводство Тунхуа должно было также находиться в этом районе, недалеко от указанных выше двух пунктов. Это подтверждается контекстом.

³⁹⁹ **Сюйи** - уездный город, сохранивший свое название до наших дней. Находится он в северной части провинции Аньхой, недалеко от ее границы с провинцией Цзянсу.

⁴⁰⁰ **Чаосянь** - уездный город, сохранивший свое название до наших дней. Он находился в средней части провинции Аньхой. К востоку от него на берегу р. Янцзы, всего в шестидесяти километрах, располагается округ Хэчжоу. В китайском тексте говорится, что после взятия г. Чаосянь войска Юань-и подошли к Хэчжоу, в районе которого и произошли описанные ниже события. Что касается крепости **Дуаньчжай** и города **Вэйцзыцзяо**, то их локализовать не удалось.

⁴⁰¹ Населенные пункты **Дэшуньчжоу** и **Цзиньчжоу** находились в восточной части современной провинции Ганьсу: *Дэшуньчжоу* упоминался выше (см. прим. 382); *Цзиньчжоу* - в юго-восточной части провинции, в районе современного уезда Тяньшуй, недалеко от границы с провинцией Шэньси. Можно предполагать, что **Лацзячэн** также находился где-то в этом районе.

⁴⁰² **Ши-цзун** (*Ваньянь Юн*, чжурчжэньское имя *Улу*) - пятый император чжурчжэньского государства Цзинь, правивший с 1161 по 1189 гг.

⁴⁰³ **Гуачжоу** - небольшой городок в провинции Цзянсу, на левом берегу р. Янцзы, в том месте, где Великий канал подходит к реке. На противоположном берегу Янцзы находится крупный г. Чжэнцзян.

⁴⁰⁴ **Ляодун** - территория, находящаяся к востоку от р. Ляохэ. Так, начиная со времен династии Цинь (246 - 207 гг. до н.э.), в китайских источниках называли Южную Маньчжурию. В китайском тексте вместо

"Ляоян" употреблено название "Ляоянцзюнь" (воеводство Ляоян), которое дает возможность более точно локализовать происходившие события. Это район современного г. Ляоян, в котором располагалась Восточная столица чжурчженей.

⁴⁰⁵ **Ду чжихойши** - старший командир войск, охранявших императорский дворец. В его ведении также находилось и обучение резервных войск. В китайском тексте указана должность "сяоци фу-ду чжихойши" - "заместитель командира доблестных кавалеристов". "Доблестные кавалеристы" - это одна из гвардейских частей, охранявших императорский дворец.

⁴⁰⁶ Река **Дунлянхэ** сейчас называется **Гайцзыхэ** и является левым притоком р. Ляохэ.

⁴⁰⁷ Здесь существенное расхождение с китайским текстом. По китайскому тексту, Ваньянь Моу-янь был назначен правым (младшим) заместителем маршала - "ю фу юаньшуй", Гао Чжун-цзянь - маршалом, а Лувань Цзяну - правым генерал-инспектором ("ю цзяньцзюнь").

⁴⁰⁸ Область **Хулигай** чжурчженского государства располагалась вдоль правого берега р. Сунгари, к востоку и северо-востоку от долины р. Маихэ. На западе область Хулигай граничила с областью Хойнинфу (см. прим. 191). Область **Супинь** (**Сюэпинь**) охватывала южную часть Приморья и ряд районов в соседней Восточной Маньчжурии. Обе эти области находились в подчинении Верхней столицы (г. Шанцзин).

⁴⁰⁹ Выше в тексте летописи выражение "**шэн сяо**" было переведено Г.М. Розовым как "*совершенный и сынопочтительный*", что значительно ближе к подлинному его смыслу.

⁴¹⁰ "**Сяо цзин**" ("*Книга о сяо*") - одна из книг конфуцианского канона. Она содержит запись бесед Конфуция с его учеником Цэн Цань о сыновней почтительности. По преданию, эти беседы были записаны другим учеником Конфуция, имя которого не сохранилось.

⁴¹¹ **Хоуцзи** (князь - просо) - мифический родоначальник чжоуского правящего дома. В легендах чжоусцев он представляется прямым потомком верховного божества Шанди.

⁴¹² **Династия Хань** правила в Китае с 206 г. до н.э. по 220 г. н.э., **династия Вэй** - с 386 по 535 гг. Здесь, возможно, имеется в виду династия Северная Вэй, а не царство Вэй периода Троецарствия (220 - 264). **Династия Цзинь** правила с 265 по 420 гг.

⁴¹³ **Гао-цзу** - первый император династии Тан (618 - 907); царствовал с 618 по 624 гг. **Гао-цзун** - третий император династии Тан; царствовал с 649 по 683 гг.

⁴¹⁴ **Тай-цзу** - первый император династии Сун (960 - 1279); правил с 960 по 976 гг. **Тай-цзун** - второй император династии Сун; правил с 976 по 997 гг. **Чжэнь-цзун** - третий император династии Сун; правил с 997 по 1022 гг. **Жэнь-цзун** - четвертый император династии Сун; правил с 1022 по 1063 гг.

⁴¹⁵ В китайском тексте стоит "**дяньцзяньсы**" - ревизионно-контрольный орган в системе дворцового управления, ведавший дворцовой стражей и императорской свитой. Перевод Г.М. Розова ("полиция") очень приближителен.

⁴¹⁶ **Ланчжун** - начальник отдела, иногда старший секретарь. У Г.М. Розова перевод неточен. Эта должность по своему значению была значительно ниже "*заместителя*".

⁴¹⁷ Уездный город **Шоуянсянь** находился в 35 км к юго-западу от г. Лоян, в провинции Хэнань. Сейчас он называется **Иян**.

⁴¹⁸ Пункты **Шихао**, **Шаньчжоу**, **Тунгуань**, **Тухаошань**, **Доумэньчэн**, **Тухуа** и **Гочжоу** находились в северо-западной части провинции Хэнань, сравнительно недалеко от границ провинций Шаньси и Шэньси. **Шаньчжоу** - город в 140 км к западу от г. Лоян, на границе с провинцией Шаньси (ныне это уездный г. Шаньянь). **Шихао** - город в 35 км к юго-западу от г. Шаньчжоу. **Тунгуань** - очень важный стратегический пункт на берегу р. Хуанхэ, на стыке границ провинций Шаньси, Шэньси и Хэнань. **Тухаошань** - название горы, находящейся примерно в 35 - 40 км к востоку от г. Шаньчжоу. **Доумэньчэн** локализовать не удалось, т.к. есть несколько городов с таким названием, но в других районах Китая (главным образом, на юге) и слишком далеко от того места, где происходили описываемые события. Возможно, здесь ошибка, и должен быть "город Доучэн" (в тексте лишний иероглиф "мэнь"), находившийся к востоку от этого района, в 50-ти км к юго-востоку от г. Чжэнчжоу. **Тухуа** не удалось локализовать. **Гочжоу** упоминался выше (см. прим. 262).

⁴¹⁹ Перечисленные здесь 9 пунктов должны были находиться в юго-западном углу провинции Шэньси. Некоторые из них в комментариях уже упоминались - **Хуачжоу** (см. прим. 281), **Саньгуань** (см. прим. 392), **Хэшанюань** (см. прим. 312) и **Хэчжоу** (см. прим. 310). Уездный город **Баоцзисянь** сохранил свое название до наших дней. Он расположен в 150 км к западу от г. Сиань, в 35 км от границы с провинцией Ганьсу. Горы **Дачунлин** находятся к северо-востоку от г. Баоцзисянь и являются границей с уездом Фэнсян. Озеро **Юйнюйтань** находится к юго-западу от уездного города Баоцзисянь. Здесь в период Пяти династий сычуанский полководец разбил войска династии Поздняя Хань. В этом же районе, но к северу от г. Баоцзисянь находится еще одно озеро Юйнюйтань. Что касается пунктов **Шэньчакоу**, **Гучжэнь** и **Шибичжай**, то они также должны были находиться в этом районе.

⁴²⁰ **Хумаюй** - внук Вачжэ. Вачжэ был единокровным братом Агуды: его мать происходила из чжурчженского рода Тушань. В китайском тексте он упомянут под китайским именем **Чжан**.

⁴²¹ **Сулугай.** В некоторых других текстах "Цзинь ши" он именуется *Хусулугай*, что надо признать более правильным написанием. Полностью этот предводитель должен именоваться *Чичжань Хусулугай*, где чжурчжэньское родоплеменное наименование "чичжай" превратилось в фамилию. Представители этой фамилии известны на службе киданьской империи Ляо, чжурчжэньского государства Цзинь и монгольской династии Юань.

⁴²² **Ли Жэнь-сяо** - один из самых деятельных и просвещенных правителей тангутского государства Ся. Он правил страной с 1139 по 1193 гг. Хотя во время правления этого государя и происходили народные волнения и мятежи, однако его царствование считается периодом наибольшего расцвета государства Ся.

⁴²³ Здесь, по-видимому, один тысяцкий - *Ила Шалила*.

⁴²⁴ Установить местонахождение **Сяньцюаня** не удалось. В "Цзинь ши" имеется много сообщений о борьбе с мятежником **Ова** (в китайской транскрипции *Вова*). Ниже указано, что его фамилия была Сяо - *Сяо Вова*. Первоначально с ним вел борьбу Ваньянь Моу-янь, потом он был отстранен, а ликвидация отрядов Ова была поручена Пусань Чжун-и. В тот момент Ова контролировал территорию уездов Линшань, Тучан и Хойхэ. По современному административному делению, эти уезды, существовавшие как при киданях, так и при чжурчжэнях, находится на стыке провинции Ляонин и автономного района Внутренней Монголии, в верховьях рек Далинхэ и Лаохахэ. После того, как Ова потерпел поражение, он бежал на запад к народу си (кумоси), кочевавшему в это время в бассейне верхнего течения р. Шара-Мурэн.

⁴²⁵ **Гао-цзун** - десятый император династии Сун (Южная Сун); правил с 1127 по 1162 гг. **Сяо-цзун** - одиннадцатый император династии Сун; правил с 1162 по 1189 гг. Его гражданское имя *Чжао Шэнь* (а не *Цзи*, как указано у Г.М. Розова). **Си-цзун** был потомком Чжао Дэ-фана (сын первого императора династии Сун Тай-цзу) и приемным сыном императора Гао-цзуна.

⁴²⁶ **Чжаньи.** В провинции Ганьсу известны два укрепленных пункта (небольшая крепость - "бао") с этим названием: 1) в 30 км к юго-западу от современного уездного г. Гуянь; 2) в 60 км к юго-востоку от современного уездного г. Увэй. Здесь, по-видимому, имеется в виду первый укрепленный пункт, так как он находился значительно ближе к району, где действовала армия У Линя.

⁴²⁷ **Тайвэй** - главный воевода, один из трех гунов (*сань гун*) - высших сановников империи. Термин "тайвэй" известен со времени династии Цинь. Позднее он был переименован в *дасыма*, а при династии Поздняя Хань вновь восстановлен. Чжурчжэни заимствовали ханьскую систему: у них тайвэй был старшим из числа "трех гунов". Кроме того, имелись *сыту* и *сыкун*. Сыту ведал народом (нравы, обычаи, просвящение и т.п.), а сыкун - общественными работами. Все эти три лица не занимали каких-либо административных постов и находились при императоре, фактически являясь его советниками (консультантами).

⁴²⁸ Здесь перевод очень приблизителен. В "Цзинь ши" употреблен термин "*дутун фу*" - управление дутуна. **Дутун** - командующий войсками крупной административной единицы.

⁴²⁹ В китайском тексте написано "*командующий войсками (дутун) провинции Хэнань*". Здесь название народа *си* превратилось в фамилию. В истории киданей и чжурчжэней известно несколько деятелей, носивших эту фамилию.

⁴³⁰ **Сучжоу** - ныне это уездный город, находящийся в северной части провинции Аньхой, недалеко от стыка границ провинций Хэнань, Цзянсу и Аньхой.

⁴³¹ "**Гора севера**" (*Бэйюэ* или *Хэншань*). В Китае особым уважением пользовались 5 священных гор, каждая из которых имела свое собственное название, но чаще в текстах, когда шла речь о жертвоприношениях, они обозначались по сторонам света: северные, южные, восточные, западные и центральные. **Северные горы** (Хэншань) являются одним из хребтов горной системы Иньшань. Они располагаются в северной части провинции Шаньси и простираются от гор Цзюйчжушань на восток и северо-восток, вдоль р. Санганьхэ. Отроги их проникают и в провинцию Хэбэй. Конечно, почиталась не вся эта система, а одна гора. В древности такой горой была одна из наиболее высоких гор в этой системе, находящаяся в современной провинции Хэбэй, в 70 км к востоку от уездного г. Цзюйян, на границе с провинцией Шаньси. При династии Мин было объявлено, что чтимой горой является вершина, находящаяся в провинции Шаньси, в 10 км к югу от уездного г. Хуньюань.

⁴³² Губерния (область) **Ичжоу**. В китайском тексте также говорится об *Ичжоу лу* (область). Составители, по-видимому, допустили ошибку, так как для чжурчжэньского времени такая область (лу) не зарегистрирована. Область Ичжоу лу была создана монголами после завоевания ими Маньчжурии.

⁴³³ **Цзичжоу** - один из шестнадцати округов, уступленный в период "Пяти династий" киданям. Сейчас это уезд *Цзисянь* в 90 км к востоку от г. Пекин.

⁴³⁴ **Чучжоу** - современный уездный г. Хуайань, находящийся в провинции Цзянсу, в 150 км к северу от р. Янцзы, на Великом канале.

⁴³⁵ **Шанчжоу** - ныне это уездный г. Шансянь, расположенный примерно в 100 км к юго-востоку от г. Сиань.

⁴³⁶ **200 тысяч концов** = *кусков, штук* (материи). Одна штука материи в Китае в описываемое время содержала 4 чжана (1 чжан был чуть больше 3 м). Таким образом, ежегодно Китай должен был поставлять

в качестве дани 2 млн. 500 тыс. м шелковых тканей. Что касается серебра, то если 1 лян для драгоценных металлов равен 36 граммам (как было в конце XIX в.), то получим более семи тонн. В китайском тексте пропущено сообщение о выплате дани серебром.

⁴³⁷ По сообщению китайской фармакологии, **гриб чжи** вырастает на сухих деревьях и может иметь шесть оттенков - белый, желтый, розовый, красный, синий и черный. Считалось, если этот гриб принять внутрь, то человек становится мудрым, поэтому гриб и называется "*Лин чжи*" - "чудесный чжи". Существует легенда, что этот шестцветный гриб появляется тогда, когда государь чтит стариков и не меняет заветов старины. Гриб "чжи" - трутовик из семейства *Fomes*.

⁴³⁸ **Личжоу** - это округ, находившийся в центральной части современной провинции Хэбэй, в 50 км к югу от г. Баодин. Выше уже упоминался округ *Личжоу* (см. прим. 302), располагавшийся на территории провинции Шэньси. Это разные округа, и в китайском тексте названия их пишутся разными иероглифами.

⁴³⁹ Округ **Чжаочжоу** находился в Центральной Маньчжурии, в районе современной железнодорожной станции Таолайчжао на линии Харбин - Чанчунь, недалеко от пересечения железной дорогой р. Сунгари.

⁴⁴⁰ **Сяо-вэнь** - четвертый император династии Хань; царствовал с 180 по 157 гг. до н.э.

⁴⁴¹ **Династия Лян** (502 - 557) относится к эпохе "Южных и северных династий" (375 - 583), которая правила на юге Китая. Император У-ди был ее основателем и царствовал в течение 48 лет - с 502 по 550 гг.

⁴⁴² Город **Чжочжоу** находился в 60 км к юго-западу от г. Пекин, в районе современного уезда Чжосянь. Горы **Дафаншань**, в отрогах которых были сооружены усыпальницы чжурчжэньских императоров, были сравнительно недалеко к северо-западу от г. Чжочжоу.

⁴⁴³ **Аньхуацзюнь** - воеводство (цзюнь) Аньхуа. По-видимому, оно находилось в южной части провинции Шэньси.

⁴⁴⁴ **Цаньчжи чжэньши** - советник, помогающий министрам в управлении государством. Эта должность впервые была создана при династии Сун, существовала у киданей и чжурчжэней, а также при монгольской династии Юань.

⁴⁴⁵ **Старший чиновник чэн** - "*цзо чэн*", левый (старший) помощник левого (старшего) заместителя главы шаншушэна (см. прим. 318). В ведении цзо чэна находились три важнейших департамента (министерства) - чинов, финансов и церемоний.

⁴⁴⁶ **Жэнь Дэ-цзин** - китаец из г. Сиань. В 1136 г. он подарил государю Западного Ся Цянь-шуню свою молодую дочь, ставшую императрицей. В 1150 г. он встал во главе всей гражданской администрации тангутского государства Ся. Такое стремительное возвышение было достигнуто им не только при содействии дочери, но и благодаря незаурядным административным способностям. Постепенно ему удалось объединить вокруг себя самые разнообразные группировки и течения внутри тангутского государства, выступавшие против тангутского правящего дома. Силы, объединившиеся вокруг Жэнь Дэ-цзина, были настолько велики, что тангутский государь Жэнь-сяо вынужден был согласиться на раздел государства. В пятом дополнительном месяце (16 июня - 15 июля) 1170 г. Жэнь Дэ-цзин объявил о создании своего государства Чу с центром в г. Линчжоу (юго-восточная часть тангутского государства). Линчжоу - современный г. Линьцзу, находящийся на правом берегу р. Хуанхэ в Нинся-хуэйском автономном районе. Здесь упоминается о попытке Жэнь Дэ-цзина заручиться поддержкой чжурчжэней, или хотя бы добиться их нейтралитета. Резко отрицательная реакция чжурчжэньского императора Ши-цзуна (Улу), боявшегося усиления влияния китайцев в этом районе, а также разоблачение и предание гласности тайных переговоров Жэнь Дэ-цзина с южно-сунским государством, ускорили крушение этого заговора против единства тангутского государства. В конце 1170 г. Жэнь Дэ-цзин был обезглавлен.

⁴⁴⁷ Округ **Бачжоу** (ныне уезд *Басянь*) находился примерно в 80 км южнее г. Пекин.

⁴⁴⁸ Уездный город **Гуансянь** сохранил свое название до наших дней. Он находится примерно в 40 км к югу от г. Пекин, а при чжурчжэнях входил в состав округа Чжочжоу (см. прим. 442).

⁴⁴⁹ **Сыхоу** (дословно - "ведающий временами года") - чиновник, в обязанности которого входило наблюдение за состоянием погоды и сменой сезонов, обслуживание культа духа (божества) ветра - *Нюйи*. В некоторых древних сочинениях сообщается, что это божество ведало развитием всего сущего.

⁴⁵⁰ **Шэ-цзи** - культ Шэ. Наряду с культом Неба, в древнем и средневековом Китае очень большое значение имел культ Земли (*Шэ*). В отличие от культа Неба, отправление обрядов которого было важнейшей прерогативой самого императора, культ Земли постепенно принял характер территориального культа и имел всеобщее значение. Божество Земли одновременно являлось хранителем территории и покровителем урожая. Торжественные церемонии жертвоприношения божеству Шэ совершались повсеместно дважды - весной, перед началом сельскохозяйственных работ, и осенью, после сбора урожая. Для этой цели около населенного пункта на небольшом холме сооружался квадратный алтарь, в центре которого устанавливалась деревянная или каменная табличка (стела), на которой было начертано имя божества.

⁴⁵¹ Воеводство **Фэньян** в справочниках не зарегистрировано. Оно должно было находиться в районе р. Фэньшуй, в современной провинции Шаньси. Возможно, это район современного г. Фэньян, находящегося в 110 км к юго-западу от г. Тайюань.

⁴⁵² **Шаюань** - район в провинции Шэньси, славившейся скотоводством. Находился он к югу от современного г. Дали (Тунчжоу) (см. прим. 283). Эта сравнительно небольшая территория (40 км с востока на запад и 15 км с севера на юг) покрыта песком и непригодна для занятия земледелием, поэтому население здесь разводит скот (в том числе, баранов).

⁴⁵³ **Ли Цзи** - крупный государственный и военный деятель танской эпохи, известный своими победами над тюрками и тардушами (сеяньто). При императоре Гао-цзуне занимал пост левого *пушэ* (см. прим. 454) и совершил успешный поход на Когурё в 667 - 668 гг. Умер в 669 г.

⁴⁵⁴ **Пуэ**. В отечественной литературе второй иероглиф чаще читается "*иэ*" - "*пушэ*". В шаншушэне (кабинете министров) при династиях Тан и Сун было 2 пушэ - левый и правый. Шаншушэн до некоторой степени можно сопоставлять с кабинетом министров, тогда должность пушэ будет соответствовать должности заместителей премьер-министра. Часто, из боязни сосредоточения гражданской власти в руках одного человека, начальник шаншушэна не назначался, а делами управляли левый и правый пушэ.

⁴⁵⁵ Здесь описка: "**палата шумицзянь**" в административном аппарате древнего и средневекового Китая не зарегистрирована. Должно быть: "**мишуцзянь**" - начальник (цзянь) специального департамента (мишушэн), ведавшего императорской библиотекой. Первый иероглиф "*ми*" читается также "*би*" (например: "Юаньчао биши" - "Сокровенное сказание монголов").

⁴⁵⁶ Это место, при сравнении его с китайским текстом, скорее всего, должно быть прочитано так: "**Помощник начальника округа Чэньян по военным делам**" (тунчжи чжоу цзюньши; см. прим. 373). Необходимо отметить, что воеводство **Чэньян** существовало до 1182 г., когда было реорганизовано в одноименный округ. Это воеводство входило в состав чжурчжэньской провинции Восточная Шаньдун и находилось в районе современного уездного г. Цзюйсянь, в восточной части провинции Шаньдун, в 250 км к юго-западу от Циндао.

⁴⁵⁷ **Ван-хао** - князь Хо (*Ван Хо*). Он правил в Корее с 1171 по 1197 гг. и был известен под храмовым именем Мёнчжон.

⁴⁵⁸ **Фанчюйши** - местные военные коменданты. По положению, существовавшему при династии Тан, эти должностные лица находились в подчинении у туаньяньши (см. прим. 131) и учреждались в важнейших пунктах округа.

⁴⁵⁹ Округ **Дэчжоу** находился в районе современного уезда Дэсянь, расположенного в северной части провинции Шаньдун, почти на границе с провинцией Хэбэй.

⁴⁶⁰ **Яо** - легендарный правитель древнего Китая (см. прим. 367). Существует очень много легенд о древнейшем периоде истории Китая. Эти легенды не только отличаются одна от другой в описательной части, но приводят различные имена правителей, относящихся к одному и тому же периоду. Наиболее распространенный вариант таких легенд был в свое время зафиксирован отцом китайской историографии Сыма Цянем в его известном сочинении "Ши цзи" ("Исторические записки"). Мифический и легендарный периоды истории Китая обычно описываются как период правления "Трех властителей и пяти императоров", а Яо упоминается как последний правитель из числа "Пяти императоров". В некоторых легендах говорится, что император Яо был из рода Тао-тан. В других сообщается, что Яо первоначально получил в управление удел *Тао* (предполагается, что это современный уезд Динтао в провинции Шаньдун), а затем уезд *Тан* (возможно, это район современного уезда Тансянь, в 235 км к юго-западу от г. Пекин), поэтому его род и стал называться Тао-тан. Часто вместо имени *Яо* пишут *Тао-тан*, как и в этом тексте (в его китайском варианте). Между прочим, должно быть "9 колен", как указано в китайском тексте и в других источниках, а не "10 колен", как у Г.М. Розова.

⁴⁶¹ Г.М. Розов совершенно правильно отметил, что здесь речь идет о двух классических книгах из числа "У цзин" ("Пятикнижие"): 1) "**Ши цзин**" ("Книга песен") - древнейший китайский литературный памятник, содержащий многочисленные древние народные песни и культовые гимны, исполнявшиеся при совершении религиозных обрядов. Точной даты составления "Книги песен" нет, по этому вопросу существуют противоположные мнения и указываются самые разные даты. Во всяком случае, это один из древнейших памятников мировой литературы, сохранившийся до наших дней. Составлен он был между XI - VII вв. до н.э.; 2) "**Шу цзин**" - упоминался ранее (см. прим. 337).

⁴⁶² Уездный город **Ваньпин** находился в нескольких километрах к западу от г. Пекин, на западном берегу р. Юндинхэ. Этот уезд был создан киданями. После образования КНР управление уездом было перенесено в г. Лугоуцяо.

⁴⁶³ **Чжаньши** (полностью: *тайцзы чжаньши*) - начальник управления дворцом наследника.

⁴⁶⁴ **Цзиньляньчуань** - название реки, находящейся к северу от современного уездного г. Гуянь, в северной части провинции Хэбэй, почти на границе с автономным районом Внутренней Монголии (южная часть бывшего Чахара, недавно включенная в состав провинции Хэбэй). Это одна из рек верхнего бассейна р. Луаньхэ, здесь находилась летняя резиденция Ши-цзуна.

⁴⁶⁵ "**...колено шиле, что в Угули**". Этот перевод неправилен. В династийной хронике киданьской империи Ляо часто упоминается племя (объединение племен) *угули*, входившее в состав киданьского

государства и кочевавшее к северо-западу от основных районов расселения киданьских племен, т.е. в восточных районах современной МНР. Что касается "*шиле*", то так у киданей называлось управление группой (объединением) племен, находившихся в зависимости от киданьского государства. Таким образом, здесь должно быть: "*...в район управления (шиле) племенами угули*".

⁴⁶⁶ **Чэн-тан** - четырнадцатый правитель иньской эпохи (дома Инь). Хотя достоверность существования этого правителя сейчас не оспаривается, однако для времени его правления нет даже приблизительных (традиционно-условных) дат. Высказываются предположения, что он правил в середине XIX в. до н.э.

⁴⁶⁷ **Цаньчжэн** - по-видимому, сокращенное наименование должности *цаньчжи чжэнши* (см. прим. 444). Позднее, при династии Мин, должность цаньчжэн была учреждена в аппарате управления провинцией.

⁴⁶⁸ **Шаншицзюй ши** - начальник управления по снабжению дворца продуктами питания. В обязанности высших чинов этого управления также входила дегустация пищи перед подачей ее к столу императора.

⁴⁶⁹ "**Западная столица корейская**" - *Сигион*, современный г. Пхеньян, столица КНДР.

⁴⁷⁰ **Цыбэйлин** (кит. транскрипция) - небольшой хребет, находящийся в провинции Хванхэдо (КНДР), между городами Хванчжу и Сохын. Его пересекает дорога, идущая из Пхеньяна на юг.

⁴⁷¹ **Ялуцзян** - пограничная река между Китаем (Маньчжурия) и Кореей; впадает в Западно-Корейский залив Желтого моря.

⁴⁷² "**Сяо мин**" - детское имя, которое присваивалось ребенку через месяц после его рождения. Когда ребенок подрастал, то он получал второе имя (*цзы*) под которым он был известен всем окружающим, а детское имя не могло быть употребляемо посторонними.

⁴⁷³ Провинция **Хэбэй** (Хэбэй лу) впервые была создана при династии Сун. В 1077 г. была выделена провинция *Восточная Хэбэй*, а западная часть бывшей провинции Хэбэй стала называться провинцией *Западная Хэбэй*. В состав сунской провинции Хэбэй входили также районы современных провинций Хэнань и **Шаньдун**, расположенные к северу от р. Хуанхэ. Северная часть современной провинции Хэбэй входила в состав киданьской империи Ляо (округа из числа "16 округов", уступленных в свое время киданям). Чжурчжэни, сохранив провинцию Западная Хэбэй, территорию сунской провинции Восточная Хэбэй поделили на две самостоятельные провинции: южная часть, к югу от р. Цзыхэ, стала называться провинцией *Даминфу*, а к северу от р. Цзыхэ сохранилось старое название - *провинция Восточная Хэбэй*. Кроме того, значительная территория по левому берегу р. Хуанхэ была включена в провинцию Западная Шаньдун. На севере, в основном за счет киданьских "16 округов", была создана *провинция Средней столицы*.

⁴⁷⁴ Чжурчжэньская *провинция Западной столицы* включала территорию северной части провинции Шаньси, небольшой район в северо-восточной части провинции Хэбэй, а также значительные территории к северу от Великой китайской стены до верховьев р. Шара-Мурэн. На юге она граничила со следующими провинциями чжурчжэньского государства: Северная Хэдун, Западная Хэбэй и Средней столицы, а на востоке - с провинцией Северной столицы.

⁴⁷⁵ Провинция Ляодун при чжурчжэнях также называлась *провинцией Восточной столицы*, а южная ее часть позднее была выделена в самостоятельную провинцию Хэсугуань (см. прим. 110 и 404).

⁴⁷⁶ Провинция Восточной столицы охватывала территории к востоку от р. Ляохэ, Ляодунский полуостров, районы вдоль правого берега р. Ялуцзян. На севере граница проходила (примерно) по параллели современного г. Телин. Однако часть этой громадной территории была выделена в провинцию (лу) Пусу (см. прим. 396) и Хэсугуань (см. прим. 110). Упомянутая выше провинция Ляодун должна была совпадать по территории с провинцией Восточной столицы. Если существование провинций Пуса и Хэсугуань подтверждается и другими записями в "Цзинь ши", то этого нельзя сказать о провинции Ляодун. Здесь (как и в китайском тексте) допущена ошибка.

⁴⁷⁷ **Далисы** - высший орган по надзору за применением наказаний и тюрьмами. Эта автономная организация находилась в столице. Первые упоминания о существовании такого органа относятся к V в. Далисы просуществовал до конца маньчжурской династии (Цин).

⁴⁷⁸ **Ди Жэнь-цзе** (630 - 700) - крупный государственный деятель танской эпохи. Во второй половине VII в. при танском дворе усилилось соперничество различных кланов. Опираясь на группировки шаньдунских и южнокитайских феодалов императрица *Цзэ-тянь* (жена Гао-цзуна - третьего императора династии Тан) отстранила от власти его сына *Чжун-цзуна* (Ли Сяня) и поставила другого сына - *Жуй-цзуна* (Ли Даня). Вскоре она отстранила и Жуй-цзуна, сосредоточив в своих руках всю полноту власти. В 690 г. она объявила себя "властительницей Поднебесной" и переименовала династию, назвав ее *Чжоу*. Ди Жэнь-цзе отличился в борьбе с киданями и тюрками, совершавшими набеги на северные районы страны. Он пользовался большим уважением со стороны Цзэ-тянь и неоднократно выступал перед императрицей с увещеваниями. Он возражал против засилья буддийской церкви и предлагал не тратить много денег на поддержку буддистов, настаивал на возвращении к власти императора Чжун-цзуна.

⁴⁷⁹ **Лоу Ши-дэ** (630 - 699) - крупный военный и политический деятель танской эпохи. Он известен своими успешными действиями во время войны с тибетским государством.

¹⁸⁰ **Тунг** - китайское тунговое дерево (*Aleurites Fordii*); произрастает в Центральном Китае. Его семена содержат до 60 - 65% жирного масла, используемого в лакокрасочной промышленности. Листья тунга имеют длину до 30 см.

¹⁸¹ Такая нефритовая дощечка (пластинка) имела продолговатую форму; верхний конец обычно был полукруглым, нижний - прямым. Она вручалась знатым людям в качестве своеобразного символа власти. Применение их известно с династии Чжоу (1022 - 776 гг. до н.э.), тогда же была детально разработана их система. Существовало пять размеров пластинок (сейчас в литературе эти пластинки часто именуются "жестами"), соответствовавших пяти рангам знатности. Считается, что *пайзы* (см. прим. 116), которые широко стали применяться в Китае со времени династии Хань, являются последующим развитием системы этих нефритовых пластинок.

¹⁸² **Чуньшуй** ("река Чунь", "весенние воды", вообще весна - время весеннего половодья и пробуждения природы) - название местности, расположенной в Маньчжурии, в районе впадения р. Таоэрхэ в р. Сунгари. Здесь находилась весенняя резиденция (походный лагерь) киданьских императоров (правда, не всех, а только седьмого и восьмого). Иногда Чуньшуй отождествляют с р. Таоэрхэ. В чжурчжэньской хронике также очень часто встречается слово "*чуньшуй*", но его нельзя понимать как название какой-либо реки, тем более, отождествлять с р. Таоэрхэ. Чжурчжэньский "чуньшуй" - "время весенней императорской охоты".

¹⁸³ Упомянутые здесь уездные города **Шичэн** и **Юйтянь** находились к востоку от г. Пекин: **Шичэн** - в 200-х км, в районе современного уездного г. Луаньсянь; **Юйтянь**, сохранивший свое название до наших дней, - в 110 км. Уездный город **Лянсян** также сохранил свое название до наших дней и находился в 30 км к юго-западу от г. Пекин, на дороге в Баодин. Уездный город **Цинду** находился в 40 км к юго-западу от Баодина; сейчас называется **Ванду**.

¹⁸⁴ **Чжубу** - одна из низших должностей в государственных учреждениях (архивариус, регистратор и т.п.).

¹⁸⁵ **Цзинь-юань цзюнь-ван** - князь Цзинь-юань. В этом титуле под "Цзинь-юань" надо подразумевать государство Цзинь. "Цзинь-юань", по-видимому, является калькой чжурчжэньского титула и на русский язык может быть переведено словами "*истоки реки Альчуки*". Имеется в виду район, где зародилось и окрепло чжурчжэньское государство.

¹⁸⁶ **Ханьлинь дайчжи** (дословно - "ожидающий приказов") - дежурный советник при коллегии ученых Ханьлинь. Коллегия ученых Ханьлинь (часто пишут "Академия Ханьлинь") была создана при династии Тан. Одной из важнейших ее обязанностей было составление императорских указов и других важнейших государственных бумаг.

¹⁸⁷ **Цыши** - правитель округа (чжоу), а не области.

¹⁸⁸ **Чунсинь** - это уездный город, сохранивший название до наших дней. По современному административному делению, он находится в провинции Ганьсу, к юго-востоку от г. Пинлян, недалеко от границы с провинцией Шэньси.

¹⁸⁹ **У-ди** (*Сыма Янь*; храмовое имя *Ши-цзу*) - основатель и первый император династии Цзинь (265 - 420), объединивший на непродолжительное время (265 - 317) весь Китай. Он правил с 265 по 290 гг. После его смерти начался мятеж крупнейших сановников, известный в истории как "*смута восьми князей*" и продолжавшийся в течение 16 лет. С 301 г. по всей стране начались восстания жестоко эксплуатируемых полусвободных земледельцев и рабов. **Хой-ди** - сын У-ди, второй император династии Цзинь, правивший с 290 по 306 гг.

¹⁹⁰ Здесь расхождение с китайским текстом, в котором сын князя Чжао назван **Шигунаем**.

¹⁹¹ В китайском тексте в этом месте говорится: "...земли, лежащие за горами". Словосочетание "за горами" уже встречалось (см. прим. 143), поэтому можно сделать вывод, что здесь также имеются в виду земли, лежащие к югу от Великой китайской стены. Однако при киданях район "16 округов" (северные районы современных провинций Хэбэй и Шаньси) также иногда делился на две части - "район за горами" и "район перед горами". В этом случае подразумевались горы Тайсиншань, отделяющие провинцию Хэбэй от провинции Шаньси, и несколько мелких хребтов на севере от них. Захваченные "сильными домами" земли, упоминающиеся в этом тексте, должны были находиться в провинции Шаньси.

¹⁹² Возможно, здесь описка. Надо: "*чжаотаоши*" (см. прим. 213). Что касается **чжаотаосы**, то это название учреждения, канцелярии при чжаотаоши.

¹⁹³ **Динчжоу** - это современный уездный г. Динсянь, находящийся в провинции Хэбэй, в 70 км к юго-западу от г. Баолин.

¹⁹⁴ **Дусы** - это учреждение в чжурчжэньском государственном аппарате, чаще называемое "*цзосы*" и "*юсы*" - левое и правое бюро. Оно осуществляло общее руководство деятельностью гражданских департаментов (министерств). По-видимому, Джэ-дянь был руководителем этого бюро (должность пятого ранга, первого класса). Чжаотаоши - должность третьего ранга, первого класса (см. прим. 213 и 492).

¹⁹⁵ **Сыма Гуан** (1108 - 1186) - выдающийся китайский историк, принимавший активное участие в политической жизни страны и занимавший ряд высоких должностей при дворе. Является автором

многочисленных трудов, в том числе широко известного "Цзы чжи тун цзянь" - "Всеобщее зеркало, управлению помогающее" (перевод кит. названия предложен Н.Я. Бичуриным). В этом труде излагается история Китая за 14 предшествующих веков. Автор не просто собрал имевшиеся сведения и расположил их в хронологическом порядке, он провел сопоставительное изучение имевшихся разночтений, а наиболее приемлимый, с его точки зрения, вариант включил в работу. К работе приложено 30 глав разночтений с анализом и выводами автора.

⁴⁹⁶ **Цзяошулан** - контролер-считчик, одна из самых низших должностей в императорском хранилище книг и актов (*бишуньэн*). **Тайчан** - чиновник, ответственный за проведение церемоний в императорском храме предков.

⁴⁹⁷ **Цзунжоу** - киданьский округ Лайчжоу, находившийся в Южной Маньчжурии, к северо-востоку от г. Шаньхайгуаня (см. прим. 170). Переименованный чжурчжэнями в 1151 г.

⁴⁹⁸ **Мин-ди** (*Лю Чжуан*, храмовое имя *Сянь-цзун*) - второй император династии Поздняя Хань; правил страной с 57 по 75 гг.

⁴⁹⁹ **Дэнвэнь цзяньюань** - палата (бюро) по приему прошений от чиновников и населения. В древности перед дверью князя вешался специальный барабан (*дэнвэнь гу*), при ударе в который выходил специальный чиновник и принимал прошение, апелляцию или жалобу. С течением времени порядок приема прошений изменился, но первоначальный титул остался.

⁵⁰⁰ **И цзин** ("Книга перемен") - одна из древнейших китайских классических книг. Существует мнение, что основной текст был написан в VIII - VII вв. до н.э. Текст предназначался для гадания по стеблям тысячелистника с помощью 64 гексаграмм. Каждая гексаграмма состоит из шести горизонтальных целых и прерванных черт, расположенных друг над другом. Предсказания делались на основании взаиморасположения этих черт, для чего в книге имеются объяснения каждой черты в каждой гексограмме. Этот древнейший способ гадания, сохранившийся до наших дней, был снабжен пояснительным текстом, а сами тексты (не очень понятные архаизмы и изречения) стали благодатной почвой для философствования.

⁵⁰¹ **Мэн-цзы** (около 372 - 289 гг. до н.э.) - древнекитайский философ, последователь Конфуция. Он развил идеалистический тезис конфуцианства о том, что правитель правит народом по воле Неба. Мэн-цзы призывал правителей к умеренности, к справедливому управлению народом, а народ - к покорности и трудолюбию. Он оказал большое влияние на последующие поколения мыслителей-конфуцианцев. **Лао-цзы** - полуполюгендарный основатель философского даосизма. Относительно возможных дат его жизни среди исследователей нет единого мнения. Называются различные периоды с VI по III вв. до н.э. Основная философская концепция Лао-цзы заключается в том, что человек, являющийся частью природы, должен жить естественной жизнью. Лао-цзы призывал не вмешиваться в жизнь народа, относился враждебно к государству, морали, культуре и т.п. **Ян-цзы** (в отечественной литературе чаще *Ян Чжу*) - философ, о котором имеются лишь отрывочные сведения. Предполагают, что он жил в 440 - 360 гг. до н.э. (по другим данным - с 414 по 334 гг.). Существует мнение, что Ян-цзы был учеником Лао-цзы. Во всяком случае, он был последовательным сторонником даосской философии, хотя многие его идеи имеют самостоятельный характер. **Ван Чжун-цзы** (*Ван Тун*) известен как большой знаток конфуцианских классических книг. Он жил в конце VI - начале VII вв. **"Лю-цзы"** - название философского трактата, автор которого неизвестен. По вопросу авторства данного труда существуют самые разнообразные мнения, называются различные лица, начиная со времени династии Хань и до VIII в. Существует несколько вариантов этой книги.

⁵⁰² **"Синь Тан шу"** - "Новая хроника династии Тан". Составление нового варианта династийной хроники Тан было завершено в 1060 г. Она сразу же была напечатана.

⁵⁰³ Система государственных экзаменов, как средство выявления способных людей для занятия должностей в государственном аппарате, зародилась в Китае давно. Известно, что при династии Цинь (221 - 207 гг. до н.э.) уже существовал отбор чиновников с учетом их познаний. Но только с приходом к власти династии Тан (VII - IX вв.) эта система, взятая на вооружение конфуцианством, получила всеобщее значение и стала единственным путем получения должности. Отбор с помощью экзаменов был трехступенчатым: 1) экзамен на низшую ученую степень *сюцай* (кандидат) проводился ежегодно в окружных и уездных центрах. Получившие ученую степень *сюцай* уже становились представителями избранного сословия конфуциев-ученых, управлявших страной. Они хотя и не получали права на автоматическое занятие конкурсных должностей, но уже пользовались рядом привилегий и имели право на помощь со стороны государства; 2) экзамены на вторую степень *цзюйжэнь* (магистр) проводились один раз в 2 - 3 года в областных центрах. Выдержавшие эти экзамены на ученую степень *цзюйжэнь* получали право на занятие высоких постов в бюрократическом аппарате страны; 3) экзамены на третью, самую высшую, ученую степень *цзиньши* (доктор) проводились также один раз в 2 - 3 года в столице. Цзиньши занимали самые высокие посты в столице, а также пополняли ряды коллегии ученых (академии) Ханьлинь и цензората. Круг знаний, которым должны были обладать соискатели, а также список обязательных книг, методика освоения материала и правила приема экзаменов, - все это было конфуцианским и определялось идеологами

конфуцианства. Отличия в экзаменах на разные степени заключались только в трудности вопросов, а следовательно, в глубине познаний соискателей всей схоластической конфуцианской мудрости. У чжурчжэней эта система отбора кадров также получила довольно широкое распространение, но по сравнению с Китаем лица, получавшие ученые степени (в том числе, самую высокую - цзиньши), не пользовались такими громадными привилегиями и уважением. Значительная часть государственного аппарата заполнялась другими путями, помимо конкурсных экзаменов.

⁵⁰⁴ **Линши** - секретарь, писарь. Это одна из самых низших должностей в учреждениях средневекового Китая (обычно восьмой ранг второго класса). В маньчжурском тексте допущена небольшая неточность: не указано, что эти лица назначались чиновниками линши в высшие правительственные учреждения столицы, название которых оканчивалось словом "*иэн*" (например, шаншүшэн - центральное правительство, кабинет министров; чжуншүшэн - государственная канцелярия). Линши в этих учреждениях чжурчжэньского государства были седьмого, шестого и даже пятого ранга и, как правило, первого класса.

⁵⁰⁵ Пятое число пятого месяца по лунному календарю - день летнего солнцестояния.

⁵⁰⁶ 8 часов вечера - время заступления на дежурство первой смены ночной стражи.

⁵⁰⁷ **Ляошуй** - р. Ляохэ, берущая начало в южных отрогах Большого Хингана. Она течет в восточном направлении по территории Внутренней Монголии, а затем уже в Маньчжурии меняет направление течения на южное и впадает в Ляодунский залив. В тексте надо: "*...прибыл на реку Ляошуй*".

⁵⁰⁸ **Династия Суй** правила в Китае с 581 по 618 гг. При этой династии, после длительного периода раздробленности, Китай объединился в единое государство. **Ян-ди** (*Ян Гуан*) был вторым императором этой династии и правил с 604 по 618 гг.

⁵⁰⁹ **Царство Ци** - одно из передовых царств периода "*Чунь-цю*" ("Весна и осень"; 770 - 403 гг. до н.э.). Этот период назван так по летописи "*Чунь-цю*", охватывающей историю древнего китайского царства Лу. Согласно традиции, авторство приписывается Конфуцию. **Гуань Чжун** был первым советником циского царя Хуань-гуна (685 - 643 гг. до н.э.). Ряд прогрессивных реформ в области хозяйственной политики, предложенных и проведенных Гуань Чжуном, способствовали подъему экономики, укреплению царской власти и расширению территории государства. Гуань Чжун также известен под именем *Гуань-цзы* ("философ Гуань"). Он считается автором известного памятника экономической мысли древнего Китая - политико-экономического и философского трактата "Гуаньцзы". Сейчас его авторство не подтверждается, считается что трактат "Гуаньцзы" мог появиться не ранее IV - III вв. до н.э.

⁵¹⁰ **Сюань-сяо** - посмертное имя *Хутува*, второго сына императора Ши-цзу, умершего в середине 1185 г.

⁵¹¹ **Чжоу Бо** (? - 169 г. до н.э.) - сподвижник и ближайший помощник Лю Бана, основателя династии Хань. Он родился в простой семье, в молодости зарабатывал на хлеб как барабанщик в похоронных процессиях. Начиная с легкой руки Сыма Цяня, Чжоу Бо упоминался в сочинениях как образец верности своему императору.

⁵¹² **Ли Чэн-цян** - сын второго императора династии Тан Тай-цзуна (Ли Ши-мина). По-видимому, причиной отстранения Ли Чэн-цяня было не столько скверное поведение и злоупотребления, как сообщают источники, сколько борьба клик при дворе. В это время при дворе шла борьба не на жизнь, а на смерть между двумя группировками - гуаньлунцами (объединение северо-западных феодалов) и шаньдунцами.

⁵¹³ **Шао Чжэн-мао** занимал пост дайфу (советник царя, вторая по значению должность после первого министра) в царстве Лу. Конфуций, вступив в должность министра, обнаружил беспорядки в государственных делах и казнил Шао Чжэн-мао около 496 г. до н.э. Объясняя свой поступок, Конфуций говорил, что в Поднебесной существует 5 тягчайших злых дел, и Шао Чжэн-мао виновен во всех.

⁵¹⁴ **Личжи** произрастает, главным образом, в провинциях Фуцзянь и Гуандун. Плоды личжи употребляют в пищу. Их мякоть белая, сладкая и сочная.

⁵¹⁵ Чжурчжэни свою коллегию ученых (академию) называли *Ханьлинъ сюэши юань*. В китайском тексте указано, что **Чжао Фэн** был назначен на должность *инфэн ханьлинъ вэньцзы*, которую занимали чины седьмого ранга второго класса (аналогичный случай отмечен в прим. 333). Эта запись вызывает недоумение, т.к. нам известно из биографии Чжао Фэна, что он в это время уже был *ланчжун*ом (должность пятого ранга, второго класса), т.е. имел более высокий чин.

⁵¹⁶ **Цзиньшигуань** (но не *цзюй-гуань*) - собирательное название для дворцовых чинов, работающих в непосредственной близости к императору.

⁵¹⁷ **Баодисянь** - уездный город в 85 км к юго-востоку от г. Пекин; до сих пор носит это название.

⁵¹⁸ **Чжисянь** - уездный начальник.

⁵¹⁹ **Янь Чжэн-цин** (708 - 784) и **Дуань Сю-ши** (вторая половина VIII в.) описываются в источниках и исторических сочинениях как образец неподкупности и преданности своему императору. Эти сановники занимали не очень высокие посты, но проявили чудеса героизма и преданности в борьбе с врагами танской династии и погибли в этой борьбе.

⁵²⁰ "Новый государь сунский Шао-цзун" (см. прим. 425). Эта фраза неточна и вносит путаницу. К описываемому моменту Сяо-цзун уже благополучно царствовал в течение 25 лет. Дело в том, что император Гао-цзун, отказавшийся от престола в пользу своего приемного сына, впоследствии получившего храмовое имя Сяо-цзун, умер в ноябре 1187 г. в возрасте 81 года, о чем и сообщил прибывший посол.

⁵²¹ **Даосы** - священнослужители даосской церкви. **Даосизм** - самая распространенная религия в Китае. Ее последователями были самые беднейшие и неграмотные слои населения Китая (крестьяне, батраки, низшие слои ремесленников). Эта религия представляет собой невероятную мешанину идолопоклонства, суеверий, веры в добрых и злых духов, бесов, оборотней. Она впитала в себя также пантеон некоторых других религий (например, буддизма) и многочисленных местных культов. Таким образом, набор даосских богов в различных районах Китая не был одинаков, лишь некоторые боги (главным образом, высшие по рангу) стали общими для всей страны.

⁵²² **Удигай** - племя, жившее, по сообщению "Цзин ши" (гл. 73), в лесистом районе недалеко от р. Сунгари, а может быть и р. Амур. Вероятно, это племя обитало по правому берегу Амура, между реками Сунгари и Уссури. Название племени произошло от двух тунгусских слов и может быть переведено на русский язык как "лесные люди" (*веджи-кай*).

⁵²³ **Гуан-у (Лю Сю, храмовое имя Ши-цзу)** - первый император династии Поздняя Хань (25 - 220 гг.); царствовал с 25 по 57 гг.

⁵²⁴ Здесь упоминается один из эпизодов борьбы за власть в Поднебесной во время узурпации Ван Маном императорской власти (9 - 23 гг.). На борьбу с Ван Маном выступили три представителя фамилии Лю: 1) **Лю Сю**, ставший впоследствии первым императором династии Поздняя Хань (см. прим. 523); 2) **Лю Инь (Лю Бо-шэн)** - старший брат Лю Сю; 3) **Лю Сюань** - родственник первых двух. Лю Инь и Лю Сю достигли больших успехов, особенно в объединении вокруг себя представителей господствующего класса, выступавших против прогрессивных реформ Ван Мана. Лю Сюаню также на первых порах сопутствовали успехи. В 23 г. он даже провозгласил себя императором, а эру своего правления назвал Гэн-шэн ("Возрождение"), поэтому в литературе он чаще упоминается как император *Гэн-шэн*. В марте 23 г. ему удалось обманным путем захватить Лю Иня и казнить его. В 24 г. Лю Сюань перенес столицу в г. Чанъань и, как сообщают источники, забросив дела, предался пьянству и разврату. В 25 г. г. Чанъань был занят крупным отрядом "краснобровых", и Лю Сюань был убит. После этого во главе группировки реакционных феодалов встал Лю Сю. **Восстание "краснобровых"** - одно из самых крупных и упорных народных восстаний в древнем Китае, которое продолжалось с 18 по 27 гг.

⁵²⁵ **Гао-цзу (Лю Бан)** - основатель и первый император династии Ранняя Хань. Он правил с 206 по 195 гг. до н.э.

⁵²⁶ "Озаряющий вселенную, утвердивший великолепный период правления, просвещенный и добродетельный, обладающий военными доблестями, священномудрый, человеколюбивый и сынопочтительный император".

⁵²⁷ **Чжао Дунь** (храмовое имя *Гуан-цзун*) - двенадцатый император династии Южная Сун; правил с 1189 по 1194 гг.

⁵²⁸ Здесь словом "визирь" переведен китайский термин *"тайши"* - "великий наставник" (см. прим. 66).

⁵²⁹ **Синьчжоу** - современный уезд Синьсянь в 60 км к северу от уезда Тайюань, в провинции Шаньси.

⁵³⁰ **Дайфу** - "великий учитель", наставник государя; один из самых высших чинов при дворе.

⁵³¹ **Тисинсы** - управление уполномоченного по судебным делам в провинции. В обязанности этого управления входил контроль за судебной деятельностью, а также поощрение развития земледелия. В 1199 г. было переименовано в *Аньчасы*.

⁵³² **Колено Билингэ-бова**. Сведений найти не удалось.

⁵³³ **Цинь** - название династии, правившей в Китае с 221 по 207 гг. до н.э. **Ин Чжэн** - правитель царства Цинь. К 221 г. он объединил под своей властью всю тогдашнюю территорию Китая и создал империю Цинь.

⁵³⁴ **Чунь-ю** (иногда, как в нашем тексте, с прибавлением китайской фамилии Ли) - шестой император тангутского государства Западное Ся; правил с 1139 по 1206 гг.

⁵³⁵ **Чань-цзи** - гадательные записи о событиях, которые должны произойти; тексты для гадания, имевшие очень широкое распространение и обычно воспроизводившиеся в календарях.

⁵³⁶ Здесь допущена существенная ошибка. Не могли раба сделать сразу чиновником пятой степени (сейчас вместо слова "степень" употреблется слово "ранг"). Чины пятого ранга занимали высокие посты: например, ланчжун (см. прим. 416). Цяньцзяну был назначен служителем в астрономическое бюро без присвоения какого-либо ранга. Астрономическое бюро иногда называлось "Бюро пяти чиновников" (по числу первоэлементов), что, по-видимому, и послужило причиной ошибки.

⁵³⁷ Обожествление небесных светил, сил и явлений природы относится к наиболее древним и примитивным верованиям, свойственным почти всем народам на ранней ступени их развития. Введение

регулярных жертвоприношений может рассматриваться как попытка в законодательном порядке утвердить эти культы. При оценке данного акта необходимо вспомнить неоднократные и довольно резкие высказывания чжурчжэньских императоров, направленные против буддизма и даосизма. Данный приказ можно рассматривать как этап в борьбе с этими религиями.

⁵³⁸ **Наньписянь** - уездный город, сохранивший свое название до наших дней. Он находится в 13 км к юго-западу от г. Тяньцзиня, в провинции Хэбэй. Развалины старой крепости расположены в 4 км к северо-востоку от современного города.

⁵³⁹ **Пу-мулу-цзы-у**. Здесь ошибка. Надо: "Сделал сына Бочжулу по имени У (Юань?)..." Возможно, У был сыном Бочжулу Алуханя, упоминавшегося выше.

⁵⁴⁰ **Младший сыцзянь** (ю сыцзянь - правый сыцзянь) - младший политический советник (чин пятого ранга); **старший и младший шицзи** (левый и правый шицзи) - корректоры, просматривающие документы на предмет выявления пропусков (чины седьмого ранга). Все указанные здесь чины входили в состав учреждения, известного у чжурчжэней под названием **Цзяньюань** - бюро политической критики (палата увещаний). В обязанности их входила подготовка и представление императору докладов об исправлении или отмене распоряжений и законов, приносящих вред или несправедливых.

⁵⁴¹ Уезд **Пинцзинь** находился в чжурчжэньской провинции Серверная Хэдун. Сейчас это район уезда Тайюаньсянь в провинции Шаньси (к югу от г. Тайюань).

⁵⁴² **"Походное правление"**. Сейчас этот термин обычно переводится так: *"Подвижный великий императорский секретариат"* или *"Отделение секретариата"*. Китайский термин *"син шэн"* является сокращением от *"син шаньшэн"*. Когда в какой-либо местности ощущалась необходимость в твердой и обладающей высокими полномочиями власти, то туда назначался высокий сановник (обычно в должности министра), а его аппарат получал название "походное (подвижное) правительство (секретариат)". Чжурчжэни впервые создали такие органы при императоре Чжан-цзуне: в 1194 г. - в г. Даминфу для строительства крупных ирригационных сооружений на Хуанхэ; в 1195 г. - на северо-западе для организации обороны против угрозы со стороны усиливающихся монгольских племен.

⁵⁴³ **Таймяо** - императорский храм предков.

⁵⁴⁴ **"Пять непреложностей"** в отношениях между людьми и **"пять добродетелей"** - важнейшие этические нормы, известные в Китае с древнейших времен. Существуют легенды, изложенные в "Шу цзине", согласно которым "пять добродетелей" должен был распространить император Шунь. Древние философы Китая полагали, что гармония в обществе может быть достигнута только с помощью этих этических норм.

⁵⁴⁵ Уезд **Уаньсянь** сохранил свое название до наших дней. По современному административному делению, он находится в южной части провинции Хэбэй, в 25 км к юго-западу от г. Шахэ, на Пекин-Ханькоусской железной дороге.

⁵⁴⁶ **Ван-чжо** (кит. транскрипция; храмовое имя *Синчжон*) - король династии Корё; правил с 1198 по 1204 гг. **Ван-ин** (китайская транскрипция; храмовое имя *Хыйчжон*) - король династии Корё; правил с 1205 по 1211 гг.

⁵⁴⁷ **"Три владыки, пять императоров и четыре князя"**. В многочисленных мифах и легендах приводятся разнообразные эпизоды из жизни и деятельности этих персонажей, называются различные имена в разном порядке и наборе. Так, в качестве **"Трех владык"** (*Сань хуан*) указываются: *Тяньхуан* - "Владыка Неба", *Ди-хуан* - "Владыка земли", *Жэньхуан* - "Владыка людей". В классической книге "Шу-цзин" приводится другая триада: *Суй-жэнь* - первый человек, добывший огонь и научивший людей использовать его для приготовления пищи; *Фу-си* - научил ловить рыбу сетями, разводить домашних животных и т.п.; *Шэнь-нун* - научил людей обрабатывать почву и готовить лекарства. **Пять императоров** (у ди): *Хуан-ди*, *Чжуань-сюй*, *Ку*, *Яо* и *Шунь* (по Сыма Цяню). Есть и другие варианты. О Хуан-ди сообщается, что он изобрел календарь и впервые применил шестидесятилетний цикл. Чжуань-сюй и Ку описываются как ничем не примечательные, слабые правители. О Яо и Шунь говорилось выше (см. прим. 367). **Четыре князя** (сы ван): *Юй*; *Чэн-тан* (см. прим. 466); *Вэнь-ван* - первый правитель династии Чжоу; *У-ван* - победитель иньцев. Под руководством Вэнь-вана значительно окрепло могущество Чжоу и были созданы условия для разгрома царства Инь. У-ван также широко известен и глубоко почитаем, как и его предшественник Вэнь-ван (см. прим. 397).

⁵⁴⁸ **Тай-кан** - третий правитель мистической династии Ся (XXI - XVI вв. до н.э.). **Династия Инь** правила в XVIII - XII вв. до н.э. (старая традиционная датировка). Недавно было высказано предположение, что она существовала с 1600 по 1027 гг. до н.э., однако единодушия в этом вопросе среди ученых нет. Традиционно-условные даты правления князей, царей и императоров, упомянутых в тексте: *Тай-цзя* - 1637 - 1563 гг. до н.э., *У-дин* - 1324 - 1266 гг. до н.э. **Правители царства Чжоу** (1027 - 247 гг. до н.э.): *Чэн-ван* - 1034 - 1005 гг. до н.э. (см. прим. 326), *Кан-ван* - 1004 - 967 гг. до н.э., *Сюань-ван* - 827 - 782 гг. до н.э. (точные даты царствований). **Династия Западная (Ранняя) Хань** (206 г. до н.э. - 25 г.): *Гао-цзу* (основатель

династии) - 206 - 202 гг. до н.э. (см. прим. 525); *Вэнь-ди* (четвертый император Тай-цзун) - 180 - 163 гг. до н.э.; *Цзин-ди* (пятый император Лю ци, сын Вэнь-ди) - 157 - 143 гг. до н.э.; *У-ди* (шестой император Ши-цзун) - 141 - 104 гг. до н.э.; *Сянь-ди* (восьмой император Чжун-цзун) - 74 - 49 гг. до н.э. **Династия Восточная (Поздняя) Хань** (25 - 220): *Гуань-ди* (первый император Ши-цзу) - 25 - 57 гг. (см. прим. 523); *Мин-ди* (второй император Сянь-цзун) - 57 - 75 гг.; *Чжан-ди* (третий император Су-цзун) - 75 - 88 гг. **Династия Тан** (618 - 907): *Гао-цзу* (основатель династии и первый император Ли Юань) - 618 - 626 гг.; *Тай-цзун* (второй император Ли Ши-мин) - 626 - 649 гг. Подбор правителей древности для почитания не случаен. Обращает на себя внимание то, что для династий Хань и Тан (а также, отчасти, и для легендарного периода) названы основатели и первые правители. Это не должно вызывать удивления, так как в Китае новая династия для укрепления своих позиций шла на некоторые (иногда очень существенные) уступки народу, вызывавшие подъем экономики, развитие науки и искусств. Это, в свою очередь, способствовало успехам во внешнеполитической деятельности данных императоров. Правления императоров протекали относительно спокойно: при них, как правило, не было крупных народных выступлений. В исторических хрониках, сочинениях древних китайских историографов, а также в преданиях они выглядят как мудрые правители, заботившиеся о государственных делах, стремившиеся избавить простой народ от бедствий.

⁵⁴⁹ **Лайюаньчжэнь**. Населенный пункт с таким названием был учрежден чжурчжэнями в провинции Восточная Хэбэй. Сейчас это район уезда Цзисянь в южной части провинции Хэбэй, недалеко от границы с провинцией Шаньдун.

⁵⁵⁰ **О-Юэ** - два округа Очжоу и Юэчжоу, входившие в состав южно-сунского государства. Находились они на стыке современных провинций Хунань и Хубэй: *Юэчжоу* - в районе современного г. Юэян (на отечественных картах *Аоян*), на правом берегу р. Янцзы, недалеко от оз. Дунтинху; *Очжоу* - в провинции Хубэй, в районе современного г. Ухань.

⁵⁵¹ **Мусулун** (в кит. тексте *Мошулун*) должен был находиться в том же районе, что и упоминающийся здесь пункт Синъюань, т.е. в юго-западном углу провинции Шэньси (см. прим. 316). Что касается названия *Мусулун* (Мошулун), то оно не китайское и не маньчжурское, а скорее тибетское. Упоминающийся ниже топоним *Самугу* также, возможно, тибетского происхождения.

⁵⁵² **Сихэчжоу** - это район современного уезда Сихэсянь в юго-восточной части провинции Ганьсу, недалеко от границы с провинцией Шэньси.

⁵⁵³ **Мубо** - небольшой укрепленный городок, основанный еще при династии Тан в северо-восточном углу современной провинции Ганьсу, в 25 км от уездного г. Хуаньсянь. Городок находится недалеко от монгольских степей и, возможно, был создан на базе монгольского племени, которое и дало ему имя.

⁵⁵⁴ **Тунлин** - командир небольшой воинской части. Эта должность впервые появилась в государстве Южная Сун.

⁵⁵⁵ Здесь ошибка: округа **Ян** и **Ди** не существовали. При династии Северная Вэй был создан округ *Янди*, упраздненный при династии Суй. Чжурчжэни в этом районе создали свой округ, который назывался Цзюньчжоу (см. прим. 748). Управление округа находилось в уездном г. Янди.

⁵⁵⁶ Аналогичная ошибка допущена и здесь. При династии Хань был создан уезд **Сяньи**, просуществовавший до начала правления династии Мин в составе различных более крупных административных единиц. При чжурчжэнях в этом районе был создан округ Суйчжоу, управление которого находилось в уездном г. Сяньи. Развалины древнего городка Сяньи находятся примерно в одном километре к западу от современного уездного г. Суйсянь в провинции Хэнань, в 75 км к юго-востоку от г. Кайфын.

⁵⁵⁷ **Шоучжоу** и **Цисянь** находились в северной части провинции Аньхой (по современному административному делению). Округ *Шоучжоу* был создан чжурчжэнями. Его административный центр г. Шоучжоу располагался к северу от современного уездного г. Шоусянь, расположенного на правом (южном) берегу р. Хуайхэ. Следовательно, чжурчжэньский г. Шоучжоу должен был находиться к северу от р. Хуайхэ, примерно в 60 км от границы с провинцией Хэнань. Уездный город *Цисянь* находился примерно в 50 км к югу от стыка границ провинций Аньхой, Хэнань и Цзянсу, к югу от г. Сусянь, в районе небольшого городка Цисяньсян.

⁵⁵⁸ **Жертвенник** (алтарь) **Шэ-цзи**. Надо: "алтарь в честь Шэ и Цзи" - духов Земли и урожая. В примечании 450 упоминался культ **Шэ** (*Шэ-цзи* - в этом словосочетании пишется иероглиф "цзи", означающий "приносить жертву, культ"), т.е. культ Земли. Очень часто некоторые функции божества Шэ (охрана территории и урожая) передавались божеству *Цзи* (в этом случае пишется иероглиф, означающий "просо; божество урожая"). При таком разделении божество Шэ ведало только охраной территории, а божество Цзи только покровительствовало урожаю. В данном тексте как раз и упоминаются оба эти божества.

⁵⁵⁹ **Тяньшань** - уезд, созданный чжурчжэнями на территории, которая была заселена монгольскими племенами. Он находился в ведении чжурчжэньской Западной столицы и располагался на территории Внутренней Монголии, в 30 - 35 км к северу от г. Гуйсуй, где в настоящее время еще можно видеть сохранившиеся валы крепости.

⁵⁶⁰ Надо: "*Цин и Сянь*". Это два чжурчжэньских округа, входивших в состав чжурчжэньской провинции Восточная Хэбэй (юго-восточная часть современной провинции Хэбэй). Одноименные окружные города располагались сравнительно недалеко один от другого: 1) **Цинчжоу** - в районе современного уездного г. Цинсянь, на р. Вэйхэ, в 70 км к югу от г. Тяньцзинь. В названии этого уезда пишется иероглиф "цин", означающий "светлый, чистый" (ср. с другим округом Цинчжоу, упоминавшимся в прим. 272, название которого на русском языке звучит совершенно одинаково); 2) **Сяньчжоу** - район современного уездного г. Сяньсянь, находящегося в 70 км к юго-западу от г. Цинсянь, на р. Фуяньхэ.

⁵⁶¹ **Тунцзюнь паньгуань** - ассистент (помощник) командующего региональными войсками обороны.

⁵⁶² **Чжэньшуй** - небольшая река, берущая начало к югу от Чжэньчжоу. Относится к бассейну р. Хуайхэ.

⁵⁶³ Выражение "**Амба цзянцзюнь**" из маньчжурского текста соответствует "*да цзянцзюнь*" из китайского. Термин "*цзянцзюнь*" очень часто встречается в китайских исторических сочинениях, относящихся ко времени правления династий Тан и Сун. Его иногда очень трудно перевести с достаточной точностью. Обычно в отечественной и зарубежной научной литературе его значение передают словом "генерал", а иногда употребляют старинный термин "воевода". Что касается термина "**амба цзянцзюнь**" ("да цзянцзюнь"), то ему соответствует "высший генерал", "великий воевода" (на западе - "гранд генераль" и даже "генералиссимус").

⁵⁶⁴ Здесь неточность. Надо: "*Шан Жун напал на уезд Дунхайсянь, уездный начальник...*" Уездный город **Дунхайсянь** сохранил свое название до наших дней. Он находится в северной части провинции Цзянсу, недалеко от берега Желтого моря. На отечественных картах этот город именуется *Синьхайлянь*. Управление округа **Хайчжоу** также находилось в уездном г. Дунхайсянь.

⁵⁶⁵ **Пэйчжоу** - ныне это уездный г. Пэйсянь в северной части провинции Цзянсу, около границы с провинцией Шаньдун, в 110 км к западу от округа Хайчжоу.

⁵⁶⁶ **Фаншаньюань** - название местности в провинции Шаньси. Она расположена почти на границе с провинцией Ганьсу, к северу от того места, где р. Вэйхэ пересекает эту границу.

⁵⁶⁷ **Пишоу**. Такого населенного пункта не было. Здесь ошибка, надо: "*вышел в Инчжоу* (см. прим. 728) и *Шоучжоу* (см. прим. 557)". Составители маньчжурского варианта неправильно прочли первый иероглиф, так как в этом тексте он написан неправильно. Его можно прочесть как "*пинь*" (но не "*пи*", как в маньчжурском тексте и переводе Г.М. Розова). В подстрочном примечании Г.М. Розов дал правильное чтение этого иероглифа - "*ин*" (такой топоним встречается часто), но допустил опisku: фразу "*Ин и Шоу*" объединил дефисами в одно слово.

⁵⁶⁸ **Гокоу** - устье р. Го; место впадения р. Гошуй (Гохэ) в р. Вэйшуй. Река **Гохэ** берет начало в провинции Хэнань, недалеко от г. Кайфын, затем пересекает провинцию Хэнань и впадает в р. Хуайшуй на территории провинции Аньхой.

⁵⁶⁹ **Цинкоу** - название местности в западной части современной провинции Шаньдун, к югу от р. Хуанхэ, недалеко от границы с провинцией Хэнань.

⁵⁷⁰ **Чэньцан** - район современного уезда Ханьчжун (Наньчжэн) в юго-западном углу провинции Шаньси, недалеко от границы с провинцией Сычуань.

⁵⁷¹ **Чэньцзи** - уезд, в котором, по преданию, родился легендарный император Фуси. Уезд находился в восточной части провинции Ганьсу, к северу от р. Вэйхэ, в районе современного уезда Тайань.

⁵⁷² В китайском тексте нет этнонима "*монголы*", а стоит термин "*фань*" - "западные варвары", то есть тибетцы и родственные им племена. Кроме того, Ваньянь Ган служил в самой западной (юго-западной) провинции чжурчжэньского государства, которая называлась **Линьтаолу** (главный город Линьтаофу - современный уездный г. Линьтаосянь) - юго-западная часть восточной половины современной провинции Ганьсу. Этот район был издавна заселен тибетскими племенами.

⁵⁷³ **Линьтань** - уездный город, сохранивший свое название до наших дней. Он находится примерно в 70 км к юго-западу от Линьтаофу (см. прим. 572), почти на границе с провинцией Кукунор (Цинхай).

⁵⁷⁴ **Дуцзунгуань** - командующий войсками провинции или округа. В данном случае Шимо Чжун-вэнь был командующим войсками провинции Линьтаофу.

⁵⁷⁵ Это дополнение сделано по китайскому тексту. Без него будет непонятной следующая фраза: "*Выступив в одно и то же время девятью дорогами...*"

⁵⁷⁶ **Лайюань** - небольшой укрепленный пункт, находившийся в районе современного уезда Лунси в провинции Ганьсу.

⁵⁷⁷ **Цзаоян** - это небольшой современный уездный город, находящийся в северной части провинции Хубэй, недалеко от границы с провинцией Хэбэй, в 65 км к востоку от г. Сяньянь (Сяньфань) (см. прим. 274).

⁵⁷⁸ **Аньфэнцзюнь** (воеводство Аньфэн) охватывало довольно значительные территории в современной провинции Аньхой, к югу от р. Хуайхэ. Командование его находилось в г. Шоучунь (см. прим. 293). Уездный город **Хоцю** сохранил свое название до наших дней и находится в этом же районе, в 50 км к западу от г. Шоучунь, недалеко от границы с провинцией Хэнань.

⁵⁷⁹ **Гуанхуацзюнь** (воеводство Гуанхуа) было создано при династии Сун в северной части современной провинции Хубэй. Командование воеводства находилось в г. Цяньдэ, к западу от современного г. Гуанхуа.

⁵⁸⁰ **Луцзян** - небольшой правый приток р. Янцзыцзян. Он берет начало в южной части провинции Аньхой и течет в северном направлении.

⁵⁸¹ **Цзян-хуайские войска** - войска, расположенные между реками Янцзыцзян (Цзян) и Хуайхэ (Хуай).

⁵⁸² **Динъюаньсянь** - современный уезд в провинции Аньхой.

⁵⁸³ **Суйчжоу** - это современный уездный г. Суйсянь, расположенный в северо-восточной части провинции Хубэй, недалеко от границы с провинцией Хэнань.

⁵⁸⁴ **Чучжоу** - это современный уездный г. Чусянь в провинции Аньхой, недалеко от границы с провинцией Цзянсу, в 40 км к северо-западу от г. Нанкин.

⁵⁸⁵ **Дэчжоу** (в кит. тексте **Дэань**). Здесь ошибка. Округ и город Дэчжоу находились в провинции Шаньдун (см. прим. 459), а описываемые военные действия развертывались в провинциях Аньхой и Хубэй. Здесь также не может быть город **Дэань**, сохранивший свое название до наших дней и расположенный в провинции Цзянси, к юго-западу от г. Цзюцзян на берегу р. Янцзы. Чжурчжэни не могли проникнуть так далеко на юг и взять этот город. Кроме того, ниже в тексте упоминается крепость **Сяньян** (см. прим. 274), подвергшаяся нападению войск Ваньянь Куана. Уездные города **Аньлу**, **Иньчэн**, **Юньмэн**, **Сяогань** и **Ханьчуань** сохранили свои названия до наших дней. Все они расположены в одном районе, в провинции Хубэй, на расстоянии 40 - 90 км к западу и северо-западу от г. Ухань. Уезд **Цзиньшань** сейчас называется **Хуайюань** и находится в северной части провинции Аньхой. Если предположить, что Ваньянь Куан находился в цзянсийском г. Дэань, то в данном тексте совершенно неуместно слово "разослал", т.к. он не мог в тех условиях руководить действиями войск, находившихся от него на расстоянии 650 км (Цзиньшань) или даже 400 км (остальные 5 уездов). Это обстоятельство может быть дополнительным соображением для утверждения, что где-то в провинции Хубэй был еще один г. Дэань (Дэчжоу), не зарегистрированный в справочниках.

⁵⁸⁶ **Яньчуань** - это небольшой укрепленный пункт (*чжай* - "лагерь, палисад"), существовавший при династии Сун. После того, как чжурчжэни захватили этот район, Яньчуань был превращен в торговый городок (*чжэнь*). Находился он в двух - трех километрах к юго-западу от современного уездного г. Чжансянь в провинции Ганьсу. **Линьтань** (см. прим. 573) находился примерно в 70 км к западу от г. Яньчуань.

⁵⁸⁷ **Ючжоу**. Здесь (как и в кит. тексте) ошибка. Надо: "**Ючуань**". **Ючуань** - небольшой уездный город, созданный при династии Сун в 35 км к юго-западу от уезда Миньсянь, в южной части современной провинции Ганьсу. Что касается **округа Ючжоу**, то он находился в провинции Сычуань, т.е. далеко от театра военных действий. Этот вывод подтверждается также тем, что перечисленные ниже населенные пункты **Личуань**, **Люйчуань**, **Данчан** и **Датань** также были захвачены войсками Ваньянь Гана. Они также находились недалеко от уезда Миньсянь: **Личуань** - в 40 км к востоку, **Люйчуань** - в 60 км к востоку, **Данчан** - в 60 км к юго-востоку, а **Датань** - в 100 км к юго-востоку.

⁵⁸⁸ **Ханьшань** - это довольно крупный современный уездный город в восточной части провинции Аньхой, примерно в 40 км к западу от того места, где границу провинции пересекает р. Янцзы. Крепость **Мань** в китайском тексте не упоминается.

⁵⁸⁹ **Лайань** и **Цюаньцзяо** - уездные города, названия которых сохранились до наших дней. Они находятся в современной провинции Аньхой, почти на границе с провинцией Цзянсу (10 - 15 км). Продвигаясь дальше на восток, Хэшиле Цзы-жэнь вышел на берег р. Янцзы и занял **Чжэньчжоу** (ныне это г. Ичжэн), располагавшийся на территории современной провинции Цзянсу, в 35 - 40 км к северо-востоку от г. Нанкин, на левом берегу р. Янцзы. Сообщение об этом имеется ниже.

⁵⁹⁰ В южной части современной провинции Ганьсу, но несколько восточнее войск Ваньянь Гана, действовали войска Пучи Чжэня. Ими были заняты города: **Тяньшуй**, находящийся на р. Вэйхэ, в 110 км к западу от уездного г. Миньсянь и в 50 км к востоку от границы с провинцией Шаньси; окружной город **Сихэ** - в 60 км к югу от г. Тяньшуй. Сейчас оба эти пункта являются уездными городами и носят те же названия.

⁵⁹¹ **Ичэн** - современный уездный город в северной части провинции Хубэй, в 35 км к югу от г. Сяньян (см. прим. 274). Развалины старого города, о котором идет речь в тексте, находятся немного южнее.

⁵⁹² **Фэнчжоу** - современный уездный г. Фэнсянь. На отечественных картах иногда указывается уезд Цзюфэньсянь ("старый Фэнсянь"). Он находится в юго-западной части современной провинции Шэньси, в 60 км к юго-западу от г. Баоцзи и в 15 км от границы с провинцией Ганьсу.

⁵⁹³ **Синчжоу** - старое название города, существовавшее при династии Тан. Сунцы переименовали его в **Мяньчжоу**. Сейчас это уездный г. Мяньсянь, находящийся в юго-западном углу провинции Шэньси, в 100 км от стыка границ провинций Сычуань и Ганьсу.

⁵⁹⁴ **Шу** - название многих древних княжеств, в разное время существовавших на территории провинции Сычуань. Ныне это сокращенное литературное название провинции Сычуань.

⁵⁹⁵ **Гучэн** - город, название которого сохранилось до наших дней. Он расположен в северной части провинции Хубэй, в 60 км к северо-западу от г. Сянъянь (см. прим. 274).

⁵⁹⁶ **Цзечжоу** - современный уездный г. Уду. Он находится на юге провинции Ганьсу, к юго-западу от г. Сихэчжоу (см. прим. 590), в 50 - 70 км от границы с провинцией Сычуань.

⁵⁹⁷ **Фэнсянфу** - район современного уездного г. Фэнсян в средней части провинции Шэньси, в 130 км к западу от г. Сиань.

⁵⁹⁸ **Чжао Ко** (храмовое имя *Нин-цзун*) - тринадцатый император династии Южная Сун; правил с 1194 по 1224 гг.

⁵⁹⁹ **Сычжоу** - округ, созданный при династии Тан в северо-восточном углу провинции Аньхой. При династии Южная Сун название округа не изменилось, но окружной центр (г. Сычжоу) был перемещен в другое место, на 0,5 км к северу от современного уездного г. Сючжи на реке Хуайхэ, недалеко от границы с провинцией Цзянсу.

⁶⁰⁰ **"Места за великой рекой (Цзян)"** - территория к северу от р. Янцзыцзян, в междуречье Хуайхэ и Янцзыцзян. Эта ориентировка сделана с точки зрения государства Южное Сун.

⁶⁰¹ **Цаньи** - советник. Здесь, несомненно, речь идет о советнике императора по военным делам - *цзюньши цаньи*.

⁶⁰² **Хань То-чжоу** - крупный государственный деятель государства Южное Сун, занимавший очень высокие посты при императорском дворе. В 1203 г. он был назначен на пост тайши (см. прим. 66), а в 1205 г. стал государственным министром (канцлером). Под его руководством был составлен план военных действий против чжурчжэней. После многочисленных поражений Хань То-чжоу отправил послов к чжурчжэням с просьбой о заключении мира. Одним из основных условий чжурчжэней было требование выдать им зачинщиков войны. Первоначально китайцы пытались отделаться выдачей некоторых второстепенных деятелей, но в 1208 г. были вынуждены казнить Хань То-чжоу, а его голову отправить чжурчжэням.

⁶⁰³ **"Два места реки Хуай"** (*Лян Хуай*) - "места двух Хуай" (дословный перевод). Это одно из обычных для Китая сокращений, дословный перевод которых невозможен. Здесь надо перевести так: *"места к северу и югу от реки Хуай"*. Под термином *Лян Хуай* подразумевается средняя часть современной провинции Цзянсу, к югу и северу от р. Хуайхэ.

⁶⁰⁴ **"Шесть царств"** (*Лю чао*) - шесть династий (царств), правивших на территории Южного Китая и последовательно сменявших одна другую: 1) У (222 - 280) - одно из трех царств эпохи Троецарствия (220 - 280); 2) Восточная Цзинь (317 - 420). В 265 г. началось объединение Китая под властью династии Цзинь, которое закончилось к 280 г. покорением царства У. В 317 г. Северный Китай был захвачен "варварами" *тоба*, а под властью династии Цзинь сохранился только юг страны (до 420 г.); 3) Сун (420 - 479); 4) Ци (479 - 502); 5) Лян (502 - 557) (см. прим. 441); 6) Чэнь (557 - 589). Таким образом, "Лю чао" ("Шесть царств") существовали в Южном Китае с эпохи Троецарствия и до начала нового объединения страны под властью династии Суй.

⁶⁰⁵ Здесь упоминается эпизод междоусобной борьбы в "смутный период", известный в литературе как **"Эпоха пяти династий и десяти царств"**. За время с 907 по 960 гг. на севере Китая сменилось 5 династий. В это же время на юге существовало 10 царств. В действительности, самостоятельных владений было больше, еще больше существовало претендентов на захват власти в Поднебесной: то там, то здесь объявлялось о создании новых династий. Упомянутая в тексте династия **Хоу Чжоу** (*Поздняя Чжоу*) правила на севере Китая с 951 по 960 гг. Эра правления **Сянь-дэ** была установлена первым императором династии Поздняя Тан Го Вэем (Тай-цзу) в начале 954 г. и оставалась неизменной при его наследниках - Чай Жуне (Ши-цзун, 954 - 959) и Чай Цзун-сюне (Гун-ди, 959 - 960) - до самого конца династии. Это очень редкий случай в истории Китая. Царство **Нань Тан** (*Южная Тан*) владело частью территории Южного Китая и существовало с 937 по 975 гг.; Ли Цзи правил с 943 по 961 гг.

⁶⁰⁶ Упомянутые здесь четыре округа находились (по современному административному делению) в провинциях Хубэй и Аньхой, вдоль левого (северного) берега р. Янцзы: 1) **Хуанчжоу** - в провинции Хубэй, к востоку от г. Ухань; административный центр округа - г. Хуанган; 2) **Цичжоу** - восточнее округа Хуанчжоу; центр - г. Цичунь; 3) **Шучжоу** - еще восточнее; центр - г. Хуайнин (современный Аньцин - главный город провинции Аньхой); 4) **Лучжоу** (см. прим. 293) - к востоку от г. Шучжоу, в некотором отдалении от р. Янцзы. В подстрочном примечании Г.М. Розова употреблен топоним **Хугуан** - древнее название района современных провинций Хубэй и Хунань. Позднее, при монгольской династии Юань, Хугуан включал и часть современной провинции Гуанси.

⁶⁰⁷ Здесь не губернии (провинции), а **фу** (см. прим. 13) - промежуточные административные единицы между провинциями (*лу*) и округами (*чжоу*). **Тайюаньфу** - средняя часть современной провинции Шаньси. **Хэцзяньфу** - находилась в провинции Хэбэй (см. прим. 230). Что касается **Суншань**, то в справочной литературе по Северному Китаю такая административная единица или

город не зарегистрирована. Возможно, это район г. Баодин, где имеется несколько гор с таким названием.

⁶⁰⁸ Округ **Жучжоу** уже встречался выше (см. прим. 271). Округ **Сюйчжоу** находился в провинции Хэнань, в районе современного уезда Сюйчан, расположенного в самом центре провинции. Название уезда **Сянчэнсянь** сохранилось до наших дней. Он находится в 40 км к юго-западу от г. Сюйчан. При династии Сун этот уезд входил в состав округа Жучжоу, а при чжурчжэнях - в состав округа Сюйчжоу.

⁶⁰⁹ **Хулингуань**. Из всех перечисленных пунктов, взятых чжурчжэньскими войсками в девятом и десятом месяцах, только застава Хулингуань может быть точно локализована. Она находилась в 75 км к северо-востоку от современного уездного г. Сюньян (провинция Шэньси), на границе с провинцией Хунань.

⁶¹⁰ **Тэмүцзинь** - *Темучжин (Темучин), Чингисхан, Тай-цзу* (кит. храмовое имя); основатель и первый император монгольского раннефеодального государства. Описанный здесь эпизод не обнаружен в китайском варианте чжурчжэньской хроники. Вероятно он взят из другого сочинения, о чем свидетельствует китайская транскрипция имени Темучжина - *Тэ-му-цзинь*. Эта транскрипция появилась в последней четверти XVIII в.

⁶¹¹ **Шаншулин** - глава Шаншушэна (см. прим. 318). Иногда эта должность переводится на русский язык как "глава правительства" или "председатель совета министров".

⁶¹² **Дуцзи Цяньцзяну** (*Дуцзи Сы-чжун*) и **Чэн-юй** были сыновьями **Удубу** - будущего императора **Сюань-цзун** (1213 - 1223).

⁶¹³ **Ехулин**. Имеется несколько горных хребтов, носивших это название. Здесь говорится о небольшой горной возвышенности, расположенной в северной части провинции Хэбэй (южная часть бывшего Чахара), к северо-востоку от г. Наньчан.

⁶¹⁴ **Фучжоу, Сюаньпин** и **Сюаньдэ** - административные единицы, созданные чжурчжэнями после завоевания этого района. Они находились вблизи современного г. Калган (Чжанцзякоу): **Фучжоу** - к северу от современного уездного г. Чжанбэй; **Сюаньпин** - юго-западнее г. Калган, в районе современного г. Хуайань; **Сюаньдэ (чжоу)** - современный уездный г. Сюаньхуа в 30 км к юго-востоку от г. Калган.

⁶¹⁵ **Река Хойхэчуань**. К северо-востоку от г. Хуайань (см. прим. 614) сливаются две реки - Дунъянхэ и Наньянхэ, образуя р. Янхэ. В этом месте кидане и чжурчжэни имели укрепленный пункт. В тексте, по-видимому, р. Янхэ названа **Хойхэчуань**.

⁶¹⁶ Округа **Чанчжоу** и **Хуаньчжоу** были созданы чжурчжэнями. Находились они к северо-западу от г. Калган. Сейчас эта территория входит в состав провинции Хэбэй и Автономного района Внутренней Монголии. **Чанчжоу** - район современного г. Долоннор, а **Хуаньчжоу** находился между городами Долоннор и Калган.

⁶¹⁷ **Хушаху** - чжурчжэньское имя *Хэшилэ Чжи-чжун*, неоднократно упоминавшегося выше. Во многих текстах он именуется *Хэшилэ Хушаху* или просто *Хушаху*. В его биографии подчеркивается, что он был потомком Асу.

⁶¹⁸ **Диньань** - уезд, созданный киданями. Чжурчжэни сохранили его после завоевания ими Северного Китая. Уездный г. Диньань находился в 30 км к северо-востоку от г. Юйсянь, в районе р. Саньдинхэ.

⁶¹⁹ **Цзыцингуань** - застава и крепость в северной части провинции Хэбэй, к западу от современного г. Исянь, в горах Цзыцинлин, на дороге из провинции Хэбэй в провинцию Шаньси в направлении г. Датун.

⁶²⁰ **Гуйчуань** (а не *Вэйчуань*) - чжурчжэньский уездный город на р. Гуйчуань (левый приток р. Санганьхэ), примерно в 15 км к северо-западу от г. Пекин.

⁶²¹ Количество перечисленных здесь населенных пунктов свидетельствует о том, что к этому времени монголы захватили громадную территорию, простиравшуюся от северных районов современной провинции Шаньси до бассейна р. Шара-Мурэн (Верхняя Ляохэ). В их руках оказалась значительная часть территории провинции Хэбэй. Многие из перечисленных здесь пунктов уже встречались. К числу новых относятся несколько городов в округе первого класса **Дэсинфу**, юрисдикция которого распространялась на северную часть современной провинции Шаньси и северные районы провинции Хэбэй (по старому административному делению, на северные районы Хэбэй и южные районы Чахара), а также на прилежащие к ним территории Автономного района Внутренней Монголии. **Хунчжоу** - это район современного уезда Яньюань по р. Санганьхэ, на границе с провинцией Шаньси. **Чанпин** - район одноименного современного уездного города в 35 км к северо-западу от г. Пекин. **Хуайлай** - современный город в 50 - 60 км к северо-западу от г. Пекин, на дороге в г. Калган. **Фэнжунь** - город в 150 км к востоку от г. Пекин. **Миюнь** - город в 60 км к северо-востоку от г. Пекин. **Фунин** - город восточнее г. Фэнжунь, в 30 км к западу от г. Циньхуанда. **Цзинин (Пиндицюань)** - город в 110 км к западу от г. Калган, уже на территории Автономного района Внутренней Монголии. **Юнпин** - уездный город, созданный чжурчжэнями; находился в средней части провинции Хэбэй, в районе современного уездного г. Ваньсянь, недалеко от г. Баодин.

⁶²² **Нанькоу** - укрепленный город у южного конца прохода Цзюйюань, в 10 км к северо-западу от уездного г. Чанпин.

⁶²³ **Сяньлин** - начальник уезда.

⁶²⁴ **Баоаньчжоу** - чжурчжэньский округ, находившийся в районе современного уезда Баоаньсянь, примерно в 110 км к северо-западу от г. Яньань провинции Шэньси, недалеко от границы с провинцией Ганьсу.

⁶²⁵ **Тун чжифу ши** - заместитель префекта (начальника округа первого класса) см. прим. 279).

⁶²⁶ **Фэнчжи** - младший интендант дворца.

⁶²⁷ **Хуанмэнь** - название должности в дворцовом управлении; интендант, эконо, обычно чиновник шестого ранга. Первоначальное значение слова "хуанмэнь" - "дверь в императорском дворце". Отсюда в переводе Г.М. Розова и появлялось выражение "чиновник врат Хуанмэнь".

⁶²⁸ **Чжандэфу** - округ первого класса; входил в состав чжурчжэньской провинции Западная Хэбэй. Сейчас значительная часть Чжандэфу входит в состав провинции Хэнань. Центр округа находился в районе г. Аньян провинции Хэнань.

⁶²⁹ **Сянь-цзун** (*Ваньянь Хутува, Юнь-гун*) - второй сын императора Ши-цзуна. При жизни отца он был назначен наследником, но вскоре умер.

⁶³⁰ **Династия Сун** правила в Южном Китае в 420 - 479 гг. Иногда ее так и называют *Южная Сун* (*Лю Сун*). Князь **Ин-ян** (*Лю И-фу*) правил с 422 по 424 гг. Сменивший его император **Вэнь-ди** (*Тай-цзу, Лю И-лун*) правил с 424 по 453 гг. **Цзянлин** - город в средней части провинции Хубэй, на левом берегу р. Янцзы.

⁶³¹ **Чжао** - название одного из семи наиболее могущественных царств периода Чжань-го ("Воюющие царства" - 403 - 221 гг. до н.э.). Территория этого царства включала в себя (по современному административному делению) восточную часть Шаньси, южную часть провинции Хэбэй и территории провинции Хэнань, расположенные к северу от р. Хуанхэ. В 228 г. до н.э. царство Чжао было уничтожено царством Цинь.

⁶³² **Хойчжоу** - крепость, находившаяся на правом берегу р. Хуанхэ, в районе современного уездного г. Цзинюань в провинции Ганьсу. Старый город был смыт р. Хуанхэ.

⁶³³ **Гуаньчжоу** - танский округ, находившийся в провинции Хэбэй, к югу от г. Тяньцзин. Наличие чжурчжэньского округа с таким названием не зарегистрировано. Если он существовал, то должен был находиться в том же районе, что и упомянутые здесь населенные пункты **Хэцзяньфу** (см. прим. 230) и **Цанчжоу** (современный уездный г. Цансянь в 90 км к югу от г. Тяньцзин).

⁶³⁴ Населенные пункты **Чжэньдин** (см. прим. 223), **Цинчжоу** (см. прим. 560), **Вочжоу** (современный уезд Чжаосянь) и **Далин** (см. прим. 306) находились в южной части провинции Хэбэй. **Дунпин** - город в восточной части провинции Шаньдун, в 100 км к юго-западу от г. Цзинань. Города **Сюйчжоу**, **Пэйчжоу** (см. прим. 565) и **Хайчжоу** (см. прим. 564) располагались в северной части провинции Цзянсу, недалеко от границы с провинцией Шаньдун. Необходимо отметить, что у Г.М. Розова допущена ошибка: нет административной единицы **Цинво**, а есть округа **Цинчжоу** и **Вочжоу**.

⁶³⁵ **Линьфу** - район современного уезда в северо-восточном углу провинции Ганьсу. Здесь упоминается эпизод мятежа Ань Лу-шаня, когда император **Мин-хуан** (*Сюань-цзун, Ли Лун-цзи*) в 756 г. бежал в г. Сычуань и вскоре отрекся от престола в пользу своего сына. Его сын **Ли Хэн** (храмовое имя *Су-цзун*), вступил на престол в том же году в г. Линьфу.

⁶³⁶ **"Крепости Цзинь и Сянь"**. Здесь ошибка: "цзинь" (надо: "цзюнь") и "сянь" не топонимы, а названия административно-территориальных единиц. "Цзюнь" (синоним "чжоу") переводится на русский язык словом "округ", а "сянь" - словом "уезд". Таким образом, здесь идет речь о "чиновниках и благоразумных людях" окружных и уездных городов (без обозначения их названий), которые всегда в Китае имели крепостные стены.

⁶³⁷ **Цинцан**. Такой административно-территориальной единицы нет. Это два самостоятельных округа - **Цинчжоу** (см. прим. 560) и **Цанчжоу** (см. прим. 633).

⁶³⁸ Здесь, по-видимому, ошибка составителей маньчжурского варианта. Вместо округов **Аньчжоу** и **Сучжоу** должен быть один округ - **Аньсучжоу** (см. прим. 385).

⁶³⁹ Река **Ишуй** берет начало в горах Сишань, к западу от уездного г. Исянь. В пределах уезда Динсин она впадает в реку **Цзюймахэ**, которую также называют **Байгоухэ** (= *Богоу*). Что касается гор **Сишань**, то в провинции Хэбэй, по границе с провинцией Шаньси, имеется несколько горных районов, носящих это название, в том числе и знаменитые **Западные горы** (см. прим. 198), расположенные к западу от г. Пекин.

⁶⁴⁰ **Чжаншуй** (соврем. **Чжанхэ**) - река, берущая начало в юго-восточной части провинции Шаньси. Она имеет несколько истоков, носящих разные названия, текущих в юго-восточном направлении и сливающихся в одну реку - Чжаншуй. Это пограничная река между провинциями Хэбэй и Хэнань, от границы провинции Шэньси до места впадения в р. Вэйхэ. Река **Вэйхэ** (не путать с рекой **Вэйшуй**) течет в северо-восточном направлении и впадает в р. Хайхэ в 50 км от Бохайского залива, вблизи г. Тяньцзинь. Город **Вэйчжоу** находился на р. Вэйхэ, немного выше места впадения в нее р. Чжанхэ, на территории провинции Хэнань, в районе современного уездного г. Синьсян. Из контекста русского перевода Г.М. Розова

следует, что надо было охранять берега р. Чжаншуй от г. Вэйчжоу до впадения ее в море. Это ошибка. В китайском тексте совершенно четко говорится, что охране подлежали берега рек Чжаншуй и Вэйхэ до впадения их в море. Округ Вэйчжоу в китайском тексте вообще не упоминается.

⁶⁴¹ **Чэньу** - район современного уезда в юго-западном углу провинции Шаньдун, в 50 - 60 км от границы с провинцией Хэнань.

⁶⁴² **Шэньцзичжоу**. Здесь ошибка: такого округа не было. Это обычное для китайских текстов сокращение, когда при перечислении равнозначных топонимов определяющая часть всех слов опускается, оставаясь только у последнего. Здесь должно быть: "*города Шэньчжоу и Цичжоу*". Эти окружные города, как и три перечисленных уезда, находились в южной части современной провинции Хэбэй: **Шэньчжоу** - в 100 км к востоку от г. Шицзячжуан, в районе современного уезда Шэньсянь; **Цичжоу** (см. прим. 267); **Шулу** - в 70 км к юго-востоку от г. Шицзячжуан; **Аньин** - в 25 км к северу от г. Шицзячжуан; **Уцзи** - в 50 км к северо-востоку от г. Шицзячжуан.

⁶⁴³ **Цюйфу** - современный уездный город в юго-западной части провинции Шаньдун, примерно в 100 км к югу от г. Цзи'нань, недалеко от железной дороги. Могила Конфуция находится в одном километре к северу от этого города.

⁶⁴⁴ **Тайчан боши**. В Китае при императорском дворе существовала палата (приказ, департамент) *тайчансы*, в ведении которой находились жертвоприношения, совершаемые императором, императорские храмы, императорские гробницы. В обязанности *тайчан боши* входило наблюдение за соблюдением обрядов при проведении церемоний. **Боши** - наставник, учитель; в современном языке - профессор.

⁶⁴⁵ В 1215 г. Пусянь Ванну объявил о создании на территории Южной Маньчжурии нового государства, которое первоначально было названо *Великое Чжэнь (Восточное Чжэнь)*, а затем переименовано в *Восточное Ся*. Власть этого государства распространялась на значительную часть территории Южной и Восточной Маньчжурии, а также на соседние территории Северной Кори. В 1233 г. Восточное Ся было уничтожено монголами.

⁶⁴⁶ "*Вторично напало на Суйдэ*". Здесь ошибка. Надо: "*вновь напало на Суйпин*". **Суйпин** и **Кэчжунчжай** - небольшие укрепленные пункты, находившиеся в северной части провинции Шэньси: **Кэчжунчжай** - в 30 км к западу от уездного г. Суйдэ; **Суйпин** - немного южнее г. Кэчжунчжай, к западу от современного уездного г. Цинцзянь.

⁶⁴⁷ **Шуянчжай** (соврем. *Шуянчжэнь*) - небольшой укрепленный городок в юго-восточной части провинции Ганьсу, к северу от уездного г. Лунси.

⁶⁴⁸ **Иньцин жулун дафу** - славный и высокочтимый сановник, отмеченный серебряным знаком на ярко-синем шнуре. Это один из самых высоких почетных титулов, присваивавшихся за выдающиеся заслуги. Он получил широкое распространение при монгольской династии Юань.

⁶⁴⁹ "*Отложившиеся от Цзинь Лань-чжоу-цзи и Чэнь-сэн*". Здесь ошибка, допущенная при составлении маньчжурского варианта. Надо: "*Отложившийся от Цзинь Чэн Чэнь-сэн из Ланьчжоу и другие*".

⁶⁵⁰ **Хошань** - небольшой водораздельный хребет между реками Фэньшуй и Циньхэ, простирающийся с севера на юг в средней части провинции Шаньси, к западу от уездных городов Хосянь и Хунчжао.

⁶⁵¹ Хэ Дин в 1216 г. объявил себя императором династии *Великая Хань* в южной части провинции Шаньдун. Попытка не увенчалась успехом, и вскоре новоявленное государство было уничтожено чжурчжэнями.

⁶⁵² Все упомянутые здесь населенные пункты находились в провинции Шаньдун, к югу и юго-востоку от г. Цзи'нань. **Тэнчжоу** (соврем. уезд *Тэнсянь*) располагается на самом юге провинции, в 20 км от границы с провинцией Цзянсу. **Яньчжоу** - округ в районе современного уезда Цзыян, в 120 км к югу от г. Цзи'нань. **Шаньчжоу** упоминался выше (см. прим. 266). **Лайу** - уездный город в 70 км к юго-востоку от г. Цзи'нань. **Синьтай** - город в 100 км к юго-востоку от г. Цзи'нань.

⁶⁵³ **Аньсайцзю**. В справочниках имеются сведения о небольшом укрепленном пункте с таким названием, находившемся в провинции Шэньси (воеводство Суйдэцзюнь; см. прим. 283), в 40 км к северу от уездного г. Аньсай (70 км к северу от г. Яньань).

⁶⁵⁴ **Динси** - чжурчжэньский город. Находился он в 13 км южнее современного одноименного уездного города, расположенного в восточной половине провинции Ганьсу, в 40 км к северу от г. Лунси.

⁶⁵⁵ **Мяньчи** - уезд, созданный чжурчжэнями; название его сохранилось до наших дней. Одноименный уездный город находится в северо-западной части провинции Хэнань, в 60 км к западу от г. Лоян.

⁶⁵⁶ **Пиньян** - округ первого класса (*фу*). Его управление находилось в городе *Линьфэн* (современный уездный город в юго-западной части провинции Шаньси).

⁶⁵⁷ Все перечисленные здесь пункты должны были находиться в провинции Шаньси. **Дайчжоу** уже упоминался выше (см. прим. 221). Населенные пункты с названием **Шэньсянь** известны в провинциях Хунань и Сычуань, т.е. в районах, куда монголы в это время еще не проникали. Здесь, по-видимому, должен быть уездный город **Шэньшань**, который находился в южной части провинции Шаньси (соврем.

Фушань). **Хэнчэн** - небольшое укрепление на восточном берегу р. Хуанхэ, напротив г. Синцин (соврем. *Иньцунь*). Здесь имеется в виду другой г. Хэнчэн в провинции Шаньси. Город **Пиндин** находился в 80 км к востоку от г. Тайюань. **Чэнтяньчжэнь** - город в 30 км к северо-востоку от г. Пиндин.

⁶⁵⁸ **Лучжоу** - район современного уезда Чанчжи в провинции Шаньси, в 60 км к западу от стыка с ней границ провинций Хэбэй и Хэнань. **Хэчжун** и **Цзянчжоу** (см. прим. 264) также находились в провинции Шаньси. Что касается **Мэнцзина** (см. прим. 248), то в китайском тексте упоминается округ **Мэнчжоу**, находившийся в этом же районе, но ближе к границе провинции Шаньси, в 55 км к северо-востоку от г. Лоян.

⁶⁵⁹ **Сичжоу** - город в южной части провинции Хэнань, на левом берегу р. Хуанхэ.

⁶⁶⁰ "**По берегам реки Цзян-хуай**". Это ошибка. В китайском варианте хроники написано: "**вдоль реки Хуайхэ**".

⁶⁶¹ **Луншань** - горы (гора) в южной части провинции Хэнань, к северо-востоку от уездного г. Хуайхэ.

⁶⁶² **Лянгуань** - это не топоним. Сочетание "**лян гуань**" надо переводить как "**две заставы**". К западу и югу от г. Сяньян и к югу от г. Гуанчжоу (соврем. Гуаншань) простирается хребет **Хуайяньшань** - водораздел между реками Хуайхэ и Янцзы. В этом месте проходит граница между провинциями Хэнань и Хубэй. Возможно, две заставы, упомянутые в тексте, находились в этих горах, в районе округа Гуанчжоу.

⁶⁶³ **Фаньчэнсянь**. Наличие такого уезда в справочниках не зарегистрировано. Город **Фаньчэн** сохранился до наших дней и находится в северной части провинции Хубэй, к северу от г. Сяньян, на левом берегу р. Ханьшуй. Где-то здесь должна была находиться и местность **Нихэвань**.

⁶⁶⁴ **Ляньшуйсянь** - уезд, название которого сохранилось до наших дней. Город **Ляньшуй** находится в 30 км к северо-востоку от г. Хуайян, на левом берегу старого русла р. Хуанхэ, в северной части провинции Цзянсу.

⁶⁶⁵ **Учэнсянь** (в кит. тексте **Мяньчэнсянь**). Имеется около десятка уездов, названия которых по-русски транскрибируются "**Учэн**". Некоторые из них находились в районах возможных действий монгольских войск. Уезд **Мяньчэн** в справочниках не зарегистрирован. Трудно высказать какое-либо предположение относительно этой неувязки.

⁶⁶⁶ **Шицзо** - небольшой населенный пункт (**чжэнь**) к югу от уездного г. Дунхайсянь (Синьхайлянь), в северной части провинции Цзянсу. Здесь же должен находиться и **Чжунтуцяо**.

⁶⁶⁷ В десятом - двенадцатом месяцах (конец 1217 - начало 1218 гг.) монголы нанесли удар по чжурчжэньской провинции Восточная Шандун (восточная половина современной провинции Шаньдун). Нападению подверглись следующие пункты (указываются только упоминающиеся впервые): **Цзоутин** - современный уездный город в 80 км к северо-востоку от г. Цзи'нань; **Чаншань** - современный уездный город в 85 км к востоку от г. Цзи'нань; **Биньчжоу** - современный уездный г. Биньсянь в 120 км к северо-востоку от г. Цзи'нань; **Дичжоу** - город в 110 км к северо-востоку от г. Цзи'нань, в районе современного уезда Хойминь; **Ичжоу** - современный уездный г. Линь в 60 км к северу от г. Цзи'нань; **Идуфу** - современный уездный г. Иду в 130 км к востоку от г. Цзи'нань.

⁶⁶⁸ **Тешань**. В Китае есть несколько гор, носящих это название. Ближайшие к округу Сычжоу (см. прим. 599) горы Тешань находятся в северо-западном углу провинции Цзянсу, к северо-востоку от г. Сюйчжоу. От них до г. Сычжоу около 110 км.

⁶⁶⁹ **Цинкоу** - город на северо-востоке провинции Цзянсу, в 6 км к юго-востоку от уездного г. Ганьюй.

⁶⁷⁰ **Фаншань** - гора на территории уезда Юньсянь, на северо-западе провинции Хубэй.

⁶⁷¹ **Цзюйшань** - горы в южной части уезда Дунхайсянь (Синьхайлянь) провинции Цзянсу.

⁶⁷² **Цзаоцзяопу** - укрепленный пункт, находившийся в провинции Хубэй, между уездными городами Тяньмэнь и Цзиншань, примерно в 120 км к северо-западу от г. Ухань.

⁶⁷³ Выше сообщалось, что Око разбил сунцев у горы Фаншань в провинции Хубэй (см. прим. 670), а описанные здесь события произошли через 16 дней. Еще через 21 день его войска уже действовали примерно в 100 км восточнее Фаншаня, в районе современного уезда Гуанхуа. Таким образом, можно предположить, что упомянутые здесь населенные пункты находились в этом же районе.

⁶⁷⁴ **Гаоми** - уездный город в провинции Шаньдун, в 60 км к северо-западу от г. Циндао. При чжурчжэнях он входил в состав округа Мичжоу (см. прим. 265).

⁶⁷⁵ Из перечисленных здесь пунктов три встречаются впервые: 1) **Цзигуншань** - горы в южной части хэнаньского уезда Синьян (см. прим. 398); 2) **Хэчисянь** - город в юго-восточном углу провинции Ганьсу, в 45 км к востоку от уезда Чэнсянь (сейчас населенного пункта с таким названием нет); 3) **Хэйгугуань** - застава в горах Хэйгу. **Горы Хэйгу** находятся к западу от современного уезда Тяньшуй, в провинции Ганьсу.

⁶⁷⁶ **Цзяосисянь** - современный уезд **Цзяосянь** в 40 км к северо-западу от г. Циндао, в восточной части провинции Шаньдун.

⁶⁷⁷ **Сяньлуну** - укрепление в южной части провинции Хэбэй, в горах Тайханшань (пограничный хребет, отделяющий провинцию Шаньси от провинции Хэбэй), к северо-западу от уездного г. Синтай.

⁶⁷⁸ **Цзюйчжоу** - современный уездный город **Цзюйсянь**. **Жичжаосянь** - город, название которого сохранилось до наших дней. Оба эти пункта находятся в восточной части провинции Шаньдун, недалеко от побережья Желтого моря, в 30 - 65 км от границы с провинцией Цзянсу.

⁶⁷⁹ Здесь Г.М. Розов в скобках дает правильное название округа. Округ **Дуаньчжоу** вообще не существовал, что не проверили составители маньчжурского варианта. Ошибка произошла из-за близости написаний иероглифов "дуань" и "цзя". Округ **Цзячжоу** находился в районе современного уезда Цзясянь, в северной части провинции Шэньси, вдоль правого берега р. Хуанхэ.

⁶⁸⁰ **Лайчжоу** - район современного уезда Есянь в провинции Шаньдун, на берегу залива Лайчжоувань. В названии залива сохранилось наименование старого танского округа.

⁶⁸¹ **Течэнпу** - населенный пункт в юго-восточной части провинции Ганьсу, в 40 км к востоку от уездного г. Линьсянь.

⁶⁸² **Шихэ** - река в юго-восточной части провинции Хэнань, правый приток р. Хуанхэ. Течет в северном направлении и впадает в Хуанхэ на границе с провинцией Аньхой. Район среднего течения этой реки находится всего в 100 - 150 км от упомянутого здесь округа Шоучжоу (см. прим. 557).

⁶⁸³ **Хуансянь** - населенный пункт в 80 км к западу от г. Яньтай (Чифу), на полуострове Шаньдун. Его название сохранилось до наших дней.

⁶⁸⁴ **Линьцюаньсянь** - уезд, входивший при чжурчжэнях в состав округа Шичжоу. Чжурчжэньский уездный г. Линьцюаньсянь находился к западу от современного уездного г. Линьсянь, расположенного в средней части провинции Шаньси.

⁶⁸⁵ **Гошиюань** - Академия государственной истории. Одно из важнейших центральных учреждений чжурчжэньского государства. При чжурчжэнях эта организация впервые была выделена в самостоятельное учреждение и получила название **Гошиюань**. В ее задачи входило проведение ежедневных систематических записей деяний императоров и других важнейших событий в жизни страны. После смерти очередного императора на основании этих записей составляли "**Ши лу**" ("Правдивые записи") о царствовании этого императора. **Бяньсюгуань** - составитель (исторических трудов) в Гошиюане. Обычно это был чиновник невысокого восьмого ранга первого класса.

⁶⁸⁶ **Каньгу** - чжурчжэньский окружной город, находившийся в провинции Ганьсу, примерно в 40 км к юго-востоку от г. Ланьчжоу.

⁶⁸⁷ **Мухури** (*Му-хуа-ли, Мухали*) - монгольский полководец, осуществлявший руководство военными действиями против чжурчжэней с 1218 г., когда главные силы монголов были заняты на западе. Резиденция его была в современном г. Пекин.

⁶⁸⁸ **Тайхэлин** - горы, находившиеся к востоку от уездного г. Шосянь, в северной части провинции Шаньси. Более точных сведений об этих горах нет. Возможно, это хребет **Хэншань**, простирающийся с северо-востока на юго-запад от границы провинции Хэбэй, или один из его отрогов. Занятый монголами округ Дайчжоу как раз находился за этим хребтом (на юго-восточных склонах).

⁶⁸⁹ "**Сучжоу и Цяньчжоу**". Это ошибка. Надо: "**уездный город Суцянь**". Город **Суцянь** находится в северной части провинции Цзянсу. При чжурчжэнях он входил в состав провинции Западная Шаньдун.

⁶⁹⁰ **Шоугуансянь** - уездный город в восточной части провинции Шаньдун, в 40 км от залива Лайчжоувань.

⁶⁹¹ **Циньшуй, Дуаньши и Гаопин** - уездные города, входившие в состав округа Цзэчжоу чжурчжэньской провинции Южная Хэдун. Округ **Цзэчжоу** охватывал юго-восточную часть провинции Шаньси, прилегающую к провинции Хэнань. Управление округа находилось в городе **Цзиньчэн** (современный уездный город). Упомянутые здесь три чжурчжэньских уездных города располагались следующим образом: **Циньшуй** - в 65 км к северо-востоку от г. Цзиньчэн; **Дуаньши** - в 30 км к северо-востоку от г. Циньшуй; **Гаопин** - в 40 км к северу от г. Цзиньчэн. Горы, о которых говорится в тексте, это **Тайханьшань** - пограничный хребет между провинцией Шаньси и провинциями Хэбэй и Хэнань.

⁶⁹² **Тикун** - начальник, управитель; глава самостоятельного, но не очень большого учреждения (архива, окружного казначейства и т.п.). Эта должность существовала в аппарате чжурчжэньского государства Цзинь и монгольской империи Юань.

⁶⁹³ **Аньцю**. При чжурчжэнях этот уезд входил в состав округа Мичжоу провинции Восточная Шаньдун. Современный г. Аньцю находится в 110 км к северо-западу от г. Циндао.

⁶⁹⁴ **Тайфу шаоцзянь** - заместитель начальника (директора) государственного казначейства.

⁶⁹⁵ **Чжихубао** (*цзю*) - небольшой укрепленный городок в провинции Ганьсу в 25 км к востоку от г. Ланьчжоу. Он был построен сунцами до завоевания этого района чжурчжэнями.

⁶⁹⁶ **Фу** и (ниже в тексте летописи это племя названо **Фу бу**). Здесь речь идет не о названии племени ("колена" у Г.М. Розова), а о своеобразной военной организации, существовавшей у киданей, чжурчжэней и монголов. В китайском тексте написано: "**Цзю жэнь**" - "люди цзю"; "люди из войска цзю". Иероглиф "**цзю**", по-видимому, киданьский и заимствован составителями для обозначения этой своеобразной

организации. Чтение его спорно, а употребленное здесь "цзю" - это один из предлагаемых вариантов. Авторы маньчжурского текста читали его как "фу" не только в этом контексте, но и в ряде собственных имен (напр., *Фули, Фулишэ*). У чжурчженей "войска цзю" (*цзю цзюнь*) предназначались только для охраны границ. Особенностью таких войск было формирование их только из иностранцев, главным образом, киданей и кумоси. После этого уточнения текст становится вполне понятным.

⁶⁹⁷ **Трудовая повинность** (*государственная барщина*) - одна из форм эксплуатации крестьян государством в Китае. Наряду с уплатой *поземельного налога* зерном и *промысловой подати* изделиями домашнего ремесла, крестьяне обязаны были отбывать трудовую повинность на строительстве ирригационных сооружений, дорог, укреплений, каналов, различных сооружений в столице и т.п. Существовала так называемая "*триада повинностей*". Продолжительность государственной барщины в разные эпохи колебалась в значительных пределах - от 12 - 20 до 30 и более дней. Эту повинность отбывали все трудоспособные крестьяне.

⁶⁹⁸ **Аньфэн**. В различных районах Китая существовало несколько уездных городов и других населенных пунктов, носивших это название. Здесь говорится о сунском уездном г. Аньфэн, находившемся к югу от р. Хуайхэ, в 30 км к юго-западу от уездного г. Шоусянь. Река **Фэйшуй**, в направлении которой чжурчжэни преследовали разбитый сунский отряд, берет начало в уезде Хэфэй (к юго-востоку от г. Аньфэн), течет в юго-западном направлении и впадает в оз. Чаоху; относится к бассейну р. Янцзы.

⁶⁹⁹ **Лянсянь**. Здесь не может быть сунский (позднее чжурчжэньский) уездный г. Лянсянь, находившийся в 90 км к юго-западу от г. Лоян. При династии Северная Вэй на территории современного уезда Чусянь (см. прим. 585) в провинции Аньхой существовал уезд Лянсянь. Возможно, так же назывался при чжурчжэнях и какой-нибудь населенный пункт в этом районе.

⁷⁰⁰ **Дуцзянь** - генерал-инспектор. При династии Тан это был специальный чин, командировавшийся для ревизии в воинские части. Начиная с династии Сун, в каждую провинцию назначался дуцзянь для надзора за гвардейскими частями, горнизоном, организацией обороны границ и обучением войск.

⁷⁰¹ **Хутоугуань** - застава в горах *Циньлин* (хребет, пересекающий провинцию Шэньси с востока на запад южнее г. Сиань), в 50 км к северу от городов Синъюань и Янчжоу (см. прим. 316).

⁷⁰² **Шанцзиньсянь** - самый крайний северо-западный уезд в провинции Хубэй. Уездный г. Шанцзинь находится в 15 - 30 км от границы с провинцией Шэньси. Фразу "*прошел до города Хаочжоу*" (см. прим. 299) надо понимать так: "*затем войска были переброшены в район города Хаочжоу*".

⁷⁰³ **Малинцзю**. Зарегистрировано около десятка топонимов, в состав которых входят иероглифы "Малин". Здесь речь может идти о двух пунктах: 1) застава **Малингуань** (которую иногда называют "*укрепление Малинчжай*") - в провинции Шэньси, на границе с провинцией Ганьсу, южнее р. Вэйхэ; 2) застава **Малингуань** - в 115 км к востоку от уездного города Шицзюань, находящегося в южной части провинции Шэньси, в 80 км от границы с провинцией Сычуань.

⁷⁰⁴ **Мачэнсянь** - современный уездный город в восточной части провинции Хубэй, в 40 км от границы с провинцией Аньхой. Что касается горы **Тушань**, то она находилась в провинции Аньхой, на территории уезда Хуайюань, на восточном (правом) берегу р. Хуайхэ, примерно в 250 км от г. Мачэнсянь.

⁷⁰⁵ **Тунтайчжай** - укрепленный пункт, находившийся в северной части провинции Шэньси, в 25 км к северо-западу от уездного г. Цзясянь.

⁷⁰⁶ **Хуанню** - небольшая крепость в провинции Шэньси, почти на границе с провинцией Ганьсу, к югу от р. Вэйхэ.

⁷⁰⁷ **Босин** и **Цзимо** - населенные пункты провинции Шаньдун. Босин находился в северной ее части, в 60 км от берега залива Лайчжоувань, а Цзимо - в 40 км к северу от г. Циндао.

⁷⁰⁸ **Паньгуань** - ассистент, инспектор, надзиратель. В данном случае имелся в виду инспектор войск округа (*цзюньши паньгуань*).

⁷⁰⁹ **Хэхэсянь** - населенный пункт в провинции Шаньси, в 140 км к северо-западу от г. Тайюань, недалеко от р. Хуанхэ.

⁷¹⁰ **Тунбо** - современный уездный город в южной части провинции Хэнань, на границе с провинцией Хубэй.

⁷¹¹ **Хаоцзю** - укрепление, находившееся в провинции Шаньси, в горах Люйлян (южная часть хребта), являющихся водоразделом рек Хуанхэ и Фэнхэ.

⁷¹² **Полководец Лунхувэй** (*Лунхувэй цзянцзюнь*) - самый высокий почетный воинский титул, учрежденный чжурчжэнями. Позднее был заимствован монголами, а затем китайцами (при династии Мин).

⁷¹³ **Линьчжоу** - современный уезд *Линьсянь* на севере провинции Хэнань (в 50 км к западу от г. Аньян); известен со времени династии Сун. Незадолго до монгольского нашествия уезд был реорганизован чжурчжэнями в округ.

⁷¹⁴ **Цзаоцян** и **Тансянь** - населенные пункты, названия которых сохранились до наших дней. Они находятся в провинции Хэбэй: **Цзаоцян** - в южной части, недалеко от границы с провинцией Шаньдун; **Тансянь** - в средней части, в 50 км к юго-западу от г. Баодин.

⁷¹⁵ **Лэлин** - современный уездный город на севере провинции Шаньдун, недалеко от границы с провинцией Хэбэй. Упомянутый выше город Цзаоян (см. прим. 714) находится в 130 км к западу от г. Лэлин. Что касается **Цзяньшаня**, то в справочниках этот населенный пункт не зарегистрирован. Здесь также допущена ошибка при переводе. В тексте: "**Ван Фу-лянь, вступив в сражение...**". Надо: "**Ван Фу несколько раз атаковал**". Иероглиф "**Лянь**" не составная часть имени, а слово, означающее "подряд, один за другим". Эта ошибка на совести составителей маньчжурского варианта.

⁷¹⁶ **Ючжоу** - чжурчжэньский округ. Он находился в северной части провинции Шаньси, южнее того места, где Великая китайская стена подходит к р. Хуанхэ.

⁷¹⁷ **Дунмин** и **Чанъюань** - населенные пункты, названия которых сохранились до наших дней. Они находятся в северной части провинции Хэнань: **Дунмин** - на правом берегу р. Хуанхэ, в 85 км, а **Чанъюань** - по левому берегу, в 50 км к северо-востоку от г. Кайфын.

⁷¹⁸ **Цзунлин** - чиновник, ведающий снабжением армии продовольствием.

⁷¹⁹ Эту фразу надо изложить так: "...пересек **Люша** ("плавучие пески", пустыня в низовьях р. Эдзин-гол - А.М.), перевалил через хребет **Цунлин** (Памир - А.М.) и достиг Западного края (Си юй, т.е. Средняя Азия - А.М.)". Данная ошибка также на совести составителей маньчжурского варианта. Появление в маньчжурском тексте реки **Люша** не случайно, т.к. в провинции Хэбэй, в южной части уезда Чанпин протекает река с таким названием (приток р. Байхэ). Что касается топонима **Сичэн**, то эта ошибка произошла от того, что иероглифы "**чэн**" (город) и "**юй**" (край, район) очень близки по написанию. В чжурчжэньской хронике, в биографии Угусунь Чжун-дуаня, сообщается, что путешествие продолжалось 1 год и 5 месяцев.

⁷²⁰ Гора **Цзинцзюй** входит в систему хребта Хуайяньшань и находится к юго-западу от г. Гуаншань. По хребту Хуайяньшань частично проходит граница между провинциями Хэнань и Хубэй. Застава **Хуантугуань** также находится в горах Хуайяньшань, к юго-западу от уездного г. Синьян.

⁷²¹ **Сичэн**. Все топонимы **Сичэн** ("Западный город"), отмеченные в справочниках, находились слишком далеко от района, где действовали войска Хэшиле Яута. В "**Цзинь ши**" (гл. 117) упоминается г. Сичэн, не отмеченный в справочниках. Он находился в округе Сычжоу (см. прим. 599), на северо-востоке современной провинции Аньхой.

⁷²² **Фэньюй** - начальник над шестью дворцовыми службами, обслуживавшими императора и его семью. Эти шесть служб ведали пищей, лекарствами, одеждой, жилыми помещениями, конюшней и экипажами.

⁷²³ **Чуцю** - уезд, существовавший со времени династии Суй и до динстии Мин. Уездный г. Чуцю находился в юго-западном углу современной провинции Шаньдун, в 20 км к юго-востоку от г. Цаосянь, недалеко от границы с провинцией Хэнань.

⁷²⁴ **Фума дувэй** - заведующий государевыми конями. Эта должность была учреждена в 130 г. до н.э. Начиная с III - V вв., всем, кому жаловались в жены дочери императора, присваивалось звание **фума дувэй**. Отдельно термин "**дувэй**" в древности имел значение "смотритель, надзиратель". При династии Тан он получил очень широкое распространение, появилась масса различных дувэев - начальников, как правило, не очень важных административных служб.

⁷²⁵ **Даншаньсянь** и **Юнчэнсянь** - уездные города, названия которых сохранились до наших дней. Находятся они в разных провинциях: **Даншань** - в северо-западном углу провинции Аньхой, почти на стыке границ провинций Аньхой, Цзянсу, Шаньдун и Хэбэй; **Юнчэн** - в 60 км к югу от г. Данчан, но уже в провинции Хэнань.

⁷²⁶ "**Линьхуайский главнокомандующий**". Надо: "командование войсками округов **Линьчжоу** и **Хуачжоу**" (см. прим. 713 и 253).

⁷²⁷ Населенные пункты **Шэньцю**, **Тайхэсянь** и **Мэнчэнсянь** при чжурчжэнях входили в состав провинции Южной столицы. Сейчас это одноименные уездные города. **Шэньцю** стоит на р. Инхэ в провинции Хэнань, примерно в 20 км от границы с провинцией Аньхой. **Тайхэсянь** и **Мэнчэнсянь** находятся в провинции Аньхой в 65 км к юго-востоку и в 140 км к востоку от г. Шэньцю соответственно.

⁷²⁸ Город **Инчжоу**, упомянутый Г.М. Розовым в подстрочном примечании, находится к северу от р. Хуайхэ, западнее г. Шоучжоу (см. прим. 557), в районе современного уездного г. Фуян. Город **Гушисянь** находится в провинции Хэнань, в ее юго-восточном углу.

⁷²⁹ **Шандан** - уезд, входивший при чжурчжэнях в состав округа Лучжоу (см. прим. 658) провинции Южная Хэдун. Сейчас это район уезда Чанчжи в юго-восточном углу провинции Шаньси.

⁷³⁰ Укрепление **Хубинь** и уездный город **Линьцзинь** находятся в юго-восточной части провинции Шаньси, южнее места впадения р. Фэньшуй в р. Хуанхэ.

⁷³¹ Императрица, жена царствующего императора, по-китайски именовалась "**хуанхоу**". Новый император после восшествия на престол специальным указом присваивал жене почившего предшественника титул "**хуантайхоу**", который на русский язык можно перевести как "вдовствующая императрица".

⁷³² **Ли Дэ-ван** - государь тангутского государства Западное Ся, правивший с 1223 по 1226 гг. В отечественной литературе именуется просто **Дэ-ван**. При этом императоре (по его инициативе) был

заключен мир с чжурчжэнями, но время было безвозвратно потеряно: обе страны растратили силы в войне за взаимное истребление, что существенно ослабило их перед лицом монгольского нашествия.

⁷³³ **Чжунсинфу** - столица тангутского государства Западное Ся с 1020 г. и до разгрома его монголами в 1227 г. Такое название было дано тангутской столице в 1205 г., до этого она именовалась *Синчжоу* и *Синцин*. Сейчас это город *Иньчуань* (бывший *Нинся*) в южной части Автономного района Внутренней Монголии.

⁷³⁴ **Гуйшань**. В справочниках отмечено более двадцати гор, носящих это название и находящихся в различных районах Китая. Здесь имеется в виду гора, расположенная на территории уезда Сюйи в провинции Аньхой, в 15 км к северо-востоку от уездного города.

⁷³⁵ **"Ли цзи"** - "Трактат о правилах поведения"; входит в состав Пятикнижия ("У цзин") конфуцианского канона. "Ли цзи" состоит из ряда самостоятельных произведений, написанных в IV - II вв. до н.э.

⁷³⁶ **"Канси цзыдянь"** - один из крупнейших иероглифических словарей; составлен по указу маньчжурского императора Канси в 1710 - 1716 гг. В нем зарегистрировано более 47 тыс. иероглифов и их вариантов, имеются многочисленные примеры их употребления, почерпнутые из древних сочинений.

⁷³⁷ **Угедей** - монгольский великий хан с 1229 по 1241 гг. После смерти Чингисхана потребовалось почти два года для того, чтобы утрясти вопрос о престолонаследии и избрать нового великого хана.

⁷³⁸ **Дачаньюань** - небольшой населенный пункт в восточной части провинции Ганьсу, в 15 км к западу от уездного г. Нинсянь, находящегося в 25 км от границы с провинцией Шэньси.

⁷³⁹ **Госянь** - уезд, входивший при чжурчжэнях в состав провинции Фэнсянлу. Уездный город находился на территории современной провинции Шэньси, почти на границе с провинцией Ганьсу, в районе небольшого населенного пункта Гочжэнь, расположенного в 25 км к востоку от уездного г. Баоцзи.

⁷⁴⁰ **Чжунмоу** - современный уезд в провинции Хэнань, в 30 км к западу от г. Кайфын (Бяньцзин).

⁷⁴¹ **Хуаинь** - уезд, получивший свое название еще при династии Хань. Находится он в провинции Шэньси, по правому берегу р. Вэйхэ, примерно в 20 км от места впадения ее в р. Хуанхэ.

⁷⁴² Два представителя рода Ваньянь носили имя Окэ, и современники отличали их по прозвищам. Одного из них звали *Цаохэ* ("костер из соломы"), т.к. он любил поджаривать разбойников на костре из соломы. Второго Окэ звали *Баньцзы* (*Бянь*) ("бамбуковая палка для наказания преступников"). Он прославился тем, что как-то раз для наказания провинившегося чиновника использовал вместо бамбуковой палки планку, применявшуюся при игре в домино.

⁷⁴³ **Усю** - застава в провинции Шэньси, к востоку от уезда Фэньсянь.

⁷⁴⁴ **Хуаймэн**. Здесь ошибка. Надо: *"Хуачжоу и Мэнчжоу"* (см. прим. 253, 658). Упомянутые в примечании населенные пункты также находились в провинции Хэнань. Из них впервые встречается округ *Суйчжоу* - современный уездный г. Суйсянь в 75 км к юго-востоку от г. Кайфын. Что касается *Чаньфу*, то такой пункт в справочной литературе не обнаружен.

⁷⁴⁵ **Ханьцзян** - р. Ханьшуй, левый приток р. Янцзы. Она берет начало в юго-западном углу провинции Шэньси, на границе с провинцией Ганьсу, пересекает в восточном направлении провинцию Шэньси, в юго-восточном направлении провинцию Хубэй и впадает в р. Янцзы около г. Ухань.

⁷⁴⁶ **Юйшань** - название горы в провинции Хэнань, в 15 км к юго-западу от уездного г. Дэнсянь (чжурчжэньский г. Дэнчжоу).

⁷⁴⁷ **"Два брата Лоуши"**. Это ошибка. Надо: *"два Лоуши из фамилии Ваньянь (Ваньянь Лоуши)"*. В тексте хроники уже упоминался один Ваньянь Лоуши, пленивший в свое время последнего киданьского императора Тянь-цзо (см. прим. 284). В биографическом разделе "Цзинь ши" отмечается, что в это смутное время в чжурчжэньских войсках на различных командных постах служило три Ваньянь Лоуши. Различались они по возрасту - старший, средний и младший. Нет никаких сообщений о том, что они являлись близкими родственниками. Старший Лоуши погиб в сражении с монголами, а два других сдались сунцам и были убиты.

⁷⁴⁸ **Жуфэнь**, **Цзюньчжоу** и гора **Санфэншань** находились в средней части современной провинции Хэнань. **Жуфэнь** - это современный уездный г. Есянь в 65 км к юго-западу от г. Сюйчан. **Цзюньчжоу** - современный уездный г. Юйсянь в 40 км к северо-западу от г. Сюйчан. Гора **Санфэншань** находится на территории уезда Юйсянь.

⁷⁴⁹ **Яньши** - уездный город в 30 км к востоку от современного г. Лоян. Упомянутая ниже гора **Шаошишань** находится примерно в 20 км к юго-востоку от г. Яньши, в районе г. Дэнфэн.

⁷⁵⁰ **Толуй** - четвертый сын Чингисхана; отец третьего великого хана *Мунке* и завоевателя Китая, основателя монгольской империи Юань *Хубилая*.

⁷⁵¹ **Даохойгу** - местность в провинции Шэньси, на территории уезда Ланьтянь, к юго-востоку от г. Сиань.

⁷⁵² В 1232 г. дважды была произведена смена девиза правления. 12 февраля 1232 г. (в первый месяц по лунному календарю) девятый год эры правления *Чжэн-да* был заменен на первый год эры правления *Кай-син*, а 6 мая того же года вновь была произведена замена на эру правления *Тянь-син*.

⁷⁵³ **Гуаньшань** - *Гуань* (Гуаньдун) и *Шань* (Шаньчжоу). Возможно, здесь *Гуаньдун* - населенный пункт, основанный чжурчжэнями. Он находился примерно в 20 км к востоку от заставы Тунгуань (см. прим. 418), к западу от современного уездного г. Вэньсян в провинции Хэнань. *Шаньчжоу* (см. прим. 418) находился в 80 км к востоку от заставы Тунгуань. Этот очень важный для чжурчжэней стратегический район по правому берегу р. Хуанхэ прикрывал провинцию Хэнань с севера, поэтому здесь и было создано отдельное самостоятельное командование. Кроме того, в китайской литературе "Гуаньдун" - наименование достаточно неопределенного района к "западу от заставы", другими словами, это вся северная часть провинции Хэнань и даже далее к востоку. В данном случае (в сочетании с Шаньчжоу) более приемлемо толкование, приведенное выше.

⁷⁵⁴ **Телин** - горный хребет в западной части провинции Хэнань, примерно, в 75 км к юго-востоку от упоминавшейся не раз крепости Тунгуань, к северу от уездного г. Луша. Город *Луша*, упоминаемый в подстрочном примечании Г.М. Розова, находится на левом берегу р. Лошуй, в 50 км от границы с провинцией Шэньси.

⁷⁵⁵ **Субудай** - один из наиболее талантливых полководцев и верных сподвижников Чингисхана, принимал участие в завоевании русских княжеств и чжурчжэньского государства Цзинь. Под его командованием монгольские войска в 1233 г. взяли один из последних оплотов чжурчжэней - Южную столицу, т.е. г. Бяньцзинь (соврем. г. Кайфын).

⁷⁵⁶ **Янь-шэн-гун**. Здесь существенная неточность: это не название должности, а почетный титул, который присваивался прямым потомкам Конфуция, начиная с 1055 г., когда об этом впервые был составлен указ сунского императора. Титул на русский язык можно перевести так: "*гун, продолжатель рода великого мудреца*".

⁷⁵⁷ Здесь, конечно, говорить о метательных машинах. Порох для метания снарядов стал использоваться позднее, начиная с XIV в.

⁷⁵⁸ **Хулаогуань**. *Хулао* - название места в провинции Хэнань, в 27 км к западу от г. Чжэньчжоу, в районе современного уездного г. Жунъян. По преданию, здесь при династии Цинь находилась застава, от которой сохранилась только каменная стела с тремя иероглифами - *Ху - лао - гуань*.

⁷⁵⁹ **Чжоуское государство** - династия *Поздняя Чжоу* (951 - 960). **Чай Жун** (храмовое имя *Ши-цзун*) - второй император этой династии; царствовал с 954 по 959 гг.

⁷⁶⁰ **Сюань-гун** и **Чэн-гун** - двадцатый и двадцать первый правители царства Лу. По китайской традиционной историографии, в царстве Лу всего насчитывалось 34 правителя, сменявших один от другого.

⁷⁶¹ **Хуайхай**. Если принять во внимание, что базой Гао Ань-юна был довольно обширный район на стыке современных провинций Хэнань, Аньхой, Шаньдун и Цзянсу, то под топонимом *Хуайхай* в данном тексте подразумевается район к северу от р. Хуайхэ (*Хуай*), в районе ее нижнего течения, и далее на восток до моря (*хай*). Однако в литературе и справочниках указывается, что так называется район в нижнем течении р. Хуайхэ, почти совпадающий с территорией средневекового округа Янчжоу (см. прим. 276).

⁷⁶² **Сяпэй** - старое название современного уезда Пэйсянь в провинции Цзянсу, известное со времени династии Цинь (III век до н.э.). При чжурчжэнях в уездном г. Пэйсянь находилось управление округа Пэйчжоу (см. прим. 565).

⁷⁶³ **Баксань**. В китайском тексте это имя написано как *Боса* (*Байса*). Такая замена, по-видимому, не случайна. В последней четверти XVIII в., по указу маньчжурского императора Цяньлуна, была предпринята попытка "исправить" все не китайские слова, встречающиеся в текстах династийных хроник киданей, чжурчжэней и монголов. Это "исправление" вылилось в еще большее искажение слов, уже достаточно искаженных китайской иероглифической транскрипцией. Созданный для этой цели коллектив занялся подгонкой слов (в основном, имен собственных) под нормы современного им маньчжурского, монгольского, солонского и некоторых других (редко) языков. "Труды" этой комиссии были опубликованы. В них указывается, что *Баксань* является правильным написанием имени *Боса* (*Байса*). Таким образом, имя *Баксань* надо рассматривать как маньчжуризированный вариант чжурчжэньского имени *Боса*, известного только в китайской транскрипции. (Аналогичный случай уже отмечался в примечании 610.) Составители маньчжурского варианта недостаточно внимательно относились к написанию имен. Так, фамилия упомянутого ниже генерала *Тукиань Бэя* встречалась десятки раз в форме *Туиань*, что соответствует китайской транскрипции в "Цзинь ши". В "Трудах" упомянутой выше комиссии маньчжуризированная форма родо-племенного наименования *туиань* зарегистрирована как "*тукань*"!

⁷⁶⁴ Здесь неточность. Надо: "*...Пуца Гуаньну с отрядом армии чжунсяоцзунь (преданная престолу и сынопочтительная армия) в тысячу человек и... Гао Сянь, и... Няньгэ Яочжоу во главе десяти тысячного войска выступили в качестве арьергарда*".

⁷⁶⁵ **Цинчжоу**. В китайском тексте указан город *Цинчэн* (см. прим. 255). Конечно, императрицы и прочие родственники, находившиеся в столице Бяньцзинь, были прежде всего отправлены в

расположенный недалеко городок Цинчэн. Здесь должна была находиться ставка монгольского главнокомандующего. Их незачем было везти в провинцию Шаньдун, в состав которой входил округ Цинчжоу.

⁷⁶⁶ **Линцзяо** - водяное растение. В отечественной литературе оно именуется "водяной орех" - *Trapa* (возможно, *Trapa nataus*). В китайской научной литературе оно чаще называется *ци*. В китайском тексте стоит иероглиф "цы", а не "ци", как отмечено в примечании Г.М. Розова к переводу с маньчжурского языка. **Цы** - гигантская кувшинка *Eureale ferox*. Плоды этих двух растений съедобны, а у гигантской кувшинки употребляются в пищу еще и корневища. Однако плоды и корневища линцзяо и цы в пищевом рационе китайцев большого значения никогда не имели.

⁷⁶⁷ Река **И** (*Ишуй*, *Ихэ*) берет начало в горах центральной части провинции Шаньдун, затем течет в южном направлении, а на территории уезда Пэйсянь (современная провинция Цзянсу) впадает в р. Сышуй.

⁷⁶⁸ Это место должно быть изложено так: "*на севере его охраняют округа Цзычжоу и Цичжоу*". Округ **Цичжоу** существовал при династии Тан. При династии Сун он был реорганизован в округ первого класса *Цзи'наньфу*. Возможно, при чжурчжэнях он также назывался Цзи'наньфу. Округ **Цзычжоу** упоминался выше (см. прим. 269).

⁷⁶⁹ **Тачар** (*Тацир*) (? - 1238) - крупный монгольский военачальник; сподвижник Чингисхана, один из четырех его выдающихся генералов. Он принимал участие в борьбе с чжурчжэнями, а затем воевал с сунцами. Упоминается в "Цзинь ши" и "Сун ши" под вторым именем *Бэньчжань*. В хронике монгольской династии Юань известен под именем *Тачар*. (Относительно появления здесь варианта Тацир см. прим. 763.)

⁷⁷⁰ **Ли-цзун** - храмовое имя *Гао Юня*, четырнадцатого императора династии Сун, правившего с 1224 по 1264 гг.

⁷⁷¹ **Южная армия** - армия южносунского государства. **Северная армия** - монгольская армия.

⁷⁷² Река **Жухэ** (*Жушуй*) берет начало в северных отрогах хребта Хуайяньшань, течет в восточном, а затем в юго-западном направлении и впадает в р. Хуанхэ (левый приток).

⁷⁷³ **Ваньянь Чэн-линь** - последний, десятый император чжурчжэней; известен в литературе под именем *Мо-ди* ("последний император").

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А АН СССР - Архив Академии наук СССР

АВПР - Архив внешней политики России

БИЛ - Библиотека исторической литературы

ГПБ - Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Шедрина (Санкт-Петербург)

РОГБЛ - Русский отдел Государственной библиотеки им. В.И. Ленина

СА - Советская археология

ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов

ЦГА КНР - Центральный государственный архив Китайской Народной Республики

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА (В.Е. Ларичев)	5
FROM THE EDITOR	10
编 者 的 话	15
編輯者로 부터	21
РУССКИЙ МАНЬЧЖУРОВЕД Г.М. РОЗОВ (В.С. Мясников)	28
КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ (В.Е. Ларичев)	34
ИСТОРИЯ ДОМА ЦЗИНЬ, ЦАРСТВОВАВШЕГО В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КИТАЯ С 1114 ПО 1233 ГОДЫ	88
I. ИМПЕРАТОР ТАЙ-ЦЗУ	96
II. ИМПЕРАТОР ТАЙ-ЦЗУН	112
III. ИМПЕРАТОР СИ-ЦЗУН	127
IV. ИМПЕРАТОР ВАНЬЯНЬ ЛЯН	134
V. ИМПЕРАТОР ШИ-ЦЗУН	144
VI. ИМПЕРАТОР ЧЖАН-ЦЗУН	177
VII. ИМПЕРАТОР ВЭЙ-ШАО-ВАН	194
VIII. ИМПЕРАТОР СЮАНЬ-ЦЗУН	198
IX. ИМПЕРАТОР АЙ-ЦЗУН	218
КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ ЛЕТОПИСИ "ИСТОРИЯ ДОМА ЦЗИНЬ, ЦАРСТВОВАВШЕГО В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КИТАЯ С 1114 ПО 1233 ГОДЫ"	233
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	285

Научное издание

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ

Заставки выполнены художником *В.И. Жалковским*

Редактор *М.А. Коровушкина*
Технический редактор *М.С. Игнатов*

Подписано в печать 22.10.1998. Бумага офсетная. Формат 60х84/8. Офсетная печать. Усл. печ. л. 33,5.
Усл.-изд. л. 34. Тираж 1000. Заказ N 185. Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
Лицензия ЛР № 040755 от 12.04.96
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Типография РПО СО РАСХН.
633128, Новосибирская обл., р.п. Краснообск.